TARTU ÜLIKOOL · UNIVERSITAS TARTUENSIS · 1632

1900. Годъ 8.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 3.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1900.

1900. Годъ 8.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Юрьевъ, 2 мая 1900 г.

№ 829. Ректоръ: А. Будиловичъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

А.

Научный отдѣлъ.

	стр.
Проф. М. Е. Красноженъ. Отношеніе православной восточной Церкви къ лицамъ неправославнымъ	1— 48

Б.

Приложенія.

Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727) (Продолженіе)	353—448
Prof. Joh. Richard Mucke. Das historische Princip der Statistik gegenüber Georg von Mayr's Begriff der Statistik als Wissenschaft von den socialen Massen	1—134
Проф. А. А. Муратовъ. Клиническія лекціи по акушерству и гинекологіи. Выпускъ I	1—271

Отношеніе православной восточной Церкви къ лицамъ неправославнымъ.

„Есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора; и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привесть: и онѣ услышатъ голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь." Іоан. X, 16.

„Каѳолическая Церковь едина, неразлучна и нераздѣльна." Кипріанъ Карѳаг. (Ep. 65 ad Rogatianum).

А. Общія замѣчанія.

Единство Христовой Церкви сохранялось не долго [1]). Уже въ первые вѣка христіанства возникаютъ среди послѣдователей ученія Христова несогласія и появляются повреждающія чистоту этого ученія ереси [2]): объ еретикахъ упоминаетъ еще Ап. Павелъ [3]); „Правила св. Апостолъ"

---

1) Заблужденія существовали во всѣ времена Церкви, какъ неразлучныя не съ самымъ христіанствомъ, а съ падшей человѣческой природой, которая при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не вполнѣ покоряетъ себя игу Христову. Христіанское Чтеніе. 1864. VIII, стр. 450.

2) Въ появленіи ересей въ христіанской Церкви есть нѣкоторая послѣдовательность — именно нисхожденіе отъ общаго къ частному: сначала появляются вслѣдствіе смѣшенія христіанскаго ученія съ іудейскими и языческими воззрѣніями, привнесенными въ него, заблужденія относительно всей системы христіанскаго вѣроученія (іудействующіе и язычествующіе); затѣмъ, послѣ пораженія ихъ Церковью, являются уже ереси другого рода, возросшія исключительно на христіанской почвѣ и касающіяся отдѣльныхъ пунктовъ христіанства (антитринитаріи, аріане, несторіане, евтихіане и др.) С. Покровскій. Основныя законоположенія православной христіанской Церкви. Тула. 1890, стр. 94—95 примѣч.

3) *Еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся.* (Тит. 3, 10.)

содержатъ въ себѣ уже постановленія объ отношеніи къ нимъ православныхъ [1]), а св. Василій Вел. (пр. 1) и второй вселенскій Константинопольскій соб. 381 г. (пр. 7) приводятъ длинный рядъ сектъ, отступившихъ отъ православной Церкви, объясняя разные виды и степени отпаденія. Эти отпаденія и заблужденія съ каждымъ послѣдующимъ вѣкомъ становятся многочисленнѣе и разнообразнѣе.

Церковь не оставалась равнодушною свидѣтельницею этого печальнаго явленія. Когда возникало противное истинамъ христіанской вѣры ученіе, весь христіанскій міръ посылалъ своихъ представителей на торжественныя собранія, называемыя „вселенскими соборами“, на которыхъ эти уполномоченные послы за всю совокупность вѣрующихъ должны были дать непреложное свидѣтельство истиннаго ученія, сохраняющагося въ Церкви преемственно отъ Апостоловъ [2]), осудить ложное ученіе, несоотвѣтствующее требованіямъ св. Преданія, и такимъ образомъ возстановить миръ и единомысліе, нарушенные еретиками.

Нарушеніе церковнаго единства съ теченіемъ времени пошло, къ сожалѣнію, еще дальше: отъ единства церковной жизни отдѣляются уже не отдѣльныя группы лицъ, а цѣлыя области или епархіи. Такъ, недолго спустя послѣ Халкидонскаго собора, въ 453 году отдѣляется отъ единства церковнаго основанная св. Григоріемъ церковь армяно-грегоріанская; спустя нѣсколько вѣковъ происходитъ разрывъ между церквами восточною и западною или римско-католическою; далѣе, протестъ противъ злоупотребленій римско-католической церкви приводитъ къ отторженію отъ нея самой значительной части ея послѣдователей, составившихъ церковь еван-

---

1) Ап. пр. 45, 46, 65, 68.

2) „... Божіею благодатію опредѣляемъ: Хранити неприкосновенну нововведеніямъ и измѣненіямъ вѣру, преданную намъ отъ самовидцевъ и служителей Слова, Богоизбранныхъ Апостоловъ“ (Трулльскаго соб. пр. 1.) Правила св. вселенскихъ соборовъ съ толкованіями, изд. Москов. Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, стр. 271.

гелическо-лютеранскую; наконецъ, въ недавнее время, послѣ Ватиканскаго собора 1870 года, на которомъ провозглашенъ былъ новый догматъ папской непогрѣшимости, отъ церкви католической отдѣляются еще нѣкоторые члены ея, образовавшіе такъ наз. старокатолическія общества.

Уже съ момента отпаденія отъ единства православной Церкви нѣкоторыхъ ея членовъ и образованія неправославныхъ обществъ, естественно, долженъ былъ возникнуть вопросъ объ отношеніи православныхъ христіанъ къ этимъ обществамъ, какъ-то: объ общеніи съ ихъ послѣдователями, о способахъ обратнаго принятія этихъ послѣднихъ въ православную Церковь, въ случаѣ ихъ раскаянія и желанія присоединенія къ ней, о значеніи совершенныхъ въ этихъ обществахъ различныхъ религіозныхъ актовъ, изъ которыхъ наиболѣе важными въ церковно-юридическомъ отношеніи являются крещеніе, рукоположеніе и бракъ.

Б. Вопросъ о крещеніи, совершенномъ въ неправославныхъ обществахъ.

Церковныя правила, заключающія въ себѣ относящіяся сюда постановленія, различаютъ между неправославными, съ одной стороны, тѣхъ лицъ, которыя погрѣшаютъ относительно самыхъ догматовъ христіанской религіи, и съ другой, тѣхъ изъ нихъ, которыя, не нарушая догматовъ вѣры, содержатъ особое, несогласное съ Церковью, ученіе относительно церковнаго устройства и церковной дисциплины. Св. Василій Вел. въ своемъ 1-мъ правилѣ, на основаніи ученія *„Древнихъ Отцевъ“* (т. е., безъ сомнѣнія, мужей Апостольскихъ и учителей первыхъ трехъ вѣковъ)[1] всѣхъ неправославныхъ раздѣляетъ на три раз-

1) Арх. Іоаннъ. Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Вып. 2. СПБ. 1851, стр. 13—14.

ряда: на еретиковъ [1]), раскольниковъ и составляющихъ самочинныя сборища. Еретики суть тѣ, которые, подрывая самыя основанія вѣры, совершенно отчуждаютъ себя отъ Церкви [2]); раскольники — тѣ, которые заблуждаются въ частныхъ какихъ либо мнѣніяхъ (*δι' αἰτίας τινὰς ἐκκλησιαστικὰς*), или въ предметахъ, допускающихъ, (какъ говоритъ св. Василій Вел.) уврачеваніе (*ζητήματα ἰάσιμα*) [3]), т. е. въ такихъ, въ которыхъ заблужденіе не дѣлаетъ существеннаго вреда вѣрѣ и спасенію и легко можетъ быть исправлено [4]); кромѣ того, отъ раскольниковъ и еретиковъ св. Василій отличаетъ еще „самочинныя сборища“ (*παρασυναγωγαὶ*) [5]), составляемыя людьми не вѣрѣ, или ученію Церкви противящимися, а власти церковной непокорными и постановленій церковныхъ невыполняющими [6]): напр., когда бы священнослужитель, подвергшійся запрещенію священнодѣйствія за свои пороки, не уважившъ этого запрещенія, дерзнулъ въ какомъ либо мѣстѣ священнодѣйствовать и собралъ себѣ защитниковъ изъ подобныхъ себѣ людей, или когда бы народъ, отложившись отъ своихъ законныхъ пастырей, не хотѣлъ имѣть къ нимъ послушанія, а сталъ бы самъ себѣ избирать

---

1) Названіе ереси, говоритъ Тертуліанъ, происходитъ отъ греческаго слова, означающаго *выборъ* (*αἵρεσις*), потому что еретикъ дѣйствительно выбираетъ то ученіе, какое вымышляетъ. Христ. Чтеніе 1864. X. 131.

2) „Еретиками, говоритъ св. Василій В. (пр. 1.), назвали они (т. е. древніе Отцы) совершенно отторгшихся, и въ самой вѣрѣ отчуждившихся“. . . . „Ереси же суть, напримѣръ: Манихейская, Валентиніанская, Маркіонитская, и сихъ самыхъ Пепузіанъ. Ибо здѣсь есть явная разность въ самой вѣрѣ въ Бога“.

3) „Раскольниками (назвали древніе Отцы), раздѣлившихся въ мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ, и о вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе“. Св. Васил. В. пр. 1.

4) Арх. Іоаннъ. Вып. 2, стр. 14.

5) Славянская кормчая переводитъ это слово по своему: „*подцерковницы*, аще отлучившеся сами отъ соборныя Церкви и иную создавше особо собираются.“ Арх. Іоаннъ. Вып. 2, стр. 15, примѣч.

6) „Самочинными сборищами (назвали древніе Отцы), собранія, составляемыя непокорными пресвитерами, или Епископами, и ненаученнымъ народомъ.“ Св. Вас. В. пр. 1.

властей, или требовать поставленія другихъ, вмѣсто данныхъ ему высшею властью пастырей, что въ древнія времена нерѣдко случалось (Апост. 36; Антіох. 18; Лаод. 13) [1]). Правила слѣдующихъ соборовъ — Константинопольскаго второго вселенскаго (пр. 7-е) и Трулльскаго (пр. 95-е) — различаютъ уже только два рода неправославныхъ или, какъ называютъ ихъ правила, еретиковъ: одни изъ нихъ — схизматики (раскольники) — только повреждали, но не совсѣмъ отвергали основные догматы вѣры, и поэтому принимаемы были въ православную Церковь безъ повторенія крещенія; другіе — еретики въ собственномъ смыслѣ — совершенно уничтожали ихъ и поэтому, какъ язычники, оглашались и крестились.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію поставленнаго выше вопроса.

Общее основаніе церковныхъ постановленій о таинствѣ крещенія заключается въ словахъ самого Спасителя: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа* (Матѳ. 28, 19). Въ этихъ словахъ выражается и необходимость крещенія для всѣхъ обращающихся ко Христу, и право совершенія его, принадлежащее власти апостольской и сохраняющееся въ Церкви непрерывнымъ преемствомъ этой власти, и видимый образъ крещенія, погруженіе (*βαπτίζοντες*), и таинственная сила его, заключающаяся въ освятительномъ призываніи лицъ св. Троицы, и необходимое условіе къ правильному совершенію таинства, — раздѣльное призываніе всѣхъ трехъ Лицъ Божескихъ.

Апостолы, исполняя эту заповѣдь Спасителя, раскрыли ее и предали Церкви въ своихъ положительныхъ правилахъ (писанныхъ) и въ устныхъ преданіяхъ [2]).

Въ Апостольскихъ правилахъ содержатся слѣдующія постановленія относительно крещенія:

---

1) Арх. Іоаннъ. Вып. 2, стр. 14—15.
2) Православный Собесѣдникъ. 1859. Ч. I, стр. 3—4.

46. Епископа, или пресвитера, пріявшихъ крещеніе или жертву еретиковъ, извергати повелѣваемъ. . . .

47. Епископъ, или пресвитеръ, аще по истинѣ имѣющаго крещеніе вновь окреститъ, или аще отъ нечестивыхъ оскверненнаго не окреститъ: да будетъ изверженъ, яко посмѣвающійся Кресту и смерти Господней, и не различающій священниковъ отъ лжесвященниковъ.

49. Аще кто, Епископъ, или пресвитеръ, креститъ не по Господню учрежденію, во Отца и Сына и Святаго Духа, но въ трехъ безначальныхъ, или въ трехъ сыновъ, или въ трехъ утѣшителей: да будетъ изверженъ.

50. Аще кто, Епископъ, или пресвитеръ, совершитъ не три погруженія единаго тайнодѣйствія, но едино погруженіе, даемое въ смерть Господню, да будетъ изверженъ. . . .

Первыя два правила, говоритъ арх. Іоаннъ [1]), вполнѣ обнимаютъ и рѣшаютъ вопросъ о крещеніи. Они вообще запрещаютъ *принимать крещеніе еретиковъ,* такъ какъ и Евхаристію (*θυσία*) и всякое другое ихъ священнодѣйствіе: но вмѣстѣ съ тѣмъ — запрещаютъ вновь крестить всякаго, *по истинѣ имѣющаго крещеніе* (*τὸ κατ᾽ ἀλήθειαν βάπτισμα*), т. е. правильно окрещеннаго [2]). Такимъ образомъ, общая мысль правилъ есть та, что крещеніе, по существу своему, какъ таинство благодати, вообще не повторяемо, и слѣдовательно, если совершено правильно — и по существу его, и по внѣшнему образу, однимъ словомъ, по изначальному установленію, то оно не повторяется и надъ приходящими

1) Вып. I., стр. 193—194.

2) Въ 59-мъ (по Книгѣ правилъ) правилѣ Карѳаг. соб., между прочимъ, читаемъ: . . . „не позволительно быти перекрещиванію“ . . .

къ Церкви отъ ересей . . . Ибо мы исповѣдуемъ *едино крещеніе.* Напротивъ, неправильно совершенное, или поврежденное (*μεμολυσμένον*) крещеніе не должно быть принимаемо, какъ не имѣющее силы таинства, и, по выраженію Апостольскаго правила, служащее только *къ посмѣянію креста Христова* (*ὡς γελῶν τὸν σταυρὸν Χριστοῦ*).

Какое же крещеніе правильно и какое нѣтъ?

Отвѣтъ на это даютъ 49-е и 50-е Апостольскія правила. Крещеніе правильно, во 1-хъ, когда оно совершается *во имя Отца и Сына и Святаго Духа.* Это, какъ мы видѣли[1]), положительная заповѣдь Спасителя относительно формы таинства крещенія. Посему неправильна по существу своему всякая другая форма крещенія, какъ то: крещеніе не во имя Отца и Сына и Святаго Духа, но въ трехъ безначальныхъ (отцовъ), въ трехъ сыновъ, или трехъ утѣшителей; неправильно крещеніе и въ смерть Христову[2]). Крещеніе правильно, во 2-хъ, когда оно совершается чрезъ троекратное погруженіе крещаемаго въ воду; поэтому крещеніе не съ троекратнымъ, а съ однимъ погруженіемъ, какъ бы во имя одного лица, является неправильнымъ „по образу, или по самой формѣ совершенія[3])“.

---

1) См. выше, стр. 5.

2) Напр., разнаго рода гностики, прискилліане и др., которые, допуская требожіе, и даже три Троицы, крестили поэтому въ трехъ безначальныхъ, въ трехъ сыновъ и въ трехъ утѣшителей. Iren. Haer. et al. vd. apud Binghamum. Orig. Eccl. lib. 10 cap. 2. Крещеніе, съ однимъ погруженіемъ, въ смерть Христову, приписывается евноміанамъ (Sozom. lib. 6. cap. 28); но вѣроятно оно было и у другихъ еретиковъ прежде Евномія: ибо такое крещеніе обличалъ уже Оригенъ. Comment. ad Rom. cap. 6. Арх. Іоаннъ. Вып. 1., стр. 197 прим.

3) Арх. Іоаннъ. Вып. 1.. стр. 197. Съ этой стороны, говоритъ арх. Іоаннъ, Апостольскос правило (50), служитъ къ явному обличенію и западной церкви, произвольно измѣнившей у себя образъ крещенія. Ибо правило ясно говоритъ о *погруженіи* (*βάπτισμα*) въ таинствѣ крещенія, а не обливаніи, принятомъ на Западѣ; какъ и вся исторія дѣяній Апостольскихъ показываетъ, что сами Апостолы, по примѣру Іисуса Христа, крестившагося погруженіемъ въ Іорданѣ, крестили вѣрующихъ чрезъ погруженіе, а не обливаніемъ. (Дѣян. 2: 41. 8: 38. и пр.). Были, правда, въ

Извѣстно, что еще въ первые вѣка христіанства были продолжительныя разсужденія и несогласія относительно крещенія, совершаемаго еретиками. Въ то время, какъ въ однѣхъ церквахъ (напр. въ римской) еретиковъ *не перекрещивали*, если крещеніе, хотя совершенное и въ еретическихъ обществахъ, было правильно[2]); въ другихъ (напр.

первые вѣка случаи крещенія чрезъ обливаніе; но только въ такихъ обстоятельствахъ, когда не было возможности совершить погруженія, — именно, когда крещеніе совершалось въ тяжкой болѣзни вѣрующаго, или предъ его кончиною (крещенные такимъ образомъ отличались особымъ названіемъ: *κλινικὸς*, отъ слова *κλινὴ* — ложе, одръ, такъ какъ они крестились на одрѣ обливаніемъ, не имѣя силъ погрузиться въ купели). Но какъ мало такой образъ крещенія былъ допускаемъ, и какъ далека была Церковь вводить его во всеобщее употребленіе, (хотя и не оспаривала въ немъ силы истиннаго таинства), видно изъ того, что крещенные обливаніемъ обыкновенно не были принимаемы въ клиръ церковный, такъ какъ обстоятельства, при которыхъ допускался такой образъ крещенія, (т. е. крайняя нужда и поспѣшность его допущенія) заставляли опасаться несовершенства вѣры такимъ образомъ крещенныхъ. На каноническомъ языкѣ древней каѳолической Церкви, въ правилахъ соборныхъ и отеческихъ, нѣтъ и слова для означенія таинства крещенія *обливаніемъ*: оно постоянно означается словомъ: *погруженіе* (*βάπτισμα*, *βάπτισμος*, *βαπτίζω*). Арх. Іоаннъ. Вып. 1., стр. 197—198 и прим. къ стр. 198.

Писатели западной церкви сами сознаются, что первоначальный, апостольскій и всеобщій образъ крещенія есть троекратное погруженіе: но въ оправданіе своихъ обычаевъ представляютъ причины времени, будто бы требующія перемѣнъ въ древнихъ обычаяхъ, причины однакожъ странныя и неумѣстныя. Такъ, одинъ писатель говоритъ: ritus baptizandi antiquissimus et communis erat per trinam immersionem, quam indicunt apostoli, quia immersio plus habebat mysterii ob Dominicae mortis, sepulturae et ressurectionis conformitatem, neque adhibebatur infusionis ritus, nisi erga periculose aegrotantes. Nunc vero maior habetur incommodorum corporis atque puderis ratio simulque amorendarum tentationis illecebrarum. . . Cabassut. synops. concil. tom. 3. pag. 331. Paris 1838. Но еще въ VI в. папа Григорій Вел. въ своемъ чинопослѣдованіи крещенія установлялъ, чтобы крещеніе самыхъ младенцевъ было совершаемо не иначе, какъ погруженіемъ. S. Gregor. Sacrament. de bapt. infant. Крещеніе чрезъ обливаніе, употребляемое западною церковію, есть уже позднѣйшее нововведеніе, не ранѣе XIV столѣтія. Правосл. Собесѣд. 1859. Ч. I, стр. 7—8.

Русскій митрополитъ Кириллъ (XIII в.) тоже осуждалъ обливаніе при крещеніи, говоря, что оно беззаконно, и что крестимый долженъ быть всегда погружаемъ въ сосудѣ особенномъ. Карамзинъ. Исторія государства россійскаго. СПБ. 1819, изд. 2-ое. Т. IV, стр. 125.

2) Принятіе ихъ происходило чрезъ возложеніе рукъ, или чрезъ муропомазаніе. Еп. Сергій. О правилахъ и чинопослѣдованіяхъ принятія

въ церквахъ африканскихъ и малоазіатскихъ) держались совершенно противоположнаго взгляда и принимали въ православную Церковь всѣхъ неиравославныхъ *грезъ крещеніе.* Это несогласіе вызвало было даже открытый споръ; именно, въ половинѣ III вѣка римскій епископъ Стефанъ грозилъ церквамъ восточнымъ и африканскимъ даже прекращеніемъ общенія, а епископу карѳагенскому св. Кипріану [1]) отлученіемъ, если они останутся при своихъ мнѣніяхъ и опредѣленіяхъ и не согласятся, подобно римской церкви, присоединять еретиковъ къ православной Церкви чрезъ одно возложеніе рукъ, и только удержанъ былъ св. Діонисіемъ александрійскимъ, который хотя держался и одинаковаго съ церковью римскою взгляда на этотъ предметъ, но убѣдилъ Стефана не нарушать мира въ Церкви, *предоставивъ каждой церкви дѣйствовать сообразно съ своимъ преданіемъ* [2]).

Разница во взглядахъ, не смотря на неоднократно составлявшіеся соборы, продолжала существовать до IV вѣка [3]), когда на вселенскихъ соборахъ — Никейскомъ первомъ (пр. 19) и Константинопольскомъ второмъ (пр. 7) — установ-

---

неправославныхъ христіанъ въ православную Церковь. Вятка. 1894., стр. 26—27.

1) Св. Кипріанъ карѳагенскій, и съ нимъ другіе африканскіе епископы, также нѣкоторые изъ восточныхъ, напротивъ, полагали, что крещенія, совершаемаго еретиками, признавать не должно, и потому, при обращеніи ихъ къ православной Церкви, снова нужно крестить ихъ.

2) Тамъ же, стр. 15—26.

3) На вопросъ о томъ, должно ли крестить наватіанъ, которые именовали себя каѳарами (чистыми), Св. Василій В. (прав. 1.) писалъ Амфилохію, епископу Иконійскому: „. . .Относительно вопроса о Каѳарахъ, и речено прежде, и ты благоразсудительно упомянулъ, *яко подобаетъ послѣдовати обычаю каждыя страны,* потому что о ихъ крещеніи различно думали, разсуждавшіе о семъ предметѣ въ свое время“ . . . . . — Болѣе общимъ убѣжденіемъ и къ концу III вѣка правиломъ было только то, чтобы не перекрещивать тѣхъ неправославныхъ, при обращеніи ихъ къ православной Церкви, которые, прежде своего отпаденія отъ Церкви, крещены были въ православной Церкви православнымъ епископомъ или пресвитеромъ. Еп. Сергій. О правилахъ и т. д., стр. 27.

лены были общія правила, какихъ еретиковъ, при принятіи въ церковь, должно перекрещивать, и какихъ нѣтъ, принимая ихъ или чрезъ мѵропомазаніе, или даже только чрезъ покаяніе и возложеніе рукъ. Наконецъ, въ VII вѣкѣ, изданное вселенскимъ Трулльскимъ соборомъ (692 г.) правило (95-е), объединивъ собою всѣ ранѣе изданныя постановленія, сдѣлалось рѣшительнымъ для вопроса о принятіи неправославныхъ и руководительнымъ на послѣдующія времена[1]).

Правило это гласитъ:

„Присоединяющихся къ православію и къ части спасаемыхъ изъ еретиковъ, пріемлемъ, по слѣдующему чиноположенію и обычаю. Аріанъ, Македоніанъ, Наватіанъ, именующихъ себя чистыми и лучшими, Четыренадесятниковъ, или Тетрадитовъ, и Аполинаристовъ, когда они даютъ рукописанія и проклинаютъ всякую ересь, не мудрствующую, какъ мудрствуетъ святая Божія Каѳолическая и Апостольская Церковь, пріемлемъ, запечатлѣвая, то есть, помазуя святымъ мѵромъ во первыхъ чело, потомъ очи, и ноздри, и уши, и запечатлѣвая ихъ глаголемъ: Печать дара Духа Святаго. А о бывшихъ Павліанами, потомъ къ Каѳолической Церкви прибѣгшихъ, постановлено: перекрещивати ихъ непремѣнно. Евноміанъ же, единократнымъ погруженіемъ крещающихся, и Монтанистовъ, именуемыхъ здѣсь Фригами, и Савелліанъ, держащихся мнѣнія о сыноотечествѣ, и иное нетерпимое творящихъ, и всѣхъ прочихъ еретиковъ, (ибо много здѣсь таковыхъ, наипаче выходящихъ изъ Галатскія страны): всѣхъ, которые изъ нихъ желаютъ присоединены быти къ право-

1) Тамъ же, стр. 87.

славію, пріемлемъ, якоже язычниковъ. Въ первый день дѣлаемъ ихъ Христіанами, во второй оглашенными, потомъ въ третій заклинаемъ ихъ, съ троекратнымъ дуновеніемъ въ лице, и во уши: и тако оглашаемъ ихъ, и заставляемъ пребывати въ Церкви, и слушати писанія, и тогда уже крещаемъ ихъ. Такожде и Манихеевъ, Валентиніанъ, Марконитовъ и имъ подобныхъ еретиковъ. Несторіане же должны творити рукописанія и предавати анаѳемѣ ересь свою, и Несторіа, и Евтихіа, и Діоскора, и Севира, и прочихъ начальниковъ таковыхъ ересей, и ихъ единомышленниковъ, и всѣ вышепоказанныя ереси: и потомъ да пріемлютъ святое причащеніе."

Здѣсь повторяются правила: 8-е и 19-е Никейскаго перваго всел. собора и 7-е Константинопольскаго второго вселенск. [1]). Единообразіе, установленное этимъ правиломъ,

---

1) Въ 8-мъ правилѣ 1-го всел. соб. читаемъ: „О именовавшихъ нѣкогда самихъ себе Чистыми, но присоединяющихся къ Каѳолической и Апостольской Церкви, благоугодно святому и великому Собору, да, по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клирѣ. Прежде же всего надлежитъ имъ писменно исповѣдати, яко прилѣпятся и послѣдовати будутъ опредѣленіямъ Каѳолическія и Апостольскія Церкви, то есть, будутъ въ общеніи Церковномъ и съ двоеженцами, и съ падшими во время гоненія, для которыхъ и время покаянія уставлено, и срокъ прощенія назначенъ. Надобно, что бы они во всемъ послѣдовали опредѣленіямъ Каѳолическія Церкви" . . .

Въ 19-мъ правилѣ того же соб.: „О бывшихъ Павліанами, но потомъ прибѣгнувшихъ къ Каѳолической Церкви, постановляется опредѣленіе, что бы они всѣ вообще вновь крестимы были" . . .

7-е правило Констант. 2-го всел. соб. читается такъ: „Присоединяющихся къ Православію, и къ части спасаемыхъ изъ Еретиковъ пріемлемъ, по слѣдующему чиноположенію и обычаю. Аріанъ, Македоніанъ, Савватіанъ и Наватіанъ, именующихъ себя чистыми и лучшими, четыренадесятидневниковъ, или тетрадитовъ, и Аполинаристовъ, когда они даютъ рукописанія и проклинаютъ всякую ересь, не мудрствующую, какъ мудрствуетъ святая Божія Каѳолическая и Апостольская Церковь, пріемлемъ, запечатлѣвая, то есть помазуя святымъ муромъ во первыхъ чело, потомъ

состоитъ въ томъ, что чрезъ крещеніе опредѣлялось присоединять только такихъ неправославныхъ, какъ Монтанисты, Маркіониты, Валентиніане, Павлиніане, Евноміане и Савелліане, то есть еретиковъ, существенно искажающихъ основные догматы вѣры и не имѣющихъ у себя таинства крещенія, или совершающихъ оное неправильно, не по Господню учрежденію; безъ крещенія же, чрезъ мvропомазаніе, или покаяніе — такихъ неправославныхъ, какъ Аріане, Македоніане, Новатіане, Мелетіане и имъ подобные, то есть, или еретиковъ, заблуждавшихъ въ ученіи объ одномъ какомъ либо догматѣ вѣры, но крещеніе совершавшихъ правильно, съ произношеніемъ богоустановленныхъ словъ, или — раскольниковъ, заблуждавшихъ въ ученіи объ обрядовой сторонѣ религіи, содержащихъ таинства и крещеніе совершавшихъ правильно [1]). Порядокъ присоединенія ихъ къ Церкви, опредѣленный правиломъ Собора, былъ слѣдующій: въ первый день, (по рѣшительномъ обращеніи ихъ къ православной вѣрѣ и по дознаніи его искренности и твердости), правило повелѣваетъ дѣлать ихъ *Христіанами* (*ποιεῖν Χριστιανοὺς*), т. е. ввести ихъ въ общество православно-вѣрующихъ, и съ молитвою, крестнымъ знаменіемъ и возложеніемъ рукъ открыть имъ входъ въ Церковь; во вторый причислить ихъ къ оглашеннымъ, и начать оглашеніе въ

очи, и ноздри, и уста, и уши, и запечатлѣвая ихъ глаголемъ: Печать дара Духа Святаго. Евноміанъ же, единократнымъ погруженіемъ крещающихся, и Монтанистовъ, именуемыхъ здѣсь Фригами, и Савелліанъ, держащихся мнѣнія о сыноотечествѣ, и иное нетерпимое творящихъ, и всѣхъ прочихъ еретиковъ, (ибо много здѣсь таковыхъ, наипаче выходящихъ изъ Галатскія страны), всѣхъ, которые изъ нихъ желаютъ присоединены быти къ православію, пріемлемъ, якоже язычниковъ. Въ первый день дѣлаемъ ихъ Христіанами, во вторый оглашенными, потомъ въ третій заклинаемъ ихъ, съ троекратнымъ дуновеніемъ въ лице, и во уши: и тако оглашаемъ ихъ, и заставляемъ пребывати въ церкви, и слушати Писанія, и тогда уже крещаемъ ихъ."

Кромѣ выше приведенныхъ правилъ, постановленія о способѣ принятія неправославныхъ содержатся въ правилахъ Лаод. соб. 8, Карѳаг. (по Книгѣ правилъ) 57, св. Василія В. 1, 47.

1) Еп. Сергій, тамъ же, стр. 87.

вѣрѣ, въ третій — совершать надъ ними установленныя въ Церкви заклинанія (ἐξορκίζειν), т. е. отгнаніе отъ нихъ, (отъ ихъ помысловъ, сердца, жизни), духа нечистаго и его злобныхъ и губительныхъ дѣйствій, также и отрицаніе ихъ самихъ отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Послѣ сего должно было продолжаться приготовленіе ихъ къ св. крещенію, молитвою, хожденіемъ въ Церковь и присутствіемъ при литургіи оглашенныхъ, изученіемъ вѣры, и такъ далѣе [1]).

Со времени отдѣленія западной церкви отъ восточной, возникъ вопросъ о способѣ принятія христіанъ римской церкви. Какъ же этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ?

Свидѣтельства объ этомъ для первыхъ двухъ вѣковъ, по отдѣленіи латинянъ отъ греко-восточной церкви, весьма скудны и противорѣчивы.

Кардиналъ Гумбертъ, одинъ изъ пословъ, отправленныхъ папою Львомъ IX въ Константинополь, съ цѣлью примиренія церквей, въ своемъ сочиненіи на защиту римской церкви, между прочимъ, порицалъ Грековъ и за то, что они во второй разъ крестятъ уже крещенныхъ во имя Святыя Троицы, наипаче Латинянъ (Baron. annal. 1054). Подобное свидѣтельство находимъ въ XIII вѣкѣ въ дѣяніяхъ западнаго собора IV Латеранскаго (1215 г.), на которомъ постановлено было, чтобы Греки „не дерзали перекрещивать приходящихъ въ общеніе съ ними Латинянъ, какъ они дѣлаютъ это, а равно — что бы того же правила держались и латинскіе священники на Востокѣ“. (Zabbei consilior. T. XI. p. 1. Consil. Lateran. IV. Capit. IV. p. 152—153. edi. Paris.).

Но другія данныя, относящіяся къ тому же времени, не согласны съ указанными латинскими свидѣтельствами. Такъ, въ XII вѣкѣ знаменитому толкователю церковныхъ правилъ патріарху Вальсамону предложенъ былъ александрійскимъ патріархомъ Маркомъ вопросъ объ образѣ при-

1) Арх. Іоаннъ, Вып. 1, стр. 513—514.

нятія латинскихъ плѣнниковъ, и Вальсамонъ отвѣтилъ, что они, *по оглашеніи,* должны быть принимаемы въ общеніе [1]). Послѣдній образъ принятія римскихъ католиковъ въ православную Церковь (чрезъ мvропомазаніе) подтверждается еще практикою церкви сербской: такъ принялъ въ XIII вѣкѣ въ общеніе съ православною Церковью сербскій архіепископъ Савва зараженныхъ ересью Павликіанъ, *крещенныхъ по обрядамъ римской церкви,* а въ сербскомъ требникѣ XV вѣка находится и самый чинъ присоединенія Латинянъ *чрезъ мvропомазаніе* (см. Рукопись Москов. Cvнод. библ. № 324, по прежн. катол. л. 26 обор. [2]).

Особенно важныя и ясныя свидѣтельства о принятіи римскихъ католиковъ въ Церкви восточной безъ крещенія находимъ мы въ XV вѣкѣ у Св. Марка, митрополита Ефесскаго, извѣстнаго поборника православной вѣры на соборѣ Флорентинскомъ (1439 г.), у Cvмеона Солунскаго и въ дѣяніяхъ собора Константинопольскаго 1484 года. Въ своемъ окружномъ посланіи, писанномъ вскорѣ послѣ Флорентинскаго собора, Св. Маркъ, между прочимъ, говорилъ: „мы оставили ихъ (Латинянъ), какъ еретиковъ, и отдѣлились

1) Вопросъ: „Латинскіе плѣнники и другіе приходятъ въ нашу каѳолическую церковь и ищутъ быть пріобщенными къ нашимъ божественнымъ святынямъ. Желаемъ знать, можетъ ли это быть допущено?“ Отвѣтъ: „кто не со Мною; тотъ противъ Меня, и кто собираетъ со Мною, расточаетъ“. . . Изложивъ затѣмъ отвѣтъ Вальсамона, по которому ищущій „пріобщенія къ божественнымъ святынямъ“ въ православной церкви долженъ быть оглашенъ (*κατηχηθῇ*), Св. Маркъ, митрополитъ Ефесскій, присовокупляетъ: „вы слышите, что они (Латины) должны быть оглашены согласно святымъ канонамъ (*κατὰ κανόνας*) и сдѣлаться православными. Если они должны быть оглашены, то они также *должны быть мvропомазаны.* (Посланіе Св. Марка напечатано въ рус. перев. вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ въ Христ. Чтеніи 1860 г. Апрѣль, стр. 9—31.). — Выраженіе Вальсамона: *по оглашеніи* (съ подлинника „присоединяемый“ долженъ быть *κατηχηθῇ*) не означаетъ оглашенія передъ крещеніемъ и не указываетъ на крещеніе оглашеннаго, такъ какъ а) самъ Вальсамонъ собственно о крещеніи не говоритъ ни слова, б) и св. Маркъ, митрополитъ Ефесскій, въ своемъ окружномъ посланіи послѣ Флорентинскаго собора объяснялъ отвѣтъ Вальсамона не въ смыслѣ крещенія, а въ смыслѣ мvропомазанія. Еп. Сергій, тамъ же, стр. 89—92.

2) Тамъ же стр. 90—91 и прим. на стр. 91.

отъ нихъ. И почему такъ? Благочестивыя постановленія гласятъ: еретиками называются и подвергаются законамъ противъ еретиковъ также и тѣ, которые въ маломъ отступаютъ отъ правовѣрія. Если бы Латины ни въ чемъ не отсупали отъ правовѣрія, то мы не имѣли бы основанія отдѣлиться отъ нихъ; если же они совершенно отступили отъ онаго, а именно въ исповѣданіи о Св. Духѣ, чрезъ самое опасное и богохульное нововведеніе, — то они сдѣлались еретиками, и мы отдѣлили ихъ отъ себя, какъ еретиковъ. *И отъ чего мы помазуемъ мѵромъ присоединяющихся отъ нихъ къ намъ?* Разумѣется отъ того, что они еретики [1])".

Въ послѣдней половинѣ XV вѣка, при патріархѣ Сѵмеонѣ трапезунтскомъ (во второе его правленіе 1477—1479 г.), составленъ былъ и особый чинъ присоединенія римскихъ католиковъ, именно — чрезъ мѵропомазаніе, послѣ отреченія обращающагося отъ латинскихъ заблужденій. Этотъ чинъ разсмотрѣнъ и одобренъ былъ на соборѣ Константинопольскомъ въ 1484 году [2]).

Принятіе въ православную церковь, безъ крещенія, *чрезъ мѵропомазаніе* римскихъ католиковъ и, явившихся въ XVI вѣкѣ, лютеранъ было обыкновеннымъ способомъ и въ послѣдующее время — въ XVI, XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Доказательствомъ того служатъ:

1. Отвѣтъ Сѵмеона Солунскаго (XVI в.) на вопросъ одного епископа: „отъ чего обращающійся отъ отступничества только помазуется мѵромъ, а не перекрещивается?" На этотъ вопросъ Сѵмеонъ отвѣчалъ: „отъ того, что крещеніе сообщаетъ человѣку бытіе о Христѣ, а мѵро — жизнь, согласную съ волею Христа, дыханіе, святыню и запечатлѣніе. . . . Въ крещеніи получаютъ (люди) благодать воскресенія Христова и нетлѣнія и облекаются

1) Тамъ же, стр. 91—92
2) Тамъ же, стр. 93.

во Христа, а въ мvропомазаніи получаютъ Его освященіе и печать Духа. . . . Божественную печать и освященіе, которымъ онъ (обращающійся отступникъ) злоупотребилъ, мы обновляемъ опять божественнымъ мvромъ, обновляясь въ немъ сами.“

2. Грамота антіохійскаго патріарха Макарія къ патріарху Никону, писанная въ 1697 году, въ которой, между прочимъ, говорится: „вси видятъ и познаютъ латины схизматики токмо. Схизма же не творитъ невѣрна и не крещенна, точію творитъ отлученна отъ церкви и вкупѣ собраній. Тѣмже всеосвященнѣйшій Марко Ефесскій, сопротивникъ латиномъ никогда рече латиномъ, яко имутъ перекращиватися, вмѣняя и утверждая крещеніе ихъ правильнѣ, понеже бываетъ по чину церкве нашея призываніемъ Святыя Троицы. Аще же и восхощемъ отлучити толикихъ отъ христіанства, во многое впадаемъ тѣсномѣщеніе, и зѣло умаляемъ стадо Христово, еже есть и внѣ отъ духовнаго устроенія и сошествія (снисхожденія?), иже отверзаетъ милосердіе всѣмъ, и пріеметъ возвращающихся въ покаяніи, яко и наши согрѣшающіе пріемлетъ, егда возвращаются на покаяніе.“

3. О такомъ же способѣ принятія Латинянъ въ православную Церковь (въ XVII в. и въ началѣ XVIII в.), т. е. безъ крещенія, можно заключать изъ дѣяній Московскаго собора 1667 г. (на которомъ присутствовали и восточные патріархи), *отмѣнившаго перекрещиваніе Латинянъ*, бывшее на Руси съ 1620 года.

4. Доказательствомъ тому служитъ посланіе восточныхъ патріарховъ свѧтѣйшему всероссійскому Сvноду отъ 1723 г. съ изложеніемъ православнаго исповѣданія восточныя каѳолическія Церкви, въ 16-мъ членѣ котораго сказано: крещеніе полагаетъ неизгладимую печать. *Ибо не возможно перекрещиваться правильно однажды окрестившемуся, хотя бы онъ послѣ сего надѣлалъ тысячу грѣховъ, или даже отвергся самой вѣры. Желающій обратиться ко Господу*

воспринимаетъ потерянное сыноположеніе посредствомъ таинства покаянія.“ Правильно окрестившимися патріархи называютъ того, кто крещенъ во *имя Святыя Троицы* (тотъ же чл. 16.). Что они не исключали изъ числа *правильно окрещенныхъ* римскихъ католиковъ и даже протестантовъ, видно уже изъ того, что ихъ „изложеніе вѣры“ первоначально назначалось для британцевъ, совершавшихъ крещеніе по обрядамъ римской церкви [1]).

5. Особенно яснымъ доказательствомъ — является грамота патріарха Іереміи Константинопольскаго (главнаго участника въ сношеніяхъ съ британцами и русскимъ Сѵнодомъ), писанная имъ еще въ 1718 году Императору Петру I въ отвѣтъ на вопросъ о принятіи въ православную Церковь лютеранъ. Въ этой грамотѣ патр. Іеремія, между прочимъ, пишетъ, что вопросъ о томъ, „надлежитъ ли лютеранъ перекрещивать, или только чрезъ божественное мѵро сопричислять къ сынамъ и наслѣдникамъ горняго царствія“, разсмотрѣнъ и тщательно изслѣдованъ былъ еще на соборѣ Константинопольскомъ 1708 г., при блаженной памяти патріархѣ Кипріанѣ, когда и „опредѣлено было, по уложенію священныхъ правилъ, что только чрезъ божественное мѵро ихъ должно усовершенствовать, и никакъ не перекрещивать, когда приступятъ добровольно къ свѣту православнаго служенія, проклявъ прежде отеческія странныя ихъ преданія и нелѣпыя ихъ мудрованія, да исповѣдуютъ чистосердечно все то, чему духовнѣ учитъ и проповѣдуетъ каѳолическая и апостольская восточная Церковь.“ „Понеже“, продолжаетъ патр. Іеремія, „таково было мнѣніе о семъ онаго славнаго въ то время патріарха и бывшихъ при немъ святыхъ архіе-

1) Это „изложеніе вѣры“ было копіею посланнаго уже британскимъ епископамъ и составлено, по тщательномъ изслѣдованіи на соборѣ давно бывшемъ (именно въ 1672 году по Р. Х.), именуемомъ Іерусалимскимъ, и напечатано было впослѣдствіи на греческомъ и латинскомъ языкахъ въ Парижѣ въ 1675 году. Тамъ же, стр. 96.

реевъ, также и мѣрность наша, согласно съ нимъ разсуждая, ничего противнаго въ томъ не полагаетъ: то *утверждаемъ и постановляемъ, дабы сіе было непремѣнно во вся вѣки . . . и изъявляемъ, дабы отступающихъ отъ ереси лютеранской и кальвинской и присоединяющихся къ благочестивому исповѣданію непорочныя вѣры православныхъ христіанъ*, мудрствующихъ и исповѣдающихъ все то, чему добрѣ и благочестно научаетъ восточная Церковь, *болѣе не перекрещивать; но чрезъ едино помазаніе святымъ мѵромъ дѣлать совершенными христіанами, сынами свѣта и наслѣдниками царствія небеснаго* [1]).“

Однако преемники патр. Іереміи стали разсуждать о крещеніи западныхъ христіанъ совершенно иначе и, подъ вліяніемъ тѣхъ притѣсненій, которыя претерпѣвала восточная Церковь отъ латинянъ, особенно отъ іезуитовъ [2]), на Константинопольскомъ соборѣ 1756 года постановили [3]) принимать ихъ въ православную Церковь не иначе, какъ *чрезъ крещеніе* при троекратномъ погруженіи въ воду. Изъ сказаннаго выше видно, что постановленіе это противорѣчитъ древнимъ церковнымъ правиламъ о принятіи неправо-

---

1) Тамъ же, стр. 94—97.

2) Выведенному изъ терпѣнія народу самое крещеніе латинянъ представилось не крещеніемъ, а оскверненіемъ человѣка. „И вотъ, когда онъ (т. е. народъ) узнаетъ, что латинянъ продолжаютъ принимать въ православную Церковь безъ крещенія, въ 1750 году открыто возстаетъ противъ патріарха Паисія и Сѵнода, съ шумомъ устремляется на патріаршій дворъ, требуя сверженія патріарха съ престола за его снисхожденіе къ ненавистнымъ латинянамъ, избранія новаго патріарха и отмѣненія прежнихъ правилъ относительно принятія въ православную Церковь обливанцевъ. Сѵнодъ, вынужденный такими несчастными и опасными обстоятельствами, для успокоенія православнаго народа, дѣйствительно избираетъ новаго патріарха, Кирилла, и потомъ въ 1756 году соборно, въ присутствіи патріарха Іерусалимскаго и съ согласія прочихъ восточныхъ патріарховъ, отмѣняетъ прежнее правило православной Церкви относительно принятія католиковъ и лютеранъ и издаетъ новое. Тамъ же, стр. 110.

3) Опредѣленіе Константинопольскаго собора 1756 года помѣщено въ *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ*, Т. V, стр. 614—616. Русскій переводъ его см. у Еп. Сергія, стр. 102—104.

славныхъ христіанъ въ православную Церковь и, надо надѣяться, что такъ какъ оно вызвано случайными обстоятельствами, то будетъ измѣнено, сообразно съ древними правилами, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ православныхъ областяхъ Востока постановленіе это никогда не соблюдалось [1]).

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о принятіи въ православную Церковь лицъ неправославныхъ, получившихъ крещеніе въ своихъ неправославныхъ обществахъ. Знаменитый толкователь кононическаго кодекса восточной Церкви Вальсамонъ останавливается и на другомъ случаѣ, именно, когда правильно крещенный въ православной Церкви, отпавши отъ нея въ ересь и крестившись здѣсь, снова пожелаетъ возвратиться въ православіе. Слѣдуетъ ли это лице крестить вновь? Вальсамонъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ по отношенію къ заразившимся ересью павликіанъ [2]) слѣдующимъ образомъ: „Есть еще сомнѣніе о томъ, должны-ли быть вновь крестимы изъ православныхъ христіанъ заразившіеся павликіанствамъ? Нѣкоторые говорятъ, что правило (19-е Никейск. всел. соб.) предписываетъ вновь крестить только тѣхъ, которые отъ рожденія суть павли-

1) Въ 1861 году самъ Константинопольскій Сѵнодъ принялъ чрезъ одно мѵропомазаніе сирійскихъ Мелхитовъ, нѣкогда бывшихъ въ общеніи съ православною Церковью, но послѣ отступившихъ къ церкви западной и опять обратившихся къ православію. Еп. Сергій, стр. 111.

2) О происхожденіи этой ереси Вальсамонъ говоритъ: „О павліанистахъ былъ вопросъ, кто они? И разные говорили разно. А я въ различныхъ книгахъ нашелъ, что павликіанами послѣ названы были манихеи, отъ нѣкоего Павла самосатскаго, сына жены манихеянки, по имени Каллиники. Самосатскимъ же онъ названъ потому, что былъ епископомъ Самосатъ. Онъ проповѣдывалъ, что одинъ Богъ, и что одинъ и тотъ же называется Отцемъ, и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Ибо, говоритъ, одинъ есть Богъ, и Сынъ Его въ Немъ, какъ слово въ человѣкѣ. Это слово, пришедши на землю, вселилось въ человѣкѣ, именуемомъ Іисусомъ, и, исполнивъ домостроительство, взошло къ Отцу. А сей Іисусъ низшій есть Іисусъ Христосъ, какъ получившій начало отъ Маріи. Сего Павла самосатскаго извергли въ Антіохіи святый Григорій чудотворецъ и нѣкоторые другіе. Правила св. всел. соб. съ толкованіями, стр. 72.

кіане, а не тѣхъ, которые, бывъ православными, приняли ересь павликіанъ, ибо этихъ послѣднихъ должно освящать только однимъ мvромъ, и въ подтвержденіе своего мнѣнія указываютъ на многихъ, произвольно принявшихъ магометанство, которыхъ не крестили вновь, а только помазывали мvромъ. Но мнѣ кажется, что правило опредѣляетъ это преимущественно въ отношеніи къ тѣмъ изъ православныхъ, которые впали въ ересь павликіанъ и приняли крещеніе по ихъ нечистому обряду; и это именно и есть дѣйствительное павликіанство, а не то, когда кто съ самаго начала былъ павликіаниномъ. Посему то, на основаніи настоящаго правила, должны быть вновь крестимы и они. И самое слово: крещеніе вновь (*ἀναβαπτισμός*) не мало согласуется съ сказаннымъ [1]). — Едва ли однако можно въ данномъ случаѣ согласиться съ разсужденіемъ знаменитаго толкователя церковныхъ правилъ; болѣе правильнымъ и согласнымъ съ (указываемымъ самимъ Вальсамономъ въ толкованіи на 19-ое пр. Никейск. всел. соб.) 47-мъ Апостольскимъ правиломъ [2]), является критикуемое Вальсамономъ мнѣніе „нѣкоторыхъ“; мнѣніе же Вальсамона о перекрещиваніи принявшихъ ересь павликіанъ находится съ приведеннымъ Апостольскимъ правиломъ въ противорѣчіи.

В. О рукоположеніи.

Благодать священства, сообщаемая чрезъ рукоположеніе епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, обитаетъ въ душѣ каждаго изъ нихъ неизмѣнно (1 Тим. 4. 14; 2 Тим. 1. 6). Священство, какъ по самому существу таинства, заключающаго въ себѣ *нераскаянное дарованіе и званіе Божіе*, такъ

1) Тамъ же стр. 72—73.

2) Въ правилѣ этомъ ясно сказано: „Епископъ или пресвитеръ, аще по истинѣ имѣющаго крещеніе вновь окреститъ, . . . да будетъ извержевъ“.

и по высшему первообразу своему, священству Іис. Христову, которое *единою* совершено (Евр. 3. 2; 6. 20; 10. 12, 14.), есть само въ себѣ *едино* и неповторяемо, если только правильно совершено [1]). И дѣйствительно, 68-е Апост. правило ясно говоритъ:

> „Аще кто Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, пріемлетъ отъ кого либо второе рукоположеніе: да будетъ изверженъ отъ священнаго чина, и онъ и рукоположивый; развѣ аще достовѣрно извѣстно будетъ, что отъ еретиковъ имѣетъ рукоположеніе. Ибо крещеннымъ, или рукоположеннымъ отъ таковыхъ, ни вѣрными, ни служителями Церкви быти не возможно.“

Что подъ именемъ еретиковъ, о коихъ рѣчь идетъ въ этомъ правилѣ, нельзя разумѣть безразлично всѣхъ, придерживающихся какого нибудь еретическаго мнѣнія, показываетъ толкованіе св. Ѳеодора Студита, который въ 40-мъ

---

1) Арх. Іоаннъ Вып. 1, стр. 216. Св. Василій Вел. такъ убѣжденъ въ томъ, что правильно совершенная хиротонія не повторяется, что не даетъ вѣры слуху, будто аріанскій епископъ Севастійскій Евстафій вторично рукоположилъ нѣкоторыхъ, и осуждаетъ его за такой дерзкій и ни однимъ еретикомъ прежде не сдѣланный поступокъ, „если только слухъ вѣренъ, а не клеветническій вымыслъ“ (*εἴγε λόγος ἀληθὴς, καὶ μὴ πλάσμα ἐστὶν ἐπὶ διαβολῇ συντεθέν.* Письмо 130). Къ исторіи вопроса о принятіи схизматиковъ въ православную Церковь. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1892 г. Кн. 4., стр. 18).

Въ свящ. катихизисѣ Димитрія Вернардаки для духовнаго и благочестиваго воспитанія православнаго юношества, одобренномъ въ 1872 г. центральною духовною коммиссіею вселенскаго престола и св. Константинопольскимъ Сѵнодомъ утвержденномъ, получившемъ утвержденіе и свящ. Сѵнода Эллинской церкви, говорится дословно: „какъ крещеніе одно и не повторяется, такъ и священство одно, и разъ преданное остается неизгладимымъ отъ того, кому передано, также какъ и рукоположеніе или посвященіе, разъ совершенное, не повторяется, если только совершено правильно, хотя и иновѣрными“. (Конечно, рѣчь идетъ здѣсь не объ иновѣрцахъ, отвергающихъ таинство священства, каковы протестанты и пресвитеріане нашей эпохи). Тамъ же, стр. 20.

письмѣ къ Невкратію, ссылаясь при томъ на 1-е правило св. Василія Вел., говоритъ, что „настоящее правило св. апостоловъ подъ *еретиками* разумѣетъ тѣхъ, *которые ни крещены, ни крестятъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*: *Τὸ δὲ εἰρηκέναι σε μὴ διακρῖναι τὸν κανόνα, ἀλλ' ὁριστικῶς ἀποφάναι* (= *ἀποφήνασθαι*) *τοὺς ἀπὸ αἱρετικῶν χειροτονηθέντας ἢ βαπτισθέντας οὔτε κληρικοὺς εἶναι δυνατόν, οὔτε πιστούς, ἐκεῖνο λογίζου, ὅτι αἱρετικοὺς ὁ ἀποσταλικὸς κανὼν ἐκείνους ἔφη, τοὺς μὴ εἰς ὄνομα Πατρὸς καὶ Υἱοῦ καὶ Ἁγίου Πνεύματος βαπτισθέντας καὶ βαπτίζοντας· καὶ τοῦτο ἐκ θείας φωνῆς τοῦ Μεγάλου Βασιλείου διδασκόμεθα· φησὶ γὰρ αἱρέσεις μὲν τοὺς παντελῶς ἀπερρηγμένους καὶ κατ' αὐτὴν τὴν πίστιν ἀππηλλοτριωμένους· σχίσματα δὲ τοὺς δι' αἰτίας τινὰς ἐκκλησιαστικὰς καὶ ζητήματα ἰάσιμα πρὸς ἀλλήλους διενεχθέντας* [1]).

Точно также въ 59 (по Книгѣ правилъ) правилѣ Карѳаг. собора читаемъ:

> „По данному намъ порученію предлагаемъ и сіе, опредѣленное на Соборѣ бывшемъ въ Капуѣ, яко не позволительно быти перекрещиванію или перепоставленію“ . . .

Только рукоположеніе, совершенное неправильно (напр. у еретиковъ), не имѣетъ силы, ибо бывшее у нихъ почитается за не бывшее [2])“, и должно быть замѣнено новымъ законнымъ рукоположеніемъ. Но и въ этомъ случаѣ таинство не повторяется, а совершается въ первый разъ, „ибо ни крещеніе еретиковъ не можетъ никого сдѣлать христіаниномъ, ни рукоположеніе ихъ не сдѣлаетъ клирикомъ [3])“. Впрочемъ, какъ таинство крещенія, въ неправославныхъ обществахъ совершенное, иногда можетъ быть при-

---

1) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1892 г. Кн. 4., стр. 5.

2) Толкованіе Вальсамона на 68-е Апост. правило. Правила св. Апостолъ съ толкованіями. стр. 138.

3) Толкованіе Зонары на тоже правило. Тамъ же, стр. 137—138.

знано, смотря по характеру этихъ обществъ, — такъ и степени клира въ нѣкоторыхъ обществахъ признаются Церковію, такъ что рукоположеніе надъ лицами, имѣющими эти степени, при обращеніи ихъ къ православной Церкви, не повторяется (1 всел. 8; Карѳ., по Книгѣ правилъ, 79; Васил. В. 1.)[1]).

Изъ этихъ правилъ, равно какъ изъ 19-го прав. 1-го всел. собора, выясняется ближе, когда неправославные члены клира, въ случаѣ ихъ обращенія къ православной Церкви, принимаются въ качествѣ простыхъ мірянъ и когда сохраняютъ тѣ степени священства, какія имѣли до обращенія къ православію.

А именно, въ качествѣ простыхъ мірянъ, по церковнымъ правиламъ, принимаемы были рукоположенные такими еретиками, которые, въ случаѣ обращенія къ православной Церкви, принимались чрезъ крещеніе, т. е. рукоположеные еретиками, существенно искажающими основные догматы вѣры[2]) и, слѣдовательно, находящимися совершенно внѣ спасительнаго ковчега апостольской и каѳолической Церкви, единственнаго и истиннаго источника благодатныхъ даровъ Св. Духа[3]). Такъ на 1-мъ всел. соборѣ.

> „О бывшихъ Павлиніанами, но потомъ прибѣгнувшихъ къ Каѳолической Церкви, постановляется опредѣленіе, что бы они всѣ вообще вновь крестимы были. Аще же которые въ прежнее время къ клиру принадлежали: таковые, явясь безпорочными и неукоризненными, по перекрещеніи, да будутъ руко-

1) Арх. Іоаннъ, Вып. 1, стр. 217.

2) См. выше стр. 12.

3) Внѣ Церкви несомнѣнно нѣтъ спасенія, вслѣдствіе отсутствія неповрежденной и неподложной вѣры у еретиковъ, даже полагая, что у нихъ таинства совершаются точно такъ, какъ и въ каѳолической Церкви Христовой. Къ исторіи вопроса о принятіи схизматиковъ въ православную Церковь. Стр. 21—22.

положены Епископомъ Каѳолическія Церкви. Аще же испытаніе обрящетъ ихъ неспособными къ священству: надлежитъ имъ изверженнымъ быти изъ священнаго чина. Подобно и въ отношеніи къ діакониссамъ, и ко всѣмъ вообще причисленнымъ [1]) къ клиру, тотъ же образъ дѣйствованія да соблюдаются". (пр. 19)

Павлиніане (или Павліанисты) искажали основные догматы христіанской вѣры [2]); поэтому „прежнее рукоположеніе, совершенное въ то время, когда они были еретиками, не считается рукоположеніемъ. Ибо, говоритъ Зонара, какъ можно повѣрить, что бы не крещенный по православной вѣрѣ могъ получить наитіе Святаго Духа въ рукоположеніи?" [3]).

На соборѣ Лаодикійскомъ опредѣлено было такимъ же образомъ принимать въ православную Церковь клириковъ Фриговъ или Монтанистовъ (пр. 8-е) — еретиковъ такого же рода, какъ и Павлиніане, то есть искажавшихъ догматъ о Пресвятой Троицѣ и таинство крещенія.

На основаніи этихъ правилъ можно заключить, что и клирики другихъ еретиковъ, мірянъ которыхъ вселенскіе соборы (второй и шестой) опредѣлили принимать чрезъ крещеніе (каковы: Евноміане, Савелліане, Манихеи, Валентиніане, Маркіониты и имъ под.), должны быть присоединяемы по чиноположенію крещенія и въ качествѣ мірянъ, хотя прямаго и опредѣленнаго указанія о семъ въ соборныхъ правилахъ и нѣтъ [4]).

---

1) У Павлиніанъ.

2) См. выше стр. 19 прим.

3) Правила св. вселенскихъ соборовъ, стр. 70.

4) Еп. Сергій, стр. 137. Арх. Іоаннъ въ своемъ толкованіи на 18 пр. Сардик. соб. пишетъ: „Не должно быть признано правильнымъ то рукоположеніе, которое произведено неправильно усвоявшими себѣ права епископскія: поэтому, какъ Евтихіанъ и Мусей не были сами епископами, такъ и рукоположенные ими не могли быть священнослужителями . . . . . Но если бы случилось, что законно поставленный въ свое время епископъ былъ впослѣдствіи, по какимъ либо причинамъ, лишенъ своего званія,

Въ прежнихъ степеняхъ священства принимаемы были рукоположенные въ такихъ неправославныхъ обществахъ, которыя только повреждали, но не отвергали основные догматы вѣры, и поэтому принимаемы были въ православную Церковь безъ повторенія крещенія (2 всел. 7, 6 всел. 95) [1]. Такъ, на томъ же первомъ вселенскомъ соборѣ (пр. 8-е).:

> „О именовавшихъ нѣкогда самихъ себе Чистыми, но присоединяющихся къ Каѳолической и Апостольской Церкви, благоугодно святому и великому Собору, да, по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клирѣ... И такъ гдѣ, или въ селахъ, или во градахъ, всѣ, обрѣтающіеся въ клирѣ, окажутся рукоположенными изъ нихъ однихъ: да будутъ въ томъ же чинѣ. Аще же тамъ, гдѣ есть Епископъ Каѳолическія Церкви, нѣкоторые изъ нихъ приступятъ къ Церкви: явно есть, яко Епископъ православныя Церкви будетъ имѣти Епископское достоинство: а именующійся Епископомъ у такъ называемыхъ Чистыхъ, пресвитерскую честь имѣти будетъ: развѣ заблагоразсудитъ мѣстный Епископъ, чтобы и тотъ участвовалъ въ чести имени Епископа. Аще же то ему не угодно будетъ; то для видимаго сопричисленія таковаго къ клиру, изобрѣтетъ для него мѣсто или Хорепископа или пресвитера: да не будетъ двухъ Епископовъ во градѣ.“

Такъ „какъ они (т. е. чистые или наватіане) погрѣшали не уклоненіемъ отъ вѣры, а братоненавидѣніемъ. и

то, по правилу Собора, поставленные отъ такого епископа въ свое время клирики не теряютъ вмѣстѣ съ нимъ своихъ степеней, если, т. е., не участвуютъ въ его преступленіяхъ“. Арх. Іоаннъ, вып. I., стр. 491.

1) См. выше, стр. 5.

недопущеніемъ покаянія для падшихъ и обращающихся; то поэтому соборъ принялъ и рукоположеніе ихъ, и опредѣлилъ, что бы они оставались въ ихъ степеняхъ“ [1]), какія они имѣли въ своихъ обществахъ прежде обращенія къ Церкви, такъ что они могли быть и епископами православной Церкви [2]).

Надо замѣтить при этомъ, что относительно принятія клириковъ нѣкоторыхъ неправославныхъ обществъ въ ихъ священныхъ степеняхъ существовало различіе во взглядахъ между отдѣльными православными церквами, при чемъ большое значеніе имѣли мѣстныя условія и польза самой православной Церкви. Такъ, хотя епископы западныхъ церквей, особенно Римской и Медіоланской, не соглашались признавать священства у донатистовъ и опредѣлили тѣхъ изъ нихъ, которые обращаются къ православной Церкви, снова рукополагать, при постановленіи въ клиръ, но африканская церковь, не въ противность западной, а по особеннымъ своимъ обстоятельствамъ, рѣшила оставлять клириковъ-донатистовъ въ ихъ степеняхъ и сопричислять къ православному клиру, какъ это видно изъ 79 пр. (по книгѣ правилъ) Карѳаг. соб.

„О пріятіи клириковъ Донатистовъ, въ клиръ Каѳолическія Церкви.

Напослѣдокъ заблагоразсуждено послати граматы къ братіямъ и соепископамъ нашымъ, и наипаче къ Апостольскому престолу, на ко-

---

1) Толкованіе Зонары на 8-е пр. 1 всел. собора. Правила св. вселенскихъ соборовъ, стр. 32.

2) Посланіе Ѳеофила, архіепископа Александрійскаго къ Афингію Епископу о такъ наз. Чистыхъ гласитъ: „Извѣстило меня твое благочестіе, яко нѣкоторые изъ именующихъ себя Чистыми, желаютъ присоединитися къ Церкви. А понеже великій Соборъ блаженныхъ Отцевъ нашихъ, бывшій въ Никеѣ (прав. 8, 19), опредѣлилъ рукополагати приходящихъ отъ ересей: то, по сему уставу, благоволи и ты рукополагати (т. е. принимать въ клиръ., см. арх. Іоаннъ, Вып. 2, стр. 122), восхотѣвшихъ присоединитися къ Церкви, аще токмо житіе ихъ добродѣтельно, и нѣтъ никакого тому препятствія“ (пр. 12).

торомъ предсѣдательствуетъ помянутый достойно чтимый братъ и сослужитель нашъ Анастасій, о томъ, чтобы по извѣстной ему великой нуждѣ Африки, ради мира и пользы Церкви, и изъ самыхъ Донатистовъ клириковъ, расположеніе свое исправившихъ и возжелавшихъ пріити къ Каѳолическому соединенію, по разсужденію и изволенію каждаго Каѳолическаго Епископа, управляющаго Церковію въ томъ мѣстѣ, пріимати въ своихъ степеняхъ священства, аще сіе окажется содѣйствующимъ къ миру Христіанъ. Извѣстно, что и въ предшествовавшее время такъ поступаемо было съ симъ расколомъ: о чемъ свидѣтельствуютъ примѣры многихъ и почти всѣхъ Африканскихъ Церквей, въ которыхъ возникло сіе заблужденіе. Сіе дѣлается не въ нарушеніе Собора, бывшаго о семъ предметѣ въ странахъ лежащихъ за моремъ, но чтобы сіе сохранено было въ пользу желающихъ, симъ образомъ прейти къ Каѳолической Церкви, дабы не было поставляемо никакія преграды ихъ единенію. Которые въ мѣстахъ своего жительства усмотрены будутъ всячески содѣйствующими и споспѣшествующими Каѳолическому единенію, къ очевидной пользѣ душъ братій: тѣмъ да не будетъ препоною опредѣленіе, постановленное противъ степеней ихъ на Соборѣ за моремъ, ибо спасеніе не загражденo ни отъ какого лица. То есть, рукоположенные Донатистыми, аще исправясь, восхотятъ приступити къ Каѳолической вѣрѣ, да не будутъ лишаемы принятія въ своихъ степеняхъ, по опредѣленно бывшаго за моремъ Собора, но паче да пріемлются тѣ,

чрезъ которыхъ оказывается споспѣшествованіе Каѳолическому соединенію".

И такъ, не сомнѣваясь, можно сказать, что у кого Церковь, принимая крещеніе, какъ правильное, утверждаетъ его, у тѣхъ и хиротонія допустима; а у кого крещеніе отвергается Церковью, у тѣхъ и хиротонія вовсе не допустима[1]). Въ подложномъ сочиненіи Іустина Философа и мученика (*Ἀποκρίσεις πρὸς τοὺς ὀρθοδόξους περί τινων ἀναγκαίων ζητημάτων*), новѣйшими критиками приписываемомъ блаженному Ѳеодориту Кирскому, встрѣчается слѣдующій отвѣтъ о вѣрности и дѣйствительности крещенія и хиротоніи обращающихся изъ ереси: *„Τοῦ αἱρετικοῦ ἐπὶ τὴν ὀρθοδοξίαν ἐρχομένου τὸ σφάλμα διορθοῦται τῆς μὲν κακοδοξίας τῇ μεταθέσει τοῦ φρονήματος, τοῦ δὲ βαπτίσματος, τῇ ἐπιχρίσει τοῦ ἁγίου*

---

1) Въ Церкви Восточной не повторялось рукоположеніе надъ обращающимися изъ каѳаровъ (1 всел. 8), мессаліанъ, или евтиховъ (Act. Concil. Ephes. in Collect. Binii T. 3.); въ церкви Африканской — надъ донатистами. (Carthag. can. 79. cf. Augustin. Ep. 50 ad Bonifat.). — Но повторялось надъ аріанами, павліанами (1 всел. 19. cf. Ep. 18. Innocentii papae ad Alexandr.) и т. п., и еще надъ всѣми, рукоположенными отъ самозванныхъ епископовъ, которые сами незаконно были поставлены. (II всел. 4. Ep. Nicaeni Concil. ad Alexandr. ap. Socrat. 1, 9). Арх. Іоаннъ, вып. I, стр. 217 прим.

Когда на VII Вселенскомъ соборѣ предложенъ былъ вопросъ о принятіи епископовъ, обращающихся изъ ереси иконоборцевъ и получившихъ рукоположеніе отъ еретиковъ, послѣ долгаго обсужденія вопроса съ указаніемъ многочисленныхъ примѣровъ изъ соборныхъ постановленій и дѣяній отцевъ церкви, св. соборъ съ радостію принялъ епископовъ и поставилъ ихъ на собственныя ихъ епископскія каѳедры, послѣ того какъ они дали письменное обѣщаніе и предали ересь свою анаѳемѣ, „потому что хиротонія отъ Бога", какъ соборъ объявляетъ устами предсѣдателя своего св. Тарасія, патр. Константинопольскаго, и „потому что свв отцы вездѣ между собою согласны и противленія между ними нѣтъ никакого, а противятся имъ одни непонимающіе мудрыхъ распоряженій и цѣлей ихъ" (Acta Concil., tom II, стр. 741.). Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1892. Кн. 4, стр. 10—11.

По этимъ примѣрамъ, и на основаніи общихъ правилъ Церкви, степени клира въ церкви римской признаются православною Церковію, а протестантскія не признаются. Арх. Іоаннъ, вып. I., стр 217 прим.

μύρου, τῆς δὲ χειροτονίας, τῇ χειροθεσίᾳ“, т. е. молитвою съ возложеніемъ рукъ [1]).

Возникалъ вопросъ, могутъ ли такіе клирики, обратившіеся изъ неправославныхъ обществъ къ православію съ сохраненіемъ своихъ степеней, получать въ православной Церкви высшія степени.

Извѣстный толкователь каноническаго кодекса восточной Церкви Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на 8-е правило 1-го всел. собора пишетъ: „Можетъ быть, кто спроситъ: если нѣкоторые изъ нихъ (наватіанъ) пожелаютъ быть возведенными на высшую степень, будетъ ли этому препятствовать настоящее правило, которое въ началѣ говоритъ: „благоугодно святому собору, да по возложеніи на нихъ рукъ [2]), пребываютъ они въ клирѣ“, или безпрепятственно могутъ получить высшія степени? *Рѣшеніе.* Въ 80-мъ Апостольскомъ правилѣ и во 2-мъ правилѣ настоящаго собора постановлено, что и совсѣмъ невѣрные получаютъ степени священства. И такъ почему же не могутъ получать высшихъ степеней наватіане, именуемые и Чистыми, въ отношеніи къ вѣрѣ, какъ сказано, не имѣющіе заблужденій, а осуждаемые за несострадательность? А что бы пребывали въ клирѣ, мнѣ думается, это опредѣлено въ особенности объ нихъ. Ибо, вѣроятно, нѣкоторые говорили, что принять ихъ должно, но только

---

1) Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1892. Кн. 4. стр. 24 и 25 примѣч.

2) Въ правилѣ сказано: *по возложеніи на нихъ рукъ* (*χειροθετουμένους αὐτοὺς*); но это не означаетъ новаго рукоположенія ихъ во священство, какъ видно изъ самаго слова, здѣсь употребленнаго: *χειροθέτειν*, а не *χειροτονεῖν*, и изъ содержанія правила, которое повелѣваетъ принимать ихъ въ степеняхъ, данныхъ имъ въ обществѣ каѳаровъ. Такимъ образомъ здѣсь надобно разумѣть то рукоположеніе, которымъ обыкновенно совершалось присоединеніе вообще всѣхъ обращающихся къ Церкви отъ неправославія. Одинъ изъ толкователей правила, Аристинъ, разумѣетъ здѣсь мvропомазаніе. (Такъ и въ толкованіи славянской кормчей). Такъ должно быть и по другимъ правиламъ Церкви (II всел. 7. VI всел. 95. Васил. В. 1.) Арх. Іоаннъ, вып. I, стр. 302 прим.

быть имъ въ качествѣ простыхъ мірянъ и не дѣйствовать правами, принадлежащими ихъ прежнимъ степенямъ. Это соборомъ не принято, а положено возстановлять ихъ въ ихъ степеняхъ. Съ именемъ возстановленія соединяется и право возведенія въ высшія степени[1]).“

Когда римско-католическая церковь отдѣлилась отъ единства церковнаго, то хотя римскіе католики были извѣстны на Востокѣ, какъ еретики, или, по крайней мѣрѣ, схизматики, тѣмъ не менѣе рукоположеніе ихъ признавалось дѣйствительнымъ. Никифоръ Исповѣдникъ, патріархъ константинопольскій (806—815), на вопросъ о томъ: „должно ли принимать въ общеніе рукоположенныхъ въ Римѣ, Неаполѣ и Лангобардіи“ (т. е. клириковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія), отвѣчалъ, что „таковыхъ должно принимать въ ихъ степеняхъ священства“ (*Σύνταγμα κανόνων*. Т. IV, стр. 431, *γ*.). Признавая ихъ рукоположеніе дѣйствительнымъ, патріархъ Никифоръ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду тѣ древнія правила и примѣры, по которымъ принимались Каѳары, Аріане, Несторіане, Моноѳелиты и иконоборцы.

Хотя до половины XVII вѣка мы не находимъ ясныхъ свидѣтельствъ о принятіи восточною Церковью различныхъ неправословныхъ клириковъ, ни въ частности — римскихъ католиковъ, — но судя по тому, что на соборахъ Ліонскомъ (1272—1274 г.) и Флорентинскомъ (1439 г.), такъ и при другихъ сношеніяхъ Церкви восточной съ западною, въ числѣ условій соединенія церквей не было условія повторенія рукоположенія надъ клириками римско-католической церкви, и греческіе пастыри относились къ послѣднимъ, какъ къ дѣйствительнымъ епископамъ и пресвитерамъ, — можно за вѣрное положить, что и въ это время священство римско-католической церкви признавалось восточною дѣйствительнымъ и неповторяемымъ.

---

1) Правила св. вселен. соборовъ, стр. 34—35.

Въ 1657 году антіохійскій патріархъ Макарій писалъ патріарху россійской Церкви Никону: „*А яко не священни латины, никто же отъ нашихъ, рече, ниже дерзнувъ второрицею хиротонисати ихъ,* точію архіерей облачитъ ихъ, глаголюще на каждая облаченія одежды псаломскіе стихи, ихъ же обыкохомъ глаголати и мы, егда облачимся прежде службы; молитвы же рукоположенія ни единыя глаголется; точію егда одѣютъ ихъ, вручаетъ имъ книгу службы, и во время причащенія причащаетъ ихъ, якоже и прочіи другіе священники новохиротонисаны, яко вси вѣдятъ и познаютъ латины схисматики токмо [1]).“

Съ изданіемъ въ 1756 году опредѣленія Константинопольскаго собора о перекрещиваніи всѣхъ неправославныхъ христіанъ, при принятіи ихъ въ православную Церковь, въ греко-восточной Церкви стало считаться недѣйствительнымъ и рукоположеніе ихъ. Впрочемъ, въ 1861 году самъ Константинопольскій сѵнодъ принялъ въ общеніе вмѣстѣ съ мірянами и клириковъ сирійскихъ Мелхитовъ — въ ихъ прежнихъ степеняхъ священства [2]). Надо поэтому надѣяться, что опредѣленіе Константинопольскаго собора 1756 г. относительно клириковъ римско-католическаго вѣроисповѣданія будетъ отмѣнено и измѣнено въ смыслѣ правилъ вселенскихъ соборовъ и согласно съ практикою православной Церкви до половины XVIII вѣка [3]).

Г. О смѣшанныхъ бракахъ.

Требованіе единства религіи отъ вступающихъ въ бракъ относится къ самому существу брачнаго союза [4]). Дѣйст-

---

1) См. „Древней россійской Вивліоѳикѣ“, ч. XVIII, изд. 2, 1791 г., стр. 153. Еп. Сергій, стр. 156—158.

2) См. выше, стр. 19. прим. 1.

3) Еп. Сергій, стр. 158—159.

4) Еще языческій римскій юристъ Модестинъ († 228 г. по Р. Х.) въ своемъ знаменитомъ опредѣленіи брака, вошедшемъ не только въ позднѣй-

вительно, религія имѣетъ огромное вліяніе на жизнь семейную: при различіи у супруговъ религіи, нельзя ожидать полнаго духовнаго согласія между ними, единства въ чувствахъ и мысляхъ, особенно относительно воспитанія дѣтей; можно опасаться также, что одинъ изъ супруговъ отпадетъ отъ своей вѣры или, по крайней мѣрѣ, сдѣлается равнодушнымъ по отношенію къ ней, между тѣмъ какъ, по христіанскому ученію, супруги должны взаимно укрѣплять другъ друга въ вѣрѣ[1]). Надобно обратить вниманіе и на то, что бракъ, по понятію православной Церкви, есть таинство: какое же участіе можетъ имѣть, или даже можетъ ли быть допущено къ участію въ таинствѣ лицо, не принадлежащее къ Церкви? Наконецъ, можетъ ли въ смѣшанномъ супружествѣ быть единство духа между супругами и совершенство искренней, чистой, цѣломудренной любви, долженствующее отличать христіанскій супружескій союзъ?[2]).

Особенно осложняется дѣло, въ случаѣ рожденія дѣтей: въ какой религіи воспитывать ихъ? Желаніе одного супруга воспитывать дѣтей въ исповѣдуемой имъ религіи вызываетъ противоположное желаніе въ другомъ супругѣ и оскорбляетъ тѣмъ самымъ такія же права другого супруга. Даже въ томъ случаѣ, если этотъ вопросъ предусмотренъ государственнымъ законодательствомъ (если, напр. законодательство страны предписываетъ воспитаніе родившихся мальчиковъ въ религіи отца, а дѣвочекъ въ религіи матери) этотъ разладъ не устраняется.

Вотъ почему даже въ Ветхомъ Завѣтѣ строго запрещены были браки съ иновѣрцами: „*Да не завѣщаеши къ нимъ*

шіе гражданско-правовые сборники, но даже принятомъ патріархомъ Фотіемъ въ каноническій кодексъ восточной Церкви разсматриваетъ бракъ какъ . . . *divini* et humani iuris communicatio (Dig. XXIII. 2, 1; Nomoc. XII. 13. *Σύνταγμα κανόνων*. I. 271).

1) Zhishman. Das Eherecht der orienthalischen Kirche. Wien. 1864, стр. 506.

2) Арх. Іоаннъ. Вып. 2, стр. 289.

(язычникамъ) *завѣта; ниже сватовства сотвориши съ ними: дщери своея не даси сыну его и дщере его да не поймеши сыну твоему. Отвратитъ бо сына твоего отъ Мене и послужитъ богомъ инымъ.*“ (Втор. 7. 3, 4)[1]). — Съ своей стороны, и христіанская Церковь осуждала и не считала истинными браки, заключенные православными не только съ невѣрными[2]), но даже и съ неправославными, дѣлая однако при этомъ различіе между браками православныхъ съ еретиками и раскольниками.

Въ церковныхъ правилахъ мы находимъ слѣдующія постановленія относительно смѣшанныхъ браковъ:

10-е правило Лаодикійскаго собора гласитъ:

> „Не должно церковнымъ, безъ разбора, совокупляти дѣтей своихъ брачнымъ союзомъ съ еретиками.“

Въ 31-мъ правилѣ того же собора читаемъ:

> „Не подобаетъ со всякимъ еретикомъ заключати брачный союзъ, или отдавати таковымъ сыновъ или дщерей, но паче брати отъ нихъ, аще обѣщаются Христіанами быти.“

30-е (по Книгѣ правилъ) правило Карѳагенскаго собора постановляетъ:

> „Заблагоразсуждено, чтобы дѣти состоящихъ въ клирѣ не совокуплялись бракомъ съ язычниками или съ еретиками.“

---

1) Тамъ же.

2) Ап. Павелъ пишетъ: *„Не преклоняйтесь подъ чужое ярмо съ невѣрными: ибо какое общеніе праведности съ беззаконеніемъ? Что общаго у свѣта съ тьмою?“* (II Коринѳ. 6. 14.). Смѣшанные браки іудеевъ съ христіанами, и наоборотъ, были запрещены также государственными законами Византійской имперіи, а заключенные считались прелюбодѣяніемъ со стороны христіанъ (Cod. Justin. lib. I tit. 9. l. 6; Basil. lib. I. tit. 1. l. 38).

14-е правило Халкидонскаго собора даетъ болѣе подробное постановленіе:

„Понеже въ нѣкоторыхъ епархіяхъ позволено чтецамъ и пѣвцамъ вступати въ бракъ: то опредѣлилъ святый Соборъ, чтобы никому изъ нихъ не было позволено брати себѣ жену иновѣрную: чтобы родившіе уже дѣтей отъ таковаго брака, и прежде сего уже крестившіе ихъ у еретиковъ, приводили ихъ къ общенію съ Каѳолическою Церковію: а не крестившіе не могли крестити ихъ у еретиковъ, ни совокупляти бракомъ съ еретикомъ, или Іудеемъ, или язычникомъ: развѣ въ такомъ токмо случаѣ, когда лице, сочетавающееся съ православнымъ лицемъ, обѣщаетъ прейти въ православную вѣру. А кто преступитъ сіе опредѣленіе святаго Собора: тотъ да подлежитъ епитиміи по правиламъ.“

Наконецъ, 72-е правило Трулльскаго собора опредѣляетъ:

„Недостоитъ мужу православному съ женою еретическою бракомъ совокуплятися, ни православной женѣ съ мужемъ еретикомъ сочетаватися. Аще же усмотрено будетъ нѣчто таковое, содѣланное кѣмъ либо: бракъ почитати не твердымъ, и незаконное сожитіе расторгати. Ибо не подобаетъ смѣшивати несмѣшаемое, ниже совокупляти съ овцею волка, и съ частію Христовою жребій грѣшниковъ. Аще же кто постановленное нами преступитъ: да будетъ отлученъ. Но аще нѣкоторые, будучи еще въ невѣріи, и не бывъ причтены къ стаду православныхъ, сочеталися между собою законнымъ бракомъ: потомъ единъ изъ нихъ, избравъ благое,

прибѣгнулъ ко свѣту истины, а другій остался во узахъ заблужденія, не желая воззрѣти на Божественные лучи, и аще при томъ невѣрной женѣ угодно сожительствовати съ мужемъ вѣрнымъ, или напротивъ мужу невѣрному съ женою вѣрною: то да не разлучаются, по Божественному Апостолу: *святится бо мужъ невѣренъ о женѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ*“ (1 Кор., 7.14).

Какъ видно изъ приведенныхъ правилъ, православнымъ бракъ съ неправославными лицами вообще запрещается, подъ угрозою признанія такового соединенія незаконнымъ и подъ страхомъ отлученія для нарушителей этихъ церковныхъ предписаній. Запрещается также православнымъ сочетать бракомъ и дѣтей своихъ съ лицами неправославными.

Лишь когда лицо иновѣрное, или неправовѣрное, обѣщается обратитья къ православной Церкви — „въ такомъ случаѣ сговоръ (*συνάλλαγμα*) можетъ состояться, но бракосочетаніе должно быть отложено, доколѣ давшій обѣщаніе не выполнитъ онаго[1]);“ рожденныя отъ такихъ браковъ дѣти должны быть крещены въ православной Церкви.

Если въ супружествѣ находятся два лица, оба невѣрныя, т. е. не принадлежащія къ Церкви Христовой, и одно изъ нихъ обращается къ вѣрѣ, а другое остается въ заблужденіи, то необходимо долженъ возникнуть вопросъ: какое значеніе въ этомъ случаѣ получаетъ ихъ супружество — должно ли оно быть расторгнуто, или можетъ остаться въ своей силѣ? По праву господства православной вѣры и по правиламъ относительно смѣшанныхъ браковъ, супружество между супругомъ невѣрнымъ и супругомъ новообращеннымъ, конечно, не можетъ уже безусловно оставаться въ своей

1) Толкованіе Зонары на 14 пр. Халкид. соб. Правила св. вселенскихъ соборовъ, стр. 202—203.

силѣ. Продолженіе его, безъ сомнѣнія, должно зависѣть отъ обоюднаго согласія супруговъ, ибо принуждать ихъ къ сожитію, противъ воли ихъ, было бы несправедливо и не согласно съ требованіями чистоты вѣры, могущей подвергнуться опасной заразѣ и поврежденію отъ нечистоты смѣшаннаго союза; требовать же безусловно развода — было бы насиліемъ для другого, хотя и невѣрующаго, супруга. Такимъ образомъ только тогда, когда оба супруга жить вмѣстѣ не согласятся, супружество ихъ расторгается, и христіанскому лицу предоставляется право на новый бракъ съ лицемъ христіанскимъ . . . Но если нѣтъ между супругами обоюднаго согласія на неразлучное сожитіе: то, хотя преимущество вѣры даетъ, конечно, большее право свободы супругу вѣрному, чтобы оставить невѣрнаго; однакожъ вселенскій Соборъ опредѣляетъ: „аще невѣрной женѣ угодно сожительствовати съ мужемъ вѣрнымъ, или напротивъ мужу невѣрному съ женою вѣрною: то да не разлучаются.“ Такъ опредѣлено было и самими Апостолами. Ап. Павелъ, разсуждая о смѣшанныхъ бракахъ, говоритъ: *„Аще который братъ жену и мать невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея. И жена, аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ: иначе дѣти ваши нечисты были бы, нынѣ же свята суть. Аще ли невѣрный отлучается, да разлучится: не порабо́тися бо братъ, или сестра въ таковыхъ: въ миръ бо призва насъ Господь Богъ. Что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши? или*

1) Въ совершенномъ противорѣчіи съ 72-мъ пр. Трулльскаго собора и съ этою заповѣдью Апостола находится Вальсамонъ, допускающій разводъ по одностороннему желанію обратившагося къ христіанской вѣрѣ супруга: „. . . . если который изъ нихъ захочетъ разлучиться, то бракъ тотчасъ долженъ быть расторгнутъ. Это и было во дни святѣйшаго патріарха господина Ѳеодота, ибо трубачъ Василикъ, послѣ принятія крещенія, по патріаршему опредѣленію, былъ разведенъ съ его невѣрною же-

что вѣси, мужу, аще жену спасеши (1 Кор. 7. 12—16)?[1]). Св. Василій В. также положилъ правило: „отъ невѣрнаго мужа не повелѣно разлучатися женѣ, а пребывати съ нимъ, по неизвѣстности, что будетъ. *Что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши?*“ (пр. 9-е)[1]).

Правила о воспрещеніи православнымъ вступать въ бракъ съ еретиками соблюдались весьма строго въ православной Церкви и въ послѣдующее время. Такъ, напримѣръ, патріархъ александрійскій Маркъ II обращался къ знаменитому толкователю Вальсамону съ вопросомъ, что должно дѣлать въ томъ случаѣ, если православныя жены заключатъ бракъ съ сарацинами и еретиками и пожелаютъ продолжать церковное общеніе. Вальсамонъ высказался за прекращеніе такихъ браковъ и, въ случаѣ непослушанія, требовалъ отлученія отъ Церкви. (Вальсамонъ употребляетъ при этомъ слово *αἱρετικὸς* какъ по отношенію къ сарацину, такъ и къ еретику[2]).

ною, которая не согласилась на убѣжденіе мужа принять крещеніе.“ (См. толкованіе Вальсамона на 12 пр. Трул. соб. Правила св. вселенскихъ соборовъ, стр. 514). — Обращеніе къ вѣрѣ, по совершенно справедливому замѣчанію арх. Іоанна (вып. 2, стр. 466—467), во всякомъ случаѣ должно имѣть свидѣтельство въ себѣ чистоты намѣреній, безкорыстія, убѣжденія, самоотверженія, а не принужденія, не самоугодныхъ выгодъ. Все это можетъ засвидѣтельствовать въ себѣ новообращенный супругъ, когда онъ, соотвѣтственно желанію другого супруга, не обращеннаго, не отвергаетъ его, но остается съ нимъ въ брачномъ сожитіи. Иначе требованіе развода, противъ воли этого другого супруга, подвергало бы самую вѣру обращеннаго нареканіямъ, показывало бы нетерпимость въ вѣрѣ, ожесточало бы невѣрующихъ, — и тѣмъ ихъ самихъ отдаляло бы отъ обращенія.“

1) Арх. Іоаннъ, вып. 2., стр. 464—467. „Если кто послѣ женитьбы или замужества приметъ благочестивое ученіе, говоритъ другой знаменитый учитель Церкви — Златоустъ, а другое лице останется въ невѣріи и между тѣмъ пожелаетъ жить вмѣстѣ, то бракъ не расторгается“ (Бес. XIX. на 1 посл. къ Коринѳ., стр. 331). Что же касается до заключенія брака съ невѣрными въ христіанствѣ, то оно не можетъ быть дозволено. Толкуя слова Ап. Павла: святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ. . ., Златоустъ рѣшительно заявляетъ, что здѣсь Апостолъ говоритъ не о тѣхъ, которые еще не сочетались бракомъ, но о сочетавшихся. М. Григоревскій. Ученіе св. Іоанна Златоуста о бракѣ. Странникъ. 1899. 2., стр. 212—213.

2) *Σύνταγμα κανόνων* IV. 476.

Греко-римское законодательство вполнѣ согласовалось съ каноническими постановленіями православной Церкви. Греко-римскіе законы вообще запрещали смѣшанные браки, признавая вполнѣ законнымъ лишь бракъ, заключенный между двумя лицами одной вѣры; однакожъ они тоже оставляли въ супружествѣ обращеннаго къ вѣрѣ супруга съ необращеннымъ, — подъ условіемъ крещенія и воспитанія дѣтей въ православной вѣрѣ. Эти постановленія греко-римскаго законодательства перешли въ каноническіе сборники и такимъ образомъ получили значеніе и для церковнаго права [1]).

Къ раскольникамъ церковное законодательство относилось болѣе мягко, чѣмъ къ еретикамъ, и не настаивало на недопустимости браковъ православныхъ съ раскольниками [2]);

---

1) Cod. Justin lib. 5. Const. 12. Basilic. 1, 1. cap. 25. Cf. Photii Nomocan. tit. 12. cap. 13, ubi: „Ius civile, licet matrimonium definiens, dicit, esse divini et humani iuris communicationen, et convenienter huic definitioni oportet eos, qui matrimonio coniunguntur, esse eiusdem religionis: scit tamen et admittit matrimonium inter orthodoxum et haereticum; dicit enim, quod si contendant parentes, superior evadit, qui vult suos filios ad fidem orthodoxam adducere, et si alter eorum, qui cohabitant, sit orthodoxus, alter haereticus, oportet eorum liberos esse orthodoxos".

Въ свою очередь, церковь западная, хотя не подвергала смѣшанные браки расторженію, впрочемъ, всегда объявляла ихъ сомнительными и требовала строгой епитиміи за нихъ. Въ поздѣйшее время римско-католическому духовенству дозволено вѣнчать такіе браки только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть вѣрное ручательство за сохраненіе вѣры въ семействѣ и воспитанія дѣтей въ правилахъ церкви (Римской). Арх. Іоаннъ, вып., 2, стр. 467—468 прим.

2) Допущеніе такихъ браковъ покоится на интересѣ Церкви (*οἰκονομία*), которая, запрещая такіе браки, потерпѣла бы большій вредъ, чѣмъ тотъ, который происходитъ отъ ихъ разрѣшенія. Весьма замѣчательнымъ является тотъ фактъ, что 12-е правило собора бывшаго въ Hippo regius въ 393 году, содержащее, въ латинскомъ оригиналѣ, слѣдующее постановленіе: „Item placuit, ut filii vel filiae episcoporum, vel quorumlibet clericorum, gentilibus vel haereticis aut schismaticis matrimonio non conjungantur" (Harduin. I. 882. Mansi. Ш. 915 и 733. Coleti II. 1401), въ греческомъ сборникѣ восточной Церкви, именно въ 21-мъ (по Книгѣ правилъ — 30-мъ) правилѣ Карѳаг. соб., приведено въ измѣненной формѣ, съ опущеніемъ слова schismaticis". Это правило гласитъ: „Заблагоразсуждено, чтобы дѣти состоящихъ въ клирѣ, не совокуплялись бракомъ съ язычниками или съ еретиками." Zhishman. Das Eherecht der orientalischen Kirche. Wien 1864, стр. 525.

по крайней мѣрѣ, ни изъ одного церковнаго правила нельзя заключить, чтобы Церковь когда либо требовала расторженія такихъ браковъ. Да и трудно было бы провести такое правило въ жизнь, такъ какъ, при безпрерывныхъ религіозныхъ спорахъ въ Византіи, въ которыхъ принимали участіе сами византійскіе императоры, среди этихъ послѣднихъ, а также нерѣдко и среди епископовъ, при томъ весьма уважаемыхъ, могли встрѣчаться люди, погрѣшавшіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ христіанскаго ученія. Конечно, Церковь должна была совѣтовать православнымъ, по возможности, избѣгать такихъ браковъ, но она не оспаривала дѣйствительности этихъ браковъ, въ случаѣ ихъ заключенія, въ виду правильнаго понятія раскольниковъ о святости и достоинствѣ брака, какъ таинства [1]). Существуютъ свидѣтельства тому, что браки, заключенные съ иконоборцами, признавались, дѣйствительными. Эклога императора Льва Исаврянина и сына его Константина Копронима (VIII в.) требуетъ отъ желающихъ вступить въ бракъ только единства христіанской вѣры и не обращаетъ вниманія на уклоненія отъ чистоты ея ученія [2]). Рядъ историческихъ данныхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, послѣ раздѣленія церквей, браки православныхъ съ латинянами [3]) въ Византіи допускались; по крайней мѣрѣ, византійскіе императоры и сами женились на латинянкахъ, и своихъ дочерей отдавали за латинянъ [4]), при чемъ въ вѣнчаніи такихъ браковъ

---

1) Признавая крещеніе аріанъ, донатистовъ, пелагіанъ, несторіанъ, евтихіанъ и другихъ сектъ дѣйствительнымъ, Церковь должна была считать ихъ способными къ принятію брака, какъ таинства. Zhishman, стр. 526.

2) *Συνίσταται γάμος Χριστιανῶν, εἴτε ἐγγράφως εἴτε ἀγράφως, μεταξὺ ἀνδρὸς καὶ γυναικός.* Eclog. Leon. et Constant. II. 1. Zhishman, стр. 527.

3) Когда заходила рѣчь о положеніи латинянъ по отношенію къ восточной Церкви, то они были послѣдовательно помѣщаемы въ ряду схизматиковъ. (См. напр. 35-ый вопросъ патріарха Марка II Александрійскаго. *Σ.* IV. 476). Zhishman, стр. 528.

4) Многочисленные примѣры такихъ браковъ приведены у Zhishman'a въ его Eherecht der orientalischen Kirche, на стр. 533—535.

принимали участіе какъ восточные патріархи, такъ и патріархи латинскіе [1]).

Что касается клириковъ, то Церковь, охраняя чистоту вѣры, должна была относиться къ бракамъ ихъ съ неправославными гораздо строже, такъ какъ лицо, состоящее въ клирѣ, даже на низшей церковно-служебной должности, болѣе, чѣмъ кто либо другой, должно заботиться о сохраненіи въ чистотѣ православной вѣры и Церкви. Поэтому церковныя правила [2]) въ особенности запрещаютъ клирикамъ, даже чтецамъ и пѣвцамъ, бракъ съ лицами неправославными.

Въ томъ же случаѣ, если бы кто, состоя въ супружествѣ съ лицемъ иновѣрнымъ или еретическимъ, пожелалъ принять священно-служительскій санъ, церковныя правила дозволяютъ это не иначе, какъ если ищущіе священства „всѣхъ въ домѣ своемъ содѣлаютъ православными Христіанами“ (Карѳ. соб., по Книгѣ правилъ, прав. 45-е).

Д. О религіозномъ общеніи вообще.

Христіане, говоритъ профессоръ Бердниковъ [3]), не прерывали съ своими согражданами язычниками обыкновеннаго житейскаго общенія. Это правило условливалось частію неизбѣжностію житейскихъ связей при совмѣстномъ гражданскомъ общежитіи [4]), а съ другой стороны, оно вытекало

---

1) Примѣры благословенія браковъ православныхъ съ латинянами восточными патріархами и патріархами латинскими приведены у Zhishman'a — на стр. 535—536.

2) См. приведенныя выше правила: Лаод. 10; Карѳ., по Книгѣ правилъ, 30; Халкид. соб. пр. 14.

3) Государственное положеніе религіи въ греко-римской имперіи. Т. I. Казань 1881. стр. 510—512.

4) 1 Кор. 5. 10.

изъ свойственнаго христіанамъ уваженія къ порядку общественной жизни [1]) и заповѣданной имъ любви ко всѣмъ людямъ, а не къ однимъ единовѣрцамъ. Христіане вели со своими согражданами иновѣрцами какъ дѣловыя сношенія, такъ и частныя знакомства [2]). Они ходили къ своимъ знакомымъ и друзьямъ среди язычниковъ по приглашенію на домашнія празднества, устроявшіяся напр. по случаю сговора, свадьбы, нареченія имени младенцу, перваго надѣванія сыномъ мужской тоги, раздѣляли съ ними въ этихъ случаяхъ пищу и удовольствія, были даже невольными зрителями языческихъ жертвоприношеній и обрядовъ, при этомъ совершавшихся [3]). Они не имѣли предубѣжденія противъ того, что продавалось на торгу язычниками, и безъ стѣсненія покупали и употребляли, что было нужно [4]). Они были чужды чувству нерасположенія къ язычникамъ. По заповѣди апостольской, они молились за язычниковъ [5]), подавали имъ милостыню [6]), изгоняли изъ нихъ бѣсовъ, исцѣляли ихъ больныхъ посредствомъ помазанія елеемъ [7]), во время народныхъ бѣдствій ухаживали за больными, хоронили умершихъ, вообще, благотворили чѣмъ могли [8]).

Но христіане отдѣлялись отъ язычниковъ по своей вѣрѣ и по своему образу жизни. Различіе это было такъ рѣзко, что не допускало никакого религіознаго общенія между послѣдователями того и другого культа [9]).

---

1) 1 Солун. 4. 11, 12. Колос. 4. 5.

2) Tertul. De idol. 14. 21. 22. Apol. 42.

3) 1 Кор. 10. 27. Tertul. De idol. 16. De Cultu foem. II. 11. Златоустъ. На 1 Кор. 1. 279.

4) 1 Кор. 10. 25.

5) 1 Тим. 2. 4. Евсевій. О пал. мучен. 8.

6) Tertul. De idol. 22.

7) Tertul. Ad. Scap. 4.

8) Понтій въ жизнеописаніи св. Кипріана 10. См. Твор. св. Кипр. въ р. пер. LXII. LXIII. Евсев. Церк. Ист. IX. 8.

9) 2 Кор. 6. 14—16.

Уже Апостолъ Павелъ не дозволялъ имѣть религіознаго общенія съ людьми, не послѣдующими истинному ученію Христову [1]) и завѣтамъ апостольскимъ [2]). Заповѣдь Апостола, запрещающая православнымъ имѣть религіозное общеніе съ еретиками, повторяется во многихъ церковныхъ правилахъ.

Во 1-хъ, православнымъ запрещается молиться съ еретиками. Именно въ 45-мъ Апост. правилѣ читаемъ:

> „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, съ еретиками молившійся токмо, да будетъ отлученъ. Аще же позволитъ имъ дѣйствовать что либо, яко служителямъ Церкви: да будетъ изверженъ.“

65-е Апост. правило содержитъ слѣдующее постановленіе:

> „Аще кто изъ клира, или мірянинъ, въ синагогу Іудейскую или еретическую войдетъ помолитися: да будетъ и отъ чина священнаго изверженъ, и отлученъ отъ общенія Церковнаго“.

И дѣйствительно, молитва должна быть выраженіемъ исповѣданія вѣры и на немъ утверждаться; молитва же еретиковъ, повреждающихъ исповѣданіе вѣры, не можетъ быть ни правильна, ни Богу угодна, и общеніе православныхъ съ еретиками въ молитвѣ означало бы согласіе съ ними въ томъ исповѣданіи вѣры, какое они у себя имѣютъ. [3]).

Во 2-хъ, запрещается дозволять еретикамъ присутствовать при священнодѣйствіи и въ молитвахъ съ вѣрными и

---

1) *Еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, отвращайся.* (Тит. 3, 10.)

2) *Если же кто не послушаетъ слова нашего въ семъ посланіи, того имѣйте на замѣчаніи, и не сообщайтесь съ нимъ, что бы устыдить его. Но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата.* (2 Θессал. 3. 14, 15.).

3) Арх. Іоаннъ, вып. 1, стр. 448.

даже дозволять имъ входить въ домъ Божій. Такъ, 33-е прав. Лаодик. соб. гласитъ:

„Не подобаетъ молитися съ еретикомъ или отщепенцемъ". (*σχισματικῷ*).

Тимоѳей, епископъ Александрійскій, на вопросъ (9):

„Долженъ ли священнослужитель молитися въ присутствіи Аріанъ или другихъ еретиковъ; или будетъ ли то ни мало не во вредъ ему, когда при нихъ совершаетъ онъ свою молитву или священнодѣйствіе";

даетъ слѣдующій отвѣтъ:

„Въ божественной литургіи діаконъ предъ временемъ цѣлованія возглашаетъ: не пріемлемые ко общенію изыдите. Посему таковые не должны присутствовати, аще не обѣщаются покаятися и оставити ересь".

Наконецъ, въ 6-мъ правилѣ Лаодик. соб. читаемъ:

„Не попускати еретикамъ, коснѣющимъ въ ереси, входити въ домъ Божій".

Въ 3-хъ, православнымъ запрещается принимать отъ еретиковъ благословенія, такъ какъ у еретиковъ, неправильно исповѣдающихъ св. Троицу, не можетъ быть истиннаго, дѣйствительнаго благословенія:[1])

„Не подобаетъ отъ еретиковъ принимати благословенія, которыя суть суесловія паче, нежели благословенія." (Лаод. соб. пр. 32-е).

Въ 4-хъ, запрещается православнымъ ходить на кладбища или въ такъ именуемыя у еретиковъ мученическія мѣста для молитвъ и врачеванія, чтобы избѣжать

1) Арх. Іоаннъ, вып. 1., стр. 449.

опасности зараженія чуждымъ духомъ ересей и уклоненія отъ единой истинной Церкви. Именно, 9-е правило Лаодик. соб. постановляетъ:

> „На кладбища всякихъ еретиковъ, или въ такъ именуемыя у нихъ мученическія мѣста, да не будетъ позволено церковнымъ ходити для молитвы, или для врачеванія. А ходящимъ, аще суть вѣрные, быти лишенными общенія церковнаго на нѣкое время. Кающихся же и исповѣдающихъ, яко согрѣшили, пріимати въ общеніе."

Въ 5-хъ, запрещается православнымъ принимать отъ еретиковъ праздничные дары и, вообще, праздновать съ ними, о чемъ свидѣтельствуетъ 37-е правило Лаодик. соб.:

> „Не должно принимати праздничные дары, посылаемые отъ Іудеевъ, или еретиковъ, ниже праздновати съ ними.

Православные священники не должны преподавать еретикамъ таинства, или исправлять для нихъ другія духовныя требы (если они не изъявляютъ намѣренія соединиться съ Церковію), а также не допускать еретиковъ къ совершенію сихъ требъ для православныхъ (Апост. 46-е, 65-е; Лаодик. 6-е, 9-е, 33-е, 37-е)[1]).

Всѣ эти правила, запрещающія христіанамъ религіозное общеніе съ неправославными, нисколько не противорѣчатъ духу христіанской любви и той вѣротерпимости, которая столь присуща православной Церкви, ибо „иное дѣло терпѣть вблизи себя заблуждающихъ, ожидая ихъ добровольнаго обращенія, и заботясь о томъ, чтобы имѣть съ ними внѣшнее (гражданское) общеніе, иное — вступать съ ними въ безразличное общеніе въ вѣрѣ, что уже значитъ — не

---

1) Арх. Іоаннъ, вып. 1., стр. 192.

ихъ обращать въ православію, а самому колебаться въ немъ“ [1]). Здѣсь все дѣло направляется къ предохраненію православныхъ отъ религіознаго индиферентизма, или безразличія въ дѣлахъ вѣры, равнодушія къ нимъ.

Въ видахъ предохраненія православныхъ отъ измѣны вѣрѣ, правила часто запрещаютъ послѣднимъ не только религіозное, но и житейское общеніе съ еретиками и невѣрными (особенно съ іудеями); такъ именно въ этихъ видахъ они не дозволяютъ православнымъ „вступати въ содружество съ неправославными и невѣрными, ни въ болѣзняхъ призывати ихъ, и врачевства принимати отъ нихъ, ни въ баняхъ купно съ ними мытися“ [2]); епископамъ же, подъ страхомъ предания анаѳемѣ, воспрещаютъ оставлять еретиковъ наслѣдниками своего имущества:

> „Опредѣлено и сіе: аще который Епископъ еретиковъ, или язычниковъ, сродниковъ, или не принадлежащихъ къ сродству, оставитъ наслѣдниками своими, и предпочтетъ ихъ Церкви: таковому и по смерти да будетъ изречена анаѳема, и его имя никогда отъ іереевъ Божіихъ да не возносится. Да не можетъ быти ему въ оправданіе и то, аще безъ завѣщанія отыдетъ. Понеже бывъ поставленъ Епископомъ, по приличію, долженъ былъ учинити назначеніе своего имущества, сообразное своему званію“. (Карѳаг. соб., по Книгѣ правилъ, 92-е).

Со времени отдѣленія римско-католической церкви отъ восточной, постановленія означенныхъ церковныхъ правилъ,

---

1) Тамъ же, стр. 191—192.

2) Трул. 11. Въ толкованіи на это правило Вальсамонъ пишетъ: „Замѣть настоящее правило для латинянъ, которые празднуютъ опрѣсноками, и для тѣхъ, которые лечатся у іудеевъ и еретиковъ; ибо всѣ таковые осуждены на отлученіе. Правила св. вселенскихъ соборовъ, стр. 317.

относительно религіознаго общенія православныхъ съ латинянами, примѣнялись къ послѣднимъ, смотря по обстоятельствамъ, то болѣе, то менѣе строго. Такъ, когда патріархъ Маркъ II александрійскій поставилъ Θеодору Вальсамону вопросъ, возможенъ ли латинскимъ плѣнникамъ входъ въ православныя церкви и могутъ ли тамъ имъ быть сообщаемы благодатные дары, отвѣтъ былъ данъ отрицательный. Вальсамонъ допускаетъ это только тогда, когда такіе латиняне сперва подчинятся постановленіямъ православной Церкви[1]). Но когда, позднѣе (въ XIII в.), митрополитъ Диррахіума Константинъ Кабазила предлагалъ архіепископу Димитрію Хоматину вопросъ, могутъ ли православные епископы имѣть входъ въ латинскія церкви и участвовать тамъ въ богослуженіи, архіепископъ въ отвѣтъ на это указалъ на незначительное различіе, существующее между латинскою и восточною церковью, такъ что поэтому ни одному восточному епископу нельзя отказать во входѣ въ латинскую церковь. Точно также онъ рѣшительно высказался за тотъ, раздѣляемый большею частью греческаго духовенства, взглядъ, что приговоръ Вальсамона является рѣзкимъ и неосновательнымъ: ибо латиняне и не были осуждены соборно, и не были исключены, какъ еретики, изъ церковнаго общества, но много разъ участвовали въ богослуженіи и молитвахъ православныхъ. Основаніе этого можно вывести изъ 15 правила I—II Константинопольскаго (въ храмѣ св. Апостоловъ) собора 861 г.[2]). Вообще, по мнѣнію Димитрія

1) Вальсамонъ *ἀπόκρ.* 16, *Σ.* V. 460: *Οὐκ ὀφείλει γένος Λατινικὸν ἐκ χειρὸς ἱερατικῆς διὰ τῶν θείων καὶ ἁγράντων μυστηρίων ἁγιάζεσθαι, εἰ μὴ κατάθηται πρότερον ἀπέχεσθαι τῶν Λατινικῶν δογμάτων τε καὶ συνηθειῶν, καὶ κατὰ κανόνας κατηχηθῇ, καὶ τοῖς ὀρθοδόξοις ἐξισωθῇ.* Zhishman. Das Eherecht, стр. 531—532.

2) Димитрій Хоматинъ въ 4 *ἀπόκρισις Σ.* V. 435: *Τῇ τοιαύτῃ δὲ ἀποκρίσει* (т. е. относительно 16 *ἀπόκρ.* Вальсамона) *τηνικαῦτα πολλοὶ τῶν ἑλλογίμων οὐκ ἔθεντο, οἷα πολὺ ἐχούσῃ τὸ ἀπηνές τε καὶ ἰταμὸν, καὶ μὴ προσῆκον μέμψει Λατινικῶν τύπων τε καὶ ἐθῶν· ὅτι τε, φασὶν, οὐ διεγνώσθησαν ταῦτα συνοδικῶς· καὶ οὐδ' αὐτοὶ, ὡς αἱρεσιῶται, ἀπόβλητοι δημοσίᾳ, γεγόνασιν· ἀλλὰ καὶ συνεσθιοῦσιν ἡμῖν, καὶ συνεύχονται. Καὶ δύναταί τις, φασὶ, τὸν λογισμὸν τοῦτον ἐκ τοῦ ιε'. κανόνος τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει ἁγίας συνόδου, τῆς λεγομένης πρώτης καὶ δευτέρας, καλῶς ἀναδέξασθαι.* Zhishman, стр. 532—533.

Хоматина, интересы православной Церкви должны быть направлены не на то, чтобы отталкивать латинянъ, но постепенно и мирно склонять ихъ на свою сторону, ибо одинъ и тотъ же Спаситель и Господь пролилъ свою кровь за всѣхъ [1]). — Въ тоже время, по поводу того, что латиняне открыли свои кладбища православнымъ и благословляли ихъ тѣла при погребеніи, обратился упомянутый митрополитъ Диррахіума къ епископу Іоанну Китрскому съ вопросомъ, не можетъ ли это дѣлаться равнымъ образомъ и со стороны православныхъ. Епископъ отвѣтилъ въ примирительномъ духѣ, что въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, между послѣдователями обоихъ вѣроисповѣданій не можетъ быть никакого различія [2]). Но тотъ же Димитрій Хоматинъ въ своемъ позднѣйшемъ, обращенномъ къ монаху Григорію Ойкодомопуло, письмѣ высказалъ болѣе строгое отношеніе къ латинянамъ, когда, по завоеваніи латинянами Константинополя, находившійся въ Θессалоникахъ кардинальскій легатъ старался пріобрѣсти для Рима монастыри горы Аѳонской, и вслѣдствіе того между монахами монастыря Ивирона возникъ споръ [3]).

Вообще, надо замѣтить, что въ позднѣйшее время не было тѣхъ причинъ, какія дѣйствовали въ Церкви первыхъ вѣковъ христіанства, для примѣненія во всей строгости

---

1) Димитрій Хоматинъ *Σ.* V. 436.

2) Іоаннъ Китр. 2. *ἀπόκρ.* 2 *Σ.* V. 404. Въ Cod. Monac. 62 fol. 268 a — 292 a большая часть отвѣтовъ, авторомъ которыхъ составитель Синтагмы (V. 403—420) считаетъ епископа Іоанна Китрскаго, считается принадлежащею Димитрію Хоматину. Это, равно какъ и другія положительныя основанія, привели Потлиса, не задолго до его смерти, къ мнѣнію, что всѣ, приписанные Іоанну Китрскому, отвѣты должны имѣть свое происхожденіе отъ Димитрія Хоматина. Zhishman, 533. прим.

3) Въ Cod. Monac. 62 fol. 116 b. говорится, конечно, о тѣхъ, которые примкнули къ римской церкви: *Καὶ τοίνυν, ἀποφαινόμεθα, ὡς οὐκ ἄξιός ἐστι ἐν οὐδενὶ κοινωνεῖν τοὺς γραικοὺς τοῖς ἔβηρσι μοναχοῖς, καὶ ὅσοι τούτοις ὁμοφρόνως, ὡς ἀναμαξαμένοις τῶν ἰταλικῶν ἐθῶν τε καὶ θρησκεύματος γεγόνασι ἔκβλητα.* Zhishman, стр. 533, прим.

постановленій относительно религіознаго общенія православныхъ съ иновѣрцами.

Во всякомъ случаѣ, предохраняя православныхъ христіанъ отъ возможныхъ опасностей со стороны еретиковъ, православная Церковь, слѣдуя приведеннымъ выше словамъ Ап. Павла (2 Θессал. 3, 15) [1]), никогда не допускала нетерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ, религіозной вражды, презрительнаго и злобнаго отъ нихъ отчужденія, но внушала сохранять и къ нимъ братскія чувства, какъ заповѣдалъ Апостолъ.

Таково было отношеніе къ лицамъ неправославнымъ Церкви восточной.

---

1) ... *не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата.* См. стр. 41 примѣч.

лери малопѣшечные одолѣваютъ фрегатомъ и ботомъ [24]), аще галери флагмановъ на регѣлярныхъ сѣднахъ побѣждаютъ, что о кораблѣхъ дѣмати имате? Но ѣвидѣсте ѣже самымъ искѣствомъ в' семъ походѣ, ѣвидѣли корабли шведскіи кораблемъ росси'скихъ, и не взмогли сего не сотворити, да низпѣщеніемъ флага своего [25]) росси'скіи флаги не почтити. Искѣсны' в' политикѣ Шаѣтбенахтъ Шведски', прежде отъ галер россі'скихъ взятый, за блго себѣ разсѣдилъ, что флагманѣ без' прочіихъ оффиціеровъ неприлично быти, аще и в' плѣни, присовокѣпилъ к' себѣ капитана-камендора и капитана и иныхъ не мало в' приличное товарѣство.

Привѣтствѣемъ ѣбо тебѣ, Россіе, сего блгополѣчіа Бжіа и млрдіа! Привѣтствѣемъ же и тебѣ, Блгочестивѣ'ши' Монархо, сіа побѣди! привѣтствѣемъ тебѣ, отче отечества, застѣпленію Бжію врѣчивы'ся, сихъ торжествъ: воинствѣеши по срцѣ Бжію, и отсюдѣ его пособствіе во бранѣхъ воспріемлеши! В' тебѣ едином древныхъ оныхъ свтыхъ мѣже', иже вѣрою побѣдиша цртвіа, содѣяша правдѣ, полѣчиша обѣтованіа, избыша [26]) остреа меча, возмогоша от немощи, быша крѣпцы во бранехъ, обратиша в' бѣгство полки чѣжихъ, сихъ всѣхъ ѣвидѣти лѣтъ ест, егда ихъ образомъ и примѣромъ воинствѣеши, подобіемъ ихъ всю свою надежду возлагаеши на Гда силъ Бга ншего. Гедеонъ в' брани своем имѣяше символъ, сі есть лозѣнгъ, «копіе Гдѣ и Гедеонѣ»; Іѣда Маккаве', исходя противо Judic: 7.
Антіоха Евпатора, даде сицевое гасло: «от Гпда побѣда»; 2Macab: 13.
тво' символъ: «прослави прославившаго нас, слава в' вышнихъ Бгѣ, с' нами Бгъ». Различныя Римскія імператори имѣяхѣ символи: Октавіанъ «не скоро поспѣша'», Титъ Веспасіанъ «властитель блги', любовь мира», Каракалла «все спсеніе во орѣжіи», Пертинаксъ «воинствѣимъ», Септими' Северъ «трѣждаимся»; от хрстіанскихъ же імператоровъ: Констаитина Великаго «неѣврачеваная язва мечем да отсѣчется», Феодосіа Третіаго «терпѣніе врачевство злыхъ», но и недавныхъ Римскихъ: Леопольдъ

24) фрегатовъ и ботовъ 25) флаговъ своихъ 26) избѣгоша.

имѣяше символъ «совѣтом и прилѣжаніем», Іосифъ снъ его «любовію и страхом». Несравненно тво' символъ блгоразумнѣ'ши' и бголюбезны': «прослави прославившаго нас, сі ест Бга, с' нами Бгъ!» ||

Стр. 185. Сіе твое и сицевое на Бга упованіе всегда побѣдителя, всегда врагом страшна, всегда в' мирѣ [27]) славна и нбсною честію увѣнчанна во оном вѣцѣ покажетъ. Радуйтеся же и вы и торжествуйте, россі'скіе флагмани и капитани и все хрстолюбивое воинство, здравія своего за отечество и Гаря своего не щадящии, о житіи своем небрегущіи: вам мчническі' вѣнецъ уготован есть; вы оставлшии вся мирскаа пристрастія, в' црствіи нбсном сторицею воспри'мете и живот вѣчны' наслѣдите! Слакаа вам смрть за отечество, но сладости вѣчныа, ихже око не видѣ, ухо не слыша и на сраце члвку не взи'де, уготованны вам сут. Тамо со оными воинами, Ѳеодором Стратилатом, сі есть воеводою, Андреем Стратилатом, Георгіем, Димитріем, Севастіаном и иными безчисленными побѣдны' вѣнецъ воспри'мете. Да якоже убо доселѣ, страхом Бжіимъ ограждени, доблествено подвизающеся, побѣдныа Россіи вѣнцы исплетосте, сице и в'пред то'же Гдь силъ да будетъ крѣпост и мужество ваше, да будетъ вамъ щитъ и шлемъ непребори противо враговъ вашихъ, донелѣже Гдь, помощникъ вашъ, блгословитъ люди своа миром! АМИНЬ.

Haec concio praedicata est in insula Lameland, in sinu Bothnico, in ecclesia campestri introductionis B. V. Mariae Legionis Simonoviensis, cum classis navalis jacuerat in anchoris, in praesentia S. C. Maiestatis, officialiumque et ministrorum terrestrium et navarcharum. Anno 1719, Jul: 27 [28]).

---

27) семъ мірѣ 28) Латинской приписки нѣтъ, а вмѣсто нея: Проповѣдано бысть сіе слово оберъ-іеромонахомъ Гавріиломъ, при островѣ Ламеландъ в' заливѣ Ботнической, на корабли Інгермоландіи, егда корабли были при якоряхъ. Лѣта 1719, мца Іуля 27 дня. — Повелѣніемъ же Црскаго Пресвѣтлаго Величества Петра Перваго Всероссійскаго Імператора напечатася при Санктъпитербурхѣ въ Троицкомъ Александроневскомъ мнстрѣ 1720 лѣта, мца Маія 2 дня.

XXIII.

Dominica 21-ma, in quam incidit 11-ma Octobris, qua recuperata est urbs Slussenburch [1]).

Дамъ ключъ домѫ Дв҃дова на рамо его, и отверзетъ и не бѫдетъ затворяющаго, и затворитъ и не бѫдетъ отверзающаго. Isai: cap: 22, ст. 22.

Явственнѣе сіе и свѣтлѣе паче [2]) полѫденаго свѣта и кромѣ всякаго ѕѫмнителства разѫмѣваемо, С. Б., яко чрезъ прстолъ Дв҃довъ или домъ Дв҃довъ, часто в' пророчествіихъ и иномъ Писаніи Бжественномъ воспоминаемы', не домъ или стѣни созданныя от Дв҃да [3]), о которомъ, аки бы онъ цѣлъ доселѣ пребываетъ и аки бы всегда шѫми и гласи в' немъ слышатся, баснотворныя или, паче рекѫ, смѣхотворныя обносятся повѣсти [4]), разѫмѣется, но якоже в' Ветхомъ, равно и в' Новомъ завѣтахъ чрезъ оныя реченія прстолъ или домъ Дв҃довъ

Разночтенія по отдѣльному изданію 1722 года:

1) Заглавіе: Ключь дому Дв҃дова на рамо бгохранимой державѣ Россійской отъ трінпостаснаго побѣдителя данный, Блгочестивѣйшему же Императору и Монарху Всероссійскому Петру Первому врученный. Въ возвращенной блгополучно крѣпости россійской Слюссеньбурху, лѣта 1702-го, яже подъ хищнымъ неправеднымъ владѣніемъ свійскимъ девяносто лѣтъ бяше, въ день воспоминанія возвращенія ея, при блгодарствіи Богу всемогущему, проповѣданъ оберъ-іеромонахомъ Гавріиломъ. Лѣта 1719, октоврія въ 11 день 2) Явственно сіе и свѣтлше 3) яко идѣже въ пророчествіяхъ и индѣ въ писаніи бжественномъ обрѣтаются словеса о домѣ Дв҃довѣ или о прстолѣ его, то чрезъ оныя не домъ и стѣны каменныя отъ Дв҃да созданныя 4) многія отъ тамо бывающихъ путешественниковъ или, паче рещи, ханжей смѣхотворныя обносятся повѣсти

собраніе вѣрныхъ, людіе Бжіи, црковъ истиннаꙗ изобразѹема бꙗше[5]). Прорчествѹ' о избавленіи рода члвчскаго помнѧты' Ісаіа не к' стѣнам и храминѣ, но к' народѹ избраномѹ глго-

Isai: 7. лет: Слыши, доме Двдовъ: еда малъ ест вам трѹдꙗти члвкомъ, то како Гдевѣ даете трѹд? сего ради даст Гпдь самъ знаменіе вамъ: се Два во чревѣ зачнетъ и родитъ Сна, и прозовеши іма емѹ Емманѹилъ, и прочаꙗ о томъ обширно к' Цркви ѹтѣшителнаꙗ словеса изволиꙗ' да зритъ в' гл: 7. Равное семѹ

Jerem: 21. и в' Іереміи обрѣтаем: Слышите слово Гдне: доме Двдовъ, рече Гпдь. Еще же ꙗвственѣе кто не ѹвидит, не токмо в' Цркви, но свѣтло о Цркви нашей новыꙗ блго-

Захар: 12. дати вѣщающа бгодхновенными ѹсти Захарію прорка: И бѹдетъ, рече, в' ден он, защитит Гпдь живѹщихъ во Іерлимѣ, и бѹдет немощны' в' нихъ в' то' ден ꙗко Двдъ, а дом Двдовъ ꙗко домъ Бжи', ꙗко Агглъ Гпднь пред ними, и бѹдетъ в' ден онъ,

Стр. 186. взыщѹ изꙗти всꙗ ꙗзыки грꙗдѹщыꙗ || на Іерлим, и излію на дом Двдовъ и на живѹщыꙗ во Іерлимѣ дхъ блгодати и щедротъ, и воззрѧтъ нан, егоже прободоша. Егда же прииде ѹже времꙗ спсителное, прииде в' прорчествіихъ и образѣхъ презнамованное с'бытіе истины, блговѣствѹетъ архагглъ Гавриилъ новое, но зѣло радостное, зѣло желанное евглліе Преблгословено' Двѣ Мріи,

Luc: 1. но тогожде імени и фразеса[6]) ѹпотребляетъ: Не бо'ся, Маріамъ, обрѣте бо блгдть предъ Бгом, и се зачнеши во чревѣ и родиши сна, и наречеши іма емѹ Іисъ; се' бѹдетъ вели', и Снъ Вышняго наречетсꙗ, и даст емѹ Гпдь Бгъ прстлъ Двда, отца его, и воцритсꙗ в' домѹ Іаковли во вѣки, и црствію его не бѹдетъ конца. Сицевомѹ ѹбо домѹ Двдовѹ, Цркви свое' Свто', обѣщаваетъ дати Премлрдны'

---

5) прибавлено: Видимъ сіе ясно изъ помянутаго пророка Исаіи
6) реченія

Гдь Бгъ ключъ сво': дамъ ключъ домѹ Двдова на рамѣ его. Но что ключъ оны'? до ѥковаго и гдѣ хранимаго сокровища? что имами оны ѥ одъмикати?

Воспоминаетъ нѣкиѥ ключи Писаніе Свтое, но ѥко немногіѥ, тако [7]) ниже сѣмо надлежащиѥ. Первое ѹ Лѹки евглиста в' гл: 11 ст. 52: Горе вамъ законникомъ, ѥко взясте ключъ разѹмѣніѥ, сами не внидосте и в'ходящимъ возбранисте. Не сѣмо надлежатъ и оныѥ ключи Петрови, имѹщии властъ вязати и рѣшити, понеже се' ключъ, чрезъ Прорка воспоманены', иматъ силѹ отворяти и затворяти. Еще же о нѣкоемъ ключи от безды, о которомъ воспоминается в' Апокалипсисѣ, ниже глголати здѣ лѣтъ есть, оны' бо ключъ есть гнѣва Бжіѥ, се' же самымъ своимъ описаніемъ блгдть и млст знаменѹетъ: отверзетъ, рече, и не бѹдет затворяющаго, затворитъ и не бѹдет отверзающаго. Повелѣвается в' Откровеніи Іоанѹ Бгословѹ, да напишетъ к' агглѹ Филаделфи'скиѥ цркви: тако глголетъ Свты' Истины', имѣяй ключъ Двдовъ отверзаяй' и никтоже затворитъ, затворяяй' и никтоже отверзетъ. Согласенъ онъ ключъ с' симъ прорчески, но откры' намъ, Бгослове, что то ключъ то' Двдвъ, от которыхъ сокровищъ? А болше о ключѣ воспоминаніи в' Писаніи не обрѣтаемъ [8]). Разсѹждающе древныи раввины нѣкиѥ сицевыѥ дѣла Бжіѥ, ѥже от члвкъ ѹдаленни и ихже рѹка члвческая сотворити и ѹмъ познати совершенно не можетъ, небезразѹмно измыслили, аки бы Бгъ четыре ключи [9]) при поясѣ своемъ носитъ, имиже крѣпкиѥ и зѣло трѹдныѥ замки отворяетъ: первы' ключъ — от прежаража'шаго его сокровища, имже питаетъ всю вселеннѹю и насищаетъ всяко животно блговоленіѥ, есть дождя, имже отмикаетъ нбо, да дастъ дождь блгопотребенъ, ѥкоже в' Второзаконіи глголетъ: открыетъ тебѣ Гдь сокровище свое блгое, нбо дастъ Арос: 3. Сар: 28.

7) прибавлено: мнится ми 8) пропущено: Повелѣвается . . . не обрѣтаемъ 9) яко же обыкновеніе имъ есть, измыслили, обаче не безразумно, аки бы суть сицевыя четыре каморы, отъ которыхъ ключи Богъ самъ

земли дождь во время свое; вторы' ключъ — смотрѣнїа его бжественнаго, имже непостижно содержитъ всю вселенную; треты' — рожденїа чловѣчскаго, ꙗко, имже хощетъ, отверзаетъ ѹтробы родити и заключаетъ не родити, ꙗкоже в' 30 гл. Быти' види: отверзлъ ѹтробѹ Лїи, заключи же Ра-
Ezech: 37. хили, женъ Іаковли; сим ключем твори матер о чадѣхъ весе-
Apoc: 1. лящюсѧ; четверты' ключъ — воскресенїа ншего, имже отверзаетъ гробы мртвыхъ и возводит ихъ к' животѹ, имже врата смрти отверзаетъ [10]). Но и сіи ключи себѣ единомѹ ѹдержѹетъ, и домѹ Двдовѹ не надобни. Каковъ ѹбо ключъ от своего бго-ѹтробїа Цркви своей дарѹетъ, обѣщалъ и далъ ѹже, и кто ест ключ оны', и что он отворѧетъ, на нн҃ѣшне' проповѣды ѹвиди [11]). Да отверзетъ же ключем блгодати прмлрды' Бгъ ѹмъ и ѹста моѧ ко проповѣданію, ѹшеса же и срца ваша ко
Стр. 187. слышанію, и да, ꙗже о ключи сем ѹслыши, || во внѹтростехъ ншихъ сохранити и заключити возможем к' ползѣ дшевно' и тѣлесно'.

Дамъ ключъ домѹ Двдова на рамо его. Ключъ ѹбо то', таковѹю силѹ в' себѣ содержащи', которы' егда отвори, то послѣ его нѣтъ заключающаго, и егда затворитъ, то никтоже ѹже не оттворитъ, не что иное есть, токмо всесилное Слово Бжіе, отворяющее нам входъ до Цртвїа нбснаго, сыновъ прежде гнѣва претворяющее в' сыны блгодати, обнищавшихъ нас в' блгода, обогащающее сокровищами бжественными. Симъ воистинѹ ключем блгодатнымъ отворилъ нам премлрды' Бгъ нашъ всѧ своѧ пренбсныѧ сокровища, сим

10) и возводитъ паки къ животу, сокрушаетъ вереи вѣчныя, содержащія связанныя тлѣніемъ 11) Но и сіи ключи дому Двдову црковному во власть не надобны, да держитъ я при себѣ вся на ползу строяй Богъ нашъ. Есть токмо единъ ключь согласенъ съ онымъ обѣщаннымъ, съ которымъ явился въ видѣніи стому Іоанну бгослову Спситель нашъ, и повѣлеваетъ ему, да напишетъ къ агглу філаделфійскія цркве: Тако, глетъ стый и истинный, имѣяй ключь Двдовъ, отверзаяй — никтоже затворитъ, затворяяй — никтоже отверзетъ. Согласенъ сей съ ключемъ прроческимъ: но что онъ и отъ чего, отъ коея каморы, отъ которыхъ сокровищъ, что имамы онымъ отмыкати, ключь сей кратчайшею проповѣдію моею нн҃ѣ умыслихъ изъявити.

заключе^{н}ныꙗ, и крѣпко о^{т} Агглⷭ стрегомыꙗ о^{т}ве^{р}злъ есть на^{м} райскиꙗ дверы. Помыслим^{ъ} вси обще, сынове Адамли, роде члвчски', что с' нами было, прежде даже се' ключъ, о^{т}це^{м} нши^{м} обѣща^{н}ны', на^{м} же ꙋже дарова^{н}ный, воспрiꙗхо^{м}. Не токмо лишихо^{м}сѧ славы нбсныꙗ, погꙋбихо^{м} безсм^{р}тiе, измѣнихо^{м} образъ и подобiе Бжiе; в'мѣсто нетлѣнiꙗ предахо^{м}сѧ тлѣнiю, вмѣсто вѣчныꙗ жизни обрꙋчихо^{м} см^{р}ть, вмѣсто блгословенiꙗ преданы вѣчно' кля^{т}вѣ, но кромѣ сихъ всѣхъ, еже мнѣлосѧ быти вѣчнаго о^{т}чаꙗнiꙗ исполне^{н}ное дѣло, ꙗко [12]) изгнано на^{с} о^{т} ра'скаго жилища, аки в' темницꙋ плачевнꙋю, ми^{р} се', всѧкихъ бѣдстви' и золъ преисполне^{н}ны', радости же оныꙗ вся не токмо заключе^{н}ны за^{м}ко^{м}, никогдаже и никиимже о^{т}творитисѧ могꙋщи^{м}, но стражба страшнаꙗ, карꙋлъ неꙋсыпны' с' пламе^{н}нымъ орꙋжiе^{м} приставле^{н}: о, превелiꙗго лишенiꙗ ншего! о, неизглго^{л}а^{н}ны' ꙋбытокъ! о, шкода без' награжденiꙗ! Тако заключе^{н}ным^{ъ} за грѣхъ ншъ радости нбсныꙗ коликиꙗ вѣки пре^{д} нами бꙗхꙋ, па^{т} тысѧщъ [13]) лѣтъ стоꙗхꙋ никогдаже о^{т}творени, и никтоже ниже отъ насъ сквозѣ ꙗ, ниже о^{т}кꙋдꙋ изи'де, донелѣже про'де ими видѣ^{н}ны' свтимъ Iоа^{н}номъ Бгослово^{м} Свты' Ис^{т}ти^{н}ны', имѣꙗ' сей ключъ Двдовъ, слово Бжiе, имже о^{т}ве^{р}заетъ и никтоже можетъ затворити, затворꙗетъ и никтоже можетъ о^{т}творити [14]). То'же самы' ключъ домꙋ Двдова далъ есть на рамꙋ ншꙋ, во вла^{ст} ншꙋ блговꙋтробны' Бгъ ншъ, и кто сiе дарованiе Бжие с' любовю не облобизаетъ? кто с' великою почестiю воспрiꙗти не восхощетъ? Да пожелаетъ ннѣ кто специаловъ нбсныхъ, да восхощетъ кто не токмо ꙁрѣти, но и воспрiꙗти и обогатитисѧ сокровищами нбсными, се' токмо еди^{н} ключъ аще имѣти бꙋдетъ, се' еди^{н} аще при себѣ носити безо^{т}ложно не облѣни^{т}сѧ, всѧ себѣ о^{т}ве^{р}зе^{н}на, всѧ невозбра^{н}на, всѧ ꙋдобь пристꙋпна, ꙋдобь полꙋчителна возимѣетъ. При'ми всѧкъ себѣ в' желателное разсꙋжденiе сiе: что в' сокровищахъ нбсныхъ дражае тебѣ обрѣсти мо-

---

12) еще 13) болше пяти тысящь 14) прибавлено: Нынѣ же каꙗ уста изрещи или срдце объяти возможетъ блгополучiе наше

жеши, ꙗко спсеніе твое? Что тебѣ прибытнѣе, ꙗко жизнь твоꙗ? Что сладостнѣе, ꙗко вѣчное блаженство, радости неизглаголанныꙗ, аггльское сопребываніе, лицезрѣніꙗ Бжіꙗ наслажденіе? И нетокмо сіꙗ, но и инныꙗ премногіꙗ неизреченныꙗ, ꙗже по свидѣтельствѣ Павла Свтаго таковыꙗ и толикиꙗ сѫт, ꙗко о оныхъ подъмать что равное на срдце члвкѹ и на мысль прити не можетъ: се то [15]) специали предража'шиꙗ, кле'ноти превожделѣнныꙗ, ꙗже ѹготова Бгъ любꙗщимъ его! Но сіꙗ вся, ключемъ симъ себѣ отвориши, симъ інстрѹментомъ отверзеши [16]). И в' первыхъ, хощеши ли предража'ши' кле'нотъ, жизнь вѣчнѹю, полѹчити, воспри'ми ключъ се', слова Бжіꙗ слышаніе, разсѹжденіе всегдашнее и онаго исполненіе, — то и ѹслышиши имѹщаго и дарѹющаго тебѣ ключ се' Іиса твоего, и сіе

Joan: 10. обрѣщеши: овцы, рече, моꙗ гласа моего слѹшаютъ, и азъ знаю ихъ и по мнѣ грдѹтъ, и азъ живот вѣчны' дамъ имъ, и не погибнѹтъ во вѣки, и не

Стр. 188. восхититъ ихъ никтоже отрѹки моеꙗ. || Не можетъ ничтоже толь блгопріꙗтно бытъ члвкѹ, ꙗко твердѹ и неѹсѹмнѣннѹ бытъ в' спсеніи своем, сего бо и ищемъ и о семъ трѹждаемсꙗ и воздыхаемъ; но и до спсеніꙗ нашего нѣсть намъ инаго приступѹ, нѣсть пѹти ближа'шаго, ꙗко ключъ се', вся блга отверзающи', Слово Бжіе. Не о себѣ сіе глголю; стани здѣ самъ, ѹчителю ꙗзыковъ премдрѣ'ши' Павле Свты', премногіꙗ страны и народи покориви' подъ иго евглское, и возвѣсти, каꙗ есть сила Бжіꙗ, всѣхъ ко спсенію призивающаꙗ, ки' есть ключъ отверзаꙗ' входа всѣмъ ко спсенію? Отвѣщаваетъ бго-

Rom: 1. 16. дхновенными ѹсти в' посланіи к' Римлꙗномъ в' гл. 1: Не стыжѹсꙗ, рече, блговѣствованіемъ Хвымъ, сила бо Бжіꙗ есть во спсеніе всꙗкомѹ вѣрѹющемѹ. Се отвѣтъ всꙗкаго прекословіꙗ не имѹщи', се опредѣленіе или дефиніціꙗ по всѣмъ правилом совершенѣ'шаꙗ, аки бы реклъ [17]): не стыжѹсꙗ блговѣствованіем [18]) Хвым, понеже блговѣствованіе

15) прибавлено: воистинну 16) симъ единымъ инструментомъ вся оныя отверзеши 17) пропущено: аки бы реклъ 18) не стыжуся, рече, блговѣствованіемъ

есть сила Б҃жіа во спсеніе всякомѹ вѣрѹющемѹ, Іѹдееви же прежде и Еллинѹ. Правда бо Б҃жіа в' нем̾ ꙗвляетсѧ ѿ вѣры в' вѣрѹ, ꙗкоже есть писано: прв̾ны' же ѿ вѣры живъ бѹдетъ. Быхом̾ вси затворени в' противленіе Б҃гѹ, быхом̾ замкнени аки в' заклепи вѣчныа, донелѣже да҃ нам̾ се' ключъ, вси ѿверзающи' и вси ѿтворꙗющи' ѿ имѹщаго ключъ Двдовъ Б҃га нш҃его: затвори, гл҃голетъ Павелъ помянѹты', Б҃гъ всѣхъ в' Rom: 11.32. противленіе, да всѣхъ помилѹетъ. Что ѹбо, Павле сты'? затворени в' противленіе, чим̾ ѿтворꙗютсѧ? Ключ҃ се' же, аки на вся ѹгод҃ны', прѣставлꙗет҃, по бл҃говѣствованію моемѹ; вси бл҃говѣствованіе ѿверзаетъ ко всемѹ дѣ'ствително, еже разсѹждаа на тѡ҃же мѣстѣ абіе восклицаетъ: о, глѹбина бога҃тства и прем̾ро҃сти и разѹма Б҃жіа, ꙗко не испытани сѹдове его и не изслѣдовани пѹтіе его! Не досто'ни быхом̾ обѣтованіа онаго, праоц҃ем̾ нш҃им̾ бл҃говѣствова҃наго, донелѣже сокровище нб҃сное сим̾ ключем̾ возмогохом̾ ѿтворити, ꙗкоже то'же Павелъ в' посланіи к' Галатомъ вѣти'ствѹетъ: затвори писаніе Galat: 3. 22. вся под҃ грѣхом̾, да обѣтованіе ѿ вѣры Іс҃ъ Хр҃вы да҃ҭсѧ вѣрѹющим̾. Вѣмы ѹбо, ꙗко вѣра ходата'стве҃на нам̾ обѣтованій оныхъ, но самыа вѣры ключъ се' родитель есть; вѣра ѿ бл҃говѣствованіа раждаетсѧ и происходитъ, вѣра ѿсюдѹ начало свое има҃т, ꙗкоже то'жде прем̾рѣ'ши' ѹчитель гл҃голе҃т: всякъ, рече, иже призове҃т іма Г҃дне, Rom: 10. 14 15. спсе҃тсѧ; како ѹбо призовѹтъ, в' негоже не вѣроваша? какоже ѹвѣрѹютъ, егоже не ѹслышаша? како же ѹслышатъ безъ проповѣдающаго? какоже проповѣдаа҃т, аще не посланы бѹдѹтъ? ꙗкоже есть писано: коль красны ноги бл҃говѣствующих̾ мир̾, бл҃говѣствующих̾ бл҃га. Тако бл҃говѣствова҃ста Павелъ и Варнава в' Листрѣ и Дервіи Act: 14. и во окре҃стных̾ градѣхъ; приш҃едше же во Антіохію, егда возвѣстиша вся цркви, елико бл҃говѣстиша и крестиша, еликоже за бл҃говѣствованіе и пострадаша, ꙗко в' Дервіи

отъ Іудеевъ, пришедшихъ отъ Антіохіи и Іконіи, наущенныи народы каменіемъ побивше Павла, извлекоша внѣ града, мнаще его умерша [19]), — сіа слышавше, вси благодарихѫ всемогѫщѫю десницѫ Божію, яко и языкомъ отверзе двер вѣры. Ключъ единъ се' отверзаетъ врата к' вѣрѣ, послѣдовательно же ко спсенію. Симъ ключемъ отверзе двер к' животѫ вѣчномѫ Петръ свты' Корнилію ономѫ кесарійскомѫ, емѫже отъ Аггла повелѣнно быстъ:

Act: 11. послы во Іопію мѫжи, и призови Симона нарицаемаго Петра, иже речетъ глголи к' тебѣ, в' нихже спсешися ты и весь домъ тво'; еже самою

Стр. 189. собыстся вещію, || якоже самъ о семъ ѫтверждаетъ Спситель ншъ: глголы, яже азъ глголю вамъ, дхъ сѫт и животъ

Joh: 6.63. сѫть. Сей ключъ с' кротостію восприимати повелѣваетъ Іаковъ свты', понеже имъ к' лицезрѣнію Божію, ко аггльскомѫ

Jac: 1. 21. сопребыванію врата отверзаемъ: въ кротости прим'мѣте в'саждennое слово, могѫщее спсти дши ваша.

Сицевыми специалами дшевными отъ сокровищъ божественныхъ, сим ключемъ отверзенныхъ, обогатившеся, аще восхощемъ и тѣлесныя воспріяти, злата ли или сребра пожелаемъ, ѫслышимъ црствѫющѫю сладкопоющѫю Дхомъ Свтымъ цѣвницѫ Давда

Psal: 11. пророка: словеса, рече, Гдня, словеса чиста сребро ражжено, искѫшено земли, очищено седмерицею. Комѫ не извѣстно, яко аще кто изобилѫетъ сребромъ или златомъ, не мнится ли с' ними вся имѣти? что пожелаетъ в' мирѣ семъ, вся стяжати можетъ; аще же имѫщи' злато и сребро тлѣнное тако блженъ есть, что имами рещи о сребрѣ нетлѣнномъ, словеси Божии? Сіе блженное богатство имѫщи', о коль несравненно треблженъ есть: что токмо пожелаетъ, вся ѫдобъ полѫчити можетъ, не токмо же здѣ на земли, но и на нбси предъ Богомъ и аггли всякою благодатію обогащенъ бѫдетъ! Обрѣтаемъ в' гл. 3. Апок: агглъ црквн Лаодики'скія хвала-

19) прибавлено: и яко непобѣдимый подвижникъ, не брегій о смерти, паки на утріе во градъ вниде и на тоежде дѣло простреся

шеся богатствомъ земнымъ [20]), якоже тамо писано: зане глаголеши, яко богатъ есмь и обогатихся и ничтоже требую, и не вѣси, яко ты еси мній и нищъ; аки бы реклъ: что тебѣ в' нихъ надѣятися? не сія тебе ползовати имутъ, ищи инаго обогащенія, не имаши коегоже! [21]) Совѣтую, рече, тебѣ отъ мене купити злато ражжено огнемъ, да обогатишися. Что убо злато тое ражженое огнемъ знаменуетъ? Отвѣщаваетъ таможде свидѣтель вѣрны' и истинны', начатокъ созданія Бжія Іисъ: аще кто услышитъ гласъ мо' и отверзетъ двери, вни'дү к' немү и вечерямю с' нимъ, и то' со мною. То истинное богатство; сим аще кто обогатится и отверзетъ двери срдца своего, имѣтиметъ неотъстѹпно всѣхъ блгъ дателя тамо жителствѹюща, якоже явственнѣе ү Іоанна Евглиста Joan: 14. самъ же глголетъ: аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ, и Отцъ мо' возлюбитъ его, и к' немү приде, и обитель ү него сотворивѣ; не любя' мя словесъ моихъ не соблюдаетъ. О, богатство истинаго и слѹшающимъ слово Бжіе и хранящимъ е! о, части блгія, яже николиже ни в' коихже слѹчахъ отъята отъ нихъ имать быти!

Требуемъ вси отъ сокровищъ Бжиихъ одежды и всякаго ѹкрашенія [22]), С. С., ибо, кѹпно с' прародителми ншими престѹпивше заповѣдь Бжію, вкусивше плода завѣщаннаго, наги познахомся. Прилпе доселѣ намъ нагота она, злоба грѣха первороднаго, обнажающая насъ правды первородныя: что убо сотворимъ? гдѣ обрящемъ одежду, сию наготѹ покривающѹю, сего срама насъ избавляющѹю? За се' ключъ приятися лѣть есть; отверзетъ ключъ се' сокровище Бжие, и тамо не простыя, но златотканныя, всякими добродѣтелми дшевными и тѣлесными испещренныя воспри'memъ одежды. Лѣть есть намъ

20) прибавлено: ничтоже его пользующимъ, емуже да бы истинно возмоглъ похвалитися, сіе богатство стяжати повелѣвается 21) инаго обогащенія, егоже не имаши: коего же? 22) прибавлено: тѣлеснаго и душевнаго

с' Соломоно^{м} изрещи [23]) сіе о словеси Бжіи, что онъ о пре-
Sap: 7. м^{д}рости глголаше: при'доша мнѣ блга вся кѵпно с' нею, и безчисле^{н}но бога^{т}ство рѵкою ея. Каковыя бо блга не да^{р}ствѵетъ на^{м} Слово Бжие? Облачаетъ в' ризѵ безсм^{р}тія, покрываетъ сра^{м} и наготѵ ншѵ, в' раи стяжа^{н}нѵю, ѵкрашаетъ на^{с} всякими ма^{р}гаритами, блги^{м} наставленіемъ ѵклонятися о^{т} зла и творити блго; о сицевыхъ ризахъ непорочныхъ слова Бжія воспоминаетъ в' Апокалипсисѣ часто
Apoc: 3. и повелѣваетъ на^{м} стяжати оныя: одѣяніемъ бѣлы^{м} облечешися, да не явится срамота наготы твоея, глголетъ Бгъ к' аггл цркви Лаодики'ския и кѵпно ко всѣмъ на^{м}. Се' ѵбо ключъ воспри'memъ и обрящемъ одеждѵ блгословенія, одеждѵ, сра^{м} ншъ грѣховны' прогоняющѵю и покривающѵю. ||

Стр. 190. Кто изрещи возможетъ по достоинствѵ, коль в' житіи се^{м} блгопо^{т}ребна и блгополезна е^{ст} члвкѵ всякомѵ прем^{д}рость, описалъ в' книгахъ своихъ При^{т}че' и Прем^{д}ро^{с}ти Соломо^{н} обши^{р}но ползы и по^{т}ребно^{ст} ея, и не искѵ^{ст}во^{м} ли вседневны^{м} обѵчае^{м}ся, коль пречес^{т}ны сѵ^{т} м^{д}рые людіе и всякъ в' свое^{м} ѵченіи совер^{ш}е^{н}ныи? Таковы^{м} ми^{р} ѵдивля^{т}ся: аще начнетъ что глголати, вси, аки забѵвше себе, словесами его ѵслаждаю^{т}ся; всѣхъ, аки златою ѵдицею, тако словесами своими влечетъ вслѣдъ себе. Желаемъ ли ѵбо исти^{н}нѵю прем^{д}ро^{ст} снискати, не требѣ есть на^{м} ходити по Аѳинахъ, не надобно до Халдее^{в} и Египтя^{н}, не подобаетъ до славны^{х} Вавилоня^{н} пѵтеше^{ст}вовати, не лѣтъ есть Індіа^{н} и и^{н}ны^{х} с' велики^{м} ѵбы^{т}ко^{м} здравія и имѣнія посѣщати; Слово Бжие едино то е^{ст} исти^{н}ная прем^{д}ро^{ст}: сіе о^{т}верзаетъ входъ ко всякомѵ познанію, сіе наставляетъ всякаго цѣлом^{д}рыя. Сѵ^{т} таковыя многія шт$\ddot{\text{ѵ}}$ки в' нѣкиихъ ѵченіахъ, напримѣръ в' Математикѣ, Мѵзикии, Пиитикѣ и и^{н}ныхъ, ко^{т}рыхъ познати нѣкиимъ образо^{м} не возможно, донелѣже ключъ, по которомъ тая шт$\ddot{\text{ѵ}}$ка составлена, не ѵразѵмѣеши. Таковая есть исти^{н}ная прем^{д}ро^{ст}:

---

23) подобаетъ съ Соломономъ изрещи

не можетъ ю совершенно снискати никтоже, донелѣже сим ключем, Словом Б҃жиимъ, нелестны' себѣ пѹт отверзетъ [24]). «Здѣ, глголетъ Авгѹстин, фисическое познаніе, ибо вси всѣхъ веще' вины в' Бозѣ Создателѣ сѹть; здѣ Иѳика, сі есть нравоѹчителство, ибо блгое и честное житіе ни откѹдѹ инѹдѹ стяжати мощно; отсюдѹ поѹчаемсѧ онаѧ любити, ѩже любити подобаетъ, сі есть Бга и ближняго, и ненавидѣти, ѩже ненавидѣти подобаетъ, си есть всѧкихъ соблазнов и согрѣшени', всѧкихъ пороковъ и злодѣѧній; здѣ Логика, ибо истинна и просвѣщеніе дши разѹмныѧ един есть истины' Бгъ нашъ; здѣ похвалное политическое к' сохраненію цртви' и обществъ содержится наставленіе, ибо ничимже тако ѹтверждаютсѧ и сохраняютсѧ цртвіѧ, ѩко основаніемъ и союзом вѣры и твердаго согласіѧ, егда о общем добрѣ всѧкъ помышлѧетъ и о оном тщитсѧ, еже самое верховнѣ'шее Бгъ есть, и в' нем истинно любѧт себе члвцы, понеже ради его любѧт себе людіе, и како любѧтъ, истинно ли или лѹкаво, прѣд нымъ ѹтаитисѧ не могѹтъ». Слово Б҃жие есть сицевое зверцало, очесам нашим представленное, в' немже не сіе внѣшнее или нарѹжное, но внѹтренее и потаенное лице наше всегда види, глголетъ Велики' Григори'. Но еще златыми к' нам ѹсты вѣщающа ѹслыши Златоѹста: въ Словѣ Б҃жием невѣжа обрѣтаетъ, чесо поѹчитисѧ имат; дерзостны' — чесо боѧтисѧ; трѹждающи'сѧ обрящетъ мздовоздаѧніѧ; малодѹшны', гладомъ гиблющи', пищѹ снищет, ѩже аще и не ѹтчаетъ, но и ѹмирати не попѹскаетъ; обрящетъ великодѹшны' дховныѧ ѩвствіѧ, к' естествѹ аггльскомѹ его приводѧщиѧ; ѩзвленны' своими искѹшеніи и от дѧвола здѣ има врачевство и спсеніе чрезъ покаѧніе. И, что болше, разсѹждающе великиѧ блгодѣѧніѧ Б҃жиѧ и сокровища, сим ключем отверзенныѧ, такожде и дѣйствиѧ Слова Б҃жиѧ, раз-

Epist: 2 ad Volus.

Chr-tomus in cap: Math: 24.

---

24) прибавлено: Ибо отсюду не мудрость вѣка сего прелестную, но истинную, яже есть Божія сила и Божія премудрость, уразумѣетъ, еже Иппонійскій разсуждая епископъ глаголаше: Аще ничтоже знаешь, а Христа вѣси, вся знаеши; аще же и вся знаеши, а Христа не вѣси, ничтоже знаеши.

личныѧ ім҃ена изискати ко ізъсненію естества его вси принѹждаютсѧ. Первы', самъ и истиньны' Слова Бжиѧ ѹчитель, самъ сій Слово Бжие, ѹподобивъ себе сѣмателю, Слово Бжие сѣ-

Стр. 191. менемъ именѹетъ, ꙗкоже на нн҃ѣшней || евглско' проповѣди ꙗвственно слышахомъ: ꙗкоже бо сѣмѧ аще и много сѣмѧнное, но не на потребнѹю землю падшее, никоего же плода не приноситъ, а падшее на землю блгѹ сторичны' плодъ приноситъ, тако и Слово Бжие, падшее на срдце блгое, плодъ многъ во спсеніе произноситъ, тоежде не ползѹетъ на земли неплодно' падшее, сіе есть пища онаѧ нбснаѧ, о не'же Ізбавитель ншъ глголетъ:

Luc: 4. не о хлѣбѣ единомъ живъ бѹдетъ члвкъ, но о всѧкомъ глголѣ, изходѧщемъ изо ѹстъ Бжиихъ. Но ꙗкоже пища, приѧтаѧ во ѹста, прежде даже зѹбами сотрена бѹдетъ, никоегоже вкѹса приносити можетъ, тако и слышанное Слово, прежде даже, аки зѹбами, прилѣжнымъ разсѹжденіемъ сотрено бѹдетъ, силы его, аки вкѹса в' пищи, познати не возможемъ. Славны бѧхѹ во времѧ глада онаго всемирнаго житницы, во Египтѣ Іосифомъ созданные, но честнѣ'шаѧ и многославнѣ'шаѧ сіѧ житница: оныѧ бо во единомъ Египтѣ предложены бѧхѹ, сіѧ во всемъ мирѣ житница всѣмъ гладомъ изгибающимъ предложена есть, да всѧкъ к' не' прибѣгаетъ и гладъ сво' ѹгашаетъ. Сіѧ есть источникъ изобилнѣ'ши' и приснотекѹщи', егоже черпаніемъ и вкѹшеніемъ во внѹтренностехъ ншихъ жаждѹ ѹгашаемъ; огнь есть Слово Бжіе и пламенъ оны', Мо'сеемъ видѣны' горѧщи', но кѹпины не сожигающи', в' немже самъ Бгъ бѧше, иже мысли нша желаніемъ вѣчнаго блженства воспалѧетъ и никогдаже попалѧетъ; сіе есть Манна онаѧ нбснаѧ, всѣхъ ко вѣчномѹ блженствѹ шествѹющихъ ѹкрѣпляющаѧ и в' пѹтныхъ скорбѣхъ ѹвеселяющаѧ; вертоградъ есть, Дхомъ Свтымъ оронаемы' и возращены'; сіе есть свѣтилникъ ногамъ нши, шествѹющимъ ко отечествѹ нбсномѹ. Да прибѣгнемъ ко единомѹ ключѹ семѹ, и отверзетъ намъ врата побѣдителнаѧ на всѧ враги нша, покоритъ всѧ ви-

Cant: 4. димыѧ и невидимыѧ непріятели. Слово Бжіе есть то, столпъ оны' Двдвъ, созданъ на защищеніе Хрстіанскомѹ Сіонѹ; тысѧща щитовъ виситъ на немъ и всѧ стрѣли силныхъ. Сіе есть всеорѹжіе

на вся непр҃тели: бра҃ ли пре҃лежитъ со діаволо҃, здѣ щитъ и стрѣли на его, ꙗкоже сотворилъ самъ Сп҃ситель нашъ, о҃т сего столпа воспріялъ стрѣлꙋ на искꙋшающаго его діавола. Пре҃ставлялъ діаволъ алчꙋщемꙋ Іи҃сꙋ в' пꙋстини каменіе, да аще е҃ст С҃нъ Бж҃и', дабы претворилъ во хлѣбъ, но на его абіе стрѣла о҃т столпа сего: писано есть: не о хлѣбѣ единомꙋ живъ бꙋдетъ чл҃вкъ, но о всꙗкомъ гл҃голѣ, исходꙗщем҃ изо ꙋстъ Бж҃иихъ. Поривае҃тсѧ далѣ искꙋситель, показꙋетъ вся цр҃ствія мира сего и обѣщае҃т дати, аще поклони҃тсѧ емꙋ, но и здѣ Гд҃ь нш҃ъ до сихже стрѣлъ: писано есть: поклонишисѧ Гд҃дꙋ Бг҃ꙋ твоемꙋ и Тома҃ꙋ единомꙋ послꙋжиши. Тако ꙗзвле҃ны' врагъ чл҃вческаго рода еще покꙋшае҃тсѧ, до кра'него по҃двига приходи҃т, и са҃ за слово Бж҃ие приемле҃тсѧ, егда бо поставилъ его на крилѣ цр҃ковно҃ высоко, рече: аще сынъ еси Luc: 4.
Божи', ве҃рзися долꙋ, писано бо есть: а҃гло҃ свои҃ заповѣсть о тебѣ сохранити тѧ, на рꙋкахъ возмꙋ҃т тѧ, да не пре҃ткнеши о каме҃н ногꙋ твою. Но непрв҃но, враже, писанія ꙋпо҃требляеши; всѣе лꙋкъ се' натꙗзаеши, си҃ досто'нѣе ꙗзвле҃н быти самъ имаши! О҃твѣщавъ Іи҃съ: речено есть: не искꙋсиши Гд҃па Бг҃а твоего; си҃ побѣжде҃н діаволъ о҃тиде. Аще же и видимыѧ враги настоꙗтъ, отъсюдꙋ побѣда, о҃тсюдꙋ одолѣніе; сіе бо есть источни҃к они', о҃т негоже взꙗтъ Дв҃дъ пѧ҃т камене', которыми в' чело ꙋꙗзвилъ го҃рдаго Голіафа и обезглавилъ его; симъ орꙋжіемъ воорꙋже҃н, побѣждаше всегда враги своѧ, ꙗкоже ꙗвстве҃но в' 17 псалмѣ гл҃голетъ: Бг҃ъ, рече, препоꙗсꙋ' мѧ силою, наꙋчаꙗ' рꙋцѣ мои на бра҃, и далъ ми еси защищеніе, спсе҃ніе, и десница твоѧ воспріѧ҃т мѧ, и наказаніе твое испра҃вит мѧ в' конецъ и наказаніе твое то мѧ наꙋчитъ; таже в' семъ ꙋченіи ꙋповаѧ, де҃рзостно восклицаетъ: пожен҃ꙋ враги моѧ и постигнꙋ ѧ, и не возвращꙋсѧ, до҃ндеже ско҃нчаю҃тсѧ, падꙋ҃т по҃д ногама моима. || О, избра҃н- Стр. 192.
ное ꙋченіе! о, наказаніе сѵ҃тое! о, ключа жела҃наго, сицевыѧ

блгаѧ намъ отвержающаго! И да словомъ единымъ многаѧ изрекѹ, что о нѣкоемъ врачевствѣ стихотворцы аще и баснотворно измыслили, именѹемомъ панацеѧ, аки бы всѧкиѧ немощи оно едино исцѣлѧетъ, сіе мы истинно о Словѣ Бжии глголати имамы; сіе едино врачеваніе есть на вся немощи нша, сіе едино исполняетъ вся нѹжды наша, в' немъ обрѣтаемъ вся желаніѧ нша, симъ ключемъ отвержаемъ сокровище Бжие и, еже хощемъ, оттѹдѹ
Orig: hom: 7 in Exod. восприемлемъ, ѧкоже о семъ премдро Ориген разсѹждаетъ: «Аще, рече, слово Бжие всею вѣрою восприемлеши и всѣмъ блгочестіемъ, бѹдетъ тебѣ единое оно все, еже аще пожелаеши; напримѣръ, аще скорбиши, оно ѹтѣшаетъ, глголѧ: срдце сокрѹшенно и смиренно Бгъ не ѹничижитъ; аще радѹешисѧ о надеждѣ бѹдѹщей, оно еще ѹмножаетъ веселіѧ болше, глголѧ: веселѣтесѧ о Гдѣ и радѹтесѧ, првдныи; аще же когда прогнѣваешисѧ, оно ѹсмиряетъ и гнѣвъ в' тихость прелагаетъ, глголѧ: престани отъ гнѣва и остави ярость; аще в' болѣзнехъ и немощехъ изнемагаеши, ѹздравляетъ тѧ, глголѧ: Гдь исцѣляетъ вся недѹги твоѧ; аще ѹбожествомъ снѣдаешисѧ, сіе тѧ ѹвеселяетъ, глголѧ: Гдь возноситъ отъ земли ѹбога. Таковаѧ есть манна Слова Бжіѧ, дарѹетъ тебѣ вкѹсъ во ѹстахъ твоихъ, егоже пожелаеши». Симъ ключемъ отверзаѧ', все желаемое изъ казны Бжие' воспри'меши.

Сей ключъ [25]) отверзающи' на рамо твое, избранны' доме Двдовъ, бгохраниманаѧ короно единовластнаѧ Росси'скаѧ, даде премлрды' Бгъ тво', и колико блгодѣѧни' Бжихъ отъ сокровищъ его сподобляешисѧ! Носиши ключъ се' неврдно, подверзаеши себе Словѹ Бжию безъпретковенно, и каковаѧ блга воспріемлеши! Даде тебѣ ключъ се' премлрды' Гдь, но кто исповѣсть милость его, ѧко и сицеваго даде тебѣ ключаря, блгополѹчно црствѹющаго Блгочестивѣ'шаго Монарха Петра Перваго, иже тако блгоразѹмно и премдро ключемъ симъ отверзаетъ, ѧко на немъ истинно исполняю'тсѧ словеса пророческіѧ: отверзетъ и не бѹдетъ затворяющаго, затворитъ и не бѹдетъ отверзающаго.

25) Таковый убо ключь

Но ꙗкоже не лѣтъ ми есть вся блгодѣанія Бжія, ꙗже воспріꙗла еси и всегда воспріемлеши, Россие, нѣ подробнѫ исчислити, тако не лѣтъ есть сіе не воспомнѫти, о которо нѣ, величіе Бжие и блговѣтробіе его славяще, хвали, блгослови, блгодари, пое и величае. Озлобленна была еси, Россіе, и печаль твоя веліа бꙗше, ибо еще не отдохнѫла еси от іга варварскаго, едва еще отерла слези и ѫврачевала ꙗзвы, от татар заданныꙗ, но се абіе внѫтренныꙗ смꙗтенія: не стало правилнаго наслѣдника, здѣ Годѫновы, здѣ чернецъ прелестникъ Атрепиевъ, здѣ Владиславъ королеви полски' свататиса на тебѣ началъ[26]); вездѣ раꙁзоренія, вездѣ бѣдствія. Показалоса ѫбо ѫ близкаго сосѣда помощи попроси, ѫ короля Шведскаго, но се' вмѣсто помощи пѫщее сотворилъ озлобленіе, и истинно здѣ левскѫю хищнѫю сотворилъ[27]) ꙗрост: разорилъ непрвдно многіа, многіа же похитилъ во власт свою провинціи Росси'скиа; и дабы возмнѣлъ сꙗ[28]) в' ꙗскини свое' безопасно жителствова, сею крѣпостію, в' замокъ ю преимновавъ, от древныхъ лѣтъ и от основанія своего Росси'скѫю, заключилса. Стенахѫ под симъ неправедны хищнико 90 лѣтъ страны сіа, донелѣже Росси'скаго Црства покровитель Бгъ дарова сего блгоразѫмнаго ключника, донелѣже аки сице в' срце его возглголалъ: ты отвориши замокъ непрвны', изведеши аки изъ ада плѣники твоа; ты еси Петръ, и дамъ ти ключа Црства: отверзеши и не бѫдетъ заключающаго, затвориши || и не бѫдет отверзающаго. Прийде ѫбо время по- **Стр. 193.**
желанное избавленія, приидоша полки Росси'скиа — не чѫждое восхитити, но восхищенное свободити, ꙗвохищное овча взискати; но кая бꙗше лютост? кая ꙗрост левскаа? Приидоша сію крѣпост отобрати, но кое свирѣпство звѣринное? Замок се', самою натѫрою крѣпки', отвсюдѫ быстринами рѣчными Невскими, аки изъ ѫзъ, из озера Ладожскаго выривающимиса,

---

26) прелестникъ и обманщикъ Атрепьевъ, отсюду женихи нелюбые свататися начали, единъ Владиславъ королевичь Полскій, другій королевичь Шведскій 27) изъявилъ 28) прибавлено: аки

окрѹженны'[29]); нѣсть ниоткѹдѹ свободнаго пришествіа: здѣ первое мѹжество воевъ Росси'скихъ, здѣ охота неслыханнаа изнавиласа. Бѣахѹ непр҃тели аки за двоими стѣнами: една имѣше стѣна изрѣзнаа вода, другаа городоваа крѣпкаа; Росси'ское же воинство стало на полѣ просто, кромѣ всѣкого покровенія, и толикое в' замкѣ изъ мартировъ, пѹшек и каноновъ ѹтѣсненіе сотвориша, ѣко аки от бомбъ и пѹль мѣста имъ не стало, что жены облеженыхъ свободы начаша и выпѹскѹ просити, но на сіе от блг҃оразѹмнаго капитана бомбардискаго премѣры' воспріаша отвѣтъ, ѹ негоже просили о доношеніи семъ к' фелтъмаршалѹ: вѣдаю де подлинно, что гп҃днъ фелтъмаршалъ тѣмъ разлѹченіемъ опечалити ихъ не восхощет, а естли изволят выехат, изволили бъ и любезныхъ своихъ сѹпрѹжниковъ вывезть кѹпно. О, воистинѹ отвѣта премѣраго и млрдаго! Но лютомѹ врагѹ все противно, аки бы ранѹ емѹ разѣражив[30]): онъ отсюдѹ в' ѣрост, в' стрел'бѹ безпрестанн҃ѹю, Россіане же в' мѹжество, в' промыслъ и тщаніе неѹсыпное. Кто бо дерзост ихъ исповѣстъ при взѧтіи подъ городомъ изъ шкѹтъ добычи? Не ѹстрашила ихъ многаа дроб'ю стрелба пѹшечнаа. Кто изречетъ подвигъ числа сего единадесѧтаго октовр: совершивши'ся? При'доша Росси'скіи охотники, не ѹжасающесѧ толикаго огня в' малыхъ сѹдахъ подъ стѣни, и кіа трѹдности! Нѣтъ гдѣ пристати, аще же и обрѣли малое мѣсто, но се другаа трѹдность: лѣсницы построени коротки; здѣ ѹбо показалась, отвага Росси'скаа: отрѹбили сѹдна свои и пѹстили в' водѹ, ѣвственно показѹа непр҃телю мѹжество свое, и сим едины тако ѹстрашили его, ѣко шамад[31]) абіе ѹдарити принѹжденъ былъ. Тако отверзенъ замокъ ключем Петровым, тако восхищенное возвращенно, и неток҃мо сіе, здѣ во істинѹ исполнилос реченіе оное: ищя' чѹждаго свое погѹбляет. Пре-

---

29) прибавлено: или аки конь чрезъ многое время въ конюшнѣ утучненный, егда испущенъ бываетъ, велми свирѣпѣетъ, тако, аки въ заключеніи утучненныя быстрины невскія подъ крѣпостію сею выпущенныя, жестокимъ теченіемъ окружаютъ 30) раздравъ 31) прибавлено: сіесть здачю

именова^{н}ны' замокъ Шве^{л}ски' в' клю^{ч} Ро^{с}си'ски', и о коликиѧ о^{т}творилъ бл҃гаѧ! Се то начало мѹже^{ст}ва вашего, воинство Росси'ское! се сѣмѧ всѣхъ побѣдъ и то^{р}же^{ст}въ твоихъ, Россіе! Си^{м} ключе^{м} о^{т}ве^{р}злъ тебѣ ключникъ тво' врата На^{р}вские, Де^{р}птские, Пе^{р}наѹские, Ракобо^{р}ские, Ямбѹ^{р}ские; си^{м} ключе^{м} о^{т}ве^{р}зена прови^{н}цияѧ Іже^{р}скаѧ, Корелскаѧ, Ливо^{н}скаѧ. Ключъ сей о^{т}ве^{р}злъ море Балти'ское, ключъ се' о^{т}ве^{р}злъ бл҃гополѹчное начало, еже да произведетъ в' сове^{р}ше^{н}ство премл^{р}ды' Б҃гъ флота Ро^{с}си'скаго; ключъ се' основаніе Цр^{ст}вѹющаго С. Пите^{р}бѹ^{р}ха. Воистинѣ ѹбо ключъ се' о^{т}ве^{р}заетъ и нѣсть затворяющаго, затворяетъ и нѣсть о^{т}верзающаго. Привѣтствѹе^{м} ѹбо тебѣ, Ро^{с}си'скаѧ де^{р}жаво, ключа сего, паче же ключника сего бл҃горазѹмнѣ'шаго! Ты еси Пе^{т}ръ и имаши ключа Ц҃рствіѧ, да да^{ст} ѹбо Г҃пдь Б҃гъ о^{т}ве^{р}зати тебѣ тако бл҃гополѹчно и затворяти в'пред, ꙗкоже доселѣ о^{т}ве^{р}залъ и за^{т}ворялъ еси, да ꙗкоже о^{т}ве^{р}злъ си^{м} ключе^{м} Остъ Зее, да о^{т}ве^{р}зеши и Нордъ Зее, и аможе аще по'деши, да вся о^{т}творена тебѣ бѹдѹтъ! Таже по многихъ побѣдахъ и то^{р}жества^{х}, по многи^{х} бл҃гополѹчны^{х} лѣтахъ, ключе^{м} Слова Б҃жіѧ, твоимъ тщаніемъ непоро^{ч}но хранимаго, да о^{т}ве^{р}зеши себѣ и всѣмъ, с' тобою исти^{н}но о цѣло^{с}ти Ро^{с}си'ско' спо^{т}рѹдивши^{м}ся, вѣны^{м} своимъ по^{д}данымъ врата Ц҃рствіѧ нб҃снаго и бѹдеши столпъ крѣпокъ в' бл҃же^{н}ствѣ безконе^{ч}но^{м}! АМИ^{н}.

Haec concio praedicata est in fortalino Slussenburgh, die annua ejus recuperationis ex potestate Suecorum, cum in eorum manibus fuerat 90 annis, recuperata 1702. In praesentia S. C. M., omniumque ordinum anno 1719, octob. 11 [32]).

---

32) Латинской приписки нѣтъ (ср. выше, стр. 355), но въ концѣ отмѣтка: Печатано въ Московской типографіи 1722, ноемврія въ 19 дн҃ь.

XXIV.

Стр. 194. **Anno 1719. Novembris 30. Festo s. Apostoli Andreae Rossiaci Patroni [1]).**

Обрѣте Андрей брата своего Симона и глгола емѹ: обрѣтохомъ Мессію, еже есть сказаемо Хрстосъ, и приведе его ко Іисови. Ioan: 1-mo, зачало 4, ст. 41.

Аще сіе преполезное и многаго наставленіа ншего преисполненое апостолское реченіе разсѹждати когда намъ по-
Hebr: 13.7. добаетъ: помина'те наставники ваша, иже глголаша вамъ слово Бжіе, ихже взирающе на скончаніе жителства подража'те вѣрѣ ихъ, то паче воистинѹ в' си' торжествены' день сіе и разсѹждати и в' семъ поѹчатиса достоитъ; празднѹемъ бо нынѣ лѣтнюю памат наставника ншего, оца ншего, предводителя ко спсенію, проповѣдавшаго нам слово Бжіе. Восхвалаетъ Црковъ Православная достохвалныхъ мѹжей памати, и трѹды ихъ и подвиги, того ради [2]), да мы, чада истинныа црковныа, взирающе на скончаніе жителства ихъ, подражаемъ вѣрѣ ихъ, и да приводимъ себѣ в' незабвенѹю памат великое к' нам млрдіе и блговоленіе Бжіе с' вѣрою и любленіемъ во Хрстѣ Іисѣ, ако
I. Timot: 1. 12 et 16. сицевыхъ даде нам наставниковъ, ихже положивъ в' слѹжбѹ, да в' нихъ первѣе покажетъ все долго-

---

Разночтенія по отдѣльному изданію 1720 года:

1) Заглавіе: Мца ноемврія въ л. день. Слово на память стаго Первозваннаго апла Андреа 2) многихъ ради винъ: первѣе того ради

терпѣніе, за образъ хотящихъ емꙋ вѣровати в' жизнь вѣчнꙋю. Хвалитъ ихъ и дѣ'ствіа истинна нша мати, да мы, блгодарствꙋюще асм во блго ꙋстроающемꙋ Бгꙋ, проси смиренно, да и в'предъ дастъ блгихъ и вѣрныхъ Цркви своей строителей и слжителей. Полезно ꙋбо нам, послѣдствꙋюще мтери своей, якоже и премдрѣ'ши' совѣтꙋетъ Іисъ Сираховъ, хвалити [3]) мжи славны и оцы наша в' бытіи ихъ: ихже слава во вѣки не потребитса, ихъже Syrach: 44.
тѣлеса аще и погребены в' мирѣ, но имена ихъ живꙋтъ в' роды, премрость ихъ исповѣдатъ людіе, и похвалꙋ ихъ исповѣсть Црковь. Но коль полезнѣе, коль превосходителнѣе в' сицевыхъ разсꙋжденіахъ и похвалах в' се' де собственнаго NN [4]) оца ншего пребывати! Похвала есть великаа чадомъ, егда добродѣтелем родителе' своихъ послѣдствꙋютъ и оныхъ дѣ'ствіа живым образом на себѣ изявлаютъ: таковыа похвалы, сего вѣнца ꙋчастники быти имами, аще, похвалающе оца ншего, возревнꙋемъ добродѣтелемъ его, и то истинное емꙋ отъ нас бꙋдетъ похваленіе; сіе почтеніе емꙋ в' де се' торжествены' паче всакаго приношенія имат быти приятнѣ'шее, истинно бо, якоже глголет во многихъ своихъ словесахъ и различныхъ свты' Іоан Златоꙋстъ, такожде и дрꙋзіи мнози цркovныи ꙋчители, похваляеми отъ насъ тогда сꙋт свтыи, егда мы подражаемъ дѣломъ ихъ, и кіа они в' нас насаждахꙋ и прививаxꙋ добродѣтели, кіа на нивахъ ншихъ срдчныхъ засѣвахꙋ сѣмена, мы оныхъ произнесем плоды и многоплодноꙋю [5]) сотворим жатвꙋ. || Никогда ꙋбо Стр. 195.
тако прилично, яко ннѣ сіе аплское достоитъ разсꙋждати реченіе: помина'те etc.

Но что сотворым, С. С.? камо обратимса? Аще бо, поминающе наставника сего ншего, восхощем подражати дѣлом, отвсюдꙋ облакъ предстоитъ многихъ похвалныхъ, предосто'ныхъ и едва постижимыхъ дѣлъ его. Кто бо досто'но из-

---

3) восхвалимъ, рече 4) пропущено: NN 5) преизобилную и сторичную

рещи возможетъ горѣчестъ его онѹю и тщаніе неѹсипное[6]) о
Joan: 1. спсеніи своемъ, ѣко егда ѹслышалъ Іоанна Предтчѹ, покаяніе
в' пѹстини проповѣдающа, абіе ѹченикъ его бысть? Кто же
паки и послѹшаніе его безъотложное и безъпрекословное
досто'ны исповѣсть словомъ: бѣше с' братомъ своимъ род-
нымъ Петромъ хѹдожествомъ рыбаръ, но егда[7]), в' самое время
рыбъ ловителное, скоро ѹслышалъ гласъ спсителны' Хрста
Math: 4. Гда: грѣдита по мнѣ, тогда се' отецъ и наставникъ
нш, не разсѹждая, кто, камо, почто призиваетъ, не смотря,
ѣко члвкъ нищъ и бездомокъ, самъ не имѣя' гдѣ главы по-
клонити, на безчестія и порѹганія и самое крстное терпѣніе
глашаетъ, но, истинное срдцемъ и дшею обемъ послѹшаніе, вся
оставль, послѣдоваше звавшемѹ его без' всяко' молвы и от-
говорки Іисѹ. Кто же паки и раченіе его ко ѹченію восхва-
литъ? Пророчествоваше Спситель нш о раззореніи храма
Marc: 13. Іерлимскаго: не имать, рече, остати здѣ камен на
камени, иже не раззорится; тогда се' ѹченикъ рев-
ностны' вопрошаше Іиса: рци нам, когда сія бѹдѹт,
и кое есть знаменіе, егда имѹт вся сія скончати-
Joan: 6. тися. Се', егда Іисъ печашеся о народѣ, ѣко в' пѹстѣ мѣстѣ
не имѹт что ясти, и самъ соболѣзноваше, приведе прд Іиса
отрока, имѹщаго пят хлѣбъ и двѣ рыби[8]). Кто же паки не-
ѹсипное попеченіе в' проповѣди евглско' исповѣсти возмо-
жетъ? Воспріемъ бо дха блгодат, о сем все тщаніе свое
имѣяше, разсѣвая сѣмена спсителная в' Каппадокіи, Галатіи
и Вифиніи, в' Скифіи и при Понтахъ Евксинскихъ, ѣкоже
глголетъ Никифор Каллістовъ, в' Епирѣ, по свидѣтелствѹ
Назіанзина; проповѣда се' Согдіано, Сакко и в' далше' Се-
вастополѣ, ѣкоже Дорофе' пишетъ: про'де от моря Евксин-
скаго даже до сего Балти'скаго, и нам спсительныя засѣялъ
сѣмена, имѹщія от рожденія крещеніе свты изобилнѹю про-
изнести жатвѹ. Не боящеся смрти за проповѣдь евглскѹю:

---

6) нелѣностное 7) процущено: егда 8) прибавлено: откуду и вси насытишася, и укрухи многія осташася

егда бо Егеатъ мѵчитель ѵстрашалъ[9]) его смртію крстною, отвѣщалъ дерзновенно: аще бы крста боялся, крстъ Гдень и силѵ его не проповѣдалъ быхъ; таже изведен на смрть крстнѵю, коимъ желаніемъ крстъ свой поздравляетъ: «о, добры' крсте, красотѵ и блголѣпіе от ѵдесъ Гдныхъ стяжавы', издавна вожделѣны', ѵсердно любимы', егоже искахъ непрестанно, и едва тя обрѣтохъ ѵготована по желанію срца моего! возми ѵбо мя и отда' ѵчителеви моемѵ, да тобою мя приметъ, иже мя искѵпи тобою!» И кто возмнитъ тако чловка глголюща? Се срце неѵстрашеное, сія ревност серафимская! Толикъ обстоитъ насъ облакъ преславныхъ дѣ'ствій отца нашего, нам в' подражаніе, нам в' послѣдствованіе. Егда же и долженствѵем стопам отца нашего подражати и не возмогаем толикомѵ и необятомѵ множествѵ добродѣтелей, да досто'но в' ден се' лѣтныя его памяти восхвалити подражаніем нашим его возможем, поне едино его дѣ'ствіе воспримем, еже аще исполним, восхвалим воістинѵ его предосто'но: се же есть истинное и нелестное тщаніе о спсеніи и ползѣ дшевно' ближняго. Услышим бо, каковое имѣлъ о сем тщаніе отецъ нашъ. Увидѣлъ нѣкоторого времени Пртча, с' нимже былъ ѵченикъ се' достохвалны', Іса ходяща, и скоро обявилъ его, глголя: се Агнецъ Бжи'; абіе послѣдствѵетъ Іисѵ, желаетъ вѣдати Joan: 1.
пребываніе Іисово: равви, гдѣ живеши? и абіе весь ден пребылъ в' ѵченіи спсительном, и скоро[10]) позналъ истинно Спсителя мирѵ, не возмоглъ в' себѣ ѵдержати радости и не сотворити причастника брата своего, ищет со ѵсердіем Петра, егоже обрѣтъ, коею дшевною веселостію глголетъ: обрѣтохом Мессію! О, воистинѵ и перваго апла, и перваго проповѣдника! Обрѣте брата своего, и в' сію же дорогѵ, аки златою ѵдицею, влечет с' собою и приведе его ко Іисови: обрѣтохом, глголетъ, брате Петре, Мессію, егоже || предвозвѣстиша прорцы, егоже аки трѵбою закон провозгласи; обрѣтохом сего, егоже предсказаша знаменія, предявиша чѵдеса, Стр. 196.

9) устрашаше 10) егда же

сего обрѣтохомъ, егоже прркъ Ісаиа видѣлъ на херѵвимѣхъ, Михеа на прстолѣ славы, Іезекиилъ на серафимѣхъ, Даниилъ на облацѣхъ, Навходоносор в' пещи вавилонско'; сего обрѣтохомъ, егоже ѵгостилъ Авраамъ ѵ дѵба Мамври'скаго, иже браста со Іаковомъ, Мо'сею явивы'ста в' кѵпинѣ, Гедеонѵ на гѵмнѣ, Ісѵсѵ Навинѵ пол Іерихономъ, обрѣтохомъ Мессію; и, емъ его, приведе ко Ісовѣ. О, братолюбиа истинаго! о, проповѣдника богодхновенаго! Разсѵждаа его сіе братолюбіе, Златоѵст глголетъ: «Зри, что се' глголетъ к' братѵ: обрѣтохомъ Мессію; видѣлъ ли еси, колико в'малѣ навиче, показа и ѵчителевѵ премарост, и свое ѵсердіе о братѣ пекѵщагося?[11]) Се' бо глголъ есть дши, чающиа спсенія своего, обрадованыа достиженіемъ чаанаго и тщащіася иным причастити блговѣствованіе; сіе братскиа пріазны, сіе дрѵжбы срдчныа, сіе чистыа любвы[12]) ѵсердіе, еже в' дховныхъ тщатися и рѵкѵ дрѵгъ дрѵгѵ подати». Сим ѵбо да возможем подражаніемъ[13]) восхвалити отца ншего; о семъ бжественномъ дѣлѣ его, нас братскаго спсенія и ползы исканія поѵчающем, в' честь вщшѵю его кратча'шее представим слово, еже исполняюще, бѵдем досто'ныи похвалители и подражатели дѣлъ его[14]).

Chr-mus in cap: 1. Joan: homil: 19.

1. Lucratio animarum est plane opus Divinum.

Сіе ѵбо отца и ѵчителя ншего дѣло тако истинно есть бжественное и вышечлвческое, яко премногіа нам ползи исполненное[15]), ѵдивленіе всякое превосходитъ. Скоро токмо в' сіе спсительное ѵчилище вни'де Андрей, единъ токмо ден пребысть при ѵчители своем, и абіе и чинъ и дѣло ѵразѵмѣ ѵчительское, абіе изъ ѵченика проповѣдникъ, абіе подражатель стопам ѵчителя своего. Снисканіе овчати горохищнаго, воеже погибшаго члвка в' пѵти непроходны заблѵдившаго, ко оцѵ привести, перваго сподобити блженства, на пѵть спсенія наставити, сіа верховнѣ'шая бысть вина, сіа началнѣ'шая причина с' нбси с'низшествіа от прстола Отца Сына Божія, которое

11) пекущееся 12) любве 13) таковымъ убо подражаніемъ нашимъ аще желаемъ 14) путей и трудовъ его 15) ходатайственное, еже без сумнѣнія

бже^{ст}ве^{н}ное дѣло начатое в' призваніи сего пе^{р}ваго ѵченика своего обꙗвилъ; прем^{л}раго такожде ѵчителꙗ ѵченикъ досто'нѣ'ши', сіе ѵслышавы' ѵченіе, абіе стопа^{м} ѵчителски^{м} послѣдѵетъ, абіе брата ищетъ с' велики^{м} желаніемъ, егоже обрѣтъ, коль радостно призиваетъ; приведе его ко Іисови, самы^{м} свои^{м} си^{м} изꙗвлꙗꙗ дѣйствіе^{м}, кое спсительное дѣло взисканіе ближнꙗго, стꙗжаніе дш̃и, о^{т} см^{р}ти обращеніе к' животѵ, о^{т} ада к' цр̃ствію Бжію! Дѣло сіе едино исти^{н}наго творитъ Хр̃стѵ подражателꙗ, дѣло сіе едино всѣхъ пе^{р}вѣ'шее, всѣхъ началнѣ'шее, всѣхъ досто'нѣ'шее добродѣтелей!

Веліихъ бл̃годате' ходата'тве^{н}ни сѵ^{т} всегдашнее пощеніе, ѵме^{р}щвленіе жестокое тѣла, ѵдрѵченіе себе самаго, долѵ лѣганіе, всꙗки^{х} сладосте' о^{т}ложеніе, а чтожъ рещи и о и^{н}ныхъ повелѣ^{н}ныхъ, сі есть о мл̃стини, о млтвахъ и си^{м} подобныхъ добродѣтелехъ? Всꙗ сіꙗ, егда не на се^{м} основаніи ѵтве^{р}ждена, ничтоже ползѵютъ, ничтоже творꙗтъ, и аки едина обмана, едина ле^{ст} и лицемѣрство мнꙗтсꙗ быти. Противныꙗ, мню, и неѵдобовѣрительныꙗ[16]) многи^{м} словеса сіꙗ, но не о^{т} себе сіꙗ глл̃голю, толкѵꙗ' Павловы словеса сіꙗ: ꙗкоже азъ во всем^{ъ} всѣмъ ѵгождаю, не иски' свою ползѵ, но многихъ, да спсѵтсꙗ, (сице) подобници мнѣ быва'те, ꙗкоже азъ Хр̃стѵ. Сіꙗ, глл̃голю, толкѵꙗ' Павловы словеса, Іоанъ Златоѵстъ глл̃голетъ: «ничтоже можетъ тако сотворити Хр̃стѵ подражателꙗ, ꙗко еже промышлꙗти о искре^{н}ныхъ; но аще и постишисꙗ, аще и долѵ лѣгаеши, аще и ѵдариши себе, о ближне^{м} же не промышлꙗеши, ничто же веліе содѣ||лалъ еси, но еще далече таковаго образа стоиши, сіꙗ творꙗ'». Веліе есть дѣло мл̃стинꙗ; самъ Хс̃ Гс̃дь бл̃же^{н}ство мл̃стивымъ приписѵетъ и помилованіе обѣщаетъ, но полза и снисканіе ближнꙗго велича'шее и честнѣ'шее, ꙗкоже то'же глл̃голетъ: «лѣсть дѵши ничтоже противодосто'но, ниже ми^{р} ве^{с}; воеже аще и безчисле^{н}наꙗ даси нищимъ имѣніꙗ, ниедино таково дѣло содѣловаеши, ꙗкоже единѵ дш̃ѵ обращаꙗ',

2. Est radix omnium virtutum cura proximi.

1 Cor: 11.33

ibidem, homil: 25.

Стр. 197.

1 Cor: 1. Homil: 3.

---

16) неудобовѣроятная

Jerem: 15. изводи' бо честное от недосто'наго ꙗко ꙋста моꙗ бꙋдетъ; веліе ꙋбо бл҃го еже миловати нищихъ, но ничтоже таково, ꙗко еже прелести свободити».

3. Cura proximi est potior praedicatione.

Но можетъ кто, сіꙗ слышꙗ', противо возгл҃голати: ꙗвисꙗ нам҃ бл҃гдть Бжіꙗ, вси вѣрꙋемъ во Хр҃ста Гп҃да, вси единым҃ кр҃щеніемъ кр҃стихомсꙗ, вси вѣрꙋемъ во единꙋ св҃тꙋю Собо҃рнꙋю и Апл҃скꙋю цр҃ковъ [17]); аще же и обрѣтаю҃тсꙗ гдѣ невѣрныи, оное есть дѣло сващен҃ническое, ꙋчителское, пасти҃рское, тихъ есть сіе попеченіе и рачителство. Да возгл҃голетъ тако изволꙗ', и азъ емꙋ сіце о҃твѣтствꙋю: исти҃но тое е҃ст дѣло, ꙗкоже гл҃голеши, па҃сти҃рское, сващен҃ническое и ꙋчителское, но паки слыши тогожде Златоꙋста: колико сего междꙋ нами, колико в' домꙋ и на всꙗком҃ мѣстѣ обрѣтае҃тсꙗ! колико ближны҃х҃ нш҃ихъ погибаетъ безъ всꙗкаго пощадѣніꙗ, безъ всꙗкаго помл҃ованіꙗ! но како и коимъ образом҃? сіе исповѣсти времени не достанетъ. Пасти҃р ли и ꙋч҃тель еси, возри на стадо твое, на пастꙋ твою и твоемꙋ храненію врꙋче҃нꙋю: о, коль здраваго ꙋченіꙗ требꙋющи҃х҃ много! коль немощію дш҃евною изнемагающи҃х҃, коль мл҃діꙗ и сꙋда требꙋющихъ, а сихъ всихъ лишающи҃х҃сꙗ! Не извинꙗтъ здѣ ниже долꙋ лѣганіꙗ, ниже ꙋедине҃ныꙗ особь долгопросте҃ртыꙗ мл҃твы и чтеніꙗ, острое житіе и власꙗницы, егда овца стрꙋпамы грѣховными или потребностію конечною изнемагаетъ. Граждан҃ски' ли чл҃вкъ [19]), напримѣръ началникъ или сꙋдіꙗ, толико дꙋшъ снискиваеши, толико ко Хр҃стꙋ приводиши, елико, по званію своемꙋ шес҃твꙋꙗ', требованіем҃ ихъ послꙋжиши, мило҃стивно, а не с' гнѣвомъ и ꙗро҃стію, со ꙋкоризною и хꙋленіемъ отъпꙋстиши, егда, всꙗ о҃тложивъ дѣла посторо҃нꙗ, врꙋче҃ныꙗ тебѣ со всꙗким҃ прилѣжаніем҃ исполниши. Не восползꙋетъ милостинꙗ, не защититъ всегдашнее мл҃еніе, аще за сими ближнꙗго нꙋждꙋ оста-

17) прибавлено: убо кого имамъ обращати къ вѣрѣ, кого ползовати, кому проповѣдати? 18) прибавлено: таковымъ пособствуя, истинный ты пастырь, наставникъ и снискатель будеши и по всякому, егоже имаши, чину здѣ долженствуеши 19) прибавлено: и властію мірскою почтенный

виши, якоже преждерече̑ныи Златоустовы словеса глаголютъ; тогда и пощенїа, тогда и млтвы Бгу пріятны, егда на сем основаніи утвержде̑ни сут. Аще убо и не надобно нынѣ тако, якоже апли, страствовати, бѣдствовати, глади и губителства, и хлади и сим подобнам терпѣти, но лѣтъ есть в' домѣ сидящим сію ловитву дѣлати, глаголет Златоуст; сотвори сіе с' ближны, и Петръ или Павелъ будеши, и что глаголю, — Петра и Павла честнѣ'ши' и велича'ши', ибо устами Хрстовыми будеши. Но и сихъ толико еще болша, елико отсюду многїа нам ползи ходата'стве̑на [20]), не токмо бо сам себѣ безъ иждивенїа имѣни', безъ страствованїа и бѣдствїа всякъ сіе достоинство приобрящетъ, но коликим еще блгодареніемъ, усердіемъ и доброхотство̀м ближныхъ млсть получившихъ блгодати сподобитсм. Вѣстна всякому Тавиѳа онам, от Луки свтаго в' Дѣмніихъ воспомяне̑нам, которам за сіе, что много бѣдны̀м и вдовица̀м помоществоваше, что многихъ одѣмла и нищету ихъ исправила, от смрти к' животу возвращена; сіе содѣяша слезы облгодѣтелствова̑ныхъ, яко дшу, изшедшую от тѣла, паки [21]) возвратиша. Но здѣ вящшѝм образо̀м помыслити лѣтъ есть, елико сіе вящшее есть всякїа милостини: что не содѣлаютъ слезы тыхъ, елицы много трудившесм, аки отчаянію подверже̑ни быша, но тобою млсть получиша, тобою желаемое исправиша? Се то вѣнецъ неувядаемы'. Обстпиша Тавиѳу вдовицы, и ону живу показаша: коликого же помлованїа досто'на сотворятъ на Страшномъ Судѣ, обстплше тебе, тіи, иже тобою нынѣ спасшиисм, тобою помиловани! Тако || убо **Стр. 198.**
истинны, тако полезны словеса Златоустова, что никамже добродѣтель безъ сего корене и основанїа добродѣтель есть, и аще кто от брашна воздержамсм пребываетъ, аще и долу спитъ, аще и пепелъ мсть и рыдаетъ вину, а никогоже инного ползуетъ, ничтоже содѣлалъ. То едино и совершенство, то едина и похвала, еже служити ползѣ брата своего и о его спсеніи попеченіе имѣти.

---

20) многшую себѣ ползу исходатайствуеши 21) прибавлено: къ жизни

4. Cura proximi est vis perfectio.

Помысли[м] великихъ и древныхъ мѫже'[22]) и исти[м]жи[м] со опаствомъ житіе ихъ, о[т]кѫдѫ паче проси[м]аша, о[т]кѫдѫ превеликихъ сподобишася[м] похвалъ, ѫзри[м] совер[ш]е[н]но, [м]ако ни о[т]кѫдѫ инѫдѫ, токмо о[т] сего, [м]ако ниеди[н] о[т] нихъ [м]аже своихъ искаше, но [м]аже ближня[м]го, [м]ако паче о себѣ не рад[м]ахѫ, нежели о ближнихъ, не тако своего искахѫ спс̄ені[м]а, [м]ако бра[т]него. Стани ты посредѣ, Мо'сее Свѣты, многа[м] чѫдеса со[т]воривы', многа[м] знамені[м]а содѣ[м]авы', о нихже нѣсть нн̄ѣ гл̄голати подробнѫ: что т[м] к' сицевомѫ бг̄овидѣні[м]а возведе ве[р]хѫ? Воисти[н]нѫ, не жезли оны[м], в' зміи претвире[н]ны[м], и [н]ны[м] чѫдеса, не Че[р]мное море, надвое раздѣлшееся[м], не вода ис камене источе[н]на[м] си[м] подобна[м] многочи[с]ле[н]на[м] знамені[м]а, но оны' бл̄же[н]ны' и достопам[м]а[т]ны' гласъ, сіе вышечлв̄ческое реченіе, егоже в' нѫждѣ члв̄чско' изреклъ еси, егоже при ско[р]бѣ брати' твоихъ
Exod: 32. и ближны[х], в'рѫченихъ тебѣ, испѫстилъ еси. Но ки'? Согрѣшиша велми, людіе Іил̄скіи, оставлше исти[н]наго Бг̄а, изве[д]шаго ихъ изъ работы Египе[т]ско'; ме[д]лющѫ бо Мо'сею на горѣ Сина'ско', сліт[м]аша себѣ телецъ зла[т], и почтоша его мѣсто исти[н]наго Бг̄а, гл̄голюще: се бози твои, Іилю; разгорѣса велы', но и прв[н]нѣ'ший гнѣвъ Бж̄и', [м]акоже, по изт[м]авленіи дѣ'ствіи ихъ Мо'сею, сице изрече Бг̄ъ: не дѣ' мене[23]) нынѣ, да воз'[м]рився[м] гнѣвомъ на н[м], потреблю [м]. О, веліе бѣдство пре[д]стоитъ вамъ, Іил̄тяне, погибель конечна[м]! Но что сей ревностны' по людехъ своихъ побо[р]никъ? Веліе приноси[т] м̄леніе: вскѫю [м]ришися[м] на люди сі[м], ихъже изъ работы Египе[т]ски[м] извелъ еси рѫкою твоею крѣпкою и мышцею высокою? посмѣю[т]ся пото[м] Египт[м]яне, гл̄голюще: дл[м]а того и изведе ихъ в' лѫкавствѣ, воеже погѫбити ихъ в' горахъ и потребити ихъ о[т] зе[м]ли; ѫстави гнѣвъ [м]рости твоея[м], милостивъ бѫди до злобы люде' твоихъ, помя[м]ни Авраама, Ісаака и Іакова, имже

---

22) прибавлено: оныхъ 23) прибавлено: (сіесть: не утруждай, не мѣшай мнѣ)

обѣщался еси ѹмножити сѣмя ихъ, и — что болше — прилагаетъ: аще, рече, оставиши имъ грѣхъ, то остави, аще же ни, изложи мя ис книгъ, яже в'писа, потреби и мене с' ними. О, гласа прснопамятнаго! О, любве и тщанія о ближнем нелицемѣрнаго! Равенъ емѹ в' пораженіи семъ и дрѹги' во 2 Reg: 24.
прорцѣхъ велики' Давидъ: егда даде Гдь смрть во Ізіли, от ѹтра до часа обѣднаго, и начася язва быти в' людехъ, и ѹмроша 70000 люде', тогда Двдъ, ѹвидѣвъ Аггла, біюща люди, и рече: азъ пастир согрѣшихъ и азъ зло сотворихъ, а сіи овцы что сотвориша? бѹди рѹка твоя на мя и на домъ отца моего. И таковым млрдным и ревностным гласом и люди спсе, и самъ воспріятъ отпѹщеніе грѣховъ. Противным же образом, како неблгополѹчни, ки' врем полѹчаютъ о спсеніи ближняго не пекѹщіися? Много о сем ѹвствен̃ных есть примѣровъ [24]). Іона, не поискавъ ползы ближняго, но своего собствен̃наго токмо полезнаго, что пострада? И в' море верженъ быст, и китом пожрен̃, и градъ стояше, онъ же обѹревашеся. Іаковъ не иска от своего прибытка, многаго блгословенія сподобися ѹ Лавана; Іосифъ, с' любовію поискавъ братіи своея, аще и многая от нихъ пострадалъ, но кое от Бга обрѣте мздовоздаяніе! Таковое сіе спсительное бжествен̃ное и аггльскаго жителства досто'ное дѣло! ||

Но якоже всякая добродѣтель, аще на сем корени осно- Стр. 199.
ван̃ная есть, тогда ест добродѣтель, тако кромѣ сего никаяже
добродѣтель можетъ добродѣтель именоватися: опроверзи 5.
кор̃ен̃ се', и вся вѣтви ѹвянѹти имѹт; разори сіе основаніе, и Nulla virtus sine hac est virtus.
вся храмина, все зданіе добродѣтелное разрѹшится, падется и ѹничтожено бѹдетъ. Воспри'мѣмъ нн̃ѣ в' разсѹжденіе оныя достопамятныя и всегдашнего разсѹжденія досто'ныя Іакова

---

24) прибавлено: между которыми безчисленными сей единъ намъ доволенъ есть. Повелѣлъ Гдь Бгъ Іонѣ прку ити въ Ниневію градъ великій, проповѣдати покаяніе, не восхотѣ 25) пропущено: Іаковъ ... у Лавана

Jac: 2. 10. апла словеса: иже вес законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ. Кое то сицевое согрѣшеніе, кое толь тяжкое престѹпленіе, всего закона исполненіе вничтожающее? И како тое можетъ быти? Аще тако есть, то, напримѣръ, вѣрѹя' в' истиннаго Бга и Спсителя мира Хрста Гпда, тщащи'ся ѹгодити емѹ и исполнити заповѣди его и тако творя' млстиню, отъгребая'ся отъ всякаго злаго дѣла, пребыва' в' млтвахъ, ѹдрѹчая' тѣло свое постами и долѹ леганіи и сим подобная, аще в' едином согрѣшитъ, напримѣръ возритъ на женѹ с' помышленіем, то вся оныя добродѣтели погѹбилъ, ничтоже сотворилъ вся тія? [26]) Или аще кто противо заповѣди Бжія оноя: не ѹкрадеши согрѣшитъ и малое что ѹкрадетъ, аще [27]) по правилом граждански имъ и смрти не досто'ное, то ѹже таковы' всѣмъ заповѣдемъ повинен? есть онъ ѹже и свтотатецъ, и прелюбодѣ', и члвкоѹби'ца? Уворѹетъ кто ножикъ, или овцѹ, или шѹбѹ, есть ли ѹже таковы' и свидѣтель ложны', и клеветник, и хѹлитель? Солгалъ кто единожды, тако ли, яко то' и Бга отрекълся, и вѣрѹ оставилъ, обрѹгалъ крещеніе и похѹлилъ та'ны? Велія всѹмнѣнія вещъ исполнена. Како ѹбо, аще кто согрѣшитъ во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ? Но и вопреки отъсюдѹ бы могло послѣдствовати тако равенственнѣ, что якоже единым грѣхом согрѣшивы' есть всемѹ законѹ повиненъ, тако бы послѣдствовало то равным образом, аще кто единѹ добродѣтель имат [28]), вся добродѣтели имат: сотворилъ едино доброе дѣло, напримѣръ далъ милостиню нищемѹ, то и чистотѹ, и смиренномдріе, и воздержаніе исполнилъ? или есть дѣвственникъ, то есть ѹже и воздержникъ, и истинен, и нестяжателен? Но семѹ противныхъ веще' вседневное нас поѹчаетъ искѹство. И тако, аще сотворивы' единѹ добродѣтель вся исполнилъ, законъ сохранилъ, то за единѹ моглъ бы разрѣшенъ нарещися: о, воистиннѹ кратkаго пѹти к' совершенствѹ и нетрѹднаго к' безгрѣшію! Но не тако есть,

---

26) пропущено: вся тія 27) еже 28) имѣетъ

не тако: аще бо речемъ, ꙗко грѣха не имами, прелщаемсѧ, и истины нѣсть в' насъ, громогласнаꙗ трꙋба, сынъ громовъ Іоан Сѵ̑ты' Бг̑ословъ восклицаетъ; тоежде и помнѧтыꙗ гласитъ Іаковъ Сѵ̑ты': много согрѣшаемъ вси. Но что ест, Іакове Сѵ̑ты': аще много согрѣшаем вси, а согрѣшит кто в' единомъ, ꙗко то' есть всѣмъ повинен? И тако, мꙋжіе ч̑тные и свѣто пожившіи, глг̑олющіи обаче истинно грѣшныꙗ себе быти, не имꙋт никоеꙗже добродѣтели? Да не бꙋдетъ сице ꙋмствовати, да не бꙋдетъ тако глг̑олати, да не бꙋдетъ о сицевыхъ вѣрныхъ и блг̑очестивыхъ мꙋжехъ дꙋмати, аки бы они с' согрѣшеніями не имѣли блг̑очестіꙗ. Здѣ вопрошаетъ Іппони'ски' епспъ: и что есть блг̑очестіе? отвѣтствꙋетъ: есть истинное почитаніе и чествованіе Бг̑а. Како же и чим Бг̑ъ почитаем есть? ничимъ инымъ, ꙗкоже любовію[29]); сіꙗ ꙋбо едина ближняго ищꙋщаꙗ спс̑еніꙗ любовъ, от чистаго срдца и совѣсти добро' происходꙗщаꙗ, веліꙗ и истинаꙗ добродѣтель есть; сіꙗ есть исполненіе закона, ꙗкоже велики' глг̑олетъ Павелъ: люби дрꙋга закон исполнилъ. Кто сію имат добродѣтель, ко всѣмъ простираетсѧ; противнымъ же образомъ, сеѧ не имы', противо сеѧ согрѣшаꙗ', всѧ превращаетъ, всѧ раззоряетъ, всѣхъ лишен есть и всѣмъ противенъ. ||

1 Joan: 1. 8.

Jacob: 3. 2.

August: epist: ad Hier: 29.

Rom: 13. 8.

Сіꙗ идѣже водворяетсѧ, тамо есть истинное познаніе Бг̑а, почтеніе его и истинаꙗ вѣра; и сіꙗ есть истинное знаменіе и печат вѣрꙋющихъ, ибо вѣра безъ сеѧ мртва есть, но таꙗжде самаꙗ вѣра жива и дѣ'ствителна бываетъ любовію, ꙗкоже глг̑олетъ Павелъ: о Хр̑стѣ Іисѣ ни обрѣзаніе что может, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію с'посп̑ѣшествꙋема. Восхощемъ ли ꙋбо вѣрою похвалитисѧ истинною, тогда похвалимсѧ, аще ближняго ползѣ послꙋжимъ, аще его спс̑еніꙗ и созиданіꙗ поищем, единою бо любовію любимъ ближняго и Бг̑а, но Бг̑а ради Бг̑а, себе же и ближняго ради Бг̑а, и идѣже люблені Бг̑а, тамо и ближняго,

Стр. 200.

Galat: 5.

Aug: 1. 8 de Trin: T: 3.

29) прибавлено: его и ближняго

глголетъ Златоустъ; а идѣже нѣсть сея, тамо ничтоже вѣра, тамо ничтоже знаніе, ничтоже премдрость, ничтоже всѧ таѧны, ничтоже всѧ добродѣтели, аще бы и тѣло далъ кто на мученіе и раздалъ всѧ имѣнія своѧ; без сея всѧ ничтоже сѹт, ꙗкоже ꙗвственно в' 1 Corint: cap: 13 зач: 153 глголетсѧ. И воистинѹ ѹбо любовъ ближнѧаго исполненіе ест закона и добродѣтеле'; с' нею и долготерпѣніе, с' нею и млрдіе; не завидитъ сіѧ, ниже превозноситсѧ, не безчинствѹетъ и не ищетъ своихъ, не раздражаетсѧ и не мыслитъ зла, не радѹетсѧ о неправдѣ, радѹетсѧ же о истинѣ, всѧ любитъ, всемѹ вѣрѹ емлетъ, всѧ ѹповаетъ, всѧ терпитъ.

Сію крѣпко аггліскимъ разсѹждаѧ ѹмомъ Павелъ, каѧ полза в' тщаніи и ползѣ ближнѧаго содержитъсѧ, и на многихъ мѣстѣхъ о сем поѹчивъ, ꙗкоже к' Римл: в' гл: 15: киждо васъ ближнемѹ да ѹгождаетъ во блгое к' созиданію; и на иныхъ премногихъ мѣстѣхъ[30]) се' выше-
Rom: 9.3. естественны' произнесе глас: молилъ быхъ бо сѧ самъ азъ отлѹченъ быти от Хрста, по братіи мое', сродницѣхъ моихъ по плоти. О, гласа преизѧщнѣ'шаго! веліѧ есть любовь желати ближнемѹ причастникомъ быти блгихъ! Кто же сію Павловѹ изрещи возможетъ любовь? Самъ изволилъ быти в' послѣдныхъ злыхъ, да дрѹзіи бѹдѹтъ во блгихъ; самъ анаѳемѣ себе предаетъ, да дрѹгіи спсѹтсѧ. Разсѹждаше сіѧ велича'шаѧ дша единѹ токмо и истиннѹю добродѣтель, любовь, и ꙗко тамо всѧ полза и вѣра, тамо ликъ и корен всѣхъ добродѣтеле', идѣже любленіе ближнѧаго, тамо своѧ и полза и приобрѣтеніе, идѣже снисканіе ползы и приобрѣтеніе ближнѧаго. Тако и онаѧ адаманткаѧ дша, о семъ пекѹщаѧсѧ, не восхотѣ в' црскихъ пребывати сладостехъ, всѧкаго мира и безмятежіѧ насищатисѧ, веселитисѧ
Hebr: 11.25. и господствовати[31]), сіе разсѹждаѧ, Мо'сей, глголю, оны' вели'

---

30) прибавлено: таже и самъ себе в примѣръ всѣмъ представилъ

31) прибавлено: но

во прорцѣхъ, отъ Павла намъ въ подражаніе представленны', иже вѣрою отвержеся нарицатися сынъ дщеры Фараоновы, но паче изволи страдати съ людми Божиими, нежели имѣти временнꙋю грѣха сладость. Сіе любве величество, сія ея дѣ'ствія! Досто'но ꙋбо наречена крѣпка въ Писаніи Божественномъ: крѣпка же не Cant: 8.
просто, но крѣпка яко смрть, крѣпка яко смрть любовъ, яко за сію, аще кто истинно ея познаетъ, смрть не страшна, но пріятна; крѣпка яко смрть, понеже яко смрть, тако сея побѣдити не возможно; крѣпка яко смрть, ибо в' жизни се', даже до самыя смрти, есть мѣра добродѣтеле', якоже самъ Спситель глголетъ: болши сея любви никтоже имат, Joan: 15.13.
да кто дꙋшꙋ свою положитъ за дрꙋги своя; крѣпка яко смрть любы, якоже бо смрть разлꙋчаетъ дшꙋ отъ чꙋвстви' плотскихъ, тако истинная любовь ближняго разлꙋчаетъ отъ всѣхъ согрѣшени' и злодѣяни'. ||

О, любви ꙋбо исполненіе закона, но кто тя совершенꙋ **Стр. 201.**
возможетъ имѣти? о, кореню всѣхъ добродѣтелей, но ни в' коемже отъ члвковъ совершенно вкорененны' и посажденны'! о, сокровище всѣхъ блгихъ преисполненное, но инаго болше, инаго же менше обогащающее! Свѣтъ [32]), но не всякаго равно просвѣщающи', и, да сокращеннѣе рекꙋ, едина сія в' житіи члвкꙋ довлѣетъ, но всегда о ꙋмноженіи ея тщатися надлежитъ и приличествꙋетъ, понеже в' иныхъ болшая, в' иныхъ же меншая, в' иныхъ же ниедина жителствꙋетъ, а совершенная и всецѣлая в' житіи семъ обрѣстися не можетъ. И тако, егда ꙋмножается сія, с' нею и дрꙋгіи возрастаютъ, ꙋмаляется сія, с' нею и дрꙋгіи отходятъ, а понеже совершенныя нѣсть, того ради нѣсть сицеваго члвка, иже бы дховныя скꙋдости лишенъ былъ, иже бы к' самомꙋ безгрѣшия верхꙋ возмоглъ приити. Ради сея несовершенства проситъ Двдъ Бга и с' нимъ всякъ члвкъ: не вниди в' сꙋдъ с' рабомъ Psal: 142.
твоимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ

32) О, свѣте

1 Joan: 1. 8. живы'. Ради сѣа скѵдости: аще речем, ꙗко грѣха не имами, прелщаемсѧ и истины нѣсть в' насъ; аще же исповѣдаем грѣхи н҃ша, вѣренъ есть и пр҃вденъ, да оставитъ нам грѣхи н҃ша и очистит нас от всѧкиѧ неправды; аще бо речем, ꙗко не согрѣшихом, лжа творимъ его, и слово его нѣсть в' насъ. Отсюдѵ хотѧ крещеніемъ очищени от всѣхъ грѣховъ, хотѧ и много в' добродѣтелехъ ѵспѣемъ,
Math: 6. 12. полезно есть гл҃голати: остави нам долги н҃ша. В' се', аки в' зерцалѣ, видитъ себе чл҃вкъ и познаваетъ, от чего ѵдалꙗтисѧ и о чесом попеченіе имѣти, о чесом радоватисѧ и чесо просити; здѣ всѧ заповѣды и ѵстави, здѣ всѧ повелѣніѧ и ѵложеніѧ, сей ѵбо послѣдованіе истинное, совершенное ест закона исполненіе: исполненіе закона любы есть. От сихъ нн҃ѣ кто не ѵвидитъ оныхъ словесъ Іаковлихъ ꙗвственное истолкованіе: иже вес законъ соблюдет, согрѣшит же во едином, быст всѣмъ повиненъ. Не сего ли ради [33]), ꙗко исполненіе закона есть любы, аще вес законъ исполнитъ, сѧ же не имат, всѣмъ есть повинен, всѧ разрѵшилъ, всѧ охѵлилъ, попралъ и всѣхъ отщетилсѧ? Исполненіе закона любы есть, еюже люби Б҃га и ближнѧаго ради Б҃га; в' се' вес законъ и пр҃орцы высѧтъ. Ки' грѣхъ [34]) в' чл҃вцѣхъ творимы' не к' се' [35]) приличествѵетъ противности? Ибо кто прелюби сотворитъ, кто ѵкрадетъ, лжесвидѣтелствѵетъ и, аще иное есть кое повелѣніе, не сотворитъ, аще ближнѧаго тако возлюбитъ, аще о его ползѣ истинное попеченіе имѣти бѵдетъ, ꙗкоже гл҃голетъ велики'
Rom: 13. Павелъ: Ни единомѵ же ничимже должни бывa'те, точію еже любити дрѵгъ дрѵга, любѧ' бо дрѵга законъ исполнилъ; еже бо не прелюби сотвориши, не ѵбіеши, не ѵкрадеши, не лжесвидѣтелствѵеши, не похощеши, и аще ка и нна заповѣдь в' семъ словеси совершаетсѧ, во еже возлюбиши искренѧаго своего, ꙗкоже самъ себе,

---

33) сего ради 34) нѣсть бо грѣхъ 35) не иже къ сей

любы искренномѹ зла не творитъ, исполненіе ѹбо закона любы есть — и инако невозможно рещи, что неисполненіе. Здѣ бо кѹпно и самого Бга любленіе заключаетсѧ [36]), не можетъ бо никтоже в' се' искѹсенъ быти, любити ближняго, тщатисѧ его ползѣ, о его спсеніи попеченіе имѣти, аще не первѣе любитъ Бга; равнымъ образомъ, не любитъ тотъ Бга, аще и мнитсѧ любити, иже ближнемѹ своемѹ зла желаетъ, творитъ и в' семъ ѹтвержденъ есть; сицевы' аще и не мнитсѧ таковъ, аще внѹтръ самъ себе охлаждаетъ, но истинны' вещию самою и прямы' есть аѳеиста. И не отъ себе сіѧ глголю, возлюбленны' Спсителѧ ншего ѹченикъ глголетъ: не любѧ' не позна Бга, ибо не любѧ' брата своего, егоже видѣ, Бга, егоже не видѣ, како любити можетъ? Таковое есть любви величество, сицевагѡ ѥѧ сила и дѣ'ствіѧ! || 1 Joan: 4.

Тако ѹбо в' се' добродѣтели истинно искѹсисѧ наставникъ ншъ [37]): не себѣ самомѹ, но и братнемѹ спсенію прилѣжитъ. А понеже подражаніемъ паче, нежели долгими похвалами панегирическими, досто'но похвалѧеми сѵт свтыи, то воистинѹ восхвалимъ досто'но, сынове истинныи православныи, народи Росси'скии, отца ншего и апостола Андреа Свтаго, егда его сей добродѣтели послѣдовати бѹдемъ, но егда, ѧкоже в' началѣ рѣхъ, за премножествомъ неѹдобопостижно и невозможно [38]), то поне, вмѣсто всѧкаго похваленіѧ, восподражаимъ семѹ достохвалномѹ дѣлѹ его — братолюбію; сіе емѹ отъ насъ любимое имат быти почтеніе, сіѧ похвала превожделѣннѣ'шаѧ, сей панегирикъ блгопріѧтнѣйший, егда нас ѹвидитъ подражающихъ стопамъ его, егда к' таковомѹ дѣлѹ, еже онъ сотворилъ, и нас охотныхъ и на сіе простирающихсѧ и о семъ единомъ попеченіе имѹщихъ ѹвидитъ; отсюдѹ бо познаетъ нас преѹставленныхъ к' цртвію Бжію, испол- Стр. 202.

---

36) понеже любовь Бога и ближняго весь законъ въ себѣ содержитъ и заключаетъ 37) прибавлено: Андрей стый 38) не удобопостижныхъ его добродѣтелей всѣмъ подражати не возмогаемъ

нающихъ законъ Бжи', аще о ближняго ползѣ и спсеніи промышляти бдемъ. Но кто тако, якоже вы, Росси'скии Андрее, истинно стопамъ отца вашего послѣдуете? Кто тако, якоже вы, преславныи кавалери Росси'скии, добродѣтелем, паче же се', еже о ползѣ ближняго попеченіе имѣти, подражаете? Воспріясте крестъ Андреевъ, сподобистеся за трды ваша сея почести, имате на раменахъ вашихъ знаменіе отца вашего и наставника, но коль ссердно и дѣли званіе свое исполняете! Сладостенъ вамъ крестъ Андреевъ, но преслатко Андрею и подражаніе. Печашеся онъ о спсеніи братнемъ, но не тоежде ли вы содѣваете? Имате попеченіе о спсеніи ближняго, ополчающеся блгочестиво за Црковъ Бжію, воинствующе за честь Божію, готови суще на вся стрѣли и мечи, на вся страданія и смрти, да в' тишинѣ и мирѣ славословится имя Бжіе, и прилѣжат спсенію своем братія ваша, да вами ограждаеми православною Цркви сынове тихое и безмолвное житіе поживутъ во всяком блгочестіи и чистотѣ; ползѣ ближнем тщитеся сотворити, яко, оставлше домы и блга, о цѣлости и сохраненіи отечества вашего всегдашнее и тщаніе и попеченіе имате. Знаменіе есть пол вашъ кавалерски' мужества, неусипныхъ трудовъ, вѣрности своем Гдрю, готовости к' подвиго, но в' васъ есть знаменіе еще собственное — любви ко ближнем, якоже
1 Phes: 5. всегда слышающе оныхъ Павловыхъ словесъ: мы же сынове сущи дне да трезвимся, оболкшеся в' броню вѣры и любве, и шлем упованія спсенія. Сихъ, глголю, словесъ слышающе, дѣлами тщитеся исполнити, и исполняете [39]). Привѣтствуемъ убо, истинныи сынове,

---

39) прибавлено: Вы оніи Моисеи и Двди самихъ себе не щадящіи и многочисленнымъ за братію свою предающіи смертемъ. Кто убо въ васъ не увидитъ живый образъ оныхъ стыхъ, иже вѣрою побѣдиша цртвія, содѣяша правду, получиша обѣтованія, заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, избѣгоша острея меча, возмогоша отъ немощи, быша крѣпцы во бранѣхъ, обратиша въ бѣгство полки чуждихъ? Въ васъ, глаголю, сихъ всѣхъ явственно видимъ: побѣдисте бо царствія, якоже премногія вами полученныя свидѣтелствуютъ побѣды. Загра-

отца вамъ сего, на егоже взирающе добродѣтели и сами к' ни^м поощряетеся, но привѣтствѹе^м и тебѣ, отче и апостоле нашъ, сихъ сыновъ, истинно познавшихъ тя и приискренно твоимъ стопа^м послѣдѹющи^х, истинно на себѣ крестъ тво' носящи^х, но кѹпно и крстномѹ житію твоемѹ подражающихъ; привѣтствѹюще же, молимъ тя: даждь имъ блгополѹчно и долгодене^ственно по^д знамеіемъ твоимъ воинствовати, да от лица креста твоего, имже ѹкраше^ни сѹ^т, ѹстраше^ни бѣгаютъ вси врази Госѹдарства Росси'скаго, ѹмножи и сохрани ор^дине', да крестоносцы твои воинствѹютъ в' не^м, доброе воинство имѹще, вѣрѹ и блгѹю совѣсть, на защищеніе Цркви Свтыя и на ѹкрашеніе Госѹдарства ншего[40]), таже по многи^х торжества^х и лѣтахъ да пре^ставиши ихъ, и кѹпно всѣхъ насъ, престолѹ Бжію, о на^с похвалимся и глголя: се азъ и дѣти, ѥже ми далъ еси, Бже, и да с' тобою кѹпно воспоемъ и прослави^м тобою на^м проповѣда^наго Агнца, крсто^м побѣдившаго вся, Хрста Бга ншего в' безконечныя вѣки вѣковъ! АМИНЬ.

Praedicatum in ecclesia S. Isaacii Dalmatiensis in praesentia S. C. Majestatis, omniumque equitum ordinis St. Andreae, 1719, Petropoli[41]).

дисте уста Лва Свѣйскаго и аки угасисте силу огненную, егда на страшныя пушечныя и мушкетныя громы и огни безстрашно, мужественно и дерзновенно исходисте. Избѣгосте толико острея меча, елико васъ невредимыхъ въ баталіяхъ премногихъ, враговъ же вашихъ мечемъ вашимъ побѣжденныхъ видѣсте. Возмогосте отъ немощи, егда укоризну Россіи къ толикой славѣ и чести произведосте, и иже крѣпцы и непобѣдими мняхуся, сихъ вы обращаете въ бѣгство, прогоняете полки чуждихъ 40) прибавлено: на вѣрную службу и помощъ въ трудахъ благочестивѣйшему своему монарху Петру Первому, сего ордина устроителю и законоположнику 41) Латинской приписки нѣтъ, а вмѣсто нея: Проповѣдано бысть сіе слово оберъ-іеромонахомъ Гавріиломъ въ Санктъ-Петербургѣ, лѣта 1719, мца ноемврія въ 30 день. — Повелѣніемъ же Царскаго Пресвѣтлаго Величества Петра Перваго Всероссійскаго Императора напечатася при Санктпетербургѣ въ Троицкомъ Александроневскомъ монастырѣ 1720 лѣта, мца Маія 14 дня.

XXV.

Стр. 203. **Dominica 33 post Pentecosten de Publicano et Pharysaeo. S. Pitersburgi. Anno 1720.**

Два чл҃вка внидоста в' ц҃рковъ пом҃литисѧ, еди҃н фарисе' и др҃ѹги' митаръ. Л҃ѹк. 18. за҃ч. 89.

Премногаго бл҃горазѹмїѧ вещъ исполне҃на, СС., ꙗко в' сїѧ нд҃ли, близъ пред҃варѧющиѧ четиридесѧтодневное поста св҃таго времѧ, пред҃лагаетъ намъ ѹчителница и наставница н҃ша Ц҃рковъ Св҃таѧ сицевыѧ прит҃чи и нравоѹченїѧ евг҃глскиѧ, от҃ нижде всѧкъ наставленъ возможетъ быти, како бг҃оѹгод҃нѣ оное бж҃ест҃вен҃ное поста проходити поприще, проходѧ же — или о д҃шегѹбны' како бы возможно не прет҃кнѹтисѧ каме҃н, или в' обнажающиѧ, разграбл҃ющиѧ и д҃шевныѧ добродѣтельныѧ растощающиѧ имѣнїѧ и самѹю д҃шѹ ѹбивающиѧ не пасти разбо'ники. Но понеже пе҃рвое сіе поста дѣ'ствіе есть, еже, покоры҃ плот҃ дх҃ѹ, в' полезныхъ пребывати бг҃омыслїахъ и млт҃вахъ, тако бл҃горазѹмно пе҃рваѧ сіѧ прежде поста в' ц҃ркви провозглашает҃сѧ прит҃ча: два чл҃вка внидоста в' ц҃рковъ пом҃литисѧ. Два сіи в' прит҃чѣ пред҃ставленїи чл҃вки живы' сѹ҃т образъ двоихъ чиновъ чл҃вчски҃х, в' ц҃ркви обрѣтающихсѧ, изъ нихже едины сѹ҃т исти҃наѧ пшеница, досто'на сохран҃ема быти в' жит҃ницахъ нб҃сныхъ, др҃ѹгіи же сѹ҃т плевели, огню неѹгасаемомѹ ѹготова҃ныѧ; едины древа бл҃гоплод҃ныѧ, др҃ѹгии, не творящии плодовъ добры҃х, посѣченїѧ дос҃то'ни, да и в' огнь вмещеми бѹдѹтъ. Кто же оныи и кто сіи, от҃ далшего разсѹжденїѧ сеѧ прит҃чи ѹдобъ познани имѹ҃т

быти. Предѣвѣдѣти убо подобаетъ, когда и в' кое время сія притча изречена есть? Вопросили единою Христа Гда фарисеи: когда, рече, прідетъ Цртвіе Бжіе? Отвѣщаваетъ имъ, глголя сице: не приидетъ Цртвіе Бжие с' соблюденіемъ, сіесть с' предвидѣніемъ, но о дни томъ никтоже вѣсть. Таже прелагаетъ невидѣнія и внезапства того многія подобія: якоже, рече, во дни Ноевы, людіе ядяхѫ, Luc: 17.
піяхѫ, женяхѫся, посягахѫ, и внезапѫ прииде потоп и взят вся, и, якоже быст во дни Лотовы, людіе ничтоже чающе, но, в' беззаконіяхъ своихъ погрѫженныи, ядяхѫ, піяхѫ, кѫповахѫ, продаваxѫ, саждахѫ, здахѫ, и се нечаянно и внезапно одожди Гдь каменія горящя и огнь с' нбсе, и погѫби вся; и якоже быст в' дни оныя, по томѫ бѫдет и в' ден, вонже Сынъ члвчски' явится. И таковое внезапство изявивъ, повелѣваетъ всегда готовымъ быти, безпрестанно млитися и самыя млтвы образецъ представляетъ — сѫдію нѣкоего, Бга небоящася и члвкъ не срамнящася, такожде и вдовѫ нѣкѫю, чрезъ долгое время емѫ стѫжающѫю и самымъ стѫженіемъ испросившѫю отмщеніе соперника ея, понеже фарисеи бяхѫ вопрошающии, иже ересь свою паче прочіихъ возвышахѫ, самыхъ себе оправдающе, свтыхъ себе вмѣняюще, котории иныхъ не токмо презирахѫ, но аки грѣшниковъ вмѣняхѫ. Отсюдѫ Спситель ншъ сію произноситъ притчѫ до ѫповающихъ на себе, до хвалящихся своими дѣлами, прочихъ же презирающихъ и ѫничижающихъ, а о себѣ
мнящихъ, || яко сѫт првдницы и аки бы одною ногою стоятъ Стр. 204.
ѫже в' цртвіи Бжии, — до сихъ, глголю, проповѣдаетъ сію притчѫ и аки на ѳеатрѣ производитъ злы' ихъ ѫмыслъ и намѣреніе, яко вся своя дѣла творяхѫ, сіест долготерпѣтыя млтвы на распѫтіахъ, омрачахѫ лица своя аки бы от пощенія безпрестаннаго и симъ подобная многая, не ради любве Бжия, не ради заповѣде' и повелѣни' Его, но токмо да явятся члвкомъ, да покажѫтъ себе паче прочиихъ аки бы првднѣ'шихъ. Производитъ сихъ двоихъ, митаря и фарисея, и живымъ обра-

зомъ изꙗвлꙗетъ фарисе'скꙋю внꙋтренꙋю злобꙋ и ко истинно кающемꙋсꙗ митарю Бжие блгоꙋтробіе и млсть.

Тако и истинаꙗ нша наставница Црковъ Свтаꙗ, въводꙗщи нас в' постное млтвенное и покаꙗнное времꙗ, предънаꙋчаетъ насъ ннѣ не возноситисꙗ в' себѣ и не ради члвкоꙋгодіꙗ, ищꙋще отъ члвкъ чести и возношенія, постити и млитисꙗ, но взирати на вѣдꙋщаго та'ны сръдъ члвческихъ, и сихъ ради сіꙗ два лица, митарꙗ и фарисеꙗ, на мыслennомъ позорѣ представлꙗетъ. Едино лице происходитъ и предꙗвлꙗетъ свтыню свою — млстини, посты, одесꙗтствованіе всѣхъ блгъ своихъ; дрꙋгое же, ничего добраго имꙋщее — митаръ, хищникъ, лакомецъ, прелюбодѣ', пꙋбличны' тат и нечестивецъ, — видꙗ же себе тако скꙋдна, всѣмъ срдцемъ и дшею млитсꙗ, прощенія проситъ, ниже очесъ своихъ смѣꙗ возвести на нбо, токмо біꙗше перси своꙗ, глголꙗ: Бже, милостивъ бꙋди мнѣ грѣшномꙋ! Представлꙗющи же на ꙋмномъ позорѣ днесь сіꙗ два лица, ꙋчителница нша Црковъ православнаꙗ два чини члвковъ изꙗвлꙗетъ: первыхъ — велехвалныхъ фарисеевъ, постꙗщихсꙗ ложно токмо ради похвали члвческиꙗ, токмо предъ члвки, а наединѣ инако творꙗще, омрачающихъ лица своꙗ, но все лицемѣрно, дающихъ млстиню, но да видими бꙋдꙋтъ члвки, а для того дрꙋгими негодꙋющихъ, о дрꙋгихъ лꙋкавно помышлꙗющихъ, оглголꙋющихъ и в' соблазнъ приводꙗщихъ; дрꙋгихъ же — бѣднꙗковъ, грѣшниковъ, но симъ самымъ истинныхъ првдниковъ, иже всегда предъ Бгомъ себе непотребныхъ и окаꙗнныхъ исповѣдꙋютъ, и аще исполнꙗютъ повелѣнаꙗ, ни предъ кимже изꙗвлꙗютъ, вѣсть токмо дхъ его, живꙋщи' в' немъ, что творитъ. Представивши же, слышимъ, каковы' сꙋдъ о ныхъ произноситъ. Исходитъ отъ позорища сего мнꙗ'сꙗ оправданъ быти — осꙋжденны', и иже зрящесꙗ осꙋжденны' и окаꙗнны', се' оправданъ отиде в' домъ сво'. Се сꙋдбы Бжиꙗ непостижимыꙗ;

Isa: 11. 3. 4. се сꙋдіꙗ нелицемѣрный, о немже глголетъ Ісаиа: не по славѣ осꙋдитъ, ни по глголанію обличитъ, но осꙋдитъ смиренномꙋ сꙋдъ и обличитъ славныꙗ на земли. Тꙗжкаꙗ и несноснаꙗ вещъ есть лицемѣріе фари-

се'ское, еже како Бгъ мерзко и в' чловѣцѣхъ нестерпимо, ннѣ в'кратцѣ ѕвиди. Молисѧ же тебѣ, срдцевѣдче и испытателю та'ныхъ ншихъ Іисе, даждь нам, невозносителны срдцемъ сіа ѕразѕмѣвше, тебѣ и молитисѧ и блгаѧ дѣѧти, блюдѫщесѧ от кваса фарисе'скаго, еже ест лицемѣріе! ||

Стани ѕбо ннѣ дхом и помышленіемъ в' преславномъ храмѣ Іерлимскомъ и присмотримсѧ тамо дѣйствѫющемъсѧ позорѕ, от двоихъ лицъ совершающемъсѧ. Начинаетсѧ дѣ'ствіе, и происходитъ первое лице, фарисей, иже, ставъ предъ олтаремъ, сице о себѣ проповѣдуетъ: Бже, хвалѕ тебѣ воздаю, ꙗко нѣсмь ꙗкоже прочіи чловѣци, хищницы, непрвдницы, прелюбодѣе, или ꙗкоже се' мытар; пощѕсѧ два краты в' сѕбботѕ, десѧтинѕ даю всего елико притѧжѕ! Изрдна мнитсѧ быти и правилнаѧ млтва многихъ ради винъ. Первое, вни'де в' црковъ, сіесть Іерлимскѫю, понеже единое оное мѣсто разѕмѣлосѧ сицевое быти, в' которомъ токмо единомъ ѕслышани млтвы бывали, ꙗкоже и самъ Гдь ншъ ко продающимъ и кѫпѫющимъ изрече в' црквѣ: домъ мо' — домъ млтвы; о чесомже и онаѧ млтва Соломонова при освщеніи того же храма тако свидѣтелствуетъ: да бѫдѫт очи твои отверсти на храмъ се' день и нощъ, на мѣсто, о немже рече, ꙗко быти имени моемѕ тѕ на послѫшаніе млтвы, ею же помлитсѧ рабъ тво' на мѣстѣ семъ день и нощь, и егда помлѧтсѧ ти на мѣстѣ семъ, и ты ѕслыши на мѣстѣ обиталища своего, на нбси, и ѕслышиши, и помилѕеши; о чесом и црствующи' прркъ Двдъ: вни'дѫ к' жертвенникѕ Бжию, к' Бгѕ веселѧщемѕ юность мою; и на инномъ мѣстѣ: Іерлим зиждемы' ꙗко градъ, емѫже причастіе его вкупѣ, тамо бо взыдоша колѣна Гдня, свидѣніе Іилево исповѣдатисѧ имени Гдню. И того ради фарисе', вѣды' сицевое блгословенное мѣсто, егда восхотѣлъ помлитисѧ по блгочестію своемѕ, вны'де в' црковъ. Второе, мнитсѧ и правилно млтвѕ свою начинати, ибо от блгодаренія

Стр. 205.

Reg: 8. 3

Psal: 42.

Psal: 121.

Бжиꙗ, понеже то есть истиннаꙗ млтва, ꙗже со блгодареніемъ за всегдашныꙗ блгодѣніꙗ Бжіꙗ, ꙗкоже тогожде нас наꙋчаетъ
Philip: 4. 6. ꙋчитель нашъ велики' Павелъ аплъ: ни о чемже пецытесꙗ, но во всем млтвою и мленіемъ, со блгодареніемъ прошенія ваша да сказꙋютсꙗ к' Бгꙋ;
Coloss: 4. 2. тожде и индѣ: в' млтвѣ терпѣте, бодрствꙋюще в' не' со блгодареніем. Егда бо всꙗко наше поспѣшество бжественным дарованіꙗм восписꙋемо долженствꙋетъ быти, и всꙗко даꙗніе, ꙗкоже глголет Іаковъ аплъ, блго, и всꙗкъ дар совершен свыше есть сходꙗ' от отца свѣтовъ, то всꙗко, по совѣтꙋ свтаго Іоанна Златоꙋстаго, и мы долженствꙋем за всꙗ блгодарити, иже в' Толкован: Послан: к' Евр: в' нравоꙋч: 33 тако глголетъ: «Тщимсꙗ о всѣхъ блгодареніе возсылати и доблественнѣ всꙗ терпимъ припадающаꙗ: въ нищетѣ ли есми — блгодарим, в' недꙋзѣ ли — блгодарствꙋимъ; егда оклеветꙋемы есмы — блгодарим, и егда злостражде — да блгодарим; блгодареніе нас близъ Бга быти творитъ, тогда бо и Бга должника имами, но егда блгаꙗ восприемле от рꙋки Бжиꙗ, мы должни и повинни Бгꙋ.» Противны же образом, зло есть лютѣ'шее дши неблгодареніе, всѣхъ добродѣтеле' изничтоженіе, заслꙋгъ разсѣяніе, блгодѣꙗни' погꙋбление, и ничтоже тако мерзко есть Бгꙋ в' сынахъ блгодати, в' члвцѣхъ дхом Свтым возрожденыхъ, ꙗкоже неблгодареніе. Аще же еще и не под блгодатію, но под закономъ сы' фарисе', обаче правилно, ибо от блгодаренія мленія своего начало полагаетъ. Далѣе постꙋпаетъ в' млтвꙋ и слыши — како? Нѣсмь ꙗкоже прочіи члвцы, хищницы, непрвдницы, прелюбодѣе. И кто бы и в' хрстіанехъ таковаго и сицевыꙗ имꙋщаго добродѣтели великими не ꙋкрасилъ похвалами? Что есть лꙋчше, ꙗко рꙋцѣ свои имѣти во всем непорочни и чꙋжды от хищенія и онаꙗ чистыꙗ от всꙗкаго грѣховнаго порока возносити к' Бгꙋ на млтвꙋ? Сіꙗ сꙋт пріꙗтна Гдви, ꙗкоже к' Тимофею Павелъ
1 Timot: 2. глголетъ: хощꙋ, да млтвы творꙗт мꙋжіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣющи преподобныꙗ рꙋки безъ

гнѣва и размышленіа. || Таковы образо и Двдъ желаетъ помлитиса: ѹмыю в' непови ныхъ рѹцѣ мои, и обыдѹ жертве никъ тво', Гди, еже ѹслышати гла хвалы Твоеа, и повѣдати вса чѹдеса Твоа. Вопреки же, коль желаетъ от нихъ отлъче быти, которы рѹки исполне ни всякаго беззаконіа: да не погѹбиши, рече, с' нечестивыми дшѹ мою и с' мѹжи крове животъ мо', ихже в' рѹкѹ беззаконіа, десница ихъ исполниса мзды. — Нѣсмь, глголетъ, акоже прочіи, хищницы, и в' се согласѹетъ со ними словами Бжиими: проливаа' кровъ члвчѹ, в' нема мѣсто его проліетса; тожде и в' Ісаіи прка ѕсѹгѹблаетса: горе обидащемѹ, ако и са обиженъ бѹдетъ. «Нѣсмь акоже прочіи непрва ницы», и здѣ такожде согласѹетъ с' законо Бжиимъ, акоже в' Прчахъ Соломоновыхъ писано: иже летитъ правыа в' пѹти злы, во истлѣніе самъ в'падетъ; тожде и паки Црствующи' прокъ глголетъ: погѹбиши вса глголющиа лжѹ; и отсюдѹ такожде нѣкое дерзновеніе то'же Двдъ воспріемлетъ: не пред ложихъ пред очима моима вещъ законопрестѹпнѹю. Нѣсмь, глголетъ, акоже прочіи, прелюбодѣе. И кто, разсѹдѣте, молю, чистоты не восхвалитъ, аже по Ісидорѹ есть тѣла и ѹма нетлѣніе? Онаа бо есть истина чистота, аже ниже тѣло, ниже мыслію оскверняетса; к' се' подвизаетъ зако, сію восхвалаю и на почаю ея апли: комѹждо от васъ стажавати сво' сосѹдъ во свтыни и чести, а не в' страсти похотнѣй, акоже и азицы не вѣдащии Бга, глголе Павелъ С: к' Солѹнано. Не токмо о чистотѣ здѣ дѣвическо', но и о чистотѣ брака честнаго и ложа нескверна глголетса, понеже блдником и прелюбодѣемъ сѹди Бгъ; и пѹти ихъ в' погибель, црствіа бо Бжиа не наслѣдятъ. И кто, сіа слыша, не ѹжасне тса? Подае совѣтъ здравы' к' семѹ преждерече ны' Ісидор, дабы слѹчаевъ таковыхъ ѹдалитиса: ѹдалитиса, рече, грѣховныхъ слѹчаевъ есть ѹдалитиса самаго грѣха. «Храни ѹбо себе, да ни коеюже

Стр. 206.
Psal: 25.
Genes: 9.
Isai: 33.
Prov: 28.
Psal: 5.
Psal: 101.
Isid: Hisp: lib: differ: lit: c.
Phess: 4.
Hebr: 13.
Prov: 2.
1 Cor: 6.
Isid: Hisp: de contemptu mundi.

нечистотою осквернишися, да никоеже в' тебѣ блѫдодѣяніе вкорениться; лѫчше есть ѫмрѣти, нежели похотьми осквернитися; воздержаніе Бгѫ близкаго содѣловаетъ, воздержаніе чл҃вка Бгѫ припрѧгаетъ, воздержаніе чл҃вка до нб҃си возводитъ. Гдѣ сіе пребываетъ, тамо и Бг҃ъ обитаетъ. Воздержанію нб҃сное цр҃ствіе обѣщано; блѫд же и невоздержаніе во глѫбинѫ адскѫю погрѫжаетъ и ко вѣчнымъ казнемъ отводитъ. Аще же еще скорбь тѣла терпиши, аще жалом тѣлесным ѫязвлѧешися, аще чѫвствѫеши его востанія, памѧть помышлѧ' смртнѫю, ден исхода твоего предложи в' мысли твое', сѫд такожде помысли страшны', бѫдѫщія мѫченія, вѣчныя огни и мѫченіе безконечное. Зри бо, коль малым времене погѫбляется жизнь вѣчная и кѫю прибѣль приноситъ тѣлѫ, кѫюже и ѫбѣль; та'но дш҃ѫ отводитъ в' геенѫ». Но обратѣмъ паки мыслены очи нша на фарисея мл҃тащагося. «Пощѫся два краты в' сѫбботѫ»: израильтя вещъ есть. О, колико бо есть ѫвѣщани' в' законѣ Бж҃іи к' постѫ! Хотя бо всякѫю пищѫ сотворилъ Бг҃ъ ко вкѫшенію в' снѣденіе со блгодареніемъ вѣрным и познавшим
1 Tim: 4. истинѫ и вино такожде ко ѫвеселенію ср҃ца чл҃вскаго, обаче свт҃ое дѣло есть иногда отъ сихъ мало воздержатися, воеже покорити плотъ дх҃ѫ и смирити постом дш҃ѫ свою, да в' млтвѣ трезвени пребѫдем, якоже Петръ ап҃лъ совѣтѫетъ: ѫцѣломудритеся, рече, и трезвитеся в' млтвахъ; тожде и
1 Petr: 4. **Стр. 207.** Павелъ: въ трѫдѣхъ, во || бдѣніихъ, в' пощеніихъ, во очищеніи, в' разѫмѣ, в' долготерпѣніи,
2 Cor: 6. во блгости, в' Д҃сѣ Свт҃ѣ. Постъ бо мысль очищаетъ, смыслъ возноситъ, ср҃це сокрѫшенное и смиренное творитъ, похоте' облакъ прогоняетъ, сласте' ражженія ѫгашаетъ, чистоты же ясноѫю свѣщѫ воспалѧетъ. Еще же и сіе не послѣднее его слово: «десятинѫ даю всего, елико притяжѫ». Сіе творити, сіесть отъ всѣхъ притяжани' десятинѫ давати, и вся блга одесятствовати на слѫжащихъ храмом Бж҃іимъ, сіесть свщенником и всемѫ клирѫ, на ѫчащихся и всемѫ обществѫ тщащихся быти слѫжителе', такожде на вдовъ и сиротъ бѣдныхъ, не имѫщихъ, самъ Гдь Бг҃ъ повелѣваетъ в' книзѣ Второзаконія,

в' гл: 14: да принесеши десѧтинꙋ пшеницы твоеѧ и вина твоего и елеа твоего, и винꙋ сихъ полагаетъ Іоан Златоꙋст правдꙋ и млр̃діе и вѣрꙋ ради імени своего опредѣлилъ, десѧтинꙋ же свщен̃иковъ ради. И сего ради не токмо жестоко повелѣваетъ Гн̃дь на всѧкъ годъ десѧтинꙋ отдавати: всѧка десѧтина земнаѧ отъ сѣмене земнаго и отъ плода древнаго, и всѧка десѧтина воловъ и овецъ, и всѧко, еже аще прииде тъ десѧто подъ жезлъ, Гн̃дꙋ есть, свт̃о Гн̃дꙋ, но и самое естество сіе же совѣтꙋетъ, натꙋралны' законъ сказꙋетъ, да слꙋжащіи свт̃ыни отъ неѧ имꙋтъ свое препитаніе. Не вѣсте ли, глг̃олетъ Павелъ апл̃ъ, ꙗко дѣлающіи свщен̃наѧ отъ свт̃илища ꙗдѧтъ, и слꙋжащіи олтарю с' олтарем сдѣлаютсѧ. Тако и Гн̃дь повелѣ проповѣдающим блг̃овѣстіе отъ блг̃овѣстіѧ ꙗсти. Кто бо воинствꙋетъ своими оброки когда? Учреждено сіе и собори Свт̃ыхъ Отецъ. Слыши, что Иппоński' епп̃ъ: «Аще десѧтинꙋ даси, не токмо изобиліе плодовъ восприимеши, но и здравіе тѣла полꙋчиши, ибо Гн̃дь, иже все нам дарствꙋетъ, себѣ токмо десѧтоѧ доли требꙋетъ. И понеже не восхотѣсте сего сотворити, в' скꙋдостѣ и гладѣ проклѧти пребываете». И аки отъ лица Бж̃іѧ народъ сво' ꙋвѣщаваетъ: «Да вѣдаете, ꙗко того ради плодоносное изобиліе погꙋбисте, ꙗко малꙋю мою часть похищаете, моего мѧ ꙋчастіѧ лишаете; ꙋвѣщаваю вас, воздадите моѧ мнѣ, и азъ воздамъ вамъ, ꙗже не ваша, но моѧ сꙋть».

Hom: 44 in Math.

Levit: 27.

1 Cor: 9. 7.

August Tract: de rect: cathol: conver: Tom: 9.

Егда ꙋбо тако млитсѧ фарисе', кто бы дꙋмалъ непрвн̃ꙋю и неправилнꙋю его млтвꙋ, пачеже еже онъ в' млтвѣ свое' глг̃олетъ, далъ бы Бг̃ъ и хр̃стіаномъ истин̃нымъ подражати? Прииде се' в' хра Бж̃и', и колико хр̃стіан храма Бж̃іѧ ꙋдаляютсѧ, или с' небреженіемъ в' он приходѧт! Хвалꙋ воздает се' Бг̃ꙋ, а колико междꙋ нами неблг̃одарныхъ обрѣтаетсѧ! Злыхъ дѣлъ се' отрицаетсѧ, сіесть хищенія, неправды, прелюбодѣанія, и сіѧ в' нас не обрѣтаютсѧ ли? О, воистин̃ꙋ обличилъ бы нас на Страшном сꙋдѣ Бж̃ии фарисе', аще бы

токмо истиⁿная его сія млᵀва была! Како же не истиⁿная? Како ложная, како гнѣва Б҃жія, а не мл҃сти, сѹда, а не помл҃ованія досто'ная, хѹла едина, а не блг҃одареніе Бг҃ѹ, разсѹдити подобаеᵀ, да егда аще приноси᷑ хвалѹ ѹстеⁿ Бг҃ѹ, злодѣ'ства таковаго фарисе'скаго ѹбѣжати возможе᷑.

Изряⁿная видѣласѧ на᷑ быти млᵀва она фарисе'ска и бѹᵀто согласна с' повелѣніемъ Б҃жии᷑ и словомъ Его, и была бъ такова, была бы совеᴿшеⁿная млᵀва, аще бы оᵀ совѣᶜти чиᶜто', аще бы оᵀ срⁿца сокрѹшеⁿна и смиреⁿна, но что? Вся вопреки, вся нестро'на, вся ложна. Аще бо посмоᵀримъ на его в' храмъ пришеᶜᵀвіе, стоѧніе, глг҃оланіе, — вся едино лицемѣрᶜᵀво; обманѹти пожелалъ лѹкавецъ всевидѧщее око Б҃жие: кая бо во словесѣхъ гоᴿдоᶜᵀ, кое высокоѹміе, кое всѣхъ презрѣніе! Тѣмже пеᴿвое его дѣло, сіеᶜᵀ пришеᶜᵀвіе в' храмъ на млᵀвѹ, приискреⁿно да расмотримъ. ||

Стр. 208. И не вотще сіе приложено: два чл҃вка внидоста во храᵐ помл҃итисѧ. Вни'де фарисей со всякою гоᴿдинею, вни'де разшири воскрилія своя, всѣхъ присѹᵀствѹющихъ очеса на ся обративы', вни'де в' храмъ Б҃жи' на млᵀвѹ, в' собраніе вѣрныхъ ѹстроеⁿны', соᵀворити его аки гостиⁿницѹ нѣкѹю, в' которо᷑ преᴸложилъ в' себѣ не молитисѧ Гдѹ, но возносити себе самого, похвалити, выᵂша паче прочіихъ сотворити: «нѣсмь ꙗкоже прочіи». Лѹчше бы было тебѣ, фарисее, аще бы с' таковы᷑ намѣреніемъ никогда же в' храмъ Б҃жи' входилъ еси, ибо что ни имѣлъ еси закоⁿнаго стяжанія, вся мнѣніемъ о себѣ гоᴿдыя сѵᵀыни разсипалъ и расᵀочилъ еси. Вни'де помл҃итисѧ, и всякое осѹжденіе паче млᵀвы и желанія наслѣдова. Храᵐ Б҃жи' есть домъ млᵀвы, а не домъ гоᴿдости, и не тоея ли части с' фарисее᷑ имѹᵀ надѣятисѧ в' храᵐ Гдн҃ь, аки на бракъ и пиᴿшеᶜᵀво, паче подобающаго ѹкраᶜшесѧ входящіи, в' храᵐ же вшеᴸше себе единыᵡ величающія, а не Бга славословящія? И сицевыи мняᵀсѧ ли ѹслышани быти? Изряⁿно на сицевыхъ златыми ѹсти восклицаеᵀ Златоѹстъ:

Homil: 74 in Math. «Како многи᷑ смрадо᷑ внѹᵀръ смеᴿдя' в' храᵐ сѵᵀы' приходити деᴿзаеши! Аще бы кто мᴿтвы' и смᴿдящи' трѹпъ в' домъ

цр҃ски' опровр҃глъ, коея мниши казни не лиши҆л бы ся? Помысли ѹбо, коего наказанїа не ѹбѣжиши, иже в' хра҃м Бж҃и' со стра҃стми входиши и оны' смрадомъ твоимъ осквр҃нити не ѹжасаешися!» Изыде ѹбо со осѹжденїемъ изъ храма Бж҃їа с' гор҃достїю вшеды' во҃н, и о҃т сюдѹ не имѹ҃т ли наѹчитися хр҃стїа҃нстїи людіе, како хра҃м Бж҃и' почитати? Что же рещи о сицевы҃х, иже самыа и единыа ради гор҃дини и самими храмами перебираютъ, паче в' томъ, а нежели во оно҃м, избирающіи мл҃итися, долги' пѹ҃т преходящіи, аки бы по обѣщанію, дабы долше и не в' едино҃м мѣстѣ гор҃достїю своею до сытости насладитися и по доволствію нахвалитися, сіе презрѣвше Г҃пда нш҃его ѹвѣщаніе, иже на всяко҃м мѣстѣ о҃т исти҃но с' покаанїе҃м мл҃щагося обѣщался прияти и ѹслышати прошеніе? И что гл҃голю: не токмо во всяко҃м мѣстѣ, но и на всякое время, аще в' домѹ, аще в' пѹти, аще в' работѣ, ѹслыши҆т на҃с Бг҃ъ нш҃ъ, аще исти҃но помли҃мся; аще же и тмами те҃м храмовъ обыдемъ, ничтоже с' гор҃достїю и лицемѣріемъ паче фарисе'скаго осѹжденїа наслѣдствовати имами. Многіа пѹти измѣраеши, не Бг҃а ради, но да множа'шіи людіе познаютъ тя бг҃омолна и паче прославляютъ и величаютъ, а самъ в' себѣ помышляеши: нѣсмь якоже прочіи! Но не тако. «Осв҃тилъ на҃м, гл҃голетъ свѧты' Іоа҃н Златоѹсты', Хс҃ Гд҃ь, пришеды' всю зе҃млю, всяко мѣсто к' мл҃твѣ ѹго҃дное, и вездѣ свобода есть на҃м Бг҃а проповѣдовати; не привязани мы нн҃ѣ ко храмѹ Свѧта Свѧты҃х, якоже Іѹдеи, вся нн҃ѣ зе҃мля есть свѧтѣ'шаа мѣста онаго Іерли҃мскаго. И да не извиня҃ем҃ся, гл҃голюще: не ѹдобно е҃ст мир҃скими нѹждами обовязанѹ҃ мл҃итися близъ себе храма мл҃тве҃наго не имѹщѹ, ибо идѣже аще обрѣтаешися, вездѣ олта҃р тво' имѣти можеши. Олта҃р Бж҃и' есть ср҃це нш҃е, || никое же мѣсто или времяа препятіе҃м есть. Но аще и колѣна не прекланяеши, ниже пер҃си біеши, ниже к' нб҃си рѹцѣ возносиши, аще токмо мысль теплѹю возимѣеши, мл҃твы совер҃ше҃нство исполнилъ еси. Свобо҃дно бо и на тор҃жище идѹщемѹ, и дѣлающемѹ, и сошивающемѹ кожи, и сидящемѹ в' рѹкодѣльницы свое' — Бг҃ѹ врѹчати мысль свою. Не бо

Chr-tom: hom: 31 de cruce. Tom: 2.

Стр. 209.

мѣсто Бгъ избираетъ, но на срⷣце и намѣреніе призираетъ. Павелъ не на мѣстѣ млтвенномъ, но в' темницы скова, вспѧт лежа, не стоа или колѣни преклоняа, теплꙋю и ꙁсерднꙋю принесе млтвꙋ, и ꙁзи растерза, и двери темницы отверзе. Езехіа на ложи своем моласа исцѣленіе полꙋчилъ, Іереміа в' ровѣ и блатѣ, Іона в' китѣ, Данiилъ в' ровѣ междꙋ лвами, разбо'никъ на крстѣ в' тепло' млтвѣ ꙁслышани быша. Пріятное Бгꙋ дѣло сіе в' денⷩ ꙁрочны' на славословіе Бжіе во свтилище собиратиса; аще же повелѣнное инное дѣло прележитъ, Бгъ, послꙋшание пріемла' паче жертвы, на всяком мѣстѣ теплаго и истинаго своего ꙁслыши млтвеника.» Егда же вни'де в' хра фарисе', ставъ, и сіе его стоаніе не просто здѣ воспоминаетса, но есть образъ намененаго ꙁма его, всегда Бгꙋ мерзкаго. Соломонъ црь, мласа при освщеніи храма того, паде на колѣна своа, фарисе' же ставъ; и ставъ на мѣстѣ лавственном, дабы вси на него очи свои обратили, видѣли, како хитростно рꙋцѣ возноситъ, како очеса смѣжаетъ, како ꙁстнѣ свои обращаетъ, и дабы слышали, что глголетъ, что пред Бгом вѣщаетъ, како дерзновенъ и аки с' Бгом побраталса. Падаетъ на колѣна своа Избавитель рода члвчскаго, мласа в' вертоградѣ ко Отцꙋ своемꙋ; падаютъ двадесатъ и четири старцы, в' Откровеніи Іоанномъ Бгословом видѣнныи, пред сидащим на пртлѣ и полагаютъ вѣнцы своа пред прстолом. Падаше законодавецъ Мо'сей на лице свое пред Бгом; падаше аки мртвъ Даниилъ, размышлаа величіе Бжіе, и, что болше, столпы нбсныа, лкоже глголетъ Іовъ, трепещꙋтъ пред нимъ, а горды' фарисе', грѣшны' и нечисты' члвкъ на земли, главꙋ и выю имѣа' возвышенꙋ, и с' ним всякъ его лицемѣрны' подражатель, ради единаго своего хвастꙋнства пред дрꙋгими, прихода' в' црковь, дерзаетъ стоати! Что же, ставъ, творитъ? Развераетъ ꙁста своа и что произноситъ? Бже, хвалꙋ тебѣ воздаю, лко нѣсмь лкоже прочіи человѣцы, хищницы, прелюбодѣе, непрвдницы; пощꙋса два краты в' седмицꙋ, десатинꙋ даю всего, елико притажꙋ. И каа се млтва? Истинаа млтва то

Es: 83. Jer: 38. Dan: 14. Jon: 2. Luc: 23. Luc: 22. Apoc: 4. Num: 16. Job: 26.

есть ѩзвы и болѣзнь свою грѣховнꙋю предъ всемл҃стивѣ҃шимъ Врачемъ отъкрывати, моля исцѣленіа; се҃ же радꙋется о своем҃ ложно҃ цѣлости. Что в҃ сихъ словесѣхъ млтвенное обрѣтаетсѧ, познати невозможно. Вни҃де м҃литисѧ, но не м҃лится, токмо величаетсѧ и похваляет прѣд Б҃гомъ самого себе: «нѣсмь ѩкоже прочіи». Развѣ не челъ еси, лꙋкавы҃ фарисее, книгъ законныхъ? Но сіе не возможно, о васъ бо речено, ѩко взасте ключъ разꙋмѣнія. Что ꙋбо не подражаеши пр҃вдным҃, иже, млтвꙋ свою начинающе, всегда в҃ началѣ себе самыхъ обвинѧхꙋ? Авраа҃мъ, отъцъ ѩзыковъ и тво҃, о немже похваляетесѧ: «сѣмѧ Авраамле есмы», егда о Содомлянахъ м҃лашесѧ, зри, како себе смиряет: нн҃ѣ, рече, начахъ глголати к҃ Бг҃ꙋ моемꙋ, азъ же есмь земл҃а и пепелъ. М҃лится Дв҃дъ прѣд Б҃гомъ и, обѣщаніе о Соломоновѣ цр҃ствіи воспріемъ, тако глголетъ: кто есмь азъ, Г҃поди мо҃ Г҃поди, или что домъ мо҃, ѩко возлюби мѧ до сего, и азъ согрѣшихъ прѣд тобою много! Фарисе҃ же не тако: «Б҃же, хвалꙋ тебѣ воздаю, ѩко нѣсмь грѣшникъ». Се всемꙋ законꙋ повинникъ, мнѧщи҃сѧ в҃ себѣ вес законъ исполнити. Но можетъ кто здѣ помыслити: аще за тое осꙋжденъ есть фарисе҃, что прѣд Б҃гомъ открылъ своѧ добродѣтели, то равно҃ винѣ подлежати имат Павелъ аплъ, Дв҃дъ, Іезехіа, Закхе҃, дѣла своѧ изглголавшіи? || Обаче да разсꙋдитъ сіѧ помышлѧ҃. Прославлѧхꙋ и величахꙋ они дѣла своѧ, но ѩко не отъ себе сотворенныѧ, но помощію и предварившею бл҃годатію Б҃жіею содѣѧнныѧ, всегда во ꙋмѣ своемъ оныѧ словеса содержаще: безъ мене не можете ничтоже творити; се҃ же вся сіѧ себѣ единомꙋ восписꙋетъ: «нѣсмь ѩкоже прочіи». Они разсꙋждахꙋ, аще и толикаѧ сотворшіи, что токмо тое, еже повелѣнно бысть имъ исполнити, и исполниша, в҃ прочіемъ же рабы непотребны сꙋт, се҃ же, все исполнивъ, должникомъ себѣ за вся своѧ дѣла Бга содѣлалъ. Они аще и сицевыѧ бл҃годати сподобишасѧ, вмѣнѧхꙋ правды своѧ аки рꙋбище или платнище плюгавое поверженное, се҃ же все свое в҃ великое ставит, безсрамно и дерзостно глголетъ: «нѣсмь ѩкоже прочіи». И кто здѣ не видитъ

Gen: 18.

2 Reg: 7.

Стр. 210.

в' семъ фарисеи бгомерзкаго самолюбіа: себе самаго токмо таковаго обрѣлъ, которы' и поститсѧ и млитсѧ, а прочіи вси хищницы, и непрвдницы, и злодѣе: фарисее слѣпы', что возносишисѧ, что хвалишисѧ в' злобѣ силне, что о законѣ и оправданіи зломдрствѹеши? О, дабы сіа злоба и гордост проклѧтаа с' онимъ фарисеемъ осѹжденна и от мира сего изгнанна была! о, когда бы не имѣли вѣки настоѧщіи сего лѹкавствіа! Но исполнѧетсѧ слово аплское, к' Тимофею реченное: въ
2 Tim: 3. 2. послѣднѧа дни настанѹтъ времена лютаа, бѹдѹт бо члвцы самолюбцы, величавы, горды, продерзивы, возносливы, неблаголюбцы, напищени; сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имѹщіи образъ блгочестіа, сими же его отвергшиисѧ. Простакъ и невѣжа, члвческаго именованіа недосто'ны', возложит на сѧ власаницѹ острѹю, поковтѹнитъ власи и брадѹ свою, не ѹмыетъ лице свое чрезъ долгое времѧ, и от сего очернѣетъ и осмѧнѣетъ, и тако, аки на сценѹ себе пріѹготовавъ, исходитъ вторы' фарисе', проходит веси и гради, ищетъ гдѣ многолюдное собраніе, внѹтръ себе полны' гордости, и власаницею своею богатѣетъ, мздѹ и заплатѹ богатѹю вземлетъ, а до него вси по блгословеніе, нощныа соборы, лѹкавыа млтвы, а честно и блгообразно в' своихъ мѣстахъ ѹгождающіи Бгѹ дневныа пищи лишаютсѧ; лицемѣри богатѣютъ, ограбляютъ, обѣма, ѧкоже глголютъ, рѹками денги емлютъ, и сіе ничтоже; единою же дрѹги' поне осклабитсѧ, и от всѣхъ осѹжденіе. Проси и млим васъ, колтѹноватые власаниценосцы, творѣте, ѧже хощете, ѧвлѧтесѧ людем свти, хотѧ все то обнажено бѹдетъ на Страшном и нелицепріѧтном сѹдѣ Бжіи; обира'те людскіа трѹды, снѣдайте доми вдовицъ, аще и творимаа от васъ в' та'нѣ срамно есть изглголати, токмо дрѹгимъ пѹт спсенія не воспаща'те! Но и здѣ фарисе' тожде глголет: «нѣсмь ѧкоже прочіи, ѧкоже и се' мытар». О, презрѣніа лѹкаваго! о, гордости напищенно'! Едино есть намѣреніе гордаго фарисеа, дабы и на'меншее его дѣло вси вѣдали и проповѣдали. Содержит постъ, то ѹже дѹмает в' себѣ, чтобъ

всѣ поⁿникомъ звали. Прочтетъ какꙋю мл҃твꙋ, то предъ всѣми хвастаетъ: слава Бг҃ꙋ, ничтоже остави^x, и в'предъ на многіа лѣта предъчелъ; далъ мл҃стиню и желаетъ, дабы всѣ видѣли. Аще же вѣдаетъ || подобнаго себѣ лицемѣра, похваляетъ: мꙋжъ, **Стр. 211.**
рече, бл҃гъ вся исправляетъ, — исправляетъ, дабы аки долгъ неизбѣжны', к' которомꙋ нѣкто не привязалъ его, токмо свое высокоꙋміе, отдать, а высоко о себѣ дꙋмая дш҃ꙋ искривляетъ. Егда же дрꙋгаго иⁿнымъ в' спс҃еніи своемъ пꙋтемъ ꙁритъ шествꙋюща, о, кіа хꙋли, кіа презрѣніа, кіа огл҃гованіа! Но вни'ди в' себе и разсꙋди Павловы словеса: Не ктомꙋ дрꙋгъ Rom: 14.
дрꙋга осꙋждаемъ, но сіе паче сꙋдите, еже не по- 13. 4.
лагати претиканіа братꙋ или соблазна. Ты бо кто еси сꙋдіа' чꙋждемꙋ рабꙋ? Своемꙋ Г҃дви стоитъ или падаетъ, станетъ же, силенъ бо есть Бг҃ъ поставити его. || Сицевая бо есть лицемѣрныx пꙋсто- **Стр. 212 [1]).**
свѣтовъ натꙋра, хотящиx паче прочиихъ возноситися и величитися, яко всѣхъ иⁿныхъ в'ничтоже вмѣняютъ, ꙋничижаютъ, негодꙋютъ, всѣхъ беззаконныхъ сꙋдятъ быти, всѣхъ адскиа, кромѣ себе, казны досто'ныхъ, а имъ самымъ ꙋготованныа. Но и древняя сіа бѣда есть. Чтемъ в' книзѣ сꙋдей Іил҃евыхъ: Jud: 9.
презрѣ Гаалъ Авимелеха, гл҃голаше на его словеса хꙋлная, воздвизаше на его люди, но что бысть? Вси послꙋшавшіи его избіени, и Гаалъ смрти не избѣжа безчестныа. Хꙋляше Го- 1 Reg: 17.
ліафъ Дв҃да, но самъ бысть всемирное порꙋганіе. Рꙋгаше Аве- 1 Reg: 15.
саломъ Дв҃да, но самыа безчестныа, поносныа и рꙋгателныа не ꙋбѣжа на древѣ смрти. Осꙋждахꙋ фарисеи и книжницы женꙋ, Joan: 8.
в' прелюбодѣяніи натꙋ, и до такова срама приидоша, яко, егда приведше ю ко Христꙋ Гдꙋ, ꙋслышаша: иже есть безгрѣшенъ, да вержетъ каменъ на ню; ниединъ таковъ обрѣтеся, и начаша исходити единъ по единомꙋ. Осꙋдилъ Симонъ женꙋ блꙋдницꙋ Luc: 7.
в' себѣ, которая, кꙋпивши алавастръ мира, помаза нозѣ Іисовы, но что? Не избѣжа Симонъ обличенія, жена же всѣхъ грѣховъ и беззаконій своихъ желаемое полꙋчи прощеніе: отпꙋ-

1) На стр. 212 вставка, сдѣланная авторомъ позже.

щаютсѧ грѣси ея мнози, ꙗкоже возлюби много. Бѣхѫ сицевыи сѫдіи и в' Цр҃кви Хр҃во', ѫмножающе'сѧ Цр҃кви православно': абіе насташа каѳари, сіесть гл҃голющиꙗ себе чистыꙗ быти, презирахѫ ꙗдѫщихъ мꙗса, ненавидꙗхѫ піющихъ вино, паче же в' таковое паꙗшиꙗ высокоѫміе, аки бы безгрѣшны сѫт҃, и согрѣшивши́ покаꙗніе отрицахѫ; что егда дошло до великаго Ко҃н-
Socr: L: 1. стан҃тина, иже возжелалъ, ꙗкоже Сократе҃с гл҃голет҃, познати
His: Ec: c. 7. разѫмѣніе и ересь ихъ, и егда емѫ Акеси' еп҃пъ ихъ обꙗвилъ, тако цр҃ст҃вен҃ными бл҃горазѫмно отвѣщалъ ѫстнами: Акесие, приставъ себѣ лѣствицѫ, и еди҃н сам҃ взыди на н҃бо. Бѣхѫ таковыꙗ Донатис҃ти и Новатіане, сѫт҃ и нн҃ѣ лживыи пѫстосвѧти: что ꙗсть кто или что піетъ, наблюдаютъ и в' великое грѣхопаденіе вмѣнꙗютъ, а сами́ же имъ ничтоже есть на славѣ и чести ближняго ѫбити, Махиавелскою хитрос҃тію обманѫти. Великое ставꙗт҃ дѣло пищи прикоснѫтисѧ, а брата, за негоже Хс҃ ѫмре, снѣсти ничтоже есть. Не азъ от҃ себе гл҃голю сіꙗ;
Ser: 38. Васили' Великий в' словѣ о постѣ сице вѣщаетъ: Мꙗса не ꙗси, а брата ꙗси; воздер҃жишисѧ от҃ вина, а оклеветаніе́ и безчестіе́ піанствѫеши; вечера ожидаеши вкѫсити пищи, а весь де҃н невин҃ныхъ славѫ снѣдаеши. И что ползѫетъ тѣломъ постити, а дш҃ею всѣхъ сквер҃нъ и беззакони' насищатисѧ? Постилсѧ фарисе', но от҃ храма глад҃ны' в' бл҃годат҃ изыде; не постилсѧ мытар҃ и постꙗщагосѧ превзыде. Кое ѫбо зло чѫжды́ сѫдіею быти, а в' свое́ оцѣ бревена лицемѣрнаго не чѫвствовати! ‖

Стр. 211. Увидѣвше тако на мыслен҃но́ позорѣ отправившаго лице свое лицемѣрнаго фарисеа, возрѣмъ такожде на второе, мытарꙗ онаго. Прииде и се' помл҃итисѧ, но ꙗкоже вѣды' себе грѣшна, всѣ́ повин҃на, хищника и непр҃вдника, тако издалеча сталъ, и разсѫждаꙗ не токмо естест҃вен҃нѫю и приро҃дн҃ѫю от҃ чрева мт҃рнꙗ злобѫ, не токмо, ꙗко в' беззаконіꙗхъ зачат҃ и во грѣсѣхъ рожде҃н, но такожде паче всѣхъ себе грѣшнѣ'ша и много зла в' житіи се́ сотвор҃ша, не смѣꙗше пред҃ олтар҃ Гдн҃ь при'ти, не дер҃заше возвести очи свои на н҃бо, но бі҃ꙗше пер҃си своꙗ, гл҃голꙗ: Бж҃е, мл҃стивъ бѫди грѣшномѫ! О, блж҃ен҃наго

смиренїа! Сталъ отдалеча многогрѣшны' митар, и Бгъ сам к' немѹ приближашеса; отдалеча стоаше, и Бгъ близъ его на млтвѹ его призираше; не смѣаше возвести очїю на нбо, да сам ѹзрѣнъ бѹдетъ. Возрѣти не дерзаше, низпѹсти зѣницы своа, совѣстїю злыхъ обтагченыа, но надежда его воздвизаше; винна себе творитъ, и желаемое прощеніе грѣховъ своихъ восприемлетъ. О, воистинѹ лице сіе образъ нам и примѣръ истинаго обращенїа, наставникъ нелестнаго покаанїа! Не имѣлъ времени вознести очи своа на нбо, егда внѹтръ себе помышлаше, своа беззаконїа зраше, смотраше в' себе, и самомѹ себѣ неѹгоденъ и мерзокъ показалса, да Бгови красен и прїатен бѹдетъ. О, лице, подражанїа нам достойное! Согрѣшаем вси безпрестанно, раздражаем млрдіе Бжіе, и что безъотложно пред очеси ншими се' образецъ не предлагаем? Согрѣшихом вси и требѹем славы Бжіа; во многихъ вси прелщаемса, но елико сего подобіемъ исповѣмы на насъ беззаконїа нша Гдви, и То' ако щедръ оставитъ Psal: 31. нечестіе сдца ншего. Противным же образом, аще ѹмолчим, согниютса в' нас рани нша грѣховныа: ако ѹмолчахъ, глголетъ Гпдь, обетшаша кости моа. И аще речем с' фарисеем: грѣха не имами, прелщаемса и истинны нѣсть в' нас.; аще же с' мытарем изліаем сдца нша пред Гпдем, ѹслыши млстивы' оны' глас, ко всакаго дши изречены': дерза', дши, вѣра твоа спсе та! дерза', отпѹщени тебѣ грѣхи твоа, Гпдь отатъ согрѣшенїа твоа! Аще с' Павлом с' дерзновеніемъ пристѹпим Hebr: 4. ко прстолѹ блгодати, просаще отпѹщенїа грѣховъ ншихъ ѹ искѹпившаго нас от клатвы законныа и давшаго себе измѣнѹ о грѣсѣхъ ншихъ, то воистинѹ приимемъ милость и блгодать обраще во блговременнѹ помощь. Аще же зазираетъ 1 Joan: 3.20. нам сдце нше, вѣмы, ако боли' ест Бгъ сдца ншего и вѣсть вса. То' никогоже отмещетъ грдящаго к' себѣ; ѹ Его паче идѣже ѹмножитса грѣхъ, изобилѹетъ тамо блгодат.

Таковое ест блгоразѹмное ѹстроеніе ѹчителницы ншеа Цркви Православно', ако в'водя нас в' постное поприще, представляет, како избѣжати гнѣва Бжіа и како ѹгодити

Бг҃ѕ; в' двоихъ сихъ лицахъ пѕ᷉т погибели и пѕ᷉т спс̑енїа прелꙗвлꙗе᷉т, да, шес᷉твѹюще оное поприще, в' таковы' фарисе'ски' не па᷉немъ разбой, но с' чистою совѣстїю и исти᷉ны᷉м покаꙗніемъ, в' глѹбоцѣмъ смиренїи и нелицемѣрно᷉м исповѣданїи ꙁвъ и болѣзней н̑шихъ совер᷉ше᷉ное мыта᷉рское восприиме᷉м исцѣленіе о᷉т д̑шевнаго цѣлбодателꙗ Спс̑а н̑шего, ем҃же бѹди честь и слава. АМИ᷉.

XXVI.

Passio Domini nostri Jesu Christi.

Сей ꙗзвенъ бысть грѣхъ ради нш҃ихъ, и мѹ҃ченъ бысть беззаконій ради нш҃ихъ, наказаніе смиренія нш҃его на не҆м, и ꙗзвою его мы вси исцѣлѣхомъ. Словеса сѹ҃т отъ прⷪрчествія сѵ҃таго Ісаїи, в' главѣ 53 положе҆нныꙗ.

Таковое есть стра҆ныхъ, великихъ, ѹжасныхъ и неѹдобоприключающихъсꙗ вещей состоꙗніе, С. Б., ꙗко хотꙗщіи оныхъ сбытіе, аще и красногласнѣйшіе ритори, пред҆ народо҆м чи҆но и досто'но проповѣдати неѹсѹ҆мнѣваютсꙗ, о себѣ самыхъ изъꙗвити, ꙗко, за величествіемъ содѣꙗ҆нныꙗ вещи, невѣдꙗ҆т, отъкѹдѹ начало, гдѣ срединѹ, гдѣ око҆нчаніе воспріꙗти, егда зрꙗ҆т всꙗ стра҆на, всꙗ преславна, всꙗ неѹдобопоꙗ҆тна и неѹдобопостижима. Но нигдѣ же тако ꙗвстве҆нѣе и приличестве҆нѣе сіе исповѣдати лѣть есть, ꙗко разсѹждающе сіе всꙗкъ ѹмъ превосходꙗщее, всꙗкѹю прем҆рость и словеса побѣждающее дѣйствіе, егда бл҃гочестивы҆м ср҆дцемъ твори҆м воспоминаніе непостижимаго к' родѹ члвчскомѹ мл҃рдіꙗ б҃жиꙗ, необꙗтой любви и безприкла҆днаго смо҆треніꙗ. Здѣ не токмо отъкѹдѹ начало, срединѹ или конецъ воспріꙗти ѹсѹ҆мнѣватисꙗ подобаетъ, но всꙗкаꙗ словеса безгла҆сна, гдѣ вси вѣтіи аки рыбы безгла҆сныꙗ долже҆ствѹютъ быти, ѹмолкнѹвшѹ на каѳе҆дрѣ кр҃стной прежде вѣкъ отъ От҆ца рожде҆номѹ Б҃жію Словѹ. Кто бо отве҆рзе҆т ѹста своꙗ тогда глг҃олати, егда Сн҃ъ Б҃жи', создатель всеꙗ твары, за созданіе, престѹпившее заповѣдь нб҃омъ и зе҆млею владѣ-

щаго монархы, ꙗко овча на заколеніе ведесꙗ и ꙗко
Isai: 53. агнецъ прꙗмо стрыгꙋщемꙋ его безгласенъ, тако не отверзаетъ ꙋстъ своихъ. И аще ꙋжасныꙗ вещи слово и гласъ заключаютъ, кая сего страшнѣшаꙗ и ꙋдивителнѣшаꙗ быти можетъ? Сіꙗ сръце и ꙋтробы пронзаетъ, сіꙗ мысли и ꙋмъ трепетом помрачаетъ. Страшное дѣло сотворисꙗ во Іи҃ли, егда киво҃т оны', собственнымъ повелѣніемъ бж҃иимъ о҃т Мо'сеꙗ созданны', за прегрѣшеніе сно҃въ Іліи бывшаго тогда перваго сꙋдіи и свщенника предаде Гспдь Бг҃ъ в' рꙋцѣ иноплеменныхъ, аки оземлꙗ о҃т Іи҃лтꙗн блгода҃т свою; сице бо по тро'ственномъ спящаго Самꙋила призваніи глго҃летъ
1 Reg: 3.11. Бг҃ъ: се азъ творю глго҃ли моꙗ во Іи҃ли, ꙗкоже всѣмъ слышащим пошꙋмита обѣ ꙋши его, аки бы сице глго҃лалъ: всꙗкъ, иже ꙋслышитъ сіꙗ, не отверзетъ ꙋстъ своихъ, задꙋмаетсꙗ о҃т страха и ꙋдивленіꙗ, плѣнен бо бꙋдетъ киво҃т то҃т о҃т іноплеменниковъ, егоже егда ꙋзрѣ море, побѣже,
1 Par: 13. и Іордан возвратисꙗ в'спа҃т, егоже Оза нѣки', в' слꙋчаи приличномъ, ибо юнецъ в' пꙋти прет҃кнꙋсꙗ и мало ꙋклони киво҃т, егда восхотѣлъ воздержати, да не падетъ, простре рꙋкꙋ свою, и абіе прогнѣваꙗ Бг҃ъ, и порази его тꙋ, и паде мертвъ; егоже непокровена аще бы когда ꙋзрѣли левити, во слꙋженіе на сіе опредѣленные, падахꙋ мртвы, то҃т киво҃т има҃т плѣнен быти, и комꙋ о҃т слышащих сꙋдей не пошꙋми҃т во ꙋшахъ? комꙋ не вострепещꙋтъ внꙋтренняꙗ? чіе не задрожитъ сръце?

Тако страшное быс҃т плѣненіе кивота! Но кое можетъ сравненіе быти, ки' страхъ и трепетъ несравненно обстоитъ сръца н҃ша, кое ꙋдивленіе одержитъ ꙋмы н҃ша, егда за н҃ша беззаконіꙗ, за н҃ше неистовство не киво҃тъ, но кивота Гспдь, емꙋже киво҃тъ быс҃т токмо подножіе ногꙋ его, плѣнен, предан на безчестіе и порꙋганіе, на нестерпимыꙗ и безчислены и неизглголанныꙗ мꙋченіꙗ, пачеже на смрть крстнꙋю, поносноꙋю, безчестнꙋю, проклат҃ꙋю? Сей ꙗзвен быс҃т грѣхъ ради н҃шихъ и мꙋченъ Бг҃ъ всемогꙋщи', еди҃н имѣꙗ' влас҃т вꙗзати и рѣшити; сей свꙗзанъ, перстом содержай всеꙗ земли крꙋгъ, се' падаетъ под тꙗжестію крстною; сей, иже ꙋкрашаетъ нбо звѣздами,

землю же прекрасными и преѣдивительными цвѣтами, не имат зрака, ни доброти: и видѣхомъ его, глголет прокъ, и не имѣаше видѣнїа, ни доброти, но видѣніе Isai: 53. его безчестно и ѫмалено паче сыновъ члвческихъ.

Жаждетъ сей, иже вѣсть источники водныа, напаа' всю вселенѫю, извода' водѫ ота сѫха камени; иже грѣха не сотвори и не обрѣтеса лест во ѫстѣхъ его, сей по нас быст грѣхъ. ‖ Сіе то есть дѣ'ствіе, еже зѣло ѫжасаше древныхъ оныхъ **Стр. 214.** патріархов, сего без' ѫдивленїа исповѣсти не можахѫ бговдхновенаа пророческаа ѫста. Повелѣваетса о сем пророчествовати Ісаии проркѫ, но онъ, глѫбочае разсѫждаа сіе таинство и въ себѣ помышлаа ѫжасное дѣло сіе, ако Бгъ за члвка к' толикомѫ имѣаше приити истощанію, ниже зрака и подобїа имѣти, отъ ногѫ до главы не бѫдетъ в' немъ цѣлости, весь единъ стрѫпъ и аза едина, — сіе, глголю, разсѫждаа, возопи: Гспди, кто вѣрова или, ако же иніи чтѫтъ, кто ѫвѣритъ слѫхѫ ншемѫ? аки бы глголалъ: странное сіе дѣло, та'на велїа страданїа твоего, безъприклаа ны' примѣръ, непостижимое величество, кто ѫвѣритъ слѫхѫ ншемѫ? Сіе дѣло неѫдобовѣримое прежде, ннѣ же исполненное; ѫмными зраще очесы, кто тогожде со проркомъ страха и ѫжаса свое не исполнит помышленіе?

Аз' же такожде что ннѣ возглголати имам, егда самыа твары, при сем обрѣтшіася, естество свое измѣниша? Но понеже представлаетъ блгочинным и преполезным образом позор сей мтерь нша, Цркновь православнаа, такожде вида и вше нелѣностное подражаніе, не токмо всенощным, но и вседневным размышленіемъ страданій Спсителя ншего не ѫтрѫжденыхъ, паче же аки скоро летѫщихъ орловъ, к' семѫ за весь мир ѫмрщвленомѫ трѫпѫ с'летѣвшихъся, не тако къ болшемѫ дшевномѫ оскорбленію, ако ко ѫвеселенію срчномѫ, воспріемлю глас; в' сем бо размышленіи страданій Искѫпителя ншего, от клтвы законныа насъ измѣнившаго, вся аще и плачевна, но премногаго радованїа исполнена: здѣ воздиханїа слаки, здѣ

слези весели, здѣ скорбь радостна, ѹжасъ дерзновен, в' семъ дѣ'ствіи вся, іаже болѣзнена сѵт, вся вѣчнаго веселіа ходата'ственна. Но что возглаголю о тебѣ, Агнче Бжи', не имѣщи' зрака, ни доброты? Зра та бездихана, дающаго диханіе все' твари, на крстѣ повѣшена, прободена, молчати долженствѹю, но, паки разсѹждая твое к' родѹ члвческомѹ смотреніе, воспріемъ глас: млсти твоа, Гспди, воспою во вѣкъ, в' родъ и родъ возвѣщѹ истинѹ твою. Понѹждаетъ к' молчанію печаль, но любовь, не ѹмѣющая молчати, глголати повелѣваетъ; ѹдивленіе ѹдержѹетъ ізыкъ, но млрдіе бжие нѣмотѹ развязѹетъ; воздиханіа словеса препатіа творитъ, но оныа ѹмножаетъ неизглголанное члвколюбіе. Пристѹпаю ѹбо к' изавленію ннѣ с'бывшагося дѣ'ствіа, и хота вѣмъ извѣстно, іако сіе, еже има возглаголати, извѣстно вѣсте не токмо от ннѣ повторенной исторіи, но и от всегдашнаго хрстіаномъ приличнаго разсѹжденіа, но, подражая стопам Црквы православно', воспоминати сіе ннѣ ѹзаконившей, паче же вашемѹ внимая ѹсердію, иже с' превелича'шею и, да тако рекѹ, преестественною любовію сіе и мыслите и в' сем ѹглебосте, преставлю разсѹжденію вашемѹ первѣе истощаніе Бжіе, неизглголанное страданіе и смрть тажча'шѹю болѣзненнѹю, и сіа част плачевная имат быти; второе — нше блженство, нше обогащеніе, истощаніемъ таковым странным Сна Бжіа содѣавшееся, и сего что нам радостнѣе можетъ быти, кое веселіе вожделѣннѣйшее? Таже при окончаніи слова изавлю, коль полезное хрстіанскомѹ члвкѹ сихъ вещей всегдашнее помышленіе, разсѹжденіе и в' сем единомъ обѹченіе. Вся же сіа бѹдѹтъ кратко, не по равенствѹ настоащаго необатаго ѹмы члвческими дѣла.

Помощи же в' словесѣхъ моихъ молю, к' Тебѣ прибѣгаю и пред крстом твоим припадаю на крстнѣмъ жертвеницѣ, совершившееся Слово Бжіе! Ты бѹди ми просвѣщеніе ѹма, померкшѹ слнцѹ; ты мнѣ откры' страсти твоа ко изавленію, слышателем же дарѹй желаніе к' преполезномѹ глголемыхъ разсѹжденію! ||

Psal: 88.

Сей изве^{н} бы^{ст} грѣхъ ради н҃шихъ и мѵченъ бы^{ст} беззаконій ради н҃шихъ. Яко же ѵбо пе^{р}вѣйшее есть в' снисканіи н҃ше^{м} смо^{т}реніа бж҃іа дѣйствіе неизрече^{н}ное истощаніе Его, тако и на^{м} сіе да бѵдетъ пе^{р}вое разсѵжденіе. Начаса сіе в' само^{м} воплощеніи, но нн҃ѣ преславно сове^{р}шися: воспріиматъ начало свое, егда ходата' и примиритель н҃шъ с' пре^{д}вѣчны^{м} О^{т}це^{м} своимъ, единосѵщны' О^{т}цѵ С҃нъ и Слово Бж҃ие, иже во образѣ бж҃іи сы', не восхищеніемъ непщева раве^{н} быти Бгѵ, но себе ѵмалилъ, зракъ раба пріемъ, в' подобіи члв҃чстѣмъ бывъ, и образо^{м} обрѣтеса акоже члв҃къ; продолжися чрезъ все спс҃ительное с' члв҃ки пожитіе, егда претер҃пѣ искѵшеніе о^{т} діавола, постъ четиредесято^{д}невны', егда многажды алкаше и жаждаше, многіа обходя грады и веси, пѵ^{т}наго ради шес^{т}віа ѵтрѵждашеся, акоже Іоа^{н} гл҃голетъ: Іи҃съ же, ѵтрѵждся о^{т} пѵти, сидяше при источницѣ. Егда таковѵю нищетѵ тер҃пяше, яко не имѣяше гдѣ главѵ преклонити, что же рещи, яко все житіе бѣдстви' см^{р}тныхъ исполне^{н}но бяше? Часто искахѵ, да имѵ^{т} Его, да све^{р}гѵтъ с' горы, да оболстя^{т} в' дѣлѣ см^{р}тномъ: тако многотрѵ^{д}ное бы^{ст} снисканіе овчати, в' пѵти непроходимыа забл҃ж^{д}шаго! Нн҃ѣ же преславно сове^{р}шися, егда кра'но ѵже смирилъ себе, послѵшливъ бывъ даже до см^{р}ти, см^{р}ти же кр^{ст}ныа: о, глѵбина бг҃а^{т}ства и прем^{д}рости и разѵма Бж҃іа, яко неиспитани сѵдове Его и неизслѣдовани пѵтіе Его!

Истощилъ себе Бгъ члв҃ка ради, на како? О, воисти^{н}нѵ стра^{н}но и непостижимо: оставилъ славѵ свою бж҃есте^{н}нѵю пре^{д}вѣчнѵю, яко же са^{м} ко О^{т}цѵ своемѵ мл҃ительно гл҃голетъ: прослави ма, О^{т}че, ѵ тебе самаго славою, юже имѣхъ ѵ тебе прежде даже ми^{р} не бы^{ст}! Смирилъ себе тако, воспріемъ на са болѣзни н҃ша, яко в' по^{д}визѣ ѵкрѣпленіа агг҃лскаго требоваше. Прем^{д}рѣ'ши' претер҃пѣлъ юношеское невѣжество, бѵй и юро^{д} именоватися. Растяше ѵспѣваа в' прем^{д}рости и разѵмѣ, всевѣдѵщи', исповѣдаше себе не вѣдати о времени дни послѣднаго сѵда Бж҃іа; егда взалка

Стр. 215.

Phil. 2. 6. 7.

Joan: 4. 6.

Rom: 11.

Joan: 17. 5.

единою, при'де к' смоковницы неплоднои, юже чаялъ быти плодоносну; вопрошаше о гробѣ Лазаревѣ: гдѣ положисте его? Тако истощилъ себе, яко же толкуетъ Амвроси', яко изпразднилъ всю силу свою, немощен зряшеся: упразднилъ свою премудрост, рече, егда попустилъ мнѣти себе урода; упразднилъ всемогущество, егда предаде себе волно неукротимому свирѣпству їуде'скому; упразднилъ свободу свою, попустивъ себе связана оковы желѣзными быти; упразднилъ правду, егда противо толикихъ ложныхъ и непрвдныхъ на себе свидѣтелствъ не токмо не отмстися, но ниже уста своя отверзе; послушливъ бывъ. О, таинство великое! се смотреніа Бжіа глубина непостижимаа! Возблговолилъ Отецъ предвѣчный падшему родъ члвчскому избавленіе дати страстію Сна своего; Снъ такожде блговолително волю Отца своего исполняетъ: отче, да мимо идетъ, рече, от мене чаша сіа, но не яко же азъ хощу, но яко же ты. Сіе едино намѣреніе, сіе едино желаніе бяше, се токмо брашно и питіе послушливаго сына — да исполнит волю отчю:

Joan: 4. брашно мое есть сіе, да сотворю волю пославшаго ма. Что узаконено и уставлено на судѣ Бжіи, сіа

Luc: 22. 22. вся исполняетъ, якоже сам глголетъ: Снъ убо члвчски' идетъ по реченному, сіест по опредѣленному и уставленному совѣтѣ Отца своего, еже изявляет в' Дѣяніихъ Петръ

Act: 2. к' народом: сего, рече, наречены совѣтом и проразумѣніемъ Бжіимъ предана пріемше, руками беззаконныхъ убисте. Нарекованным совѣтомъ

Act: 3. да исполнит вся, яже написана сут во пророцѣхъ: иже вси от Самуила и иже по сихъ, елицы глголаша, предвозвѣстиша дни сіа, Бгъ же, яже предвозвѣсти усти всѣхъ проркъ своихъ пострадати Хрстъ, и исполни тако. Послушливъ бывъ, понеже вѣдаа и предзрѣа вся имущаа быти в' Іерслимѣ, готовъ же творити волю Отца своего, самоволно прииде во Іерлим; аще бо восхотѣлъ бы, моглъ бы врема тое и избѣжати, якоже Ѳеофилактъ разсуждаетъ: аще бы, рече, не восхотѣлъ стра-

дати, ѹхранилсѧ бы ѡ᷑ того, еже пре᷑вѣдѧше. Но скоро изыде се᷑ декретъ бж̑и᷑, абіе со всѧкимъ послѹшаніемъ онымъ ѳаломническаѧ глголетъ словеса: тогда рѣхъ: се идѹ; во главизнѣ книжнѣ писасѧ о мнѣ: еже сотворити волю твою, Бже мой, восхотѣхъ, и законъ тво᷑ посредѣ чрева моего. И тако, пришедшѹ семѹ спс̑ителномѹ времени, исходитъ по предѹставленномѹ совѣтѹ и воли Бж̑ией || на волныѧ, но тѧжча᷑шиѧ смрти, предѹвѣданныѧ и предречены, но неизбѣжныѧ, ѡ᷑ любви к᷑ родѹ чл̑вческомѹ, и по вечеры оно᷑ таинственно᷑, на не᷑же снѣде пасхѹ законнѹю, пасха за ни имѹщаѧ снѣстисѧ, Хс̑, предавъ символъ в᷑ воспоминаніе своего с᷑ чл̑вки пожитіѧ — тѣло и кровь свою бжественнѹю.

Psal: 39.

Стр. 216.

Начинаѧ же дѣ᷑ствіе свое спс̑ителное, в᷑ходитъ в᷑ вертоградъ со ѹчники своими; послѣдствѹимъ и мы, слышателіе, ѹмными стопами и присмотримсѧ тамо творимымъ, первѣе в᷑ себѣ разсѹдивше, каѧ вина и кое таинство есть сіе, еже в᷑ вертоградѣ полагати начало страданій? Не простаѧ сіѧ вещъ; не в᷑сѣе вертоградъ, иже прочіимъ есть мѣсто прохлады, ѹвеселеній, потѣхи, Спс̑ителевѣ нш̑емѹ есть мѣсто скорбѣніѧ, горѧчѣ᷑шиѧ ко Отцѹ нб̑сномѹ млтвы, подвиговъ крѣпкихъ, ибо даже до кроваваго потѹ и самаго преданіѧ лестнымъ и лѹкавымъ лобзаніемъ Ідины᷑; таинъ веліихъ вещъ сіѧ исполненна! Якоже бо на сіе и прииде в᷑ мр̑ се᷑, да исправитъ паденіе нш̑е; всѧ ѹбо, имже мы согрѣшихомъ и коего за согрѣшеніѧ наказаніѧ досто᷑ны были, тѣмже образомъ страждетъ, да, всѧ претерпѣвъ и воздавъ долги нш̑а, примиритъ ны Отцѹ своемѹ нб̑сномѹ. Въ вертоградѣ сладостей праотцы нш̑и клтвѹ наслѣдиша, въ вертоградѣ первы᷑ Ада᷑ престѹпилъ заповѣдь Бж̑ію и отчѹждилсѧ блгодати Бж̑ія; тако, сіе исправлѧѧ, вторы᷑ Ада᷑ блгословеніе намъ ѹ Отца нб̑снаго ходата᷑ствѹетъ и клтвѹ онѹю вничтожаетъ. Изрѧдно сіе разсѹждаѧ, засвидѣтелствѹетъ Кириллъ Алексан᷑дри᷑ски᷑: вертограда᷑ оны᷑ бѧше рай знаменѹющи᷑, ибо всѧ онаѧ древнаѧ исправити подобаше, и ѧкоже в᷑ раи начало всѣхъ бѣдъ сотворисѧ, тако в᷑ вертоградѣ Геѳсиманскомъ страст

Cyril: lib: 11 in Joan.

Хва начася, еюже от всѣхъ золъ свобожд̑шеся к' перво' благ̑ти возведени есмы; вни'де бо Іисъ в' вертоград̑, да идѣже паденіе, тамо и возставленіе начало свое восприиметъ. Увидѣла Ева в' вертоградѣ раѣ'ском̑ ѩблоко красно к' видѣнію и пріѧтно ко вкѹшенію, и за невоздержаніе превеликим̑ болѣзнем̑ предана есть; врачѹѧ сіѧ, в' вертоградѣ терпитъ болѣзни дшевныѧ: прискорбна ест̑ дша моѧ до смрти! Во оном̑ вертоградѣ перваго Адама прелстилъ діаволъ, в' сем̑ же сам̑ прелщен̑ и побѣжден̑ есть. Ассвер, цр̑ь Персидски', гнѣвалася на прелестника Амана, ненавистника рода Іил̑скаго, во времѧ пированіѧ изы'де в' вертоград̑, на ѹединеніи совѣтъ на его воспріѧти; тако Спс̑итель по пированіи исходитъ в' вертоград̑ діавола ненавис̑тника всего рода члвчскаго потребити и совѣтъ спс̑ителны' на погѹбленіе злобы его воспріѧти. И долгъ оны', не могѹщи' нами выплачен̑ны' быти, им̑же в' вертоградѣ задолжилися райскомъ, в' Геѳсиман̑ском̑ вертоградѣ воздаетъ: не
1 Pet: 1. 18. златом̑ бо или сребром̑ коимъ истлѣн̑ным̑ избавихом̑ся от сѹетнаго нш̑его житіѧ, отцы предан̑наго, но чт̑ною кровію ѩко агнца непорочна и пречс̑та Хр̑ста. Въ ономъ вертоградѣ смртоноснаго ѧда в' ѩблокѣ снѣден̑номъ вкѹсихом̑, гдѣ оны' ѧдъ не простым̑ потовымъ лѣкарством̑, но пото̑м кровавым̑: быс̑т потъ его ѩко капля крове каплющи на зем̑лю; сим̑ пото̑м ѧдъ оны' смртоносны' изгнан̑ есть. Тамо свободѹ нш̑ѹ погѹбихом̑ и вѣчно' радостѣ предани быхом̑, держими во ѹзах̑ адски̑ неизбѣжно; здѣ же Хс̑, ѹловлен̑, с'вязан̑ и во ѹзахъ и оковахъ влеком̑, вѣчнѹю нам̑ исходата'ствова свободѹ, златѹю даровалъ волнос̑т. Сіе разсѹждаѧ, дш̑е хр̑стіан̑скаѧ, сіѧ таинства в' ѹмѣ своем̑, члвче, обноса, рцы с' оною возлюблен̑ною, ѩже тебе
Cant: 5. образѹетъ, в' Пѣснехъ Пѣсне' обрѹчницею: да внидетъ возлюблен̑ны' мо' въ вертоград̑ сво' и да ѩс̑т от плода ѩблокъ; отвѣщаваетъ тебѣ со всѧкою скоростію: вни'дохъ во огра̑д мо', сестро моѧ невѣсто! Вни'де возлюблен̑ны' тво' по желанію и прошенію твоем̑ѹ, но кіѧ тамо ѹготовала еси ем̑ѹ плоди, каковыѧ припасла овощы?

Отвѣщаваеши, но не с' великою радостію: вся плоды новыя и ветхия соблюдох ти. Не вкусен оны' плод ветхи' престѹпленія твоего, не вкусни и новыя, имиже всегда преогорчеваеши его, велія от нихъ оскомина; тако || не сладки, но горки, яко от вкѹшенія оныхъ возлюбленны' твой кровавым пото обливается! Cant: 7. Стр. 217.

Вшедше же с' ним в' вертоград, присмотримся дѣйствіям Его. Предъявляетъ ѹченико своимъ болѣзни своя: прискорбна дша моя до смрти; и кто сію скорбь, кто сію болѣзнь досто'но исповѣсти возможетъ? Входитъ в' вертоград и ѹже предвидитъ вселѹкаваго ѹчника, согласѹющася на смрть Его, видитъ погибель его и чл҃вколюбною ѹтробою о нем болѣзнѹетъ, предзритъ лестныя совѣты и соглашенія на главѹ Его неповинѹю; лживы ем бяхѹ вся поръганія, оплеванія, безчестія, гнѣвъ и ярост архиереевъ и книжниковъ, народа же всего неистовство, имѹщаго веліимъ гласом вопити к' Пилатѹ: возми, возми, распни его! неистовство, гл҃голю, народа, иже недавно и цр҃ем привѣтствовахѹ, и осанна вопіяхѹ, и ваіа мирная предношахѹ, нн҃ѣ же, аки забѹвшеся и весма обезѹмившеся, мир на бран, бл҃гословеніе на клятвѹ, «осанна» на «распни» премѣниша, — сія вся предзря, сія вся помышляя, паче же и смрть крстнѹю, не можаше в' себѣ вмѣстити скорбь тѹю и не сообщити ѹченико своимъ: прискорбна дша моя до смрти! Таже оставивъ ихъ и отшедъ, нача мл҃титися, преклон колѣнѣ: Отче, аще волиши, да мимо идет от мене чаша сія, обаче не моя воля, но твоя да бѹдетъ! Приидоша братія, продавшіи Іосифа во Египетъ, ихже познавъ, не можаше в' себѣ ѹдержати плача естественнаго и, отославъ братію, отиде и плакася наединѣ; тако и сія скорбь Сп҃сителя н҃шего принѹдила оставити ѹченики своя и отити на мѣсто ѹединенное, помощи в' скорби то' ѹ Отца своего испросити. Здѣ паки вни'ди в' себе, дш҃е хр҃стіанская, и позна' глас мѹжественнѣ'шаго твоего вожда, боязнію за твое малодѹшіе одержимаго; виждь в' Бозѣ Отци всякаго ѹтѣшенія болѣзни твоя, виждь тяжесть несносноѹю, да мимо идетъ чаша сія; выждь чашѹ

невкѹсноѭ, аггліскаго ѹтѣшенїа требѹющѹю; чаша сїа есть в' рѹкахъ Бжиихъ нерастворена, горка, исполнена всѣкихъ нечистотъ и беззаконій твоихъ: да мимо идетъ от мене чаша сїа! Но, о Їисе слаа'ши', аще сея чаши за живот мира не испіеши, аще не препіеши ею, поднесеною тебѣ за здравіе члвческое ко Отцѹ твоемѹ, чаша в' рѹкахъ Бжиихъ, дополненная ѹже беззакоѣми ншими, потопит мир весь; в'сей погрѧзнетъ, аки слово в' водѣ зѣлнѣ, все естество земное; горкаа сїа чаша, ѣко же глголаше Іезекіилъ прркъ: чашѹ сестры твоеа испіеши, сіесть натѹры члвческо', чашѹ глѹбокѹю и широкѹю, и бѹдеши на смѣхъ и похѹхнаніе лихое, на ѹпитіе и разслабленіе наполнишисѧ. Пріемлѧ ѹбо сію чашѹ, начат ѹнивати и тѹжити, глголетъ Матѳей. Марко же начат ѹжасатисѧ, Лѹка же ѹжасъ се' и тѹгѹ толикѹ изѣвлѣетъ, ѣко от сего бѣше потъ его ѣко капли крови: о, чаша необикновенаа! О, сестро отрадная, каковым питіемъ возлюбленнаго твоего почѹешь брата! Пріемъ чашѹ, и быст в' подвизѣ, еже разѹмѣетсѧ аки при окончаніи жизни или разлѹченіи дши от тѣла, аки ѹмирающи': таковаа то чаша! И како бѣше неѹжасатисѧ, егда предвидѣше не токмо тѣлесныа оныа мѹченїа, ѹчениковъ имѹщихъ разбѣжатисѧ, Петра до смрти обѣщавшагосѧ мѹжествено стоѧти напередъ всѣхъ, не от нѹжды коеа кра'ныа, но на глас единыа дѣвицы, рабины, три словеса изрекшеа, отвергающагосѧ, клеѹщагосѧ, присѧгающаго «не вѣмъ члвка», матер возлюбленнѹю оставленнѹю и болѣзнѹющѹю, но паче помышлѣше болѣзни оныа адскиа несносныа,

Psal: 17. о нихже предрече Двдъ от лица Хва: обыдоша мѧ болѣзни смртныа, и бѣди адовы одержаша мѧ? Паче же всѣхъ сихъ сего ради тѹжаше, ѣко толикиа страданїа, сицевое неизреченное мѹченіе, пречтѹю кровь за вес мир излїанѹю злыи людіе, неблгодарные лже-хрстіане имѹт презирати, ѹничтожати, на зло ѹпотреблѧти, и не токмо нѣ единою, но и паки беззаконіами своими его распинати: сіа вина главнѣ'шаа, сіа тѹга превелича'шаа бѣше; обаче видѧ

непреложнѹю волю Отца своего, и свою емѹ волю согласнѹ творитъ: но не якоже хощѹ, но якоже ты!

Се гласъ бжественнаго ѹма, се' глас главѣ приличествѹющи' и преводителю, да всего тѣла здравіе сотворитъ, се' бо глас наѹчи все тѣло примѣром главы волю свою согласовати воли божественнѣ'. Се' гласъ всѣхъ вѣрныхъ наѹчи, возже желаніе в' мѹченицѣхъ, вѣнча исповѣдниковъ, ярости попра мѹчительскія, ненависти всего мира презрѣ, и кто бо на таковыя бѣдствія смѣлъ бы предати себе, аще бы Хс о всѣхъ и за всѣхъ не изреклъ ко Отцѹ своемѹ нбсномѹ: да бѹдет воля твоя, не якоже хощѹ азъ, но якоже ты? И тако, предавъ себе воли божественно', исходитъ во стрѣтеніе лжеучникѹ своемѹ Іѹдѣ и || с' ним от архисинагоги присланномѹ воинствѹ. Се вещъ, всякое ѹдивленіе превосходящая! Сотворилъ иногда едино чѹдо Спситель нашъ; изыдоша народы к' немѹ в' пѹстыню, недоставающѹ же в' пѹстомъ мѣстѣ хлѣбѹ за множество народа, понеже егда вопросилъ Іисъ Филипа: чим кѹпим хлѣбы, да ядят сіи? отвѣща Филиппъ: двома стома пѣнязь хлѣбы не довлѣютъ им, да кождо ихъ мало что приметъ; и тогда, обрѣтшимся тамо пят хлѣбамъ ячменым и двѣмъ рыбамъ, сотвори Іисъ таковое знаменіе, яко егда блгословилъ оныя онымы пят хлѣбами, не токмо вси ѹдовлетворишася, но еще болше, нежели хлѣбовъ было, избытковъ осталося, от пяти бо хлѣбовъ дванадесяте кошовъ ѹкрѹх избыша ученик; и тако члвцы, ядшіи хлѣбы оныя чюдотворныя и видѣвшіи знаменіе, хотяхѹ поняти его и сотворити себѣ царемъ, но, сіе ѹразѹмѣвъ, Іисъ отиде единъ и скрыся от ныхъ. Здѣ же не тако творитъ: приходитъ Іѹда яти на мѹченія и смрть поноснѹю, и исходитъ самоволно; тамо прства бѣгаетъ, здѣ крста ищетъ. Кая же вина сего? Во всем врачѹетъ недѹгъ Адамовъ; сей пожелавъ Бгъ быти, престѹпивъ заповѣдь, снѣде от древа завѣщаннаго плод и, познавъ свою наготѹ, крыашеся в' вертоградѣ: гласъ, рече, тво', сіет Бга призывающаго, слышахъ ходяща в' раи и ѹбохся, Genes: 2. яко нагъ есмь и скрыхся; врачѹя сіе Адамово недѹго-

Стр. 218.

Joan: 6.

ваніе и в' немъ смрт҃нѹю немощъ всего рода чл҃вѣскаго, вторы' Ада҃, Сынъ Б҃жи', да возда҃ст за долгъ Адамовъ, не токмо не сокрываетсѧ, но себе самаго обнажаетъ, са҃ изыде, и вопросивъ: кого ищете? егда отвѣщаша: Іи҃са Назореа, не ѹтаеваетсѧ, но глаголетъ: Азъ есмь. И понеже Ада҃ в' раи Б҃гѹ не хотѧше отвѣтствовати, в' Геѳсиманѣ Создатель Адамовъ предателю и мѹчителе҃ своимъ без' всѧкаго вопроса отвѣт-
Isai: 65. ствѹетъ, и исполнаетсѧ проречен҃ное: обрѣтохсѧ не ищѹщи҃ мене, ѧвленъ бых҃ не вопрошающи҃ о мнѣ. Кто же исповѣсть здѣ приступившѧ к' ср҃цѹ Спи҃телевѹ болѣзни? кто исповѣсть ѧрость и лютость нанѧтых҃ воиновъ? ки' жаль обнатъ ѹтробѹ Его, егда ѹвидѣлъ ѹчениковъ своихъ и иных҃ разбѣгшихсѧ, аки овецъ не имѹщих҃ пастира, дрѹгаго лестнымъ цѣлованіемъ лобзающаго, оваго отрицающагосѧ? А кромѣ сих҃, воинство разѧрен҃ное, иже поймавше, аки аспиды неѹмолимые и волки лютѣйшие, незлобиваго Аг҃ца, носѧщаго всего мира грѣхи, о кіѧ лютости не изѧвиша? Абіе похитивше, начаша быти, тѧжкими вязати оковами, рѹгатисѧ, поношати: о, нощъ небл҃гополѹчнаѧ, таковѹю лютост҃ звѣрскѹю покрывающаѧ! Но аще и обнажен҃ны по части нѣкоей мѹченіѧ и страсти Спи҃телеви во бл҃говѣстіѧхъ евг҃глскихъ, ѧко же о сих҃ чрезъ всю нощъ и ден҃ сей слышасте, но неѹсѹмѣнно мыслити подобаетъ премного вѧщшѧ, и не вся писан҃на: что сотвориша, и како всѧкъ от воиновъ по ѹловленіи порѹгасѧ, что в' пѹти с'быст҃сѧ, что ѹ Анны кромѣ обнажен҃ных҃, како ложны' архиере' рѹгашесѧ, а архиере' по чинѹ Мелхиседекова ѹ себе самаго в' жертвѹ приносѧ'? Каѧ претерпѣ здѣ оплеванія, хѹленія, безчестныѧ словеса, ѹ Каіафи же и ложныѧ свидѣтелства и кромѣ сих҃ безчислен҃ныѧ, что то быт҃ чрезъ всю нощъ онѹю? Не даша сна очесо҃ своимъ лютые мѹчители; наставшѹ же дню, собравшѹсѧ народѹ, о кіѧ насмѣваніѧ! Пилат҃ сего порѹганіемъ примиреніе с' Иродо҃ творитъ, а Ірод҃ неѹже забывъ, что за едино прорчество или паче за вѣдомост҃ рожден҃наго ц҃рѧ Ізде'ска сотворилъ дѣдъ его, колико избилъ отроковъ, таже,

самъ сего ѹвидѣвъ, коея не исполнися радости, вида сего безчлвчно ѹмѹчена? Порѹгася Иродъ, но, кромѣ препрады црскиа, иными еще безчисленными мѹченіи, паче каковыа бяхѹ, молчащѹ Свтомѹ Писанію, ниже мнѣ лѣтъ есть глголати. Бысть тако воистинѣ сіе, яко ки'ждо ѹдъ свтыа оныа плоти собственаго не лишился страданіа, || якоже в' бгомысленыхъ **Стр. 219.**
своихъ разсѹжденіахъ воспѣваетъ Црковъ: глава пречѕтаа терновы' вѣнецъ, лице краснѣйшаго добротою паче сыновъ члвчскихъ мерзкиа оплеваніа претерпѣ, и не имѣяше зрака, ни доброти, но видѣніе его безчестно и ѹмалено паче сыновъ члвчскихъ; слышаша ѹшеса злочестиваа хѹленіа, за слышаніе Евино в' раи глголовъ ложныхъ зміевыхъ; очеса пречистыа завязѹемы бяхѹ, челюсти заѹшаемы; ѹста пречистыа, отъ тяжести мѹкъ засохшиа, мѣсто питіа желчію наполнени бяхѹ; плещи вси избіени; рѹцѣ, по ношеніи трости, гвоздіемъ, такожде и нзѣ прободени; вси члени на крстѣ растягнени, ребро копіемъ прободено. Се море бѣдъ неисчерпаемое; здѣ мощно было Двдовы страждѹщемѹ Іисѹ изрещи словеса: потоцы беззаконій смятоша мя, исполнися Psal: 17.87.
золъ дша моа. О, страстей твоихъ, неповинны' Іисе! Кто изочтетъ язвы твоа? кто изглголетъ болѣзни твоа? Возвеличися чаша сокрѹшенія твоего, и кто тя Jer: 2. 13.
исцѣлитъ, глголетъ Іереміа прркъ.

Но не токмо пострада прчтою своего плотію, не токмо сіа претерпѣлъ тѣломъ, не токмо всѣми членами своими бжественными сицевая понесе страданіа, паче не токмо исповѣсти по достоанію, но ниже помыслити аггльски' ѹм возможетъ, но самаа дша сицевыхъ же не лишися порѹганій, и не токмо равныа, но тяжча'шиа премного пострада мѹченіа. Чтемъ в' ѳалмѣхъ Двдовыхъ о Іосифѣ, емѹже, чрезъ долгое время в' темницы сидящѹ и оковами по всемъ тѣлѣ обременномѹ, тяжесть оныхъ желѣзъ даже до дши дойде: въ раба, рече, продань бысть Іосифъ, смириша во окова- Psal: 104.
хъ нозѣ его, желѣзо пройде дша его. Аще до дши Іосифовой дойдоша тяжести желѣзныа, колми паче, егда

лѣть есть малаѧ и, да тако рекѹ, малѣйшиѧ сравнѧти с' великими и превелича'шими мѹченіѧми страждѹщаго Іи҃са, каѧ тѧжест была Іосифовыхъ желѣзъ противъ бремени и тѧжести всего мира беззакони', ѧко же Дв҃дскихъ оныхъ можаше
Psal: 37. ѹпотребыти словесъ: ѧко бремѧ тѧжко отѧготѣша на мнѣ, сіѧ не смѹтиша ли дш҃ѹ его бж҃ественнѹю? Исповѣдаше сіе пречистыми своими ѹсти, в' началѣ предзрѧ тамо страсте' море: прискорбна, рече, дш҃а моѧ даже до смрти. Что же рещи в' самое времѧ лютѣ'шее настоѧщих мѹченій, егда самыѧ оныѧ нападоша волненіѧ, разсверѣпѣ бѹрѧ отъ единыѧ страны грѣховъ чл҃вческихъ, отъ дрѹгіѧ ѧрост прв҃нѣйшаѧ Отца нб҃снаго: отѹдѹ мѹчителскиѧ неистовства, отонѹдѹ злѣйшее за всѧ бл҃годѣѧніѧ небл҃годареніе. Здѣ оныѧ вопити словеса
Psal: 68. подобало: спси мѧ, Б҃же, ѧко приидоша воды до дш҃и моеѧ; ѹглебохъ в' тимѣніѧ глѹбины, и нѣсть постоѧніѧ, приидохъ до глѹбины морскиѧ, и бѹрѧ потопи мѧ. И отъ таковыхъ несносныхъ премногихъ отвсюдѹ обыше҃дшихъ болѣзней, на крстномъ жертвенницѣ приносѧ жертвѹ за весь мир, возопи гласом҃ веліимъ и, ѧкоже Павелъ свидѣтелствѹетъ, мленіѧ и млтви к' могѹщемѹ спсти его отъ смрти с' воплем҃ крѣпким҃ и со слезами принесъ, — тако, глглю, приносѧ за всѧ согрѣшенія нш҃а бл҃говоѧное себе всесожженіе, и, въ кра'нем҃ тѣлесном҃ изнеможеніи сы', возопи ко Отцѹ нб҃сномѹ: Б҃же, Б҃же мо', вскѹю мѧ еси оставилъ? На сіѧ словеса чіѧ не вострепещѹтъ ѹтробы? Здѣ ѹжаснѹтисѧ тебѣ подобаетъ, нбо! здѣ вострепетати приличествѹетъ тебѣ, земле! поколебатисѧ ва҃м, всѧ основаніѧ земнаѧ! Сынъ и Слово Б҃жіе оставлѣна себе быти извѣствѹетъ. Ты же, чл҃вче, сіѧ слышаѧ' и разсѹждаѧ', коего состоѧніѧ можеши быти? како сіѧ стерпѣти? Что не растаетъ, ѧко воскъ, ср҃це твое? что не воспламенитсѧ в' тебѣ ѹмъ твой, егда помышлѧеши, почто Единород҃ное Слово Б҃жіе оставлено есть? Мы сіе содѣѧхомъ, мы вина, мы заслѹжили, а Гспдь всего созданіѧ оставленъ; мы сотворихомсѧ апостати и отстѹпники отъ Б҃га, престѹпивше заповѣдь Его, и, оставивше

Создателя, прилѣпихомсѧ грѣхѹ, и за нн̃е таковое злодѣйственное отъ Бг̃а отдаленіе ѹдовлетворя Хс̃ Мессія и Избавитель нн̃шь, за сію нн̃шѹ пребезаконнѹю апостасію, к' семѹ прійде истощанію, к' таково' тѣснотѣ низиде, насъ очищая и остѹпленіе нн̃е ѹничтожая, себе оставленна быти вопіетъ.

Мы, ꙗко овцы, заблѹдихомъ в' пѹти непроходны, а пастиръ в' превелича'шемъ бѣдствіи; мы овцы заколенія, и Хс̃ за ны очистителная жертва. Свидѣтелствѹетъ Ісаія прркъ, ꙗко грѣхи нн̃а разлѹчаютъ нас отъ Бг̃а: грѣхи, рече, ваши разлѹчаютъ между вами и Бг̃омъ, и грѣхъ ради вашихъ отврати лице свое отъ васъ, еже не помл̃овати. Паки же соединяя нас ходата' нн̃шъ с' Бг̃омъ, аще и оставленіе терпитъ, но намъ пѹть свободны' к' Бг̃ѹ отворяетъ: оправдившесѧ бо вѣрою, миръ имами к' Бг̃ѹ Гсдемъ нн̃имъ Іисъ Хр̃стомъ, имже и приведеніе обрѣтохомъ || вѣрою во блг̃дть сію, в' не'же стоимъ и хвалимсѧ ѹпованіемъ славы Бж̃іа. Оставленіе же тое бысть не отлѹченіе отъ соединенія ипостатическаго в' Хр̃стѣ Бг̃очеловѣцѣ, но токмо блг̃одати бж̃ественной ѹтіе временное, еже несноснѹю содѣловаше болѣзнь, и тако в' ѹтіи оныя блг̃одати, нося тяжесть в' дш̃и свое', тяжесть всю наказанія дш̃ам нн̃имъ должнѹю, гроздъ нб̃сны', на точилѣ кр̃стномъ ѹгнетенны', терпитъ гнѣвъ Отца нб̃снаго, прваго за грѣхи нн̃а отмстителя; которая неизмѣримая тяжесть сихъ словесъ бяше виновна: Бж̃е, Бж̃е мо', вскѹю мѧ еси оставилъ? Тако подвизающемѹсѧ о нашем спс̃еніи подвигоположникѹ и совершителю не бѣ нигдѣже помоществѹющаго: гдѣ блг̃одѣяни' его сподоблшиисѧ сохранистесѧ? гдѣ скристесѧ слѣпіи, желаемы' свѣтъ отъ него полѹчившіи? гдѣ хромыи, право ходити воспріявшіи? гдѣ отъ мртвыхъ воскрешенныи, народы хлѣбы насыщенныи, прокаженныи очищшиисѧ? гдѣ и вы, любимые ѹченицы? Вси отдалече сташа, иныи же смотрѣша и презрѣша. И самъ Отцъ нб̃сны', отмщеваѧ наша злобы, оставилъ, ꙗкоже глг̃олетъ: Бж̃е, Бж̃е мо', вскѹю мѧ еси оставилъ далече отъ спс̃еніа моего? Нѣсть

Isai: 59.

Rom: 5.

Стр. 220.

помагающаго, нѣсть соскорбящаго; почто да единъ спсенію
Isai: 63. всѣхъ послѹжитъ, да за вся единъ ѹдовлесотворитъ? Точило истоптахъ единъ, и нѣсть мѹжъ отъ языкъ со мною, глголетъ чрезъ прорка Ісаию.

Таже совершивъ подвигъ спсителны', воздавъ долгъ, никимже инымъ ѹплатимы', побѣдивъ начала и власти тми, преклонь главѹ на ложи крстномъ, претвердо ѹславномъ, предаде дхъ. О, смрть пречестнѣ'шая! Преклони главѹ, да покажетъ, яко волею, а не по нѹждѣ ѹмираетъ, якоже глголаше: власт имам дшѹ мою положити и властимам приати ю. Преклони глвѹ, да лобжетъ насъ, якоже отъ горячѣйшаго срца ко страждщемѹ Ісѹ, всѣхъ воздвизая къ любвѣ, Авгѹсти глголетъ: возри, рече, на язвы высящаго, на кровъ ѹмирающаго, цѣнѹ искѹпѹющаго, главѹ имѹщаго преклонену къ лобзанію, срце отворено къ любленію, рѹци распростерти ко обятію, все тѣло протяженное ко искѹпленію: сія коликая сѹт, помышля'те; сія на мѣрилахъ срчныхъ привѣшива'те, да вес бѹдетъ водрѹженъ въ тѣлѣ вшемъ и срци, иже весь на крстѣ повѣшенъ бяше. О, смрть пресладостнѣ'шая, ѹсладившая горча'шюю меррѹ беззаконий ншихъ! о, смрть пресвтая, отъ клятвы грѣшниковъ во блгословеніе превед шая! Умре Создатель, и како не сокрѹшится срце твое, члвче, егда самыя каменныя горы распадаются? како, сія помышляя, не померчетъ доброта твоя, померкнѹвшѹ слнчномѹ и лѹномѹ свѣтѹ? како не вострепещѹтъ вся ѹды, поколебавшимся основаніям земли? Привержѣмъ себе ко Хрстѹ и обліимъ теплимы отъ срца испѹщенними слезами за таковое дарованіе, за сіе странное нше взисканіе, за егоже толикое къ намъ снисканіе блгодаряще, яко, еще грѣшникомъ и нечестивымъ насъ сѹщимъ, Хс за ны ѹмре. И сій есть позор плачевны', сіе дѣйствіе тол слезное, сія есть жертва очищенія, и якоже въ Ветхомъ завѣтѣ, въ ден очищенія, еже образовало сіе нше очищеніе, повелѣваше Гспдь Бгъ сокрѹшеными и смиреными людемъ быти, колми паче
Levit: 23. въ ден се' прежелаены' очищенія ншего: всяка бо, рече, дша, яже не покорится или не сокрѹшится въ'

денъ се', да потребитсѧ отъ людей своихъ? Плачевнаѧ ѹбо часть сіѧ, дѣйствіе всѧкѹю скорбь превосходѧщее.

Но ѹже прейдѣмъ к' веселію нашемѹ дшевномѹ, прейдѣмъ к' безстрастію страстьми сими содѣѧннымѹ, к' торжествѹ мѹченіями сими исходата'ственномѹ; ѹзрѣмъ, кѹю искапаютъ сладость намъ источники, отъ ѧзвъ спительныхъ Хрста Гда истекшіѧ, ки' вѣнецъ славы и торжества возложи на нас, вѣнецъ терновы' на прчто' главѣ свое' носивы' Іисъ. Станѣмъ подъ крстомъ страдавшаго и разсмотрѣмъ положенное крѣпко основаніе всего зданіѧ избавленіѧ нашего, и тако, отверзше очи мысленныѧ, ѹвидимъ всѧ во блго намъ премѣншаѧсѧ. Аще и поносна бѧхѹ мѹченіѧ Его, но намъ пречестнѣйша, аще и безчестна, но намъ вѣчнаго прославленіѧ ходата'ственна. ||

Видѣхомъ море непреплаваемое страдани' Спителѧ нашего; **Стр. 221.**
ѹзримъ паки море неисчерпаемое блгодате' Его, отъ истощаніѧ Его намъ изливаемое. Истощилъ себе, зракъ раба воспріемъ, послѹшливъ бывъ, но абіе за непослѹшаніе наше долгъ воздаде, послѹшаніемъ своимъ не себѣ, но намъ блготворѧ, еже разсѹждаѧ, Ісаіа пророкъ многажды с' веселіемъ глголетъ: отроча родисѧ намъ, сынъ дадесѧ намъ. Тожде с' Isai: 9.
похваленіемъ восклицаетъ и Павелъ апслъ: бысть намъ премдростьютъ Бга, сіесть Хс Гспдь, правда же и освщеніе и избавленіе, да, ѧкоже пишетсѧ, хвалѧ'сѧ о Гспдѣ да хвалитсѧ. Освти себе в' жертвѹ, 1 Cor: 1.30.
но за нас, а не за себе: за нихъ, рече, Азъ свщѹ Joan: 17.19.
себе, да и тіи бѹдѹтъ свщени во истинѹ. Мы в' немъ сеѧ блгодати сподобихомсѧ, да ѧко же в' немъ всѧ сокровища премдрости и разѹма сокровенна, и ѧкоже в' немъ живетъ Coloss: 2.
всѧко исполненіе Бжества тѣлеснѣ, тако и намъ непостижимою сотворилъ своею блгодатію, да и мы отъ исполненіѧ его воспріемле, да тоеюже блгодатію избыточествѹе. Обнищали Ephes: 2. 3
были мы блгодатію, и в' первыхъ быхомъ естественно чада 4. 18.
гнѣва, отчѹждени отъ жизни вѣчныѧ, помрачени смысломъ и окаменени, токмо мрованіе плотское имѹще, еже есть вражда на Бга, законѹ Бжію непокорѧющееся, паче же продани подъ

грѣхъ. О, окаⷩнства нⷭшего, кіа нас�both бѣдствіа обстоахѫ! но паки, о радости нⷭшеа! коеа блгⷣти сподобихомсѧ Гⷭпдемъ нⷭшимъ Іисъ Хрⷭтомъ, иже нас�both ради обнища, бгатъ сы', да мы нищетою Его обогатимсѧ, да мы отъ исполненіа Его воспріимемъ! Мы согрѣшихомъ, и Онъ работаетъ согрѣшеніамъ нⷭшимъ; восхищенію повиⷩни, воздаде се', ѧже не восхищаше. Сею блгⷭдатію отъ клѧтвы свободихомсѧ, егда бысть по нас�both клѧтва, да въ ѩзыцѣхъ блгⷭословеніе Авраамле
Gal: 3. бѫдетъ, да обѣтованіе Дха пріимемъ вѣрою; сею отъ работи неизбѣжныа не ѫже египетскіа, но самыа вѣчныа адскіа избавихомсѧ, ибо смрⷮію ѫпразнилъ имѫщаго дер-
Hebr: 2. жавѫ смрти, сирѣчъ діавола, и избавилъ сихъ, елицы страхомъ смрти чрезъ все житіе повинны быша работѣ. Належаше на весь родъ члвⷱчски' гⷭдствованіе адское, разширилъ былъ адъ ѫста своа, и снисхождахѫ в' онѫ вси силныи и славныи земли; цⷬрствоваше смрть надъ всѣми; но нⷩнѣ гдѣ ѫже твое, смрте, жало? гдѣ твоа, аде,
1 Cor: 15. побѣда? Исчезе жало смрти грѣхъ, истребисѧ сила грѣха законъ, егда блгⷭдатію пострадавшаго за ны Спⷭа нⷭшего
Rom: 3. нⷩнѣ оправдаемсѧ тѫне избавленіемъ, еже о Хрⷭтѣ Іисѣ, егоже предложи Бгъ вѣрою очищеніе в' крови его, за отⷮпѫщеніе прежде бывшихъ грѣховъ.

О, кровь пресвⷮѣ'шаа, очищающаа нас�both отъ всѧкаго грѣха, кровь дража'шаа, ейже ничтоже тако на нбси, ѧко и на земли равное обрѣстисѧ можетъ, кровь безцѣнная, за насъ же излі̃наа и к' таковомѫ и насъ достоинствѫ произведшаа, насъ нечистыхъ отъ всѧкіа скверны очистившаа! Тобою насъ оны' свидѣтель вѣрны', первенецъ изъ' мртвыхъ и кнзь цⷬрей земныхъ, Іисъ Хс, возлюбивы', омылъ ны есть отъ грѣхъ нⷭшихъ кровію своею и сотворилъ естъ ны цⷬры и іереи отцⷣ своемѫ. Кое ѫбо тебѣ воздами блгⷭдареніе? коимъ срⷣчнымъ желаніемъ обимемъ тѧ? Вниде во Свⷮаа Свⷮыхъ на жертвенникъ крⷭтны' принести себе в' вѣчнѫю жертвѫ Архіере' велики' по чинѫ Мелхиседековѫ, Архіерей

бѹдѹщихъ бл҃гъ, Архиере' исповѣданіа нѡшего не в' телче', ниже в' юн҃чей крови, но в' свое' бж҃ествен҃но' очища҃' насъ, и тако прежде скверныхъ и нечистыхъ ѹбѣлилъ паче снѣга, свѣтлѣ'ши слн҃ца сотворилъ есть, егда предаде себе за ны приношеніе и жертвѹ Бг҃ѹ в' воню бл҃гоѹханіа. Вси неключими Ephes: 5.
быхом, вси требовахом славы Бж҃іа, вси за несохраненіе закона проклатію по҃вержени; тако за всѣхъ Сынъ Бж҃и', бывъ клт҃ва, от всѣхъ долговъ избавилъ, всѣмъ даровалъ прощеніе, свободилъ от власти демонскиа всѣхъ; сего бо ради и приобщиса плоти и крови, да смртію ѹпраз҃нитъ имѹщаго державѹ смрти, сирѣчъ діавола, и избави сихъ, елицы страхом смрти чрезъ все житіе повин҃ни быша работѣ; ѹмертвилъ смртію своею смрть, и нас, смрти рабовъ прежде, нн҃ѣ онога рѹгателей сотворилъ, егда исполнилъ прорческое оное слово: от рѹки адовы избавлю а и от смрти искѹплю а, и бѹдѹ смрть твоа, смрте! Что же всѣхъ дарованій высочае, что ест верхъ бл҃женства нѡшего, сею жертвою, дражае'шею кровію своею, мир вѣчны' сотворилъ ест между Бг҃омъ и нами, емѹже всегдашніи врази быхом: бл҃говоли бо Бг҃ъ при- Col: 1. 20.
мирити всаческаа к' себѣ кровію кр҃ста Его, сіест Іис҃ъ Хр҃ста, аще земнаа, аще ли нб҃снаа. 2 Cor: 5.
Тѣмже аще каа о Хр҃стѣ, нова тваръ, древнаа || мимоидоша, се быша вса нова; всаческаа же от **Стр. 222.**
Бг҃а, примирившаго нас себѣ Іис҃ Хр҃стом и давшаго нам слѹженіе примиреніа, зане Бг҃ъ бѣ во Хр҃стѣ миръ, примираа себѣ, не вмѣнаа им согрѣшеній ихъ и положивъ въ нас слово примиреніа. Кое ѹбо есть бл҃женство нѡше? Кое радованіе, коликаа бл҃гаа воспріахом от рѹки Гдни? Море непреплаваемое страстей, коликое неисчерпаемое море блт҃тей содѣла? Что ѹбо воздами Гдви о всѣхъ, аже воздаде нам? что воздами и чим за сицевое к' родѹ члвскомѹ млрдіе и любовъ? Бг҃ъ за нечестивыа ѹмре, за проклатыхъ быст клт҃ва, грѣхъ за грѣшныхъ, смрть пріат за ѹмерщвленыхъ: о, воистин҃ѹ сей дар невоздаваемый и неотслѹжимый! Сіа бл҃годѣаніа ни-

чимъ инымъ, развѣ единымъ блгодареніемъ, всегдашнымъ воспоминовеніемъ, всегдашнымъ разсѹжденіемъ нѣкако воздани могѹтъ быти.

Да бѹдетъ ѹбо сія книга, распеѧши'ся на крстѣ Іисъ, всегда предъ очима ншима, да бѹдетъ намъ сіе едино и чтеніе
1 Cor: 2. 2. и помышленіе, ꙗкоже намъ Павелъ совѣтѹетъ: не сѹдихъ видѣти, что в' вас, точію Іиса Хрста и сего распѧта. Да бѹдетъ намъ сіе, аможе аще обратимъ очеса
Hebr: 12. нша, еди образъ и предложенія видѣнія ншего: взирающе на началника вѣры и совершителя Іиса, иже, в' мѣсто предлежащія емѹ радости, претерпѣ крстъ, о срамотѣ нерадивъ. Да бѹдетъ же и мысле' ншихъ предлогъ, и никоеже оскорбленіе одержати нас бѹдетъ: помыслите, глголетъ Павелъ, таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ прекословіе, да не стѹжаете си, дшами вашими ослабляеми, аки бы сице глголалъ: одержитъ ли тя противност ка, приходятъ искѹшенія и печали, помысли пострадавшаго, и облакъ золъ остави тя. Сія книга аще всегда пред очима ншима предложена бѹдетъ, и в' не' аще все помышленіе нше заключено пребѹдетъ, никія же похоти, никія же искѹшенія, никія сладострастія бгопротивная пристѹпити возмогѹтъ, но отсюдѹ все оное плотское исчезаетъ мрованіе, все грѣховное прогоняется всевоинство. Требѹетъ сего отъ насъ самъ Избавитель ншъ, да
Cant: 8. страданми Его запечатлѣемъ срца нша: положи мя ꙗко печать на срцы твоем и ꙗко печать на мышцы твое'.

Обыкновенно есть драгія вещи печатію сохранѧти; и что дража'ше можетъ быти, ꙗко воспомѧнове́ныя блгодѣянія Бжія, страстми Хвыми намъ дарованныя? Сія запечатлѣваимъ печатію всегдашнего разсѹжденія, и всегда пребѹдѹтъ всецѣли, никія же дшевныя возмогѹтъ исхитити разбо'ники. Помышля' сія, дше хрстіанскаѧ, и отъ теплаго срца всегда возопи: о, ѹдивителны' истощанія образъ! о, странное таинствъ Бжіихъ смотреніе и расположеніе! Согрѣшилъ не-

честивы', и наказан првны'; беззаконѣетъ грѣшникъ, и страждетъ неповинны'; еже заслѫжилъ злы', терпитъ блги'; платит Господ, еже взаимствова рабъ. О, коликое твое снизшествіе, Бже мо'! Азъ беззаконова, и Ты сѫд приемлеши; азъ возгордѣхся, и Ты толико смирен еси; моя носиши язвы, моя врачѫеши стрѫпи, мою скорбь страждеши. Помышля' и блгодарно ѫпотребля' во блго, а не на зло сіе тебѣ дарованіе, да не исходятъ от ѫстъ и срдца словеса сія: сей язвенъ есть грѣхъ ради моихъ и мѫчен есть ради моихъ беззакони', наказаніе смиренія моего на не, и азъ язвою Его исцѣлѣхъ. Сіе разсѫжденіе да вообразится в' срдцахъ ншихъ, сіе помышленіе да не исходитъ от ѫма ншего, и таковымъ блгодареніемъ возможемъ в' семъ ншемъ житіи ѫчастницы быти блгодѣяни', страсти Хвыми нам дарованыхъ; возможе, сія прилагающе, блги намѣреніемъ всякия грѣхи наша побѣждати; во оно же вѣцѣ Сего за пріятіе смрти славою и честію вѣнчанна сподобимся прославляти, и с' Нимъ кѫпно ѫготованыхъ истощаніемъ Его блгъ, в' возвышеніи и цртвіи Его безъконечныхъ радостей наслаждатися. АМИНЬ.

Praedicatum in ecclesia S. Trinitatis, in praesentia Caesareae Majestatis utriusque sexus omniumque Procerum et Senatorum. Anno 1720, Sanctpiterburgi.

XXVII.

Стр. 223. **Слово о побѣдѣ, полꙋченной ꙋ Англꙋта галерами.**

Не десѧт ли очистишасѧ, да девѧт гдѣ? Како не обрѣтошасѧ возвращшесѧ дати славꙋ Бгꙋ, токмо иноплеменникъ сей? Словеса сꙋт Хрста Спсителѧ ꙋ Евглиста Лꙋки в' гл: 17, в' зач: 85 положенныѧ, при молебствіѧхъ же блгодарственныхъ чтомаѧ.

Елико сладостно есть, паче же по обвѧзателствꙋ естественнаго долга нꙋжднo, прилично и должно отечествꙋ своемꙋ, сплеменнымъ и единоплеменнымъ блготворити, толико нестерпимо, толико тѧжко и несносно и всѧкоѧ горести горча'шее дѣло своихъ единоплеменныхъ за ѧвленныѧ блгодѣаніѧ видѣти неблгодарныхъ, С. С. Долженства же сего блготвореніѧ ко своемꙋ отечествꙋ и единоплеменнымъ кто не ꙋвидит ѧвственнѣ'ши' образъ самаго ншего Учителѧ и Спсителѧ Хрста Гпда: прииде на землю, да искꙋпит вес мир от работы адскиѧ, прииде
Eph: 2. 18. блговѣстити мир сво', далнымъ и ближнымъ, зане тѣмъ имамы приведеніе во едином дсѣ ко Отцꙋ. Прииде, да спсителное его ꙋченіе во всю землю и в' концы вселенныѧ изи'детъ; прииде, да кꙋпно изліетъ на вся блгодати источники, но паче прочіихъ ко отечествꙋ своемꙋ доброхотствꙋетъ, единоплеменныхъ своихъ паче инныхъ любитъ, имъ паче блготворитъ и млрдствꙋетъ. Явствꙋетсѧ сіе от онаго чꙋдеси, содѣявшагосѧ над дщерію жены Ханане'скиѧ,

иже, егда изиде вѣсть во все' Іудеи, во всѣхъ окрестныхъ странахъ о превеликихъ чюдесѣхъ Христовыхъ, иже безъ потребленія врачеваній слѣпыхъ просвѣщаше, прокаженныхъ очищаше, хромымъ и сличенымъ нозѣ и рукѣ подаваше и, что паче удивителнѣе, мертвыхъ ко животу паки возвращаше, — егда, глаголю, сія услышана быша во Іудеи и окрестныхъ странахъ, тогда една жена иноплеменница отъ предѣлъ Ханане'скихъ, имущая единую токмо дщер, но и ону злѣ бѣсомъ одержиму, не разсуждающи, яко иностранна есть, дерзнула со дщерію своею престати, исцѣленія просящи: помилуй мя, Math: 15.22.
Гди Сне Давидовъ: дщи моя злѣ бѣснуется! Зрѣмъ убо, что з' нею творится: онъ же (Исъ), рече, не отвѣщаа ей словесе. Видят бѣдную плачущуюся ученицы, соболѣзнуют; приступлше, молят о ней, и ки' отвѣтъ воспріемлютъ: нѣсмь, рече, послан, токмо ко овцам погибшим дому Іилева, и егда болше ученицы и она стужахъ, отвѣщалъ с' негодованіемъ: нѣсть, рече, добро отяти хлѣба чадом и поврещи псом, аки бы глаголалъ: что нам до чужихъ, своихъ первѣе удовлити подобаетъ. Первѣе во своихъ градѣхъ и ученикомъ своимъ проповѣдати завѣщаваетъ и чюдотворити, и того ради во гради Самари'ския возбраняет входити: На пут, рече, языкъ не идите и Math: 10. 6. 7. 8.
во град Самарянски' не внидите, идите же паче ко овцам погибшим дому Іилева; ходяще же проповѣдуйте, глаголюще, яко приближися цртвіе нбсное, болящія исцѣляйте, прокаженныя очища'те, мертвыя воскреша'те, бѣси изгоняйте: туне пріясте, туне дадите.

Велія и неизреченныя блгодѣянія, но паче ко своимъ, нежели к' чужимъ являемыя. О се' блгодати ко Іудеам засвидѣтелствуетъ явственно и народовъ учитель Павелъ, и собственно Христа Гспда Іуде'скомъ избавленію служителя нарицаетъ, преславивъ бо великая блгодѣянія сотворшаяся имъ, за сіе, яко ихъ в'сыновленіе и слава, и завѣты Rom: 9. 5.
и законоположеніе, и служеніе и обѣтованія,

ихже отцы и отних же Хс по плоти. Таже в' гл: 15, аки запечатлѣвая, глголетъ: глголю же Хрста Іиса
Rom: 15. бывша слжителя обрѣзанія по истинѣ Бжие', во еже ствердити обѣтованія отцевъ. И аще бы о семъ изслѣдовати подобало, безчисленныя в' Писаніи Свтомъ о сем свидѣтелства обрящутся. Ісаиа, князь оны' пророковъ, в' гл: 58 от лица Бжія глголетъ: сщия от своего племени не презри. Громогласнѣ'шая же трба, Павелъ оны' великий, не токмо повелѣваетъ, но и страшно о сем завѣщаваетъ, иже добраго жителства многія положивъ стави,
1.Tim: 5.8. таже в' Посланіи 1 к' Тимофею грозно заключаетъ: аще, глголетъ, кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣри отверглся есть и невѣрнаго горши есть. Сего единаго естество нас понждаетъ и научаетъ; всего мира состояніе в' сем есть, яко родители чрезъ всю жизнь о чадахъ своихъ пекутся и промышляютъ, и всегда единоземецъ любимѣйший бываетъ паче иностра-
Стр. 224. наго. || Кто убо от сихъ не увидитъ долженства своимъ единоплеменнымъ блготворенія? Тако сут неотложно, но яко сіе творити охотно и сладостно, и яко сіе исполняти и долженствуем и принуждаемся, тако, вопреки, ни едино ест дѣло толь нестерпимое и тяжкое, никая же вещъ тако мерзкая и непріятная, яко за явленная своимъ блгодѣянія неблгодареніе. Нестерпимая сія вещъ, аще чюждихъ видимъ неблгодарныхъ, несноснѣ'шая же аще единоплеменныхъ. Великое же зло неблгодареніе чюждыхъ, всѣхъ же золъ злѣ'шее от своихъ соторшихъся и воспріятыхъ блгодѣяній презрѣніе. Было ли что тяжестнѣ'шее и воистинѣ не может быти Двдъ оном во црѣхъ прорку и во прорцѣхъ црю, яко от сна своего неблго-
Psal: 40. дарнаго гоненіе: члвкъ, рече, мира моего, на негоже уповахъ, ядый хлѣбы моя возвеличи на мя запинаніе, и индѣ: аще бы врагъ поносилъ ми, претерпѣлъ быхъ убо, и аще бы ненавидя' на мя велерѣчивалъ, укрылъ быхся от него, ти же, члвче, влко мо' и знаемы' мо', иже купно на-

слаждалсѧ еси браше^{н} со мною! Тожде ѩвстве^{н}но кто не ѹвидитъ в' небл҃годар^{р}номъ родѣ Ію́де'ско^{м} ко Спс̑ителю нш̑емѹ? Чѹждые бл҃годарѧтъ, а свои презира^{ю}т, хѹхнаютъ, огл҃голю́тъ; изгонитъ бѣси, а они — «о веелзевѹлѣ кнз̑ѣ бѣсовстѣмъ изгони^{т}» не сра^{м}лѧю^{т}сѧ гл҃голати; о^{т}пѹщаетъ грѣхи, а они — «се' хѹлитъ»; просвѣщаетъ слѣпыи, а они — «се' чл҃вкъ грѣшникъ». О, кая вещь тѧжча'шая быти можетъ! И о^{т}сюдѹ оно Спс̑ителево к' ни^{м} ѹжалѣніе: Іер̑име, Іер̑име, Math: 23.37. избивы' пр^{о}рки и каменемъ побива^{е}ш' посла^{н}ныѧ к' немѹ! коль крати восхотѣхъ собрати чада твоѧ, ꙗкоже собираетъ кокошь пте^{н}цы своѧ по^{д} крилѣ, и не восхотѣсте, се ѹбо оставлѧе^{т}сѧ ва^{м} до^{м} вашъ пѹстъ. Тоже паче еще ѩвлѧе^{т}сѧ о^{т} онаго поношенїѧ Хва на гради, в' нихже велича'шимѧ со^{т}ворилъ чѹдодѣ'ствїѧ, множа'шимѧ показалъ сили, и не токмо не покаꙗшасѧ, но хѹленїѧ премногїѧ за сїѧ творѧхѹ, свои сѹще рода Ію́де'скаго, а не иностра^{н}ныи: горе, рече, тебѣ, Хо- Math: 11.21. разине! горе тебѣ, Виѳсаидо! ꙗко аще в' Тирѣ и Сидонѣ быша сили были бывшимѧ в' ва^{с}, древле ѹбо во вретищи и пепелѣ покаꙗлисѧ быша, обаче гл҃голю ва^{м}: о^{т}раднѣе бѹдетъ Тирѹ и Сидонѹ в' де^{н} сѹ^{д}ны', неже ва^{м}! Кто же еще сеѧ тѧжести о^{т}сюдѹ не познае^{т}, ꙗко на сицевы^{х} са^{м} Б҃гъ ѹскаржаѧсѧ вопіетъ чрезъ Ісаию пр^{о}рка, засвидѣтелствѹѧ несносное о^{т} своихъ небл҃годареніе нбомъ и землею: слыши, рече, Isai: 1. нбо и внѹши земле: сыни родихъ и вознесохъ, сіи же о^{т}ве^{р}гошасѧ мене; позна волъ стѧжавшаго ѝ и оселъ ꙗсли господина своего, Іи҃ль же мене не позна, и людіе мои не разѹмѣша мене: о, лютѣ страно грѣшна, людіе полни грѣховъ, племѧ злое, сн̑ове беззако^{н}ные! Тако тѧже^{ст}ное е^{ст} о^{т} своихъ бл҃годѣѧній презрѣніе; но не такови ли и сіи прокаже^{н}ныи о^{т} Хр̑ста Г҃спда исцѣле^{н}ныи? Деся^{т} ихъ желаемое полѹчили о^{т} ме^{р}зкиѧ и всѣми ненавидимыѧ проказы очищеніе; девѧ^{т} бѧхѹ ію́деевъ и междѹ ими еди^{н} самарѧни^{н},

но всѣ свои неблгодарни, и не воᵗще сіе Спсителево слово: не десѧᵗ ли очистишасѧ, да девѧᵗ гдѣ? Чѫжды' блгодарствѫетъ, падаетъ всесмиренно, веліимъ гласом вопіетъ, величаетъ и славословиᵗ блгодѣѧніе Бжіе, а оᵗ своихъ Іѫдеевъ ниединъ и не показалсѧ: о, воистинѫ вещъ несноснаѧ! о, злоба всѣхъ злобъ лютѣ'шаѧ! Егда сіе ихъ неблгодареніе, при блгодареніи за воспріѧтіѧ блгодѣѧніѧ Бжіѧ, всегда чтем и воспоминаем, не того ли ради сіе творим, да всегда аки предъ очима имѣем оныхъ неблгодарныхъ, да сеѧ злобы возможем ѫбѣжати и всегда блгодарни быти? Но понеже, по древне' оно' пословици философско', Бгѫ, родителем, отечествѫ и ѫчителем досто'наго блгодареніѧ воздати не мощно, то поне оныѧ в' незабвенно' памѧти долженствѫем имѣти. Прехвално сіе содѣваете, православнии народы Росси'ские, исполнѧете сіе, ѧко елижди полѫчисте блгодѣѧніе Бжие, толижды блгодарствѫете Бгѫ; и понеже при частыхъ блгодареніѧхъ частыѧ о
Стр. 225. блгодареніи оᵗ || проповѣдниковъ слышасте словеса, нынѣ за блго сотворите, аще о блгодареніѧ должности ко отечествѫ, каѧ в' насᶜ должноᶜᵗ ко отечествѫ пребываетъ, юже исполнѧюще блгодарны, а не исполнѧюще неблгодарныи снове бѫдемъ, — за блго, глголю, сотворите, аще мнѣ, о сем бесѣдѫющѫ, мало времени дарствѫете на вѧщшѫю славѫ Бжию, а нам на познаніе должности нше.

Долгъ же се' еже блгодарнымъ нам быти отечествѫ ншемѫ тако протѧзаетсѧ, ѧко никогоже из'емлетъ, всѣхъ обовѧзуетъ и до всѣхъ наᵈлежитъ; кто се' исполнѧетъ, тоᵗ кѫпно блгодареніе воздаетъ Бгѫ, блгодарен родителем, блгодарен воскормителем, наставникоᵐ и ѫчителем. И в' перѫвыхъ, блгодареніе воздаетъ то' Бгѫ, иже отечество свое любитъ, желаетъ бо и тщитсѧ о славѣ Бжие', промышлѧетъ, да вездѣ в' мирѣ и тишинѣ прославлѧетсѧ іма Бжіе. И аще долженствѫем вѣрѫ ншѫ защищати, защищающе же и о жизни свое' нерадѣти, и нѣᶜᵗ ниединаго же сим долгом необвѧзанаго, аще должно еᶜᵗ за честь Бжію и за законы Его поᵈвизатисѧ, то комѫ неизвѣстно можетъ быти, ѧко тоᵗ Бгѫ блгодаренъ, иже в' семъ

пребываетъ и на сіе простираетсѧ? Возрѣм в' книги Свщен-наго Писанія, и безчислен҃ныѧ обрѧщем примѣри, колико Бгъ прославлѧет подвизающихъсѧ за імѧ Его. Первы' да предстанетъ нам Двдъ оны', сеѧ должности ѧвстве҃нѣ'ши' изобразитель: что бо подвигнѫ его поединокъ сотворити с' страшны҃м Голіафомъ, всѣхъ воиновъ силнѣ'шихъ и искѫснѣйшихъ ѫстрашающи҃м? откѫдѫ паки и преславнаѧ неслыха҃наѧ емѫ сицеваѧ дароваса побѣда? Не подвигнѫло его к' семѫ любочестіе, ниже излышнаѧ дерзость, не мзды коеѧ желаніе, или воздаѧніе кое от цр҃ѧ, не желаніе отсюдѫ вѣчныѧ славы, аще и возпослѣдствова; что же? Не можаше стерпѣти ревностны' се' мѫжъ по срцѫ Бжію безчестіѧ імени Бжіѧ, не терпѧше слышати толикиѧ хѫленіѧ на чест Бжію; сіе его воздвигнѫ, сіе до орѫжіѧ необикнове҃наго возбѫди, ѧкоже о сем ѧвстве҃но сам Двдъ извѣщаетъ; ты, рече, идеши на мѧ во орѫжіи и в' 1 Reg: 17.
бронѧхъ и с' щитом, аз же идѫ на тѧ во імѧ Гспда Саваоѳа, Бга наставника Іилева, егоже ты ѫничижилъ еси днес. Сіе его едино воспали к' мѫжествѫ, но и за сіе онъ толикое полѫчи одолѣніе. Должности бо сеѧ сам еди҃н Бгъ помощникъ; онъ воорѫжающихсѧ на імѧ его безсилны твориt, воорѫжающи҃мсѧ же за імѧ его преславныѧ дарствѫетъ побѣди, и аще видитъ ѫсердіе ҃нше, еже за чест его бжествен҃нѫю и імѧ готовыхъ подвизатиса, и без' кровопролитіѧ неслыха҃ныѧ творитъ одолѣніѧ. Дозналъ сего крѣпко Рафакъ, оны' вождь воинства Сенахерима цр҃ѧ Ассири'скаго; прииде сей с' множествомъ силнымъ под Іерли҃м плѣнити его, во врем҃ѧ цр҃ствованіѧ Іезекіи цр҃ѧ, и пришед, начат хѫлити імѧ Гспдне, ставъ бо под градом, возопи гласом веліимъ Рафакъ Іѫде'ски', глгола: Слышите словеса великаго цр҃ѧ Ассири'ска; сице глголетъ цр҃ь: да не соблажн҃ѧетъ вас Іезекіѧ и да не ѫвѣрит вас на Бга глгола: изимаѧ изметъ вы Гспдь, и не имат предатисѧ градъ се' в' рѫцѣ цр҃ю Ассири'скѫ, како бо измет Гспдь Іерлима из' рѫки моеѧ? и проч. Изволѧй да чтет простра҃нѫю о сем исторію в'

книзѣ 4 Црствиꙋ в' главѣ 18 и 19. И что за сіе? Имат ѹсердіе и намѣреніе Іезекіа ко отмщенію, но не имат сили; прибѣгает ѹбо к' Бгѹ с' теплими млтвами, и за сіе тако слышитъ чрезъ Ісаію прка: Комѹ поноси Рафакъ и кого похѹли? и на кого вознесе глас сво'? и воздвиже на высотѹ глас сво'? на свтаго Иилева? Вѣмъ гнѣвъ тво', имже разгнѣвалсꙗ еси на мꙗ, и строптивост твоꙗ во ѹши мои вни'де, и вложѹ ѹдицѹ мою в' ноздри твоꙗ, и бразды во ѹстна твоꙗ: И в' нощъ онѹ сни'де Аггелъ Гспде и ѹби от полка Ассири'скаго сто осмдесꙗт и пꙗт тисꙗщъ. Тако единомѹ ѹсердію Іезекии, за чест Гпдню подвизатисꙗ готовѹ, толикаꙗ и безъ крове своихъ дароваса побѣда. Равнаꙗ семѹ всꙗкаго правдиваго отечествѹ своемѹ сна должность защищати цѣлост храмовъ Бжиихъ, тщатисꙗ о неврежденіи законовъ Бжиихъ: что бо Іѹдѹ онаго Маккавеꙗ подвигнѹ, ꙗко, не радꙗ о жизни свое', с' немногими своихъ изыде на премногіꙗ тысꙗщы сирскаго воинства, аще не сіе, ꙗко они разориша градъ, проліаша кровь неповиннѹю окрестъ свтыни и оскверниша свтыню, и в' сей надеждѣ дерзновенно ко своемѹ
1 Maccab: 3. воинствѹ глголаше: нѣст разнства предъ Бгом нбсным спсти во мнозѣ и в' малѣ, мы бо ополчаемсꙗ за дши нша и закони нша, и самъ Гпдь сокрѹшитъ ихъ предъ лицем ншим. И тако добраго намѣренія изрядное послѣдствоваше совершеніе, должности свтыꙗ ко отечествѹ прехвалными плоди обогатишасꙗ. ||

Стр. 226. Второе, долгъ се' сицевъ ест, ꙗко кто его исполнꙗет, кѹпно блгодарен ест родителем. Аще бо кто любитъ отечество свое, не тщитсꙗ ли сицевы' о том, да родители его, воспитатели и ѹчители в' мирѣ и тышинѣ своего блгодентвіꙗ ѹпотребляютъ? Тꙗжестно есть всꙗкомѹ от своихъ родителе' отлѹчитисꙗ; любовь родителскаꙗ всякѹю тꙗжест побѣждаетъ, то равнымъ образом кто не обовꙗзан о ихъ мирѣ промышлꙗти? Аще бо помыслиши, члвче, кіи они бѣдствіꙗ, колико тꙗжесте' в' рожденіи, воспитаніи, наставленіи, ѹченіи претерпѣша, аще

приведеши тебѣ в' ѹмъ мтрныа о тебѣ болѣзни, обиатіа, лобзаніа, бдѣніа и тщаніа любовныа и воистиннѣ неизреченныа, — аще сіа, глголю, помыслиши, не воспалитса ли в' тебѣ желаніе ко блгодаренію, не прииде ли в' ѹмъ, о како бы имъ за сіе воздати, како бы любовь любовію наградити? Твориши сіа безпрестанно, аще отечество свое любиши, аще о немь радѣніе и попеченіе имаши, аще его ради жизни и здравіа своего, обаче по разѹмѹ, небрежеши. За сіе бо подвизалса, подвизаешиса за ихъ цѣлост и здравіе, и тако им должное блгодареніе воздаеши. Хвалим ест от всѣхъ Авраам патріархъ, и от самаго Бга за сіе воспріат мздовоздаяніе, ако за сродники своа ополчашеся. Услышавъ бо, ако иноплеменницы плѣниша Лота, иже быст сынъ брата Авраамова, разжеса ревностію, собравъ, елико моглъ, домочадцевъ своихъ, ихже набралоса до 300 и 18, погна за плѣнившими Лота, и сію Genes: 14.
его о сроднцѣ свтѹю и нѹжнѹю должност преславною ѹвѣнча Бгъ побѣдою, ако не токмо в' мало' дрѹжинѣ безчисленное многихъ цре' изби и прогна воинство, но и вса плѣни, и Лота братанича своего со всѣмъ домом его возврати; еже вида, црь Содомски', во знаменіе блгодареніа, изы'де в' стрѣтеніе емѹ, а Мелхиседекъ, црь Салимски' и свщенникъ Бга Вышняго, при хлѣбѣ и винѣ, коего емѹ блгословенія не желаетъ, каковыа за сіе дѣло желаніа произноситъ? Блгословен Авраам Бгѹ вышнемѹ, иже созда нбо и землю, и блгослове Бгъ вышны', иже предаде враги твоа в' рѹцѣ твои. Таковаа то ест любовъ к' родителем и сродником, ако аще бы кто в' далеча'ше' странѣ и всакими богатствы изобиловалъ, но онаа аки пренебрегъ, всегда помышлаетъ, како к' своим возвратитиса; таковаа ест сладост отечествіа, что она и от превеселѣ'шихъ мѣстъ и стран в' деревни и хижини чрныа, в' страны хладныа и неплодныа принѹждаетъ возвращатиса; еже разсѹждая, Овиди' Ovid: de Pontelib: 1. Elegia 3.
глголетъ: не вѣмъ, рече, коею сладостію природная земля всѣхъ привлекаетъ и никогдаже ис' памати исходитъ; таже в' примѣръ полагаетъ Римъ, тогда красотою и величествомъ

славны', и хлад̾ныа Скиѳскиа страны и всегдашныа мразы, и глг̑олетъ: что може[т] лꙋчшее быти паче Рима, что же хꙋждшее над̾ мрази скиѳскиа? обаче ко оны[м] из' града толь славнаго Скиѳани[н] ꙋтѣкаетъ. Толь тяже[ст]но есть отече[ст]во свое оставити, ꙗко разсꙋждающе ꙋчители цг̑ковныи оное повелѣніе Бг̑іе прежде воспомянꙋтомꙋ Авраамꙋ, толикомꙋ, ꙗкоже видѣхо[м], сро[д]никовъ своихъ любителю бывшее, идѣже повелѣваетъ
Genes: 12. ем̾ Бг̑ъ: изыди, рече, о[т] земли твоеа и о[т] рода твоего и о[т] дом̾ о[т]ца твоего и иди в' зе[м]лю, юже ти покажꙋ, — сіе повелѣніе толь тяже[ст]ное быти разсꙋждаю[т] ꙋчители цг̑ковныи, ꙗко всѣхъ трꙋдносте' трꙋднѣйшее именовати не ꙋсꙋмнѣваю[т]ся. Разсꙋждаа сіе Бг̑іе пове-
Aug: Serm: 68 de tempore. лѣніе и Авраамово послꙋшаніе, Авгꙋсти[н]: «Авраа[м], глг̑олетъ, о[т]цъ на̄шъ, коре[н] вѣры и імени хр̄стіанскаго имѣаше, емꙋже егда в' неизвѣстныа мѣста и чꙋждыа повелѣва[е]тся изы'ти, сове[р]ше[н]ны[м] исполни блг̑осе[р]діемъ, почто в' вещи толь тяже[ст]но' не ꙋсꙋ[м]нѣся, но повелѣніе Бг̑іе аки с' желаніемъ воспріе[м]летъ? Новы' и необыкнове[н]ны' искꙋшеніа родъ — имꙋщемꙋ своа повелѣвати оставити и искати чꙋждыхъ; обаче вѣра воспріемле[т] без' размышленіа тое, еже трꙋдно и несносно мни[т]ся быти невѣрꙋющи[м]: комꙋ не сла[д]шиа сꙋ[т] хижины своа,
Стр. 227. нежели чꙋждыа палати? Не легко е[ст] всякомꙋ || опꙋстити собстве[н]ныа и искати невѣдомаго, оставити ꙗже вѣси и искати ꙗже не знаеши; кто бо собстве[н]наа безъ печали остави? комꙋ не тяже[ст]но знаемыа, междꙋ имиже родилса еси, оставити стѣни?» Доздѣ Авгꙋсти[н]. Но слыши[м] еще и Амвросіа, иже в' толкованіи на Іонꙋ о се[м] такожде разсꙋждаетъ и ко Авраамꙋ глг̑олетъ: «Почто отечество оставляеши?
Ambros: e narratione 2 in Jonam. не боишися ли плѣненіа? Прошꙋ прощенія, не разꙋмѣеши, не вѣси, ꙗко пе[р]ваа неволя е[ст] не видѣти отече[ст]во, и еже всякаго непр̄телскаго зла тяжчае есть те[р]пѣти стра[н]ствованіа изгнаніе. Обича' есть злодѣевъ и и[н]ныхъ беззакони' дѣлателе' тако наказивати, ꙗко о[т] отечествіа изгоняеми бываютъ и в' незнаемыа страны посылаю[т]ся. Сіе ꙋбо зло самоволно воспріемлеши и о не[м] промышляеши, еже выноваты' в' нака-

заніе принѹждаемъ ѥстъ воспріѧти». Трѹдное ѹбо и несносное ѥстъ дѣло оставити своѧ, но елико в' срⷣцы любовь ко отечествѹ дѣйствѹетъ, толико и долженство к' ней да прилагаемъ, толико о цѣлости ѥѧ да промышлѧемъ. Видимъ, ꙗко в' чѹждыхъ странахъ не слаⷣки сѹтъ богатства, не ѹслаждаютъ имѣнія, не ѹвеселяютъ сокровища; сію ѹбо любовь во всѣхъ изꙗвлѧѧ цр҃ствовати и ко должности возбѹждаѧ познанію ко отечествѹ, Омиръ, древны' оны' и славны' стихотворецъ, таковѹю представляетъ повѣсть, в' Одиссеи 9, ꙗко Улиссесъ, по раззореніи Трои, егда в' далеча'шиѧ страны пловы', на морѣ противнымъ вѣтромъ занесенъ бысть даже до острова Огигиа, тамо пріѧтъ его и ѹгости тамо цр҃ствѹющаѧ Калифо, с' неюже поживе чрезъ сⷣмь лѣтъ; бѧше же Улиссесъ оны' родомъ грекъ отъ острова Іѳаки, малѣйшаго и зѣло каменистаго, Огигіѧ же островъ простраⷩны' и преславны', всѧкими плодами и овощи изобилѹющи', но любовь, в' срⷣци вкоренѣнаѧ ко отечествѹ, не попѹсти емѹ тамо пребывати; не возмогоша его ѹдержати превеселіѧ мѣста, златомъ ѹкрашенныѧ палати цр҃скиѧ, всѣхъ вещей изобиліе, и, что вѧщше, ꙗко не желающи его отпѹстити отъ себе Калифа, безсмр҃тіе емѹ дати обѣщала, токмо бы не отходилъ до Іѳаки острова, отечества своего, — но Улиссеса ни желаемое безсмр҃тіе ѹдержа, еже Цицеронъ разсѹждаѧ гл҃голетъ: «Толикаѧ ѥст сила отечества и таковаѧ натѹра, ꙗко Іѳакѹ онѹю, на высоча'шихъ камышкахъ аки гнѣздѹшко высѧщѹю, премⷣрѣ'ши' мѹжъ паче безсмр҃тіѧ почте».

Homer: Odyss: 9.

Cic: de oratore.

Трѹдно ѹбо ѥст с' отечествомъ своимъ разстатиса и аще живи в' немъ пребываютъ родители, то каковы' долгъ предлежитъ, аще же и изомроша? Не можеши отъ долга сего никтоже извиненъ быти, дабы о отечествіи своемъ не радѣлъ, ибо в' немъ положенны сѹтъ, аки залогъ нѣки' должности твоеѧ, кости родителей. Услаждало Іилтѧнъ, в' Египтѣ пребывающихъ, воспоминаніе земли обѣтованныѧ, егда тамо разсѹждахѹ праотцевъ оныхъ велича'шихъ погребенныѧ кости: не токмо бо любими сѹтъ родителіе и ѹчителіе в' жизни свое', но и по смр҃ти ихъ, и любовъ бы то была истинно лицемѣрнаѧ. И того ради,

исходꙗ из' Египта, Мо'се' воспріꙗт кости Іосифовы с' собою, ꙗко разсѹждаше, что тое отечество любимое ест, в' немже кости любимыхъ своихъ пребываютъ. Истинная же любовъ к' любимꙋ своимъ никогдаже ѹмираетъ: ѹмретъ любимичъ, но любовь живетъ. Видимъ сіе ꙗвственно в' Маріи Магдалинѣ: ѹмре ѹчитель ея любимы', но в' не' не ѹмре любовь к' немѹ; не ѹжасаетсꙗ страже', не разсѹждает о темной нощи, идетъ ко гробѹ, промышлꙗет, како облобизати тѣло ѹчителево, како блговонными мастми помазати. Надꙋ желаніе же свое, обрѣте гробъ отверстъ, не сискала тѣла желаемаго: о, кій плачъ, кое исканіе! При'доша ѹченицы ко гробѹ и не обрѣтше тѣлесе Гспда Іиса, и идоша к' себѣ; Маріꙗ же что?

Joan: 20. плачетъ, жалѣетъ: Маріꙗ же стоꙗше внѣ гроба плачѹщи, ꙗко же бо паче прочіихъ любꙗше; тако любимо бѣ мѣсто ей, идѣже возлюблен погребенъ лежаше. И егда истинаго любленіꙗ сіе есть естество, ꙗко и по смрти не ѹмираетъ, кто таковъ безъчлвчны' сынъ может быти, иже бы пренебреглъ отечество свое, в' немже возлюбленыхъ своихъ родителе' кости погребены, идѣже любимы' отецъ и мати, возлюбленыꙗ братіꙗ и сестри живѹт ли или земли предадны? И се ꙗвственно кто не ѹвидитъ, ꙗко толь веліе есть дѣло любленіе отечества своего, ꙗко сіе защищаꙗй долгъ блгодареніꙗ воздаетъ, от Бга и естества повелѣнны', родителем своим и ѹчителем? ||

Стр. 228. Но еще сіꙗ сѹт во единствѣ, ибо аще и обовꙁаны есмы сицевымы долженствами ко отечествѹ, обаче оныꙗ аки нѣкиꙗ долги партикѹлярныꙗ, надлежащиꙗ или ко спсенію своемѹ, егда того ради любим отечество, да размножаетсꙗ вѣра, подвизаемсꙗ того ради, да в' мирѣ и тишинѣ славитсꙗ имꙗ Бжіе, невреждени пребываютъ храми, цѣли сохранꙗютсꙗ законы, но кѹпно да за сіе и мздѹ вѣчнаго спсенія воспри'мем, или того ради подвизаемсꙗ и поборꙗем по отечествѣ, да защитим родителе' нших, да жени чада и сродницы безбѣдственное житіе провождаютъ, — сіꙗ, глголю, аки собственым пожитком сѹт принадлежащаꙗ; кромѣ же сихъ, коль вꙗщшаꙗ одержитъ

нас должност общая, егда разсѹждати начнем, яко отечество есть то общая нас всѣхъ мати, егда приискренно познаем, яко всякъ от нас не себѣ единомѹ, но всемѹ обществѹ родися, — сія должност неизбѣжная. То' истинны' блгороны' и безъ осѹжденія имя шлахетское носит, которы' паче жизни своея, паче собственныхъ ѹвеселени', паче всѣхъ в' деревнахъ своихъ ѹтѣшени' небрежет о ѹединенном своем промыслѣ, но о сохраненіи общаго блага печется, о том радѣетъ, о том промышляетъ, и едино токмо о том имат попеченіе. Было, глголет Цицерон, иногда такое время, егда людіе звѣрским образом ѹединенно, без' градовъ и обществъ, житіе провождали, но понеже безчисленныя терпяхѹ от своеволныхъ и к' разбоям приобикли люде' обыди, не хотящих трѹждатися, но чѹждыми трѹдами токмо хотящих жити, мрых нѣкиих совѣтом сни'дошася и противо сицевых ѹставиша гради и общества таковых насилствія воспящати, и егда единственно никтоже можаше со своею дворнею таковым насилником сопротивитися, общественны' воспріяша союзъ, то обществѹ таковомѹ кая должност прележитъ от насъ на его сохраненіе? Здѣ ѹбо воистинѹ разсѹждати лѣть ест, что яко отечество общая нша родителница, тако вся нша и имѣнія и стяжанія, наконецъ и житіе нше отечествѹ должное есть: сіе воспита, возрасти, славѹ полѹчити даде, знаменити сотвори, словом рекѹще — еже имами, от его имами, ѹбо не отечествѹ ли вся долженствѹем?

Настоитъ общаго ради сохраненія послѹжити отечествѹ от имѣни'; то' развѣ не члвкъ ест, иже аще поскорбит о семъ, вся бо яже в' ползѹ общѹю твори, вся яже отечества в' снабдѣніе дарствѹем, не дае, но воистинѹ отдаемъ, долгъ емѹ отдаемъ, ибо вся, яже имами, от него имами; наги изы'дохом от чрева матерня, блгодѣяніем же отечества како облачимся, како живем и славимся, и тяжест ли емѹ бѹдет частію послѹжити, еже вся нам дарствова? Настоитъ паки иногда вражіе ополченіе: кто вѣрны' отечества сынъ зло сіе отвращати не долженъ? кто всѣхъ житіе здравіемъ своимъ сохра-

нѧти не обовѧзанъ? Тотъ премдръ и истинен отечества сынъ, иже за общество никоегоже бѣдствіа избѣжати восхощетъ, и не бываетъ ли тако, ꙗко сіи, иже за общество ѹмрети не хотѧтъ, кѹпно со отечествомъ погибаютъ? Безѹмныи ѹбо сицевыи сѹтъ, иже за всѧ блгаѧ, отъ отечества воспріѧтаѧ, и единаго зла претерпѣти не хощѧтъ; премдріи же сѹтъ, иже отечества бѣдствіа своимъ бѣдствіемъ воспѧщаютъ; разѹмнѣ'шии сіи сѹтъ, иже за многихъ ѹмрѣти, нежели со многими, паче же всѣми погибнѹти желаютъ. И не зѣло ли сі ест беззаконно, да житие, отъ естества воспріѧтое и ради отечества сохранен̃ное, естествѹ, егда нѹжда настоитъ, отдати не хотѣти, отечествѹ, егда требѹетъ и проситъ, не дрствовати? Сицевыѧ истинныѧ ко отечествѹ примѣри аще бы отъ истори' исчислити возможно, времѧ паче оскѹдѣетъ, нежели вѣрныхъ сыновъ исчисленіе. Опѹстивше
1 Масс: 9. бо оныхъ прежде воспомянѹтыхъ Маккавеовъ, иже за любовь отечества своего на Бакхида, Римскаго воеводѹ, с' двадесѧтмы двома тысѧщами на ихъ осмъ сотъ токмо нашедшаго, не токмо дерзнѹша напасти, но и преславно побѣдиша, — сіѧ, гл̃голю, опѹстивше, воспомянѣмъ, что тако мѹжественна сотвори Іоана-
1 Reg: 14. ѳана, Саѹлова сна, ꙗко единъ со отроком своимъ изи'де, не ѹбоѧвсѧ безчисленныхъ полковъ филистимскихъ, ꙗкоже свиСтр. 229. дѣтелствѹетсѧ в' книзѣ і Цр̃ствій, и ѹби || единъ 20 мѹже' силныхъ и смѧте все воинство иноплеменническое, и сотвори спс̃еніе великое Іил̃ю, аще не любовь ко отечествѹ? Что
1 Масс: 6. ополчи Елиазара онаго, о которомъ в' книгахъ Маккаве'скихъ і в' гл: 6, ꙗко с'шедсѧ с' многимъ воинствомъ цр̃ѧ Антиоха, ѹ негоже бѧхѹ многіѧ слони воорѹженни, и видѣвъ Елеазар сн̃ъ Аваранъ единаго отъ звѣрей облечена во броню цр̃ск, и видѣсѧ емѹ, ꙗко в' немъ есть цр̃ь, даде себе самъ за избавленіе людей своихъ, и, хотѧ себѣ сотворити вѣчное имѧ, текъ к' немѹ с' дерзостію, побиваѧ одеснѹю и ошѹюю, и вни'де подъ слона и подложисѧ емѹ, и ѹби его и паде на землю нань и ѹмре тѹ,—что, гл̃голю, возбѹди его сіе сотворити, аще не любовь отечества своего?

Но возрѣмъ еще и в' істори̑ческиꙗ примѣри и повѣсти, и ѕзри̑м, коль вѣрныи сынове за здравіе отечества своего о жизни и здравіи свое̑м небрежахѫ. Прославлꙗютъ іторіи и прославлꙗти не престанѫтъ Леонида, онаго мѫжествен̑наго вождa Спарта̑нскаго, которы', находꙗщѫ Перси̑скомѫ цр̑ю на свободѫ ихъ Спарта̑скѫю, с' трома сты на множествен̑ное воинство ополчисꙗ, сице ѕвѣщаваꙗ воевъ своихъ: тако нн̑ѣ обѣдѫ'те со воины, аки вечерꙗти имате с' подзе̑мными; емѫже егда вси послѫшни быша, смрти за свободѫ отечества не ѕстрашишасꙗ. Исповѣсти же и восхвалити досто'но невозможно любви ко отечествѫ своемѫ Кодра, онаго вождa Аѳи̑скаго, егда народы Дорические страны Аѳи̑скиꙗ вездѣ раззорихѫ и плѣнихѫ, не моги' же сопротивитисꙗ Кодръ посилаетъ посли своꙗ ко Аполлинѫ Делфи'скомѫ, мнимомѫ ихъ бг̑ѫ, проса извѣстіꙗ, каковы̑м бы образо̑м возмогли Аѳини от толикаго бѣдствіꙗ избавитисꙗ. Отвѣщалъ бг̑ъ, ꙗко тогда окончен̑іе брани и блг̑ополѫчнаꙗ побѣда бѫдетъ, аще Кодръ непр̑телскою рѫкою ѕбіенъ бѫдетъ. Егда же сіꙗ словеса не токмо во всѣхъ Аѳинах, но и в' непр̑телско̑м воинствѣ слышан̑на быша, ѕказъ всѣмъ обꙗвлен̑, дабы никтоже Кодра дерзнѫлъ ѕбити; сіе он̑ ѕвѣдавъ, отложивъ ѕкрашенія и знаменія цр̑скаꙗ и рꙗдоваго воина одежѫ воспріемъ, такожде лице свое почернивъ, да не познан̑ бѫдетъ, ꙗпаде на част воинства, пасѫщаго кони, из' нихже егда ѕꙗзвих единаго косою, и са̑м ѕбіенъ быст; и тако его смртію Аѳини свободишасꙗ. Се ѕбо безприкладнаꙗ любовъ отечества: возжелалъ са̑м еди̑н ѕмрѣти, нежели емѫ живѫщѫ всемѫ отечествѫ погибнѫти; остави жизнь, но не погѫби, вещію бо подлою и малою искѫпи велію; даде живот сво', воспріꙗт отечество; испѫсти Дхъ, но славѫ вѣчнѫю наслѣдствова, еюже и в' послѣднѣ'шиꙗ сіꙗетъ вѣки. Равен̑ емѫ ꙗко в' славѣ, тако и в' любвѣ ко отечествѫ своемѫ Кѫрци', оны' воинъ Римски', иже егда в' Римѣ посреди града нечаꙗн̑но растѫписꙗ землꙗ, и из' ꙗми оныꙗ страшны' исхождаше пламен̑ огнен̑ны', всемѫ градѫ пагѫбою грозꙗщи', и отвѣтъ от бг̑овъ воспріꙗша, ꙗко безд̑на онаꙗ тогда паки заключитсꙗ, егда ты̑м,

Valer: lib: ultimo.

Valer: lib: 5. Cap: 6.

чего в' Римѣ паче всего изобилуетъ, наполнена будетъ, Кюрти', яко великодшіемъ тако и блгородіемъ славный, тако истолкова отвѣтъ сей: Римъ, рече, паче всего изобилуетъ мужествомъ и оружіемъ, и тако, всѣдъ на коня, украшенъ во вся знамена воинскія, в'скочилъ в' безднѫ оную, и абіе безна заключися, и градъ от толикія пагубы избависа. И воистинну время первѣе окончится, нежели исчисленіе мужественныхъ воиновъ, истинныхъ сыновъ и любителе' отечества своего; не достанетъ бо времени повѣствовати о Іуніи Брутѣ, Генукіи, Еліи Петѣ, Декіи, Сципіонѣ Африканѣ, Маріи и иныхъ римскихъ, греческихъ же Ѳразибулѣ, Ѳемистоклѣ, Митридатѣ и иныхъ безчисленныхъ, иже ничтоже честнѣе, ничтоже любимѣе в'мѣнихѫ, яко смрть за отечество свое.

Блгополучная глголахѫ тая единая смрть, яже естественны' долгъ за отечество свое воздаваетъ. Но якоже преславныи сѫт, иже жизнь свою отечествѫ вручаютъ или сами себе неугодныхъ творятъ, быст сіе в' томже Римѣ и Греціи, быша, глголю, междѫ изрядною пшеницею премерзкія плеви. Виттіенъ нѣкто, римлянинъ, егда на брань италіанскую ити не хотѣлъ, персти лѣвыя руки отсѣклъ, но за сіе сенатъ, все имѣніе его взявше, на вѣчное заключеніе осудиша. Августъ кесарь, яко же в' житіи его повѣствуетъ Светони', егда извѣстился, что единъ кавалеръ двомъ сыномъ своимъ млнцемъ, дабы на брань не ишли, персти отсѣклъ, сыновъ и его самого на изгнаніе осуди, творя недосто'ныхъ тыхъ жити во отечествіи, иже о отечествіи радѣти не хотятъ. || И да не подумаетъ кто рещи: примѣри то сѫт языческии; да слышатъ древныи хрстіанскии, но премного жесточа'шии. Константинъ велики', якоже пищется в' книзѣ судебно' цря Феодосія, сице узакони, яко аще кто ради избѣжанія воинскія службы обращется самъ себе сказивы' отсѣченіемъ перстовъ или поврежденіемъ иныхъ членовъ, огнемъ отмстителнымъ да сожженъ будетъ, и прахъ его развѣянъ, не достоинъ бо погребенія в' земли то', юже защищати не хотяше. Равно бо яко ѫ язычниковъ, тако и ѫ хрстіановъ всякъ должен отечество свое сохранити, ибо всякъ не себѣ, якоже рѣхъ,

Sveton: cap: 8.

Стр. 230.

Codic: Theod: Lib: 5. d. t.

но отечествѹ своемѹ родитсѧ; тотъ всѣкаго прославленіѧ и вѣнца похвалъ достоинъ, иже паче себе общѹю цѣлость предпочитаетъ. И се' то есть долгъ ко отечествѹ, к' семѹ всѣкъ безъ изѧтіѧ обовѧзанъ, семѹ всѣкъ повиненъ, и се' исполнѧѧ' блгодаренъ есть Бгѹ, блгодаренъ родителемъ и ѹчителемъ, блгодаренъ земли, ѣкоже рождшей его матери, и тако отъ Бга, ѣкоже и отъ члвкъ достоинъ всѣкаго похваленіѧ.

О сихъ всѣхъ к' вамъ обращаю слово и очеса моѧ, бгохранимое воинство Росси'ское! Аще кто независтнымъ срдцемъ разсѹдитъ содѣѧнаѧ вами и нынѣ содѣвающаѧсѧ, аще доброхотно восприимет во ѹмъ тѧжкіѧ и неѹдобовѣримыѧ трѹды ваша за отечество и оными сниска҃ныѧ побѣди и торжества и паче всего, аки погѹбле҃ное, сниска҃ное гдрство Росси'ское, како не исповѣсть вас оныхъ блгодарныхъ сыновъ отечества своего? како не изречетъ, ѣкоже вы долгъ се' исполнѧете и исполнити готовы? Что же о тебѣ изрещи дерзне҃м, отче отечества Росси'скаго? Како нарещи тѧ в' се' мѣрѣ, недоѹмѣваю. Отецъ отечества еси, но кѹпно ѹявлѧеши сѧ и сынъ доброхотнѣ'ши'; отецъ отъ премѧстивѣ'шаго Бга семѹ отечествѹ дарованны' еси, и за чест твою вси главы свои положити должни, за твое зравіе вси своего здравіѧ не щадѣти, за твою жизн҃ вси жизн҃ свою пренебрегти долженствѹютъ, но, противны҃м образо҃м, ты здравіе и жизн҃ свою за здравіе и жизнь всѣхъ отъ Бга врѹче҃ныхъ полагаеши. Отцъ пода҃но' отъ свыше власти, но кѹпно и сн҃ъ, егда ко отечествѹ твоемѹ сыновны' долгъ изѧвлѧеши; отцъ ко цртвѹ, сынъ ко воинствѹ, цр҃ѧ кѹпно и воина дѣлами своими изъѧвлѧѧ', своимъ примѣромъ толико раждаѧ' сыновъ, любителе' отца своего и отечества, елико блгоразѹмныхъ вождовъ воинскихъ, елико доброхотнѣ'шихъ воиновъ. Не мнози воисти҃нѹ во исчисленіи римскіи и греческіи доброхотныи воины прет҃ воинство҃м Росси'ски҃м, отечествѹ своемѹ доброжелателнымъ. Здѣ колико воевъ, толико оныхъ Кѹрціевъ, не в' ѥмѹ огне҃м дишѹщѹю, но на страшныѧ пѹшечныѧ громи и огни Марсовыѧ готовыхъ; колико вождовъ, толико Кодровъ, за отечествіе

свое на вся готовыхъ. Не требѣ ест свидѣтелствъ, не требѣ с' прилѣжаніемъ на сія искати доводовъ; полна Россія, полна Швеція и Данія, полна Помераніа сего искѹства; видѣли сія подвиги за отечество полна Лесницкиа, Добрискиа, Калѣшскиа, Полтавскиа, Тонингскиа, Фридрихштатскиа и иныа безчисленныа, но, что со ѹдивленіемъ изрещи подобаетъ, полно и море Балти'ское побѣдъ вашихъ: видѣли заливы Финскаа и Ботническаа мѹжество ваше; всюдѹ плоды трѹдовъ вашихъ прозѧбаютъ, всюдѹ вѣрност ваша сіметъ и прославлаетсѧ, всюдѹ подвиги ваша и доброжелателство самим искѹствомъ познаваетсѧ.

Удивилсѧ, мню, Нептѹнъ, егда, выникнѹвъ изъ пѹчин морскихъ и позрѣвъ на сію акцію (о не'же нн҃ѣ Бг҃ѹ Триипостасномѹ воздаем блг҃одареніе и вѣчно воздавати не престанем), ѹ ѹрочища, Ангѹтъ именѹемаго, преславно сотворшѹюсѧ, блг҃оразѹмно наченшѹюсѧ и премѹрѣ совершившѹюсѧ. Изыде бо со всею силою своею флотъ корабелный Шведски', много
Стр. 231. карабле' многопѹшечныхъ линейныхъ, || много фрегатовъ и прочіихъ воинскихъ сѹденъ; изы'де противо его и флот Росси'ски', но кое сравненіе? Тамо корабли, здѣ галеры; тамо вси от древле плаванію обыкшіе, здѣ новые плаванію ѹчитисѧ начинающіи; но не ѹстрашиша ихъ вся сія, побѣди любовь отечествіа своего вся сія бѣдствіа. Егда бо морскаа бѣдствіа в' разсѹжденіе воспри'мем, аще плаваніе, аще и баталію морскѹю, вся великихъ бѣдствій сѹт исполнена: что бо рещи о самом плаваніи? коль многобѣдственно, коихъ исполнено опасностей! Востанетъ волненіе, о кія страхи, кіа странныа дѣла! такоже о сем, со ѹдивленіемъ разсѹждаа, Двдъ гл҃голетъ
Psal: 106. 23. 24. 25. и аки собственныа чѹдеса Бжіа именѹетъ: сходѧщіи, рече, в' морѣ в' кораблѧхъ, творѧщіи дѣланіа в' водахъ многихъ, тіи видѣша дѣла Гдн҃ня, и чѹдеса его во глѹбинѣ: рече, и ста, сіет повѣа дѹхъ бѹренъ, и вознесошасѧ волны его, восходѧтъ до нб҃съ и нисходѧтъ до безднъ. Тоже
Sirach: 43. в' подтвержденіе и Іс҃ Сирахов: плавающіи в' морѣ

повѣдаютъ бѣдꙋ его, и слꙋхомъ ꙋши' нѡшихъ чюдимсѧ, и тꙋ сꙋт славна и чꙋдна дѣла его. Сіе такожде и стихотворцы древніи разсꙋждающе, велми дерзостнаго онаго нарицаютъ, кто первы' страшномꙋ семꙋ елементꙋ житіе свое в'вѣрилъ, ꙗкоже гл҃голетъ Гораці': сила томꙋ и трижды срдце желѣзомъ окованное бѣше, которы' первы' жестокомꙋ морю слабꙋю повѣрилъ лодкꙋ. Сенека же обширнѣе: зѣло дерзновенъ, которы' морскиѧ воды лꙋкавыѧ первы' лодкою слабою пресѣкати началъ и, зрѧ землю свою назадѣ остающꙋюсѧ, жизнь свою легкимъ в'вѣрилъ вѣтромъ и, смнительнымъ разсѣкаѧ море теченіемъ, возмоглъ тонкомꙋ вѣрити древꙋ, междꙋ пꙋти смрти и жизни. Анахарсисъ, славны' философъ, ꙋслышавъ на чтиры перста толстотꙋ карабліѧ, изрече, ꙗко плавающіи толико от смрти отстоѧтъ. О, коликиѧ бѣдствіѧ! Что же рещи о само' страшно' баталіи морско'? Нѣт ниоткꙋдꙋ спсенія; толикиѧ страхи и бѣдствіѧ побѣди воспалившаѧсѧ любовь отечества в' вѣрныхъ сынѣхъ росси'скихъ; всѧ бѣдствіѧ в' ничтоже аще и в' самомъ еще первоначалствѣ вмѣниша, всѧ презрѣша, сташа в' очи непртелю, и, что от вѣка неслыханно, дабы галерами регꙋлярное сꙋдно взѧто гдѣ, здѣ тое сотворисѧ.

Horat: lib: 1 od: 3 v: 9. 10.

Senec: in Med. Act: 2 in choro.

Не надѣ'тесѧ ꙋбо на тое, непрtели, что в' Россіи новое дѣло флотъ, что малъ еще и младъ; творитъ сіе Бг҃ъ, правилнꙋю странꙋ защищаѧ', ꙗко и младыми великаѧ и чꙋднаѧ содѣловаетъ. Младъ и малъ Двдъ, но великаго и страшнаго побѣдилъ Голіаѳа. «Данііл҃ъ, ꙗкоже гл҃голетъ Ігнати' великі', премдрѣ'ши' дванадесятолѣтенъ бывъ, но Дха Свтаго исполненъ, и оныхъ старцевъ, сꙋетнꙋю сѣдинꙋ имꙋщихъ, чꙋждыѧ красоти желателе' обличилъ. Самꙋилъ младъ и малъ девятдесятолѣтнаго старца Ілію наказоваше, ꙗко сны своѧ паче Бга почиташе. Равно Іереміѧ младъ отрицашесѧ от прорчества, но слыши, что Бг҃ъ гл҃голетъ: не рцы, ꙗко отрокъ есмь азъ. Соломонъ дванадесятолѣтенъ, начинаѧ цр҃ствовати, двоихъ блꙋдницъ о отроцѣ прю развѧза. Іосіа в' осмомъ лѣтѣ олтари и высокаѧ ідолскаѧ превращати начатъ». Тако Бг҃ъ и младыми чꙋднаѧ содѣваетъ. Досто'но ꙋбо к' тебѣ, бгохранимы' флоте

S. Ignat: Epistola ad Magnesios.

Росси'ски', аще и младъ еси, но великаѧ содѣваѧ', оныѧ апл-
1 Timoth: 4. 12. скиѧ к' Тимоѳею изрещи словеса: никтоже о юности твое' да не радитъ. Похваляютсѧ врази твои старостію, но мы вѣмы по Соломонѣ, ꙗко старост честна. Но что?
Sap: 4. Честна, но не многолѣтна, ниже числом лѣтъ состоитсѧ. Млад еси, флоте Росси'ски', но сѣдина тебѣ ест премудрѣ'ши' тво' создатель и строитель Блгочестивѣ'ши' тво' Монархъ; сѣдина тебѣ есть вѣрныи сынове росси'скии: се тво' возраст, се твое ѹкрашеніе! Стари корабли свѣ'ские, но ниспѹщеніемъ своихъ флаговъ в' прешедшем годѣ почтоша тѧ; стари, но тобою побѣждени, тобою в' плѣнъ взѧти, тебѣ побѣдѹ и торжество сотвориша; млад еси, но ѹмѣеши не токмо в' Финском, но и в' Ботническом заливѣ слѣди торжествъ и побѣдъ своихъ
Стр. 232. оставлѧти: никто ѹбо о юности твое' да || не радит.

Всѧ же сіѧ, аще и инаѧ премногаѧ сѹт, ꙗже до политическаго правленіѧ приличествѹютъ, аще кто ѹсрднѣ разсѹдитъ, кто твоемѹ блгополѹчію, Россіе, не сорадѹетсѧ? кто тебѣ сего счастіѧ привѣтствовати не пожелаетъ? Аще бо посмотрим на древныѧ времена, елико токмо мощно от остаковъ историческихъ догадатиса, то не согрѣшим, егда ѹподоби тѧ кораблю, противными вѣтры носимѹ; коихъ бо не дознала еси волнени' тако от варваровъ Скиѳовъ, ꙗко и от сих, с' нимиже и нынѣ имаши брань, вѣроломныхъ часто недрѹговъ твоихъ Свѣевъ? Воставаше часто волненіе лютое таковое, ꙗко едва самомѹ кораблю в' таковыхъ жестокихъ волнахъ не погрѹзитиса, и откѹдѹ быст сіе? Бысть от оскѹдѣніѧ добраго кормчіѧ, не имѣла еси доселѣ ревностнаго по цѣлости твое' Петра, иже бы дерзновенно возмоглъ таковаѧ ко всѣхъ кормчію и
Math: 14. 28. ѹправителю Бгѹ изрещи словеса: Господи, аще ти еси, повели ми приити к' тебѣ по водам, аки бы реклъ: Господи, аще ти еси, иже любиши вѣрно любѧщіѧ тѧ, аще прославлѧеши истинно прославлѧющиѧ тѧ, повели и мнѣ ходити по водам! Нынѣ же, егда таковаго полѹчила еси кормчіѧ, не токмо не ѹсѹмнительно и безбоꙗзненно, но и с' великим прославленіем твоимъ ходѧща по водам, коликое ест твое блго-

полѹчіе! Блг҃ополѹчіе, глг҃олю: аще бы и силна была еси сѹхопѹтнымъ воинствомъ, аще бы и страшна сѹпоста҃тамъ, а флота не имѣла, подобна была бы еси птицы, хотѧще' единыѧ крылоѧ лѣтати, члвкѹ на единой ногѣ скачѹщемѹ или единою рѹкою всѧ осѧзати хотѧщемѹ. Всѧкомѹ, аще токмо ѹстнами ко історіа прикоснѹвшемѹсѧ, извѣстно е҃ст, коль бѣдственны сѹ҃т общества, флота лишенныѧ: гдѣ к' непр҃телю долголѣтныѧ пѹтеѧ воинство приводити потребно, коль много иждивенія подъ запаси алтилерію и различныѧ орѹжіѧ имѣти нѹжднo, флотоѧ сіѧ и маловременно и безъ всѧкаго трѹда содѣваю҃тсѧ, безъ великаго иждивенія совершаю҃тсѧ. Здѣ приличествѹетъ воспомѧнѹти преславнѹю пословицѹ Косми де Медици, кн҃зѧ Гетрѹри'скаго: «не должно вмѣнѧти того за силнаго, которы' к' силѣ земно' не присовокѹпилъ сили карабелныѧ»; паче же — онѹю гишпанскѹю: «толико полезно отечество безъ флота, елико комѣнъ безъ огнѧ и кошеліокъ безъ денегъ». Явственно сіе е҃ст паче прочіихъ на обществѣ Римскоѧ и Карѳагенскоѧ: дотолѣ одолѣвахѹ Карѳагени Римлѧноѧ, донелѣже онии флотъ имѣли, Римлѧни же сего лишены были. Что же рещи и о кѹпечествѣ, обществаѧ вещи зѣло блг҃опотребно', ѧкоже разсѹждаше Платонъ: не можетъ быти общество, еже бы не требовало привозныѯ товаровъ. И отсюдѹ собы҃тсѧ, ѧко до времен премдраго Соломона ѹбогое и бѣдное бы҃ст состоѧніе общества Ізде'скаго; се' соорѹжи флотъ, начатъ посилати во Фарсисъ, и приношаше емѹ злато и сребро, зѹбы слоновы, пиѳики и павы, и каменіе дѣлано и недѣлано, и сребро во днехъ его ни зачто мнѧшесѧ, толико бо множество во дни его бѧше сребра и злата Іерлимѹ ѧко каменіе, и кедры толико множество ѧко черничіѧ, иже раждаю҃тсѧ в' полѧхъ. Сіе блг҃ополѹчіе дожидаетсѧ тѧ, короно Росси'ская, егда премдраго твоего Соломона раченіемъ флотъ, прежде в' тебѣ не слыханны', соорѹжила еси! Сіе щастіе предстоитъ тебѣ, црствѹющи' Санктъ Пѣтербѹрхе, при исходищаѯ водныѯ, морю союзныхъ, основанны'! Блг҃ословѧ Іаковъ сыни своѧ,

Plato lib: 11.

3 Reg: 10.

2 Paral: 9.

Genes: 49. сиⁿ похвали Завѫлона, ꙗко вселисѧ при коⁿцахъ морꙗ: Завѫлоⁿ на брегѫ морꙗ да сѧ вселитъ и на пристанищи карабле', которое бл҃гословеніе толкѫ, Мо'се'
Devter: 13. в' Второзаконіи гл҃голетъ: возвеселисѧ Завѫлоне во исходѣ твоеᵐ и Ісахаᵖ в' домѣхъ его, богаᵀство морское воздаютъ и приимѫᵀ сокровища сокровенныꙗ в' песцѣ. Сіе бл҃гословеніе да пребѫдеᵀ на тебѣ, црᵀвѫющи' граде новы' Росси'ски', Завѫлоне на брегѫ морꙗ
Sap: 14. основаⁿны'! Тебе же мл҃иᵐ, Оᵀче нб҃сны', состроꙗющаго прозѫмѣніе и дающаго в' морѣ пѫᵀ и в' волнахъ стезю крѣпкѫ показѫющаго, ꙗкоже бл҃гое начало и торᵖжеᶜᵀвеⁿное основаніе положилъ еси флота Росси'скаго, сице и в'предᵈ соверᵖши и сохрани виноградъ се', егоже насади десница Твоꙗ! АМИНЬ.

In Basilica S. Trinitatis, in praesentia S-mae Reginae, 1720, Jul. 27, Sanct Pitersburgi.

Das historische

Princip der Statistik

gegenüber

Georg von Mayr's Begriff der Statistik als Wissenschaft von den socialen Massen.

Von

Dr. Joh. Richard Mucke,

ordentl. Professor an der K. Universität Jurjew (Dorpat).

Vorwort.

Dass über Begriff und Umfang der Statistik viel gestritten worden ist und dass über ihr Wesen noch immer eine grosse Meinungsdivergenz besteht, ist nicht bloss dem Fachmann, sondern jedem gebildeten Laien bekannt, zumal darüber eine höchst umfangreiche Literatur vorliegt. In der Einsicht, dass der Grundbegriff der Statistik nicht durch den Absolutismus des subjectiven Gedankens, sondern nur durch schrittweises Verfolgen der Genesis der Statistik gefunden werden könne, haben die Statistiker seit etwa einem Menschenalter die Feder einstweilen niedergelegt und den Streit abgebrochen, bis uns durch geschichtliche Forschungen über den Ursprung der Statistik neue Aufklärungen über das Wesen dieser Wissenschaft beigebracht sein würden. Infolgedessen erachtete man es für besser, dass bis zu einer solchen Aufklärung sich die Parteien für gleichberechtigt halten und ihre abweichenden Meinungen gegenseitig anerkennen.

Diesen Standpunkt hat Herr Georg von Mayr verlassen zu müssen geglaubt, indem er auf den Absolutismus des subjectiven Gedankens zurückgreift und uns zeigt, wie man auch ohne historische Forschung zu einem „scharfen Begriff der Statistik" gelangen könne. Es ist desshalb angezeigt, zu prüfen, ob Herrn v. Mayr's Ansicht einwandsfrei ist. Da aber Herr v. Mayr diesen an sich rein wissenschaftlichen Streit dadurch in einen persönlichen Streit verwandelt, dass er seine subjective Meinung für die allein richtige und sich für den Statistiker hält, der die „Pflicht" habe, eine von der seinigen abweichende Meinung über den Begriff der Statistik als eine „Verwässerung des Begriffs Statistik" zu bezeich-

nen, „gegen die nicht ernstlich genug Einspruch erhoben werden könne“, so bleibt der Gegenpartei nichts anderes übrig, als ihm ebenfalls persönlich zu antworten und ihm zu zeigen, wie er am allerwenigsten berufen ist, einen Jahrhunderte alten Begriff als Verwässerung hinzustellen.

Trotz des ihr aufgezwungenen polemischen Characters dürfte die vorstehende Abhandlung einen nicht ganz uninteressanten Beitrag zur geschichtlichen Entwickelung der Statistik bieten, indem ich darin zu zeigen bemüht bin, weshalb die einzelnen Parteien vergangener Zeiten zu einer Einigung über den Begriff der Statistik nie gelangen konnten und worin das Moment besteht, wodurch endlich eine Einigung über den wichtigen Grundbegriff herbeigeführt werden kann. Sollte das Letztere mir gelungen sein, so würde die persönliche Herausforderung des Herrn v. Mayr einen sachlichen Nutzen für die Wissenschaft Statistik im Gefolge gehabt haben.

Richard Mucke.

Es giebt weder im allgemeinen noch im besonderen Wissen Stillstand. Wohl kommen Zeiten, in denen das, was die jüngste Vergangenheit als wahr und richtig erkannt zu haben meinte, treu conservirt wird; aber immer erheben sich von Neuem Bedenken gegen die überkommenen Lehrmeinungen, sobald man sich anschickt, den Entwickelungsgang des Errungenen zu prüfen. Nur durch von Zeit zu Zeit wieder angestellte Prüfungen des erlangten Wissens wird es möglich, Irrthümer zu eliminiren und den Glauben an die Wahrheit der Erkenntniss lebendig und wach zu erhalten.

Selbstverständlich sind solche Prüfungen für Denjenigen, welcher sie vornimmt und der Oeffentlichkeit übergiebt, zunächst immer ein undankbares Geschäft. Denn da das Wissen bestimmt ist, durch Tradition zu einem Gemeingut eines grösseren Kreises zu werden, der meist in Form einer enggeschlossenen Schule auftritt, so ist es, wenn sich im Laufe der Zeit das Wissen in einer solchen Schule befestigt hat, für den Einzelnen schwer, gegen den darin fest eingewurzelten Standpunkt zu kämpfen. Und zwar besonders deswegen, weil Diejenigen, welche ihren wissenschaftlichen Standpunkt vertheidigen, nicht zugleich Diejenigen sind, welche den Standpunkt begründeten. Hätten jene den Weg, der zu ihm hinführte, selbst durchlaufen und wären sie mit den Schwierigkeiten auf das Genaueste bekannt, welche der Weg seiner Zeit darbot, so würden sie sich erinnern können, dass auf ihm an mancherlei Kreuzungspunkten Zweifel sich regten, ob man denn nicht vielleicht einen Irrweg einschlüge. Es ist deshalb bekanntlich viel leichter, sich mit den Selbstentdeckern einer Wahrheit zu einigen als mit Denjenigen, welche sich eine fremde Entdeckung nur zu eigen gemacht haben. Dazu aber kommt, dass sehr häufig eine an sich richtige Auffassung des Begründers einer Lehre durch eine irrthümliche

Apperception seitens ihrer Verbreiter getrübt werden kann, weshalb eine geradezu mystische Denkweise Platz greift, die zuletzt in Wahnvorstellungen ihren Ausdruck findet. Hiergegen anzukämpfen ist besonders schwer, weil der Wahn stets in sich fertig ist, Wahnwitzige also nie zu belehren sind, sondern vielmehr jede von der ihrigen abweichende Meinung verlästern und mit der Waffe der Gewalt oder des Spottes verfolgen.

Bilden sich Wahnvorstellungen auch über den Grundbegriff oder das Princip einer Wissenschaft, so ist das für die Existenz derselben höchst gefährlich, weil das Princip einer Wissenschaft das Moment ist, auf welches im letzten Grunde Alles ankommt, sei es um ihr Wissensbereich gegen andere Wissenschaften abzugrenzen, sei es um ihre Aufgabe richtig zu formuliren. Im Princip einer Wissenschaft liegt eben das Wesen, was sie von allen übrigen unterscheidet. Eine Verdunkelung des Princips pflegt in der Regel dann einzutreten, wenn eine Zeit lang innerhalb einer Wissenschaft eine einseitige mechanisch technische Thätigkeit in besonders hohem Masse geübt worden ist; es macht sich alsdann zugleich auch das Bedürfniss nach einer neuen Klärung des Grundbegriffs der betreffenden Wissenschaft doppelt fühlbar.

Will man alsdann das Princip wieder klar erkennen, so kann dasselbe selbstverständlich nie aus der jeweilig geübten Praxis entnommen werden, weil ja diese es gerade ist, welche zur Verdunkelung des Princips beigetragen hat. Ueberdies ist ja auch der Zweck, warum man eine Klärung des Grundbegriffs der Wissenschaft erstrebt, nur der, sie aus den Fesseln jener einseitigen mechanischen Technik dadurch zu befreien, dass man ihr durch Vorführung ihres Grundbegriffs zeigt, worin die rein practische Thätigkeit ihren eigentlichen Grund hat. Das Princip klar zu legen ist Sache der Theorie, die von den gegebenen Thatsachen der Erfahrung ausgeht und alle entdeckten Besonderheiten auf ihren gemeinsamen Grund zurückführt, wobei sie anfangs selbstverständlich vielerlei Hypothesen nöthig hat, die unter sich unverbunden erscheinen, die aber verbunden werden, wenn es gelingt, sie einer allgemeinen Hypothese unterzuordnen. Der Weg, der dazu hinführt, kann immer nur der der Induction sein, welche vom Besonderen zum Allgemeinen aufsteigt, um eben in diesem Allgemeinen den Grund zu entdecken, der alle Be-

sonderheiten hervorgebracht hat, und den Punkt zu finden, von dem die Wissenschaft ihren Anfang und Ursprung (principium, ἀρχή) herleitet, der ihr wahres Wesen ausmacht, das in allen historischen Veränderungen verharrte und nie aufgehört hat zu existiren. Denn in ihrem Princip ist nicht bloss das ganze Wesen einer Wissenschaft begründet, sondern in ihm findet auch ihre ganze Geschichte erst ihre Erklärung.

Die Geschichte einer Wissenschaft ist in erster Linie die Geschichte ihres Princips; denn in der Klärung ihres Grundbegriffs beruht ihr wesentlichster Fortschritt. Es ist deshalb ein beschränkter, ja geradezu unwissenschaftlicher Standpunkt, den man nicht selten bei einseitigen Technikern findet, auf den Streit über den Begriff einer Wissenschaft verächtlich herabzusehen. In ihren Augen ist das ein verbissener Doctrinarismus, weil sie sich selbst über den Zweck und das Ziel ihrer Thätigkeit niemals Rechenschaft ablegen. So geschieht es denn, dass Die, welche auf einseitige Technik den Schwerpunkt ihrer Thätigkeit legen, ob ihrer technischen Kunststückchen in einen Hochmuth verfallen, der nicht nur sie selbst in den Augen aller nüchtern denkenden Leute lächerlich macht, sondern vor Allem auch — und das ist das Schlimmste — bei Vertretern anderer Wissenschaften das Vorurtheil erweckt, als verdiene jene Wissenschaft eigentlich gar nicht die Bezeichnung einer solchen, da sie ja doch nur ein ledernes technisches Handwerk sei.

Ein solcher Vorwurf ist auch der Statistik nicht erspart geblieben, und es giebt nicht Wenige, die den statistischen Resultaten an sich nicht abhold sind, aber der Statistik selbst ganz entschieden die Bezeichnung als Wissenschaft absprechen, da ihr ein eigentliches Grundprincip mangele; alle gemachten Begrenzungen (Definitionen) seien haltlos und nichtssagend, da sie sich nur auf das Object und die Methode bezögen und in Bezug auf beides ausserdem noch schwankend seien. Die unzähligen Definitionen und über ein Jahrhundert anhaltenden Versuche, einen Grundbegriff zu finden, sprächen mehr als deutlich, dass sich ein solches Princip, dem sich Alles unterordne, bei der Statistik gar nicht finden lasse.

Es muss allerdings zugegeben werden, dass dieser Vorwurf nicht ganz unbegründet ist, wenn man eine gewisse Richtung, die zur Zeit die Oberhand zu gewinnen sucht, allein ins Auge fasst. Aber man möge nur nicht glauben, dass die Wahrheit immer nur dort zu finden sei und gesucht werde, wo die

sogenannte „Mache“ sich eingeschlichen hat, und man möge nicht verkennen, dass Viele mit ihrer entgegengesetzten Meinung nur deshalb zurückhalten, weil es in Zeiten einer tyrannischen Oberherrschaft nicht wohlgethan ist, sie zu bekämpfen. Wem sollte es gleichgültig sein, sich von Denen mit Spott bedienen zu lassen, die gar nicht um die Wahrheit zu ergründen, sondern theils um überkommene Lehrmeinungen zu befestigen, theils um ihren rein persönlichen, meist nur ehrgeizigen Zwecken zu dienen, dictatorisch einseitig ohne Kenntniss und Berücksichtigung der Geschichte der Statistik von ihr eine Definition ohne jeden begrifflichen Inhalt sich zu eigen gemacht haben? Jener Vorwurf der Unwissenschaftlichkeit trifft nicht die Statistik, sondern jenes Dictatorenthum, in dessen Händen eben die „Mache“ ist.

Was unter Statistik zu verstehen ist und worin ihr eigenthümliches Wesen besteht, lässt sich nicht durch einseitigen Machtspruch und Verhöhnung Andersdenkender, sondern durch die Geschichte der Statistik selbst bestimmen, indem man ihre Genesis vor Allem ins Auge fasst. Es sind bereits mehr als vierzig Jahre verflossen, seitdem Eberhard Jonák in seiner „Theorie der Statistik in Grundzügen, Wien 1856“ darauf (S. 2) hinwies, dass „der ganze historische Entwickelungsgang der Wissenschaft in seinen hervorragendsten Erscheinungen vor Allem klar werden müsse, wenn man zu einem befriedigenden Resultate gelangen wolle. Allerdings dürfe dabei nicht auf gut Glück in die geschichtlichen Erscheinungen gegriffen werden, um die heterogensten Elemente, gleichgültig aus welcher Entwickelungsperiode, einander gegenüberzustellen und damit neue Gegensätze und Divergenzen gewaltsam hervorzurufen. Ein solcher Vorgang sei am Ende nur eine andere Form des Absolutismus in der Theorie, welcher oft genug die Wurzel des Übels in der Wissenschaft überhaupt und in der Statistik insbesondere gewesen, des Absolutismus des bloss subjectiven Gedankens, der statt die Genesis der Wissenschaft Schritt für Schritt zu erforschen und zu verfolgen, statt in den geschichtlichen Ergebnissen die allmähliche Fortbildung des Gedankens aufzusuchen und aufzufinden, darauf nur Rücksicht nahm, um alle bedeutenden und unbedeutenden, wenn nur irgendwie abweichenden Meinungen mit allem Aufwande der Phrase abzuweisen, und durch die übereinstimmenden sich selbst als allein berechtigt, als ein wissenschaftliches Dogma für alle

Zeiten hinzustellen. Es sei dann nicht zu verwundern, dass bei einem ähnlichen Vorgange, der bisher mit wenigen Ausnahmen in der Theorie der Statistik befolgt wurde und bei der Unbestimmtheit der Begriffe, welche sich zur Zeit der Begründung der Statistik als Wissenschaft und auch später kund gab, der Gegensatz um so schroffer, der Meinungskampf um so erbitterter werden musste, je beharrlicher jede einzelne subjective Ansicht festgehalten und vertheidigt wurde."

Leider blieb Jonák selbst auf halbem Wege stehen, indem er die Genesis der Statistik nicht bis an ihren Ursprung verfolgte und in der vorgefassten Meinung, als sei das Auftreten einer gewissen Schule auch zugleich die Begründung der Wissenschaft überhaupt, es verabsäumte, sich die Frage vorzulegen, auf welcher historischen Basis die ins Auge gefasste Schule sich ihrerseits selbst begründete. Denn auch eine Wissenschaft steht, wie jedes andere Ding, nicht plötzlich fertig da, sondern findet zunächst in der denkbar einfachsten Form ihren Ausdruck. Nur können wir freilich das Princip erst entdecken, wenn es in einer Mannigfaltigkeit von Formen zur Erscheinung gekommen ist, in denen das Princip in gleicher Weise sich wirksam zeigt. Es zu finden ist eben Sache der auf die Mannigfaltigkeit der Erscheinungsformen gerichteten Induction, als des einzigen Wegs, Wesen und Zweck einer Wissenschaft zu begreifen.

Das Princip einer Wissenschaft ist das, was sich in ihren verschiedenen Erscheinungsformen in gleicher Weise wirksam zeigt, weil es eben der Grund ist, auf welchen sie sich allesammt zurückführen lassen; erst durch Erkenntniss des Princips einer Wissenschaft sind wir im Stande, darüber zu urtheilen, was wesentliches oder unwesentliches Merkmal an ihr ist, indem ja eben nur Das wesentlich an ihr sein kann, was sie von ihres Daseins Beginn (principium existentiae) an war, während Alles, was im Laufe der Zeit von dem Principe erfasst und ihm unterworfen wurde, unwesentlicher Natur ist.

Nur wenn man das Princip einer Wissenschaft begriffen hat, begreift man ihre wahre Einheit, aus der alle Gegensätze mit Einschluss aller Methoden, die durch den im Wesen der Wissenschaft als Ursache wirkenden Zweck erzeugt wurden, geflossen sind. Denn die zu irgend einer Zeit in der Wissenschaft im Vordergrund stehende Methode ist niemals Selbstzweck, sondern Ausfluss des obersten Princips der betreffen-

den Wissenschaft. Daher muss jeder, der nur mechanisch eine Methode zur Anwendung bringt, ohne sich des Princips bewusst zu sein, um dessen willen sie da ist, zum elendesten Handwerker herabsinken, wie es bei einigen Statistikern thatsächlich bereits der Fall ist.

Wird die Statistik durch ein bloss methodisch-technisches Verfahren characterisirt, dann ist sie keine Wissenschaft, sondern blosse Technik im Interesse eines ausserhalb ihres Bereiches stehenden Zwecks, bzw. mehrerer Zwecke, und alsdann liegt in der Vervollkommnung der Technik der Schwerpunkt, und alle die äusseren Zwecke, denen diese Technik dient, können nach Willkür und subjectivem Ermessen des jeweiligen Beurtheilers, dem es zugleich anheimgestellt ist, unter Statistik zu verstehen, was er eben will, zum Inhalte der Statistik gemacht werden, wie beispielsweise der gesammte Apparat des Volkszählungswesens, dessen sich die Verwaltungsbehörden der Gegenwart bedienen. Dann werden Fragen, ob diese Behörden besser centralisirt oder decentralisirt sind, ob Listen oder Zählkarten und ob besoldete oder unbesoldete Zähler besser sind und dergl. ohne jede Bezugnahme auf das wissenschaftliche Princip der Statistik behandelt. Von einem solchen Standpunkte aus darf man sich nicht wundern, wenn vor einigen Jahren eine Zeitung die Nachricht brachte, es werde, falls sich die von Herrn X erfundene Rechenmaschine vollauf bewähren sollte, die Statistik nothwendig in ganz neue Bahnen geführt werden.

Ist die Statistik aber eine Wissenschaft, d. h. hat sie ein autogenetisches Princip, so wird ihr durch dieses die Richtung und das Endziel der Thätigkeit zugewiesen, möge sie ein Object behandeln wie immer es heisse. Der methodisch-technische Apparat ist alsdann nur Mittel zum Zweck, d. h. also nichts durchweg Wesentliches, Unveränderliches, da ja auch an ihm nur Das wesentlich sein kann, was durch das Princip hervorgebracht ist und worin das Princip sich wirksam erweist. Denn nur das Princip ist dasjenige, was durch alle Zeiten und unter allen Umständen seinem Wesen nach unveränderlich ist und allen historischen Veränderungen trotzt.

Es zeigt desshalb schon eine starke Verkennung des Princips der Statistik, wenn Georg v. Mayr die Behauptung aufstellt, „die Statistik habe gewissermassen als wissenschaftlicher Begriff selbst eine historische Wandelung erfahren, indem die Forschungen, die man im vorigen Jahrhundert häufig

der politischen Arithmetik eingereiht und gar nicht als statistisch bezeichnet habe, der heutigen Statistik näher verwandt seien". Als ob es sich beim Grundbegriff einer Wissensehaft um Metamorphosen handeln könne! Ein harmloses Kind mag glauben, dass sich dermalen ein königlicher Prinz in einen Frosch oder umgekehrt ein Frosch in einen Prinzen verwandelt habe. Aber solche Ammenmärchen haben in der Wissenschaft keinen Platz. Eine Wissenschaft kann als wissenschaftlicher Begriff keine Wandelung erfahren, d. h. begrifflich etwas ganz anderes werden als was sie von ihres Daseins Beginn an gewesen ist. Denn darin liegt ja eben das Wesen jeder Sache, sie sei Wissenschaft oder irgend sonst Etwas, dass sie trotz aller Veränderungen allezeit das bleibt, was sie von ihrem Ursprung an war. Eine Wissenschaft kann sich durch Berührung mit einer anderen Wissenschaft verändern; aber alsdann bleibt sie ihrem Wesen nach trotzdem dieselbe, weil sie ja ihr ursprüngliches Dasein dadurch, dass sie sich verändert, gar nicht verliert. Es giebt in der Wissenschaft wohl Entwickelungen, aber nicht Wandelungen. Bei Entwickelung herrscht Continuität, bei Wandelung ist sie aufgehoben.

Unter wissenschaftlichem Begriff versteht man den wesentlichen Begriff, der alle Sonderformen einschliesst, und dieser wird eben durch das Princip gekennzeichnet, dem eine Wissenschaft, wie es auch bei der Statistik der Fall ist, regelmässig ihren Namen verdankt, weshalb eine klare Definition einer Wissenschaft an die Benennung des Princips anzuknüpfen hat. Da das Princip, als Ursprung und Anfang (principium, ἀρχή) der Wissenschaft, das Allgemeine ist, in dem alles Besondere seinen Platz findet, so kann der wahre Begriff der Statistik nicht aus einer einzelnen besonderen Erscheinungsform derselben, z. B. der gegenwärtigen sog. amtlichen Statistik abgeleitet, bzw. diese mit der allgemeinen Statistik identificirt werden. Und aus gleichem Grunde ist es durchaus falsch, die persönliche Auffassung eines Schriftstellers vom Wesen der Statistik willkürlich zu ihrem Ausgangspunkte zu nehmen. Die Geschichte einer Wissenschaft ist nicht die Geschichte ihrer Autoren, sondern, wie oben bemerkt, in oberster Linie die Geschichte ihres Princips oder Grundbegriffs, indem sie den Entwickelungsgang darzulegen hat, den das Princip durch Berührung und Verschmelzung mit relativen Gegensätzen im Laufe der Zeit erfuhr. Eine Geschichte der Statistik in diesem Sinne

ist leider noch immer nicht geschrieben worden. Was unter der Bezeichnung Geschichte der Statistik figurirt, ist meist nur eine willkürliche Biographiensammlung einzelner Persönlichkeiten, die sich mit Statistik beschäftigten, verbunden mit einer Darlegung ihrer persönlichen Ansichten und practischen Erfolge, die sie in ihrer Wissenschaft erzielten, wobei obendrein über ausserhalb der Statistik liegende Bethätigungen der betreffenden Autoren berichtet wird.

Allerdings sind die Erfolge des Fortschrittes einer Wissenschaft von Personen abhängig, und alle wissenschaftliche Forschung ist mit der Persönlichkeit der Forscher selbst auf das Engste verknüpft. Aber man darf in dieser Hinsicht nicht zu weit gehen und nicht vergessen, dass immer jeder Autor auf den Schultern der Anderen steht und der Einzelne nicht bloss in seiner Sonderheit, sondern auch in der Allgemeinheit der vorangegangenen und mitlebenden Forscher wirkt, dass er mithin ebensowohl an den Wahrheiten wie an den Irrthümern der Übrigen Antheil hat. Stellt man an die Spitze der wissenschaftlichen Untersuchung über den Ursprung der Statistik irgend eine Persönlichkeit, so ist dies somit kein richtiger Ausgangspunkt, weil dadurch gar nicht erwiesen ist, dass der betreffende Autor das richtige Princip seiner Wissenschafft erfasst hatte.

Angesichts eines solchen wissenschaftlich durchaus nicht zu rechtfertigenden Standpunktes dürfen wir uns nicht wundern, dass über den Begriff der Statistik noch immer die Einigung fehlt. Denn statt das Princip dieser Wissenschaft an ihrer Quelle zu schöpfen, hat man sich aus der bunten Reihe der Persönlichkeiten, die sich mit Statistik beschäftigt haben, den vormaligen Göttinger Professor Gottfried Achenwall herausgehoben und ihn zum „Vater der Statistik“ gemacht, anfangs hauptsächlich deswegen, weil er dieser Wissenschaft den Namen gegeben habe. Diese seit Schlözer lange Zeit hindurch ganz grundlos nachgesprochene Behauptung hat es zuerst verschuldet, dass man die Achenwall'sche, wie wir bald sehen werden, auf einem puren Missverständniss des eigentlichen Sachverhalts beruhende schiefe und geradezu falsche Vorstellung vom Wesen der Statistik als eine historisch begründete Wahrheit auffasste und Achenwall's gesammte Vorgänger nach dieser falschen Auffassung zu suchen, zu beurtheilen und zu bestimmen unternahm.

Wenn wir ganze Jahrhunderte vor Achenwall sowohl dem Substantiv „statista“ als auch dem daraus gebildeten Adjectiv „sta-

tisticus", ja sogar vor Achenwall's Auftreten dem Worte „Statistik" begegnen, so sollte ich meinen, dass schon diese äusserliche sprachliche Erscheinung, ganz abgesehen von wissenschaftlichen Thatsachen selbst, uns Fingerzeig und Anspornung sein müsste, den Ursprung der Statistik in einer viel weiter entlegenen Zeit zu suchen. Weder bei Achenwall und seinen unmittelbaren Vorgängern, wie Ludwig von Seckendorff, Hermann Conring und bei Achenwall's Universitätslehrern, noch bei den Historiographen, Chronicologen und Kosmographen, noch wohl gar bei den Unternehmern der Volkszählungen im Alterthum, sondern bei den Statisten ist der Ursprung der Statistik zu suchen.

Man kann allerdings die Aufgabe der Statisten nicht verstehen, ohne den Character der mittelalterlichen Historiographie, Chronicologie und Kosmographie ins Auge zu fassen und die Stellung zu berücksichtigen, welche die Statisten der neueren Kosmographie uud Historiographie gegenüber einnahmen.

Bekanntlich hatten Sage und Dichtkunst auf den Stoff der mittelalterlichen Historiographie einen wesentlichen Einfluss ausgeübt. Selbst nachdem an Stelle der Dichtkunst bereits die Prosa getreten und die Geschichtsschreibung den Händen der Geistlichkeit grossentheils entzogen war, wurden theils an den Höfen, theils in den Städten Geschichtsbücher aller Art, insbesondere Chroniken geschrieben, die reich an apokryphen Nachrichten waren. So dichtete man einzelnen Volksstämmen und fürstlichen Geschlechtern mit frecher Zudringlichkeit eine Urgeschichte an, die aller wahren Überlieferung, ja aller vernünftigen Ansicht widerspricht; den einzelnen Städten wusste man einen in der Regel ganz unhistorischen Ursprung nachzurühmen. In verschiedenen Ländern waren namentlich vom 11. und 12. Jahrhundert an in fortgesetzter Reihe unter verschiedenen Namen, wie speculum historiae, flores historiarum, imago mundi, cosmodromium, fasciculus rerum und ähnliche Bezeichnungen Weltchroniken beliebt geworden, die, wie G. Waitz sich ausdrückt, „grosse Ablagerplätze für Überlieferungen aller möglichen Art" geworden waren; sie bestanden theils aus Excerpten älterer Quellen und neuer Erdichtung und vermischten überhaupt Geschichte und Sage.

Eine Scheidung beider wurde eben noch nicht gemacht. Die Überlieferungen der Alten, z. B. in Bezug auf die angeblichen Missgeschöpfe in fernen Ländern, zu prüfen, bot sich bis zu den Kreuzzügen wenig Gelegenheit; man begnügte sich höch-

stens damit, zu untersuchen, ob solche Nachrichten sich auch mit der heiligen Schrift vereinbaren liessen. „Ob es wirklich einäugige, einfüssige, ob es Menschen doppelten Geschlechts, ob es Menschen gäbe, die nur vom Geruch lebten, und andere, die beim Anblick eines anderen Menschen hinstürben, kümmerte die fleissige Forschung viel weniger, als ob, ihr Dasein wirklich angenommen, sie von dem ersten Menschenpaar oder erst von Noahs Nachkommen ihren Ursprung ableiteten“ (Peschel, Abhandlungen I. S. 10). Selbst auf den Karten der alten Kosmographen fanden jene Missgeschöpfe ihr bestimmtes Plätzchen, wo sie in der Welt zu suchen sind; wir finden z. B. die hundsköpfigen Menschen im Industhale, auf den Inseln Necuveram und Angaman nördlich von Java, auch im afrikanischen Süden, wo man ihnen sogar einen König namens Abichinibel beigiebt.

Diese älteren Kosmographien unterscheiden sich von den jüngeren ebenso sehr, wie sich die älteren von den jüngeren Chroniken abheben, nicht blos äusserlich in der Eleganz der Sprache, sondern, was weit wichtiger ist, in der Scheidung von Sage und Geschichte bzw. Dichtung und Wirklichkeit. Denn dadurch, dass man mit den Völkern ferner Länder in persönliche Berührung kam und dadurch, dass sich Männer höherer Bildung fortan der Geschichtsschreibung von Stoffen, die der Gegenwart näher lagen, zuwendeten, begannen die ersten Anfänge einer schärferen Kritik sich zu regen.

Die scholastisch dogmatische Richtung im Mittelalter hatte solche Regungen immer niederzuhalten vermocht. Die Berührung mit fernen Ländern und dadurch zugleich die auf diese Weise mitveränderten Zustände in den eigenen Ländern wurden jetzt Gegenstand der Beachtung und Beobachtung, und dadurch fing man an zu begreifen, wie mythenreich jene früheren Urgeschichten waren. Es bemächtigte sich aller denkenden Geister ein heisses Verlangen nach Erkenntniss des Thatsächlichen in der Vergangenheit und Gegenwart, indem man wissen wollte, was an den Berichten wahr oder falsch sei. Die gesellschaftlichen, insbesondere politischen und wirthschaftlichen Interessen waren durch die veränderte Sachlage gehoben worden, und auch aus diesem Grunde war das Bedürfniss entstanden, die thatsächlichen Verhältnisse in den Weltbegebenheiten nach den verschiedensten Seiten hin kennen zu lernen: es wuchs das Interesse nicht bloss der Potentaten, sondern auch anderer Personen an der Grösse des Landes, an der

Höhe der Einwohnerzahl, an der Menge der ein- und ausgeführten Waaren, am finanziellen Reichthum, am vorhandenen Edelmetallvorrath und dergleichen mehr. Dies Alles festzustellen und auf sein Thatsächliches zu erkennen, war an der Zeit.

So entstanden jetzt status rerum notitiae d. h. Erkenntnisse vom Stande der Dinge, bisweilen auch bloss status notitiae und später in Citaten kurzweg notitiae (Erkenntnisse) genannt. Die Männer, die es unternahmen, theils aus älteren Aufzeichnungen das Thatsächliche auszulösen, theils aus der verworrenen Masse der Hirngespinnste den thatsächlichen Kern herauszuschälen und aus dem Zusammenhange der thatsächlichen Merkmale den Status der Dinge zu erkennen, kurz: Thatbestände festzustellen, waren „Statisten". Bei ihnen einzig und allein sind die ersten Anfänge der Wissenschaft Statistik zu suchen, und von ihnen hat sie ihren Namen empfangen.

Die Statisten waren weder Historiographen, noch Chronikenschreiber oder Kosmographen oder Staatsmänner im heutigen Sinne des Wortes, d. h. in den Gang der Ereignisse eingreifende Politiker. Die Statisten waren für alle die Genannten nur gleichsam Handlanger und dienten nicht ihren eigenen, sondern den Interessen der darstellenden Gelehrten, bzw. später den der Potentaten und Politiker. Sie übten eine Thätigkeit, die für die Wissenschaft ausserordentlich nutzbringend, aber für ihren persönlichen Ruhm und ihre Ehre nur höchst bescheiden war. Ihre Namen sind zwar theils im Text, theils in den Fussnoten älterer Werke, wie namentlich der Chroniken, den status notitiae beigefügt; aber es hat ihnen „die Nachwelt keine Kränze geflochten." Sie theilen in dieser Beziehung das Schicksal mit jenen „Mimen", die unter dem gleichen Namen, wie sie, auf der Theaterbühne als inactive Personen auftreten. Eben deshalb wählte der Sprachgeist für beide die gleiche treffende Bezeichnung. Auch die Statisten auf der Bühne sind nicht active Darsteller, sondern nur Vermitteler für die darzustellende Handlung; sie greifen in die dramatische Handlung nicht subjectiv ein, sondern sind auf der älteren Theaterbühne als Boten, Gesandte, Diener u. s. w. objectiv vermittelnde Berichterstatter für Geschehnisse hinter den Coulissen.

Die Statisten als Verfertiger von Erkenntnissen des Thatsächlichen (notitiae status) boten keineswegs grosse Gesammtdarstellungen, und es muss als eine durchaus unrichtige Auffassung bezeichnet werden, als seien Kosmographen und

Schriftsteller wie Sebastian Münster, Francesco Sansovino, Giovanni Botero und Pierre d' Avity Vorläufer der Statistiker gewesen. Im Gegentheil sind die in zahlreichen Auflagen erschienenen Werke der letzteren erst auf den status notitiae der Statisten aufgebaut. Wenn man mit Recht an der Geschichtsschreibung der Florentiner das objective politische Bewusstsein hervorgehoben hat, so haben jene Statisten den höchsten Antheil daran. Von wem anders als von den Statisten rühren jene interessanten notitiae her, welche die italienischen Schriftsteller in den Stand setzten, jene vortrefflichen Bilder ihres politischen Lebens zu entrollen, die mit einem zuverlässigen Detail über Staatseinnahmen und -Ausgaben, Consumtion der Bevölkerung, Schulwesen, kirchliche Spitäler, Lebensbedürfnisse und Arbeitslohn, Handelsbeziehungen u. dergl. ausgestattet sind? Und worauf anders als auf den status notitiae sind die Bilder der grossen bürgerlichen Demagogien in Frankreich und Flandern oder die Erzählungen der deutschen Chroniken des 14. Iahrhunderts aufgebaut? Alle diese Schriftwerke wären gar nicht möglich gewesen, wenn nicht selbstlose Männer aufgetreten wären, die den status rerum zu erkennen strebten. Bei jenen Historikern und Chronicologen handelte es sich um zusammenhängende Darstellungen, bei den Statisten aber nur um Erkenntnisse (notitiae), die wohl von Argumenten begleitet wurden, aber doch immer nur zu dem Zwecke, Andere von der Richtigkeit der objectiven Erkenntniss zu überzeugen.

Es ist nicht richtig, in jenen „notitiae" Nachrichten schlechthin, d. h. auf Thatsächlichem nicht begründete Mittheilungen zu erblicken und wohl gar dem Worte notitia den heutigen Sinn von „Notiz" als einer blossen aphoristischen Bemerkung zu geben. Das Wort notitia hatte vielmehr im mittleren Latein die Bedeutung von „Erkenntniss" und hát dieselbe bis in die neuere Zeit herein auch beibehalten, weshalb noch im Zedler'schen Grossen Universal Lexikon 24. Band 1740 S. 1465 unter Notitia Dei insita und Notitia Dei naturalis auf „natürliche Erkenntniss Gottes" und unter Notitia sui ipsius auf „Erkenntniss seiner selbst" (Selbsterkenntniss) hingewiesen wird. Die Notitiae status rerum waren aus dem thatsächlichen Zusammenhang der Dinge geschöpfte, d. h. objective Erkenntnisse. Vom Standpunkte der Kosmographen und Chronicologen bzw. Historiker waren diese Erkenntnisse selbstverständlich Kenntnisse bzw. Nachrichten, d. h. blosses Material, aber Material, auf das sie

getrost bauen konnten, weil es eben Erkanntes war. Nur so verstehen wir, warum die Chronicologen und Kosmographen manche notitiae der Statisten als „fictitia und nachhero geschmiedete notitias“ verwarfen: es traten eben später vielfache Fälschungen auf.

Der Statisten Thätigkeit war im Grunde genommen nur eine logische Geistesoperation mit den kargen Mitteln der damaligen Erkenntnisstheorie, indem sie zumeist aus dem Wuste ganz heterogener Mittheilungen durch nachträgliche systematische Beobachtung das Thatsächliche, den status rerum, festzustellen sich bemühten. Auch waren die Statisten keineswegs an irgend welchen Stoff gebunden, sondern bemächtigten sich zu ihren Erkenntnissen, analog der Entwickelung des Interesses an den Weltbegebenheiten, ihres geistigen Horizontes, ebenso religiösen wie urgeschichtlichen, ethnographischen und geographischen, dann wirthschaftlichen und politischen Materials. Von einer Unterscheidung zwischen in Mass und Zahl ausdrückbaren und darin nicht ausdrückbaren Stoffen konnte selbstverständlich keine Rede sein.

Es liegt dies in der Natur der Sache. Denn ein wissenschaftliches Erkenntnissprincip kann niemals an ein bestimmtes Object gebunden sein; es ist in Bezug auf den Stoff nie einzuschränken. Ist ein bestimmtes Object hinreichend erforscht, so wendet sich das Erkenntnissprincip einem andern Stoffe zu, wodurch selbstverständlich häufig veränderte methodische Hilfsmittel nöthig werden. In dieser Hinsicht kann niemals eine bestimmte, wohl gar bloss technische Methode zur Vorschrift gemacht werden; noch weniger aber kann das wissenschaftliche Princip der Erkenntniss, weil es ein Widerspruch in sich selbst wäre, sein Wesen von der Methode ableiten. Denn da die Einheit einer Wissenschaft in der Einheit des Princips besteht, so kann sich wohl Object und Methode ändern, aber niemals das Princip, dem jene ja nur untergeordnet sind. Als z. B. die urgeschichtlichen Stoffe jener Zeit von den Statisten erschöpft waren und sowohl die Kosmographien als auch die Chroniken mehr und mehr verschwanden, wendete man sich neuzeitlichen Stoffen, insbesondere auch den Verfassungsverhältnissen der einzelnen Länder zu, die ja durch die grossen Entdeckungen der Neuzeit von Grund aus umgestaltet waren und in Bezug auf ihr Thatsächliches Interesse erregten. So entstanden jene Specialerkenntnisse (notitiae speciales) des Verfassungslebens der Länder.

Dadurch wurde selbstverständlich wohl die Methode zur Feststellung des Thatsächlichen, aber nicht das Princip verändert. Die älteren Statisten, welche aus den erdichteten und nicht erdichteten Weltbegebenheiten ihre Erkenntnisse schufen, hatten mit viel grösseren Schwierigkeiten zu kämpfen, indem sie eben aus der verworrenen Masse ganz heterogener, sich widersprechender Mittheilungen den thatsächlichen Kern dadurch auszulösen hatten, dass sie mit den überlieferten Vorurtheilen brachen und an den objectiven Merkmalen der Erscheinungen allein das Wesen und die Bedingungen der Begebenheiten festzuhalten suchten. In dieser Hinsicht waren die Statisten so recht die Repräsentanten ihrer Zeit. Denn sie tauchen ja eben in jener Zeit auf, in der die alte Scholastik ihrem innern Verfall entgegenging, eine Losreissung von Autorität und Autoritätsglauben eingetreten war und die Skepsis sich zahlreicher Geister bemächtigt hatte, kurz in einer Zeit, wo man zu einem Erkenntnissstandpunkte hindrängte, wie er später in Baco's Philosophie, welche die Abstraction von allen Vorurtheilen und vorgefassten Meinungen zur Bedingung der Erkenntniss des Objectes machte, als wissenschaftliche Erkenntnisstheorie zum Ausdruck gelangte.

Sowie Baco als subjective Bedingung der wahren Wissenschaft die Reinigung des Sinnes von allen abstracten Theorien und überlieferten Vorurtheilen und als objective Bedingung die Zurückführung auf die Erfahrung forderte, so suchten auch vor ihm die alten Statisten den alten Erkenntnissstandpunkt, welcher ihrem Material anhaftete, abzustreifen, um nach Ausmerzung der aprioren Erkenntnissbestandtheile an den dadurch übrig bleibenden Thatsachenmerkmalen eine objective Erkenntniss zu gewinnen.

Ob sie sie stets erreicht haben, ist eine andere Frage, die sich aus der Unvollkommenheit menschlicher Erkenntniss von selbst beantwortet; man darf ja überhaupt Menschen nicht nach dem beurtheilen, was sie geleistet, sondern nur nach dem, was sie erstrebt haben. Wenn die Chronisten später die oder jene notitia als „suspecte defundata" angezweifelt haben, so ändert dies nichts an der guten Absicht jener alten Statisten in Bezug auf ihre notitiae, und noch weniger dürften wir berechtigt sein, hochmüthig auf jenes Zeitalter herabzusehen. Denn wer weiss im Voraus, wie die kommenden Jahrhunderte unsere heutigen „exacten" Forschungen einmal beurtheilen werden?

Die späteren Statisten, die sich den jetzt mehr der Gegenwart zu liegenden Stoffen, welche die modernen Verfassungsverhältnisse der Länder betrafen, zuwendeten, hatten es in Bezug auf die Beobachtung viel leichter, indem sie zwar ebenfalls ohne Vorurtheil an ihren Stoff herantreten mussten, aber nunmehr, abgesehen von amtlichen und privaten Aufzeichnungen, auch direct beobachten konnten, ohne, wie früher, jenen Wust von Vorurtheilen beseitigen zu müssen, der den älteren Beobachtungen anhaftete. Diese Erfahrung kann übrigens Jeder machen, der sich auch einmal mit Thatsachenfeststellung vergangener Zeiten beschäftigt, indem eben hier die von subjectiven Urtheilen umklammerten thatsächlichen Merkmale zunächst einer scharfen Scheidung in Urtheil und objectiven Thatbestand bedürfen.

Diejenigen „modernen" Statistiker, die die Statistik zu einem ledernen Handwerk mit einem ganz einseitigen methodologischen Verfahren herabwürdigen möchten, die in vollständiger Verkennung der Forderungen der allgemeinen Wissenschaftslehre eine Wissenschaft ohne Princip kennen, weil sie es niemals für nöthig erachtet haben, in der Geschichte ihrer vermeintlichen Wissenschaft das Princip aufzusuchen, können sich freilich gar keine Vorstellung davon machen, wie man urzeitliche Thatsachen ohne directe Erhebung und Beobachtung auch in der Gegenwart noch feststellen kann. Nur Unvertrautsein mit dem historischen Princip der Statistik kann z. B. Georg von Mayr zu dem Ausspruch verleiten: „Statistisches Wissen aus unserer eigenen urgeschichtlichen Entwickelung fehlt uns; auch die beste statistische Gesinnung kann uns die fehlende Beobachtung aus der Urzeit nicht ersetzen. Aber auch dann, wenn man heutige — als solche gesetzte — Urzustände bei Naturvölkern als Surrogat der nachträglich einer erschöpfenden Massenbeobachtung unzugänglichen prähistorischen Zustände gelten lässt, stösst man auf die Thatsache mangelnder statistischer Civilisation bei diesen Naturvölkern. Wir haben weder eine prähistorische Statistik, noch eine Statistik der heutigen Naturvölker. Das ist Alles — im geraden Gegensatz zum Wesen der Statistik — gelegentliche Einzelbeobachtung."

Welch ungeheuerliche Logik liegt in der Schlussfolgerung: Weil uns statistisches Wissen bzw. eine prähistorische Statistik fehlt, deshalb ist eine Erkenntniss des Thatsächlichen der Vorzeit unmöglich! Ich sollte meinen, dass man nur das, was man

noch nicht weiss, dem Wissen näher zu führen sucht, dass aber Alles, was man bereits weiss, der Feststellung gar nicht mehr bedarf. Wäre v. Mayr's logische Schlussfolgerung richtig, dann dürfte überhaupt nur Das, was man bereits weiss, Gegenstand einer Wissenschaft sein, und wir würden auf alle zukünftige Erkenntniss Verzicht leisten müssen. Dem Bacteriologen würden wir erklären, er könne über den Cholerabacillus kein Wissen bringen, da uns darüber jedes Wissen fehle; dem Wirthschaftsstatistiker würden wir sagen, er könne über die älteste Agrarverfassung der Germanen nichts Thatsächliches feststellen, da die darüber fehlende Beobachtung durch statistische Gesinnung nicht ersetzt werden könne. Wir werden weiter unten sehen, dass diese sonderbare Logik v. Mayr's auf einer falschen Vorstellung vom Wesen der Wissenschaft beruht.

Es ist hier, wo wir durch G. v. Mayr's „statistische Gesinnung" und „statistische Civilisation" auf den Ausdruck „statistisch" gebracht werden, der passende Ort, über den wissenschaftlichen Sinn dieses Wortes zu sprechen. Wir finden in v. Mayr's Schriften nicht bloss „statistische Methode", „statistische Operation", „statistische Fragestellung bzw. Erhebung, Forschung", „statistische Tabellen", „statistische Centralstelle" und dergleichen, sondern auch „statistische Neugierde," „statistische Gesetzgebung", „statistischen Beobachtungsdienst", „statistische Interessen", „statistisches Detail", „statistische Gliederungen bzw. Vergleichungen" u. s. w., was eben v. Mayr's gute „statistische Gesinnung" errathen und schliessen lässt, dass er selbst einen hohen Grad „statistischer Civilisation" zu besitzen glaubt.

Die Bedeutung eines Wortes hängt stets von der Vorstellung ab, welche man von dem Dinge hat, dem das Wort dient, und je nach dem Wechsel der Dinge in der Vorstellung kann sich die Bedeutung eines Wortes ändern. Daher legt das Kind dem Worte eine andere Bedeutung bei, als der Erwachsene, der Laie eine andere als der Gelehrte, weil eben bei ihnen die Vorstellung von dem betreffenden Dinge, das man benennt, eine andere ist. Dadurch müssen nothwendiger Weise Verwechselungen entstehen. Ihnen vorzubeugen ist Aufgabe der Wissenschaft; ja sie hat durch Schaffung einer Wissenschaftssprache zur Klärung der Wortbedeutung beizutragen, indem sie die Wörter dem willkürlichen Gebrauche entzieht und

derjenigen Bedeutung Geltung zu verschaffen sucht, welche dem Sachverhalte aller Zeiten entsprechend ist. Es ist deshalb im höchsten Grade unwissenschaftlich, nicht nur die aus falschen oder Theilvorstellungen vom Wesen einer Sache entsprungenen Wortbedeutungen der Laien zu befestigen und zu unterstützen, sondern noch überdies Anderen seine eigene Privatmeinung darüber aufzudrängen, statt die allein historisch begründete Bedeutung gelten zu lassen.

Vor Allem müssen Wortbedeutungen, die, wie „statistisch", das Princip einer Wissenschaft tangiren, tyrannischer Willkür entzogen sein. Insofern das Princip das Unveränderliche und einzig Bleibende an einer Wissenschaft ist, kann auch bei dem Worte „statistisch" nur seine principielle Bedeutung herangezogen werden, d. h. also nicht eine Bedeutung, die man ihm willkürlich zu irgend einer Zeit, sei es der Vergangenheit oder der Gegenwart, beigelegt hat, sondern allein die Bedeutung, welche durch das Princip der Statistik gekennzeichnet ist. Wir haben gesehen, dass man unter Statisten diejenigen Personen verstand, welche das Thatsächliche (statum) der Dinge (rerum) zu erkennen (noscere) suchten und ihre Erkenntnisse als status rerum notitiae niederlegten. Insofern status rerum den Stand bzw. die Lage der Sachen, die Sachlage bezeichnet und Sachlage dasselbe wie „Thatsächliches" besagt, kann man sagen, dass die Aufgabe der Statisten in der Erkenntniss des Thatsächlichen bestand. Es handelte sich bei ihnen also stets um das Resultat eines Erkenntnissprocesses, der nicht von einem apriorischen Urtheil, sondern von den thatsächlichen Merkmalen der Erscheinungen ausgeht, um dadurch das Thatsächliche selbst zu finden. Infolge dessen hiessen ihre Erkenntnisse (status notitiae) später auch kurzweg statistica, was sich, wenn man sich eines Fremdwortes bedienen will, mit „Objectives" oder wenn man dafür einen deutschen Ausdruck für besser hält, mit „Thatsächliches" wiedergeben lässt. Die Engländer haben bis heute noch diesen Plural in „Statistics" beibehalten; es bedeutet nichts Anderes als „objectiv Erkanntes", bzw. Thatsächliches.

Das Adjectiv statisticus hat also die Bedeutung von thatsächlich bzw. objectiv; es ist abgeleitet von dem Substantiv statista als einer Person, die Thatsächliches erkennt. Da wir nun objective Erkenntniss das Bestreben nennen, sich die Aussendinge so ins Bewusstsein zu führen, wie sie in Wirklichkeit thatsächlich gegeben sind, und da zwischen den Aussendingen

ein grosser Zusammenhang besteht, in welchem sich Alles gegenseitig bedingt, so beruht im Grunde genommen jede statistische Erkenntniss im Erreichen der Gewissheit darüber, in welchem Zusammenhang die Dinge unter einander stehen; denn ist uns dieses bekannt, so können wir auch jedes Einzelne und jede Veränderung an ihm richtig beurtheilen. Deshalb nannte man „Statisten" Diejenigen, welche das Combinationsvermögen besitzen, aus dem Zusammentreffen einer Vielheit von Erscheinungen ein einzelnes Ereigniss objectiv zu deuten.

In diesem Sinne gebraucht z. B. auch Shakespeare das Wort „statista" in Cymbeline II. 4, wo er dem Posthumus die Worte in den Mund legt: „I do believe (Statist though I am none, nor like to be), that this will prove a war". Diese Worte „obwohl ich nicht Statist bin und 's nie sein werde, so glaube ich doch, dass es Krieg bringen wird", wollen nichts anderes ausdrücken als die Behauptung, Posthumus glaube auf Grund der Sachlage bzw. aus dem Zusammenhang der gegebenen Umstände auf Krieg schliessen zu müssen, weil nämlich zuvor Philario gesagt hatte: „Euer König hat jetzt August's Botschaft. Cajus Lucius wird streng, mit Nachdruck sprechen; jener denk' ich bewilligt den Tribut und zahlt den Rückstand, sonst schaut er unser Heer, dess Angedenken noch frisch in euerer Erinnerung lebt". Und indem Posthumus seine Combination ausspricht, will er hinzufügen, er gehöre zwar nicht zur Zunft jener Gelehrten und werde ihr auch nie zugerechnet werden können, welche die Fähigkeit besitzen, aus dem Zusammentreffen gewisser Erscheinungen das Eintreffen eines Ereignisses als thatsächlich gewiss zu erkennen. Dass die Statisten auch in England eine Gelehrtenzunft bildeten und als solche bekannt waren, geht aus Shakespeare's Hamlet (V. 2) hervor, wo Hamlet sagt: „I once did hold it, as our statists do, a baseness to write fair, and labour'd much how to forget that learning". Das „ich hielt es nicht, wie unsere Statisten es thun, für Niedrigkeit, schön zu schreiben und bemühte mich sehr, es zu verlernen", giebt uns zwar keine so nahe Auskunft, wie die zuerst angeführte Stelle, über die wissenschaftliche Thätigkeit der Statisten in England, aber beweist uns durch das „our" (unsere Statisten), dass sie eine bekannte Zunft gewesen sein müssen, die nach dem „docti male pingunt" der Römer als Gelehrte wohl auf wissenschaftliche Forschung, aber nicht auf mechanisches Schönschreiben Gewicht legten.

Die Kaste der Statisten als Verfertiger der status rerum notitiae waren keineswegs, wie immer behauptet wird, Politiker, die Staatsklugheit übten und mittelst der berühmten ratio status intrinseca et extrinseca „die Klugheit übten, einen Staat in seinen vorigen Flor wieder zu setzen, darinnen zu erhalten und dessen Nutzen durch rechtmässige Mittel zu befördern". Denn auch für die Politiker waren die Statisten nur Handlanger. Wohl konnte der Statist, ähnlich wie der Leibarzt, in die Nähe des Potentaten an den Hof berufen und hier Standesperson (homme d'Etat) werden, um seine Kenntnisse dem Interesse des Potentaten zu widmen: aber auch alsdann war er nicht activ eingreifender Politiker mit subjectiver Willensbethätigung, sondern der objectiv erkennende Gelehrte. In letzterer Hinsicht gewährt der Ausspruch Philander v. Sittewald's (Somnium sive itinerarium historico-politicum, Frankfurt 1649) gleichsam eine gute Verbaldefinition des Wortes „Statist". Denn sein Ausspruch: „Ihr seid ein Statist, der ihr das Interesse der Potentaten versteht" will besagen: was für das politische Handeln der Potentaten von Interesse ist, das ist's, was der Statist verstehen muss.

Auch im 17. Jahrbundert noch waren die Statisten keineswegs auf Erkenntnisse des status rerum politicarum beschränkt; vielmehr standen in jener Zeit auch insbesondere kirchlich-christliche Fragen in dem Vordergrunde. Dem evangelischen Glauben hatten sich zwar Viele zugewandt, aber unter den Gelehrten jenes Zeitalters gab es auch Manche, die sich in den Kirchenfragen objectiv verhielten. Es ist desshalb für die Etymologie des Wortes statistisch interessant, zu erfahren, dass die auch unter der Bezeichnung religio prudentium sive eruditorum und „Religion der Klugen oder Grillengelehrten" auftauchende religiöse Auffassung von Männern, die, wie Thomas Hobbes, Hugo Grotius u. A., sich in dogmatischen Kirchenfragen objectiv verhielten, „r e l i g i o s t a t i s t i c a" genannt wurde, weil sie eben eine Religion war, welche die subjectiven Meinungsverschiedenheiten ausschloss.

So nennt Oldenburger 1675 V. Ludwig v. Seckendorff einen egregius statista C h r i s t i a n u s, und zwar aus einem ähnlichen Grunde. Seckendorff hat nämlich, wie bekannt, in seinem höheren Lebensalter, dreissig Jahre nach der Publication seines „Fürsten-Stat" ein Werk über den „Christen-Stat" publicirt, in welchem er das Christenthum „in seinem rechten Zweck

und Grund" zu erkennen und darzustellen versucht. Es ist sein objectiv vermittelnder Standpunkt, den er dem wahren Christenthum gegenüber, und zwar sowohl den ausserhalb desselben stehenden Atheisten als auch den innerhalb des Christenthums stehenden Parteien gegenüber einnimmt, der ihm das Prädicat eines statista Christianus verschafft. Die Existenz Gottes will er objectiv aus seinen „wirklichen Geschehnissen", aber nicht speculativ erweisen. Denn nach v. Seckendorff „leidet der eigentliche Gegensatz, wenn er nach dem Grunde des Verstandes oder speculative betrachtet wird, keine Mittel-Strasse oder Vermischung und Mässigung, sondern es stösset eine Meynung die andere nothwendig und unwidersprechlich um". Obwohl dem Lutherthum ergeben, will er seine Objectivität auch dem Katholicismus gegenüber bewahren, weshalb er erklärt: „ich contestire gegen die Herren Römisch-Catholischen, welche dieses Werck zu lesen sich gefallen lassen möchten, gleicher Gestalt redlich und wahrhafftig, dass mein Vorhaben gar nicht gewesen, Controversien zu tractiren oder ihre Glaubens-Articul und Kirchen-Verfassung ex professo anzufechten".

In Seckendorff's „Christen-Stat" ist von Politik keine Rede, und das Wort Christen-Stat ist ihm gleichbedeutend mit Christenthum oder Christenstand in seiner rechten Beschaffenheit, weshalb er wiederholt, z. B. gleich in der Widmungszuschrift an den Erbprinzen Johann Georg von Sachsen, beide Bezeichnungen neben einander stellt, d. h. von „Christen-Stat oder Christenthum" spricht. Dem Worte „Stat" fehlt dabei jede Bezugnahme auf das politisch-weltliche, ja wegen des gebrauchten Ausdruckes „Stat" glaubt er sich im Vorworte entschuldigen zu müssen, indem er sagt: „Schliesslich will ich auch wegen des Tituls des Buchs nachrichtsamlich vermeldet haben, dass ich lieber einen andern, als diesen gebrauchet hätte, wenn ich es nur füglich hätte thun können. Es eckelt mich das nicht gar reine oder hochteutsche Wort Stat selbsten, weil es aber so gemein und bekandt worden, dass es nun wohl das Bürger-Recht in unserer Mutter-Sprache verdient zu haben scheinet, so habe ich's nicht verstossen wollen, besonders weil es bey dem vor dreissig Jahren ausgegangenen Fürsten-Stat, wiewohl auch nicht gar gern, von mir gebraucht worden, und nun so lange Zeit mit durchgelauffen".

v. Seckendorff's „Fürsten-Stat", der nur „auf den Zustand der meisten teutschen Fürstenthümer gerichtet" und „zu be-

liebigem Gebrauch und Nutz hoher Staatspersonen, dero Jungen Herrschaften, Räthe und Bedienten" abgefasst war, konnte ihm wohl die Bezeichnung eines Politicus, aber nicht die eines Christianus statista einbringen. Sowie das Wort statista an sich nichts mit dem Staat im heutigen (politischen) Sinne gemein hat, so auch nicht das Wort statistisch. Die res publica im Sinne des heutigen politischen Gemeinwesens war nur eins der Objecte, dessen sich das statistische Princip, die status notitia, bemächtigte. Daher ist auch das Microscopium statisticum von Helenus Potitanus (1672) nichts anderes als „ein objectiv gehaltenes Kleinbild", welches der Verfasser dadurch gewonnen hatte, dass er die zu Grunde liegenden Erscheinungen auf ihr Thatsächliches zuvor erkannt hatte. Und in diesem Sinne durchläuft der Ausdruck „statistisch" ganze Jahrhunderte hindurch; ja selbst in Schlözer's Staatsanzeigen (69, 1792 S. 82) heisst „statistisch unmöglich" so viel wie thatsächlich unmöglich und „statistisch klug" bis in unser Jahrhundert herein soviel wie klug in Bezug auf das thatsächlich Gegebene. Aber nicht bedeutet „statistisch klug" staatsmännisch klug oder „statistisch unmöglich" staatsmännisch unmöglich. Betraf das als thatsächlich Erkannte den politischen Staat, so sprach man von politico-statistisch oder specialstatistisch.

Dass das Politische nach und nach Gegenstand statistischer Erkenntniss geworden war, hatte seinen Grund in der historischen Entwickelung des Staatslebens. Im eigentlichen Mittelalter war das Staatswesen, sowohl was seine Existenzform als auch seine geistige Auffassung betrifft, in Abhängigkeit von der Kirche gewesen. Durch einen allmählichen Emancipationsprocess, den zu schildern hier nicht der Ort sein kann, war der theocentrische Standpunkt auch hinsichtlich des Staatslebens — in dem einen Lande (z. B. Italien) früher, in anderen später — in einen kosmo- und anthropocentrischen umgeformt worden. Bei diesem Process, der durch verschiedene Strömungen gekennzeichnet wird, hatte es sich nicht sowohl darum gehandelt, den Staat, wie er wirklich ist, kennen zu lernen als vielmehr darum, seinen Ursprung und Zweck zu begreifen. Die Idee des Staates zu ergründen war die vornehmste Aufgabe all jener verschiedenen politischen Schulen, insbesondere der sog. romanischen (Macchiavelli) einerseits und der sog. germanischen Auffassung anderseits; und es ist allgemein bekannt, wie einerseits Macchiavelli's Buch zu einem Wegweiser

für die Politik der Cabinette wurde und wie anderseits in Anknüpfung an Platon's Republik die Theorien der sog. germanischen Schule das Wohl aller Bürger in einem von allen Bedingungen der Wirklichkeit abgelösten Idealstaate, hauptsächlich durch Communismus, zu verwirklichen strebten.

So hatte sich denn unter der Bezeichnung Politik (politica, prudentia civilis) eine Wissenschaft gebildet, „die da anweiset den Grund der menschlichen Gesellschaften und eines wohl gefasseten Regiments, die verschiedenen Arten der Regierungen, worauf eine jede beruhe, wie sie erhalten und klüglich geführet werden müsse, worauf die Macht eines Regiments beruhe und wie dieselbe innerlich durch heilsame Gesetze, Handhabung und Gerechtigkeit, Nahrung und Gewerbe, äusserlich durch gute Kriegsverfassung und vortheilhafte Bündnisse zu befestigen u. s. w." (Zedler, 28, 1741. Sp. 1526), — eine Wissenschaft, die wir heutigen Tages etwa philosophische Staatslehre benennen würden, indem sie eben den Grund, bzw. Staatszweck ins Auge fasste. Aber für das politische Handeln war sie ungenügend, weil man wohl erkannte, dass jede Handlung auf wirkliche Sachkenntniss gestützt sein muss. Eben deshalb entstand jetzt das Streben, den Staat wie er wirklich ist, kennen zu lernen. So fand das statistische Princip, die Erkenntniss des Thatsächlichen, ein neues Object. Dass bei Veränderung eines Objects trotz gleich bleibenden Princips eine Modification der Methode erforderlich wird, liegt in der Natur der Forschung. Dadurch bleibt aber trotzdem die Wissenschaft, die ja nicht durch die Methode, sondern durch das Princip ihre Selbständigkeit erhält, als solche ihrem Wesen nach dieselbe. Es handelte sich auch bei der sich als besonderes Gebiet abzweigenden politischen Statistik — und das ist das Wesentliche — um einen Erkenntnissprocess zur Findung des Thatsächlichen.

Wollten die allerältesten Statisten status notitiae (Erkenntnisse des Thatsächlichen) gewinnen, so war dies einzig dadurch möglich, dass sie aus den überkommenen Mittheilungen das Sagenhafte entfernten und aus dem inneren Verhalten der Merkmale der betreffenden Erscheinungen gegeneinander, d. h. also aus dem Zusammenhange der Begebenheiten unter einander objective Gewissheit zu erlangen suchten. Wollten die „Statistae christiani" eine religio statistica erstreben, so mussten sie, ähnlich wie es v. Seckendorff that, das in der heiligen Schrift Niedergelegte von der „sogenannten Tradition oder fortgepflanzten

münd- und schrifftlichen Meynung der alten Kirchenlehrer etc.“ sowie dem „durch Menschen-Satzung und gewaltsame Unterdrückung der Wahrheit theils durch phantastische Einbildung sonderbarer Eingebung Gottes“ Entstandenen zu scheiden versuchen und „in wider dergleichen Schwärmerey ausgegangenen rechtgläubiger Theologorum Schrifft nechst fleissiger Beobachtung des Wortes Gottes und der analogia oder Aehnlichkeit des Glaubens guter information erholen“ d. h. also eine nicht in den veränderlichen subjectiven Meinungen, sondern eine in der Natur des Objects der heiligen Schrift selbst begründete Erkenntniss von der darin thatsächlich gegebenen Religion gewinnen. Dem Wesen nach verfuhren die Politico-Statistiker nicht anders. Denn wollten sie zur Erkenntniss eines bestimmten Staates gelangen, so mussten auch sie sich über den inneren Zusammenhang, in welchen die Theile des Staates zum Ganzen stehen, Klarheit verschaffen. Sowie die ältesten Statisten durch Ausmerzung der subjectiven Urtheile früherer Autoren sich den Stoff ihrer Untersuchung gleichsam zu einer (chaotischen) Masse rein objectiver Bestandtheile machten und auf Grund rein thatsächlicher Merkmale eine Verknüpfung (Combination) verwandtschaftlichen Inhalts versuchten, so musste es auch den Statistikern, welche den „Staat, wie er wirklich ist“, erkennen wollten, darum zu thun sein, nicht mit einer subjectiven Meinung an den Inhalt des Staates heranzutreten, sondern ihn als blosse Masse zu betrachten. Masse ist ungegliederter Stoff, von dem der Statistiker ausgeht.

Alles was am Staate als räumlicher und zeitlicher Zusammenhang erscheint, ist den Politico-Statistikern Grundstoff, Zweck, Form und Verrichtung, weshalb auch Hermann Conring zur Erkenntniss des ursächlichen Zusammenhangs der Sachen bzw. zur Findung der Umstände, wie sich die Sachen zu einander verhalten (quibus de causis res istae hunc aut illum in modum se habeant) mittelst dieser vier Principien des Aristoteles (materialis, finalis, formalis und efficiens causa) seine Aufgabe zu lösen sucht. Es handelt sich auch bei Conring um einen geistigen Erkenntnissprocess, aus dem inneren Zusammenhang der Dinge den Staat wie er wirklich ist, mit den Erkenntnissmitteln seiner Zeit zu begreifen. Ob er ihn richtig und genügend objectiv begriffen hat, ist für unsere heutige Beurtheilung ebenso secundärer Natur, wie bei allen übrigen ihm vorangegangenen Statisten, da nicht das statistische

Resultat, sondern der Zweck der statistischen Erkenntniss für die gegenwärtige Erörterung das Entscheidende ist. Wollten wir hochmüthig immer nur die Ergebnisse Anderer ins Auge fassen, dann würden wir nicht bloss schlechte Beurtheiler der wissenschaftlichen Errungenschaften sein, sondern uns zugleich auch ein trauriges Armuthszeugniss für unser Verständniss wissenschaftlichen Fortschrittes ausstellen. Wir dürfen nicht vergessen, dass der Gegenstand mit der fortschreitenden Erkenntniss selbst ein anderer wird, und dass die Erkenntnissmethode erst durch andauernde Beschäftigung mit dem Gegenstand immer vollkommener wird. Schablonenhaft arbeitende Handwerker in einer Wissenschaft sind es deshalb auch immer, welche, weil sie gar keines Erkenntnissprincips bedürfen, und das Mittel zum Zweck für den Zweck selbst halten, auf die ersten Versuche, ein Problem zu lösen, verächtlich herabblicken. Es ist purer Aberglaube und eitele Selbstvergötterung, zu meinen, nur die in der Gegenwart im Vordergrund stehende Methode mache das Wesen der Statistik aus. Das hiesse nicht nur jeden wissenschaftlichen Fortschritt leugnen, sondern ihn auch hemmen. Denn würde eine Wissenschaft durch irgend eine besondere Methode gekennzeichnet, dann müsste eine Sonderwissenschaft aufhören zu existiren, wenn ihre Methode abgeändert wird, oder es müsste eine Wissenschaft auf jeden Fortschritt Verzicht leisten, wenn das Princip der Wissenschaft eine andere Methode für zweckentsprechender hält.

Was die Continuität in der geschichtlichen Entwickelung einer Sache aufrecht erhält, besteht immer nur im Wesen der Sache, d. h. darin, worin sie ihren Grund und Ursprung hat. So ist es auch in jeder besonderen Wissenschaft; auch sie hat ihr unveränderliches Wesen nur in ihrem Princip, als dem Grund und Ursprung ihres Daseins. Nur liegt es in der Natur der Sache, dass, wenn das Princip mit etwas Neuem in Berührung tritt, dies anfangs gewisse Störungen herbeiführt. So war es auch in dem vorligenden Falle.

Das politische Staatsleben war, wie erwähnt, in den Vordergrund getreten, weil sich durch die Einwirkungen der realen Verhältnisse dieses Leben selbst umgestaltet hatte, und die alten Formen sich als unbrauchbar erwiesen. Um sie theils zu zerstören, theils zu erhalten, hatte sich zunächst die practische Politik und auf ihr die Wissenschaft der Politik gebildet, und zwar in Form einer mehr philosophischen Lehre. Aber auch

die Historiographie wollte ihren Antheil am politischen Staatsleben haben, weil man wissen wollte, wie der Staat entstanden sei. Und endlich wollte man auch den Staat erkennen, wie er wirklich sei.

In jener Zeit, als dies geschah, hatten die Gelehrten mehr oder weniger einen polyhistorischen Anstrich und die Wissenschaften selbst flossen, da ihre Pflege von Personen abhängig ist, wegen dieses polyhistorischen Characters der Autoren durch einander. Im Vordergrund der Gelehrsamkeit standen die Universitäten mit ihren Professoren, die ihre Forschungen in allererster Linie ihren Zuhörern durch Vorlesungen unterbreiteten, und erst dann kamen letztere entweder durch die Lehrer selbst oder ihre Schüler in Buchform. So können wir auch in Bezug auf die Lehren vom Staate von einer grösseren Anzahl von Professoren nachweisen, dass ihre Vorlesungen erst viele Jahre später in die Öffentlichkeit gedrungen sind. Die Sprache, in der sie lehrten und schrieben, war die lateinische, welche den Ansprüchen damaliger Zeit kaum noch gewachsen war, und mit dem, durch die Lage der Dinge veränderten Erkenntnissstandpunkte nicht mehr Schritt zu halten vermochte, weshalb sie denn auch den neueren Nationalsprachen Platz machen musste. Dieser Übergang erzeugte aber zugleich Störungen bei begrifflichen Unterscheidungen.

Wir können dies an dem Ausdruck status, der uns an dieser Stelle besonders interessirt, am besten sehen. Das vieldeutige status, das „Stellung", „Verhalt" bzw. „Stand" und „Beschaffenheit" bedeutet, nahm die deutsche Sprache mit auf, und zwar, wie es bei v. Seckendorff der Fall war, vielfach mit „Ekel". Da „Stat" nur „die thatsächlich gegebene Lage" bedeutete, so wurde zur näheren Bezeichnung der Lage bzw. Beschaffenheit entweder ein Eigenschaftswort oder der Genetiv eines Hauptwortes hinzugefügt, indem man z. B. status civilis bzw. status politicus oder Bürgerstaat, status bellicus bzw. militaris oder Kriegsstaat, status maritimus bzw. rei navalis oder See- bzw. Schifffahrts-Staat, status rei publicae, ecclesiae oder Reichs-, öffentliche, kirchliche Angelegenheit u. s. w. sagte. Das Wort Staat hatte somit in den neueren Nationalsprachen keineswegs die auf das Politische eingeschränkte Bedeutung unserer Zeit, und auch die notitia status bedeutete nicht „Staatswissenschaft", sondern Kenntniss der Sachlage. Es war erst das Streben, bzw. der Erfolg des Strebens „den Staat wie

er wirklich ist", kennen zu lernen (statum imperii sive rei publicae noscere), was dem Worte Staat seine gegenwärtige Bedeutung verschaffte: man bedurfte eines Wortes für die thatsächliche Lage bzw. Verfassung des wirklich bestehenden Staates, und so liess man allmählich die nähere Bezeichnung „Civil, bzw. Politisch" (status politicus) aus.

Wenn nun in der Zeit, wo die von verschiedentlichen Gesichtspunkten ausgehende Betrachtung des politischen Staatslebens ein wichtiger Gegenstand des Universitätsunterrichts geworden war, von einem und demselben Professor gleichzeitig mehrere Seiten des politischen Staatslebens in einem Collegium zum Vortrag gebracht wurden, so konnten die verschiedenen Erkenntnissprincipien, von denen aus man den Staat (res publica) betrachtete, leicht durch einander geworfen werden, — anfangs wohl weniger von den Lehrern selbst, als vielmehr durch die Schüler, welche die Vorlesungen hörten. Denn noch bei Conring, der nichts weniger als ein systematischer Kopf war, finden wir das Bestreben, die wissenschaftliche Erkenntniss des politischen Staates von der blossen Staatenkunde zu scheiden, weshalb er denn auch schon in dem Anschlag des Collegiums (30. Novbr. 1660) seine Zuhörer darauf hinweist: „Initio enim praemittam nonnulla de usu tantae peritiae simulque docebo in communi, quid ad plenam notitiam singularis cujusque rei publicae requiratur atque unde illa sit petenda. Inde vero ad singulas respublicas faciam progressum, exordio ab Hispanica facto." Und so wie Conring, so schieden auch Andere neben und nach ihm die Staatenkunde von der notitia status, in welcher das Princip der Statistik erörtert wurde. So kündigte beispielsweise Martin Schmeitzel sein „Collegium politico-statisticum 1725 an: in quo praemissis doctrinae principiis generalibus Europae regna et status propinabit".

Wer unbefangen Conring's wissenschaftliche Absichten zu erfassen sich vornimmt, muss zur Überzeugung kommen, dass es sich bei ihm durchaus nicht bloss um Vorlesungen im Sinne der späteren Staatenkunde handelt, sondern dass er noch ganz auf den Schultern der älteren Statisten ruhte, d. h. eine status notitia im Sinne einer Wissenschaft vom Thatsächlichen kannte, angewandt auf die specielle Erkenntniss eines einzelnen Staates. So wenig alles das, was der grosse Polyhistor in verschiedenen Wissenschaften geleistet, Statistik ist, so wenig gehört alles zur Statistik, was er in seinen Vorlesungen zum

Vortrag gebracht hat. Diese übrigens ein halbes Jahrhundert nach seinem 1681 erfolgten Tode durch den Juristen Goebel in Helmstädt 1730 auf Grund von Niederschriften früherer Zuhörer Conring's veröffentlichten Vorlesungen als ein System zu beurtheilen, fehlt jeder Anhaltspunkt. Als diese Vorlesungen veröffentlicht wurden, hatte die Staatenkunde die Statistik auf den Universitäten bereits stark überwuchert, wenn es auch noch nicht gerade so weit gekommen war, wie zu A. F. Lueder's Zeit, der in seiner kritischen Geschichte der Statistik, dem denkbar unkritischsten Werke seiner Zeit, sich zu dem Ausspruch verleiten liess, „Conring's sogenannte Statistik sei nichts anderes als ein seltsames Gemisch von politischen Bemerkungen und historischen und statistischen Notizen zu einem Zweck, den man nicht begreift".

Dass später Manche den Werth der Statistik nicht mehr begriffen, lag eben darin, dass sie das Princip der Statistik nicht mehr begriffen, und unter letzteren stand Lueder obenan, der der Statistik nicht nur allen Werth absprach, sondern sie geradezu für gemeingefährlich hielt, indem er schrieb: „Mein Ziel war Vernichtung der Statistik und der mit der Statistik innigst verbundenen Politik" und hinzufügt: „In der mit der Statistik verbundenen Politik aber entdeckte ich ein Machwerk, das ebenso unsinnig als abscheulich war". Hätte sich Lueder das Verhältniss der Politik zur Statistik klar gemacht, so wäre sein Zweifel am Werthe der Statistik ein kritischer geworden und er hätte der Wissenschaft einen grossen Dienst leisten können, wogegen sein skeptischer Zweifel zur reinen Negation führen musste. Seine durch Tradition gewonnene Ansicht, „früher noch als die Statistik bildete sich die neuere Politik", und „diese Politik führte zur Statistik", war das verführerische Element für Lueder, und so liess er sich durch eine historisch unwahre Behauptung zu seiner oben erwähnten Folgerung verleiten; er verwechselte die politische Statistik mit der Statistik überhaupt und verschmähte es, einerseits das Princip der Politik und anderseits das Princip der Statistik zu erkennen, um aus dem wechselseitigen Verhältniss die Wahrheit zu erforschen.

Alles was ist, wird durch seine Berührung mit ausser ihm stehenden Dingen fortwährend zu einem Andern und hat also seine Entwickelungsfactoren nicht in sich, sondern ausser sich. Nur das Princip ist das Bleibende; was das Princip modificirt,

liegt ausser ihm; jenes ist der Grund, in diesem liegen die Bedingungen. Je mehr Bedingungen zusammentreffen, um die veränderte Erscheinung hervorzubringen, desto mehr geht anderes Dasein in das dadurch bedingte Produkt ein, desto höher ist dieses im Verhältniss zu dem, aus dem es geworden ist; darin liegt die Stufenleiter der Entwickelung. Aber die Entwickelung eines Princips ist nicht immer eine geradlinige, weil die von Aussen kommenden Entwickelungsfactoren, die ja eben in den Aussendingen liegen, unter sich nicht verwandt sind. So muss folglich das Princip durch die Verschiedenartigkeit der Objecte, mit denen es in Berührung kommt, nothwendig in Sonderheiten zur Erscheinung kommen. Das war auch hier bei der Politico-Statistik der Fall; sie erschien als eine Sonderheit der allgemeinen Statistik, wurde aber von Einigen als die Statistik überhaupt aufgefasst, und zwar mehr in ihrer äusseren Form, als in ihrem inneren Gehalt, d. h. in dem sie belebenden Princip, dem auch sie als blosse Specialstatistik ihr Leben verdankte.

Wie wir oben sahen, war auch die Politik eine andere geworden, und zwar hatte sich von ihr ebenfalls eine Specialpolitik abgezweigt, aber nur infolge der Specialstatistik. Während diese auf die Erkenntniss eines einzelnen Staates, wie er wirklich ist, abzielte, beschränkte sich die Specialpolitik auf „einen Staat, der sich wirklich in der Welt befindet oder mit dem Unsrigen in einiger Connexion stehet", (Weise's politische Fragen II. Th. S. 138). Lueder war diese Unterscheidung der älteren Gelehrten augenscheinlich nicht bekannt, obwohl die vorachenwallsche Literatur auf dieselbe hinwies. Martin Schmeitzel las nicht ein Collegium statisticum, sondern ein Collegium politico-statisticum, d. h. eine Vorlesung über politische Statistik oder Specialstatistik. Denn unter letzterer Bezeichnung figurirte die Politiko-Statistik hauptsächlich im Gegensatz zur Generalstatistik. Deshalb definirt auch das Zedler'sche Lexikon Band 39 vom Jahre 1744, — also vor Achenwall's Auftreten — Sp. 1286 die Specialstatistik, wie folgt: „Special-Statistick heisset, wenn man sich um alle Republicken, welche in der Special-Politick vorkommen, bekümmert und auf deren Absehen Achtung giebet". Daraus erklärt es sich, dass sich die Specialstatistik nur auf die Erforschung alles Desjenigen beschränkte, was zu jener Zeit von politischem Interesse war, während alles Übrige der Generalstatistik anheimfiel. Die Erkenntniss des Thatsächlichen vom Staat (notitia status rei publicae) war also in der

Zeit vor Achenwall nur ein Specialgebiet der allgemeinen Wissenschaft vom Thatsächlichen der Dinge. Wäre die Wissenschaft Statistik von ihres Daseins Beginn an die Wissenschaft vom Staate, bzw. Staatenkunde gewesen, warum hätten alsdann die Professoren ein Collegium politico-statisticum gelesen und von einer disciplina politico-statistica gesprochen? Es gab eben in der vorachenwallschen Zeit eine allgemeine Statistik als notitia status rerum, welche das Thatsächliche der Dinge überhaupt zu erkennen hatte, und von der die Politico-Statistik nur eine Besonderheit war, aber eine Besonderheit, die alle übrigen Theile wegen des grossen Interesses, das die politischen Verhältnisse der Gegenwart beanspruchten, weit überragte. Und weil das politische Leben im Vordergrund stand und zu mehrseitiger Betrachtung aufforderte, so trat eben eine Verschmelzung und Verquickung verschiedener Disciplinen ein, die Einige zwar zu verhindern suchten, aber wegen übertriebener Wortspaltereien vergeblich.

Es kann hier nicht der Ort sein, auf diese Verhältnisse noch näher einzugehen, da dies nur einer gründlichen Geschichte der Statistik als Wissenschaft zufallen kann; für vorliegenden Zweck handelt es sich nur um die Wiedervorführung ihres Princips, um das sich die heutzutage im Vordergrund stehende Technik mancherwärts gar nicht mehr kümmert. Eigentlich bedarf es heutzutage, wo festgestellt ist, dass von der scienza statistica bereits in einer Handschrift Girolamo Ghilini's vom Jahre 1587 gesprochen wird, kaum noch der Erwähnung, dass Achenwall nicht der „Vater der Statistik" genannt werden kann, noch weniger aber, dass er die Bezeichnung Statistik zuerst in Anwendung gebracht habe. Die Statistik hat als Wissenschaft vom Thatsächlichen ganze Jahrhunderte vor Achenwall bestanden. Dadurch dass man ihn zum „Vater der Statistik" erhob und seine geradezu groben Missverständnisse an der Bezeichnung „Statistik" und an dem Worte „status notitia" niemals aufgedeckt hat, ist es gekommen, dass man ihn zum Mittelpunkt der Statistik gemacht und nach seinen falschen Ansichten sogar seine angeblichen Vorläufer zu bestimmen versucht hat. Darnach soll die Statistik eine beschreibende „Staatswissenschaft" bzw. eine Staatenkunde sein und Schriften, die einen ähnlichen Character haben, werden einfach als Vorgängerinnen von Achenwall's „Abriss der neuesten Staatswissenschaft der vornehmsten Europäischen Reiche und Republicken. Göttingen 1749" betrachtet.

Die Frage, wie Achenwall zu seiner Statistik als „Lehre von den Staatsmerkwürdigkeiten“ kam, ist nicht schwer zu beantworten. Wie aus seinen eigenen Aufzeichnungen hervorgeht, war ihm die Etymologie des Ausdrucks Statistik ebenso unbekannt, wie die von statista. Er leitet "Statistic“ von dem italienischen ragione di stato ab, aus dem angeblich „die Italiener zuerst das Wort statista, i. e. homme d'état, Staatsmann formiert“. Ein Irrthum, der ihm wiederholt nachgesprochen worden ist und noch immer nachgesprochen wird. War nun bei Achenwall der statista ein Staatsmann (Politiker), und war ihm bekannt, dass die Statisten sich mit status notitiae beschäftigt hatten, so musste er logisch folgern, dass die letzteren in etwas beständen, was den Staatsmann anginge. So zauberte er, augenscheinlich durch den von Conring in einem ganz anderen Zusammenhang gebrauchten Ausdruck notatu digna irregeführt, seine „Staatsmerkwürdigkeiten“ hervor, indem er notitiae (Erkenntnisse) mit „Merkwürdigkeiten“ und status (des Thatsächlichen) mit „Staats“ übersetzte. So wurde aus der „Erkenntniss des Thatsächlichen“ die „Staats-Merkwürdigkeit“.

Indem nun Achenwall die bisherige Specialstatistik bzw. die Politiko-Statistik durch Weglassung des Wortes „Special“ bzw. „Politico“ zur alleinigen Statistik machte, während bis auf ihn das Object der Statistik unbegrenzt war, wurde er unbeabsichtigt der Urheber aller später entstandenen misslichen Streitigkeiten, die, wenigstens in Deutschland, bis in die neuere Zeit herein über das Object der Statistik geführt worden sind, und wodurch die Aufmerksamkeit einer Anzahl von Gelehrten, wenn auch nicht vollständig, doch immerhin vom Principe der Statistik abgelenkt wurde. Dass bei Achenwall selbst gleichwohl das Princip noch durchschimmert, verdankt er augenscheinlich dem noch nachwirkenden Einflusse älterer Schriftsteller, sowie seiner Lehrer, insbesondere Schmeitzel's, welche das Thatsächliche scharf betonten und aus deren Munde er erfahren hatte, dass die Statistik „die Sachen, wie sie wirklich sind“, zu erkennen habe, weshalb denn auch Achenwall erklärt, dass „Staatsmerkwürdigkeiten alle in einem einzelnen Staate wirklich angetroffene Sachen sind“ und die Statistik definirt als „Inbegriff der wirklichen Staatsmerkwürdigkeiten eines Reiches“. Die Definition der alten Statisten, dass status rerum notitiae Erkenntnisse der Dinge in ihrer Wirklichkeit sind, erfuhr also durch Achenwall's falsche Übersetzung von status

notitiae (Erkenntnisse des Thatsächlichen) eine eigenthümliche Interpretation, die der Statistik nicht förderlich war.

Dass Achenwall bei seinen Zeitgenossen und noch später zu einem so hohen Ansehen gelangen konnte, lag in den Verhältnissen seiner Zeit. Über den gegenwärtigen Zuständen in den Ländern schwebte selbst bei den herrschenden Häuptern tiefe Unkenntniss, und gleichwohl wollten sie ihr Volk absolut regieren; die Unterthanen ihrerseits, die nicht viel mehr wie jene von des Landes Zuständen wussten, dürsteten in dieser Beziehung nach Aufklärung, um ihre Interessen besser wahren zu können. Eben dies hatte ja bewirkt, dass die sog. Specialstatistik in den Vordergrund geschoben war und dass man auf den Universitäten nicht mehr bloss das Princip des Thatsächlichen behandelte, d. h. sich die Frage gegenwärtig hielt, wie man zu objectiver Erkenntniss gegebener Verhältnisse gelangen könne, sondern vielmehr, wie diese Verhältnisse bzw. Zustände in angemessener Form zur Mittheilung gebracht werden können. Conring's Notitia rerum publicarum war in dieser Hinsicht noch ein Zwitterding, nämlich Behandelung der Erkenntniss des Thatsächlichen einerseits und Schilderung bereits festgestellter Thatsachen anderseits und daher in ersterer Hinsicht nur für einen engeren Kreis verständlich; Achenwall's „Abriss der Staatsverfassungen der europäischen Reiche" dagegen war blosse Staatenkunde und daher für einen grösseren Kreis geschaffen.

Es ist eine bekannte, sich oft wiederholende Erscheinung im Wissenschaftsleben, dass sehr häufig nicht die grossen Geister in der Wissenschaft Schule machen, sondern diejenigen, welche, gerade weil sie nicht originell-schöpferisch, ja oft geistig beschränkt sind, die bereits zu Tage geförderten Gesichtspunkte in eine dem Tagesbedürfniss entsprechende Form zu giessen vermögen. Grosse Geister stossen wegen der Originalität ihrer Gedanken die Menge eher ab und können meist nur anregend wirken, während die kleinen Geister durch ihre leicht fasslichen Regeln und Formeln sich Anhänger verschaffen, welche nach dem Vorbilde ihrer Meister schablonenhaft arbeiten. Und dadurch entsteht die bekannte Wechselwirkung: derartige Schüler kommen auf kürzestem Wege durch ihre Lehrer zu äusseren Stellungen und die Lehrer durch die Massenproduction von Schülern zu immer höherem Ansehen.

Das war auch bei Achenwall der Fall, der nicht in der Abfassung der Erkenntnisse des Thatsächlichen, sondern in der

Sammlung von Merkwürdigkeiten, die den Staat betreffen, das Wesen der Statistik erblickte. Was in früheren Zeiten gar nicht zu den Obliegenheiten des Statistikers gehört hatte, nämlich eine äusserlich zusammenhängende Darstellung von Begebenheiten zu liefern, war allmählich zur Aufgabe der Statistiker geworden. Dies wäre an sich kein Nachtheil für die Statistik gewesen. Denn warum sollte Derjenige, der das Thatsächliche an den Erscheinungen erkannt und festgestellt hat, seine Erkenntnisse nicht zugleich in einer Form zur Darstellung bringen, welche für Andere leicht geniessbar ist? warum sollte man in so selbstloser Weise, wie jene alten Statisten, Erkenntnisse gewinnen, ohne den Ruhm zu beanspruchen, der einem Schriftsteller für die Darstellungen und Mittheilungen an das grosse Publikum von diesem gezollt wird? Dadurch wäre an sich der Statistik kein Abbruch geschehen. Dass Statistiker hinfort nicht mehr bloss diejenigen hiessen, welche das Thatsächliche erkannten, sondern auch diejenigen, welche das Erkannte darstellten, barg an sich ebenfalls keine Gefahr für das Wesen der Statistik; hatte ja doch auch schon vor Achenwall der Ausdruck statista nicht mehr bloss einen Thatsachen-Erkenner, sondern auch einen Thatsachen-Kundigen bedeutet. Und verstehen wir ja doch auch unter Historiker nicht bloss einen Forscher, sondern auch einen Darsteller, der in Bezug auf die von ihm niedergeschriebene Weisheit möglicher Weise kein Atom selbständig erforscht hat. Wahrheiten klar darstellen und sie Andern mittheilen ist eine Kunst, die nicht selten gerade dem tiefen Denker abgeht.

Was der Statistik durchaus schädlich war, war vielmehr, dass Viele, weil sie den Schwerpunkt auf die Darstellung legten, um der Darstellung willen Notizen herbeischafften, wo sie sie nur finden konnten. Ungeheure Massen von Stoff wurden fortan gesammelt und den statistischen Notizen vergangener Jahrhunderte gleich gestellt, obwohl sie nichts als einfache Beobachtungen enthielten, aber durchaus keine Erkenntnisse mehr waren. Denn aus Erkenntnissen des Thatsächlichen, aus status notitiae, waren ja eben „Staats-Merkwürdigkeiten" geworden; und so konnte ein Schlözer sich darüber ergehen, was staatsmerkwürdig und was nicht staatsmerkwürdig sei und ein Schema aufstellen, in dem die „Notizen" untergebracht werden konnten. Das Wort „Notiz" hatte eine ganz andere Bedeutung angenommen, und den Ausdruck „statistisch" wussten

Viele nicht mehr zu deuten. Da man jetzt eben nur noch Darsteller sein wollte, ergingen sich Einige in Raisonnements über die Mangelhaftigkeit der Facta und forderten, dass Andere sie ihnen, nur damit sie Darstellungen machen könnten, liefern sollten, ohne zu wissen, dass es ja in erster Linie zur Aufgabe des Statistikers gehört, solche Erkenntnisse vom Thatsächlichen selbst zu schaffen.

Das Wesen der Statistik suchte man im Schildern und Beschreiben und stritt sich nunmehr um die Form und den Inhalt der Darstellung, z. B., irregeleitet durch das Wort „wirklich", darüber, ob der Statistiker nur den jetzigen oder auch den vergangenen Staat zu schildern habe. Denn aus dem Ausdrucke „wirklicher Staat" machte man „gegenwärtiger Staat". Hatten die älteren Statisten, weil sie mangels directer Beobachtung aus dem Zusammenhang der Dinge, wie er in Grund und Bedingung und in Ursache und Wirkung gegeben ist, durch logische Schlussfolgerungen Thatsachen feststellen und ganz von selbst auch den Causalzusammenhang erörtern müssen, so stritten sich diese neueren Statistiker ferner, ob sie Facta oder auch die Ursachen mitanzugeben hätten. Als ob eine Thatsache schon dadurch erkannt wäre, dass man sie in ihrer Erscheinungsform schlechthin beobachtet, — übrigens ein Irrthum, in dem sich noch heute Viele bewegen! Jetzt, eingeschränkt in Bezug auf das Object und eingezwängt in einen ganz äusserlichen Schematismus hinsichtlich der Darstellung, wofür man eine bestimmte Formel erfunden hatte, tauchte eine Anzahl von Schriftstellern auf, die bei ihrer Darstellung hauptsächlich in Zahlen ausdrückbare Daten verwendeten.

Erkenntnisssen des Thatsächlichen auch in Bezug auf quantitativ messbare Erscheinungen hatten die alten Statisten jederzeit nahe gestanden, wie schon ein oberflächlicher Blick in die Kosmographien und Chroniken lehrt, in denen man auf zahlreiche status notitiae hinsichtlich der Grösse des Landes und der einzelnen Städte sowie ihrer Einwohnerzahl, ihrer Gewerbe und Handtirungen und vieler anderer Erscheinungen stösst, deren Berechnungen theilweise auf einen sehr gewissenhaften, grosse Schwierigkeiten überwindenden Erkenntnissprocess schliessen lassen. Jene Kosmographien und Chroniken hätten ohne jene status notitiae gar nicht entstehen können, und es ist abgeschmackt, wenn man, bloss weil uns die quantitative Bestimmungen enthaltenden Nachrichten als fertige Ergebnisse vorliegen, behauptet, dass

man in jener Zeit, wo die Notizen entstanden, noch gar keine Beobachtungen an sog. „quantitativen Massenerscheinungen" (über diesen verfehlten Ausdruck später) angestellt habe. Lehrt uns ja doch die Geschichte des byzantinischen und arabischen Reichs, die Geschichte der italienischen Städte, z. B. von Venedig, wo man es schon zum Ausgange des 13. Jahrhunderts den Gelehrten zur gesetzlichen Pflicht machte, Berichte über die Länder ihres jeweiligen Aufenthaltsortes einzuschicken, wo man schon zu Anfang des 14. Jahrhunderts Volkszählungen inaugurirte, im 15. Jahrhundert Denkschriften über Handelsverhältnisse veranlasste und über die städtischen Bauten Aufnahmen machen liess, dass man den Gebrauch der Ziffern und Tabellen sehr wohl gekannt haben muss. Dass man die Tabellen vernichtete, nachdem man Erkenntnisse des Thatsächlichen daraus gewonnen hatte, darf uns um so weniger auffallen, als wir ja selbst heutzutage noch auf unseren statistischen Bureaux — leider in unserer Zeit um weniger Groschen willen oft viel zu früh — die Urmaterialien wieder einstampfen, wenn sie ihren momentanen Zweck erfüllt haben.

Es berührt geradezu komisch, wenn man angesichts jener fertigen status notitiae über Grössenverhältnisse, die ja nur aus Ziffern-Tabellen hervorgegangen sein können, heutzutage thut, als ob erst ein Anchersen (1741) sich der Tabellenform bedient habe. Es fand eben auch in dieser Beziehung ein bedeutender Rückschritt statt. Da die Tabellen nicht mehr Mittel zum Zwecke der Statistik, nämlich das Thatsächliche zu erkennen, sondern Selbstzweck im Interesse der Darstellung geworden waren, durchforschte man die in die Tabelle eingetragenen Beobachtungen meist gar nicht mehr in Bezug auf die in ihr zu suchende innere Wahrheit des Thatsächlichen, sondern bot sie als etwas Wissenswerthes ganz ungeprüft dem Publicum dar. Es war daher eigentlich selbstverständlich, dass man derartige Tabellen als „Lügentabellen" in Verruf zu bringen suchte, indem man zugleich ihre Urheber, als „Tabellen- und Linearstatistiker" bzw. „Tabellenfabrikanten" oder „Tabellenknechte" zu beschimpfen unternahm. Die unerquicklichen Zänkereien jener Tage waren in ihrem inneren Gehalt nicht sowohl ein Streit darüber, ob man sich nur der Wortphrase oder der Zahlentabelle zu bedienen habe, wie so häufig behauptet wird, sondern im tieferen Grunde darüber, dass man durch einseitige Berücksichtigung der quantitativen Massen das Object der Statistik zerriss und

es dadurch seines inneren Lebens beraubte. Nur so lernen wir es verstehen, dass Heeren in den Göttinger gelehrten Anzeigen (1806 und 1807) unter Anderm erklärte: „Die politischen Arithmetiker geben uns von dem Staate einen Begriff, wie wir von einem Menschen erhalten aus der Angabe des Masses seiner Arme und Beine! . . . Ihre Rechnereien sind voll des erbärmlichsten, elendesten Kleinigkeitsgeistes; sind oft wahre Schülerexercitien. Sie haben aus der Statistik allen Geist, alles Leben verbannt. Sie haben die Statistik zu einem Skelett, zu einem wahren Kadaver herabgewürdigt, auf das man nicht ohne Widerwillen blicken kann". Es liegt ja eben in der Natur der Sache, dass, wenn man schon von vornherein die Betrachtung eines bestimmten Objects nur auf die in ihm liegenden Quantitätsverhältnisse einschränkt, auch die Erkenntniss eine beschränkte sein muss, und dass man, will man hinterdrein jene Einseitigkeit wieder gut machen, indem man nach den Ursachen des numerischen Produktes fragt, zu unerlaubten Schmuggeleien seine Zuflucht nehmen muss, weshalb ja auch heutigen Tages zwei genau dasselbe Material benutzende Zahlen-Statistiker in Bezug auf die Beurtheilung der Ursachen zu zwei sich vollständig widerstreitenden Ansichten gelangen können.

Wäre die Anklage gegen die Arithmetiker, dass sie die Statistik zu einem „Skelett" herabgewürdigt, nur deshalb erhoben worden, weil die Tabelle einen Gegensatz zur Wortschilderung bildete, so wäre die Anklage geradezu sinnlos gewesen. Soviel Wahrnehmungsvermögen hatten die „Göttinger" auch, um zu sehen, dass sich in den Werken der „gemeinen" Statistiker neben den Zifferntabellen ein ebenso reicher Worttext befand. Denn auch die Tabellenstatistiker, die übrigens in Bezug auf das Object mit der göttinger Schule übereinstimmten, d. h. nur das Gebiet der Special-Statistik cultivirten, beschränkten sich in ihrer Darstellung keineswegs auf Tabellen; vielmehr wurden diese gleichzeitig „mit einigem Raisonnement durchcolorirt". Aber dieses in Worten dargestellte Raisonnement stand in gar keinem inneren Connex zum Tabelleninhalt; vielmehr sollte das meist staatengeschichtliche und sonstige politische Beiwerk „die bloss durch Zahlen ausgedrückten statistischen Daten anziehender machen". Und anderseits war bei den Vertretern „der höheren und edlen" Statistik das Ziffernmässige gar nicht ausgeschlossen. So wenig ich der Achenwall'schen Schule und namentlich Achenwall selbst das Wort rede, so

wenig bin ich aber geneigt, in jenem Streit einen Streit „ohne allen vernünftigen Grund“ und „Professoren-Eigensinn“ zu erblicken, wie neuerdings v. Mayr von seinem einseitigen Standpunkte aus die Sache wiederum auffasst. Ist es vielleicht nicht „Professoren-Eigensinn“, wenn am Ende des 19. Jahrhunderts ebenfalls wieder der Versuch gemacht wird, ein an sich einheitliches Object dadurch zu zerreissen, dass man das Quantitative als einzige Domäne der Statistik betrachtet? Es giebt eben Leute, die aus der Geschichte einer Wissenschaft niemals Nutzen ziehen und es weder wollen noch können, weil sie ihr Eigensinn zu einer tieferen Forschung und Erkennung des Princips ihrer vermeintlichen Wissenschaft gar nicht gelangen lässt.

Der Streit war durchaus nicht „ohne allen vernünftigen Grund“. Während Niemann auf die Schwierigkeiten aufmerksam macht, Daten über die Produktion des Landes und dessen wirthschaftlichen Ertrag zusammenzubringen und hervorhebt, wie wenig sich hierin vollständig und zuverlässig genug erhalten lasse, traten Personen mit der Prätension auf, mittelst blosser Tabellen sehr zweifelhaften Ursprungs das Volk über seine Zustände belehren zu wollen! Darf man sich wundern, wenn Einige „literarische Gewissensbisse“ empfanden und man die Statistik scharf angriff?

Wenn die „Tabellenfabrikanten“ und „Linearithmetiker“ sich einzig an das hielten, „was in die Augen fällt: was gezählt, gemessen, gewogen werden kann, was also des Landes Grösse, Volksmenge, Produkte, Heer und Flotte, Einkünfte u. s. w. betrifft“, so mussten sie den Theil für das Ganze nehmen, die Qualität unberücksichtigt lassen und nur auf die Quantität achten, wie sogar Lueder richtig erkannt hatte.

Der bei Weitem grösste Theil der Erscheinungen im menschlichen Leben hat seine Bedeutung gar nicht allein in seiner Quantität, sondern in seinen qualitativen Eigenschaften; nur ganz wenige Erscheinungen interessiren uns als blosse Quantitäten. Die Dinge in der Welt sind, was sie sind, nicht durch sich, sondern durch ihr Verhalten zu anderen Dingen. Um sie in ihrer Thatsächlichkeit zu erkennen, ist es also immer erforderlich, zu erforschen, was die Dinge an sich sind und was sie im Laufe der Zeit durch ihre Beziehungen zu anderen Dingen geworden sind. Da nun alle Dinge bedingt sind, so findet eben eine Wechselwirkung der Dinge unter einander statt, und es gehört deshalb zum Verständniss der Objectivität (Thatsächlichkeit)

der Erscheinungen, das Verhältniss von Ursache und Wirkung der Dinge beim Erkenntnissprocess mit in Betracht zu ziehen.

Die allereinfachste numerisch bestimmte Thatsache kann man jedoch weder auf ihre Richtigkeit prüfen, noch auf ihr irgend etwas begründen, wenn man nicht erkennt, wodurch sie bedingt ist. Sehr häufig lässt sich nur das Bedingte, aber nicht das, von dem es bedingt wird, ziffernmässig erfassen. Macht man also das Numerische zur Hauptsache, so kann man immer nur Bruchstücke eines Ganzen haben und eine Erscheinung nie klar erkennen, also auch weder für ihre Richtigkeit eine Garantie übernehmen, noch auf ihr irgend einen Schluss bauen. Will man letzteren gleichwohl wagen, so kommt man über hohle Redensarten bezüglich des Verursachungssystems nicht viel hinaus, ja geräth nothwendigerweise in speculative Erörterungen, die die Grenzen des Thatsächlichen weit überschreiten.

Es ist indess eine bemerkenswerthe Erscheinung in der Geschichte des menschlichen Geistes, dass wichtige Erkenntnissprincipien, die einem bestimmten Bedürfnisse genüge leisten, wenn sie einmal entdeckt sind, wohl von einer einseitigen Richtung missachtet und zu selbstsüchtigen Zwecken missbraucht werden können, aber darum doch nicht aus der Welt verschwinden. Das Thatsächliche in den Erscheinungen der Dinge zu erkennen ist ein zu eigenartiges selbständiges Problem, als dass es unterdrückt werden konnte, wenn auch die Achenwall'sche Schule, in Missverständniss des Ausdruckes status notitia, die Lehre von den Staatsmerkwürdigkeiten an Stelle der Statistik gesetzt hatte. Noch lebte der Geist, der die Erkenntnisse vom Status der Dinge geschaffen, in den meist lateinisch geschriebenen Werken vergangener Zeit fort, namentlich ausserhalb Deutschlands. Ein Kreis von Gelehrten erkannte sehr wohl, dass „status" (stato) etwas Anderes als „Staat" sei, und dass diesem Worte eine andere Bedeutung zu Grunde liege.

Wenn Melchiore Gioja in seiner Filosofia della Statistica (Milano 1826) sagt: „Das Wort stato kann nichts anderes bedeuten, als die Summe der Merkmale (Eigenschaften), welche eine Sache in dem Augenblicke, wo sie beobachtet wird, characterisiren", so beweist dies jedenfalls ein Verständniss dafür, dass die statistische Beobachtung nur an die Merkmale der Erscheinungen anzuknüpfen hat. Denn während jede Beobachtung schlechthin immer auf einem aprioren

Urtheil beruht, d. h. stets einen Bestandtheil früherer Erkenntniss in sich birgt, lenkt die statistische d. h. die auf das rein Thatsächliche gerichtete Beobachtung ihre Aufmerksamkeit nur auf die Merkmale des Objects; alle Merkmale, welche einem Dinge zustehen, bilden eben seinen Status. In diesem Erkenntnissprincip liegt ja eben das Realprincip, dem die Statistik ihr Dasein verdankt. Überhaupt zeigt sich unter den italienischen Gelehrten bis in die ersten Jahrzehnte des 19. Jahrhunderts für dieses Princip ein viel grösseres Verständniss als bei den deutschen. So erkannte beispielsweise auch Romagnosi, dass die Statistik als Wissenschaft vom Status (stato) gar nicht auf den politischen Staat zu beschränken sei, weshalb er mit sicherem Takt auf einen ähnlichen Unterschied, wie er früher zwischen der allgemeinen und der Specialstatistik bestand, zurückgreift: er betrachtet das Object Staat gar nicht als das alleinige Object der Statistik, sondern findet im Object nur einen äusseren Eintheilungsgrund für das Gebiet der Forschung, weshalb er zwischen allgemeiner (commune) und staatlicher (civile) Statistik unterscheidet, im Ganzen aber eine Wissenschaft vom Status (stato) kennt.

Indess nicht bloss in Italien, sondern theilweise auch in Deutschland und anderen Ländern finden wir, wie schon angedeutet, jene Auffassung, dass die Statistik den Status zu erkennen habe, aufrecht erhalten: in Deutschland mit der Beschränkung auf das Object Staat, in Frankreich, wo von je die société eine beherrschende Rolle gespielt hat, mit der Beschränkung auf die Gesellschaft. Aber es ist bereits vor vielen Jahrzehnten darauf hingewiesen worden, dass der Streit, ob Staat oder Gesellschaft Object der Statistik seien, „am Ende nur ein Wortstreit ist", um so mehr als die société der Franzosen neben der société civile und industrielle auch die société politique (état) begreift und der Staat der Deutschen auch alle gesellschaftliche Kreise der Menschen umfasst und daher beide Begriffe denselben Inhalt haben". (Jonak S. 59). Dazu aber kommt, dass der französische Begriff der société, der deutsche vom Staat stets nur dem jeweiligen Standpunkte der philosophischen Forschung, der sie ja entlehnt sind, entsprechen. Auf jenem Standpunkte von Status steht auch Quetelet mit seiner Definition: La statistique générale ne nous présente qu'un tableau plus ou moins fidèle du corps social à un instant de son existence. (Lettres sur la theorie des probabilités ectr. p. 260 ff.).

Es kann hier nicht der Ort sein, auf die philosophischen Erörterungen einzugehen, die sich, namentlich in Deutschland, im Weiteren über das Wesen des Status, — von den Deutschen mit Zustand, bzw. mit Bestand übersetzt, — daran anschlossen, wie beispielsweise unter dem noch immer nachhaltenden Einflusse von Achenwall's „Staatsmerkwürdigkeiten", welche Merkmale (Eigenschaften) am Status bemerkenswerth und welche nicht bemerkenswerth seien, oder ob das Moment der Dauer als ein specifisches Merkmal des Zustandes angesehen werden müsse. Diese Expectorationen haben die Ansicht nicht aufhalten können, dass die Statistik eine Wissenschaft vom Status sei.

Da das letzte Ziel aller Erkenntniss stets ein practisches, practisch aber nur das ist, was einem bestimmten Zwecke dient, so pflegt sich der Practiker immer zu fragen, welchen Nutzen die Wissenschaft gewähren kann. Aber indem der Practiker vor Allem in der Gegenwart lebt, und die jeweiligen Zeitverhältnisse, von deren Geist er in erster Linie beherrscht wird, ihn besonders interessiren, so pflegt er häufig rückwärts die momentanen Zwecke als wesentliche Bestandtheile der Idee einer Wissenschaft zu betrachten. So konnte selbst Gioja, der den Status richtig formulirt hatte, es nicht unterlassen, seinem Begriffe der Statistik, als der Gesammtheit der sich auf ein Land beziehenden Kenntnisse hinzuzufügen: soweit die letzteren „einem jeden Bewohner oder einer Mehrzahl von Bewohnern, endlich auch der Regierung von Nutzen sein können". Andere Schriftsteller aber gingen noch weiter, indem sie den nützlichen Zweck (Verbesserung der socialen Lage, Beförderung des Wohlstandes und dgl.) noch specialisirten.

Der Zweck einer Wissenschaft kann ihr, obwohl sie in Wirklichkeit nur in der Praxis existirt, nie von Aussen dictirt werden; sie hat ihn vielmehr durch ihr unwandelbares Princip, das allen Zeitverhältnissen Rechnung trägt und zu tragen hat, bereits in sich, indem eben die Eigenthümlichkeit ihres Wesens zugleich der Zweck ist, der sich als Ursache beim Erkenntnissprocesse wirksam zeigt. Die äussere Verwendung wissenschaftlicher Ergebnisse steht unabhängig von dem Erkenntnisszweck einer Wissenschaft für sich da. Ob die statistische Erkenntniss für die Sozialwissenschaft, die Wirthschaftswissenschaft, ob sie zur Abstellung misslicher Zustände oder zu irgendwelchen anderen äusseren Zwecken benutzt wird, kann den Begriff der Statistik niemals abändern. Wohl können äussere

Umstände die Veranlassung zu statistischen Erkenntnissen werden; aber auch alsdann wird das Object von dem statistischen Erkenntnissprincip nur innerhalb des Rahmens des Principes erfasst und zur Erreichung dieses inneren, durch die Wissenschaft selbst gebotenen Zweckes ein Erkenntnissweg eingeschlagen, den das Princip gleichfalls vorschreibt. Denn jede wahre Wissenschaft wird weder durch ihr Object, noch durch ihre Methode, noch durch irgendwelche ausser ihr liegende Zwecke, sondern eben nur durch Das, worin sie ihren Anfang (principium, ἀρχή) hat, bestimmt. Unter Wissenschaft versteht man immer ein Ganzes, das in allen seinen Theilen in einem einheitlichen Princip ruht, was der deutsche Sprachgeist, der zwischen Wissensfach (Fachwissen) und Wissenschaft gut zu unterscheiden versteht, durch die Bezeichnung „schaft", was Ganzes bedeutet, ausdrückt. Ein Object kann wohl Wissensfächer, aber keine Wissenschaft begründen.

Wird das Object einer Wissenschaft erweitert oder ein Theil ihres Objectes fallen gelassen, so entspricht Dies stets nur einem practischen Bedürfniss. Während die Theorie auf die Einheit und das Allgemeine gerichtet ist, geht die Praxis auf die Unterscheidung und das Besondere aus, woraus die oft zu beobachtende Erscheinung erwächst, dass Practiker die Einheit und Allgemeinheit der Wissenschaft über das Besondere vergessen. Nun existirt aber das Allgemeine nicht ohne das Besondere, und das Besondere wird nicht erkannt ohne das Allgemeine, welches das Besondere begründet. Es geschieht daher nicht selten, dass einseitige Practiker, die sich lange Zeit hindurch mehr instinctiv als vollbewusst durch das Allgemeine, wie es durch das Princip der Wissenschaft gegeben ist, leiten liessen, schliesslich auf einem Punkte ankommen, wo das Allgemeine über dem Besonderen vollständig vergessen ist. Ja, es kann sogar geschehen, dass das Besondere geradezu an Stelle des Allgemeinen gesetzt wird und dadurch der Wahn entsteht, dass das Besondere das Allgemeine sei.

Das Besondere steht zwar im Gegensatz zum Allgemeinen, aber Allgemeines und Besonderes stehen in Relation. Das Besondere entsteht dadurch, dass das Allgemeine in das Anundfürsichsein übergeht, das Allgemeine entsteht, wenn das Besondere in den Zusammenhang übergeht. Denn wir werden uns des Allgemeinen bewusst, wenn wir uns des Zusammenhangs bewusst werden, der zwischen dem Fürsichseienden be-

steht. Wird uns dieser nicht deutlich, so haben wir keine Vorstellung vom Allgemeinen. Es erscheint uns alsdann, als ob jedes Besondere ein Anundfürsichsein ohne Zusammenhang mit etwas Allgemeinem sei, und wir sind geneigt, das Auftreten einer besonderen Erscheinung ausser allen Zusammenhang mit dem Allgemeinen zu setzen, mit dem das Besondere in Relation steht.

Es wäre niemals zu einem Streit über die Berechtigung der Arithmetik in der Statistik gekommen, wenn man sich des Verhältnisses vom Besonderen zum Allgemeinen stets klar bewusst gewesen wäre; und es würde auch in der Gegenwart aus gleichem Grunde jene einseitige Richtung, welche nur Das als der Statistik zugehörig betrachten will, was sich in Mass und Zahl ausdrücken lässt, gar nicht vorhanden sein. Es würde endlich niemals geschehen sein, dass Diejenigen, welche sich mit der Geschichte der Statistik beschäftigt haben, zu der übertriebenen Behauptung gekommen wären, mit dem Auftreten der politischen Arithmetiker in England sei die Wissenschaft der „Statistik heutigen Sinnes" begründet worden, die man sogar die „eigentliche Statistik" im Gegensatz zur „uneigentlichen Statistik" der früheren Zeit benennt.

In jeder Wissenschaft ist das Princip das Allgemeine, weil es nicht bloss ihr ursprüngliches Wesen, sondern auch das Wesen für die ganze Dauer ihres Daseins ausmacht. Alles, was nicht zu ihrem Wesen gehört, ist Unwesentliches, weil es zu Dem gehört, was ihr erst später im Laufe der Zeit zugekommen ist. Insofern es zu jenem allgemeinen Princip in Relation steht, kann es dem Princip gegenüber immer nur ein Besonderes sein. Zwei Dinge, die in vielen Merkmalen übereinstimmen, aber in ihrem wesentlichen d. h. Grund-Merkmal differiren, sind nicht identisch, und hinwiederum sind zwei Dinge, die in vielen Merkmalen differiren, trotzdem identisch, wenn sie in ihrem wesentlichen Merkmal übereinstimmen. Das Gleiche gilt auch von den Wissenschaften. Wenn die „Statistik heutigen Sinnes" ein anderes Princip hat, als die „Statistik älteren Sinnes", so besteht zwischen beiden keine Verwandtschaft; und es ist in solchem Falle dringend angezeigt, für die zwei unter sich nicht verwandten Wissenschaften zwei verschiedene Namen zu gebrauchen. Der blosse Anstand verlangt es alsdann, der älteren Statistik den Namen, den sie bisher getragen hat, allein zu überlassen. Aber es ist durchaus unstatthaft, von einer „uneigent-

lichen" und „eigentlichen" Statistik zu sprechen. Lässt es sich jedoch nachweisen, dass sowohl die erstere, als auch die letztere das gleiche Princip haben, so kann die „moderne" Statistik nur eine Besonderheit in der allgemeinen Statistik sein, die dadurch entstanden ist, dass das Princip in Relation zu Etwas, was bisher ausser ihm lag, getreten ist. Wir wollen versuchen, hier eine Klärung zu schaffen.

Bekanntlich überreichte John Graunt unter dem Titel Natural and political observations upon the bills of mortality etc. der Royal Society of London im Jahre 1662 eine Schrift, welche er auf Grund der Sterbelisten London's vom Jahre 1603 aufwärts und der Geburtenverzeichnisse derselben Zeit verfasst hatte. Er brachte darin die Thatsache zur Kenntniss, dass sich die beiden Geschlechter numerisch nahezu das Gleichgewicht halten, dass sich in London, trotzdem in den Listen mehr Gestorbene als Getaufte vorkommen, die Bevölkerung unausgesetzt vergrössere, dass also auf Kosten der Landtstädte ein starker Zuzug von Aussen statt finden müsse; dass sich die durch die Pest gerissenen Lücken in London's Bevölkerung regelmässig nach 2 Jahren wieder ausfüllen — und eine Menge anderer ähnlicher Erkenntnisse, die durch ihre Neuheit mit vollem Recht ein lebhaftes Interesse hervorriefen.

Man beraubt sich nun jeder nüchternen Erwägung und geräth in eine rein subjective Auffassung der Geschichte der Statistik, wenn man das „epochemachende Ereigniss" in der Entdeckung eines neuen Princips erblickt, wo es sich ja doch nur um die Anwendung eines längst bestandenen Princips auf ein noch nicht oder wenig bearbeitetes Object handelt. Niemand kann und wird Graunt das Verdienst abstreiten, welches er sich dadurch erwarb, dass er die Todtenzettel seiner Vaterstadt London studirte und darauf hinwies, dass in diesen „armen verachteten Zetteln" ein werthvolles Material liege, aus dem „einem Mitgliede des Parlaments und des königlichen Rathes ein grosser Nutzen erwachsen müsse". Niemand kann und wird es in Abrede stellen, dass durch Graunt's Beobachtungen bzw. Erkenntnisse ein neues Gebiet der Statistik erschlossen wurde, das in der Folgezeit eine grosse Zahl emsiger Arbeiter zur Nachachtung, bzw. Nachahmung anspornte. Eine wichtige Entdeckung ehrt stets ihren Entdecker, und ein solcher verdient nicht bloss bei seinen Zeitgenossen, sondern auch in der Geschichte einen Ehrenplatz. Dieser ist Graunt mit Recht zu

Theil geworden. Aber man darf auch hier nicht übertreiben. Man mag es dem Theologen Peter Süssmilch, dem die amtliche Statistik zwar viel Anregungen verdankt, der aber von der Aufgabe und Geschichte der Statistik wohl recht herzlich wenig wusste, nicht verdenken, wenn er sich von seinem naiven Standpunkte aus darüber wunderte, „dass diese Entdeckung (die Regelmässigkeit gewisser Erscheinungen im menschlichen Leben) dem Fleisse und der Geduld der alten Naturforscher entgangen sei, dass sie die Ordnung nicht erkannt, die sich unter den Menschen selbst befindet, da sie die Ordnungen am Himmel und die Verhältnisse in den tiefsinnigsten Wissenschaften der Mathematik ausgeforscht haben", und wenn Süssmilch diese Entdeckung derjenigen von Amerika gleich stellt: „Aber wer hat sich wohl derselben vor dem Graunt zur Einsicht in diese Ordnung bedient? Die Entdeckung war ebenso möglich, als die von Amerika; aber es fehlte ein Kolumbus, der in seinen Betrachtungen alter und bekannter Wahrheiten weiter ging als andere. So erging es dem Graunt, der in den Registern der Todten und der Krankheiten in London zuerst eine Ordnung wahrnahm und dadurch auf den glücklichen Schluss geleitet ward, dass dergleichen Ordnung auch in anderen Stücken des menschlichen Lebens sein dürfte. Und dieser Schluss reizte seinen Fleiss und seine Scharfsinnigkeit zu weiterem Nachforschen, wodurch er den Grund zu dieser Wissenschaft gelegt hat, die nicht nur ihren Liebhabern viel Vergnügen giebt, sondern die uns auch zur grösseren Erkenntniss des weisesten Urhebers dieser Ordnung der Natur ermuntert, ja die auch den Göttern der Erde, die zu Regenten der Menscheit bestellt sind, die ersten Grundgesetze der Staatswissenschaft zeigt". Man kann die Darstellung solcher Regelmässigkeiten wohl als Wissensfach, aber nicht als Wissenschaft bezeichnen.

Die Entdeckung jener Regelmässigkeit in der Geburts- und Absterbe-Ordnung würde Graunt keinen Ehrenplatz in der Geschichte der Statistik sichern, da ein durch Zufall bewirktes Finden eines Gegenstandes so lange bedeutungslos ist, als es ausser allem Zusammenhang zu denjenigen Gegenständen steht, durch den der gefundene Gegenstand erklärt werden kann. Derjenige, der die erste Aschenurne fand, konnte ihre Bedeutung, die sie im Systeme bekannter verwandtschaftlicher Erscheinungen hat, nicht ohne Weiteres erfassen; aber wir rechnen

es ihm als ein Verdienst an, wenn ihn jener Fund zu weiteren Ausgrabungen nach ähnlichen Gegenständen ermuntert. Trotz seiner Bemühungen und Erfolge würden wir ihm aber ein wissenschaftliches Verdienst absprechen, wenn er nicht die Fähigkeit besässe, die gemachten Funde als einen neuen Gegenstand in das System schon bekannter Erscheinungen einzureihen und ihm unterzuordnen.

Mir will scheinen, dass John Graunt sogar ein Verdienst um die Statistik in dem zuletzt angedeuteten Sinne zukommt. Denn „er wurde nicht nur auf den glücklichen Schluss geleitet, dass dergleichen Ordnung auch in anderen Stücken des menschlichen Lebens sein dürfte", sondern, was weit wichtiger ist: er wurde von dem Geiste der auch in England auftauchenden Gelehrtenkaste, die, allen Speculationen abhold, das Thatsächliche zu ergründen suchte, vollkommen erfasst. Der statistische Geist jener Gelehrtenzunft belebte ihn bei seiner Arbeit; es war nicht der flunkernde Geist der Schule Achenwall's mit dem ungeprüften Notizenkram, noch war es der Geist jener Zahlenmänner des 18. Jahrhunderts, die Zahlenangaben machten, weil es Zahlenangaben waren, sondern der Geist jener alten Statisten, die Genauigkeit erstrebten, weil sie die Dinge in ihrer Thatsächlichkeit (Objectivität) erkennen wollten.

Dieser Geist zeigt sich beispielsweise bei der kritischen Benutzung der ungenauen Tauflisten und in der Ausmusterung der nicht vertrauenswürdigen Todtenzettel, wie er denn auch im Vorworte seiner Schrift sich als ein echter „Statist" zu erkennen giebt, wenn er uns schildert, wie er im Nachsinnen über seine Zettel unterschiedliche Wahrheiten entspringen sah, wie er in seinen Beobachtungen fortfahrend sich überlegte, „ob die Erkenntniss derselben der Welt Vortheil bringen könne, da er nicht mit eitelen und unnützen Speculationen sich bemühen, sondern der Welt nur wahrhafte und wirkliche Früchte seiner Studien nach dem Beispiel der edelen Virtuosen in Greshams Collegium überliefern wolle, welche ihre subtilen Untersuchungen der Natur so einrichten, dass sie zu einfachem mechanischem Gebrauche nützlich sind". — Werden wir beim Lesen dieser Worte nicht an die selbstlose Arbeit der alten Statisten erinnert?

Wer John Graunt's Bemühungen unbefangen ins Auge fasst, wird in dessen „Observationen" nur ein Besonderes erkennen, das sich dem Allgemeinen, wie es im Principe der Sta-

tistik seinen Ausdruck findet, durchaus unterordnet und anschliesst. Denn da „status notitia" die Wissenschaft vom Thatsächlichen ist, so ist in ihr kein Platz für „eitele und unnütze Speculationen", sondern sie will durch „subtile Untersuchungen" objective, zu einfachem mechanischen Gebrauche anderer Wissenschaften bestimmte Wahrheiten zu Tage fördern. In diesem Sinne ist die Statistik sich Selbstzweck, weil sie die Verwerthung der durch sie gewonnenen Erkenntnisse Anderen überlässt, wie es schon die ältesten Statisten gethan haben, indem sie ihre notitiae den Historiographen und Chronikenschreibern zum Gebrauch übergaben. Das fühlte auch Graunt, wenn er sagt: Sollte aber Jemand fragen, wozu all dies mühsame Grübeln und Forschen über solche Dinge diene, so könne man hierauf nur antworten, dass Derjenige, der den Grund und Zweck solcher Untersuchungen nicht begreife, auch kein Recht habe, danach zu fragen. Im Übrigen bedauert er auch, „wie unter Denjenigen, welche wissenschaftliche Speculation treiben, so wenige die Natur der Dinge und diese selbst studiren". Also hinsichtlich des principiellen Erkenntnissstandpunktes, nämlich des Studiums der Natur der Dinge (status rerum), unterscheidet sich Graunt in nichts von dem Standpunkte der Statisten. Somit liegt das Unterscheidende nur in der Ausnutzung eines bisher unbeachtet gebliebenen Materials und in der Neuheit des Erkenntnissinhalts. Aber wird durch Unterwerfung eines neuen Untersuchungsmaterials unter den Gesichtswinkel des Princips einer Wissenschaft, bzw. durch ein neues Forschungsergebniss jedesmal eine neue Wissenschaft begründet? Wieviele neue Wissenschaften hätte alsdann beispielsweise die Chemie schon gezeitigt? Und hat denn die Statistik nur die Aufgabe, die Erkenntnisse älterer Wahrheiten zu bestätigen oder nicht vielmehr auch die Aufgabe, neue Erkenntnisse zu Tage zu fördern?

Es handelte sich bei Graunt lediglich um die Erschliessung eines neuen Objects, bzw. Materials für die statistische Erkenntniss und, weil die Erkenntnissmethode vom Object mit beeinflusst wird, um eine theilweise veränderte Methode der Untersuchung. Denn die gleiche Anwendung eines und desselben Erkenntnissprincips auf zwei verschiedenartige Objecte kann unter Umständen zwei besondere Methoden erheischen. Nun kann aber eine Wissenschaft niemals durch Object und Methode, sondern nur durch ihren im Princip liegenden Erkenntnisszweck ihre Selbständigkeit erlangen. Denn die Methode hat nicht für

sich Existenz, sondern beruht auf dem Princip einer Wissenschaft, durch welches sie die Richtung nach dem Ziele empfängt; und das Object ist es, was die Methode zugleich abändert.

Dass sich Graunt bei seiner Arbeit der Kalkulation bediente, ward von der Eigenthümlichkeit des Objects seiner Untersuchungen geboten. Denn überall da, wo das Thatsächliche, was man erkennen will, in Collectiven besteht, die in Einzelnes aufgelöst, eine Vergleichung absolut nicht zulassen, weil eben das viele Einzelne seiner Gleichartigkeit wegen unter einen einheitlichen Begriff fällt, wird Zählung zur Nothwendigkeit. Wenn Graunt beispielsweise feststellen wollte, in welchem Verhältniss die Knabengeburten zu den Mädchengeburten stehen, so handelte es sich auf beiden Seiten um gleichartige Dinge, die in ihrem thatsächlichen Verhältniss zu einander ohne vorausgegangene Zählung gar nicht erkannt werden könnten. Was unter einen und denselben Begriff fällt, muss bei jedem logischen Denken zusammengefasst werden; aber ob die unter denselben Begriff fallenden Dinge zu zählen sind, hängt von dem jeweiligen Erkenntnisszwecke ab. Nicht jede Erkenntniss des Thatsächlichen erheischt somit eine Zählung. Untersuchungen, ob Heuschrecken oder andere Factoren die Ernte geschädigt, ob grosse Schneefälle oder andere Umstände den geringen Schulbesuch der Kinder beeinträchtigt haben, werden durch Zählung der Heuschrecken und Kinder nicht exacter, wenn die betreffenden Beobachtungen an sich richtig angestellt sind, d. h. anderweit erwiesen ist, dass nicht andere als die angeführten Umstände, und nur diese allein die Ernte bzw. den Schulbesuch beeinflussten. Nicht Zählungen machen einen Erkenntnissprocess zu einem statistischen, sondern der statistische Erkenntnissprocess erfordert unter Umständen Zählungen und Berechnungen, wie wir alsbald noch näher auseinandersetzen werden.

Wenn jemand die Materialien der Völkerkunde zu einem systematischen Beobachtungsprocess dadurch benutzt, dass er die das Familien- und Eheleben betreffenden Erscheinungen auf ihre reinen Thatsachenmerkmale untersucht, indem er die gleichbleibenden Merkmale durch Ausscheidung der veränderlichen Merkmale aufdeckt und dann durch Combinationen aller veränderlichen Merkmale mit den gleichbleibenden Merkmalen die möglichen Entwickelungsformen beider Institute zu finden sucht, um sie mit den im Völkerleben wirklich angetroffenen Instituten zu vergleichen, damit auf diese Weise das den ver-

schiedenen wirklichen Erscheinungsformen zu Grunde liegende Thatsächliche erkannt werde, so wird jeder mit dem Princip der Statistik und der durch ihr Princip gegebenen Aufgabe Vertraute jenen Erkenntnissprocess als einen statistischen bezeichnen, auch wenn bei diesem Process von einer Zählung der vorhandenen Ehen und Familien, was ja ein Unsinn wäre, gar nicht die Rede sein kann.

Denn hierbei handelt es sich um die Aufdeckung von Grund und Bedingungen einer Vielheit von Erscheinungen und um den Beweis, dass überall da, wo die und die Bedingungen vorhanden sind, das Wesen der betreffenden Erscheinung nothwendig in einer ganz bestimmten Form zur Erscheinung kommen muss. Wären uns der Grund und die Bedingungen, unter welchen eine Knaben- oder Mädchengeburt mit Nothwendigkeit eintritt, bereits ganz genau bekannt, so dürfte vom rein wissenschaftlichen Standpunkte der Statistik aus eine Zählung der Knaben- und Mädchengeburten vollständig überflüssig sein. Denn sobald Grund und Bedingungen bekannt sind, hört das Interesse der Statistik an der Zählung auf. Wenn man in solchen oder ähnlichen Fällen trotzdem weitere Zählungen unternimmt, so liegt alsdann der Zweck der Zählungen ausserhalb des Gebietes der Statistik, weil die Statistik mit der vollendeten Erkenntniss des Thatsächlichen ihren Erkenntnissprocess als abgeschlossen betrachtet. Jede anderweitige Verwerthung statistischer Erkenntnisse liegt ausserhalb ihres Gebietes.

Wenn wir Graunt's Leistungen unzweifelhaft als statistische bezeichnen können, so ist dies bei Petty, dessen vielseitige, mehr aufs Practische gerichtete Thätigkeit ihm wohl einen Ehrenplatz in der Geschichte der Nationalökonomik verschafft hat, nicht der Fall. Ist es ja doch bekannt, dass sich der Tadel, den er sich selbst unter Nationalökonomen zugezogen hat, im letzten Grund auf Mangel an statistischer Befähigung zurückführen lässt, indem er mit den Ziffern, die er handhabt, „etwas keck umspringt" (Roscher). Es kam Petty nicht sowohl darauf an, das Thatsächliche an den Erscheinungen zu erkennen, als vielmehr aus festgestellten oder besser: aus festgestellt geglaubten Thatsachen Folgerungen abzuleiten für ausserhalb der Statistik stehende Zwecke, und zwar mit Hülfe des mathematischen Kalküls, was ihm — ob mit Recht bleibe dahin gestellt — den Namen des Begründers der nach seinem Hauptwerke benannten „Politischen Arithmetik" verschafft hat. Petty selbst will in

seinem Werke „nur solche Aufzeichnungen benutzen (!), welche die Aussicht bieten, dass sie später durch die Staatsgewalt zur Sicherheit erhoben werden", da sich seiner Ansicht nach „eine Regierung mit diesen Dingen zu beschäftigen habe". Das also, was heutzutage die sog. amtliche Statistik feststellt, soll ihm nur als Unterlage für seine mathematischen Zwecke dienen, und anderseits wieder soll nach seinen eignen Worten die Nutzanwendung solcher Untersuchungen, die er Politische Arithmetik benennt, für die Kenntniss des wahren Zustandes in Volk, Land, Kapital und Handel u. s. w. beweisen. Petty war ein zu gut geschulter vielseitiger Kopf, als dass er sich nicht klar bewusst gewesen sein sollte, welche Stellung seine politische Arithmetik zu der Wissenschaft (Statistik) einzunehmen habe, welche ihm einestheils das Material zu liefern hatte, und der er anderseits Nutzen bringen wollte. Nicht Petty, sondern einige moderne Statistiker trifft die Schuld, wenn die politische Arithmetik mit der Statistik verwechselt wird; ihm selbst ist das Verhältniss beider zu einander klar.

Die politische Arithmetik hat mit der Statistik Berührungspunkte und sie leisten sich gegenseitig Dienste: die Statistik der politischen Arithmetik, indem sie dieser ihre wissenschaftlichen Erkenntnisse, soweit sie in Ziffern zum Ausdruck kommen, zur Unterlage von Berechnungen anbietet, die politische Arithmetik der Statistik, indem sie vermittelst der von ihr erfundenen Rechnungsmethoden der Statistik dazu verhilft, Thatsächliches zu erkennen. Aber in ihrem Erkenntnisszweck gehen beide Wissenschaften auseinander. Wenn das Thatsächliche, das zu erkennen eben Zweck der Statistik ist, nur aus dem Zusammenhange der Erscheinungen erkannt werden kann, so kann sich, wie bereits oben gezeigt, die Statistik gar nicht bloss auf Das beschränken, was zählbar ist, weil eben die Relationen der Dinge unter einander nicht bloss in Quantitäten, sondern auch in Qualitäten zur Erscheinung kommen. Was müsste das für eine Statistik der Forsten und Wälder sein, die sich rein auf Zahlenreihen beschränken wollte! was für eine dürftige Erkenntniss der thatsächlichen Sachlage dieses hochbedeutsamen Wirthschaftszweiges könnte uns alsdann erschlossen werden? Doch anderseits könnte auch eine Erkenntniss des Thatsächlichen nicht erzielt werden, wenn die Statistik die Arithmetik nicht zum Hilfsmittel nähme. Denn da jeder Sachverhalt (das Thatsächliche) ein Zusammenhang unter einander in Rela-

tion stehender Sachen ist, die wegen ihrer qualitativen Verschiedenheit den Verhalt begründen, so muss Alles, was qualitativ einheitlich ist, zusammengefasst werden, wenn die Grösse der Qualität in ihrer zeitlichen oder räumlichen Vertheilung bestimmt werden soll. Wenn ich z. B. bei Durchforschung des Viehbestandes die Eigenschaft des Unausgewachsenseins gegenüber der des Ausgewachsenseins der Thiere bestimmen will, so bleibt mir nichts übrig, als einerseits die nicht ausgewachsenen Thiere und anderseits die ausgewachsenen Thiere, beide für sich, zu zählen, weil nur die Zahl der beiden sich qualitativ von einander unterscheidenden Thiere mir das thatsächliche Verhältniss des von mir zu wissen verlangten Qualitätsunterschieds-Grades aufdecken kann. Denn das Qualitative haftet immer an der Quantität, und wollen wir den Grad haben, so müssen wir zählen und erhalten alsdann das Quantum der Qualitäten, das sich entweder als ein Mehr oder als ein Weniger herausstellt, so dass wir sagen können, es gäbe mehr (oder weniger) ausgewachsene als unausgewachsene, bzw. in Zahlen ausgedrückt: ein Verhältniss von beispielsweise 100 Ausgewachsenen zu 50 Unausgewachsenen.

Statistische Zahlen drücken daher immer ein Verhältniss aus, weil sie zur Erkennung eines Sachverhalts dienen; und da in der Statistik, ihrem Begriffe als der Erkenntniss eines Sachverhalts (notitia status) gemäss, das Zählen nur zur Erkenntniss eines Sachverhalts dient, der Sachverhalt aber nicht nothwendig in einem numerisch ausdrückbaren Verhältniss zu bestehen braucht, so kann das Zählen kein Essentiale der Statistik sein. Blosse Zählungen, die nicht zur Erkenntniss eines Sachverhalts dienen, gehen die Statistik als solche nichts an, und es steht im vollen Widerspruch zum historischen Princip der Statistik, wenn man das sog. Volkszählungswesen schlechthin als Sache der Statistik betrachtet und wohl gar beide mit einander identificirt. Es ist auch hierbei dringend geboten, sich über diese Beziehungen Klarheit zu verschaffen, d. h. zu untersuchen, in welchen Punkten beide verwandt sind und worin sie sich principiell ausschliessen. Indem wir den Versuch dazu machen, wollen wir zugleich auch das heutzutage Zählungszwecken unterworfene Registrirungswesen mit in die Betrachtung herein ziehen.

Soweit wir in die Geschichte der Kulturvölker des Alterthums und der Neuzeit zurückblicken können, begegnen wir

einerseits Aufzeichnungen gewisser Ereignisse oder Handlungen, anderseits Zählungen und Messungen mannigfacher Art. Ich brauche in ersterer Hinsicht nur an die Geburts- und Todtenregister, die Bürger- und Ämterverzeichnisse, die Zunftlisten, die Steuerpflichtigkeitslisten, Rechnungen und dergl., und hinsichtlich der letzteren an die Mannschaftszählungen, sowie an die Land- und Grundeigenthumsvermessungen zu erinnern. Ihre ursprünglichen Zwecke waren verschiedenartig; z. B. bei den Begräbnisslisten (Diptycha mortuorum) oder anderen ähnlichen Aufzeichnungen der Kirche bezweckten sie die Buchung der bezahlten Gebühren für geleisteten priesterlichen Beistand.

Dass solche Aufzeichnungen, wenn sie längere Zeit fortgesetzt sind, oder solche frühere Vermessungen und Zählungen, wenn sie der Nachwelt überliefert werden, deren Interesse erregen, bedarf kaum der Erwähnung. Überlieferungen der Vergangenheit, in welcher Form und Gestalt sie auch auftreten mögen, üben auf die nachfolgenden Geschlechter stets einen gewissen Reiz aus. Daraus erklärt es sich, dass, wenn der menschliche Geist nur einigermassen zu historischem Bewusstsein gelangt ist, derartige Vermächtnisse der Vorfahren nicht nur conservirt, sondern auch zu zusammenfassenden Darstellungen verwerthet werden. Nur pflegt freilich die Benutzung derselben wegen der noch mangelnden historischen Kritik anfänglich sehr primitiv zu sein, indem man sie ohne Weiteres, weil gegeben, zu Darstellungen verwendet. Da nun der Darsteller stets das Bestreben hat, Zusammenhang herbeizuführen, so kommen eben Gesammtdarstellungen zu Stande, in denen Wahrheit und Dichtung eng bei einander wohnen, — Gesammtdarstellungen, wie wir sie bereits oben in den Kosmographien und Chroniken ältester Art kennen lernten. Sie treten erst dann in das Bereich der Statistik, wenn sie zu objectiven Erkenntnissen verwerthet werden, wie sie auch wirklich von den Statisten zu status notitiae frühzeitig verwerthet worden sind.

Es heisst die Wissenschaft Statistik und ihre Geschichte missverstehen, wenn Georg von Mayr in seiner sog. „Theoretischen Statistik" bei Behandelung ihrer Geschichte von jenen Listen bzw. Zählungen und Messungen behauptet, sie stellten statistische Processe dar, und wenn er sie als „statistische Kunst" oder als „das äusserlich ersichtliche statistische Thun, d. i. die elementare Massenbeobachtung socialer Massen" bezeichnet. Wenn Herr von Mayr zu einem Postschreiber, der die recom-

mandirten Briefe in sein Buch einträgt, oder zu dem Registrator, der die eingezahlten Gelder auf der Sparkasse bucht, oder zu einem Standesbeamten bzw. Küster, der die Geborenen und Verstorbenen verzeichnet, sagen würde, seine Handlungen seien „ein äusserlich ersichtliches statistisches Thun" und er stelle „Massenbeobachtungen" an, so würde er von diesem etwa folgenden Aufschluss erhalten: „Den Ausdruck ‚äusserlich ersichtliches statistisches Thun' verstehe ich nicht und will darüber auch nicht weiter nachdenken, damit ich mich nicht um meinen gesunden Menschenverstand bringe. Was aber die Sache selbst betrifft, so beobachte ich gar nichts, ausser meine Vorschriften und beachte nur, dass ich nichts an die falsche Stelle oder unvollständig eintrage und allenfalls noch, dass ich keine Klexe mache; im übrigen registrire ich nur und zähle am Ende der Seite die einzelnen Posten zusammen. Darin unterscheide ich mich in nichts von meiner Frau, die in ihr Wirthschaftsbuch die eingekauften Gegenstände, wie Brot, Butter, Käse und Eier verzeichnet und hinter jeden Posten den Preis einschreibt und ebenfalls am Ende der Seite bzw. am Schlusse des Monats Alles zusammenzieht. Auch sie weiss nichts von Massenbeobachtungen und äusserlich ersichtlichem statistischen Thun".

Jene Listen und Register, den verschiedensten Zwecken ihrer Zeit entsprungen, haben an sich mit der Statistik nichts gemein, und sie als „statistische Kunst" der Geschichte der Statistik einzuverleiben, fehlt jede Berechtigung. Hätte v. Mayr darin recht, dann wäre die ganze civilisirte Welt nicht bloss der Vergangenheit, sondern auch der Gegenwart mit statistischen Künstlern überfüllt; unsere Frauen mit ihren Haushaltungsbüchern, die Kneipwirthe und Schneider mit ihren Schuldnerverzeichnissen, die Schinkenräucherer mit ihren Aufzeichnungen der Interessenten — sie alle wären „statistische Künstler" und ihre Aufzeichnungen „ein äusserlich ersichtliches statistisches Thun". Über seine Auseinanderhaltung der statistischen Kunst in dem eben angeführten Sinne von der statistischen Wissenschaft ist v. Mayr augenscheinlich höchst entzückt, weshalb er am Schluss seiner sog. Theoretischen Statistik bemerkt: „Eine erschöpfende bis zur Neuzeit fortgeführte Geschichte einerseits der statistischen Kunst, anderseits der statistischen Wissenschaft giebt es nicht, und soweit Geschichtsschreibungen vorliegen, ist es gerade mit der Auseinanderhaltung der ‚Kunst' und der ‚Wissenschaft' schlecht bestellt". Dass es damit schlecht be-

stellt ist, scheint mir ein untrüglicher Beweis dafür zu sein, dass es mit dem gesunden Urtheile aller Derjenigen, welche bisher die Geschichte der Statistik behandelt haben, noch gut bestellt ist. Denn nur Das gehört in die Geschichte der Statistik, was unter das Princip und den Begriff der Statistik fällt. Es charakterisirt daher v. Mayr's verschwommene Denkweise, wenn er (Theor. Statistik S. 165) erklärt: „die erschöpfende Geschichte der weiteren Entwickelung der statistischen Kunst vom Ausgange des Mittelalters bis in das laufende Jahrhundert herein ... ist noch zu schreiben. Sie wird meines Erachtens in vielen Beziehungen werthvollere Ergebnisse liefern als die Registrirung der öden Schulstreitigkeiten über den Begriff der Statistik, welche in der Geschichte der statistischen Theorie einen breiten Raum beanspruchen". Würde sich v. Mayr über die grosse Tragweite des historischen Begriffs der Statistik klar geworden sein, so würde er so etwas nicht schreiben und ein Verständniss dafür haben, dass die statistische Kunst nicht durch ausschweifende Speculationen, sondern nur durch den Begriff der Statistik gefördert werden kann.

Es wird keinem Historiker einfallen, in den von ihm benutzten diplomatischen Aktenstücken und sonstigen archivalischen Dokumenten „ein äusserlich ersichtliches historisches Thun" oder eine „historische Kunst" zu erblicken; und ebenso wenig dürfte ein Philolog in den uns überkommenen Werken der Schriftsteller des Alterthums „ein äusserlich ersichtliches philologisches Thun" erkennen. Denn erst dann gehört ein Gegenstand einer Wissenschaft an, wenn er unter den principiellen Gesichtswinkel der betreffenden Wissenschaft gestellt wird; so lange dies nicht geschehen, steht er ausserhalb derselben. So wenig diplomatische Aktenstücke für die Historik und Werke eines Caesar, Cicero, Herodot u. s. w. für die Philologie geschrieben sind, so wenig sind jene Registrirungen älterer Zeit für die Statistik bestimmt worden. Sie sind erst dadurch der Statistik näher gebracht worden, dass man in einigen derselben Brauchbarkeit zur Erkenntniss des Thatsächlichen vergangener Zeiten entdeckte, und insofern können sie geeignet sein, der historischen Statistik zu dienen. An und für sich stehen sie ebenso ausserhalb der Statistik, wie beispielsweise die Wirthschafts- bzw. Haushaltungsbücher unserer Hausfrauen, um deren statistische Ausnutzung mehrere Gelehrte der Neuzeit sich unzweifelhafte Verdienste erworben haben. Da

die qualitativ verschiedenen wirthschaftlichen Ausgaben ihren Ausdruck in quantitativ bestimmten Marktpreisen finden, so kommt selbstverständlich hier das Numerische zum Ausdruck. Aber nicht deshalb, weil das Quantitative in ihnen zum Ausdruck kommt, sind sie unter den Gesichtswinkel des statistischen Princips gestellt worden, sondern das statistische Princip wird auf diese Erscheinungen angewandt, weil es von Interesse ist, eine Erkenntniss darüber zu gewinnen, wie hoch sich thatsächlich die Ausgaben in wirthschaftlichen Haushalten belaufen. Die theilweise oder sogar totale Ausnutzung der in solchem Material enthaltenen Qualitäten unter Vernachlässigung des Quantitativen würde aber nicht minder ein Object der Statistik sein können, wenn nämlich die Absicht des einen Thatbestand feststellenden Statistikers auf Erkenntniss bloss qualitativer Beziehungen hinausliefe, z. B. um zu erkennen, an welchen Tagen der Woche irgend eine Waare vorzugsweise gekauft wird, oder in welchen Monaten besonders Luxusausgaben gemacht werden und welche Beziehungen dies zu gewissen Ereignissen, z. B. der Auszahlung der Gehälter, zu gewissen Familienereignissen, öffentlichen Vergnügungen und dergleichen gehabt hat. Der Combinationen sind hier sehr viele denkbar, und das Interesse an dem bloss Qualitativen kann unter Umständen ebenso gross, wenn nicht gar grösser sein als das an dem bloss quantitativen Moment jener Erscheinung. Die einseitige Betonung des in Zahl und Mass Ausgedrückten verleiht einer Untersuchung niemals ihren statistischen Charakter, sondern sie empfängt ihn nur dadurch, dass sie aus dem Gesichtspunkt des statistischen Princips, nämlich der Erkenntniss des Thatsächlichen an den Erscheinungen, erfolgt.

Sowie es keinen gebildeten Menschen giebt, der nicht zählt, so giebt es auch keine Wissenschaft, die nicht von der Arithmetik Gebrauch machte. „Die Zahlen sind die Mächte des Kosmos“ (Humboldt), und jeder ernste Forscher handhabt sie je nach der Verschiedenheit des principiellen Standpunktes seiner besonderen Wissenschaft. Auch in den status notitiae der ältesten Statisten begegnen wir bereits numerischen Bestimmungen, gleichzeitig aber auch Erkenntnissen des Thatsächlichen, welche keine Zahlenverhältnisse enthalten; letztere haben sogar das Übergewicht. Der Gebrauch der Zahl hängt beim Statistiker in erster Linie von seinem Beobachtungsverfahren ab. Findet er Erscheinungen, die ihm gleichartig dünken, d. h. unter einen

und denselben Begriff fallen, so zählt er sie. Ob Dinge gleichartig sind oder besser für gleichartig gehalten werden können, ist das Ergebniss der Beobachtung, mit der der Statistiker seinen Erkenntnissprocess beginnt. Da es keine gleichartigen Dinge an sich giebt, so würde der Statistiker nicht zählen können, wenn er nicht durch seine Beobachtung zuvor erkannt hätte, dass es für seinen jeweiligen Erkenntnisszweck gleichartige Dinge giebt.

Es erhebt sich für uns deshalb die Frage: in welchem Verhältniss stehen Beobachtung und Zählung? Nach v. Mayr sind Beobachtung und Zählung identisch; denn er belehrt uns neuerdings (Statistik und Gesellschaftslehre II. S. 17): „Die auf directe Ermittelung der Bestandsmasse der Bevölkerung gerichtete Massenbeobachtung heisst Zählung oder Volkszählung". Was v. Mayr „Bestandsmasse der Bevölkerung" nennt, bezeichnen wir übrigen Sterblichen mit „Bevölkerungsstand", worunter man kurz gesagt die Gesammtheit der gleichzeitig Lebenden versteht, im Gegensatz zur „Bewegung der Bevölkerung", wofür v. Mayr „Bewegungsmasse" sagt, und worunter man den innerhalb der gleichzeitig Lebenden eintretenden Wechsel begreift. Da v. Mayr den „Stand" allein ins Auge fasst, so wird es für unseren Zweck genügen, das Wesen der Beobachtung nur für den Stand in Berücksichtigung zu ziehen. Doch sei zur Vermeidung von Missverständnissen hervorgehoben, dass das eigentliche Object der Beobachtung die Veränderungen sind, die sich an einem Gegenstande auffinden lassen, seien es Veränderungen, welche der Gegenstand im räumlichen Nebeneinander seiner Bestandtheile zeigt, oder Veränderungen, die er zeitlich nach einander erfährt, mögen sie bleiben oder später wieder verschwinden oder sich unmittelbar gegenseitig aufheben. Was keine Veränderungen erleidet und woran keine Unterschiede entdeckt werden können, ist für unser Bewusstsein nur (ungestaltete) Masse und somit beobachtungsunfähig. Wir beobachten einen Gegenstand in seinem ruhenden Dasein (Stand) dadurch, dass wir ihn in seine kleinsten Bestandtheile zerlegen und die Art, wie er aus diesen zusammengesetzt ist, nachweisen. Die Beobachtung einer „Bestandsmasse" besteht also vorerst in einer Analyse seiner kleinsten Bestandtheile, und der weitere Zweck der Beobachtung ist, die der Gesammtheit aller Bestandtheile zukommenden Prädikate, d. h. ihre Eigenschaften bzw. Merkmale kennen zu lernen.

Je schärfer die Analyse ist, desto grösser werden sich die qualitativen Unterschiede der einzelnen Bestandtheile uns zeigen; je oberflächlicher unsere Beobachtung ist, desto geringere Unterschiede werden wir bemerken. Das eigentliche Wesen der Beobachtung besteht also hier in der Analyse.

Die Zählung dagegen ist Synthese, ein rein zusammenstellender Act, bei dem man nicht, wie bei der Beobachtung, auf die qualitativen Unterschiede achtet, sondern im Gegentheil von aller qualitativen Verschiedenheit abstrahirt. Deshalb beginnt z. B. R. Lipschitz sein Lehrbuch der Analysis mit dem Satze: „Wenn man bei der Betrachtung getrennter Dinge von den Merkmalen absieht, durch welche sich die Dinge unterscheiden, so bleibt der Begriff der Anzahl der betrachteten Dinge zurück". Ebenso wird der erste Band der von H. Burkhardt und Frz. Meyer herausgegebenen Encyclopädie der mathematischen Wissenschaften in einer Abhandlung von H. Schubert über „die Grundlagen der Arithmetik" mit den Worten eröffnet: „Dinge zählen heisst, sie als gleichartig ansehen, zusammen auffassen und ihnen einzelne andere Dinge zuordnen, die man auch als gleichartig ansieht".

Im Zählen ist also eine Abstraction von der Ungleichartigkeit der Dinge eingeschlossen, d. h. obwohl die Dinge ungleichartig sind, werden sie doch als gleichartig beim Zählen betrachtet. Karl Kupffer behandelt diesen Gegenstand „worin besteht Zählen?" (Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft X. S. 361), wie folgt: „Eine solche (Reihe gleicher Gegenstände) lässt sich überhaupt nur denken; denn in der Natur giebt es keine zwei, geschweige denn eine ganze Reihe gleicher Dinge. Die uns umgebende Aussenwelt besteht aus einer unerschöpflichen Anzahl einzelner unter sich verschiedenen Sonderlinge und nur die Beschränktheit des menschlichen Auffassungsvermögens erfordert es, diese Individuen in Gruppen zusammenzufassen . . . Ist daher von einer Reihe gleicher, oder besser, gleichartiger Gegenstände die Rede, so ist dadurch stets zweierlei gegeben: erstens die Dinge selbst, zweitens ein Gesichtspunkt, von welchem aus dieselben betrachtet werden. So lange wir diesen Standpunkt beibehalten, sind die Dinge als einander ganz gleich aufzufassen, ihre Unterschiede zu vernachlässigen. Indessen betone ich nochmals ausdrücklich, dass es in der Natur durchaus keine gleichen Dinge giebt und die Vorstellung von solchen eine reine Ab-

straction ist, welche jeder Begründung durch die reale Aussenwelt entbehrt".

Eine solche Abstraction ist der Standpunkt dessen, der Dinge zählt, weshalb denn auch die sog. Verzählung hauptsächlich dadurch zu Stande kommt, dass man beim Zählen seinen Standpunkt vergisst, indem man die qualitativen Unterschiede der zu zählenden Dinge beachtet. Es wird Niemandem entgangen sein, dass sich der Obsthändler, der uns Früchte in den Korb zählt, dadurch dass er zugleich auf die Qualität seiner Früchte Rücksicht nehmen, d. h. also zwei sich ausschliessende Acte gleichzeitig vornehmen will, verzählt. Der Zählende muss eben während der Zählung, weil es im Wesen der Zählung begründet liegt, jedes Beobachten der zu zählenden Dinge aufgeben. Der Standpunkt Dessen, der Dinge beobachtet, ist dem Standpunkte Dessen, der Dinge zählt, gerade entgegengesetzt. Denn bei der Beobachtung abstrahirt man nicht nur von der Ungleichartigkeit der Dinge, sondern sucht im Gegentheil die Ungleichartigkeit der Dinge zu finden. Je exacter eine Beobachtung ist, desto mehr qualitative Unterschiede wird man unter den Dingen finden, und desto mehr schwindet die Möglichkeit, Dinge zu zählen; je unexacter dagegen die Beobachtung ist, desto geringer werden für unser Bewusstsein die qualitativen Unterschiede unter den Dingen werden und desto mehr wird die Zählung ermöglicht. Während die Beobachtung die Tendenz hat, jede Zählung unmöglich zu machen, hat die Zählung die Tendenz, die Beobachtung aufzuheben. Dies muss man festhalten und darf sich nicht dadurch psychisch täuschen lassen, dass der Zählung häufig eine Beobachtung vorausgeht oder ihr folgt. Es ist daher nicht richtig zu sagen, in der Statistik „heisse Massenbeobachtung Zählung".

Wenn irgendwo, so sind gerade in der sog. amtlichen Statistik das Beobachtungsverfahren und die Zählung streng von einander geschieden. Denn gerade hier beginnt die Synthese der Zählung erst dann, wenn die Analyse zur Findung der äusseren Wahrheit des Thatsächlichen von Grund aus vollendet, d. h. der Beobachtungsprocess äusserlich abgeschlossen ist. Auch in Bezug auf das ausführende Personal besteht hier eine ganz strenge Scheidung, indem das Beobachtungspersonal regelmässig ein anderes als das Zählpersonal ist. Die streng wissenschaftliche Beobachtung, d. h. die Zergliederung des Objects in seine untheilbaren Elemente (Individuen) und das Finden

der ihnen zustehenden Eigenschaften fällt dem wissenschaftlich gebildeten Statistiker zu, der sich zur technischen Durchführung eines mit genauer Instruction versehenen Hilfspersonals bedient. Die Auszählung dagegen erfolgt durch den Kalkulator. Ja selbst der etatsmässig angestellte Kalkulator hält diese Auszählungen heutzutage bereits unter seiner Würde, weshalb sie meist von ausserhalb des Bureau's stehenden, zeitweilig auf Tage- oder Accordlohn gemietheten Hilfsarbeitern besorgt wird.

Dass der Statistiker zählt, ist bei ihm nur die Folge eines vorausgegangenen Beobachtungsverfahrens, das ihm entdeckt hat, dass in der Gesammtheit der Einzelerscheinungen eine Anzahl von Erscheinungen vorhanden ist, die trotz ihrer unterscheidenden Merkmale in einem Merkmale übereinstimmen, dass also z. B. in der Gesammtheit der Gewerbebetriebe eine Vielheit von solchen Betrieben vorhanden ist, in der nur entweder lauter männliche oder lauter weibliche, oder Arbeitsgehilfen theils männlichen, theils weiblichen Geschlechts vereint beschäftigt sind. Eine Nothwendigkeit zu zählen liegt vor, wenn thatsächlich festgestellt werden soll, in welchem quantitativen Verhältniss diese drei Gruppen zu einander stehen. Während des Zählungsverfahrens schläft gewissermassen unser statistisches Erkennen, weshalb wir in der amtlichen Statistik das mechanische Auszählen einem untergeordneten Hilfsarbeiter überlassen, der um so sicherer zählt, je mechanischer er seiner Thätigkeit obliegt, je mehr er gleichsam nur Zählmaschine ist. Käme es uns nur darauf an, einfach festzustellen, dass es Gewerbebetriebe giebt, wo nur männliche oder nur weibliche oder männliche mit weiblichen Personen beschäftigt sind, so würde jener auf das Thatsächliche gerichtete Erkenntnissprocess nicht minder als ein statistischer bezeichnet werden müssen, wenn man auf die Auszählung verzichtete. Denn dadurch, dass der mechanische Zählungsapparat in Bewegung gesetzt wurde, ist unser Erkenntnissprocess nicht im Geringsten beeinflusst worden; der Zählungsapparat beeinflusst erst den nun folgenden, d. h. fortzusetzenden Erkenntnissprocess. Aber für letzteren hat das Zählungsergebniss eine ganz andere Bedeutung als beim vorangegangenen Process, indem jenes Allgemeine, was zur Zählung Veranlassung gab, bei weiterer Gruppenbildung im Interesse eines noch höheren Allgemeinen zur besonderen Einzelerscheinung wird, wodurch wir uns der Erkenntniss des Thatsächlichen immer mehr nähern. Dass übrigens das Zählungsergebniss selbst bei

ganz genauer Zählung nur dann statistisch correct ist, wenn der Erkenntnissprocess ein richtiger war, d. h. im gegebenen Fall, wenn das Beobachtungsverfahren keine Fehler einschleichen liess, sei hier nur ganz beiläufig erwähnt. Nicht das richtige Zählen, sondern das richtige Erkennen verleiht dem statistischen Erkenntnissprocess seinen höheren Werth, zumal Zählungsfehler viel leichter als Beobachtungs- und Combinationsfehler zu entdecken sind.

Die Behauptung, dass „in der Statistik Massenbeobachtung Zählung oder Volkszählung heisse", lässt sich aber auch geschichtlich nicht begründen.

Bekanntlich waren die ältesten Zählungen nur Kopf- bzw. Seelenzählungen; sie erstreckten sich vielfach sogar nur auf (streitbare) Männer; die Berücksichtigung des Geschlechts oder gar Alters gehört einer späteren Zeit an; und wie es bei den Volkszählungen der Fall war, so berücksichtigten auch andere Zählungen nicht die qualitativen Unterschiede, was schon eine ganz oberflächliche Vergleichung der früheren mit den gegenwärtigen Zählungen ergiebt. Denn der Hauptunterschied zwischen beiden liegt in der Betonung bzw. Vernachlässigung der Qualitätsverhältnisse. Während, wie bemerkt, den ältesten Zählungen eine Beobachtung nicht oder so gut wie gar nicht vorausging, indem man alle Dinge für gleichartig ansah, werden den modernen Zählungen Beobachtungen vorausgeschickt. So berücksichtigten z. B. die Viehzählungen einer noch nicht allzufernen Zeit nur die Quantität der Viehstücke (Pferde, Bullen, Ochsen, Kühe, Schafe, Schweine, Ziegen, Esel u. s. w.), nicht aber, wie die modernen Viehzählungen, die Qualität des Viehes, d. h. die Eigenschaften der einzelnen Viehstücke.

Es war erst die Berührung der Statistik mit den bis dahin ausserhalb der Statistik gelegenen Zählungen, welche beide jetzt bei den Verwaltungsbehörden in Eine Hand vereinigt wurden, was den Zählungen einen andern Charakter gab. Der Statistiker will von seinem Standpunkte aus nicht die grosse Zahl der Viehstücke zählen, sondern die räumlich und zeitlich abgeschlossen gedachte quantitative Masse des Viehbestandes in der Einheit aller ihrer Theile, d. h. in ihrer inneren qualitativen Beschaffenheit erkennen, wie sie thatsächlich gegeben ist. Und um diesen Sachverhalt klar auffassen und darlegen zu können, fasst er die durch exacte Beobachtung für gleichartig erachteten Dinge, weil unter einen Begriff fallend, durch Zählung zusam-

men, wodurch es ihm ermöglicht wird, die Verhältnisse des Mehr oder Minder in ihrem Zusammenhange zu begreifen. Da der Zusammenhang nichts ausser sich hat, sondern in seiner Einheit ein absolutes Innere bildet, so ist das Object des Statistikers von vornherein ein einheitliches, zeitlich und örtlich fest begrenztes, und bildet ein einheitliches Ganzes, dessen Zerlegung in eine Vielheit von untheilbaren Elementen die Beobachtung der letzteren herbeiführte. Wenn er später zu zählen beginnt, so ist dies nur die Folge des Beobachtungsprocesses, bzw. der dadurch bewirkten Beobachtungsergebnisse. Dass der Statistiker später zu zählen haben wird, kann er von seinem subjectiven Standpunkte aus infolge apriorer Erkenntniss, d. h. infolge früherer Erfahrungen bei ähnlichen Gelegenheiten, wohl vermuthen und erwarten, aber von seinem eigentlichen objectiven Standpunkte aus, der die apriore Erkenntniss ausschliesst, vor dem Beginne des Beobachtungsverfahrens ganz und gar noch nicht wissen.

Der gewöhnliche Volkszähler dagegen nimmt, bzw. nahm, weil er ja gar keinen Sachverhalt erkennen, sondern nur einfach wissen wollte — ähnlich wie die Hökersfrau die Zahl der Eier in ihrem Korbe — wieviel Menschen zur Zeit auf einem gewissen Raum seien, von einem exacten Beobachtungsverfahren Abstand. Er ging nicht, wie der Statistiker, von der Einheit, sondern von der Vielheit aus, deren Auszählung sein Zweck war. Dass eine Stadt 5321 Einwohner hat, ist an sich keine statistische Thatsache, sondern das Ergebniss einer Zählung. Nennen wir es denn eine statistische Thatsache, wenn der mit Eiern handelnde Kaufmann durch Zählung gefunden hat, dass er am vergangenen Markttage 5321 Eier verkauft hat? und wird etwa der Standpunkt dadurch, dass es sich hier um Eier, dort um Menschen handelt, verändert? Darüber, ob dieser Eierhändler in Wirklichkeit 5321 Eier verkaufte oder jener Volkszähler 5321 Personen als Einwohner festgestellt hat, können wir uns absolut keine objective Gewissheit verschaffen, weil uns jeder Anhaltspunkt fehlt, aus einem inneren Zusammenhange, der eben hier fehlt, das Ergebniss zu beurtheilen. Man muss sich auch dieses Umstandes klar bewusst werden, will man das Verhältniss, in welchem die heutigen, von den Verwaltungsbehörden unternommenen Volks- und anderen Zählungen zur Statistik stehen, richtig verstehen.

Die Volks- u. s. w. Zählungen standen ursprünglich ausserhalb

der Statistik, wurden allmählich dem statistischen Princip unterworfen, indem die Statistik die Zählungsergebnisse zu ihren Erkenntnissen benutzte, und werden neuerdings von der amtlichen Statistik im Interesse statistischer Erkenntnisse inaugurirt. Somit darf man nicht behaupten, dass die betr. Zählungen ihrem Ursprunge nach Vorläuferinnen der Statistik und „ein äusserlich ersichtliches statistisches Thun" gewesen seien, will man nicht eine Verwirrung in der Statistik herbeiführen, die auf den Begriff dieser Wissenschaft ausserordentlich schädlich wirken muss. Nur wenn wir uns das Princip der Statistik vor Augen halten, sind wir im Stande, die historische Thatsache zu erklären, warum die Statistiker oft auf Zählungen verzichteten, und wir erlangen zugleich ein Verständniss dafür, in welcher Weise sich das statistische Princip bei jenen im Interesse der Verwaltungen vorgenommenen Zählungen wirksam erweist und ausserdem noch, wohin wir nothwendiger Weise steuern müssen, um einestheils der Wissenschaft Statistik und anderntheils dem Interesse der Verwaltung, das sie an den Zählungen hat, ihren Tribut zu zollen.

Noch gegen die Mitte unseres Jahrhunderts haben hervorragende Statistiker nicht selten auf Zählung Verzicht geleistet, wenn sie sich zur Aufdeckung eines Sachverhalts, wozu die Zählung dem Statistiker eben dient, als ungeeignet erwies. So that es beispielsweise der berühmte Director des k. preuss. statistischen Bureau's J. G. Hoffmann, der, als er das Vorkommen der slavischen Sprachen in den verschiedenen Kreisen des preussischen Staates feststellten wollte, die Zählung mit den Worten abwies: „jede Zählung würde auch schon deshalb sehr unsicher sein, weil die deutsche Sprache in solcher Vermischung neben der wendischen verbreitet ist, dass schon im Jahre 1827 sich im Regierungsbezirk Frankfurt nach Angabe der Regierung keine Landkirche befand, worin nicht der Gottesdienst wenigstens theilweise in beiden Sprachen, der wendischen und deutschen, verrichtet worden wäre". (Allg. preuss. Staatszeitung 1849 Nr. 49).

Wenn die Statistiker nachgewiesener Massen bei ihren Erkenntnissen oft auf Zählungen verzichteten, so kann in ihren Augen die Zählung kein Essentiale der Statistik gewesen sein, da „wesentlich" einer Sache nur Das ist, was ihr von ihrem Ursprung an stets eigenthümlich ist, nicht aber Das, was sie später in sich aufnahm; letzteres ist immer nur accidentiell.

Die ganze Entwickelung der amtlichen Statistik wird uns erst klar, wenn wir einestheils das Princip der Statistik und anderntheils das Wesen der im Verwaltungsinteresse unternommenen Zählungen gesondert ins Auge fassen. Denn man kann die Entwickelung einer Sache nicht verstehen, wenn man nicht die Factoren ihrem Wesen nach kennt, welche die Entwickelung herbeiführen.

Da der Statistiker den inneren Zusammenhang des in der Totalität seines Objects ruhenden Mannigfaltigen in seiner Über-, Unter- und Beiordnung erkennen will, so bedarf er eines detaillirten Beobachtungsprocesses, der ihm zeigt, was die Individuen (Untheilbaren) Gemeinsames haben und worin sie von einander abweichen, und wenn er sodann bei der Synthese durch Zählung das Gleichartige zusammenfasst, so ist ihm die Zählung nur Mittel zum Zweck. Während die Zählung dem Statistiker stets Mittel zum Zweck ist, kann die Zählung der Verwaltungsbehörde, da sie auch nicht-statistische Zwecke verfolgt, auch Selbstzweck sein. Es kann der Verwaltungsbehörde vollständig genügen, zu erfahren, wieviel Einwohner in den einzelnen Städten und Dörfern vorhanden sind, wieviel Vieh die einzelnen Haushalte haben, wieviel Fabriken und Handwerker in den Ortschaften zu finden sind. Dem Statistiker genügt dies nie, weil seine Absicht auf Erkenntniss des Thatsächlichen, das immer nur einen Sachverhalt bezeichnet, gerichtet ist. Eben deshalb bedarf die Verwaltung zu ihrem Zwecke eines so detaillirten Beobachtungsverfahrens nicht, wie es die strenge Wissenschaft Statistik verlangt. Man vergesse überhaupt nicht, dass objective Gewissheit ein relativer Begriff ist, der ausserordentlich viel Grade zulässt. Was für Zwecke des practischen Lebens als hinreichend gewiss gilt, genügt der Wissenschaft nicht. Objective Gewissheit ist nie unmittelbar gegeben, sondern kann nur mittelbar durch Denken erschlossen werden; sie setzt einen Beobachtungsprocess voraus, der nicht bloss alle subjectiven Beeinflussungen seitens des Beobachters ausschliesst, sondern auf der subtilsten Analyse des zu durchforschenden Stoffes beruhen muss. In letzterer Hinsicht sind der Verwaltung durch ihre der Hauptsache nach immer nur momentanen Zwecke enge Grenzen gezogen. Eben deshalb bevorzugt die Verwaltung die Zählung und beschneidet die Beobachtung, während die Wissenschaft Statistik die Beobachtung begünstigt und die Zählung im grossen Massstabe beschneiden möchte.

Auf diesen Zwiespalt lassen sich im letzten Grunde alle Differenzen zwischen der statistischen Aufgabe einerseits und der Aufgabe der Verwaltung anderseits zurückführen, seitdem es amtliche statistische Behörden giebt, denen man neben der Aufgabe, das Thatsächliche im Volksleben zu erkennen, das Zählungswesen zugewiesen hat. Und darin liegen zugleich die grossen Schwächen der amtlichen Statistik, welche an Stelle der Beobachtung die „Erhebung“ setzt, d. h. nur ganz bestimmte den Dingen zustehende Merkmale zu solchen erhebt, welche für das Interesse des gegenwärtigen Kulturzustandes als wichtig angesehen werden. Und auf jenem Zwiespalt beruht auch die Tendenz unserer amtlichen Statistiker, das Beobachtungsverfahren immer mehr zu erweitern. Ein blosser Verwaltungsbeamter aus der Zeit des vormaligen Zählungswesens würde nie den Ausspruch gethan haben, den nur ein Statistiker (Engel in der Zeitschrift d. k. pr. statistischen Bureau's 1861 Nr. 8) in Bezug auf die bisherigen Viehzählungen thun konnte: „Was sagt die Zahl allein? Wie in allen Verhältnissen des Lebens die Qualität neben der Quantität entscheidend ist, so auch ganz besonders in der Viehzucht. Eine Kuh von 500 Quart jährlichen Milchertrags zählt in den Tabellen so gut für eine Kuh, wie eine solche von 3000 Quart Milchertrag: ein Ochse von 400 Pfund Fleischgewicht ebenso für einen Ochsen, wie ein solcher von 800 oder 1000 Pfund und darüber.“

Ueberhaupt fühlte Ernst Engel, der seiner ganzen Vorbildung nach mehr durch genialen Instinct und practischen Blick als durch strenge theoretische Erkenntniss der Wahrheit häufig nahe kam, den oben berührten Widerspruch wohl, wenn er (Zeitschrift des k. pr. statist. Bureau's 1863 S. 269) die Frage aufwarf: „Was beobachtet die Verwaltung? was die Wissenschaft, oder vielmehr was verlangt sie?“ und an der Gerichtsstatistik bzw. Criminalstatistik zeigte, wie wenig Merkmale diese erhebt und was dagegen die Wissenschaft Statistik der Beobachtung unterwerfen will. Die amtliche Statistik mag noch so sehr ihr Beobachtungsverfahren erweitern, — einer Beschränkung desselben wird sie im Interesse der Verwaltung stets unterworfen sein. Um so mehr aber ist es daher geboten, in der amtlichen Statistik nicht „die“ Statistik zu erblicken, sondern sie als etwas Besonderes in der allgemeinen Statistik anzusehen, damit nicht oberflächlich denkende Köpfe Anhaltspunkte für

wirre Theorien finden, die der amtlichen Statistik selbst dadurch Schaden zufügen, dass sie ihr das Princip, das ihr von der Geschichte der Statistik überliefert ist, rauben. Wir sind durch einseitige schablonenhafte Ausübung der von der sog. amtlichen Statistik in Anwendung gebrachten Methode nahezu auf dem Punkte angekommen, wo man die hier geübte Technik für das Wesen der Statistik hält und gar nicht mehr begreift, zu welchem Zwecke sich diese Technik historisch allmählig ausgebildet hat. Es ist deshalb nöthig, die Eigenart der amtlichen Statistik als solche zu begreifen.

Wie wir oben sahen, war der Nutzen statistischer Erkenntnisse auch den politischen Körperschaften immer deutlicher geworden. Dies hatte ja eben zur Abzweigung der dem Interesse der Politik dienenden Specialstatistik geführt, welche freilich dadurch, dass sie in die Hände der Vielschreiber gekommen war, an innerem Werth sehr eingebüsst hatte, indem der eigentliche Zweck der Statistik, das Thatsächliche zu erkennen, über dem Schildern und Beschreiben der Staatsmerkwürdigkeiten von Vielen ausser Acht gelassen wurde. Man konnte es angesichts der Verbreitung von Irrthümern den Regierungen nicht verdenken, wenn sie bestrebt waren, mittelst eigener Behörden irrthumsfreie Erkenntnisse vom Staatsleben selbst zu schaffen und ausserdem, wie es beispielsweise noch im Januar 1816 in Preussen geschah, die Bestimmung zu treffen, „dass von nun an alle, in den königl. preussischen Staaten herauskommenden statistischen Werke und Landkarten, Preussen betreffend, vor ihrer Erscheinung dem statistischen Bureau in Berlin unter der Leitung des Geheimen Legationsraths Hoffmann unausbleiblich zur Censur vorgelegt und ohne dessen Genehmigung nicht ins Publikum gebracht werden sollten". Schlözer's Hoffnung vom Jahre 1806 „Wohl uns Statistikern des neuen Jahrhunderts, der entehrende Unterschied zwischen Kabinets- und Kathederstatistik hört auf" war nicht erfüllt. Denn die Herren Professoren lehrten auf ihren Kathedern keine Statistik, sondern eine Staatenkunde, die gar nicht auf Erkenntnissen des Thatsächlichen, sondern meist auf oberflächlichen Beobachtungen aufgebaut war.

Das Princip, das die amtlichen Behörden bei ihrer statistischen Erkenntniss leitete, war kein anderes und darf kein anderes sein, als was die allgemeine Statistik vorschreibt, nämlich das Thatsächliche im Volksleben zu erkennen, bzw. eine objective Erkenntniss vom Volksleben zu gewinnen.

Die Aufgabe war für die amtliche Statistik anfangs keine leichte, da es an directen systematischen Beobachtungen fehlte. Denn auch in der Herbeischaffung des Materials konnte sich der amtliche Statistiker vom privaten damals nicht unterscheiden; er war wie dieser, der Hauptsache nach auf Sammlungen fremder Beobachtungen angewiesen, und nur deren wissenschaftliche Aufbereitung fiel den neu errichteten Bureaux zu. So beruhen beispielsweise die meisten der grossen Arbeiten, welche zu Ende des vorigen und zum Beginn dieses Jahrhunderts in Frankreich entstanden, nicht auf directen Erhebungen und Zählungen, sondern auf Sammlungen. Selbst in Preussen musste Krug sein Material den Departementsregistraturen entnehmen und konnte erst allmählig zu directen Befragungen übergehen. Doch liess J. G. Hoffmann ganz im Geiste des Princips der Statistik nur Das fragen, worauf man zuverlässige Antworten erhalten konnte, weshalb er die Krug'schen Fragen auf kaum ein Drittel verminderte. Es wird von allen Kennern der frühesten amtlichen preussischen Statistik Hoffmann Das eingeräumt, dass er das rein Thatsächliche in den Erscheinungen des Volkslebens zu erkennen bemüht war, und dass er trotz der beschränkten Materialien dieselben in vielseitigster Weise zu bearbeiten verstanden hat.

Dadurch, dass jetzt amtliche Behörden Erkenntnisse vom Thatsächlichen im Volksleben zu schaffen sich zur Aufgabe stellten, wurde gewissermassen eine Statistik en gros geschaffen. Die Zunft der alten Statisten, die ihre Erkenntnisse immer nur in enge Rahmen fassen konnten, erscheint gegenüber den sog. statistischen Behörden wie ein Art Kleinbetrieb. Aber wie es keinem besonnen Denkenden einfallen wird, beispielsweise den im Kleinen arbeitenden Strumpfwirker aus der Zunft der Strumpfwirker auszustossen und ihm die Bezeichnung eines solchen abzusprechen, weil mittlerweile grosse, mit Dampfbetrieb arbeitende Strumpffabriken erstanden sind, so kann auch für eine Wissenschaft wie die Statistik über ihr eigentliches Wesen nicht der Umstand entscheiden, ob sie im Grossen oder im Kleinen gepflegt wird.

Was gegenüber dem Kleinbetrieb der Grossbetrieb in der practischen Statistik an Vortheilen und Nachtheilen aufweist, ist zu sehr in die Augen fallend, als dass die Theorie der Statistik daran gleichgültig hätte vorüber gehen können. In der That wurde diese Frage lebhaft erörtert, und zwar, da die von

den Regierungen besorgte Statistik die Bezeichnung amtliche Statistik erhalten hatte, unter der gegensätzlichen Benennung von amtlicher und Privat-Statistik. Es kann in dieser nur das Princip der Statistik hervorhebenden Abhandlung selbstverständlich nicht der Ort sein, auf die dabei in Frage gestellten Punkte nochmals zurück zu kommen. Nur sei auf den wohl hauptsächlichsten Punkt hingewiesen, den z. B. der Freiherr von Reden in seiner Zeitschrift des Vereins für deutsche Statistik (Erster Jahrgang 1847 S. 19) in die Frage kleidete: „Aber ist denn nicht gerade eine Schwäche der amtlichen Statistik, dass sie in der Regel nur die grossen Züge des statistischen Bildes zu erfassen vermag, während die Atome ihrem Blicke verborgen bleiben?"

Diese Schwäche der amtlichen Statistik erkannte man fast allerwärts, weshalb z. B. auch in der Londoner statistischen Gesellschaft Chalmers 1847 auf die Nothwendigkeit statistischer Detailkenntnisse und namentlich auch auf die Gefahr hinwies, die mit der Ausschliessung alles Dessen aus der Statistik, was numerisch sich nicht constatiren lässt, nothwendig verbunden sein muss; „denn das bedeute ein Interdict gelegt auf die Erforschung gerade der Thatsachen, die von dem grössten wissenschaftlichen Interesse sind und den höchsten Anspruch hätten auf genaue Untersuchung. Deshalb müssten die Statistiker durchaus ihre Principien und ihre Methode einer neuen Revision unterwerfen, weil sie sonst beständig den Vorwurf tragen müssten, dass sie solide Erfahrung einer leeren Form aufopfern".

Es berührt eigenthümlich, wenn ein Menschenalter später gerade das, was man als eine „Schwäche der amtlichen Statistik" betrachtet hatte, dass sie nämlich „in der Regel nur die grossen Züge des statistischen Bildes zu fassen vermag", als den wesentlichen Character der Statistik ansieht. Georg v. Mayr schreibt nämlich (Gesetzmässigkeit des Gesellschaftslebens 1877 S. 31) „Die Statistik liefert keine Genrebilder des Gesellschaftslebens. Ihre Leistungen haben einen ganz andern Character. Sie entwirft in grossen und characteristischen Zügen auf Grund massenhafter, von subjectiver Auswahl des Standpunktes freier Beobachtungen ein Bild von den Zuständen des Gesellschaftslebens".

Dass die Auffassung v. Mayr's von der Statistik in Widerspruch zum historischen Princip der Statistik steht, bedarf nach dem Vorausgeschickten keiner weiteren Erörterung. Ist

die Statistik die notitia status, so hat sie den Sachverhalt, bzw. das Thatsächliche zu erkennen, wie es sich uns aus den Wechselbeziehungen der Sachen offenbart und eine vollständige Erkenntniss, wozu auch Details gehören, zu bieten. Kann die amtliche Statistik, die v. Mayr, wie wir noch näher sehen werden, allein ins Auge fasst, nur „grosse Züge" liefern, so ist dies eben eine Schwäche der besonderen sog. amtlichen Statistik; aber Schwäche einer Sache bedeutet nicht das Wesen einer Sache, sondern ein Uebel, das möglichst beseitigt werden muss. Hier zeigt sich eben, wie der principlos und rein mechanisch arbeitende Practiker leicht kurzsichtig wird, indem er sich das Wesen einer Sache aus einer einseitigen Erscheinung derselben, wie sie sich ihm zufällig aufdrängt, erklärt, nicht beachtend, dass die Mittel, die er zur Vollführung seiner Thätigkeit verwendet, eben nur Mittel für einen bestimmten Zweck sind. Setzt der Statistiker den im Princip seiner Wissenschaft immanent wirkenden Zweck ausser Acht, so werden ihm die Werkzeuge, Apparate und Methoden zur Hauptsache und er verfällt in den Wahn, dass Das, was er mittelst derselben erreicht, auch der Zweck seiner Thätigkeit sei. So glaubt auch v. Mayr, wie wir noch näher sehen werden, die Anwendung der einseitigen Methode der amtlichen Statistik mache das Wesen der Statistik aus und jene „Schwäche" des erlangten Resultats bilde den Character der Statistik überhaupt. Dass die amtliche Statistik nur grosse Züge zur Darstellung bringen kann, liegt, wie die älteren Statistiker unseres Jahrhunderts wohl erkannten, vornehmlich an den Zwangsfesseln, die ihr durch die Interessen der Verwaltung, denen sie in erster Linie zu dienen hat, weshalb sie auch Verwaltungs- oder Administrativ-Statistik benannt worden ist, angelegt worden sind, und meines Erachtens mit vollem Rechte. Denn zween Herren dienen, der Verwaltung einerseits und der Wissenschaft anderseits, muss nothwendig zum Nachtheile der Regierungen ausschlagen, wenn die Wissenschaft bevorzugt wird, wie die Erfahrung sattsam gelehrt hat: Es erheben sich leicht nach Ruhm beim grossen Publikum lechzende „Macher" unter den Directoren, die die Hilfsarbeiter der statistischen Bureaux für ihre ausserhalb der Verwaltungszwecke stehenden Arbeiten über Gebühr ausnutzen und darüber die eigentlich amtlichen Arbeiten vernachlässigen, indem sie die letzteren den Kalkulatoren einseitig überweisen. Die gewissenhaften Bureau-Directoren, die bei solchen Ruhmes-

Arbeiten nicht mit „machen", werden von den „Machern" über die Achsel angesehen, obgleich gerade die selbstlos ihrer Regierung dienenden Vorstände mit Recht Anerkennung verdienen. So wird nothwendiger Weise zugleich ein Streberthum erzeugt, das über die Aufgabe und den Begriff der Statistik Dinge fabelt, die nur geeignet sind, dem gelehrten und ungelehrten Volk Sand in die Augen zu werfen. Danach erscheint die Statistik nicht als die bescheiden dienende Magd, die sie von ihrem Ursprung an war, sondern als die Königin unter den Wissenschaften, welche Gesetze aufzustellen hat, die zu den höchsten Problemen unseres Zeitalters gehören.

Die amtliche Statistik, welche nicht die Statistik κατ' ἐξοχήν, sondern etwas Besonderes in der allgemeinen Statistik ist, kann ihrem eigenthümlichen, ihr durch die äusseren Verwaltungszwecke beigemengten Charakter gemäss nur in grossem Stile arbeiten. Sie erfordert deshalb eine eigene Organisation des Verwaltungspersonals einerseits und des sachlichen Verwaltungsmechanismus zur Vollführung der Aufgaben anderseits und ausserdem, insofern eine gewisse Internationalität für die Erhebung und Ausnutzung der Materialien erforderlich ist, eine Organisation auch nach dieser Richtung. Daraus ergiebt sich von selbst, dass sich hier zweierlei principiell verschiedene Elemente begegnen und sich theilweise durchdringen, ein verwaltungswissenschaftliches auf der einen und ein statistisch-wissenschaftliches auf der anderen Seite. Es ist deshalb im Interesse wissenschaftlicher Klarheit dringend geboten, zu erkennen, was bei der Thätigkeit der sog. statistischen Ämter Sache der Verwaltung und was Sache der Wissenschaft ist. Die Aufgabe, beides scharf zu scheiden, gehört mit zu den Aufgaben der Theorie der Statistik, und da eine Theorie ohne klar erkanntes Princip in keiner Wissenschaft geboten werden kann, so ist auch aus diesem Grunde die Hervorhebung des historischen statistischen Princips, das allein Richterin über die Zugehörigkeit zu einer Wissenschaft sein kann, eine absolute Nothwendigkeit. Die Theorie der Statistik liegt ebenso wie die Geschichte der Statistik noch in ihren Windeln; sie hat mit der sich entwickelnden Praxis nicht Schritt gehalten. Jede Theorie einer Wissenschaft ist dem Wechsel der Zeit unterworfen, weil die Praxis, die Erfahrung, auf der ja jede wahrhafte Theorie aufgebaut sein muss, beständig sich erweitert, indem sie vermittelst des Experiments neue Thatsachen hervorbringt. Somit

empfängt die Theorie von der Praxis ihre Nahrung. Aber die Praxis kann von sich aus kein neues theoretisches Wissen erzeugen, vielmehr muss die Theorie selbst, in Continuität mit der alten Theorie bleibend, durch Errungenschaften der Praxis sich selbst erweitern und muss zugleich die Praxis beständig an den Zweck ihrer Thätigkeit erinnern. Nur so können Praxis und Theorie sich gegenseitig geben und von einander empfangen.

Nichts kann für eine Wissenschaft gefährlicher sein, als wenn Theorie und Praxis sich nicht gegenseitig befruchten, wenn die Theorie kein Verständniss für die mittlerweile neu herangetretenen Thatsachen hat, und wenn die Praxis von der Theorie, welche die Veränderungen mit dem Princip der betr. Wissenschaft zu beleuchten hat, kein Licht und keine Aufklärung empfängt. Denn alsdann muss die Praxis in Form eines mechanischen Handwerks verknöchern, weil der Geist, welcher die Wissenschaft beseelt, vertrieben ist. Da man aber gleichwohl eines geistigen Wesens bedarf, so geschieht es alsdann, dass die verknöcherte Praxis sich selbst einen Geist schafft, der mit dem Princip der Wissenschaft in keiner verwandtschaftlichen Beziehung steht: was den Practiker alsdann leitet und führt, ist von Aussen herbeigeholt und so opfert man die allein zurückgebliebene Technik einem fremdländischen Götzen. Die sog. moderne Statistik ist dafür ein höchst belehrendes Beispiel, indem diejenigen ihrer Vertreter, welche das statistische Princip nicht beachten und in der von der Praxis befolgten Technik, wie sie an den statistischen Bureaux geübt wird, das Wesen der Statistik erblicken, nur desshalb, weil der methodisch-technische Apparat geeignet ist, gewisse Regelmässigkeiten im Gesellschaftsleben zum Ausdruck zu bringen, die Erforschung des Gesellschaftslebens als Zweck und Aufgabe der Statistik hinstellen wollen. „Wer will was Lebendigs erkennen und beschreiben, sucht erst den Geist herauszutreiben; dann hat er die Theile in seiner Hand, fehlt leider! nur das geistige Band". Das geistige Princip ist auf diese Weise vertrieben; die technische Methode und das Object sind die unverbundenen Theile, und wir begreifen nicht, wie sie so eine Wissenschaft bilden können.

Wie wir sahen, entsprang die amtliche Statistik einem practischen Bedürfnisse, dem die private Thätigkeit nicht Genüge zu leisten verstand, weil dazu ein Beobachtungsapparat erforderlich ist, der eben nur der Staatsbehörde zu Diensten steht.

Denn um das Volksleben mitsammt seinen Kulturinteressen beobachten zu können, ist eine gewisse Herrschaft über dessen Äusserungen erforderlich, die nur durch viele planmässig verbundene Organe ermöglicht werden kann. Es gehört dazu zugleich eine dauernd fortgesetzte Beobachtung, die den störenden Zufälligkeiten des physischen Lebens nicht ausgesetzt ist. Ein solches Beobachtungsverfahren hat in seinem Gefolge die Aufhäufung einer grossen Quantität von Stoff, der zu seiner Verarbeitung ebenfalls wieder eines grossen Personals und technischen Apparats bedarf, wie er nur in den Händen politischer Verwaltungsbehörden denkbar ist. Dies Alles verleiht eben der amtlichen Statistik ihren besonderen Character. Aber jedes Besondere in der Welt hat über sich ein Allgemeines, dem das Besondere untergeordnet ist, weil es von ihm beherrscht wird. Das Allgemeine in einer Wissenschaft ist ihr Princip, weshalb, wenn sich in der Wissenschaft etwas Besonderes Geltung verschafft hat, der Bildungsprocess immer nur mit Rücksicht des Allgemeinen erfolgen kann. So konnte denn auch die amtliche Statistik nicht das Wesen verlieren, welches der allgemeinen Statistik innewohnt. Nur in ihren äusseren Erscheinungsformen scheiden sie sich, während sie in ihrem innern Wesen identisch sind. Sowie das Dreieck trotz seiner verschiedenen Grösse nach Form und Inhalt Dreieck bleibt, so ist auch die amtliche Statistik trotz der Grösse nach Form und Inhalt nur Statistik und der Zweck ihrer Existenz kein anderer, als der der allgemeinen Statistik, nämlich: status notitia oder Wissenschaft vom Thatsächlichen, bzw. vom Sachverhalt. Ob der zu erkennende Sachverhalt mehr oder weniger complicirt auftritt, ob das Erkenntnissresultat in der amtlichen Statistik dürftiger im Vergleich zur privaten Statistik erscheint, ob die Beobachtungen dort in grösseren Mengen und weniger ins Detail gehend als hier sind, kann am Wesen der Statistik nichts ändern.

Es beweist daher eine vollständige Verkennung des Princips der Statistik, wenn sich Einige zu der Ansicht verleiten liessen, zu behaupten, die Statistik werde durch Massenerscheinungen characterisirt und nur sie seien das Object der Statistik. Wäre das der Fall, so wäre ein Beobachtungsprocess gar nicht denkbar, weil Massenerscheinungen nur zählbar und messbar sind. Denn Massenerscheinungen sind solche Erscheinungen, die den Character der bloss quantitativen Masse an sich tragen und für unser Bewusstsein keine qualitativen Unterschiede

unter einander aufweisen. So verstehen wir bekanntlich unter Massenwaaren und Massenartikeln solche Fabrikate, die, weil sie fabrikmässig hergestellt sind, sich qualitativ nicht von einander unterscheiden. Infolgedessen werden sie, wie beispielsweise gewöhnliche Stecknadeln oder gusseiserne Ringe, beim Einkauf auf ihre Qualität nicht einzeln geprüft und beobachtet, was ja ihres rein quantitativen Characters wegen überflüssig, ja unmöglich ist, sondern einfach abgezählt, bzw. gewogen, wogegen goldene Busennadeln und Trauringe wegen ihrer qualitativen Unterschiede vor dem Einkauf beobachtet, „geprobt" werden.

Von Massenerscheinungen kann man nur bei Zählungen sprechen, welche die Gleichartigkeit der Dinge voraussetzen; die Statistik kann nicht Gleichartigkeit voraussetzen, weil sie beim Beginn ihres Untersuchungsprocesses, der jedweden subjectiven Standpunkt scharf abweist, absolut nichts darüber weiss, ob die durch Zergliederung des Objects zu gewinnenden untheilbaren Bestandtheile (Individuen) gleichartig oder ungleichartig sind Das letztere muss erst der Beobachtungsprocess lehren. Der Ausdruck Massenerscheinungen ist denn in der That auch nur durch die Volkszählungen in die Statistik eingeschmuggelt worden, was um so leichter gelang, als das grosse Publicum erst durch die Existenz statistischer Ämter und der von ihnen unternommenen Volkszählungen und sonstigen Erhebungen mit dem Wesen der Statistik bekannt wurde. Seit jener Zeit datirt auch jene Vorstellung, „statistisch sei alles Das, was mit einer Zählung irgendwie im Zusammenhange steht".

Beachtet man einerseits das unveränderliche historische Princip der Statistik, was auch in der sog. amtlichen sich wirksam erweist, und achtet man anderseits darauf, dass der letzteren im Interesse der Staatsverwaltung im weitesten Sinne, d. h. mit Einschluss der Communalverwaltung, Dinge zugewiesen sind, die an sich, wie beispielsweise das Volks- und sonstige Zählungswesen, nicht nothwendig unter das statistische Princip fallen, so erhält man einen wissenschaftlichen Einblick in Wesen und Bedeutung des methodisch-technischen Apparats, dessen sich die heutige amtliche Statistik bedient, und man gewinnt auch zugleich ein historisches Verständniss, warum jene früheren ausserhalb der Statistik gelegenen Dinge nothwendig dem statistischen Princip untergeordnet werden mussten.

Und nur auf diese Weise wird es uns möglich, zu einer Einsicht darüber zu gelangen, dass nicht in jenem methodisch-technischen Verfahren, sondern im Zwecke, für den das Verfahren nur Mittel ist, das Wesen der Statistik liegt. Verstehen wir das im Interesse der Verwaltung unternommene Zählungswesen begrifflich vom Erkenntnissprocess der Statistik, welcher das Thatsächliche im Zusammenhang erkennen will, zu scheiden, dann werden wir nicht behaupten, die Statistik werde durch Massenerscheinungen characterisirt, was nur in Bezug auf Zählungen gilt, sondern werden wissen, dass der Statistiker als Object seiner Untersuchungen nicht Vielheiten, sondern Einheiten kennt.

So ist beispielsweise selbst in der Bevölkerungsstatistik das Object keineswegs die bloss quantitative Vielheit der (menschlichen) Individuen, sondern die Volksmenge in ihrer zeitlichen und räumlichen Begrenzung; nur diese Volks-Menge in ihrer Einheit ist es, welche beobachtet werden muss. Denn nur in ihr als solcher, aber nicht in dem Aggregat der Einzelnen, kann der Zusammenhang, in welchem die Einzelnen zu einander stehen, vermuthet werden. Es müsste der ganze Erkenntnissprocess in einen subjectiven ausarten, wollten wir die dem oberflächlichen Beschauer der Volksmenge sich darbietenden Gruppen als gegeben annehmen. Das Thatsächliche in dieser Beziehung ist allerdings vor unserer Erkenntniss und unabhängig von unserer Erkenntniss vorhanden, kann aber in der Form, wie es thatsächlich gegeben ist, nur durch unser Denken angeeignet werden. Nun ist aber unser Denken nicht inhaltlos, sondern mit Erfahrungen vergangener Zeit durchsetzt, die uns zum Erkennen des rein Thatsächlichen hinderlich sind, indem sie in das zu beobachtende Object einen Erkenntnissinhalt hineintragen können, der in einer solchen Verknüpfung im Object in Wirklichkeit gar nicht gegeben ist. Das Problem der Statistik liegt somit darin, einen Weg ausfindig zu machen, bzw. einzuschlagen, der es verhindert, dass das denkende Subject seinen subjectiven Erkenntnissinhalt bei der Zergliederung und Verknüpfung des Objects heranträgt.

Während wir bei der Beobachtung schechthin, der gewöhnlichen Beobachtung, stets mit einem gewissen Erkenntnissinhalt an das Beobachtungsobject herantreten und mittelst Sonderungen und Verknüpfungen in einer Weise verfahren, dass das Denken den Wahrnehmungen gleichsam stets um einen Schritt voraus

ist, versucht die statistische Beobachtung gleich bei ihrem Beginn den Einschub einer aprioren Vorstellung dadurch unmöglich zu machen, dass man sich das zu beobachtende Object durchaus ungestaltet vorstellt, indem man z. B. bei der Bevölkerung von der in unserem gebildeten Bewusstsein vorhandenen Gruppirung, wie sie durch die Vergesellschaftung gegeben ist, vollständig abstrahirt. Einen ungestalteten Stoff nennt man Masse. Für den Statistiker ist somit das Erkenntnissobject immer nur Masse, d. h. ein in keinerlei Weise durch das Denken schon gegliederter oder irgendwie gestalteter Stoff. Denn würden wir z. B. bei der Bevölkerung die uns durch die gewöhnliche Erfahrung bekannten Gruppenbildungen als Erkenntnissinhalt in unsere Beobachtung aufnehmen, so würden wir nie zu einer rein objectiven Erkenntniss über den Inhalt der Bevölkerung gelangen können. Wenn wir uns dagegen die Bevölkerung als blosse Masse vorstellen, so können wir die in der Bevölkerung thatsächlich gegebenen Gestaltungen in einer Weise erkennen, die unseren subjectiven Standpunkt vollständig ausschliesst, sobald wir ein Beobachtungsverfahren einleiten, das ebenfalls das Eindringen apriorer Vorstellungen verhindert. Die Frage ist nur, wie die Beobachtung geartet sein muss, um der Masse ihren ungestalteten Character zu nehmen, d. h. die Masse gleichsam zu beseitigen.

Eine Masse als solche ist nicht beobachtungsfähig, da man nur Das beobachten kann, was erscheint und sich zugleich äussert. Was an der Masse erscheint, ist ihre Quantität, die, weil jede Quantität für unser Denken zergliederungsfähig ist, theils Einheit, theils Vielheit ist. Da nun die Einheit der quantitativen Masse etwas in sich selbst Abgeschlossenes ist und als solche Alles nur in sich, aber nichts ausser sich hat, so kann sie sich auch nicht äussern und ist somit nicht beobachtungsfähig. Aber auch die blosse quantitative Vielheit bleibt für uns ebenfalls beobachtungsunfähig, weil sie sich ebenfalls nicht äussern kann, indem eine bloss quantitative Vielheit für unser Bewusstsein nur aus homogenen Theilen besteht. Diese Vielheit wird vielmehr erst beobachtungsfähig, wenn man in ihr Veränderungen, bzw. qualitative Unterschiede entdeckt. Ein Ganzes, dessen quantitative Vielheit aus lauter gleichartigen Theilen besteht, ist eben nur Masse und lässt eine Beobachtung nicht zu, weil eben kein Theil dem anderen gegenüber ein Äusseres hat, sich also nicht durch qualitative Unterschiede

äussern kann. Ob das Ganze nur aus zwei oder Millionen Theilen besteht, ändert daran absolut nichts. Was also eine Masse-Beobachtung ermöglicht, ist weder die quantitative Einheit, noch die quantitative Vielheit der Masse, sondern die im Innern der quantitativen Vielheit zu findende Mannigfaltigkeit. Diese Unterschiede zu entdecken, ist Zweck und Ziel der Beobachtung.

Jeder, der einmal eine Reise in einen fernen Welttheil machte, wird sich des ersten Eindrucks erinnern, den die ihm bisher fremdartige Bevölkerung eines Gemeinwesens, z. B. eines Indianer- oder Neger-Dorfes, auf ihn gemacht: sie erscheint ihm auf den ersten Blick nur als eine chaotische Masse, deren quantitative Vielheit keine qualitativen Unterschiede zu haben scheint; man erkennt im Einzelnen nur den Typus des Ganzen. Sollte von Einem der Vielen gegen uns ein Stoss versetzt worden sein und sich die Menge darauf eiligst entfernt haben, so würden wir nicht im Stande sein, am nächstfolgenden Tage aus genau derselben Vielheit den Thäter zu finden, weil uns jene Volksmenge nur als eine unterschiedslose Vielheit, d. h. als Masse erschien. Durch den Reiz des Stosses fühlen wir uns aber veranlasst, den Thäter herauszusuchen, indem wir die Einzelnen aussondern und an jedem Einzelnen die Eigenschaften zu finden suchen, die ihm zustehen. Erst dadurch entdecken wir, dass jeder aus der Vielheit dem Anderen gegenüber ein Anderssein hat, d. h. dass jedem Einzelnen Merkmale eigen sind, die ausser den Merkmalen, welche sie Alle gemeinschaftlich haben, jeder der Übrigen nicht hat. Je mehr wir die letzteren Merkmale finden, desto exacter wird das Beobachtungsresultat, je weniger qualitative Unterschiede wir entdecken, als desto weniger exact müssen wir unsere Beobachtung bezeichnen.

Der Ausdruck „Beobachtung der Masse“ (Masse-Beobachtung) ist also nicht gut gewählt, da wir ja eben streng genommen gar nicht die Masse, weder als quantitative Einheit noch als quantitative Vielheit, sondern die Mannigfaltigkeit beobachten, die, weil alles Qualitative am Quantitativen haftet, selbstverständlich ebenfalls quantitativ ist. Was wir beobachten, sind die elementaren Theile, aus denen das Ganze besteht; denn nur sie weisen Unterschiede auf. Wir nennen diese untheilbaren Elemente auch in der Statistik „Individuen“. Da die Eigenschaften das Äusserliche an den Individuen sind, so äussern

sich diese nur durch ihre Eigenschaften. Ist letzteres der Fall, so ist im letzten Grunde auch eine Beobachtung nur an den Individuen denkbar. Die ganze Beobachtung besteht also in einem System von Individualbeobachtungen, weshalb man statt Masse-Beobachtung besser „systematische Individualbeobachtung" oder kurz „systematische Beobachtung" sagt.

Man kann in der Wissenschaft bei der Wahl eines Ausdruckes nicht vorsichtig genug sein, weil sich eben zu leicht Missverständnisse einschleichen, die zuletzt verderblich werden können. So war es auch hier der Fall.

Von allen Objecten der Statistik wandte man sich bis heute am meisten der Bevölkerung zu, die ja in der That unser grösstes Interesse verdient, zumal sämmtliche Wissenschaften des socialen Lebens bevölkerungsstatistischer Erkenntnisse nicht entbehren können. Da nun für jeden Gebildeten bei der Volksmenge die Individuen ohne besonderes Nachdenken von selbst gegeben sind, was insbesondere die Volkszählungen uns nahe legen, so fingen Einige an, der Bezeichnung „Masse"beobachtung den Sinn von „Massen"beobachtung d. h. einer grossen Zahl von Beobachtungen unterzulegen, und man sprach fortan von „systematischen Massenbeobachtungen". Beim Gebrauche dieses Ausdruckes, dessen sich in den 60-er Jahren namhafte Gelehrte bedienten, wussten diese jedoch sehr wohl, dass es sich um ein System von Beobachtungen handele, die in ihrer Gesammtheit ein einheitliches Ganzes bilden, und dass die grosse Zahl von Individualbeobachtungen nur durch die Zerlegung (Analyse) der einheitlichen Volksmasse in ihre untheilbaren Bestandtheile herbeigeführt ist.

Aber so leicht, wie in der Bevölkerungsstatistik, sind bei den anderen Objecten der Statistik selbst für den wissenschaftlich gebildeten Mann die Individuen gar nicht zu finden. So liegen sie beispielsweise beim Gewerbe- oder Schulwesen nicht so offen da, wie bei der Volksmenge. Denn wäre bei der Schulstatistik der Einzelmensch das Individuum, so würde man über die thatsächlichen Verhältnisse der Lehrer oder der Schüler, aber schwerlich über die Schulanstalten in ihrer inneren und äusseren Organisation Thatsächliches erfahren. Sind bei der Wohnungsstatistik die Gebäude, die Etagen, die Zimmer die Individuen, denen die Beobachtung gilt? Wir würden hier zu einer objectiven Erkenntniss nicht gelangen können, wenn es uns nicht gelänge, die für unser Bewusstsein ungestaltete

Masse in eine Vielheit untheilbarer Bestandtheile mit den sie characterisirenden Eigenschaften zu zerlegen, die uns gestatten, mittelst zahlreicher Combinationen die innere Gestaltung in ihrer thatsächlichen Existenz zu erkennen. Wie lange ist die Gewerbestatistik in der Irre gelaufen, bevor man ihr Individuum, den Betrieb, entdeckt hat? und fragen wir, warum das bei ihr der Fall war, so weiss jeder mit ihrer Geschichte Vertraute, dass sie hauptsächlich durch die Bevölkerungsstatistik irre geführt wurde, in der das Individuum der Einzelmensch ist. Eben deshalb wird jeder pädagogisch gebildete Lehrer der Statistik, der seine Schüler mit der Analyse des Stoffes bekannt machen will, dies zunächst nicht an der Volksmasse, sondern an anderem Material, z. B. dem der Areal-, Erbschafts-, Ernte- oder Bergbaustatistik, kurz an einem Stoff demonstriren, über dessen innere Gestaltung der Schüler am wenigsten Vorwissen hat. Denn hat Letzterer die Analyse an einem der zuletzt genannten Stoffe begriffen, so wird er die Fähigkeit erlangen, jeden beliebigen Stoff in seine „Untheilbaren" (Individuen) zu zerlegen, während umgekehrt, wie jeder erfahrene Lehrmeister bestätigen wird, der mit der Bevölkerungsstatistik zuerst bekannt gewordene Schüler der Analyse eines anderen Stoffes gegenüber rathlos dasteht. Und hört er wohl gar Bevölkerungsstatistik allein, so kann in ihm leicht der Wahn entstehen, als ob der Ausgangspunkt des statistischen Erkenntnissprocesses nicht an der Masse im Sinne eines ungestalteten Stoffes, sondern an der Masse im Sinne einer grossen Vielheit von Einzeldingen anzusetzen habe. Aber die Masse im Sinne eines durch das Denken noch unzergliederten Stoffes ist es ja gerade, wovon der Statistiker ausgeht, weil er ja von vornherein jedes apriore subjective Urtheil vom Stoffe ausschliessen und sein ganzes Erkenntnissverfahren so einrichten will, dass die Analyse wie die Synthese nur auf die Merkmale der Erscheinungen achtet.

In der That geht denn auch die Bevölkerungsstatistik bei ihrem Erkenntnissprocess nur von der ungestalteten Masse aus; sie weiss von den in ihr ruhenden Gruppenbildungen absolut nichts, sondern will diese Gebilde erst finden. Hier liegt nur für den oberflächlichen Beschauer, der die Interessen der Verwaltung nicht von den Interessen der Wissenschaft zu scheiden versteht und die Volkszählung mit dem statistischen Erkenntnissprocess identificirt, die Gefahr nahe, in den verwaltungstechnischen Manipulationen der Volkszählung das Wesen der

Statistik zu erblicken und, weil die Volkszählungen innerhalb eines gewissen Zeitraumes auf Grund bewährter Grundsätze wiederholt werden, nur Das dem Erkenntnissprocess zuzuschreiben, was mit Volkszählungen im Zusammenhang steht. Dasselbe gilt auch von den Registrirungen bzw. fortlaufenden Anschreibungen. Bei solch oberflächlicher Zuschau kommt es dem Beschauer nicht mehr zum Bewusstsein, welchen Erkenntnissprocess die ersten Veranstalter zu ihrem Zwecke anstellten. Insbesondere erscheint ihm der Beobachtungsprocess nicht als einheitliche Analyse des festbegrenzten Objectes „Volksmenge", sondern als eine grosse Zahl (Masse) von Einzelbeobachtungen.

Der Unterschied der heutzutage in regelmässiger Wiederkehr unternommenen Volks- u. s. w. Zählungen vom statistischen Erkenntnissprocess liegt somit für jeden unbefangenen kritischen Kopf klar zu Tage. Die modernen Volkszählungen beruhen grösstentheils auf statistischen Erkenntnissen vergangener Zeiten. Denn wer anders als die früheren Politico-Statisten (Special-Statistiker), die es sich zur Aufgabe machten, „den Staat, wie er wirklich ist" d. h. den Sachverhalt der Gemeinwesen in ihrem inneren Gefüge zu erkennen, und auf welche ganz unberechtigter Weise sog. „moderne" Statistiker verächtlich herabblicken, haben uns, sich Cicero's nosse rempublicam als Leitstern nehmend, einen objectiven Einblick in die territoriale u. s. w. innere Beschaffenheit der Länder verschafft? Wäre uns diese Erkenntniss vom Sachverhalt, vom inneren territorialen Gefüge, von den älteren Statistikern nicht überkommen, so müssten wir sie uns erst schaffen. Somit gehört historisch betrachtet jene Erkenntniss mit zu den Aufgaben der Statistik; nur sind wir jetzt der Aufgabe theilweise enthoben, weil sie statistisch bereits gelöst ist. Denn im Laufe der Zeit wird wegen unserer fortschreitenden Erkenntniss eine Aufgabe nach der anderen überflüssig, und neue Aufgaben wollen unter das statistische Princip gestellt sein. Aber jener Aufgabe sind wir nur theilweise enthoben, weil sich das innere territoriale Gefüge im Wechsel der Zeiten ändert, weshalb wir immer von Neuem, wenn auch in kleinerem Massstabe als früher, die Veränderungen zu erkennen bestrebt sein müssen. Wie oberflächlich erfasst Derjenige die Aufgabe der Statistik, der die von den Verwaltungen ausgehenden Zählungen, die ihrer Genesis nach ganz anderen Ursprungs als die Statistik sind, mit der Statistik ohne Weiteres identificirt und gar nicht erkennt, dass hier zwei

nur ihrem äusseren Ansehen nach verwandte Dinge in Einer Hand vereinigt liegen, und dass man somit bei Beurtheilung des methodisch-technischen Verfahrens, das die Verwaltungsbehörde zur Anwendung bringt, auch auf zweierlei Processe zu achten hat! Der Volkszählung ist ein statistischer Erkenntnissprocess schon vorangegangen, nämlich ein Beobachtungsverfahren, dessen Zweck war, die einheitliche Volksmenge in ihre Untheilbaren zu zerlegen, wodurch für unser Bewusstsein selbstverständlich das einheitliche Object, das den Statistiker allein interessirt, in eine grosse Zahl (vulgär: Masse) von Individuen zerlegt ist, die der ferneren Einzelbeobachtung harren, um später infolge der Einzelbeobachtung zu Gruppen verbunden zu werden.

Aber es handelt sich auch in diesem Falle streng genommen gar nicht um eine grosse Zahl von Beobachtungen, sondern wissenschaftlich betrachtet um Eine Beobachtung, nämlich um die Beobachtung der Volksmenge. Erst infolge der Analyse der letzteren in ihre untheilbaren Bestandtheile (Individuen), womit eben die Beobachtung beginnt, zerfällt die Eine Beobachtung in eine Anzahl von Theilacten, die jedoch unter einander in logischem Zusammenhang stehen, d. h. ein System bilden und eben die systematische Beobachtung ausmachen, welche einzig und allein dem Princip der Statistik gerecht wird, weil nur in der Einheit des vielen Einzelnen das Thatsächliche zu finden ist. Hier eben liegt die Verwechslung der sog. Zählungen mit der Statistik offen zu Tage. Der administrativen Zählung ist der Zusammenhang, in welchem die Theile zum Ganzen stehen, und das Verhältniss, in dem das Besondere in verschiedenen Gruppen und Graden der Verwandtschaft dem Allgemeinen untergeordnet ist, bereits infolge der von der Statistik gelieferten Erkenntniss bekannt. Die administrative Zählung, weil sie schon die statistische Erkenntniss vom Sachverhalt hat, hat streng genommen gar nicht mehr zu beobachten, sondern nur unter Anleitung des bereits beendeten Beobachtungsprocesses Das zu erheben, was die Verwaltungsbehörde für wichtig hält, gezählt und gemessen zu werden. Deshalb spricht ja auch die Verwaltung sehr correct nicht sowohl von Beobachtungen, sondern von „Erhebungen“ und von einem „Erhebungsplan“. Wer den statistischen Erkenntnissprocess von dem numerischen Hilfsapparat, der sog. statistischen Methode, nicht begrifflich zu scheiden versteht, wird immer Gefahr laufen, das administrative Zählungs-

wesen mit der Statistik zu identificiren. Darauf noch näher einzugehen, ist nicht Zweck dieser Abhandlung.

Auch für die Bevölkerungsstatistik ist also das Object nicht eine Vielheit von Individuen, sondern eine einheitliche, zunächst unzergliederte Masse; denn die Individuen sind für unser Bewusstsein so gut wie bei allen übrigen Objecten der Statistik erst infolge einer vorausgegangenen Analyse des ungestalteten Stoffes existent. Und da an den Individuen die Eigenschaften zur Erscheinung kommen, die in ihrer wechselseitigen Wirkung die in der Masse uns verhüllt liegenden Gestaltungen erzeugen, so wird der Beobachtungsprocess zunächst an den Individuen angestellt, wodurch eben die Beobachtung in Theilacte zerfällt, für welche man den unklaren und darum leicht irreführenden Ausdruck „Massenbeobachtung" gewählt hat, der seinen Ursprung einer falschen Auffassung der Bezeichnung „Beobachtung der Masse" einerseits und der Herübernahme des Ausdrucks „Massenerscheinungen" aus der politischen Arithmetik anderseits verdankt.

Aber dieser Ausdruck sollte für die Statistik verderblich werden, als man anfing, von Massenbeobachtungen schlechthin zu sprechen. Es hielten nämlich Einige augenscheinlich die Bezeichnung „systematische Beobachtung" für ungenügend, weil ihnen dadurch nicht zugleich auch ausgedrückt schien, dass es sich um eine grosse Anzahl von Theilacten einer einheitlichen Beobachtung handele; man sprach deshalb längere Zeit von „systematischen oder methodischen Massenbeobachtungen". So lange das „systematisch" den Ausdruck Massenbeobachtung begleitete, wusste Jedermann, dass es sich um eine gegliederte Gesammtbeobachtung handele. Als man aber das „systematisch" vor Massenbeobachtung ausliess und von einer Massenbeobachtung schlechthin sprach, musste nothwendig bei Denjenigen, die im Denken nicht selbständig sind und ihre Aufgabe hauptsächlich in handwerksmässiger Nachahmung practischer Bethätigung Anderer erblicken, das Wort Massenbeobachtung zu einem Schlagwort werden. Es ist erfahrungsgemäss characteristisch, dass Der, der ein Schlagwort anwendet, ihm seine besondere Bedeutung giebt, und dass es jederzeit die Stelle eines wissenschaftlichen Begriffes, der dem Bewusstsein verloren gegangen ist und um dessen Wiederfindung man sich keine Qualen macht, ersetzen muss. „Nur muss man sich nicht allzu ängstlich quälen; denn eben wo Begriffe fehlen, da stellt ein

Wort zur rechten Zeit sich ein. Mit Worten lässt sich trefflich streiten, mit Worten ein System bereiten, an Worte lässt sich trefflich glauben, von einem Wort lässt sich kein Jota rauben."

Demjenigen, der sich um den Grundbegriff der Statistik nie abgequält hatte, war das Wort „Massenbeobachtung" eine willkommene Aushilfe. Sowie der Bauer zum Begriff Apotheke durch die vielen Büchsen im Verkaufslokal hingeführt wird, so erwuchs dem einseitigen Techniker aus der sinnlichen Vorstellung der bei einer Volkszählung mit Erhebungsformularen versehenen grossen Masse von sog. Zählern und der grossen Anzahl von Registrirungen der Begriff „Statistik". Infolge dessen erklärte man das Wesen der Statistik mit dem Schlagworte „Massenbeobachtung". Damit liess sich nicht bloss trefflich streiten, sondern sogar ein System bereiten. Aber in ihrer Naivität redeten sich Einige diesen Aberwitz, von dem sie sich kein Jota rauben lassen, nicht bloss sich selbst, sondern auch Anderen ein; und es giebt bekanntlich in allen Ständen Leute, die gerade, weil sie einen Ausdruck nicht ganz richtig verstehen, ihn in den Mund nehmen, nur um zu zeigen, dass sie ihn kennen.

Den älteren amtlichen Statistikern, die sich bei ihren practischen Arbeiten noch vom statistischen Princip leiten liessen, blieb der Ausdruck überhaupt fremd; sie bedurften seiner nicht, da ihre ganze Thätigkeit zur Findung des Thatsächlichen vorschriftsmässig abgestuft war und für jede Stufe eine klare Bezeichnung bestand. Es waren die drei Stufen, die z. B. auch v. Viebahn in seiner Statistik des zollvereinten und nördlichen Deutschlands hervorhebt, wenn er (S. VI.) sagt: „Was nun den Begriff und die Ermittelung des Thatsächlichen im Staate selbst betrifft, so ist auch dabei eine dreifache Abstufung zu unterscheiden: die erste Stufe ist die Aufnahme und Zusammenstellung der nackten Thatsachen . . . , die zweite der Nachweis des Zusammenhangs und der Ursachen . . . , und endlich . . . die Constanz der Erscheinungen unter gewissen Bedingungen". Die Aufnahme der Thatsachen zur Ermittelung des Thatsächlichen „Massenbeobachtung" zu nennen, fehlte für die amtlichen Statistiker jeder vernünftige Grund.

Da das durch das Zählungswesen veränderte Aufnahmeverfahren der amtlichen Statistik, die jetzt mehr in den Vordergrund tretende directe Erhebung, die dreigliedrige Frage in sich schloss: „was soll erhoben werden? durch wen und wie soll es erhoben werden?" so führte die Beantwortung

dieser Frage zu einer zweckentsprechenden Technik, die ihrer Natur nach theils in das Gebiet der Verwaltungswissenschaft, theils in dasjenige der Statistik fällt. Was im practischen Leben in einander fliesst, erscheint trotzdem im rein wissenschaftlichen Leben getrennt. Wir sondern ja Wissenschaften nur im Interesse der Klarheit der einzelnen Aufgaben ab, weil sonst schlechterdings Alles in einander schwimmen müsste, und weisen jeder Einzelwissenschaft die Aufgabe zu, die ihr zugehörigen Thatsachen auf ihr Grundprincip zurückzuführen. Davon kann auch die Statistik nicht dispensirt werden, wenn sie nicht Gefahr laufen soll, Heterogenes unter einander zu verschmelzen.

Eine solche Gefahr lag für die Statistik nahe, seitdem die amtliche Verwaltungsstatistik in den Vordergrund getreten war, und die Verwaltungsbehörden sich im Interesse der directen Erhebungen theils mit der Organisation des Behördenmechanismus, theils mit Fragen der technischen Durchführung des Aufnahme- und Aufbereitungsverfahrens zu beschäftigen anfingen. Es ist eine bekannte Erfahrungsthatsache, dass, wenn von bedeutenderen Geistern irgend eine Frage aufgeworfen worden ist und eine im grossen Ganzen genügende Antwort gefunden hat, sich auch alsbald eine Anzahl untergeordneter Geister einfindet, welche die grossen bereits aufgestellten Gesichtspunkte ins Kleinliche verzerren und über ihre Beschäftigung mit kleinen technischen Kunststückchen vollständig vergessen, welch höherem Zwecke die Technik eigentlich zu dienen hat. Diese untergeordneten Geister sind es denn auch gewesen, welche in die an sich einfachen Verhältnisse Verwirrung brachten. Jene hervorragenden Statistiker, welche sich mit der Organisation der statistischen Verwaltungsbehörden und mit methodologisch-technischen Fragen betreffs der Erhebung und Verarbeitung des Materials beschäftigten, thaten das in dem klaren Bewusstsein, dass derartige Erörterungen nicht sammt und sonders der Statistik zugehörten und dass sie, in soweit sie ihr zufielen, doch nichts für sich Existentes, sondern eben nur etwas dem Zwecke des statistischen Princips Untergeordnetes seien, dass insbesondere auch die jetzt mehr in den Vordergrund gerückte numerische Methode, das Zählungsverfahren, nichts der Statistik Wesentliches, sondern nur ein Mittel zum Zwecke sei.

Wie hätte es auch anders sein können, so lange an der Spitze der statistischen Behörden noch Männer standen, die den

statistischen Zweck auch noch mit anderen Mitteln verfolgt hatten, als die sind, welche man fortan vorzugsweise in Anwendung brachte? Sie hätten sich selbst negiren müssen, hätten sie behaupten wollen, die Statistik werde durch „Massenbeobachtungen" characterisirt, und nur Der treibe Statistik, der dieses Verfahren in Anwendung bringe. So lange sie auf die Verarbeitung anderweit gewonnenen, d. h. nicht von ihnen selbst erhobenen Materials beschränkt waren, musste der Natur des Materials entsprechend der kritische Zweifel, einer der fruchtbringendsten Factoren zur Findung des Thatsächlichen, die Thätigkeit der amtlichen Statistiker beherrschen. Denn der kritische Zweifel scheidet in unseren Vorstellungen das Gewisse vom Ungewissen, giebt das Mass schon erreichter Wahrheit an und stellt zugleich die noch zu lösenden Aufgaben mit voller Sicherheit hin; aber er wendet auch die in der Kenntniss des Gesetzmässigen gegebenen Mittel an, um durch Auffindung der wahren Bedingungen und Feststellung des wirklichen Verlaufs der Thatsachen die Wahrheit abzuschliessen. Bei diesen älteren amtlichen Statistikern konnte somit von einer rein mechanischen Thätigkeit und blosser Technik gar keine Rede sein. Denn bei ihnen handelte es sich um einen wirklichen geistigen Erkenntnissprocess zur Findung des Thatsächlichen, und jeder amtliche Statistiker musste sich bei seiner Bethätigung des Zwecks, wie er im Princip der Statistik gegeben ist, allezeit bewusst bleiben.

Ganz anders wurde die Sache bei einigen jetzt auftauchenden jüngeren amtlichen Statistikern, in deren Hände man das Zählungswesen legte, und welche directe Erhebungen vorzunehmen hatten. Sie fingen an, die statistische Thätigkeit oberflächlich aufzufassen. Man stelle nur „Massenbeobachtungen" an, gruppire nach einem bestimmten Schema die Zählungsergebnisse und stelle sie in Tabellen mit absoluten Zahlen zusammen; dann verwandele man letztere mittelst Rechnung in Relativzahlen, berechne Durchschnitte, achte auf die Maxima und Minima derselben und auf die Abweichungen bzw. Schwankungen über und unter dem Durchschnitt, vergleiche auch verschiedene Zählungsergebnisse mit einander, und wenn sich Regelmässigkeiten in den „Massenerscheinungen" nachweisen lassen, dann habe der Statistiker alle seine Pflichten erfüllt. Das ganze Wesen der Statistik liege nämlich in den Massenbeobachtungen, in der Gruppirung und calculatorischen Bearbeitung des durch Massen-

beobachtung gewonnenen Materials und in der Constatirung der Regelmässigkeiten; und wenn man diese Technik immer mehr vervollkommne, dann vervollkommne man das Wesen der Statistik. So wandten sich denn Einzelne diesem Handwerke in dem Wahne zu, dass darin die wesentliche Aufgabe der Statistiker bestehe. Zu welchem Zwecke der technische Apparat aber eigentlich geschaffen sei, ging bei dieser geisttödtenden Beschäftigung ihnen verloren. Insofern bei gewissen Erscheinungen des sog. Gesellschaftslebens der Abschluss des technischen Verfahrens in der Constatirung von Regelmässigkeiten stattfindet, musste bei einer so einseitig ausgeübten Technik der Wahn entstehen, dass der technische Abschluss auch der Erkenntnisszweck der Statistik sei. So konnte man getrost erklären, die Statistik stelle Massenbeobachtungen an, um dadurch die Regelmässigkeiten im Gesellschaftsleben zu constatiren. Auf diese Weise raubte man der Statistik ihr Princip und den Geist, der sie Jahrhunderte lang beherrscht hatte! Das Schlagwort „Massenbeobachtung" muss den Geist ersetzen und die statistische Thätigkeit eine Richtung annehmen, die jedes wissenschaftliche Erkennen vollständig ausschliesst. Es ist nicht gerechtfertigt, eine solche Thätigkeit ohne leitendes Princip als „wissenschaftlich" zu bezeichnen.

Es schauten diese Techniker eben nur noch auf ihren Apparat, der ja nicht schwer zu erlernen und leicht zu handhaben ist, und an dessen Vervollkommnung herumzuarbeiten ebenfalls keine grosse Kunst ist. So wurde dieser Apparat jetzt gleichsam Selbstzweck, und man vergass dabei ganz, dass er ja doch nur ein Hilfsmittel für einen höheren Erkenntnissprocess ist, der auf mehrfacher Analyse und Synthese beruht. Man verabsäumte in diesen Kreisen, auf die wissenschaftlichen Gesetze zurückzugehen, auf welche jene Technik gegründet ist, weil die mechanische Ausübung derselben ihrem Verständniss so ausserordentlich einfach ist: befolgt man nur diese technischen Regeln, dann ist Alles abgemacht, und worauf sich diese technischen Regeln nicht anwenden lassen, das gehört eben nicht zur Statistik. Es entging ihnen bzw. entgeht ihnen vollständig, worauf auch Mill in seiner Logik hinweist, „dass man sich in den verwickelteren Geschäften des Lebens auf Regeln nicht verlassen kann, ohne beständig auf die wissenschaftlichen Gesetze, auf welche sie gegründet sind, zurückzugehen".

Wie kann es in der That anders sein, wenn es der Zweck der Statistik sein soll, auf Grund von Massenbeobachtungen die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben zu erforschen, und wenn man so ganz vergisst, dass die Statistik das Thatsächliche ermitteln will! Es muss nothwendiger Weise der Calculator den Statistiker verdrängen, wenn sich die amtlichen Statistiker vom Princip der Statistik nicht mehr leiten lassen und an Stelle des objectiven Erkennens technische Arbeitsinstructionen erlassen und die Beobachtungsfehler höchstens durch rein äusserliche Mittel auszumerzen suchen. Das Streben nach Genauigkeit der Resultate ist alsdann nur secundärer Natur und bezieht sich selbstverständlich mehr auf Äusseres, insbesondere weit mehr auf das Zählungsgeschäft als auf das wirklich logische Erkennen.

Diesen soeben geschilderten technisch-numerischen Apparat, dessen sich die amtlichen Behörden jetzt vorzugsweise bedienen, und an dem man wohl unterscheiden muss, was einerseits der Arithmetik und was anderseits der Verwaltungswissenschaft zufällt, nannte man auch, weil es ein Haupthilfsmittel zur Erkenntniss des Thatsächlichen, des status rerum, geworden war, „statistische Methode", obwohl diese Methode auch einer Anzahl anderer Wissenschaften als Hilfsapparat dient. Diese Bezeichnung wurde nun ebenfalls verhängnissvoll, indem die rein mechanisch arbeitende Schule der Techniker, durch den äusseren Augenschein geblendet, angefangen hatte, in der numerischen Methode selbst das Wesen der Statistik und, weil die amtlichen Behörden sie vorzugsweise gebrauchen, in der sog. amtlichen Statistik die Statistik überhaupt zu erblicken. Da man den Zweck der Statistik ausserhalb ihres historischen Princips suchen zu müssen glaubte, so galt die Vervollkommnung der numerischen Methode nicht sowohl der Statistik, sondern anderen Zwecken, die man mittelst der Methode erreichen kann. Denn der jetzt „statistische" oder „Methode der Massenbeobachtung" genannte Apparat war ja zur Hauptsache geworden und in ihm lag das Wesen der Statistik; es war die „eigentliche Statistik" im Gegensatz zu der ganzen bisherigen Statistik, der „uneigentlichen Statistik".

Der intelligentere Gelehrte, der vom historischen Princip der Statistik nichts mehr wusste, erhob nun freilich den Einwand, dass es eine solche Wissenschaft doch unmöglich geben könne, da ja doch eine Wissenschaft nicht blosse Methode sei,

sondern ein theoretisches System sein müsse. So schrieb beispielsweise Joseph Gerstner (Bevölkerungslehre Würzburg 1864 S. 27): „Die Statistik ist an sich keine selbständige Wissenschaft. Eine solche verlangt einen specifischen Gegenstand und ein eigenthümliches Princip des Denkens. Das trifft ein für alle Mal bei der Statistik nicht zu. Sie ist nur eine bestimmte Methode wissenschaftlicher Beobachtung, welche in allen Wissenszweigen anwendbar ist.“ Man hatte eben mancherwärts das Princip der Statistik bereits vergessen, und zwar hauptsächlich deshalb, weil die Materialien, welche von den amtlichen Behörden fortan veröffentlicht und bereits ins Riesenhafte gewachsen waren, in Praxis und Wissenschaft gute Verwendung für ausserhalb der Statistik liegende Zwecke finden konnten, während die Theorie der Statistik infolge des übersättigenden Streites über den Begriff der Statistik, den man durch „den Absolutismus des subjectiven Gedankens, statt die Genesis der Wissenschaft Schritt für Schritt zu erforschen und zu verfolgen“ (vgl. oben S. 8), zu lösen versuchte, arg vernachlässigt wurde.

Namentlich hatte man die Resultate der sog. amtlichen Statistik, soweit sie als blosse Ergebnisse der Volkszählungen zur Veröffentlichung gelangten, hauptsächlich in den Dienst der Bevölkerungslehre gestellt, welche für die (damals) sog. politischen Wissenschaften von grosser Bedeutung geworden war. Da „das organische Werden der Bevölkerung in seiner inneren Entwickelung als solches unserer Einsicht verschlossen ist“, so „müssen wir den grossen Verlauf der Bildung der Menschengattung nach ihren einzelnen Lebensäusserungen verfolgen, wir müssen die ewige Stetigkeit des Gesetzes auflösen und die bestimmten Thatsachen, durch welche es zur Erscheinung kommt, fixiren. . . . Die Methode, welche uns die im Bevölkerungsleben wichtigen Momente aufsucht und zur Vorstellung bringt, um Theorien darauf zu stützen, ist die Statistik“ (Gerstner a. a. O. S. 15). Unter Statistik in diesem Sinne verstand man in erster Linie den methodisch-technischen Zählungsapparat der Verwaltungsbehörden. So war nunmehr nur noch der Schritt zu thun, diesen statistischen Apparat mit der Bevölkerungslehre zu einer äusserlichen Einheit zu verbinden, um eine Wissenschaft von der Bevölkerung zu haben, welche sich der „Massenbeobachtung“ genannten Methode der statistischen Verwaltungsbehörden bedient. Sie wurde von einer Seite

„Demologie oder Lehre von den menschlichen Gemeinschaften," von einer andern später „Gesellschaftslehre" genannt.

Die so entstandene Wissenschaft ist also nicht eine Wissenschaft auf statistischer Grundlage, sondern eine Wissenschaft nach sog. statistischer Methode. Beides ist scharf aus einander zu halten. Denn im ersteren Falle baut sich die Wissenschaft auf objectiven Erkenntnissen von Sachverhalten auf, während im zweiten Falle ein blosses arithmetisches Verfahren zur Anwendung gebracht wird, um gewisse gleichartige Dinge und Vorgänge durch Zählung unter bestimmte bereits vorhandene Rubriken bzw. Begriffe zu subsumiren, diese Zahlenverhältnisse möglichst in Gruppen darzustellen, aus ihnen Durchschnittswerthe und dadurch ein Mass ihrer Höhe behufs Vergleichung mit anderen zu erhalten, und um endlich die aus dem Durchschnitte sich ergebenden Regelmässigkeiten zum Ausdruck zu bringen. Der Unterschied zwischen beiden Wissenschaften liegt also klar gegeben darin, dass eine Wissenschaft auf statistischer Grundlage die Erkenntnisse, welche die Statistik gezeitigt hat, für ihre Zwecke benutzt, bzw. in ihren Dienst stellt, wie beispielsweise die Urgeschichte, welche die von der Statistik — aus dem ursächlichen Zusammenhang der im Völkerleben zur Erscheinung gelangenden Dinge — gewonnenen Sachverhalte zur Grundlage geschichtlicher Reconstructionen verwerthet; während eine Wissenschaft nach statistischer Methode eine Wissenschaft ist, die sich eines methodisch-technischen Verfahrens bedient, welches die Wissenschaft Statistik zur Erkenntniss gewisser Sachverhalte (des Thatsächlichen) geschaffen hat und eben deshalb auch bei gegebenen Verhältnissen zur Anwendung bringt, nämlich hauptsächlich überall da, wo die Statistik ausser Stande ist, durch Analyse und Vergleichung der einzelnen Fälle einen Causalzusammenhang zu finden und sich mit einer blossen Beschreibung collectiver Ganzer, wie es eben bei der beschreibenden Darlegung der Regelmässigkeiten der Zahlen und Durchschnitte geschieht, beschränken muss. Hätte die Statistik den Grund und die Bedingungen, worauf das sachliche Verhältniss gewisser regelmässig wiederkehrender Erscheinungen beruht, erkannt, so würde, wie schon oben erwähnt, die Statistik sich des arithmetischen Apparats zum Zwecke einer bloss beschreibenden Darlegung der sich hier zeigenden Regelmässigkeiten nicht bedienen.

Sehen wir uns diese sog. statistische Methode näher an,

so kann sie, weil sie ja nur ein Hilfsmittel des statistischen Erkenntnissprocesses ist, uns wohl gewisse Verhältnisse übersichtlicher beschreiben helfen und unsere Erkenntnisse klarer, aber nicht wahrer gestalten, überhaupt für sich allein uns keine neue Erkenntniss bieten, sondern nur Das bestätigen, was uns der allgemeine logische Erkenntnissprocess, dessen sich die Statistik bedient, bereits über den Sachverhalt offenbart hat. War unsere Beobachtung nicht vorurtheilslos und die Analyse überhaupt oberflächlich und ungenau, waren unsere Combinationen ebenfalls nicht vorurtheilsfrei, indem wir bei der Gruppenbildung nicht sorgfältig genug die Verwandtschaft in ihren verschiedenen Graden zum Allgemeinen erfasst haben, so kann der ganze arithmetische Apparat, er mag arithmetisch noch so genau functioniren, zu einer exacten Erkenntniss nicht hinführen. Denn das Exacte in der Statistik besteht nicht bloss im richtigen Zählen und Rechnen, sondern im richtigen Beobachten und Combiniren. Die Combinationsbegabung ist es ja überhaupt, deren der Statistiker in erster Linie bedarf; und wer nur richtig zählen und rechnen kann, überhaupt den mehrfach genannten Apparat mit mechanischer Gewandtheit zur Durchführung bringt, ist noch lange kein Statistiker, sondern ein ehrenwerther Calculator.

Dadurch dass die Gesellschaftslehre sich dieses Apparats, der sog. statistischen Methode, bedient, wird die Gesellschaftslehre nicht Statistik. Denn diese Methode ist, wie allgemein zugegeben wird, auch auf andere Objecte, als auf die Gesellschaft, anwendbar, z. B. auf die Meteorologie. Es müsste also auch diese durch Anwendung der statistischen Methode Statistik werden. Dass diese Methode überhaupt „statistische" heisst, verdankt sie ja nur dem Umstande, dass die Verwaltungsbehörden, denen man das in erster Linie dem Interesse der Verwaltung und erst in zweiter Linie dem Interesse der Wissenschaft dienende Zählungswesen übertragen hat, „statistische" Behörden bzw. statistische Ämter oder Bureaux heissen. Aber die letzteren führen diesen Namen nicht deswegen, weil sie die oben skizzirte Methode in Anwendung bringen und das Geschäft der administrativen Zählungen besorgen, sondern weil sie den Regierungen objective Berichte über die Zustände des Landes bieten sollen, wozu sie neuerdings selbstverständlich auch directe Erhebungen veranstalten und zu Ergebnissen verarbeiten müssen. Die sog.

statistische Methode ist jüngeren Datums als die Behörden, welche sie in Anwendung bringen; sie hat sich erst ganz allmählich in der neueren Zeit ausgebildet und ist deshalb auch jünger als die Statistik selbst. Folglich kann sie auch aus diesem Grunde nichts der Statistik Wesenhaftes sein, sondern was an ihr (der Methode) Statistisch-wesenhaftes ist, ist nur jener Bestandtheil, in dem das statistische Princip sich wirksam zeigt, während derjenige numerisch-technische Theil, der zur Findung des Thatsächlichen unbrauchbar ist und der blossen Zählung dient, ausserhalb der Statistik steht.

Bemerkenswerth ist die Äusserung, welche v. Mayr in seiner „Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben" (S. 13) aufgenommen hat: „Die Klarheit der Anschauungen über das Wesen der Statistik fördert es allerdings nicht, dass in so ganz allgemeinem Sinne von Statistik und statistischer Methode gesprochen wird. Es ist deshalb mit Recht vorgeschlagen worden, in diesem Falle überhaupt nicht von statistischer, sondern von numerischer Methode zu sprechen". Diese Methode ist nämlich in der That nur ein arithmetisches Verfahren, dessen sich, wie oben gezeigt, namentlich die amtliche Statistik, seitdem sie in grösserem Massstabe administrative Zählungen durchzuführen hat, bedient. Aber dieses Verfahren ist der Statistik gar nicht allein eigenthümlich: „sie greift", wie v. Mayr sagt, „auch bei der Beobachtung und wissenschaftlichen Ausbeutung rein natürlicher Thatsachen Platz. . . Die wohlgeordneten, eines genauen Ausdruckes in Zahl und Mass sich erfreuenden Aufzeichnungen über Temperaturverhältnisse, Regenmengen, Windrichtungen, Ozongehalt der Luft u. s. w., welche wir den meteorologischen Stationen verdanken, sind in diesem Sinne ebenso gut durch die statistische Methode gewonnen als etwa die fortlaufenden Aufzeichnungen über Geburten, Trauungen und Sterbefälle, über Waarenpreise, über vorgefallene und abgeurtheilte Verbrechen".

Ich sollte meinen, dass wenn Jemand bereits zu der Einsicht gekommen ist, dass „es die Klarheit der Anschauungen über das Wesen der Statistik nicht fördert, wenn in so ganz allgemeinem Sinne von statistischer Methode gesprochen wird" und dass man mit Recht besser von „numerischer" Methode spreche, sowie dass diese Methode „nicht auf das Gesellschaftsleben beschränkt ist", sondern auch „bei Beobachtung rein natürlicher Thatsachen Platz greift", — er nothwendig daraus

folgern müsste, dass diese Methode bei ihrer allgemeinen Brauchbarkeit unmöglich ein Characteristicum der Statistik sein kann, und dass sie somit nicht zum Wesen der Statistik gehört. Denn wesentlich ist einer Sache bzw. Wissenschaft nur Das, worin sie ihren Ursprung hat und worin sie begründet ist. Verdankt die numerische Methode ihr Dasein dem Wesen der Statistik und dient sie dem Wesen derselben, so sind wir nicht der Aufgabe enthoben, das Wesen der Statistik aufzusuchen, um zu erfahren, in welchem Verhältniss die Methode zum Wesen der Statistik steht. Aber dass die numerische Methode das Wesen der Statistik sei, kann nur der allereinseitigste Absolutismus des subjectiven Gedankens behaupten, der sich um die Genesis der Statistik einfach nicht kümmert. Bedient sich die Statistik eines methodisch-technischen Verfahrens, wie eine Reihe anderer Wissenschaften, so ist es ein Gemeingut derselben, und es ist vollständig richtig, dieses Verfahren nicht statistisches, sondern numerisches Verfahren zu nennen oder irgend einen andern neutralen Ausdruck dafür zu gebrauchen. Wenn wir uns statt dessen der unklaren Bezeichnung „Massenbeobachtung" bedienen, so wird an der Thatsache selbst nichts geändert; denn auch die Naturwissenschaften bedienen sich der „Massenbeobachtungen".

Was bleibt also nunmehr der Statistik als Wesentliches übrig, wenn wir ihr diese „numerische" oder „statistische" Methode, weil sie, abgesehen von ihrer späteren Entstehung als die Statistik, wegen ihrer allgemeinen Brauchbarkeit in anderen Wissenschaften das Wesen der Statistik nicht characterisiren kann, als Wesentliches absprechen müssen? v. Mayr antwortet darauf (Gesetzmässigkeit S. 13): „Von dem Gebiete der selbständigen Wissenschaft der Statistik bleibt die Beobachtung der rein natürlichen, ausser Zusammenhang mit dem gesellschaftlichen Leben der Menschen stehenden Thatsachen ausgeschlossen. Während statistische — oder besser numerische — Methode überall vorliegt, wo quantitative, auf Massenbeobachtung beruhende Feststellung und Gruppirung von Thatsachen stattfindet, ist das Gebiet der Wissenschaft Statistik beschränkt auf die quantitative, nur durch Massenbeobachtung erreichbare Forschung des gesellschaftlichen menschlichen Lebens. Ich möchte hiernach die statistische Wissenschaft definiren als die systematische Darlegung und Erörterung der thatsächlichen Vorgänge und der aus diesen sich ergebenden

Gesetze des gesellschaftlichen menschlichen Lebens auf Grundlage quantitativer Massenbeobachtungen".

Das will also besagen: Wenn man die erwähnte Methode auf andere Objecte als das Gesellschaftsleben in Anwendung bringt, treibt man nicht Statistik, nur wenn man sie auf das Gesellschaftsleben beschränkt, so ist das Statistik! Wieviel klarer ist doch dagegen jener Gesetzesparagraph, der sich angeblich in früherer Zeit in den Gesetzen der Studenten der Universität Jena befunden haben soll: „Wer einen Nachtwächter tödtet, soll bestraft werden, wie einer, der einen Menschen getödtet hat", weil hier die Handlung nicht vom Object abhängig ist. Entweder müssen wir sagen: Wer dieser numerischen Methode sich bedient, treibt Statistik; dann ist die Methode die Hauptsache und sie erstreckt sich auf alle Objecte, auf die sie anwendbar ist. In diesem Falle giebt es eine statistische Methode, aber keine Wissenschaft Statistik. Oder wir müssen sagen: wer das Gesellschaftsleben erforscht, ist Statistiker. Alsdann ist die Methode, weil ja nur dienendes Mittel, dieser Forschung untergeordnet, und es muss unbenommen sein, eine bessere Methode zu wählen, wenn man mittelst einer solchen das Ziel besser erreichen kann. Denn man würde wegen der Einseitigkeit der Methode nur zu einer ganz vagen Vorstellung von der Gesellschaft gelangen. Aber zugegeben, eine solche Gesellschaftswissenschaft sei möglich, dann darf sie jedenfalls nicht „Statistik" heissen, wenn nicht arge Verwirrung herbeigeführt werden soll, weil unter diesem Namen bereits eine Wissenschaft, nämlich die notitia status rerum, die Wissenschaft vom Thatsächlichen oder die Erkenntnisslehre vom Sachverhalt, seit Jahrhunderten begründet ist.

Sind Wissenschaften bereits existent, so kann sie nicht ein Einzelner nach seinen eigenen Bedürfnissen begrifflich umgestalten, bloss weil er selbst während seines Lebens eine gewisse Vorliebe für ein einseitig methodisch-technisches Verfahren gewonnen hat. „Warum — möchte man fragen — soll bei einer Gruppe dieser Massenbeobachtungen von einer selbständigen Wissenschaft, bei der andern nur von einer Methode die Rede sein?" So ruft v. Mayr selbst aus. Statt nun einfach zu erklären, dass darin ein nicht zu hebender Widerspruch liegt, dreht sich v. Mayr im Kreise herum und ergeht sich, wie dies nicht anders möglich ist, in Redensarten, die schliess-

lich darin gipfeln: „Wo es sich um Gesetze des Gesellschaftslebens handelt, ist die quantitative Massenbeobachtung keine secundäre, gewissermassen nur additionelle Methode, sondern die einzig mögliche Forschungsweise. Dies ist der innere Grund, warum die quantitative Massenbeobachtung gerade der gesellschaftlichen Thatsachen in der Wissenschaft Statistik ein selbständiges, wohlgeschlossenes und reichhaltiges Wissensgebiet darstellt".

Ganz abgesehen davon, dass mittelst dieser Methode gar keine Gesetze erforscht, sondern nur Regelmässigkeiten (Gesetzmässigkeiten) beschrieben werden können, ist es schwer zu begreifen, wie ein Wesen „selbständig, wohlgeschlossen und reichhaltig" werden kann, wenn es sich eines einseitigen Handgriffes bedient. Erlangt denn ein Mensch, der sich nur einseitig seines linken Armes bedient, Selbständigkeit im Gegensatz zu einem Menschen, der beide Arme gebraucht und wird er dadurch nun vollends gar „reichhaltig"? v. Mayr verwechselt Selbständigkeit mit Einseitigkeit. Wenn nach seiner Ansicht „die Naturwissenschaft die quantitative Massenbeobachtung nicht als ausschliessliches, auch nicht als primäres, sondern nur als mitwirkendes Element der Forschung anwendet," während es die Statistik seiner Meinung nach thut, so wird die Statistik den Naturwissenschaften gegenüber einseitig, aber dadurch nicht selbständig.

Das Fehlerhafte der Auffassung v. Mayr's liegt darin, dass er Jahrzehnte lang rein mechanisch diese sog. statistische Methode in Anwendung gebracht hat, ohne sich um das Princip der Statistik zu kümmern. Sonst müsste er wissen, dass deren Erkenntnissprocess genau, wie die Naturwissenschaften auch, die numerische Methode „nur als mitwirkendes Element der Forschung" benutzt, und dass die Statistik gar nicht durch die numerische Methode gekennzeichnet ist. Und weil für v. Mayr „der Geist hinausgetrieben" ist und er „nur die Theile in seiner Hand" in Form eines Objects und einer Methode hat, glaubt er zwischen diesen Theilen ein „geistiges Band" ohne das allein verbindende historische Princip der Statistik herstellen zu können. Der Begriff von der Statistik, wie er nur in der Einbildung v. Mayr's existirt, ist in der Geschichte dieser Wissenschaft gar nicht existent, es sei denn, man würde ihm darin recht geben, „die Statistik als wissenschaftlicher Begriff habe gewissermassen selbst

eine historische Wandelung erfahren, indem die Forschungen, die man im vorigen Jahrhundert häufig der politischen Arithmetik eingereiht und gar nicht als statistisch bezeichnet habe, der heutigen Statistik näher verwandt seien."

Ist so etwas möglich? Kann denn die Statistik als wissenschaftlicher Begriff jemals eine historische Wandelung erfahren? Was versteht denn die Wissenschaftslehre unter „wissenschaftlichem Begriff" anderes als den Begriff, der als Wesen unwandelbar ist? So erklärt beispielsweise G. Glogau (Hauptlehren der Logik und Wissenschaftslehre S. 78): „Der wissenschaftliche Begriff sucht der Realität als Totalerscheinung in allen ihren Sonderformen gerecht zu werden. Der Wirklichkeit, welche immer einseitig ist und immer nur ein wechselndes Stadium einer umfassenden Bewegung erfasst und festhält, ist er daher entgegengesetzt. Die Wahrheit ist Wesen, das der Begriff ausspricht, die Wirklichkeit aber nie voll erreicht". Den „wissenschaftlichen Begriff" der Statistik zu finden genügt es nicht, sich aus den bekannten 63 bzw. 200 (?) Definitionen eine auszuwählen oder dem vivat sequens Rümelin's folgend, eine neue hinzuzufügen, die man aus dem Augenschein mechanisch und unbewusst vollzogener Thätigkeit zu irgend einem äusserlichen Zwecke folgern zu müssen glaubte. In der Wissenschaft handelt es sich um strenge Entwickelungsgesetze.

Im Begriffe Entwickelung liegt aber nicht bloss das Verändern, sondern zugleich die Continuität. Das Wesen einer Sache bleibt; Das, was verändert, liegt immer ausserhalb des Wesens, und eine Entwickelung findet statt, wenn das Wesen die Kraft hat, sich das ausserhalb seiner liegende und es berührende zu assimiliren. Wenn die Statistik als status rerum notitia die Kraft besitzt, die Welt der socialen Erscheinungen sich zu unterwerfen, so wird die Statistik keine Gesellschaftswissenschaft. Denn in diesem Falle bleibt die Statistik, was sie ist, d. h. sie sucht das Thatsächliche in den socialen Erscheinungen zu erkennen: es entsteht eine Socialstatistik. Sucht aber anderseits die Socialwissenschaft die Statistik zu unterwerfen, so kann sie das nur thun, indem sie deren Erkenntnisse sich dienstbar macht; alsdann empfängt die Socialwissenschaft eine statistische Grundlage und wird auch ihrerseits nicht zur Statistik.

Wenn der Knecht Michel sich in den Dienst des Bauernhofbesitzers Huber stellt, so verwandelt sich der Knecht Michel

nicht in den Bauer Huber; und wenn Huber dem Michel für dessen Bethätigung Fingerzeige und Anweisungen giebt, so bleibt Huber ebenfalls trotzdem Huber. Ich sollte meinen, dass so etwas nicht allzuschwer zu begreifen sei. Wenn die Statistik sich in den Dienst der Gesellschaftswissenschaft stellt, so wird auch die Statistik dadurch nicht Gesellschaftswissenschaft, und wenn die letztere der Statistik zu erkennen giebt, auf was es ihr ankommt, so verwandelt sich, wenn die Statistik auf deren Absicht acht giebt bzw. von der Gesellschaftswissenschaft Winke empfängt, auch die Gesellschaftswissenschaft nicht in Statistik. Es liegt also hier ein analoges Verhältniss vor, wie in dem Verhältniss der vorachenwall'schen Specialstatistik oder Politico-Statistik zur Politik, wo die Statistik nicht zur Politik, sondern richtig von ihr geschieden wurde. Die grosse Confusion v. Mayr's von der angeblichen Verwandelung der Statistik in eine Gesellschaftswissenschaft ist einzig und allein auf den falschen Grundbegriff der Statistik v. Mayr's, d. h. darauf zurückzuführen, dass er sich auf rein speculativem Wege aus seiner verworrenen Vorstellung von der (statistischen bzw. numerischen) „Methode der Massenbeobachtung" einerseits und der socialen Forschung anderseits einen Begriff von der Statistik gebildet hat, der historisch gar nicht nachweisbar ist und mit dem allgemeinen Begriffe Entwickelung in Widerspruch steht.

v. Mayr scheint überhaupt zu glauben, dass ein Einzelner von sich aus das Recht besitze, die weitere Entwickelung des Begriffes einer Wissenschaft einfach „machen" zu dürfen und, wie ich zum Schluss zeigen werde, der Ansicht zu sein, dass nur Er allein jetzt die Befugniss habe, wie ein hoher Vorgesetzter seinen Unterbeamten gegenüber, zu befehlen, was „der wahre Begriff der Statistik" sei, und dass er in dieser Beziehung unbedingten Gehorsam zu beanspruchen habe, widrigenfalls er in seinem eigens dazu gegründeten „Archiv" über den Ungehorsamen das Verdict aussprechen und ihn in Acht und Bann thun werde.

Im Jahre 1895 hat v. Mayr eine „Theoretische Statistik" veröffentlicht, in der er uns in Consequenz des gebrauchten Schlagwortes „Massenbeobachtung" mit der Belehrung (auf S. 5) überrascht, dass „die Statistik recht eigentlich die Wissenschaft von den socialen Massen sei". Wie er zu dieser Auffassung gekommen ist, theilt er uns in § 1 seines „Handbuchs", der die Überschrift „Der Mensch als Mas-

senerscheinung" führt, wie folgt, mit: „Die wissenschaftliche Forschung kann mit Erfolg . . . statt der einzelnen Individuen abgegrenzte Massen von Individuen, wie sich solche in mannigfacher Gestaltung thatsächlich vorfinden, als Object der Beobachtung und Untersuchung wählen. — Die zusammenfassende Betrachtung menschlicher Vielheiten bietet eigenartige neue Erkenntniss, welche aus der ausschliesslichen Beobachtung der Individuen nicht gewonnen werden kann, und zwar in zwei grundsätzlich verschiedenen Richtungen. — Der Mensch, wie er als Massenerscheinung, in zeitlicher und örtlicher Begrenzung, der wissenschaftlichen Beobachtung zugänglich ist, kann in seiner Vielheit derart erfasst werden, dass in erster Linie das Hauptgewicht auf die erschöpfende Beobachtung und Erforschung der Menschenvielheit — der Masse von Individuen — als solcher gelegt und der tiefere Einblick in die Gestaltung dieser Masse erst in zweiter Linie von der angemessenen Gruppirung der Ergebnisse der Massenbeobachtung erwartet wird. — Die Erfassung des Menschen als Massenerscheinung kann aber auch von einem anderen Standpunkte ausgehen, wenn nämlich das Gewicht der Beobachtung und Untersuchung nicht auf die Summe der Individuen gerichtet ist, welche die Masse ausmachen, sondern — gewissermassen mit Überspringung dieser elementaren Massenbeobachtung — sofort und unmittelbar auf die besonderen dem Beobachter erkennbaren Neubildungen eigener Art, welche aus dem Zusammensein menschlicher Vielheiten entspringen."

Ich muss es dem geneigten Leser überlassen, durch wiederholtes Lesen der wörtlich von mir abgedruckten Sätze ihr mystisches Dunkel sich selber aufzuhellen.

„Nun endlich wird bei v. Mayr Licht", dachte ich, als ich vor einigen Jahren beim ersten Aufschlagen des Buches zufällig meinen Blick zunächst auf S. 3 der v. Mayr'schen sog. Theoretischen Statistik fallen liess und die Worte las: „Ein wichtiger Theil der gesellschaftswissenschaftlichen Arbeit besteht darin, die sociale Masse in ihren Bestandtheilen einer genauen Beobachtung zu unterziehen". „Nun endlich", glaubte ich, „hat v. Mayr den Ausdruck Masse im Sinne eines durch das Denken noch ungegliederten Stoffes richtig gedeutet". Als ich aber auf den Wortschwall von der „primären" und „secundären socialen Masse" stiess und durch v. Mayr erfuhr, dass die sociale Masse in 1. die Menschenmasse, 2. die Massenhandlungen der

Menschen und 3. die Masseneffecte menschlicher Handlungen zerfällt, musste ich leider entdecken, dass ich mich getäuscht hatte. Die Behauptung v. Mayr's, dass „die Statistik recht eigentlich die Wissenschaft von den socialen Massen ist (S. 5)", erweckte in mir die natürliche Neugier, auch noch Kenntniss darüber zu erhalten, wie sich v. Mayr mit dem Princip der Statistik wohl abfindet, um zu einem Begriff derselben zu gelangen.

Diese Belehrung bietet § 13 (S. 22), wo es wörtlich heisst: „Hier kommt es nun zunächst nur darauf an, die zur Gewinnung eines scharfen Begriffs der Statistik erforderlichen Schlussfolgerungen aus den grundlegenden Erörterungen des einleitenden Abschnittes, in welchem die Statistik im Allgemeinen als die Wissenschaft von den socialen Massen bezeichnet wurde, zu ziehen. Dabei ergiebt sich Folgendes:

„Statistik im materiellen Sinne (Wissenschaft der Statistik) ist die auf erschöpfende, in Zahl und Mass festgelegte, Massenbeobachtungen gegründete Klarlegung der Zustände und Erscheinungen des gesellschaftlichen menschlichen Lebens, soweit solche in den socialen Massen zum Ausdruck kommen.

„In diesem Sinne ist die Statistik eine selbständige Wissenschaft auf dem Gebiete der Gesellschaftswissenschaften. In der Gesammtheit ihrer Leistungen für die Erkenntniss der socialen Massen wird sie zweckmässig als allgemeine Statistik bezeichnet, während die Konzentrirung ihrer Ergebnisse für einzelne Seiten des Gesellschaftslebens deren Spaltung in besondere Statistiken veranlasst.

„Die Selbständigkeit der statistischen Wissenschaft beruht hiernach einerseits auf der Besonderheit des Objects der wissenschaftlichen Forschung (die sociale Masse in allen ihren Erscheinungsformen), anderseits auf der Besonderheit der Methode dieser Forschung (die erschöpfende Massenbeobachtung). Diese Methode ist die für die Erfassung des auf Massenvorgängen sich gründenden Gesellschaftslebens primär bedeutsame Methode. Sie ist aber begreiflicherweise auch ausserhalb des gesellschaftlichen menschlichen Lebens überall da anwendbar, wo Massenzustände und Massenerscheinungen sich vorfinden, so insbesondere auf dem naturwissenschaftlichen Gebiete. . .

„Erfasst man das Verfahren erschöpfender Massenbeobachtung in seiner Gesammtheit, ohne Unterscheidung, ob es auf sociale oder andere Massen angewendet wird, so gelangt

man zu dem Begriff der Statistik im formellen Sinn oder der statistischen Methode.

„Statistik im formellen Sinne (Statistische Methode) ist die erschöpfende Massenbeobachtung in Zahl und Mass in der Gesammtheit ihrer Anwendung auf sociale und andere Massen."

Dies ist der v. Mayr'sche „scharfe Begriff" von der Statistik! Erlauben wir uns die unbescheidene Frage zu stellen, auf welchem wissenschaftlichen Rechtsgrund v. Mayr die Statistik gerade so begreift, wie er sie begreift, so belehrt er uns in den Eingangsworten dieses Citats, dass sein „scharfer Begriff der Statistik den Schlussfolgerungen aus den grundlegenden Erörterungen des einleitenden Abschnittes, in welchem die Statistik im Allgemeinen als die Wissenschaft von den socialen Massen bezeichnet wurde", entstammt. Und fragen wir ferner, wer der Autor der „grundlegenden Erörterungen" ist, aus dem v. Mayr's „scharfer Begriff" gefolgert wird, so giebt es nur eine Antwort: „Der Autor ist Georg v. Mayr"; denn nur er hat die grundlegenden Erörterungen geschrieben. Folglich ist der obige „scharfe Begriff der Statistik" ein rein subjectiv persönliches Erzeugniss G. v. Mayr's, das er dadurch gewonnen hat, dass er sich rein apriori eine Wissenschaft von den socialen Massen in seinem Kopfe zurecht legte, aus der er dann seinen „scharfen Begriff der Statistik" folgert. Ob dieser „scharfe Begriff" sich aber auch auf die Geschichte der Statistik gründen lässt, bekümmert v. Mayr nicht. Nur deshalb ist der „scharfe Begriff der Statistik" scharf, weil Georg v. Mayr ihn aus seiner aprioren Vorstellung von den socialen Massen gefolgert hat.

Was diesen scharfen Begriff selbst anbetrifft, so wird er dadurch gekennzeichnet, dass in ihm nur von einem Object und einer Methode die Rede ist, und dass ihm somit das Wesentliche, nämlich das allgemeine Princip, in welchem die Statistik ihren Grund, den Realgrund und Erkenntnissgrund hat, fehlt. Nach v. Mayr beruht „die Selbständigkeit der statistischen Wissenschaft einerseits auf der Besonderheit des Objects und anderseits auf der Besonderheit der Methode". Wir sehen also, dass v. Mayr seit 1877 nichts hinzugelernt hat und dass er noch immer von „der Besonderheit der Methode" spricht, obwohl er in demselben Athemzuge hervorhebt, dass „diese Methode begreiflicher Weise auch ausserhalb des gesellschaftlichen Lebens anwendbar ist". Ich sollte meinen, dass man in

der ganzen gebildeten Welt nur Das „Besonderheit" nennt, was mehreren nicht gemein ist. Wenn Iwan eine Suppe von Kohl hat und Peter ebenfalls eine Suppe von Kohl, aber letzterer ausserdem in seiner Suppe noch geröstete Grütze hat, so kann man doch unmöglich behaupten, Iwan habe etwas Besonderes, weil er nur Kohl in seiner Suppe, Peter dagegen neben Kohl auch Grütze hat. Nur Peter hat dem Iwan gegenüber in der Grütze etwas Besonderes. Was würde ein Schneider, der Jemandem ein Paar Hosen bringt, sagen, wenn dieser jenem gegenüber behaupten wollte: „Jetzt habe ich etwas Besonderes, da ich Hosen habe, obwohl begreiflicher Weise auch andere Menschen Hosen tragen".

Da in v. Mayr's „scharfem Begriff der Statistik" das ihr Wesen kennzeichnende Princip (die Erkenntniss des Thatsächlichen) fehlt, so erscheint die „Methode der Massenbeobachtung" gleichsam als „das Mädchen aus der Fremde": „Sie war nicht in dem Thal geboren, man wusste nicht, woher sie kam". Nicht das Princip der Wissenschaft hat hier die Methode zur Verwirklichung ihres Zwecks geschaffen; man weiss daher nicht, woher sie gekommen; sie ist da! Sie ist, wie eine Dreschmaschine, aus irgend einer Fabrik, einer Methodenfabrik, gekauft worden, und setzt man sie gegen das Object „Gesellschaft" in Bewegung, so treibt man Statistik!

In dieser v. Mayr'schen Anschauung vom scharfen Begriffe Statistik wurzelt im letzten Grunde alles Unheil, das die Statistik seit Jahrzehnten bedroht, insbesondere jenes kritiklose Verfahren und Manipuliren mit schief angewandten und falsch gruppirten Zahlen, die nur „Knall- und Glanzeffecte" sind, aber die eigentliche Warheit verdunkeln, statt sie aufzuhellen. Nicht in der numerischen Methode, der sog. Massenbeobachtung, sondern im Erkenntnissprincip der Statistik, d. h. in dem Zweck, das Thatsächliche zu erkennen, liegt das Exacte der Statistik; nicht die Methode an sich ist exact. Deshalb wird auch nur Der sie richtig handhaben, der den im wissenschaftlichen Begriff der Statistik liegenden Zweck erkannt hat. Der wissenschaftliche Begriff im oben (S. 95) erwähnten Sinne, d. h. der Begriff der Statistik, welcher „der Totalerscheinung in allen ihren Sonderformen gerecht wird", ist zugleich der wahre Begriff der Statistik. Die Vorstellung v. Mayr's über den Begriff der Statistik entspricht nur der Vorstellung, wie sie in der Einbildung eines gewöhnlichen

Calculators an einem statistischen Bureau zur Erscheinung kommt, der in dem Wahne lebt, dass die einseitige numerische Methode in beschränkter Anwendung auf ein Object eine Wissenschaft begründe, und der sich von Schlagworten leiten lässt, weil er bei der technischen Ausführung seines Handwerkes eines einheitlichen, seine ganze Thätigkeit leitenden Grundprincipes nicht bedarf.

Hierbei zeigt es sich, wie verderblich es ist, sich eines Schlagwortes, wie „Methode der Massenbeobachtung" zu bedienen. Wir bedürfen eines solchen Schlagwortes gar nicht, wenn wir den Begriff der Statistik erfasst haben. Denn wenn wir wissen, dass die Statistik das Thatsächliche zu erkennen strebt, bzw. dass sie sich objective Gewissheit über den Inhalt eines Objects, d. h. über den inneren Sachverhalt verschaffen will, so wissen wir ganz bestimmt, dass dazu eine Einzelbeobachtung nicht genügt, weil eine Einzelbeobachtung immer nur einen subjectiven Eindruck hinterlassen kann. Einzelbeobachtung in diesem Sinne ist aber nicht etwa Gegensatz zu Massenbeobachtung im Sinne einer bloss grossen Zahl von Beobachtungen. Denn da „einzeln" etwas ist, inwiefern es indifferent ist gegen anderes Einzelne, ist Einzelbeobachtung eine solche Beobachtung, die sich auf eine einzelne, aus dem allgemeinen Zusammenhange einer Gesammterscheinung losgelöste Erscheinung erstreckt. Einzelbeobachtung ist auch nicht eine Beobachtung, die ein Einzelner gemacht hat, gegenüber einer grossen Menge von Beobachtern eines und desselben Objects, sondern eine Beobachtung in Bezug auf ein Einzelnes.

Trotzdem Millionen von Menschen tagtäglich die Beobachtung machen, dass sich die Sonne um die Erde bewegt, so ist und bleibt dies immer nur trotz der grossen Zahl (vulgär Massen) von Beobachtungen Einzelbeobachtung, weil man sich auf ein Einzelnes aus der allgemeinen Gesammtbewegung der Himmelskörper zu einander beschränkt, wodurch eben diese Beobachtung nur zu einer subjectiven Erkenntniss hinführt, wogegen wir zu einer objectiven Erkenntniss dann gelangen, wenn wir jene Gesammtbewegung in allen ihren Theilen unter einander und zum Ganzen, d. h. im System beobachten. Wir nennen deshalb, wie bereits oben bemerkt, eine solche Beobachtung „systematische" Beobachtung, weil sie auf die Relativität oder den Sachverhalt der Dinge (status rerum) unter einander gerichtet ist. Das Relative bildet eben den continuirlichen Zu-

sammenhang des vielen Einzelnen unter einander, und ich kann das Thatsächliche an ihm eben nur erkennen, wenn ich systematisch erkenne. In diesem Sinne haben unsere Statistiker bis zum Auftreten des vieldeutigen und deshalb unklaren Ausdruckes „Massenbeobachtung" ganz richtig von „systematischer" Beobachtung gesprochen.

Die Statistik kennt nur eine systematische Beobachtung und keine Massenbeobachtungen. Sie hat es auch an sich nicht, wie die politische Arithmetik, mit Massenerscheinungen zu thun; letztere treten für den statistischen Erkenntnissprocess erst dann auf, wenn die Statistik infolge ihrer Beobachtung gefunden hat, dass gleichartige Dinge in grösserer Zahl auftreten, die wegen der ihnen allgemein zukommenden Merkmale einheitlich zusammengefasst, bzw. mittelst der aus der Arithmetik übernommenen Methode auf einfache arithmetische Ausdrücke gebracht werden müssen. Die Statistik will nicht eine grosse Masse (Anzahl) einzelner Erscheinungen beobachten, sondern will, da das Princip der Statistik objective Erkenntniss des Thatsächlichen (status rerum) erstrebt und das Thatsächliche nur in der Einheit des Objects erkannt werden kann, das Object in der totalen Einheit aller seiner Theile durchforschen, indem sie, wie bereits oben gezeigt, dasselbe in seine untheilbaren Bestandtheile (Individuen) auflöst und jeden der Theile besonders beobachtet, wodurch allerdings eine grosse Anzahl von Theilbeobachtungen entsteht. Aber alle diese Theile sind für unser Bewusstsein eben nur Theile der Einheit, da uns ja die Vielheit von vornherein gar nicht gegeben war, wir sie vielmehr erst durch Zerlegung des Ganzen gefunden haben. Würden wir diese Theile als Massenerscheinungen betrachten, so würden wir unsern Zweck, das Thatsächliche an dem Objecte zu erkennen, nie und nimmer erreichen. Denn wir würden alsdann nichts als Einzelnes vor uns haben und nie den Zusammenhang ergründen, der zwischen allem Einzelnen besteht. Nun ist aber gerade der Zusammenhang Das, was die Objectivität ausmacht; denn nichts ist objectiv, was nicht in den Zusammenhang passt, und jede einzelne Erkenntniss ist erst sicher und verbürgt, wenn sie in dem in sich übereinstimmenden System alles Wahrgenommenen und Denkbaren erkannt ist.

Zusammenhang ist das viele Anundfürsichseiende in der Einheit, so dass in derselben nichts für sich ist; es ist also die

Objectivität ein grosser Zusammenhang, in welchem nichts von dem anderen getrennt werden kann, welchem nichts äusserlich ist, sondern der in seiner Einheit ein absolutes Innere bildet. Was in diesem Innern sich äussert, ist die ganze Vielheit des Einzelnen in seiner Mannigfaltigkeit, d. h. die Gesammtheit der Individuen mit ihren qualitativen Eigenschaften. Diese stehen mit einander in Relation, wodurch eben der Zusammenhang herbeigeführt wird; und zwar wird er herbeigeführt dadurch, dass das Einzelne Prädicate (Eigenschaften) hat, die auch anderem Einzelnen zukommen, d. h. dass allgemeine Prädicate vorhanden sind, die der Vielheit der Einzelnen allgemein zustehen. Denn alles Einzelne, jedes Individuum, hat an sich theils etwas Allgemeines, theils etwas Besonderes. Das Allgemeine ist Das, was den Zusammenhang der Individuen, es mögen Menschen, wie in der Bevölkerungsstatistik, oder körperliche Dinge, z. B. Gewerbebetriebe, wie in der Gewerbestatistik, und Waaren, wie in der Handelsstatistik sein, herbeiführt. Wollen wir das Allgemeine finden, so müssen wir uns eben des Zusammenhangs bewusst zu werden versuchen, der zwischen dem Fürsichseienden (Individuen) besteht. Dadurch wird uns nun erst die ganze Verwandtschaft des Einzelnen unter einander klar, indem eben Das identisch ist, was unter dasselbe Allgemeine fällt. Indem nun das Allgemeine durch den Zusammenhang des Anundfürsichseienden bestimmt wird, so ist einleuchtend, dass jedes Allgemeine immer noch wieder verallgemeinert werden kann, indem es selbst wieder im Vergleich mit Anderem ein Anundfürsich ist: es gehen eben die verschiedenen Allgemeinheiten in Form von Gruppen (Menschen-, Gewerbebetriebs-, Waarengruppen u. s. w.) in ein höheres Allgemeines über. Diese Gruppen sind für unser Bewusstsein alsdann keine „Massen", weil ja doch durch unseren Denkprocess uns ein vollständiger Einblick in ihre innere Beschaffenheit, in den Sachverhalt, in das Thatsächliche zu Theil geworden ist. Diese Allgemeinheiten mit v. Mayr (sociale) „Massen" zu nennen, widerspricht nicht bloss dem wissenschaftlichen Sprachgebrauch, sondern auch jeder gesunden Logik. Massen sind gleichsam undurchsichtige Stoffe, während die Gruppen, die der Statistiker durch seinen Erkenntnissprocess gewonnen hat, für ihn durchaus durchsichtig sind, indem das Besondere im Allgemeinen immer noch sichtbar bzw. erkennbar bleibt und auch bei der Darstellung erkennbar gemacht werden muss.

Solche Allgemeinheiten, wie wir sie durch sorgfältige logische Combinationen im statistischen Erkenntnissprocess gefunden haben, sind alsdann nicht willkürliche Fictionen des Verstandes, die nur erdacht sind, um für unser Denken die Vielheit des Anundfürsichseienden gruppenweise zusammenzuhalten und zu ordnen, ohne dass ihnen in der Wirklichkeit etwas entspräche, sondern wirkliche Existenzen, die ebenso Realität haben, wie die Existenz der einzelnen Individuen. Nur dann würden solche Gruppen der Wirklichkeit nicht entsprechen, wenn man rein willkürlich (subjectiv) unterschiedene Prädicate ausgelassen hätte, um Gruppen zu erhalten, die man zu irgendwelchen äusserlichen Zwecken verwerthen kann, z. B., wie es theilweise die Socialwissenschaftsforscher thun, um gewisse Regelmässigkeiten besser zum Ausdruck bringen zu können. Mit solchen tendenziösen Absichten hat es die Statistik eben nicht zu thun, weil sie nicht, wie diejenige Wissenschaft, welche v. Mayr ganz unberechtigter Weise ebenfalls Statistik nennt, und die es sich zur Aufgabe setzt, Gesetzmässigkeiten des menschlichen Lebens zu erforschen, Regelmässigkeiten feststellen will. Die Statistik ihrerseits will nur das Thatsächliche aus dem Zusammenhang der Dinge erkennen. Findet sie Regelmässigkeiten, so bringt sie sie selbstverständlich zur Kenntniss; aber es ist nicht ihr wesentlicher Zweck. Wäre das der Fall, d. h. bestände darin ihre wesentliche Aufgabe, so würde die Entscheidung, ob eine Untersuchung statistisch oder nicht statistich ist, immer nur von deren Endergebniss abhängig sein. Fände man z. B. bei Untersuchung der tödtlichen Verunglückungen eines Landes, dass keinerlei Gesetzmässigkeiten sich constatiren lassen, so wäre die Untersuchung nicht statistisch gewesen; hätte man aber Regelmässigkeiten feststellen können, so wäre die gleiche Arbeit eine statistische geworden.

Man sieht, zu welchen Consequenzen man gelangt, wenn man Definitionen von der Statistik giebt, ohne sich um den ihr Wesen kennzeichnenden wissenschaftlichen Begriff zu kümmern. Weiss man, dass die Statistik die Wissenschaft vom Thatsächlichen ist und weiss man, dass das Thatsächliche nicht bloss Allgemeines, sondern auch Besonderes enthält, indem beide in Relation stehen, so weiss man auch, dass beide beim Erkenntnissprocess des Sachverhalts nicht getrennt werden dürfen, wenn man zu einer vollständigen Erkenntniss des Thatsächlichen gelangen will. So gehört bei-

spielsweise „zu einer vollkommenen Statistik der Unglücksfälle die Hervorhebung derjenigen besonderen Ereignisse, durch welche Leben und Gesundheit einer Mehrzahl von Personen gefährdet wurden. Ob eine Überschwemmung, ein Sturm auf dem Meere Dutzende von Menschen zu Tode geworfen hat oder ein unbehülfliches Kind in einem Tümpel ertrunken ist, ob eine einzelne Maschinenexplosion das Leben von Hunderten oder allein das des Heizers vernichtet hat, und dergl. mehr — ist meiner Ansicht nach der Unterscheidung werth" (R. Mucke, die tödtlichen Verunglückungen etc. Berlin 1881. S. 70).

Darin, dass die amtliche Statistik das Besondere von der Ermittelung und Darstellung vielfach ausschliesst und ihrem technischen Mechanismus gemäss vielfach ausschliessen muss, liegt ihre grosse Schwäche, in der v. Mayr, wie oben (S. 69) gezeigt, das Characteristische der Statistik erblicken will. Die nicht zu Gruppen zu vereinigenden Einzeldinge haben jedoch gleichen Anspruch auf Beachtung.

Nun besteht in Bezug auf diese Gruppenbildung beim statistischen Erkenntnissprocess bei v. Mayr auch ein Missverständniss darin, dass er annimmt, diese Gruppen, wofür er den Ausdruck „sociale Massen" gebraucht, seien für den Statistiker von vornherein gegeben und sie müssten einer Massenbeobachtung unterzogen werden, während doch gerade umgekehrt die Statistik, die beim Beginn des Erkenntnissprocesses absolut nichts Gegebenes ausser dem durch das Denken noch unzergliederten Stoff (Masse) hat, diese Gruppen mittelst Beobachtung und logischer Combinationen erst finden will. Dieses Missverständniss erklärt sich eben daraus, dass v. Mayr das administrative Zählungswesen vom statistischen Erkenntnissprocess nicht zu scheiden versteht und nicht beachtet, dass die periodisch wiederkehrende Zählung das bereits fertige Resultat des statistischen Erkenntnissprocesses in Bezug auf die Gruppenbildung benutzt. Bei v. Mayr besteht die ganze statistische Arbeit in nichts Anderem als in der Thätigkeit der amtlichen Behörden hinsichtlich des von ihnen unternommenen Zählungswesens.

Seine ganze sog. Theoretische Statistik ist denn auch, abgesehen von den einleitenden Erörterungen über „die Wissenschaft von den socialen Massen" und dem beigefügten anderen Büchern entnommenen Excerpt „zur Geschichte der Statistik", nichts Anderes als eine Beschreibung der Tech-

nik des heutigen sog. Volkszählungswesens mit Einschluss des Registrirungswesens, indem er uns „1. die Vorbereitung der Massenbeobachtung, 2. die Massenbeobachtung selbst, 3. die Ausbeutung des durch Massenbeobachtung gewonnenen Materials, 4. die zusammenfassende Darstellung und Veranschaulichung der Beobachtungsergebnisse und 5. die weitere wissenschaftliche Ausnutzung der Ergebnisse, insbesondere zur Ergründung von Gesetzmässigkeiten im Gesellschaftsleben" als einzelne Acte der Zählungen der Reihe nach beschreibt und schliesslich über die statistische Verwaltung und insbesondere ihre Organisation Auskunft ertheilt. Dass er statt des Wortes „Zählung" Massenbeobachtung sagt, ändert an der Sache selbst nichts, zumal ja Massenbeobachtung und Zählung bei ihm identisch sind (vergl. oben S. 58).

Dieses Buch „Theoretische Statistik" zu nennen, beweist allein schon, welche unklare Vorstellung sich v. Mayr vom Begriffe und der Aufgabe der Statistik gemacht hat. Die sog. statistische Verwaltung und die Organisation des Volkszählungswesens ist nicht Sache der Statistik, sondern Sache der Verwaltungslehre und daher mit Recht, z. B. von Lorenz v. Stein, in den Lehrbüchern der Verwaltungslehre behandelt worden. Was die Vorbereitung des Volkszählungswesens und die Aufbereitung des gewonnenen Materials betrifft, so gehört es der Statistik nur insoweit an, als es unter den Gesichtswinkel des statistischen Princips fällt, d. h. insoweit es der Erkenntniss des Thatsächlichen dient. Was aber „die weitere wissenschaftliche Ausnutzung der Ergebnisse" im Interesse einer möglicher Weise zu begründenden Gesellschaftswissenschaft im Sinne v. Mayr's betrifft, so ist das eben „Gesellschaftswissenschaft" und keine Statistik. Würde ich aufgefordert, v. Mayr's Buche einen Titel zu geben, der möglichst viele Käufer in subalternen Kreisen anlockt, so würde ich wegen seines grossen Formats, das ein Einstecken in die Westentasche unmöglich macht, den Titel vorschlagen: „Der Calculator in der Rocktasche oder die Kunst, in zehn Tagen das Volkszählungswesen so zu erlernen, dass man bestimmt auf eine Anstellung als Subalternbeamter an einem statistischen Bureau rechnen kann". Ein Buch, in welchem das administrative Zählungsverfahren beschrieben wird, „Theoretische Statistik" zu nennen, ist mehr als naiv.

Ich sollte meinen, dass die Aufgabe einer Theorie der Statistik vor Allem darin liegen müsse, das allgemeine histo-

rische Princip der Statistik an die Spitze zu stellen, um vermöge desselben Alles auszuscheiden, was ihm nicht untergeordnet ist, insbesondere im gegebenen Falle Alles, was nur Sache der Verwaltung, der politischen Arithmetik und Sozialwissenschaft ist, und zu zeigen, in wiefern die zuletzt genannten Disciplinen zu Hilfsmitteln der Statistik werden; dass man sodann alle zur statistischen Erkenntniss gehörenden Erscheinungen und Acte aus einem einzigen zureichenden Grunde zu erklären unternimmt und an jeder einzelnen Operation zeigt, wie sie im Princip der Statistik begründet ist und wie der Erkenntnissprocess darunter leiden würde, wenn sie nicht in Anwendung gebracht würde, oder warum das Resultat ein anderes werden müsste, wenn nicht bei anderen Bedingungen eine Modification des Verfahrens einträte. Aber da sich v. Mayr des Princips der Statistik selbst gar nicht bewusst ist und infolge einer Jahrzehnte lang ausgeübten rein mechanischen Thätigkeit in der Ausübung einer solchen Thätigkeit das Wesen der Statistik selbst erblickt, d. h. also Mittel und Zweck verwechselt, so müssen, „eben wo Begriffe fehlen", auch Worte nur die fehlenden Begriffe ersetzen.

So begegnen wir in v. Mayr's sog. theoretischer Statistik nur lauter Wortspaltereien, wie primärer und secundärer Statistik, primärer (unmittelbarer) und secundärer (abgeleiteter) Beobachtung, primären und secundären Tabellen u. s. w.; und durch das ganze Buch wiederholt sich deshalb die Redewendung: „hier kann unterschieden werden", bzw. „es ist zu unterscheiden". Aber was alsdann unterschieden wird, sind nicht etwa Begriffe, — denn woher sollten sie in einer Theorie ohne einen obersten Grundbegriff, dem in bestimmter Stufenfolge einander coordinirte Begriffe subordinirt sind, herkommen? — sondern ganz irrelevante Worterklärungen für rein technische Manipulationen. Sowie der Schuhmachermeister seinem Lehrlinge beschreibt, dass man die Sohlen entweder annageln oder annähen kann und dass im ersten Fall theils metallene, theils Holzstifte, im zweiten Falle theils Draht, theils gewichster Zwirn zur Verwendung kommt, so beschreibt in ähnlicher Weise v. Mayr seine „Methode und Technik", wobei beide nicht getrennt, d. h. „nicht die methodologischen Fragen für sich und dann ebenso die technischen zusammengefasst werden, sondern beide in ihrem Zusammentreffen auf den verschiedenen Stufen der statistischen Operationen, welche das Wesen (sic!) der

statistischen Forschung in seiner Gesammtheit ausmachen, betrachtet werden sollen" (§ 21). Aber unter Methode hat man hierbei nicht etwa eine logische Erkenntnissmethode, sondern die sog. statistische bzw. numerische Methode, die ja doch selbst nichts als Technik ist, zu verstehen. Da v. Mayr's „Methode" nicht aus dem Begriff der Statistik abgeleitet ist, sondern bei ihm die Methode den Begriff der Statistik erst herstellen hilft, so hat er gut reden, er wolle „Methode und Technik in ihrem Zusammentreffen betrachten". Kennt v. Mayr gar keinen Erkenntnissprocess zur Findung des Thatsächlichen, so schwebt eben bei ihm die methodische Technik rein in der Luft, und Redewendungen, wie „statistische Veredelung administrativer Registrirung, additionelle Feststellungen" und dgl. müssen die logischen Begriffe ersetzen. Er kann eben wegen Mangels des statistischen Princips Methode und Technik nicht von einander trennen!

Es liegt ausser meiner Absicht, dieses Buch, das ja nur seinem Titel, aber nicht seinem Inhalte nach „Theorie" der Statistik ist und zur Statistik nur in soweit in Beziehung steht, als es den technischen Apparat, welcher dem statistischen Erkenntnissprocess theilweise Hilfsmittel ist, beschreibt, ohne doch zugleich zu zeigen, wo und warum er einzugreifen hat, näher zu besprechen. Was mich an diesem Buche interessirt, ist nur die kühne Behauptung, dass „die Statistik recht eigentlich die Wissenschaft von den socialen Massen sei." Dass diese Behauptung jeder historischen Grundlage entbehrt und dass dies nur eine fixe Idee G. v. Mayr's ist, braucht nach dem Vorausgeschickten nicht nochmals widerlegt zu werden, und ich glaube auch nicht, dass auch nur ein einziger Statistiker von Beruf in jener Behauptung mehr als einen „tollen Streich" bisher erblickt hat. Er will originell erscheinen, fasst die Sache aber von der verkehrten Seite an.

Die Originalität besteht der Hauptsache nach im Gebrauch des Wortes Masse, das der Wissenschaft von den socialen Massen ein gewisses Relief geben soll, aber nur geeignet ist, Andere zu erheitern, wie beispielsweise „Massengesetze", „Massenhandlungen", „Widerstand der Lebemassen", „ursprüngliche Geborenenmassen", „ungünstige Stellung der Männermassen", „Bestandsmassen" und „Bewegungsmassen", „Lehr- und Lernmassen der Hochschulen" und „Lehr- und Lernmassen der Elementarschulen", die theils „räumlich concentirte Massen", theils

„räumlich weit verbreitete Massen" sind und eine sehr grosse Zahl ähnlicher Ausdrücke für die sociale Masse, bzw. die „Bevölkerungsmassen" und „Menschenmassen". Jeder besonnen denkende Mensch, der dieses Buch von den socialen Massen in die Hand genommen hat, steht hier vor einem psychologischen Räthsel; und dass es sich hierbei um alles Andere, aber nur nicht um Statistik handelt, bezweifelt wohl kein Fachstatistiker, auch wenn uns v. Mayr versichert, die Statistik sei recht eigentlich die Wissenschaft von den socialen Massen.

Ja, wenn wir über den Satz v. Mayr's: „Das Ideal des Forschungsgebietes der Statistik ist die Gesammtheit der Massen menschlicher Individuen, die in der Vergangenheit vorhanden waren, in der Gegenwart vorhanden sind und in der Zukunft vorhanden sein werden", nachzudenken versuchen, so werden wir unzweifelhaft vor die Alternative gestellt, zu entscheiden, ob es an uns Übrigen liegt, dass wir den eben citirten Satz vom „Ideal des Forschungsgebietes der Statistik" nicht begreifen, oder ob v. Mayr nicht einen schlechten Witz machen will. Hätten die Statistiker des vorigen Jahrhunderts, welche sich nur darüber stritten, ob man sich bloss den gegenwärtigen oder auch den vergangenen Staat zum Forschungsgebiet der Statistik wählen solle, ahnen können, dass am Ende des 19. Jahrhunderts ein Messias verkünden werde, nicht nur die Gesammtheit der Massen menschlicher Individuen, die in der Vergangenheit vorhanden waren, sondern auch „die Gesammtheit der Massen die in der Zukunft vorhanden sein werden", bilde das „Ideal des Forschungsgebietes der Statistik", — wie beschränkt in ihrem geistigen Horizont würden sie sich vorgekommen sein?!

Freilich fehlte ihnen noch die das Wesen der Statistik characterisirende Methode der Massenbeobachtung, jenes Wunderwerkzeug, durch die wir auch der „in der Zukunft sein werdenden Individuen" habhaft werden können. Überhaupt war der Begriff der Statistik noch ein ganz anderer und wurde auf ganz andere Weise, wie heute, gewonnen, nicht aus grundlegenden Erörterungen, die ein Jeder nach Bedarf und Belieben sich zurecht schreibt in der sicheren Erwartung, dass sie Niemand verstehen wird. Jetzt wo das vieldeutige Schlagwort „Massenbeobachtung" einmal erfunden ist, kann man einerseits an „Masse" und anderseits an „Beobachtung" anknüpfen, und fügt man Beides kunstgerecht an einander, so erhält man

eben die durch Massenbeobachtung characterisirte Wissenschaft von den socialen Massen, welche auch Statistik heisst. Durch ein solches Verfahren wird der Begriff Statistik alsdann so „scharf", dass man alle Anderen, die von der Statistik einen anderen Begriff haben, tief verwunden kann.

Man würde jedoch ein durchaus falsches Bild von dem Weiterleben der Statistik gewinnen, wollte man annehmen, dass die eben gekennzeichnete Richtung, die in v. Mayr verkörpert ist, die einzig massgebende gewesen wäre oder noch sei. Denn zu keiner Zeit, seitdem es Statistik giebt, hat es in Theorie und Praxis an Männern gefehlt, die sich nicht klar und bewusst gewesen wären, worin das eigentliche Wesen der Statistik besteht, welcher Worte und Ausdrücke sie sich auch bedienten, um dasselbe zu kennzeichnen. Mochten sie sagen, der Statistiker erstrebe Kenntniss der Wirklichkeit, oder er wolle die Dinge schildern, wie sie in der That sind, oder er wolle objectiv verfahren, oder es sei seine Absicht, sich neutral zu verhalten, oder er wolle das Bestreitbare von dem Unbestreitbaren trennen u. s. w. — in allen diesen Ausdrücken gaben sie zu verstehen, dass die Statistik ein bestimmtes Princip habe, nämlich das Thatsächliche zu erkennen. In diesem Punkte waren sie, ob sie hoch oder niedrig in ihren Lebensstellungen standen, ob sie sich als Fachleute oder Laien betrachteten, ob sie sich in ihrer Bethätigung nur auf ziffernmässiges Darstellen beschränkten oder auch andere Sachverhalte zu erkennen strebten, immer einig. Wie würde sonst beispielsweise der Prinz-Gemahl Albert von England, ein Hauptbeförderer der Statistik, im Jahre 1860 in seiner Rede zur Eröffnung des Statistischen Congresses in London gesagt haben: „Wenn die Statistik sich nicht zum Range einer selbständigen Wissenschaft erhebt, sondern sich mit dem einer Hilfswissenschaft begnügt, so thut sie das mit vollem Bewusstsein. Absichtlich enthält sie sich des Schrittes, der sie zu einer der ersten und höchsten Wissenschaften erheben würde -- der Erforschung und Darlegung der Gesetze, welche das Leben der Menschheit beherrschen; absichtlich überlässt sie die Lösung dieser Aufgabe den eigentlichen moralischen und politischen Wissenschaften, um sich niemals von ihrem neutralen Boden zu verirren". Der statistische Congress zu London war es auch, auf dem man statt des Ausdruckes „Statistiker" die althistorische Bezeichnung „Statist" wieder einzuführen vorschlug.

Selbst Männer, die sich nicht zu den Fachstatistikern rechneten, haben der Statistik die Aufgabe, das Thatsächliche zu erkennen, zugewiesen. So beispielsweise Albert Kotelmann, der sich in der Vorrede seines bekannten Werkes über „die preussische Landwirthschaft (Berlin 1853)" folgendermassen ausspricht: „Je weitere Kreise die Wissenschaft (allgemein für das Wissen gesetzt) beschrieb, je mehr dieselbe Gemeingut der begüterten Klassen wurde, um so dringender wurde es, das Streitige von dem unbestreitbar Feststehenden zu trennen und dieses als ein für allemal abgemacht der Unwissenheit, dem Vorurtheil und der hohlen, wohlgefälligen Phrase gegenüber zu stellen. Die Befriedigung dieses Bedürfnisses — das ist die grosse und würdige Aufgabe der Statistik, wodurch dieselbe zuerst zu einer für sich bestehenden Wissenschaft, zugleich aber zu einem nothwendigen Hilfsmittel aller wahren Bildung wird. Es ist ein ungeheuerer Fortschritt des menschlichen Geistes, dass eine Wissenschaft entstanden ist, welche nach und nach das Gerölle von falschen Voraussetzungen forträumt, das den Horizont des menschlichen Geistes verkleinert und sich überall störend in die öffentliche Diskussion einmischt".

Wenn man diese einfachen Sätze Kotelmanns liest, wird man dabei nicht an die grossen Verdienste jener ersten Statisten erinnert, welche sie sich dadurch erwarben, dass auch sie in ihren status rerum notitiae für die zu ihrer Zeit im Vordergrund stehenden Objecte geläuterte und vom „Gerölle falscher Voraussetzungen" befreite Erkenntnisse von den Dingen, wie sie wirklich sind, an die Öffentlichkeit brachten? Der Objecte, die von Verurtheilen befreit sein wollen, sind im Laufe der Jahrhunderte mehr geworden, trotzdem bei vielen Objecten vergangener Zeiten Wahrheit und Irrthum geschieden wurden. Die Statistik als die Wissenschaft vom Thatsächlichen ist infolge dessen in ihren Aufgaben noch nicht aufgehalten worden und wird auch, so lange man die Wahrheit zu erforschen strebt, nicht überflüssig werden, da Wahrheit und Irrthum dicht bei einander wohnen. Indem sie einerseits den Erkenntnissprocess mit seinen Hilfsmitteln darzulegen hat, der zu ihrem Ziele hinführt, wird die Statistik zu einer allgemeinen theoretischen Hilfs-Wissenschaft für viele Wissenschaften, und indem sie anderseits den Erkenntnissprocess an einzelnen Objecten selbst verwirk-

licht, wird sie zugleich zu einer practischen Wissenschaft mit einer grossen Anzahl von Sonderabtheilungen, bei denen zwar das Princip, in dem die Sonderabtheilungen ihren sie vereinigenden Mittelpunkt finden, das gleiche ist, aber wegen der Verschiedenartigkeit der Objecte nothwendiger Weise eine Modification des statischen Erkenntnissprocesses, der eine Mannigfaltigkeit von Methoden erzeugt, eintreten muss.

Es muss deshalb von jedem Statistiker mit Freuden begrüsst werden und wird es in der That auch von jedem wirklich wissenschaftlich gebildeten Statistiker, wenn das Princip seiner Wissenschaft auf ein neues Object angewandt und eine theilweise modificirte Methode zur Erkenntniss bisher dunkel gebliebener Sachverhalte gefunden wird, weil eben dadurch die Wissenschaft vom Thatsächlichen eine Bereicherung erfährt. Wer freilich das Wesen der Statistik nicht in ihrem Princip, sondern in einer bestimmten Methode erblickt, die ihm das Princip ersetzen muss, stemmt sich dagegen, wenn Jemand nicht ebenfalls in der Anwendung der numerischen Methode auf das Object Gesellschaft, sondern in einem höheren Princip die Wissenschaft erblickt und dem letzteren Geltung auch an anderen Objecten zu verschaffen sucht.

Seit ihrem ersten Auftreten waren die Statisten nichts Anderes als Mittelspersonen für ihnen unbekannte Interessen Anderer; es liegt dies in der Natur der notitia status rerum von selbst. Denn wer Interessen verfolgt, kann nicht objectiv urtheilen; es würde dies ein Widerspruch in sich selbst sein. Objectiv urtheilen kann nur Jemand, der sich an einer Sache unbetheiligt hält. Auch der politische Stoffe behandelnde Statist hatte keinerlei Interesse, weder sein eigenes noch dasjenige des Potentaten zu vertreten, sondern war Mittelsperson, bzw. objectiver Berichterstatter im Sinne eines Mannes, der verstehen muss, was die Potentaten interessirt. Der schon oben citirte Satz Philanders aus dem Jahre 1649 „Ihr seid ein Statist, der ihr das Interesse der Potentaten versteht" bedeutete nicht, der ihr das Interesse eines bestimmten Potentaten „vertretet", sondern nur, der ihr kundig seid alles Dessen, was die Potentaten im Allgemeinen als Unterlage für ihre Handlungen zu wissen bedürfen, d. h. eben, was sie interessirt. Sobald der Statist über seine objective Berichterstattung hinausgeht, hört er auf Statist zu sein und überschreitet seine eigentliche Aufgabe, das Thatsächliche zu erkennen. Auch den mo-

dernen Verwaltungsstatistiker, der seine Aufgabe richtig erfasst, darf nicht sein eigenes persönliches Interesse leiten oder persönlicher Ehrgeiz bestimmen, über die Grenzen statistischer Erkenntnisse weit hinausgehende Abhandlungen zu veröffentlichen, sondern er hat von Vorurtheilen gereinigte Unterlagen für ein gerechtes Handeln der Regierungen zu beschaffen, wie immer auch das Object seiner Bethätigung heissen möge. Alles was für die Regierung von Interesse ist, und sei es das unscheinbarste Detail, — das ist's, was der amtliche Statistiker zu erkennen hat und was er verstehen muss.

Der Statistik als Wissenschaft kann ihrer ganzen Entstehungs- und Entwickelungs-Geschichte zufolge keine andere Aufgabe zufallen, als das Thatsächliche der Erscheinungen zu erkennen. Was darüber hinausgeht, liegt ausserhalb ihres Bereiches, mag sich die Statistik amtliche oder private Statistik nennen. Was mit ihren Erkenntnissen geschieht, ob sie zur Grundlage von Theorien oder zu practischen Zwecken benutzt werden, kümmert die Statistik selbst ganz und gar nicht; denn sie hat, wie jede andere Wissenschaft, ihren Zweck in sich selbst vermöge des Princips, dem sie ihren Ursprung verdankt. Würde sie die ausserhalb ihrer selbst liegenden fremdartigen Zwecke in sich aufnehmen, so würde sie ihre eigene Selbständigkeit in Frage stellen. Ihre Erkenntnisse in den Dienst der Socialwissenschaft zu stellen, ist nicht Aufgabe der Statistik, sondern der Socialwissenschaft. Wird die Statistik in ihren Dienst oder in den der Verwaltungswissenschaft, der Nationalökonomie und Finanzwissenschaft, der politischen Arithmetik, der Urgeschichte und Historik, der Naturwissenschaft, der Theologie und Moral oder irgend einer anderen Wissenschaft gestellt, so geschieht dies auf Kosten der betreffenden Wissenschaft; und ich sollte meinen, dass dies so einleuchtend sei, dass man darüber gar kein Wort zu verlieren braucht, sobald man sich über das Princip der Statistik Klarheit verschafft hat.

Da auch meiner wissenschaftlichen Überzeugung nach die Statistik als Wissenschaft ihrem Ursprung und ihrer ganzen Entwickelungsgeschichte nach die notitia status rerum, d. h. die Erkenntnisslehre vom Sachverhalt ist, und das Wort „Thatsächliches" genau dasselbe ausdrückt wie Sachverhalt, so schrieb ich in der Vorrede zu meiner Schrift „Horde und Familie", welche ich eine Theorie auf statistischer Grundlage nannte und meinem Lehrer, dem Herrn Geheimrath Richard Böckh wid-

mete: „Die Statistik, welche Böckh sehr richtig als die ‚Wissenschaft vom Thatsächlichen' bezeichnet, hat vor Allem die apriore Erkenntniss, welche (fremden) Beobachtungen anhaftet, abzustreifen. Denn jeder Beobachtung liegt ausser der sinnlichen Wahrnehmung eine vorgefasste Meinung zu Grunde, welch letztere in der Wissenschaft immer das Resultat früherer Forschungen ist". Der Statistiker geht eben, um seinen Zweck erfüllen zu können, von objectiven Merkmalen aus.

v. Mayr hält es in seinem Statistischen Archiv 1898 für „Pflicht des Statistikers", diesen historisch begründeten Begriff der Statistik als „Wissenschaft vom Thatsächlichen (status rerum)", dem die Statistik Namen und Wesen verdankt, als einen „verwässerten Begriff der Statistik" zu bezeichnen und glaubt, weil ich mich auf Böckh bezogen habe, hinzufügen zu müssen: „Ich möchte annehmen, dass R. Böckh, wenn er den Begriff so gefasst, dies nur einleitend zur allgemeinen Bezeichnung unseres Forschungsgebietes gethan hat; denn unter den Wissenschaften vom Thatsächlichen ist die Statistik nur eine von Vielen; vor Allem gehört hierher die ganze Gruppe aller Naturwissenschaften. Nur durch Auslese der auf exacter und erschöpfender Massenbeobachtung beruhenden socialen Forschung kommt man zu einem richtigen Begriff der Statistik. Gegen die Meinung, als sei alle Wissenschaft vom Thatsächlichen auch schon Statistik, kann nicht ernstlich genug Einspruch erhoben werden".

Was zunächst die „Pflicht des Statistikers" betrifft, gegen den „verwässerten Begriff" Stellung zu nehmen, so verstehe ich nicht recht, woher v. Mayr diese Pflicht ableitet. Er scheint zu meinen, dass er „der" Statistiker sei, der allen Übrigen seinen Begriff von der Statistik aufdrängen darf, weil er aus seinen grundlegenden Erörterungen über die „sociale Masse" seinen „scharfen Begriff" der Statistik gefolgert hat. Nur vergisst er, dass es neben ihm auch noch eine grosse Zahl von Statistikern giebt, die seine Meinung über den angeblich richtigen bzw. scharfen Begriff der Statistik nicht theilen, und seinem persönlichen Ermessen nicht die Bedeutung beilegen, die v. Mayr selbst ihm beimessen zu müssen glaubt.

Trotz der Gleichförmigkeit der „Lehr- und Lernmassen" haben die einzelnen Menschen etwas Eigenartiges an sich, das ihnen theils angeboren, theils anerzogen ist. Wir können schon

an Knaben die Unterschiede wahrnehmen: während Einige ausserordentlich zurückhaltend in ihrem Benehmen und Sprechen sind, drängen sich Andere kühn vor und schwatzen das Blaue vom Himmel herunter, ohne auch im Geringsten über etwas nachzudenken oder zu empfinden, dass Das, was sie sagen, des Redens oft gar nicht werth ist. Kommen letztere, wenn sie erwachsen sind, in die Praxis, so entfalten sie fast regelmässig eine rastlose Thätigkeit, die der erforderlichen Tiefe entbehrt, indem sie jeden von einem Anderen ausgesprochenen Gedanken auffangen und breittreten und jede von einem Anderen geübte technische Thätigkeit nachahmen, ohne sich um den Zweck der Thätigkeit selbst zu kümmern, da ihnen das Äusserliche genügt.

Von Jugend auf in den Bureaudienst gestellt, hat sich v. Mayr fast ausschliesslich mit Fragen beschäftigt, welche die Verwaltung und die sog. administrative Statistik, bzw. den methodischen Apparat betreffen, welchen die administrativen Behörden in der Gegenwart vorzugsweise in Anwendung bringen. Es ist deshalb kein Wunder, wenn er infolge einer so einseitigen Beschäftigung in der Anwendung des methodischen Hilfsmittels jetzt das Wesen der Statistik selbst erblickt. Die rastlose rein technische Thätigkeit hat ihn niemals Zeit zum Nachdenken über die Aufgabe der Statistik finden lassen. Denn wie soll Jemand noch Zeit dazu finden, wenn er eine so grosse Zahl von Abhandlungen zu schreiben und Referate zu liefern gehabt hat, wie v. Mayr?

Man kann nicht verlangen, dass ein Einzelner alle Fähigkeiten besitzt, wohl aber, dass er im reiferen Lebensalter im Stande ist, seine Fähigkeiten richtig abzuschätzen. Ich sollte meinen, dass v. Mayr, wenn er seine Arbeiten durchmustert, zu der Überzeugung kommen müsste, dass er wohl am wenigstens dazu berufen sei, als Lehrer der Statistik aufzutreten und uns zu verkünden, wie man zu einem „richtigen“ Begriff der Statistik gelangen könne und worin der „wahre“ Begriff derselben bestehe.

In der Arbeitsstätte der Wissenschaften ist es nicht anders, wie in der der gewöhnlichen gewerblichen Betriebe: Jeder nützt dem Ganzen nur in so weit, als er am rechten Platze ist und nicht störend in den Kreis der Übrigen eingreift. Es giebt allenthalben Theilung der Arbeit; Beruf, Neigung und Zufälligkeiten im Leben führen Einige zu dieser, Andere zu

jener Thätigkeit hin, und relativ betrachtet sind alle gleich nutzbringend. Der erste Schritt, den Jemand in seinem Berufsleben thut, ist meist entscheidend für seine ganze spätere Bethätigung. Allzu frühe Beschäftigung mit Methode und Technik führt häufig davon ab, sich mit Begriff und Zweck einer Wissenschaft zu beschäftigen. Dafür bietet gerade v. Mayr ein characteristisches Beispiel, der schon in seiner Erstlingsschrift die ihn heute kennzeichnende einseitige Richtung eingeschlagen hat, die eben darin besteht, dass er nicht aus dem Begriff und Zweck der Statistik die Methode, sondern umgekehrt aus der ihm bekannt gewordenen und von ihm gehandhabten Methode den Begriff und die Aufgabe der Statistik folgern zu müssen glaubt. Das Mittel wird ihm zum Zweck, und er glaubt durch eine Einschränkung des Mittels auf ein bestimmtes Object (Einschränkung der Methode auf das Gesellschaftsleben bzw. die sociale Masse) den Begriff der Statistik gefunden zu haben.

Da v. Mayr Mittel und Zweck verwechselt, dreht er sich, wie der Knabe auf dem Carroussel im Kreise herum. Wie dieser an seinem Holzpferdchen herumputzt, Mähne und Zügel in Ordnung bringt, es mit der Peitsche schlägt und ihm Schenkeldruck gewährt, um das unbestimmte Ziel der Reise seiner Ansicht nach besser und schneller erreichen zu können, so beschäftigt sich ähnlich v. Mayr mit seiner Methode und glaubt durch kleinliche Kunststückchen sein statistisches Holzpferdchen besser auf die Beine bringen zu können. Harmlose Vergnügen soll man nicht stören. Wenn sich der Knabe auf seinem Carroussel amüsirt, so amüsiren sich die Zuschauer mit, und diese greifen erst ein, wenn der Knabe Kunststückchen macht, die ihm selbst oder Anderen gefährlich werden können. Bei seiner einseitigen Beschäftigung hat v. Mayr für die strenge Geistesarbeit in der Statistik, wie sie in der Begriffsbestimmung zum Ausdruck kommt, niemals rechten Geschmack gewonnen, ja er spricht sogar in seiner sog. Theoretischen Statistik (S. 165) von „öden Schulstreitigkeiten über den Begriff der Statistik, welche in der Geschichte der statistischen Theorie einen breiten Raum beanspruchen". Statt dessen wünscht er sich „eine erschöpfende Geschichte der Entwickelung der statistischen Kunst". Hat er keinen Sinn für begriffliche Untersuchungen, weshalb bleibt er dann nicht bei seiner Technik und schickt sich an, eine Theorie der Statistik zu schreiben und vom „wahren Begriff der Statistik" zu sprechen? Ein guter Calculator ist

ebenso ehrenwerth, wie ein guter Statistiker. Man muss nicht beides zugleich sein wollen.

Es gehört bekanntlich zu den schwierigsten Dingen, den Begriff einer Wissenschaft klar auszusprechen, bzw. eine deutliche Definition von ihm zu geben. Der Begriff soll ein adäquates Abbild des Wesens einer Sache, d. h. allgemeingültig für ihre gesammten Entwickelungszustände und Erscheinungsformen sein, und die Definition soll das den Begriff kennzeichnende Wort erklären und den wesentlichen Inhalt des Begriffs vom Unwesentlichen scharf abgrenzen. Auf die Statistik angewendet muss also ihr wissenschaftlicher Begriff das Wesen der Statistik aller Zeiten und aller ihrer Erscheinungsformen kennzeichnen und von allem unwesentlichen Beiwerk späterer Zeit abgrenzen (definiren); denn wissenschaftlich definiren heisst das Wesentliche vom Unwesentlichen scheiden. Man kann sich daher kaum etwas Sinnloseres vorstellen als die Aufnahme der Methode in den wissenschaftlichen Begriff, weil ja doch die Methode von dem im Grundbegriff selbst liegenden Zweck erst abhängig ist. Die Methode muss sich nach dem Grundbegriff der Wissenschaft, aber dieser nicht nach der Methode richten. Von dieser allgemein für alle Wissenschaften geltenden Forderung kann auch die Statistik nicht dispensirt werden. Der dem Wechsel der Zeit vielfach unterworfen gewesene methodische Apparat gehört schlechterdings nicht zum wissenschaftlichen Begriff der Statistik.

Ist die Statistik von ihres Daseins Beginn an die notitia status rerum, d. h. die Wissenschaft vom Verhalt der Sachen oder die Wissenschaft vom Thatsächlichen gewesen, so ist sie es auch heute noch und wird es in Zukunft bleiben, so sehr sie sich auch in ihrem Erkenntnissprocess vertiefen und in ihrem Inhalte erweitern wird. Es hat daher v. Mayr sein eigenes Verdammungsurtheil über sich und seine Thätigkeit als Statistiker ausgesprochen, wenn er die Bezeichnung der Statistik als „Wissenschaft vom Thatsächlichen“ einen „verwässerten Begriff der Statistik“ nennt. Denn in jener Bezeichnung liegt eben ihr wissenschaftlicher Begriff, der, wie oben gezeigt, der Realität als Totalerscheinung in allen ihren Sonderformen gerecht zu werden sucht und das Wesen kennzeichnet, das der Begriff ausspricht, weshalb man den wissenschaftlichen Begriff auch Essentialbegriff nennt. Wie

geradezu verkehrt ist daher das Bild v. Mayr's von der Verwässerung! Von Verwässerung spricht man bekanntlich dann, wenn eine Essenz durch wässerige Bestandtheile verdünnt worden ist. Macht man zur Kennzeichnung einer Wissenschaft ihre Essenz namhaft, d. h. hebt man hervor, was ihr wahres Wesen ausmacht, so kann nur Jemand das als eine Verwässerung bezeichnen, der vom Essentialbegriff der Statistik keine Kenntniss hat. Wollte man den oben (S. 92 u. 98) abgedruckten Begriff, den v. Mayr von der Statistik giebt, eine Verwässerung des Begriffes Statistik nennen, so wäre das eine ganz unverdiente Schmeichelei für v. Mayr. Denn in seinem Begriff von der Statistik ist auch nicht ein Tropfen der Essenz vorhanden, die das Wesen der Statistik kennzeichnet. Es ist immer nur von einem Object und einer Methode die Rede; doch von einem selbständigen Erkenntnissprincip, d. h. dem Wesen der Wissenschaft erfährt man absolut nichts. Wenn an dem Object Gesellschaft eine ganze Reihe anderer Wissenschaften participirt und wenn die Methode auch anderen Wissenschaften gehört, — was ist denn der Statistik im v. Mayr'schen Sinne wesentlich und eigenthümlich? Nichts Anderes als das Schlagwort „Massenbeobachtung".

Von allen Seiten darauf aufmerksam gemacht, dass der technische Apparat, den man auch „statistische Methode" genannt hat, doch unmöglich Selbstzweck sein und nie und nimmer das Wesen einer Wissenschaft Statistik bilden könne, ruft v. Mayr jetzt die sociale Forschung zu Hilfe, die ihn aus dieser Verlegenheit befreien soll und redet sich ein, dass man „nur durch Auslese der auf Massenbeobachtung beruhenden socialen Forschung zu einem richtigen Begriff der Statistik komme". Das heisst denn doch mit der ganzen Geschichte der Statistik brechen! Will v. Mayr beweisen, dass die älteren Statistiker auch nur des vorigen Jahrhunderts ihren Begriff aus der socialen Forschung gewonnen und diese sog. Massenbeobachtung in Anwendung gebracht haben? Erklärt er denn nicht selbst, dass diese Methode erst in neuerer Zeit ausgebildet worden sei? Und seit wann giebt es denn überhaupt eine sociale Forschung? Ist denn die Statistik nicht viel älter als diese? Hat sich denn v. Mayr niemals darüber Rechenschaft abgelegt, wie man dazu gekommen ist, diese Methode in der Statistik in Anwendung zu bringen? Wenn es eine Wissenschaft der Statistik gab, die diese Methode noch nicht kannte, so kann

doch diese Methode unmöglich etwas der Statistik Wesentliches sein. Und bestand die Statistik vor der socialen Forschung, so kann auch aus dieser „der richtige Begriff der Statistik" nicht gefolgert werden. v. Mayr kann uns darauf nur antworten: die ältere Statistik erkenne ich eben als Statistik nicht an, weil sie nicht „durch Auslese der auf exacter und erschöpfender Massenbeobachtung beruhenden socialen Forschung" begründet ist. Die ganze Beweisführung v. Mayr's für seinen „richtigen" bzw. „wahren" Begriff von der Statistik beruht somit auf dem Gedanken: „Jedermann hat einen falschen und unwahren Begriff von der Statistik, der mit dem meinigen nicht übereinstimmt, mag er in der Vergangenheit gelebt haben oder gegenwärtig leben. Denn ich, Georg von Mayr, bin der Einzige, der einen richtigen Begriff von der Statistik hat. Und weil ich ihn habe, so steht mir das Recht und ‚die Pflicht des Statistikers' zu, gegen abweichende Meinungen ernstlich Einspruch zu erheben." „Von Überhebung frei zu sein ist höchste Gottesgabe", sagt Agamemnon bei Äschylos.

Es ist eben der „Absolutismus des bloss subjectiven Gedankens", der hier sein Spiel treibt. Statt die Genesis der Wissenschaft Schritt für Schritt zu erforschen und zu verfolgen, will v. Mayr Das für allein richtig hinstellen, was er durch eine Jahrzehnte lang fortgesetzte mechanische Thätigkeit als Zweck der Statistik gefunden zu haben glaubt. Nur weil die, auch von der Statistik als Hilfsmittel angewandte numerische Methode zur Darstellung von Gesetzmässigkeiten hinführt, glaubt er, dass das letztere der Zweck der Statistik sei. Die Consequenz, die Jeder, der die sog. numerische oder statistische Methode zum Wesen der Statistik macht, nothwendig ziehen muss, dass nämlich alsdann jedes Object zur Statistik gehört, worauf sich die Methode anwenden lässt, will v. Mayr nicht ziehen; und so kommt er eben zu der schon oben hervorgehobenen kühnen Behauptung, dass die numerische Methode in ihrer Anwendung auf das Gesellschaftsleben Statistik sei und dass die Statistik die Gesetzmässigkeiten im Gesellschaftsleben darzustellen habe. Hätte im Jahre 1877 sich die Oldenbourg'sche Buchhandlung bei Jemandem für ihre „Naturwissenschaftliche Volksbibliothek" ein Buch über „die Gesetzmässigkeit im Naturleben" bestellt, so würde der Betreffende mit genau derselben Methode sein Buch verfasst haben, und er würde mit gleicher Begründung, wie v. Mayr, jetzt behaupten können, wenn man diese

Methode auf das Naturleben anwende, so heisse die Methode statistisch und die so entstandene Wissenschaft Statistik; bei Anwendung auf das Gesellschaftsleben dürfe man dagegen nur von numerischer Methode sprechen. Auch hätte der betreffende Autor das gleiche Recht zu erklären, nur durch Auslese der auf exacter und erschöpfender Massenbeobachtung beruhenden naturwissenschaftlichen Forschung käme man zu einem richtigen Begriff der Statistik. Machen lässt sich Alles! Es kommt dabei immer nur auf das geistige Niveau Derer an, für die man so etwas schreibt und die sich von einer solchen Deduction gläubig überzeugen lassen, um es dann einfach nachzusprechen.

Im Begriff liegt das Wesen einer Wissenschaft, und dieses kann nicht aus sinnlichem Augenschein wahrgenommen, sondern nur durch inductives Denken gewonnen werden. Der Augenschein trügt. Es ist daher nur unwissenschaftlicher Wahn, zu meinen, man könne durch die unmittelbare Wahrnehmung das Wesen einer Erscheinung erkennen. Was an den amtlichen statistischen Bureaux heutzutage vorgenommen wird, kann man sinnlich wahrnehmen und einem Aussenstehenden beschreiben, etwa in der Form, wie es v. Mayr in seinem „Theoretische Statistik" betitelten Buche gethan hat. Aber es ist Wahn, woran v. Mayr glaubt, dass die an den statistischen Bureaux geübte Thätigkeit das Wesen der Statistik ausmacht. Denn hier treffen, wie oben gezeigt, durchaus heterogene Thätigkeiten zusammen. So decken sich insbesondere die administrativen Zählungen durchaus nicht mit dem statistischen Erkenntnissprocess, und deshalb liegt die Technik des administrativen Zählungswesens zum allergrössten Theile ausserhalb der Statistik. Es ist Sache des Wissenschaftsforschers, im Einzelnen zu erkennen, was zu ihr gehört und was ausser ihr liegt. Um das aber erkennen zu können, ist zuallererst Klarheit über den wissenschaftlichen oder Essential-Begriff der Statistik erforderlich. Hat man den letzteren aus der Mannigfaltigkeit der Erscheinungsformen der Statistik, wie sie im Laufe der Jahrhunderte aufgetreten sind, gefunden, dann wird man nicht, wie v. Mayr, in der Verwaltungsstatistik die Statistik überhaupt erblicken und ausserdem der Verwaltungsstatistik selbst Elemente einfügen, die wohl die Verwaltungswissenschaft, aber nicht die Statistik angehen. Ein solches Zusammenwerfen von ganz heterogenen Dingen ist

durchaus unwissenschaftlich. Die Geschichte jeder Wissenschaft, und ganz besonders auch die Geschichte der Statistik beweist uns, wie schwierig es ist, den Grundbegriff einer Wissenschaft zu finden oder festzuhalten.

Wie der Mensch selbst auf seinem Lebenswege strauchelt und irrt, so bleiben auch die Werke seines Geistes, insbesondere die Wissenschaften, nicht irrthumsfrei. Aber wie der Mensch von seinem dunklen Pfade immer wieder durch das nie verlöschende Licht, das über ihm leuchtet, in die richtigen Geleise geführt wird, so ergeht es auch den Wissenschaften durch die Leuchte ihres historischen Princips. Auch der Statistik als Wissenschaft sind zahlreiche Irrthümer nicht erspart geblieben; aber immer wieder haben sich Männer erhoben, die ihr, weil sie die Statistik nicht als ödes Handwerk trieben, sondern ihr geistiges Wesen zu erfassen suchten, den richtigen Weg zeigten. Und wenn der unzweifelhaft geistvollste Statistiker der Gegenwart seinen Schülern lehrt, dass die Statistik „die Wissenschaft vom Thatsächlichen" sei, so ist dies ein Beweis dafür, dass die statistische Mache nicht im Stande gewesen ist, der Statistik ihr Princip zu rauben.

Dass der geistreiche Böckh den Begriff der Statistik nicht bloss „einleitend" so fasst, sondern dass das Finden des Thatsächlichen sein ganzer statistischer Erkenntnisszweck ist, habe ich dem einsichtigen Leser nicht auseinanderzusetzen, weil sich das von selbst versteht. In beiden Haupttheilen, der „Findung des Thatsächlichen der äusseren Wahrheit" einerseits und der „Findung des Thatsächlichen der inneren Wahrheit" anderseits durchdringt in Böckh's Lehre das statistische Princip die in beiden Theilen zu vollziehende Analyse und Synthese durch und durch, und jede einzelne Operation, sie mag logisch oder technisch sein, findet ihre Stellung beim Erkenntnissprocess des Thatsächlichen. Also im stricten Gegensatz zu dem an reine Bureauluft einer Calculatoren-Stube erinnernden methodisch-technischen Verfahren G. v. Mayr's. Das erklärt uns auch die logische Exactheit der Böckh'schen Arbeiten auf seinem Specialgebiet, auf deren innere Wahrheit man sich verlassen kann, während ich den v. Mayr'schen Resultaten durchaus skeptisch gegenüberstehe und mich wohl hüten werde, auf ihnen irgend einen Schluss aufzubauen, seitdem mir bekannt ist, dass er vom statistischen Princip nicht nur nichts weiss, sondern von ihm sich auch nicht leiten lässt, ja in demselben eine Verwässerung er-

blickt. Bei der Consumtion statistischer Ergebnisse muss man ebenso vorsichtig sein, wie beim Genuss von Wein; es ist bei Beiden ausserordentlich schwer, das bloss Gemachte ohne Zuhilfenahme einer genauen Analyse zu erkennen.

Man mag Practiker oder Theoretiker in einer Wissenschaft sein: die Erkenntniss des Princips oder Grundbegriffs derselben ist und bleibt Hauptsache, da davon die innere Wahrheit der Forschung abhängt; sie ist zu jeder einzelnen logischen oder technischen Operation nöthig. Dass die practischen Statistiker, unter deren Leitung ich gearbeitet habe und die ich zu meinen persönlichen Bekannten zähle, sich allezeit wohl bewusst waren, dass sie das Thatsächliche finden wollten, kann ich kühn behaupten. Und wenn ich selbst vor manchem Irrweg gewarnt worden bin, so verdanke ich dies denselben Practikern, die gar nicht so mechanisch arbeiten, wie man nach der v. Mayr'schen Lehre glauben sollte. Von einer Wissenschaft Statistik, die „recht eigentlich die Wissenschaft von den socialen Massen" ist, wissen wirklich wissenschaftlich arbeitende Practiker absolut nichts, und die Wortspaltereien in dem von v. Mayr beschriebenen Volkszählungsverfahren, das er Theorie der Statistik nennt, erscheinen ihnen durchaus unbrauchbar. Denn was soll eine solche Beschreibung der Technik nützen, wenn sie nicht in einem höheren Princip ihre Begründung findet?

Der Mangel jeder tieferen Begründung seiner sog. Methode der Massenbeobachtung ist eben die Folge von v. Mayr's Unkenntniss des historischen Princips der Statistik; und diese Unkenntniss selbst findet ihre Wurzel theils in der Überschätzung seiner eigenen persönlichen Meinung, des „Absolutismus des bloss subjectiven Gedankens", theils in der Unterschätzung der Ansichten Anderer, weshalb er denn glaubt, es habe in seiner Person gleichsam eine Incarnation des statistischen Geistes stattgefunden, die ihm die Pflicht auferlege, gegen eine historisch zu beweisende Ansicht vom Begriffe der Statistik Einspruch zu erheben. Und weil er so leichter Hand und durch blossen Augenschein zu seinem „wahren Begriff der Statistik" gekommen ist, erblickt er in der Literatur über diesen hochbedeutsamen Grundbegriff nur „öde Schulstreitigkeiten, die einen breiten Raum beanspruchen".

Aber gerade „die öden Schulstreitigkeiten über den Begriff der Statistik" sind es, die in erster Linie Berücksichtigung verdienen, wenn man sich anschickt, eine „theoretische Stati-

stik" abzufassen. Hätte v. Mayr die Streitigkeiten studirt, dann wäre er berufen gewesen, eine Theorie zu schreiben, und er würde alsdann nicht nur sich selbst, sondern auch Anderen genützt haben. Denn sehr richtig bemerkt Robert von Mohl in seiner bekannten Abhandlung über „die Schriften über den Begriff der Statistik": „Als besonders tauglich zur Gewinnung einer Einsicht in einen Theil der menschlichen Geistesarbeit erweisen sich namentlich diejenigen Abtheilungen der Literatur, welche sich mit der Feststellung des Begriffes und Zweckes einer Wissenschaft beschäftigen. Sie nehmen selbstredend die höheren Geisteskräfte der Bearbeiter in Anspruch. Es muss scharf gedacht, umsichtig untersucht, folgerichtig geschlossen werden; es ist ein weiter Überblick über ein ganzes Gebiet des Denkens und Wissens und ein genaues Bewusstsein der eigenen Absicht nöthig. Man darf sich weder durch das Herkömmliche binden, noch durch Einbildungskraft ins Unbegrenzte und Unerreichbare hinreissen lassen. Der formelle Weg ist Jedem frei angegeben, und er mag durch eine gute Wahl klare Auffassung des Zieles und Geschicklichkeit, vielleicht selbst Genialität beweisen. Mit einem Worte, man sieht hier in die Werkstätte des menschlichen Geistes".

In der Beschäftigung mit rein technischen Fragen liegt dagegen nicht die wahre Geistesarbeit, und es mag Jemand sich mit der Beantwortung derselben noch so viel abgegeben haben, — hat er sie unabhängig vom Grundbegriff der Statistik behandelt, so hat er sich um diese Wissenschaft kein Verdienst erworben. Und wenn er vollends in dieser Technik das Wesen der Statistik erblickt und vermöge einer solchen Mystik nothwendig auf den Abweg gerathen ist, zu meinen, irgend ein Zweck, für den der technische Apparat brauchbar ist, z. B. die Darstellung der Regelmässigkeiten im Gesellschaftsleben, sei Zweck der Statistik, so hat er der letzteren nicht nur keinen Dienst geleistet, sondern sie durch die von ihm angerichtete Verwirrung arg geschädigt. Auch darin trifft v. Mohl das Richtige, wenn er sagt: „es sei einleuchtend, dass nur bei echt wissenschaftlichem Verfahren durch die Beschäftigung mit den obersten Begriffen ein Nutzen, sei es für die Wissenschaft, sei es für die Ausübung, bereitet wird". Eben deshalb muss es als eine grosse Versündigung an der Wissenschaft Statistik betrachtet werden, wenn v. Mayr gegenwärtig Andere glauben machen will, indem er auf deren Un-

wissenheit rechnet, „nur durch Auslese der auf exacter und erschöpfender Massenbeobachtung beruhenden socialen Forschung komme man zu einem richtigen Begriff der Statistik". Es werden alsdann zwei heterogene Wissenschaften mit einander verquickt. Freilich gewinnt dabei v. Mayr für sich den grossen Vortheil, dass ihn die Sociologen für einen vortrefflichen Statistiker, die Statistiker dagegen für einen guten Sociologen halten. Aber die beiden Wissenschaften selbst gewinnen dadurch nichts. Der Statistik raubt man ihr Princip, und da in ihm ihr ganzes Wesen liegt, so streicht man sie aus der Reihe der Wissenschaften aus. Die Socialwissenschaft anderseits muss nothwendiger Weise zu einem Torso werden, wenn man sie von vornherein auf die Anwendung einer bestimmten (der numerischen Methode) beschränkt.

Soll die Gesellschaftswissenschaft auf eine sichere Grundlage gestellt werden, so bedarf sie einer vollkommeneren Statistik, als sie die einseitige numerische Methode zu gewährleisten im Stande ist. Diese schon vor mehr denn fünfzig Jahren in der Londoner statistischen Gesellschaft ausgesprochene Forderung in Betreff einer vollkommeneren Socialstatistik muss, weil eben „bei einer Beschränkung auf das Arithmetische gar nicht abzusehen ist, wie einige der wichtigsten folgenreichsten Facta jemals für die Wissenschaft benutzt werden sollen", heute ebenso noch, wie damals, scharf betont werden. Deshalb scheint mir auch der Herausgeber des Archivs für sociale Gesetzgebung und Statistik Heinrich Braun das Richtige getroffen zu haben, wenn er 1888 sein Archiv mit den Worten einführte: „Erforschung und Darstellung der Lage der Gesellschaft in Hinsicht ihres thatsächlichen Zustandes und Kritik der gesetzgeberischen Massnahmen zur Besserung dieser Lage in erster Linie vom Standpunkte der Thatsachen wird vornehmlich die Arbeit dieser Zeitschrift bilden".

Alle Confusionen der Gesellschaftswissenschaft mit der Statistik müssen verderbenbringend auf beide Wissenschaften wirken. Das haben die klar denkenden Köpfe unter den Statistikern allezeit gefühlt. Ich brauche in dieser Hinsicht nur auf Quetelet zu verweisen, der ebenfalls seine Socialphysik, welche die Gesetze des Gesellschaftslebens erforschen soll, von der Statistik, welche nach ihm den thatsächlichen Zustand zu ermitteln habe, scharf schied. v. Mayr freilich, der sich um Thatsächliches und Wirkliches überhaupt nie kümmert, son-

dern sich die Dinge so zurecht legt, wie er sie gerade brauchen kann, will für seine Confusion der Statistik und Gesellschaftswissenschaft gerade Quetelet anführen, indem er behauptet, „den bedeutungsvollsten Schritt nach dem Endziel der exacten Gesellschaftslehren habe wie im vorigen Jahrhundert Süssmilch, so in diesem Jahrhundert Quetelet gethan“ (Theor. Statistik S. 186).

Diese Behauptung ist für v. Mayr höchst characteristisch. Da bei Süssmilch von dem „bedeutungsvollsten Schritt“, die Statistik in eine exacte Gesellschaftslehre zu verwandeln, auch nicht eine Spur zu finden ist, so behauptet v. Mayr: „In der grundsätzlichen Vermeidung des damals schon wohl bekannten Ausdrucks ‚Statistik‘ und ‚statistisch‘ in dem ganzen Süssmilchschen Werk kommt die Abwendung der Forschungsweise von der bei der Universitätsstatistik im Vordergrunde stehenden Staatenkunde gewissermassen negativ zum Ausdruck. In ganz anders durchgreifender Weise als seine Vorgänger (?) geht Süssmilch darauf aus, an den Erscheinungen der Bevölkerung die allgemeine Gesetzmässigkeit in den scheinbar zufälligen oder ganz der Freiheit des menschlichen Willens unterworfenen Vorgängen nachzuweisen“. Wie will v. Mayr beweisen, dass Süssmilch „grundsätzlich“ den Ausdruck Statistik vermieden habe? Dass er ihn nicht gebrauchte, beweist noch lange nicht, dass er die Statistik „nach dem Endziel der exacten Gesellschaftslehre“ habe hinführen wollen. Die gar nicht nachweisbare „grundsätzliche Vermeidung des Ausdrucks Statistik“ lässt uns im Gegentheil vermuthen, dass Süssmilch entweder von Statistik nichts wusste oder, wenn er von ihr wusste, eine mit Statistik nicht identische Wissenschaft ins Auge fasste. In beiden Fällen hat aber Süssmilch die Statistik nicht zur exacten Gesellschaftslehre hingeführt.

Viel schlimmer aber versündigt sich v. Mayr an Quetelet, der nach ihm vorzugsweise „den bedeutungsvollsten Schritt nach dem Endziel der exacten Gesellschaftslehre gethan habe“. Wir haben bereits oben (S. 42) gesehen, dass nach Quetelet die Statistik „ein mehr oder weniger getreues Bild des Gesellschaftskörpers in einem Augenblicke seines Daseins“ darlegen will, dass er also auf dem Standpunkte Derjenigen steht, die in ihr eine Zustandswissenschaft erblicken. Dabei will er aber nicht, wie die Vertreter der Universitätsstatistik, bloss beschreiben, sondern vergleichen, indem er sich darüber, wie

folgt, ausdrückt: La statistique ne se borne pas à faire une énumération consciencieuse des éléments d'un état et en présenter pour ainsi dire l'anatomie; elle peut avec succès porter ses investigations plus loin, et faire comme l'anatomie comparée, des rapprochements entre l'organisation de deux états, ou, en restant dans les limites d'un même pays, prendre un peuple à deux époques différentes de son existence et rapprocher les tableaux qui le répresentent, pour pouvoir reconnaître ce qu'il a gagné ou perdu, et les éléments qui ont été les plus sensiblements influencés". An diese Worte knüpft dann Quetelet seine Definition: La statistique générale ne nous présente qu'un tableau plus ou moins fidèle du corps social à un instant de son existence (Lettres sur la théorie des probabilités etc. p. 260).

Schon aus dieser Definition allein würde man erfahren können, dass Quetelet der Statistik nicht die Aufgabe zuweist, Gesetze des Gesellschaftslebens zu erforschen, sondern in der mehr oder weniger getreuen Schilderung, wie der Socialkörper wirklich ist, ihre Aufgabe erblickt. Ja, Quetelet will im Gegentheil die Erforschung der Gesetze des Gesellschaftslebens ausdrücklich von der Statistik ausgeschieden wissen und diesen Zweck einer besonderen Wissenschaft zuweisen, d. h. also nicht, wie v. Mayr uns glauben machen will, „den bedeutungsvollsten Schritt nach dem Endziel der exacten Gesellschaftslehre thun". Denn nachdem Quetelet in Anknüpfung an das bisher Erörterte auseinandergesetzt hat, dass jener corps social, wie die Himmelskörper, von Gesetzen beherrscht werde, fügt er hinzu; L'ensemble de ces lois qui existent en dehors des temps, en dehors des caprices des hommes, forme une science à part, à laquelle j'ai cru pouvoir donner le nom de physique sociale.

Diese Ansicht, dass die Socialphysik eine besondere Wissenschaft für sich neben der Statistik sei, hat Quetelet aber nicht bloss in seinen 1846 erschienenen Lettres etc., sondern Zeit seines ganzen Lebens bis zuletzt in dem abschliessenden Werke „Sur l' homme ou Physique sociale 1869" vertreten. Statt offen und ehrlich in dieser Hinsicht die Wahrheit zu verkünden, verschweigt v. Mayr seinen Lesern diese Thatsache, weil ihm ja sonst die grosse Autorität fehlen würde, welche bestätigen soll, dass die Statistik in eine exacte Gesellschaftslehre sich verwandelt habe. Deshalb bedient sich v. Mayr eines eigenthümli-

chen Verfahrens. Er sagt: „Dass Quetelet auch in einer (sic!) Grundfrage, bezüglich deren man eine unzutreffende Antwort von ihm kaum erwarten möchte, eine solche dennoch ertheilt, zeigt seine noch in seinem Sammelwerke ‚Physique sociale' vom Jahre 1869 enthaltene Definition der Statistik, welche entgegen seiner ganzen verdienstvollen Lebensarbeit eine Definition der Statistik ganz im Sinne der ältesten, in den Kinderschuhen stehenden Universitätsstatistik enthält, mit den Worten: ‚La statistique a pour object de nous présenter l'exposé fidèle d'un état à une époque déterminée'. Die mannigfachen Widersprüche in Quetelet's abschliessendem Werk Sur l'homme ou Physique sociale erklären sich übrigens daraus, dass dieses in der Hauptsache ein Mosaik älterer monographischer Arbeiten darstellt".

Es handelt sich im vorliegenden Falle gar nicht um eine Grundfrage, sondern um die Grundfrage: ist bei Quetelet die Statistik eine exacte Gesellschaftswissenschaft im v. Mayr'schen Sinne? Diese Frage ist zu verneinen, weil Quetelet ausdrücklich die letztere als eine Wissenschaft für sich (une science à part) betrachtet, die neben der Statistik selbständig dasteht. Ist das der Fall, so ergiebt sich von selbst, dass Quetelet nicht den bedeutungsvollsten Schritt nach dem Endziel der exacten Gesellschaftslehre gethan hat, dass vielmehr Andere als Quetelet diese Confusion herbeigeführt haben. Abgesehen von der Liebe zur Wahrheit erfordert die blosse Pietät für einen Verstorbenen, dass man ihn an dieser Confusion nicht Antheil nehmen lässt und die Sache so darstellt, als ob Quetelet sich in seinem abschliessenden Werke habe Widersprüche zu Schulden kommen lassen und eine unzutreffende Antwort in Bezug auf die Grundfrage der Wissenschaft ertheilt habe. Quetelet hat während seines ganzen Lebens die Statistik von der Gesellschaftswissenschaft (Physique sociale) scharf geschieden.

Es ist die höchste Zeit, dass wir zur Rettung des historischen Grundbegriffs der Statistik muthig jener in v. Mayr personificirten geradezu verderblichen Richtung entgegentreten, die nicht mehr bloss mit hohlen Phrasen und Schlagworten um sich wirft, sondern entgegengesetzte Meinungen entweder umdeutet oder ungeprüft zur Seite schiebt oder zu verlästern unternimmt. Der Streit der Ansichten über eine Sache beruht immer auf der Einseitigkeit der Meinungen. Je reicher ein Gegenstand an Inhalt und an Beziehungen ist, desto verschieden-

artiger werden die Ansichten darüber sein und desto mehr Meinungen sich bilden. Das ist bei der Statistik seit langem in hervorragendem Masse der Fall, weil eben die Wissenschaft vom Thatsächlichen eine Hilfswissenschaft für eine grosse Anzahl anderer Wissenschaften ist. Daraus erklärt sich zugleich die grosse Zahl von Besonderheiten, in denen die Statistik zur Erscheinung gekommen ist, und die grosse Zahl der aufgestellten Definitionen. Um Klarheit in dieser Beziehung zu erlangen, kann die grosse Divergenz der Meinungen über das Wesen der Statistik nicht dadurch beseitigt werden, dass man irgend eine Wissenschaft, der die Statistik Hilfswissenschaft ist, mit dieser verquickt und vermengt, wie es ja eben v. Mayr mit seiner Gesellschaftswissenschaft oder Wissenschaft von den socialen Massen thut, sondern einzig und allein dadurch, dass man das allen Erscheinungsformen der Statistik, den vergangenen und gegenwärtigen, zustehende Princip der Identität aufzusuchen bemüht ist. Alles was identisch ist, hat einen gemeinsamen Grund, und dieser Grund ist als das Allgemeine zugleich der Grund alles Besonderen; er ist das, was Alles hervorgebracht hat. In welcher Form die Statistik auch erschienen ist im Laufe der Jahrhunderte, immer wird sie gekennzeichnet als die status rerum notitia, als die Erkenntniss vom Verhalte der Sachen, als die Wissenschaft vom Thatsächlichen. Als solche steht sie selbständig da mit einem Princip, das nur ihr eigen ist, und mit einer grösseren Anzahl von Methoden. Sie wird aber nicht durch die numerische Methode allein characterisirt.

Mir ist ganz unverständlich, wie v. Mayr behaupten kann, dass „unter den Wissenschaften vom Thatsächlichen die Statistik nur eine von Vielen ist und dass vor Allem die ganze Gruppe aller Naturwissenschaften hierher gehöre". Dieser Behauptung liegt eine solche Verworrenheit zu Grunde, dass sich dagegen absolut kein Einwand erheben lässt. Augenscheinlich verwechselt v. Mayr das Wort „thatsächlich" mit „Thatsache". Mit Thatsachen haben es freilich alle Wissenschaften zu thun, die Metaphysik und Religionswissenschaft so gut wie die Chemie und Physik. Aber dass der Erkenntnisszweck der beiden zuletzt genannten Wissenschaften, die v. Mayr doch wohl ebenfalls zur „ganzen Gruppe aller Naturwissenschaften" zählt,

in der Erkenntniss des Thatsächlichen besteht, ist mir neu. Dass auch sie der Erkenntniss des Thatsächlichen bedürfen, ist selbstverständlich; aber alsdann wäre auch die Logik keine selbständige Wissenschaft, weil ihrer ebenfalls alle Wissenschaften bedürfen. v. Mayr ist sich über die Wechselbeziehungen der Wissenschaften unter einander jedenfalls nicht recht klar und glaubt, dass eine Wissenschaft, die Hilfswissenschaft für eine sehr grosse Anzahl anderer Wissenschaften ist, gar nicht existent sein könne.

Wir klagen in der Gegenwart mehr als früher, dass die hohle Phrase allzu sehr zur Herrschaft gekommen sei, dass man z. B. in der Geschichtswissenschaft, der Ethnologie, der Nationalökonomie u. s. w. auf Vorurtheilen Schlüsse aufbaue und Lehren begründe, die jeder thatsächlichen Grundlage entbehren, dass in einer ganzen Reihe von Wissenschaften ein Gerölle falscher Voraussetzungen sich aufgehäuft habe, welches sich dem Fortschritte der Erkenntniss störend entgegenstellt, sowie dass anderseits so wenig Verständniss dafür existire, den von einem Schriftsteller vorgeführten Sachverhalt auf die innere Übereinstimmung der ihn bedingenden Einzelthatsachen zu prüfen, dass man Alles in Kauf nehme, wenn es nur irgendwo in den Acten steht oder sinnlich wahrgenommen ist und wenn es nur der jeweils herrschenden Meinung entspricht. Jede Einzelerscheinung sucht man aus sich selbst zu erklären und bedenkt doch gar nicht, dass Alles in einem nothwendigen inneren Zusammenhang steht. Man richtet das Augenmerk meist nur auf das Allgemeine und übersieht die Wichtigkeit des Besonderen. Doch schon der alte Schlözer sagte 1804 in seiner Theorie der Statistik (S. 45): „manches Datum scheine unbedeutend zu sein und werde übersehen, seine Wichtigkeit sei versteckt und werde erst durch Combination gefunden. Hier zeige sich Genie und Gelehrsamkeit des Statistikers: je reicher er an Kenntnissen aller Art sei, desto öfter, und manchmal überraschend, werde er zwischen zwei Erscheinungen einen Zusammenhang, als zwischen Ursache und Wirkung, finden, einen Zusammenhang, der dem blossen Homme de lettres nicht in die Seele käme". Dass nur durch neue Combinationen, aber nicht durch blosse Wiederholungen mittelst einer bestimmt vorgeschriebenen technischen Methode die Erkenntniss des Thatsächlichen fortschreiten kann, haben so Viele heutzutage ganz vergessen.

Fragen wir, worin dieser Zustand begründet ist, so giebt

es nur die eine Antwort, dass man vielfach verlernt hat, einen Sachverhalt zu untersuchen und das Thatsächliche zu erkennen. In allem Andern huldigen wir dem Fortschritt, nur nicht in der Erkenntniss des Thatsächlichen. Daraus erklärt sich die verknöcherte Denkweise, welche glaubt, Alles, was jemals beobachtet worden sei, berge deshalb auch schon in sich die richtige Auffassung. Es ist uns, seitdem die Statistik einseitig gehandhabt und auf ein methodisch-technisch-arithmetisches Beobachtungsverfahren beschränkt wird, die status rerum notitia als Unterrichtsgegenstand fast verloren gegangen. In den statistischen Vorlesungen und in den Lehrbüchern à la Mayr hört man nur noch, wie eine Volkszählung zu Stande gebracht wird und erlangt dabei eine Menge untergeordneten calculatorischen Wissens, als ob demnächst die ganze gelehrte Welt in ein Calculatorenthum verwandelt werden sollte, welches v. Mayr's „Ideal des Forschungsgebietes der Statistik" zu verwirklichen habe, nämlich „die Gesammtheit der Massen menschlicher Individuen, die in der Zukunft vorhanden sein werden, zu beobachten bzw. zu zählen" (vergl. oben S. 109). Aber von einem statistischen Erkenntnissprocess zur Findung des Thatsächlichen erfährt man dabei nichts. Denn das würde „Verwässerung des Begriffes Statistik" sein, wogegen nicht ernstlich genug Einspruch erhoben werden kann.

Werden wir uns auch in Zukunft des althistorischen Princips der Statistik klar bewusst sein, dann können wir der Wissenschaft Statistik zu immer höherem Ansehen verhelfen, freilich nicht dadurch, dass wir nach Effect beim grossen Publicum haschen, sondern dadurch, dass wir in selbstloser Weise Erkenntnisse schaffen, die der Wissenschaft und dem practischen Leben dienen. Unsere Aufgabe wird darin bestehen, ein offenes Auge für alles Das zu haben, was objective Erkenntnisse dringend erfordert, um Anderen ihre Bethätigung zu erleichtern. Es ist eine grosse und schöne Aufgabe, Andern selbstlos zu dienen. Dienen erniedrigt nicht. Dadurch dass die Statistik nur dienende Magd sein will, verliert sie nur bei hochmüthigen Menschen, bei allen Einsichtsvollen aber nicht, an Ansehen. Glauben wir, dass wir gut thun, unsere statistischen Erkenntnisse für andere wissenschaftliche Zwecke selbst zu verwerthen, so muss uns dieses selbstverständlich unbenommen sein; nur werden wir es alsdann in einer Form thun, aus der der Consument unserer Darstellungen klar

und deutlich unseren erkannten Sachverhalt beurtheilen kann, wenn er die vorgeführten Thatsachen auf ihre innere Widerspruchslosigkeit prüft. Aber wenn wir solche Erkenntnisse, die wir selbst geschaffen haben, zu anderen Zwecken selbst benutzen, so werden wir uns immer klar bewusst bleiben müssen, dass wir alsdann nicht mehr Statistiker sind, und dass unsere Darstellung nur „auf statistischer Grundlage" beruht.

Da die Statistik ihrer ganzen Entwickelungsgeschichte gemäss durchaus nicht durch eine bestimmte Methode gekennzeichnet worden ist, vielmehr Jeder, der der Wahrheit die Ehre giebt, offen bekennen muss, dass die Statistik, die in ihrem Erkenntnissprincip Jahrhunderte lang dieselbe geblieben ist, sich je nach der Wahl ihrer Objecte und je nach der allgemeinen, alle Wissenschaften berührenden Erkenntnisstheorie (Logik) sehr verschiedener Methoden bedient hat; so werden die Lehrer der Statistik, wenn sie ihre Wissenschaft lieb haben, sich nicht damit begnügen, ihren Schülern nur jenes einseitige technische Verfahren, dessen man sich bei den administrativen sog. Zählungen vorzugsweise bedient, beizubringen suchen, sondern vor Allem den logischen Erkenntnissprocess darlegen, der zum Erkenntnisszweck der Statistik hinführt. Denn sonst wird leicht das verderbliche Vorurtheil genährt, als mache jener technische Apparat, der ja doch dem logischen Erkenntnissprocess untergeordnet ist, das Wesen der Statistik aus, oder als sei die Statistik eine „Gesellschaftslehre nach statistischer (numerischer) Methode". Dass dieser Apparat mitgelehrt werden muss, ist selbstverständlich, schon deshalb, weil die sog. amtliche Statistik zur Zeit als die bedeutsamste Sonderheit dasteht, in der das allgemeine statistische Princip seine Verwirklichung gefunden hat. So wenig ich mir denken kann, dass man heutzutage fruchtbringend Statistik lehren kann, ohne selbst einmal an einem statistischen Bureau wirksam gewesen zu sein, so wenig kann ich mir aber auch auf der anderen Seite einen erspriesslichen Lehrerfolg denken, wenn sich der Lehrer der Statistik nicht mit der Geschichte und den Methoden seiner Wissenschaft, welche im Laufe der Zeit in Anwendung gebracht worden sind, vertraut gemacht hat. Denn nur, wenn man die Mannigfaltigkeit der Methoden kennt, erlangt man für jede derselben ein richtiges Verständniss, vorausgesetzt dass uns zugleich das Princip der Statistik klar ist, von dem sie sämmtlich abgeleitet wurden.

Der Unterricht in der Statistik kann seiner Natur nach nur vorzugsweise Unterricht in den Methoden sein, und da Methoden nicht für sich existent sind, eine Wissenschaft nicht beherrschen, sondern dienende Apparate sind, so ist eben vor Allem erforderlich, das Princip oder den Grundbegriff, dem die Methoden ihren Ursprung verdanken, klar und wahr erkannt zu haben. Nur dann wird der docirende Statistiker tüchtige Beamte für den practischen Dienst erziehen, die mehr sind als blosse auf einseitigen Apparat eingedrillte Calculatoren. Practisch tüchtig nennen wir ja auch im gewöhnlichen Leben Den, der im entscheidenden Augenblick schnell den richtigen Weg bzw. die beste Methode zum Ziele zu wählen versteht. Jeder erfahrene Docent der Statistik, der seinen Schülern nicht bloss einseitig Bevölkerungsstatistik vorgetragen hat, sondern der die verschiedensten Gebiete, z. B. des Wirthschaftslebens, wie es in Ackerbau und Viehzucht, in Gewerbe und Handel, im Verkehr und Transportwesen etc. in Erscheinung tritt, zu dem Zwecke durchwandert hat, um das Thatsächliche zu erkennen, der weiss wie gross die Anzahl der Methoden ist, die zum Ziele statistischer Erkenntniss hinführen. Lehrt man, dass die Statistik eine Wissenschaft ohne Erkenntnissprincip sei und durch nichts als eine Methode, die obendrein in nichts Anderem als blosser Technik besteht, gekennzeichnet werde, dann entzieht man der Jugend eine der werthvollsten Wissenschaften und ertödtet zugleich den Geist echter Wissenschaftlichkeit, weil er unter dem Drucke einer so geistlosen Lehre, die nichts als Beschreibung eines Zählungsverfahrens ist und in der man über das Warum? absolut nichts erfährt, sich unmöglich entfalten kann.

Wir werden im Interesse gegenseitiger Verständigung über den wissenschaftlichen Begriff der Statistik gut thun, den technisch-arithmetischen Apparat, dessen sich die Statistik als Hilfsmittel bedient, nicht mehr „statistische", sondern numerische Methode zu nennen und vor Allem das Schlagwort „Massenbeobachtung" aufzugeben, weil damit nur Unklarheit erzeugt werden kann. Den technisch-calculatorischen Apparat in den Naturwissenschaften numerische oder naturwissenschaftliche, in der Statistik statistische Methode zu nennen, giebt keinen Sinn. Kommen wir zur Einsicht, dass die numerische Methode in verschiedenen Wissenschaften anwendbar ist, so ist für jeden Unbefangenen einleuchtend, dass ihre Anwendung

nichts für die Statistik Characteristisches ist, dass also deren Wesen damit unmöglich gekennzeichnet werden kann. Wir müssen alsdann das Wesen der Statistik anderswo suchen. An einem blossen Object, an dem die numerische Methode anwendbar ist, kann es nicht gefunden werden, weil sie eben an heterogenen Objecten anwendbar ist und es somit der subjectiven Willkür überlassen sein müsste, eins der Objecte zu diesem Zwecke willkürlich auszulesen, und weil wir ja doch auch zugleich die Genesis der numerischen Methode wissen, d. h. erfahren wollen, wie die Statistik dazu kam, sich einer Methode zu bedienen, die ihr ursprünglich fremd war. Es muss doch jedenfalls als ein in der Geschichte der Wissenschaften ohne Beispiel dastehender Widersinn bezeichnet werden, will man behaupten, dass Etwas, was der Wissenschaft Statistik in früherer Zeit ganz unbekannt war, das Wesen der Statistik ausmache und sie kennzeichne. War die Statistik früher als die sog. numerische Methode, deren sich jene heutzutage vielfach bedient, da, so kann die letztere eben nur Mittel eines höheren Zweckes sein, wie er im Princip der Statistik gegeben ist. Und dieser höhere Zweck ist eben nur aus der bunten Mannigfaltigkeit der Erscheinungsformen der Statistik zu finden, d. h. auf dem historisch-genetischen Wege, den ich in vorstehender Abhandlung kurz skizzirt habe. Erfahren wir alsdann, dass die Statistik die status rerum notitia oder die Wissenschaft vom Verhalt der Sachen bzw. vom Thatsächlichen ist und dass alle ihre Entwickelungsformen sich diesem Princip unterordnen, und dass sie, mit der allgemeinen Erkenntnisstheorie Schritt haltend, sich im Laufe der Jahrhunderte sehr verschiedener Methoden bedient hat und auch heute noch sehr verschiedener Methoden bedient, so sehen wir, dass sich die Statistik in dieser Hinsicht von den übrigen Wissenschaften nicht unterscheidet, sondern mit ihnen darin übereinstimmt, dass sich die Methode nach dem Grundbegriff und dem zu untersuchenden Stoffe richten muss, aber nicht umgekehrt der Grundbegriff aus der Methode abgeleitet werden kann.

Es wird uns alsdann zugleich auch ein besseres Verständniss für die Einseitigkeit gewisser Erscheinungsformen der Statistik aufgehen, indem wir begreifen lernen, wie durch einseitige Handhabung eines bestimmten methodischen Verfahrens nothwendig statistische Einseitigkeit erzeugt werden muss, und wir werden alsdann nicht in den Wahn Derjenigen verfallen, die

infolge ihrer höchst einseitigen mechanisch-technischen Bethätigung den Irrglauben haben, die einseitige Gewinnung blosser Allgemeinheiten sei ein Characteristicum der Statistik. Diese Erkenntniss wird uns im Gegentheil auf Mittel zur Beseitigung solcher Einseitigkeiten hinführen, indem wir zur Ansicht der Statistiker vor fünfzig Jahren zurückkehren, welche, wie oben gezeigt, Das als Schwäche der amtlichen Statistik betrachteten, was v. Mayr als Characteristicum der Statistik ansieht.

Will sich Jemand für irgend einen Zweck, z. B. um die Gesetzmässigkeiten im Gesellschaftsleben zur Darstellung zu bringen, der numerischen Methode bedienen, so kann er ja auf dem Titelblatt das „nach numerischer Methode" hinzufügen. Giebt es keine „statistische Methode" mehr, weil sie eben numerische Methode heisst, dann wird auch eine Verwechslung von „auf statistischer Grundlage" mit „nach statistischer Methode" nicht mehr möglich sein. Denn, wie bereits oben bemerkt, kann „auf statistischer Grundlage" nur heissen: „auf Grundlage eines zuvor festgestellten Sachverhalts".

Wenn v. Mayr glaubt, mit Hilfe der numerischen Methode eine exacte Gesellschaftslehre aufbauen zu können, so mag er es thun, da ihm das Niemand, auch der Statistiker nicht, verwehren kann. Einspruch dagegen muss aber erhoben werden, wenn er seine Gesellschaftslehre mit „auf statistischer Grundlage" bezeichnet, da er nur sagen darf „nach numerischer Methode". Ob die übrigen Socialforscher jene Einseitigkeit des Verfahrens ihm zum Vorwurf machen und ob es deshalb vielleicht nicht besser gethan sei, seine Gesellschaftslehre „Social-Massalogie" zu nennen, — darüber mich hier auszulassen, ist nicht mein Zweck. Nur das glaube ich festgestellt zu haben, dass v. Mayr's sog. „Statistik als Wissenschaft von den socialen Massen" mit dem historischen Princip der Statistik in Widerspruch steht, dass die Statistik ihrem Wesen nach nie eine exacte Gesellschaftswissenschaft werden kann und dass somit v. Mayr's Gesellschaftslehre nach numerischer Methode keine Gesellschaftslehre auf statistischer Grundlage ist.

Berichtigung.

S. 38, Zeile 6 v. o. lies Gesandten statt Gelehrten.

Проф. А. А. Муратовъ.

Клиническія лекціи

по акушерству и гинекологіи

читанныя студентамъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета.

Выпускъ I.

Предисловіе.

На появленіе настоящихъ „Клиническихъ лекцій“ я смотрю, какъ на посильную попытку придти на помощь моимъ слушателямъ при ихъ клиническихъ занятіяхъ. Я считалъ себя обязаннымъ сдѣлать это тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось неразъ убѣждаться въ желаніи моихъ слушателей имѣть подъ руками сборникъ прочитаннаго при клиническихъ занятіяхъ. Этимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется и то, что настоящая книжка является не въ томъ болѣе или менѣе законченномъ видѣ, какъ это было-бы желательно.

Мои клиническія лекціи носятъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ это обыкновенно принято понимать подъ такимъ названіемъ. Эта особенность, мнѣ кажется, достаточно объясняется тѣми условіями, въ которыхъ поставлено преподаваніе акушерства и гинекологіи въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ. На преподаваніе теоретическаго курса акушерства и гинекологіи, на оба предмета отведено только 3 часа въ недѣлю, что ставитъ преподавателя въ невозможность изложить акушерство и гинекологію въ должной полнотѣ.

Отсутствіе соотвѣтствующей пропедевтической клиники, гдѣ студенты могли-бы ознакомиться съ главными основами клиническаго изслѣдованія больныхъ, неимѣніе даже спеціальныхъ приватъ-доцентовъ, у которыхъ студенты могли-бы научиться главнымъ принципамъ акушерско-гинекологической пропедевтики, въ свою очередь также ставитъ клиническаго преподавателя въ особыя условія.

Такая постановка дѣла заставляетъ профессора-клинициста прежде чѣмъ приступить къ клиническому разбору больныхъ, ознакомить своихъ слушателей предварительно съ наиболѣе главными основами изслѣдованія больныхъ.

Вотъ почему я считаю болѣе цѣлесообразнымъ начинать первый семестръ клинической годовой работы моихъ слушателей съ ознакомленія ихъ, примѣнительно къ практическимъ цѣлямъ, съ главными основами, какъ акушерскаго, такъ и гинекологическаго изслѣдованія больныхъ женщинъ. Затѣмъ, послѣ того, какъ слушатели пріобрѣтутъ достаточныя свѣдѣнія въ указанномъ направленіи, я перехожу къ клиническому разбору больныхъ.

Естественно, что клиника, вѣрнѣе клиническія лекціи пользуются тѣмъ матеріаломъ, который въ данное время, что называется, попадаетъ подъ руку: здѣсь, конечно, не можетъ существовать особо строгой системы въ распредѣленіи гинекологическихъ больныхъ и акушерскихъ случаевъ на клиническихъ лекціяхъ.

Но въ теченіе двухъ семестровъ, отведенныхъ на клиническое изученіе акушерства и гинекологіи, я старался, когда представлялось возможнымъ, идти въ восходящемъ порядкѣ относительно выбора трудности случаевъ, подлежащихъ клиническому разбору; понятно, такое стремленіе далеко не всегда осуществлялось. Поэтому въ предлагаемомъ первомъ выпускѣ моихъ клиническихъ лекцій нѣтъ особой системы въ размѣщеніи клинически разобранныхъ случаевъ.

Затѣмъ, можетъ быть, самое изложеніе представляется нѣсколько элементарнымъ — это обстоятельство также объясняется сравнительно малой подготовкой аудиторіи къ клиническимъ занятіямъ.

Далѣе, я долженъ прибавить, что въ предлагаемой книжкѣ, я намѣренно не вводилъ излишнихъ литературныхъ ссылокъ и ограничивался въ этомъ отношеніи лишь необходимымъ. Я считаю такія подробности пока излишнимъ балластомъ для слушателя, который приступаетъ только къ изученію практической медицины и долженъ въ это время лишь фундаментально освоиться съ главными основами клинической дѣятельности.

Въ заключеніе не могу не пожалѣть, что я не имѣлъ возможности для большей наглядности излагаемаго приложить соотвѣтствующіе шематическіе и другого рода рисунки,

какъ это я примѣнялъ при самыхъ чтеніяхъ. Такой пробѣлъ лежитъ въ мѣстныхъ условіяхъ, при которыхъ является невозможнымъ изготовленіе клише здѣсь въ г. Юрьевѣ, приходится добывать таковыя изъ Петербурга и другихъ мѣстъ, что представляется также неудобнымъ.

Все это заставило меня въ настоящее время помириться съ необходимостью и издать пока книжку безъ надлежащихъ рисунковъ.

А. Муратовъ.

Г. Юрьевъ, Садовая, 34,
12/II 900.

Мм. Гг.

По существующему порядку на медицинскомъ факультетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, акушерско-гинекологическая клиника является одною изъ первыхъ, въ которыхъ студенты-медики получаютъ свое практическое медицинское образованіе. Не мое дѣло указывать Вамъ здѣсь на отличительныя особенности различнаго рода клиникъ — пропедевтической, факультетской и т. д.; я ограничусь только упоминаніемъ, что теперь для Васъ настала пора, когда весь Вашъ богатый запасъ теоретическихъ свѣдѣній, полученныхъ Вами на предшествовавшихъ трехъ курсахъ, Вы должны примѣнить на практикѣ, у постели больныхъ.

Поэтому, моя задача какъ клиническаго преподавателя, вообще говоря, должна заключаться въ томъ, чтобы научить Васъ распознаванію и оказанію, смотря по обстоятельствамъ, той или другой врачебной помощи въ сферѣ моей спеціальности.

Клиническія занятія должны были-бы состоять въ томъ, чтобы передъ Вами прошли всѣ болѣзненныя формы, чтобы Вы у самой постели больныхъ могли убѣдиться въ теченіи, распознаваніи, лѣченіи болѣзней и т. д. Кромѣ того въ идеѣ желательно, чтобы Вы знакомились съ различными болѣзненными формами постепенно, начиная отъ самыхъ простѣйшихъ и восходя къ болѣе и болѣе сложнымъ формамъ.

Само собою разумѣется, такая постановка клиническаго преподаванія — это только идеалъ, къ которому можно болѣе или менѣе приближаться. Полное-же достиженіе этого идеала, какъ такового и при другихъ обстоятельствахъ, внѣ нашей волѣ. Такому стремленію препятствуетъ масса различныхъ

условій, дѣлающихъ желаемое нами преподаваніе невозможнымъ вообще, а тѣмъ болѣе въ Юрьевской акушерско-гинекологической клиникѣ, гдѣ теоретическое и практическое преподаваніе акушерства и гинекологіи находится въ рукахъ одного преподавателя, который располагаетъ при этомъ очень малымъ временемъ. Сверхъ того у насъ существуетъ еще одно спеціально-мѣстное, неблагопріятное условіе, — это то, что мы порою бываемъ стѣснены относительно клиническаго матеріала.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ представляется очень труднымъ провести даже только порядокъ постепенности демонстрацій различныхъ клиническихъ формъ — приходится по необходимости довольствоваться тѣмъ, что даетъ случайный клиническій метеріалъ. Дѣйствительно, нерѣдко бываетъ такъ, что та болѣзненная форма, на которой, по своимъ соображеніямъ, желалъ-бы остановиться преподаватель — она то и не встрѣчается въ данное время, а предоставляется въ его распоряженіе рѣдкій и трудный случай, который слѣдовало-бы показать аудиторіи гораздо позже. Обойти эту болѣзненную форму, не сдѣлать ее достояніемъ слушателей именно въ это время, является не резоннымъ уже потому, что второй подобный случай можетъ не встрѣтиться въ теченіе долгого времени, семестра и даже болѣе.

Всѣ высказанныя соображенія заставляютъ насъ, по возможности, останавливаться на всѣхъ клиническихъ случаяхъ, памятуя, что больныя — это болѣе или менѣе быстро текущій потокъ, несущій въ своихъ волнахъ только то случайное, что ему попадается на пути.

Но этого пожалуй и не нужно; за то усваиваются другія хорошія стороны. Пріобрѣтается методика клиники, практическая медицина является здѣсь такою, какою она бываетъ въ дѣйствительной жизни. Практическій врачъ вѣдь не знаетъ — какія болѣзненныя формы ему встрѣтятся въ извѣстные моменты его практической жизни, онъ всегда долженъ быть во всеоружіи. Словомъ, клиника, знакомя своихъ слушателей съ методомъ наблюденія, распознаванія, лѣченія и т. д. больныхъ въ сферѣ своей спеціальности, вмѣстѣ съ этимъ при данномъ ходѣ дѣла, научаетъ ихъ быстро оріентироваться во всѣхъ встрѣчающихся болѣзненныхъ формахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ клиническимъ занятіямъ по акушерству и гинекологіи, я желалъ бы сказать Вамъ предва-

рительно два слова. Едва-ли въ практической медицинѣ встрѣтится, кромѣ нашей спеціальности, еще другая, которая требовала-бы отъ врача столько такта, умѣнія и осторожности въ обращеніи съ больнымъ организмомъ, какъ это нужно въ акушерствѣ и гинекологіи.

Оно и понятно если принять во вниманіе объектъ нашей спеціальности.

По свойственному женщинѣ, а тѣмъ болѣе дѣвушкѣ, чувству стыдливости съ одной стороны и касательство врача слишкомъ интимныхъ отдѣловъ, такъ сказать, женскаго организма съ другой — предъявляется къ врачу, какъ неизбѣжное слѣдствіе — особенное требованіе, именно крайняя осторожность его въ обращеніи съ больными.

Можно съ увѣренностью сказать что опытный врачъ-гинекологъ, благодаря своему умѣнью осторожно подойти къ объекту своего изслѣдованія, уже изъ одного опроса больной получитъ много цѣннаго матеріала для сужденія объ организмѣ, находящемся въ патологическомъ состояніи. Съ другой стороны незначительная неосторожность въ опросѣ больной, несвоевременная или неумѣстная постановка вопроса со стороны врача, кажущаяся несерьезностьего отношенія къ дѣлу и т. д. — все это не проходитъ безслѣдно какъ по отношенію къ самому врачу, такъ особенно и къ интересамъ больной. Вы сами увидите впослѣдствіи какъ крайне важны всѣ только что указанныя обстоятельства для того, чтобы мы достигли конечной своей цѣли — излѣчить болѣзнь или по крайней мѣрѣ облегчить, по возможности, страданія больнаго человѣка вообще.

На первыхъ шагахъ Вашей практической дѣятельности у постели больной въ сферѣ моей спеціальности, я долженъ предупредить Васъ, что опросъ больныхъ, толковое собираніе анамнестическихъ данныхъ составляетъ очень не легкую задачу; я считаю, что это составляетъ пробный камень для практическаго акушера-гинеколога. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ совмѣщать серьезность къ дѣлу, чтобы больная, такъ сказать прониклась сознаніемъ, что все, что отъ нея желаютъ узнать изъ разспросовъ ея, все это должно служить интересамъ ей-же самой. Но такая серьезность не должна граничиться съ болѣе или менѣе грубыми пріемами или, наоборотъ, съ какимъ либо насмѣшливымъ отношеніемъ къ больной.

Напротивъ, изъ этихъ разспросовъ больная должна убѣдиться въ участливомъ отношеніи къ ней врача.

И можно навѣрное сказать, если врачъ съумѣетъ себя поставить въ указанныхъ границахъ, онъ пріобрѣтетъ откровенность больной и слѣдовательно легко получитъ тѣ свѣдѣнія и вообще тѣ данныя, которыя ему требуются для всесторонняго обсужденія о сущности встрѣтившейся ему болѣзненной формы.

Имѣя въ виду такое требовательное отношеніе больныхъ къ врачу-гинекологу, послѣдній долженъ выработать себѣ особый планъ, особую шему, которой онъ долженъ держаться при изслѣдованіи беременныхъ, роженицъ, родильницъ и женщинъ, страдающихъ какими-либо гинекологическими формами.

Собственно говоря предварительное ознакомленіе съ различными пріемами гинекололологическаго изслѣдованія не должно было-бы входить въ кругъ дѣятельности факультетской или госпитальной клиники — это дѣло пропедевтической клиники. Но въ Юрьевскомъ Университетѣ нѣтъ пропедевтической акушерско-гинекологической клиники. Поэтому мнѣ приходится Васъ знакомить и съ тѣмъ, что относится прямо къ задачамъ пропедевтическаго преподаванія.

Еще одно замѣчаніе. Вслѣдствіе того что при изслѣдованіи беременныхъ женщинъ практикуются нѣкоторые особые пріемы, различные отъ тѣхъ, которые примѣняются при изслѣдованіи вообще гинекологическихъ больныхъ, поэтому объ изслѣдованіи беременныхъ я скажу нѣсколько словъ отдѣльно, послѣ того, какъ познакомлю Васъ съ гинекологическимъ изслѣдованіемъ.

И такъ приступаю къ изложенію гинекологическаго изслѣдованія.

Здѣсь, собственно не играетъ особой роли опросъ больныхъ или вообще изслѣдованіе ихъ съ какого либо опредѣленнаго органа — можно начинать изслѣдованіе съ любого органа, безразлично. Но важно то обстоятельство, что разъ начавши изслѣдованіе извѣстнаго органа или извѣстной области человѣческаго тѣла, нужно остановить все свое вниманіе именно на этой области, изслѣдовать ее во всѣхъ деталяхъ для того, чтобы разъ покончивши съ изслѣдованіемъ извѣстнаго органа уже болѣе къ нему не возвращаться во время одного и того-же изслѣдованія данной больной. Соблюденіе такого правила имѣетъ особенно серьезное значе-

ніе при производствѣ внутренняго гинекологическаго изслѣдованія. Какой-бы порядокъ не предпринимался при изслѣдованіи больныхъ, безразлично, но во всякомъ случаѣ для всесторонняго сужденія о сущности интересующей насъ болѣзни, требуется тщательно изслѣдовать всѣ системы и органы человѣческаго организма, отнюдь не ограничиваясь лишь сферою своей спеціальности. Поступая иначе, мы рискуемъ во многихъ случаяхъ не отыскать источника, произведшаго данную болѣзнь, — не направить наши дѣйствія къ устраненію главной причины заболѣванія, словомъ въ такомъ случаѣ мы будемъ лишены возможности примѣнить радикальное лѣченіе, а будемъ по необходимости ограничиваться только однимъ симптоматическимъ, палліативнымъ лѣченіемъ. Само собою понятно, что такое лѣченіе не составляетъ конечной цѣли стремленій всякого современно — образованнаго врача; послѣдній долженъ стараться радикально излѣчить болѣзнь, примѣняя для этого всѣ зависящія отъ него мѣры; и, если врачу приходится въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничиваться только палліативнымъ лѣченіемъ, то на это нужно смотрѣть, какъ на горькую, исключительную необходимость, неизбѣжную въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Я только что сказалъ, что гинекологъ-акушеръ долженъ изслѣдовать всѣ системы и органы женскаго организма, но, выставляя такое положеніе, я вовсе не хочу утверждать, что гинекологъ во всѣхъ случаяхъ долженъ полагаться на свои силы. Нѣтъ. Но онъ, какъ современно-образованный врачъ долженъ лично обслѣдовать весь организмъ и при малѣйшемъ сомнѣніи относительно даннаго состоянія органовъ, лежащихъ внѣ области половой сферы, и, гдѣ это только возможно, онъ обязанъ обратиться къ компетенціи соотвѣтствующаго спеціалиста.

И такъ, при изслѣдованіи гинекологическихъ больныхъ слѣдуетъ держаться опредѣленнаго плана.

Опытный, практическій гинекологъ вырабатываетъ свой планъ, но Вамъ, только начинающимъ работать въ сферѣ извѣстной спеціальности, естественно, приходится руководствоваться пока какимъ либо уже выработаннымъ, готовымъ планомъ; и, въ этомъ отношеніи изъ многихъ существующихъ, я предложу Вамъ тотъ, котораго я держусь лично и который, мнѣ кажется, болѣе удобнымъ.

Гинекологическое изслѣдованіе, вообще говоря, слагается изъ нѣсколькихъ моментовъ. 1) Опросъ больныхъ, собираніе анамнестическихъ свѣдѣній; 2) объективное изслѣдованіе всѣхъ системъ и органовъ женскаго организма за исключеніемъ половой сферы; 3) изслѣдованіе половой сферы. Послѣднее распадается: а) на наружное изслѣдованіе; б) — внутреннее изслѣдованіе; в) комбинированное или соединенное изслѣдованіе и г) въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣняется еще изслѣдованіе черезъ прямую кишку.

Вотъ общая шема нашего изслѣдованія; теперь постараюсь сказать возможно кратко о каждомъ видѣ изслѣдованія больныхъ женщинъ въ отдѣльности.

Начинаемъ съ опроса больныхъ.

Я совѣтую Вамъ придерживаться такого порядка. Предварительно Вы вносите въ свою памятную книгу — имя, фамилію, возрастъ, званіе и занятіе больной; затѣмъ, слѣдуетъ родина и мѣстожительство, свѣдѣнія относительно состоянія здоровья ближайшихъ родственниковъ, справляетесь о наслѣдственности.

Болѣзни дѣтства.

Начало появленія первой менструаціи, характеръ послѣднихъ — установились-ли они сразу и приняли извѣстный типъ или сначала появлялись неправильно, относительно времени, продолжительности и количества ихъ. На сколько возможно слѣдуетъ при этомъ выяснить вліяніе менструацій на общую экономію организма въ различные періоды жизни женщины. Если были беременности — какой типъ пріобрѣтали менструаціи по окончаніи беременностей. Наконецъ какой характеръ носятъ менструаціи въ послѣднее время.

Слѣдующій вопросъ по очереди касается начала половой жизни больной. При выясненіи этой стороны дѣла нужно быть особенно осторожнымъ практическому врачу. Оно и понятно. Больная является къ гинекологу въ первый разъ, онъ не знаетъ ея соціальнаго положенія, выясненіе котораго подъ-часъ можетъ очень скомпрометировать больную. Отъ такого стеченія обстоятельствъ можетъ спасти больную только одно осторожное, тактичное отношеніе врача къ своей больной.

Если гинекологъ при выясненіи вопроса о началѣ половой жизни у больной сразу поставитъ вопросъ — замужемъ она или нѣтъ, то могу Васъ увѣрить, что онъ очень

часто встрѣтится съ такимъ обстоятельствомъ, что онъ, что называется, сразу опѣшитъ больную и не получитъ отвѣта на заданный вопросъ; тогда, какъ измѣня нѣсколько форму вопроса — мы получимъ совершенно удовлетворительное объясненіе.

Въ сущности для насъ вовсе не важно знать — замужняя или незамужняя особа наша больная; для насъ требуется опредѣлить — на которомъ году жизни началась половая жизнь у больной и беременѣла-ли она или нѣтъ?

Поэтому руководясь такими соображеніями, резоннѣе предварительно освѣдомиться у больной — рожала она или нѣтъ? При такой формѣ вопроса Вы всегда получите удовлетворительный и правдивый отвѣтъ. Какъ показываетъ практическая жизнь, при этомъ иногда больныя, какъ говорится, забѣгаютъ впередъ и сообщаютъ, что они незамужнія, или что до замужества онѣ имѣли столько-то дѣтей и послѣ замужества столько и т. д. — Изъ чисто практическихъ соображеній г.г., слѣдуетъ всегда деликатно, но рѣшительно прекращать разговоръ съ больной въ этомъ направленіи, выставляя ей на видъ, что сообщаемыя ей намъ свѣдѣнія совершенно излишни. При выясненіи вопроса о беременностяхъ, Вы спрашиваете — сколько было вообще всѣхъ беременностей; затѣмъ это число расчленяете — освѣдомляетесь сколько было срочныхъ родовъ, преждевременныхъ, выкидышей; какія именно беременности окончились преждевременно или выкидышами.

Какъ окончились первая и послѣдняя беременности — своевременно, преждевременно или выкидышемъ. Сколько родилось живыхъ дѣтей.

Узнаете, на которомъ году окончилась первая беременность и какъ? точно также освѣдомляетесь — когда окончилась послѣдняя беременность и какъ? Стараетесь узнать не было ли примѣняемо при разрѣшеніи отъ бремени какихъ-либо оперативныхъ пособій.

Послѣродовые періоды Вы также не имѣете права проходить мимо. Какъ долго оставалась родильница въ постели послѣ родовъ, какъ чувствовала она себя, лихорадила или нѣтъ, какого характера и какъ долго продолжались послѣродовыя очищенія и т. д. и т. д., словомъ, по возможности, всѣ стороны даннаго состоянія женщины должны быть выяснены лѣчащимъ врачемъ.

Далѣе, что касается до кормленія грудью, то оно должно быть всесторонне выяснено: кормила-ли грудью больная своихъ дѣтей, было-ли достаточно молока, какъ долго кормила, какъ отражалось кормленіе грудью на ребенкѣ и на самой больной, какъ чувствовала себя она въ это время. Если больная не кормила своихъ дѣтей или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то почему это происходило — отъ невозможности кормить, вслѣдствіе недостаточности молока или вслѣдствіе какихъ либо другихъ побочныхъ соображеній.

Покончивши съ выясненіемъ вопроса относительно беременности, родовъ и послѣродоваго времени, приступаютъ къ вопросу о началѣ настоящей болѣзни.

Больная спрашивается сколько времени она считаетъ себя больною, отчего по ея мнѣнію произошла болѣзнь и если лѣчилась отъ своей болѣзни, то когда, гдѣ и какому лѣченію подвергалась.

Опросъ больной заканчивается описаніемъ ея субъективныхъ ощущеній. Больная при этомъ разсказываетъ о времени появленія первыхъ признаковъ болѣзни, дальнѣйшее теченіе послѣдней и переходитъ къ ощущеніямъ даннаго времени. При разсказѣ больной мы стараемся выяснить — локализацію болей, бѣли, кровотеченія, вліяніе coitus'a, — отправленія кишечнаго канала, — мочеваго пузыря, состояніе нервной системы и т. д.

Приступая къ объективному изслѣдованію, мы прежде всего убѣждаемся относительно роста ея, состоянія общаго питанія тѣла, t..

Потомъ послѣдовательно производимъ изслѣдованіе органовъ пищеваренія, — дыханія, — кровеобращенія, мочевыхъ органовъ и нервной системы, и, наконецъ переходимъ уже къ болѣе подробному изслѣдованію половыхъ органовъ.

Объективное изслѣдованіе половой сферы начинается съ наружнаго изслѣдованія. Собственно этотъ родъ изслѣдованія имѣетъ довольно ограниченное примѣненіе въ гинекологіи. Всѣ страданія половой сферы, гнѣздящіяся въ полости малаго таза недоступны для наружнаго изслѣдованія и на долю послѣдняго остаются только новообразованія матки, яичниковъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ фаллопіевыхъ трубъ, — заболѣванія околоматочной клѣтчатки.

Для производства наружнаго гинекологическаго изслѣдованія можетъ служить обыкновенное гинекологическое

кресло, кушетка, не мягкая кровать. Удобнѣе всего производить это изслѣдованіе въ горизонтальномъ на спинѣ положеніи больной съ приподнятою на подушкѣ головою, съ ногами согнутыми въ колѣняхъ и слѣдовательно съ придвинутыми къ животу бедрами больной. Такимъ положеніемъ достигается разслабленіе брюшныхъ покрововъ, получается уступчивость ихъ и слѣдовательно дается бо́льшая возможность при надавливаніи руками изслѣдующаго проникнуть глубже въ брюшную полость.

Наружное изслѣдованіе даетъ возможвость произвести о с м о т р ъ наружныхъ брюшныхъ покрововъ, при чемъ получаются нѣкоторыя данныя, которыя позволяютъ до нѣкоторой степени судить о состояніи брюшной полости больной. Такъ наприм. благодаря одному осмотру лишь мы имѣемъ возможность нерѣдко заключить, что въ данномъ случаѣ имѣется асцитъ только или по крайней мѣрѣ преобладаетъ, или наоборотъ имѣются свободно лежащія въ полости брюшины опухоли того или другого очертанія.

Значительно бо́льшее примѣненіе при наружномъ гинекологическомъ изслѣдованіи имѣетъ о щ у п ы в а н і е брюшной полости.

Если больная надлежащимъ образомъ приготовлена къ предстоящему изслѣдованію, кишечный каналъ и мочевой пузырь опорожнены, она уложена соотвѣтствующимъ образомъ на ложѣ для изслѣдованія, то ощупываніе даетъ намъ нерѣдко очень важныя данныя для сужденія о натурѣ болѣзни. Обыкновенно при производствѣ ощупыванія ладонныя поверхности обѣихъ рукъ изслѣдующаго кладутся на животъ больной. Производя постепенное легкое и равномѣрное вдавливаніе нашими пальцами брюшныхъ покрововъ и въ тоже время отвлекая вниманіе больной отъ производимаго изслѣдованія при помощи различныхъ разспросовъ, мы можемъ опредѣлить въ большинствѣ случаевъ границу новообразованія, находящагося въ брюшной полости, консистенцію опухоли, прощупать очертанія поверхности ея, степень подвижности, отношенія ея къ окружающимъ частямъ и органамъ, словомъ, получить много цѣнныхъ діагностическихъ данныхъ.

Покончивъ съ ощупываніемъ переходимъ къ п о с т у к и в а н і ю, которое въ подходящихъ случаяхъ составляетъ очень важную часть наружнаго изслѣдованія; но, къ сожалѣнію, примѣненіе постукиванія, по самой сущности страданій, до-

вольно ограниченно въ области практической гинекологіи. Постукиваніе даетъ намъ возможность оріентироваться во многомъ въ тѣхъ случаяхъ когда въ брюшной полости находятся опухоли исходящія изъ половыхъ органовъ или сосѣднихъ съ послѣдними областей и органовъ; кромѣ того то-же постукиваніе нерѣдко помогаетъ намъ ставить правильное распознаваніе въ случаѣ нахожденія въ полости брюшины свободнаго или инкапсулированныхъ скопленій различныхъ жидкостей (ascites, кровь, гной и т. д.). Но не указаннымъ только ограничивается примѣненіе постукиванія въ нашей спеціальности. Вслѣдствіе краткости времени которымъ я располагаю для клиническаго занятія съ Вами, я не могу здѣсь во всѣхъ должныхъ подробностяхъ распространиться о всѣхъ случаяхъ примѣненія того или другого метода изслѣдованія; тѣмъ болѣе при предстоящихъ намъ клиническихъ заиятіяхъ мнѣ не разъ еще придется остановиться на примѣненіи въ практикѣ различныхъ методовъ изслѣдованія больныхъ. Здѣсь-же я ограничусь только упоминаніемъ, что вся сущность, все значеніе постукиванія заключается въ томъ, что оно даетъ намъ возможность на основаніи даваемыхъ имъ различныхъ звуковъ, постукиваемой поверхности (тупой, притупленный, тимпаническій и т. п.), рѣшать вопроса очень большой важности для пониманія натуры страданія, а слѣдовательно и помогаетъ достиженію конечной цѣли всякаго практическаго акушера-гилеколога: или излѣчить кореннымъ образомъ болѣзнь или по меньшей мѣрѣ, въ крайнемъ случаѣ облегчить хотя временно страданія.

Чтобы покончить съ наружнымъ изслѣдованіемъ въ нашей области, мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ пріемѣ, именно о выслушиваніи. Выслушиваніе брюшной полости въ гинекологической практикѣ употребляется очень рѣдко. Прежде всего, оно примѣняется, конечно, въ случаѣ подозрѣнія беременности нормальной или патологической (внѣматочной), во второй половинѣ развитія беременности. Выслушиваніемъ мы имѣемъ возможность констатировать сердцебіеніе плода, маточные шумы.

При этомъ нужно помнить, что маточные шумы не есть неотъемлемая принадлежность только беременности; наоборотъ они не рѣдко встрѣчаются при другихъ новообразованіяхъ брюшной полости, напр. при опухоляхъ, исходящихъ изъ существа матки.

Получивъ требующіяся діагностическія данныя при наружномъ гинекологическомъ изслѣдованіи, мы переходимъ къ внутреннему изслѣдованію половой сферы. Какъ внутреннее изслѣдованіе, такъ равно сочетанное (соединенное, комбинированное) и изслѣдованіе черезъ прямую кишку самое удобное производить на томъ-же гинекологическомъ креслѣ и въ томъ-же положеніи больной, какъ я говорилъ выше. Больная укладывается на то или другое ложе съ раздвинутыми нѣсколько бедрами, при чемъ строго наблюдается за тѣмъ, чтобы ноги и въ особенности половыя части больной безъ крайней нужды не обнажались. Затѣмъ обыкновенно одинъ указательный палецъ и только въ исключительныхъ случаяхъ два (указательный и средній пальцы) той или другой руки смоченные 1% воднымъ растворомъ лизола, осторожно проводятся во влагалище. При этомъ по пути прохожденія пальца, изслѣдующій старается отмѣчать состояніе влагалищнаго входа, стѣнокъ влагалища и влагалищной порціи матки. Кромѣ того при этомъ стараются опредѣлить, на сколько это доступно при внутреннемъ изслѣдованіи, положеніе матки, степень подвижности послѣдней, — состояніе влагалищныхъ сводовъ; если прощупываются черезъ влагалищные своды опухоли или какія либо уплотнѣнія надъ сводами, то стараются опредѣлить нижній сегментъ ихъ, отношеніе къ маткѣ и т. д.

Производя внутреннее изслѣдованіе genitalia, изслѣдующій не вынимая пальца, находящагося во влагалищѣ, кладетъ ладонь свободной руки на брюшные покровы изслѣдуемой и такимъ образомъ переходитъ къ комбинированному гинекологическому изслѣдованію. Собственно говоря комбинированное (соединенное, двуручное, наружно-внутреннее и т. д.), изслѣдованіе есть самый важный видъ гинекологическаго изслѣдованія, поэтому да позволено мнѣ будетъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Несмотря на то, что такъ называемое спинно-ягодичное, гинекологическое положеніе больной представляется самымъ цѣлесообразнымъ для того, чтобы до извѣстной степени ослабить дѣйствіе брюшнаго пресса, тѣмъ не менѣе не особенно рѣдко оно недостигаетъ своей цѣли. Самое главное противодѣйствіе для комбинированнаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, что брюшные покровы напрягаются вслѣдствіе сокращенія заключающихся въ нихъ группъ мышцъ. Понятно,

для ослабленія напряженія извѣстныхъ мышцъ слѣдуетъ только сблизить точки мышечныхъ прикрѣпленій, другими словами, примѣняясь къ нашимъ случаямъ, слѣдуетъ приблизить подреберье, нижній край грудной клѣтки къ верхнему краю тазового кольца.

Кромѣ того, хотя я имѣлъ уже случай упоминать о примѣненіи пальцевъ изслѣдующаго при внутреннемъ изслѣдованіи, тѣмъ не менѣе я остановлюсь здѣсь еще разъ на этомъ предметѣ и именно какой рукой нужно производить внутреннее изслѣдованіе. Для опытнаго гинеколога это не играетъ особой роли, но начинающимъ я совѣтовалъ бы строго держаться извѣстныхъ правилъ.

Вообще говоря, внутреннее изслѣдованіе удобнѣе производить лѣвой рукой сохраняя правую, какъ болѣе сильную для надавливанія чрезъ брюшные покровы при комбинированномъ изслѣдованіи. Но если требуется болѣе подробное изслѣдованіе маточныхъ придатковъ, тогда при внутреннемъ изслѣдованіи удобнѣе употреблять одноименную руку, т. е., при изслѣдованіи лѣвыхъ придатковъ примѣнять лѣвую руку и наоборотъ. Поэтому нужно стараться какими либо другими средствами достигнуть разслабленія, уступчивости брюшныхъ покрововъ столь необходимыхъ для производства болѣе или менѣе удовлетворительнаго гинекологическаго, комбинированнаго изслѣдованія.

Приступая къ гинекологическому изслѣдованію не слѣдуетъ запугивать больную, наоборотъ насколько возможно успокоить ее и поставить ей на видъ, что предпринимаемое изслѣдованіе, какъ таковое не непріятно для больной — оно безусловно необходимо въ интересахъ самой-же больной.

Правило — при помѣщеніи больной на ложе для изслѣдованія никогда не слѣдуетъ безъ нужды обнажать больную; нужно только чтобы она передъ изслѣдованіемъ разслабила всѣ части своего костюма на столько, чтобы изслѣдующій своею рукою могъ свободно проникать подъ ея одѣяніе. Затѣмъ само собою разумѣется, приготовивши соотвѣтствующимъ образомъ свои руки и смотря потому гдѣ расположилась больная — на гинекологическомъ креслѣ, кушеткѣ или постелѣ, гинекологъ помѣщается, или противъ больной между ея ногами или съ какой-либо стороны больной и приступаетъ къ самому изслѣдованію.

При извѣстной снаровкѣ, въ большинствѣ случаевъ, цѣль легко достигается, если при изслѣдованіи держаться извѣстной послѣдовательности въ примѣненіи пріемовъ изслѣдованія. Прежде всего изслѣдующій долженъ обращать большое вниманіе на температуру своей наружной руки, чтобы послѣдняя не была холодна, а согрѣта. Послѣ этого рука кладется на брюшные покровы не вдругъ, а постепенно, и, затѣмъ особенно надавливаніе на брюшные покровы, или вѣрнѣе вдавливаніе концами пальцевъ чрезъ брюшные покровы — въ брюшную полость должно производиться исподоволь, легко, постепенно; при этомъ изслѣдующій не замѣтно для самой больной старается отвлечь вниманіе ея отъ изслѣдованія, давая различные вопросы больной и въ тоже время начинаетъ производить изслѣдованіе.

Повторяю, не обнажая больную, изслѣдующій большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки раздвигаетъ большія срамныя губы и въ тоже время указательный палецъ согрѣтой лѣвой руки, увлажненный растворомъ лизола ладонною поверхностью помѣщаетъ на промежность и со стороны послѣдней продвигаетъ его къ задней спайкѣ губъ, затѣмъ минуя спайку проводитъ палецъ во влагалище. При прохожденіи изслѣдующаго пальца черезъ входъ влагалища — необходимо щадить и обходить, какъ самыя чувствительныя мѣста этой области — клиторъ и валикъ, окружающій наружное отверстіе мочеиспускательнаго канала.

Такіе пріемы при изслѣдованіи почти всегда даютъ возможность сдѣлать удовлетворительное комбинированное изслѣдованіе, позволяющее поставить вѣрный діагнозъ страданія.

Конечно, какъ и вездѣ здѣсь также встрѣчаются исключенія. Здѣсь, между прочимъ я напомню, что кромѣ различныхъ острыхъ заболѣваній женской половой сферы, встрѣчаются крайне нервныя, раздражительныя больныя, которыя при всемъ умѣніи и тактичности изслѣдующаго — никакимъ образомъ не позволяютъ произвести надъ собой надлежащее, комбинированное изслѣдованіе или даже только внутреннее изслѣдованіе.

Въ такихъ случаяхъ, если обстоятельства позволяютъ, приходится производить повторное изслѣдованіе; если-же необходимо поставитъ болѣе или менѣе удовлетворительное распознаваніе ex tempore — тогда не остается ничего болѣе какъ изслѣдовать больную подъ общимъ наркозомъ — хло-

роформномъ, эфирномъ или какомъ-либо другомъ, смотря по случаю какого рода наркозъ допускается примѣнительно къ данной больной.

Внутреннее, влагалищное и комбинированное — влагалищно-брюшное изслѣдованіе даетъ возможность гинекологу судить о состояніи внутреннихъ половыхъ органовъ, слѣдовательно не только матки, но и придатковъ ея, — яйцеводовъ, яичниковъ и т. д.

Я не могу входить здѣсь въ подробности гинекологическаго изслѣдованія придатковъ матки, объ этомъ рѣчь впереди, но замѣчу только, что 1) для опредѣленія состоянія маточныхъ придатковъ пользуются прежде всего анатомо-топографическими свѣдѣніями и 2) что маточные придатки, находящіеся въ нормальномъ состояніи — при нормальности остальныхъ условій, при обыкновенномъ гинекологическомъ изслѣдованіи прощупываются трудно и рѣдко.

Сравнительно, нерѣдки случаи, когда гинекологу приходится пользоваться изслѣдованіемъ черезъ прямую кишку, напрм. у дѣвственницъ, при вагинизмѣ и т. д. Такое изслѣдованіе въ большинствѣ случаевъ производится помощью одного только указательнаго пальца той или другой руки и, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, допускается изслѣдованіе per rectum помощью двухъ — указательнаго и средняго пальцевъ.

Изслѣдованіе per rectum иногда даетъ очень цѣнныя данныя, въ чемъ вѣроятно, въ теченіе нашего клиническаго курса, мы будемъ имѣть случай не разъ убѣждаться.

Въ области гинекологіи, хотя и рѣдко, но все-таки приходится иногда прибѣгать и къ изслѣдованію черезъ мочевой пузырь, уретру; поэтому, полноты ради, я упомяну Вамъ и о производствѣ этихъ изслѣдованій.

Благодаря своей топографіи, съ одной стороны, короткости, объемистости, растяжимости и прямолинейности направленія женскаго мочеиспускательнаго канала съ другой, женскій мочевой пузырь легко доступенъ, какъ для изслѣдованій такъ и для другихъ манипуляцій въ его полости.

Мочевой пузырь у женщинъ, безъ предварительнаго расширенія уретры очень легко изслѣдуется помощью изогнутаго, металлическаго мужскаго катетера или толстаго маточнаго зонда.

Весьма рѣдко необходимость заставляетъ иногда изслѣдовать пальцемъ полость мочеваго пузыря.

Въ этихъ случаяхъ, несмотря на чрезмѣрную растяжимость уретры, приходится чаще предварительно сдѣлать надрѣзы края наружнаго отверстія мочеиспускательнаго канала, а затѣмъ расширить самый мочеиспускательный каналъ помощью расширителей Hegar'a или — особыхъ, спеціальныхъ зеркалъ для уретры Simon'a.

Послѣ этихъ предварительныхъ манипуляцій и по окончаніи пальцевого изслѣдованія, разрѣзы у наружнаго отверстія мочеиспускательнаго канала зашиваются и обыкновенно скоро и вполнѣ удовлетворительно заростаютъ.

До сихъ поръ, почти исключительно, я знакомилъ Васъ только съ однимъ, такъ называемымъ, ручнымъ изслѣдованіемъ; но въ области гинекологіи примѣняется еще и инструментальное изслѣдованіе. На немъ-то я и остановлю теперь Ваше вниманіе.

Иструментальное изслѣдованіе довольно обширно, я не имѣю въ виду детально теперь распространяться о немъ, это завело-бы меня слишкомъ далеко, да если хотите, при данныхъ условіяхъ оно и не представляетъ особой важности. Я ограничусь только тѣмъ, что познакомлю Васъ лишь съ самымъ нужнымъ, кардинальнымъ инструментальнымъ изслѣдованіемъ, чтобы Вы имѣли возможность произвести всестороннее гинекологическое изслѣдованіе больной.

Изслѣдованіе помощью маточныхъ, точнѣе влагалищныхъ зеркалъ.

Всѣ влагалищныя зеркала можно подвести подъ 3 главныя группы: цилиндрическія, раздвигающіяся (створчатыя) и ложкообразныя. При помощи этихъ инструментовъ врачъ имѣетъ возможность осмотрѣть состояніе поверхности стѣнокъ влагалища, — маточной шейки и нижній участокъ канала маточной шейки.

Всѣ эти виды зеркалъ, конечно имѣютъ свои преимущества и свои недостатки. На сколько позволяетъ судить моя личная опытность, для обыкновеннаго гинекологическаго изслѣдованія, я порекомендовалъ-бы Вамъ прежде всего освоиться и научиться лучше манипулировать съ створчатымъ зеркаломъ Куско, которое въ сомкнутомъ состояніи представляется въ видѣ утинаго носа.

Здѣсь Вы видите зеркало Куско средней величины и послѣдней модели, которое представляетъ въ практическомъ отношеніи много удобствъ. Оно очень портативно; имѣя одинъ экземпляръ такого зеркала, почти всегда, за исключеніемъ только случаевъ крайне узкаго влагалища или — вагинизма можно обходиться только этимъ однимъ зеркаломъ. Введеніе инструмента во влагалище не только не болѣзненно, но даже мало чувствительно для больной, если только держаться извѣстныхъ, опредѣленныхъ правилъ при его введеніи. Коротко говоря, правила эти очень несложны.

Зеркало обыкновенно вводится въ спинно-ягодичномъ положеніи больной. Инструментъ предварительно согрѣтый до t. тѣла и взятый въ ту или другую руку изслѣдующаго, какъ писчее перо, въ сомкнутомъ состояніи вводится во входъ влагалища; послѣдній въ тоже время двумя пальцами свободной руки раскрывается на столько, что-бы было возможно свободно ввести зеркало. При введеніи нужно наблюдать, что-бы длинный поперечникъ зеркала совпадалъ съ сагитальнымъ размѣромъ; кромѣ того зеркало въ сомкнутомъ состояніи слѣдуетъ проводить до того момента, пока внутренній конецъ его не достигнетъ до маточной шейки, послѣ чего дѣлается полуоборотъ зеркала, такъ что длинный поперечникъ его теперь совпадаетъ съ поперечнымъ размѣромъ малаго таза. Кромѣ того, само собою разумѣется, что зеркало Куско, какъ и остальныя влагалищныя зеркала вводятся во влагалище по проводной линіи таза, т. е., внутренній конецъ зеркала при введеніи направляется сначала къ крестцовой впадинѣ, а затѣмъ поднимая внѣшній, ручной конецъ его, этимъ самымъ внутренній конецъ зеркала идетъ по направленію впередъ. Такъ происходитъ при нормальныхъ условіяхъ.

Установивши такимъ образомъ зеркало, створки послѣдняго раздвигаются и маточная шейка легко вступаетъ между створками зеркала.

По окончаніи осмотра, зеркало должно быть также надлежащимъ образомъ извлечено изъ влагалища. Именно, зеркало извлекается въ разомкнутомъ состояніи, постепенно, при чемъ кромѣ осмотра влагалищныхъ стѣнокъ наблюдается, чтобы маточная шейка совершенно свободно выходила изъ просвѣта зеркала. И только послѣ этого обѣ створки инструмента начинаютъ мало по малу сближать, строго наблю-

дая при этомъ, чтобы складки влагалищныхъ стѣнокъ не попадали-бы между створками и тѣмъ не подвергались-бы ущемленію. Для достиженія большей предосторожности — лучше даже въ самый моментъ выведенія зеркала изъ влагалища не смыкать въ плотную створки инструмента.

Что касается до цилиндрическихъ зеркалъ, то помимо настоятельныхъ показаній къ ихъ употребленію, въ обыкновенныхъ гинекологическихъ случаяхъ, я совѣтую, по возможности ограничить ихъ примѣненіе въ практикѣ, какъ и потому, что введеніе ихъ во влагалище довольно хлопотливо, не рѣдко болѣзненно, такъ и потому, что при примѣненіи цилиндрическихъ зеркалъ, ихъ нужно имѣть нѣсколько экземпляровъ, цѣлую ставку, чтобы имѣть возможность выбрать подходящій экземпляръ инструмента для каждаго отдѣльнаго случая.

Совершенно иное нужно сказать о ложкообразныхъ, желобоватыхъ зеркалахъ Sims'a, Simon'a и друг.

Этотъ инструментъ составляетъ очень большое пріобрѣтеніе для гинекологіи, какъ въ смыслѣ изслѣдованія больныхъ, такъ и при производствѣ многихъ гинекологическихъ операцій.

Изслѣдованіе желобоватыми зеркалами можно производить на гинекологическомъ креслѣ въ положеніи: спинно-ягодичномъ, лѣвобоковомъ (Sims'овскомъ) и въ положеніи колѣнно-локтевомъ (à la vache); но на кушеткѣ или на какомъ-либо другомъ ложѣ изслѣдованіе этими зеркалами можно сдѣлать — только въ Sims'овскомъ или въ колѣнно-локтевомъ положеніи.

При манипулированіи желобоватыми зеркалами удобнѣе вводить во влагалище сначала заднюю ложку, а потомъ уже переднюю. За исключеніемъ того, что при употребленіи данныхъ зеркалъ нужно имѣть ихъ нѣсколько калибровъ, еще есть едва-ли не единственное неудобство этого инструмента, это то, что здѣсь требуется еще ассистенція другого лица. Но за то преимущества его громадны въ сравненіи съ другими подобными инструментами; здѣсь представляется возможность болѣе наглядно осмотрѣть изслѣдуемые органы, при надобности стянуть или сдвинуть матку, если представляется необходимость, здѣсь-же ex tempore произвести ту или другую операцію и т. д.

Послѣ инструментальнаго изслѣдованія влагалища, мнѣ слѣдуетъ перейти къ таковому же изслѣдованію матки; но попутно я предварительно остановлю Ваше вниманіе на одномъ вспомогательномъ инструментѣ, который часто требуется при изслѣдованіи матки. Я разумѣю острый маточный крючекъ Симса.

Представляя изъ себя довольно длинный и прочный инструментъ, этотъ крючекъ вкалывается въ то или другое мѣсто маточной шейки и служитъ для фиксированія матки при различныхъ манипуляціяхъ надъ этимъ органомъ.

При инструментальномъ изслѣдованіи матки прежде всего нужно упомянуть о маточномъ зондѣ.

Маточнымъ зондомъ называется довольно длинный, приблизительно, 30—32 сантим., металлическій стержень, оканчивающійся съ одной стороны металлическимъ шарикомъ, а съ другой — ручкой. Маточный зондъ дѣлается различной толщины и изъ металла различной консистенціи, начиная отъ довольно трудно гнущагося и кончая металломъ очень легко измѣняющимся при малѣйшемъ желаніи погнуть инструментъ. Примѣненіе того или другого зонда имѣетъ свои показанія. Кромѣ того зондамъ твердымъ придается извѣстная кривизна, по протяженію инструмента намѣчаются дѣленія.

Изслѣдованіе матки посредствомъ зонда, зондированіе ея полости, должно производиться съ очень большими предосторожностями. Проведеніе принциповъ асептики здѣсь должно быть самое щепетильное. Предосторожности ради, въ смыслѣ предупрежденія занесенія микробовъ изъ влагалища въ матку, зондированіе лучше производить послѣ предварительнаго введенія влагалищнаго зеркала и — послѣдовательнаго очищенія и одезинфецированія маточной шейки и нижняго отдѣла цервикальнаго канала. Но такъ какъ такое зондированіе имѣетъ также свои невыгодныя стороны, то вообще принято зондировать матку слѣдующимъ образомъ.

Сначала производится двуручное изслѣдованіе больной, которымъ опредѣляется величина, консистенція и положеніе матки, очертаніе ея, отношеніе ея къ сосѣднимъ областямъ и органамъ.

Больная укладывается въ гинекологическое спинно-ягодичное положеніе, влагалище очень тщательно промывается какимъ либо дезинфецирующимъ растворомъ, затѣмъ во влагалище вводится указательный, а иногда указательный и средній

пальцы одной руки, пальцы проводятся къ наружному отверстію маточной шейки и фиксируются тамъ; въ то-же время зондъ, взятый большимъ и указательнымъ пальцами другой, свободной руки вводится во влагалище такимъ образомъ, что пуговка зонда скользитъ по ладонной поверхности пальца, находящагося во влагалищѣ, и легко проникаетъ въ наружное отверстіе цервикальнаго канала и далѣе. При этомъ нужно стараться, чтобы зондъ проходилъ въ матку легко, безъ насилія. И въ этомъ отношеніи очень большую услугу приноситъ намъ предварительное пальцевое гинекологическое изслѣдованіе. Зная очертаніе, положеніе матки, можно съ большою увѣренностью судить о направленіи продольной оси маточной полости и сообразно этому легко вводить зондъ такъ, чтобы выпуклая сторона его соотвѣтствовала таковой-же поверхности матки; слѣдовательно напр., при retroflexi'и матки — выпуклость зонда должна быть обращена впередъ, а при anteflexi'и выпуклость зонда — назадъ, другими словами она должна соотвѣтствовать тазовой оси. При обыкновенныхъ нормальныхъ условіяхъ проведеніе зонда въ полость матки встрѣчаетъ только небольшое противодѣйствіе со стороны внутренняго маточнаго зѣва, минуя который инструментъ уже идетъ свободно.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при точно распознанныхъ искривленіяхъ матки, тѣмъ не менѣе проведеніе зонда въ матку встрѣчаетъ болѣе или менѣе значительныя препятствія. Вотъ здѣсь-то и выручаетъ, между прочимъ, Sims'овскій крючекъ.

Какъ только зондъ встрѣчаетъ препятствіе при его проведеніи въ матку, онъ немедленно извлекается, снова стерилизуется, а тѣмъ временемъ подъ руководствомъ пальца во влагалище вводится острый крючекъ, который проводится до маточной шейки; затѣмъ смотря по обстоятельствамъ — какая неправильность имѣется въ очертаніи матки и сообразно этому крючкомъ захватывается та или другая маточная губа. Такъ въ томъ случаѣ, если матка искривлена впередъ — захватывается передняя губа и потягивается по направленію къ изслѣдующему, вслѣдствіе чего закрытый уголъ, образующійся изгибомъ передней маточной губы и смотрящій внутрь цервикальнаго канала нѣсколько уменьшается отъ вытяженія передней маточной губы; выступъ передней стѣнки цервикальнаго канала уменьшается, просвѣтъ его дѣлается сво-

боднѣе и конецъ зонда легко проскальзываетъ въ полость матки. При искривленіи матки назадъ — для облегченія зондированія захватывается задняя губа и зондъ проводятъ выпуклостью, обращенною впередъ.

Словомъ, можно вывести какъ правило: при различныхъ искривленіяхъ матки для облегченія зондированія предварительно захватывается острымъ крючкомъ маточная губа, соотвѣтствующая сторонѣ искривленія матки, а затѣмъ уже проводится зондъ, направленіе кривизны котораго должно также соотвѣтствовать направленію маточной кривизны.

Зондъ, при извѣстныхъ условіяхъ и о чемъ я упоминалъ уже прежде — можетъ служить источникомъ зараженія; но этимъ не ограничиваются неблагопріятныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ употребленія зонда, какъ то — ссадины, надрывы слизистой оболочки матки, маточныя кровотеченія, прободеніе самого существа маточной стѣнки и т. п.

Опытъ и практика показываетъ, если только инструментъ былъ вполнѣ стерилизованъ, всѣ эти осложненія до прободенія матки включительно — не несутъ за собою еще очень большой опасности для больной, но тѣмъ не менѣе не въ этомъ долженъ находить себѣ утѣшеніе всякій практическій врачъ. Къ этому можно прибавить только одно, что при разумномъ, осторожномъ зондированіи и при неперерожденной маточной стѣнкѣ, всѣ поименованныя осложненія встрѣчаются какъ исключеніе.

Различныя патологическія состоянія маточной стѣнки, напр. атрофія ея, размягченіе ея при жировомъ перерожденіи in puerperio, при различныхъ злокачественныхъ новообразованіяхъ — дѣлаетъ очень легкимъ всѣ травматическія поврежденія маточной мускулатуры. Изъ этого слѣдуетъ какъ осторожно должно быть примѣненіе зонда при данныхъ условіяхъ.

Хотя употребленіе зонда оказываетъ намъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень большія услуги, но тѣмъ не менѣе примѣненіе его должно быть по возможности ограничено и показанія къ примѣненію этого инструмента должны быть строго соблюдаемы.

Изъ показаній къ примѣненію зонда, я напомню Вамъ теперь слѣдующія: 1) опредѣленіе длины маточной полости и вообще вмѣстимости ея; 2) опредѣленіе контуровъ внутриматочно сидящихъ новообразованій, но, къ слову сказать, это

не всегда доступно для зонда; 3) для опредѣленія состоянія эндометрія, шероховатостей на слизистой оболочкѣ матки съ большою выгодою употребляется зондъ; 4) для опредѣленія степени проходимости, съуженія цервикальнаго канала.

Вотъ собственно главныя показанія для употребленія зонда. Есть еще другія показанія къ употребленію маточнаго зонда въ гинекологической практикѣ, но эти показанія недостаточно обоснованы, поэтому я ихъ опускаю здѣсь.

Говоря о показаніяхъ къ примѣненію маточнаго зонда нужно вмѣстѣ съ этимъ упомянуть и о противопоказаніяхъ, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при желаніи манипулировать съ этимъ инструментомъ.

Противопоказанія эти не многочисленны: 1) малѣйшее подозрѣніе относительно беременности впредь до болѣе точнаго выясненія истиннаго положенія дѣла, составляетъ уже очень вѣское противопоказаніе къ употребленію маточнаго зонда.

2) Не только констатированіе, но даже только большая или меньшая вѣроятность бленоройнаго заболѣванія влагалища или мочеиспускательнаго канала — есть уже рѣшительное противопоказаніе къ зондированію матки; такъ какъ пренебрегая этой предосторожностью можно легко инфецировать полость матки.

Наконецъ третье кардинальное противопоказаніе къ употребленію маточнаго зонда составляютъ тѣ случаи, въ которыхъ имѣются острыя или подострыя воспаленія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, околоматочной клѣтчатки, — брюшины или — маточныхъ придатковъ. Къ инструментальному изслѣдованію матки еще относится искусственное расширеніе канала маточной шейки.

Расширеніе такое съ діагностической цѣлью требуется часто для того, чтобы имѣть возможность болѣе точно, помощью непосредственнаго ощупыванія пальцемъ изслѣдовать внутреннюю поверхность матки — шероховатости, выступы, опухоли и т. д.

Въ прежнее время для расширенія цервикальнаго канала употребляли различныя разбухающія средства отъ прессованныхъ губокъ до tupello включительно. Теперь многія изъ этихъ средствъ имѣютъ уже только историческій интересъ за исключеніемъ двухъ — ляминаріи и tupello, къ которымъ многіе гинекологи прибѣгаютъ еще и по настоящее время.

Не вдаваясь здѣсь въ анализъ мотивовъ почему медленное расширеніе цервикальнаго канала разбухающими средствами теперь многими гинекологами почти оставлено, я перехожу къ описанію быстраго расширенія цервикальнаго канала.

Переходъ отъ прежняго способа расширенія цервикальнаго канала разбухающими средствами къ современному способу различныхъ неразбухающихъ расширителей совершился не вдругъ. Между ними было связующее звѣно въ формѣ различныхъ пружинящихъ металлическихъ расширителей для цервикальнаго канала. И въ этомъ отношеніи былъ предложенъ цѣлый рядъ расширителей — Sims'омъ, Ellinger'омъ, Schultz'емъ, Schatz'емъ и др. Но всѣ подобнаго рода инструменты, благодаря своей неудобопримѣнимости, скоро остались за флагомъ и смѣнились другими болѣе соотвѣтствующими цѣли.

Появились очень простые по своей конструкціи и очень удобные въ практическомъ отношеніи стержни, приготовленные изъ твердаго каучука, стекла или металла.

Честь введенія въ гинекологію этого рода расширителей принадлежитъ, кажется, Hegar'у. Онъ первый началъ расширять цервикальный каналъ сначала каучуковыми стержнями, а затѣмъ перешелъ къ употребленію стеклянныхъ стержней. Расширители сдѣланные по мысли Hegar'а представляютъ изъ себя стержни, длиною, приблизительно, въ 10—12 сантиметровъ, различной толщины, начиная отъ толщины тонкаго маточнаго зонда и кончая діаметромъ ихъ въ $2^1/_2$—3 сантиметра. Эти стержни на концѣ назначенномъ для введенія въ цервикальный каналъ, нѣсколько срѣзаны съ боковъ такъ что представляются куполообразными; другой конецъ стержней скошенъ съ двухъ противоположныхъ поверхностей, такъ что этотъ конецъ уплощается въ видѣ короткой ручки, за которую изслѣдующій захватываетъ расширитель при введеніи его въ цервикальный каналъ.

Количество различныхъ нумеровъ Хегаровскихъ расширителей, разнящихся по своей толщинѣ достигаетъ до 26 и даже болѣе.

Изъ многихъ другихъ стержнеобразныхъ расширителей, устроенныхъ по принципу Хегара я упомяну Вамъ только о дилятаторахъ Fritsch'а, какъ наиболѣе практичныхъ и удобныхъ.

Металлическіе дилятаторы Fritsch'a представляютъ изъ себя короткіе 7—8 сантиметровъ стержни, точно также различной толщины, начиная отъ тонкаго и кончая довольно объемистымъ. Они нѣсколько разнятся отъ расширителей Hegar'a: 1) дилятаторы Fritsch'a сдѣланы изъ металла; 2) Они короче и представляютъ изъ себя какъ бы форму конуса съ срѣзанной верхушкой; 3) на основаніи конуса имѣется отверстіе ведущее въ цилиндрическое углубленіе, стѣнки котораго нарѣзаны винто-образно; 4) къ набору расширителей Fritsch'a прилагаются 2 твердыя металлическія ручки, несущія на одномъ изъ своихъ концевъ, сравнительно тонкій стержень съ винтовой нарѣзкой, на которую послѣдовательно могутъ навинчиваться всѣ №№ этихъ расширителей.

Я съ своей стороны особенно горячо рекомендовалъ бы Вамъ употребленіе именно расширителей Fritsch'a. Они очень портативны, по своему устройству допускаютъ болѣе совершенную стерилизацію, чѣмъ другіе аналогичные имъ инструменты и наконецъ проведеніе ихъ черезъ цервикальный каналъ совершается также болѣе легко.

Считая лично большимъ прогрессомъ въ области гинекологіи введеніе твердыхъ, неразбухающихъ расширителей, я позволяю себѣ здѣсь-же нѣсколько подробнѣе остановиться на значеніи ихъ, а также и на техникѣ ихъ примѣненія.

Приверженцы медленнаго расширенія цервикальнаго канала при помощи разбухающихъ расширителей протестуютъ противъ быстраго, сравнительно, экстемпоральнаго расширенія матки.

Они говорятъ, что такое быстрое расширеніе всегда влечетъ за собою нарушеніе цѣлости по протяженію цервикальнаго канала; подобные надрывы или разрывы неограничиваются только поверхностными слоями — слизистой и подслизистой ткани, по будто-бы не рѣдки случаи, когда разрывы проникаютъ даже до околоматочной клѣтчатки и разрываютъ даже послѣднюю.

Я съ своей стороны на этотъ протестъ могу противопоставить только одно соображеніе: какъ бы ни былъ, что называется, невиненъ инструментъ, по при несоотвѣтственномъ, скажу, неосторожномъ примѣненіи всегда могутъ получиться крайне нежелательныя послѣдствія. Мнѣ думается, для доказательства этого положенія не стоитъ приводить примѣровъ — на столько оно очевидно и на столько много

примѣровъ въ этомъ отношеніи представляетъ исторія вообще практической медицины.

Скажу Вамъ только одно, что работая въ подходящихъ случаяхъ, уже много лѣтъ почти исключетельно съ неразбухающими, и, именно, Fritsch'евскими расширителями, я не припомню ни одного случая, гдѣ-бы при употребленіи даннаго инструмента получились болѣе или менѣе значительныя травматическія поврежденія — о малыхъ ссадинахъ или поверхностныхъ надрывахъ слизистой оболочки я ничего не говорю: таковыя, конечно, вполнѣ возможны, но въ свою очередь, при правильномъ веденіи дѣла они ничего особеннаго не влекутъ за собою.

Вся сущность дѣла состоитъ въ правильномъ, осторожномъ проведеніи этой маленькой операціи и послѣопераціоннаго времени.

Быстрое, экстемпоральное расширеніе цервикальнаго канала помощью неразбухающихъ расширителей удобнѣе всего производить слѣдующимъ образомъ.

Больная передъ предстоящимъ расширеніемъ готовится такъ, какъ передъ всякой гинекологической операціей и она помѣщается на обыкновенное гинекологическое кресло въ спинно-ягодичномъ положеніи; вводится задняя (нижняя) ложка Simon'овскаго зеркала, а затѣмъ — передняя (верхняя) ложка. Обнаживъ такимъ образомъ маточную шейку, послѣдняя захватывается крѣпкимъ Мюзе за ту или другую губу, смотря по обстоятельствамъ и придерживаясь правила относительно захватыванія маточныхъ губъ, о чемъ я говорилъ уже выше.

Фиксируя за Мюзе одной рукой матку, изслѣдующій беретъ другой рукой маточный зондъ, и проводя послѣдній въ цервикальный каналъ, онъ опредѣляетъ зондомъ проходимость канала, а также контролируя предварительное ручное изслѣдованіе, онъ вмѣстѣ съ этимъ опредѣляетъ и направленіе продольной маточной оси. Вслѣдъ за этимъ непосредственно вводится самый тонкій нумеръ Fritsch'евскаго расширителя, а затѣмъ уже постепенно вводятся и послѣдующіе, болѣе толстые NN расширителей вплоть до требуемаго объема.

При этомъ нужно строго держаться того правила, чтобы, всякій послѣдующій N расширителя, проводить осторожно и, по возможности, безъ насилія. Обыкновенно, какъ только предъидущій N расширителя прошелъ свободно, онъ извле-

кается и немедленно-же вводится послѣдующій и т. д. Но въ случаѣ если какой либо N расширителя проводится съ большимъ или меньшимъ затрудненіемъ, онъ сейчасъ-же извлекается и замѣняется опять предъидущимъ, который держится въ цервикальномъ каналѣ нѣсколько большее время, чѣмъ при легкомъ расширеніи — минуты 3—4 вмѣсто $^1/_2$—1 минуты. И, большею частью, послѣ этого маневра начинаютъ проходить свободно и послѣдующіе NN дилятаторовъ.

Вопросъ до какой степени производить расширеніе цервикальнаго канала — разрѣшается особенностями каждаго отдѣльнаго случая и какія діагностическія цѣли преслѣдуются расширеніемъ.

Продолжительность времени, требующагося на подобное расширеніе конечно различна и она зависитъ между прочимъ также и отъ индивидуальности оперируемаго субъекта. Вообще говоря, расширеніе труднѣе у нерожавшей, чѣмъ у рожавшей женщинѣ, у I-рача труднѣе, чѣмъ у повторно беременѣвшей и въ особенности у многорожавшей женщинѣ; но, конечно, и въ этомъ отношеніи въ практикѣ встрѣчается много исключеній.

Въ легкихъ случаяхъ расширеніе цервикальнаго канала достигается нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ минутъ — 5—6. По достиженіи требуемой степени расширенія, хорошо одезинфецированный указательный палецъ вводится въ полость матки и затѣмъ производится комбинированное изслѣдованіе матки.

Таковое изслѣдованіе, производимое съ соблюденіемъ всѣхъ должныхъ предосторожностей даетъ возможность въ нѣсколько минутъ совершенно выяснить дѣло относительно состоянія внутренней поверхности матки.

Обыкновенно, какъ расширеніе цервикальнаго канала, такъ равно и послѣдующее изслѣдованіе матки производится безъ наркоза; но въ случаяхъ болѣе труднаго расширенія, боязливости больной, раздражительности, вообще нервности ея — лучше расширеніе цервикальнаго канала производить подъ хлороформнымъ наркозомъ.

По окончаніи расширенія канала и изслѣдованія матки полость послѣдней тщательно промывается какимъ либо дезинфецирующимъ растворомъ, нагрѣтымъ до t. 35°/R., а затѣмъ оперированная на 2—3 дня укладывается въ постель и если не требуется другихъ какихъ либо воздѣйствій на внутрен-

нюю поверхность матки, стараются о хорошемъ сокращеніи маточной мускулатуры.

Съ этою цѣлью назначаются различныя средства и главнымъ образомъ препараты secal. cornuti и горячія спринцеванія.

Чтобы закончить съ расширеніемъ цервикальнаго канала маточной шейки я упомяну Вамъ еще объ одномъ способѣ, который состоитъ въ томъ, что просвѣтъ цервикальнаго канала постепенно выполняется, тампонируется марлей, пропитанной какимъ нибудь дезинфецирующимъ веществомъ, обыкновенно употребляется іодоформная или ксероформная марля; подъ вліяніемъ давленія происходитъ расширеніе цервикальнаго канала.

Безспорно послѣдній способъ расширенія вполнѣ приложимъ и цѣлесообразенъ, но только для нѣкоторыхъ случаевъ, когда нижній сегментъ матки соченъ, мягокъ и растяжимъ.

Этимъ я заканчиваю краткое изложеніе основъ, такъ сказать, клиническаго, макроскопическаго изслѣдованія гинекологическихъ больныхъ. Но современный клиницистъ не можетъ ограничиваться одними только что описанными способами изслѣдованія, — онъ долженъ почти въ каждомъ случаѣ прибѣгать къ помощи микроскопическаго изслѣдованія.

Что касается до этого послѣдняго способа клиническихъ изслѣдованій, то такъ какъ Вы, Гг. имѣли уже возможность во всѣхъ подробностяхъ изучить его теоретически и практически, то въ настоящій моментъ въ видахъ сохраненія времени, я этотъ способъ изслѣдованія опускаю. Тѣмъ болѣе я считаю себя въ правѣ такъ поступить, что при предстоящихъ клиническихъ занятіяхъ намъ придется не разъ и примѣнять этотъ методъ и убѣждаться въ его необходимости.

Перехожу къ слѣдующему отдѣлу — къ методамъ акушерскаго изслѣдованія.

Я познакомилъ Васъ коротко съ изслѣдованіемъ гинекологическихъ больныхъ, теперь по данному мною обѣщанію, я перехожу къ такому-же краткому изложенію ученія объ акушерскомъ изслѣдованіи. Акушерское изслѣдованіе беременныхъ и роженицъ точно также расчленяется на наружное, внутреннее и комбинированное (двуручное, соединенное и т. д.).

Начну съ наружнаго изслѣдованія.

Беременность хотя и есть физіологическое состояніе женскаго организма, но вмѣстѣ съ этимъ оно ставитъ жен-

щину въ такія условія, при которыхъ беременная и роженица дѣлаются особенно воспріимчивыми ко всевозможнымъ неблагопріятнымъ вліяніямъ.

Это-то обстоятельство можетъ быть и было однимъ изъ побудительныхъ толчковъ къ наилучшей разработкѣ наружнаго акушерскаго изслѣдованія. И, дѣйствительно, въ настоящее время это дѣло стоитъ такъ, что благодаря только одному наружному акушерскому изслѣдованію, часто можно произвести на столько точное распознаваніе, что оно дѣлаетъ даже излишнымъ внутреннее изслѣдованіе; кромѣ того наружное изслѣдованіе всегда гарантируетъ беременную и роженицу отъ какой либо инфекціи.

Наружное акушерское изслѣдованіе въ свою очередь распадается на нѣсколько подвидовъ: изслѣдованіе посредствомъ осмотра, ощупыванія, рѣдко постукиванія, выслушиванія и измѣренія.

Для производства акушерскаго изслѣдованія вообще и въ частности наружнаго — требуется положить беременную или роженицу на кушетку или — обыкновенную, но не мягкую, непружинную кровать; женщина послѣ извѣстныхъ приготовленій укладывается на ложе съ порядочно приподнятою головою, такъ что подбородокъ подходитъ къ груди; ноги ея сгибаются въ колѣняхъ, разводятся и ступни упираются на ложѣ. Затѣмъ изслѣдуемая съ растегнутымъ или даже снятымъ платьемъ, покрывается легкой простыней и обнажается по мѣрѣ надобности только та часть тѣла, которая подвергается осмотру въ данный моментъ. Еще до укладыванія беременной на постель, акушеръ старается замѣтить — ея ростъ, сложеніе, не имѣется — ли въ данномъ случаѣ какихъ либо уклоненій отъ нормы въ очертаніи позвоночника, грудной клѣтки, походкѣ беременной и т. п.

Попутно акушеръ старается замѣтить — не имѣется-ли на лицѣ беременной особыхъ окрашиваній кожи въ видѣ болѣе или менѣе распространенныхъ участковъ и самыхъ разнообразныхъ очертаній, буроватаго или желтобуроватаго цвѣта, такъ называемыя, chloasmata uterina.

Послѣ этого, какъ я сказалъ, беременная укладывается на соотвѣтствующее ложе.

Осмотръ и здѣсь нужно производить по извѣстному строго обдуманному плану, при томъ нужно принять за правило, чтобы разъ произведя болѣе или менѣе детальный

осмотръ данной области тѣла — уже болѣе не возвращаться къ этой послѣдней, какъ я замѣтилъ уже выше, въ одинъ и тотъ-же сеансъ осмотра беременной или роженицы.

Можно предложить такую шему осмотра: покончивъ съ разспросомъ изслѣдуемой, согрѣвъ и приготовивъ извѣстнымъ образомъ свои руки, изслѣдующій предварительно обнажаетъ грудь своей паціентки для осмотра грудныхъ железъ, которыя подвергаются очень подробному изслѣдованію.

Отмѣчается величина, форма, общій видъ, напряженность, консистенція этихъ органовъ, пигментація околососковаго кружка, состояніе монгомеровыхъ железокъ и особенное вниманіе акушера останавливаютъ грудные соски по предстоящему имъ важному значенію послѣ разрѣшенія отъ бремени въ дѣлѣ питанія новорожденнаго.

Различныя патологическія состоянія груднаго соска, столь часто встрѣчающіяся въ теченіе беременности, замѣченныя — во-время, могутъ быть почти всегда излѣчены до наступленія родовъ и такимъ образомъ родильница является уже вполнѣ подготовленною для выполненія предназначенной ей природою функціи — кормленія грудью своего собственнаго ребенка. Я не буду перечислять здѣсь всѣ заболѣванія груднаго соска, встрѣчающіяся во время беременности, а ограничусь только напоминаніемъ, что здѣсь встрѣчается, начиная отъ многообразныхъ послѣдствій неопрятнаго содержанія грудныхъ сосковъ и кончая поверхностными, кожными или очень распространенными и глубокими рубцами въ существѣ грудной железы, какъ результатъ бывшихъ нагноеній. Эти-то рубцы имѣютъ особенно важное значеніе для насъ.

Покончивъ съ изслѣдованіемъ грудныхъ железъ и закрывъ груди, акушеръ переходитъ къ наружному изслѣдованію живота.

Животъ обнажается на столько, сколько это требуется для производства наружнаго акушерскаго изслѣдованія и послѣднее начинается съ осмотра о которомъ я уже отчасти говорилъ, а здѣсь только сдѣлаю нѣкоторыя добавленія. Обращается вниманіе на форму, величину живота, отмѣчаются встрѣчающіяся иногда неправильности въ очертаніи его, присутствіе или отсутствіе какихъ либо выпячиваній, большая или меньшая распространенность или наконецъ полное отсутствіе кожныхъ рубцовъ и т. п. Собственно говоря къ наружному осмотру относится также и осмотръ genitalia, но

въ виду практическихъ соображеній — этотъ осмотръ производится уже за одно когда оканчивается наружное изслѣдованіе живота и переходятъ къ внутреннему акушерскому изслѣдованію. Теперь же акушеръ переходитъ къ такъ называемымъ акушерскимъ измѣреніямъ. Такія измѣренія касаются опредѣленія объема живота въ плоскостяхъ, перпендикулярныхъ длинной оси тѣла, разстоянія пупочнаго кольца отъ мечевиднаго отростка, — лоннаго соединенія и т. д., съ чѣмъ мы съ Вами познакомимся при предстоящихъ практическихъ занятіяхъ, здѣсь-же только скажу, что такого рода измѣренія производятся помощью обыкновенной измѣрительной ленты, раздѣленной на сантиметры.

Неизмѣримо бо́льшее значеніе для акушера имѣетъ измѣреніе женскаго, и, именно — малаго таза. Собственно говоря измѣреніе большаго таза акушеру важно только потому, что оно позволяетъ ему судить, приблизительно и о характерѣ малаго таза.

Самое измѣреніе таза дѣлается при помощи особыхъ инструментовъ — тазомѣровъ. Общая характеристика этихъ тазомѣровъ та, что всѣ наиболѣе простой конструкціи и наиболѣе распространенные въ настоящее время инструменты этого рода построены по типу циркуля: это будутъ тазомѣры Beaudeloque'a, Martin'a и очень портативный тазомѣръ, видоизмѣненный нашимъ соотечественникомъ докторомъ П. С. Алексѣевымъ.

Помощью тазомѣра возможно производить и наружное и внутреннее измѣреніе таза, но почти исключительно тазомѣры употребляются при акушерскихъ цѣляхъ для опредѣленія разстоянія между извѣстными наружными точками женскаго таза. Изъ теоретическаго курса акушерства, Вамъ уже достаточно извѣстно, какіе именно пункты интересуютъ акушера, поэтому изъ желанія сохранить время я не буду останавливаться здѣсь на перечисленіи этихъ пунктовъ и ограничиваюсь только упоминаніемъ о нихъ; я считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ поступить такъ, что въ будущемъ при нашихъ клиническихъ занятіяхъ намъ еще много разъ придется касаться этого вопроса. Мнѣ остается еще познакомить Васъ со способами измѣренія внутриутробнаго плода.

Во второй половинѣ беременности и преимущественно въ концѣ ея есть возможность опредѣлить приблизительную

длину внутриутробнаго плода. Это основывается на слѣдующемъ соображеніи.

Извѣстно, что плодъ, находящійся въ маткѣ принимаетъ согнутое положеніе, при чемъ по наблюденіямъ Ahlfeld'a, разстояніе между головкой и ягодицами внутриутробнаго плода равняется половинѣ длины послѣдняго.

Такое измѣреніе можно производить двояко или при наружномъ изслѣдованіи помощью циркуля, обыкновеннаго тазомѣра, помѣщая ножки инструмента черезъ брюшные покровы — одну на головной, а другую — на ягодичный конецъ плода; болѣе или менѣе точное наружное измѣреніе длины плода возможно только до того момента, пока предлежащая часть его не опустилась во входъ таза. Или, измѣреніе длины плода возможно производить комбинированнымъ способомъ — помѣщая одну ножку тазомѣра на дно матки черезъ брюшные покровы, а другую — во влагалище на сводъ.

Иногда предлагается измѣрять и головку внутриутробнаго плода, но объ этомъ мы поговоримъ отдѣльно, когда представится къ этому удобный случай.

И такъ, послѣ подробнаго осмотра живота и послѣдующаго измѣренія акушеръ переходитъ къ самой главной части наружнаго акушерскаго изслѣдованія, къ ощупыванію живота; хотя, на первыхъ-же порахъ слѣдуетъ оговориться, что не всегда удается провести такое изслѣдованіе lege artis. Я уже прежде сказалъ въ своемъ мѣстѣ, что для производства точнаго ощупыванія, необходимое условіе — это уступчивость, податливость брюшныхъ покрововъ; а какъ разъ таковое-то не всегда встрѣчается и это особенно относится къ первобеременнымъ.

Во всякомъ случаѣ ощупываніе преслѣдуетъ 1) опредѣленіе высоты дна матки; 2) положенія плода; 3) позиціи его; 4) вида позиціи; 5) прощупываніе круглыхъ маточныхъ связокъ и 6) мѣсто прикрѣпленія послѣда.

Беременная или роженица укладывается въ указанное уже мною положеніе; акушеръ садится на постель съ того или другого бока беременной и съ лицомъ обращеннымъ къ лицу беременной. Затѣмъ акушеръ кладетъ свои руки ладонными поверхностями плашмя на животъ беременной, въ верхней его области у подложечной впадины. Послѣ этого, исподоволь, равномѣрно, акушеръ надавливаетъ на брюшные покровы, внѣдряется пальцами своихъ рукъ въ брюшную по-

лость и вмѣстѣ съ этимъ подвигаетъ свои пальцы по направленію сверху внизъ; при этомъ маневрѣ пальцы скоро встрѣчаютъ особое противодѣйствіе, резистентность, имѣющую полукруглое очертаніе съ выпуклостью обращенною вверхъ, т. е., по направленію къ головѣ беременной — эта линія и будетъ соотвѣтствовать границѣ дна матки. Опредѣливъ дно матки акушеръ старается вмѣстѣ съ этимъ здѣсь констатировать какую либо часть внутриутробнаго плода.

Узнавъ, что нужно относительно дна матки, изслѣдующій отнимаетъ свои руки отъ маточнаго дна и располагаетъ ихъ по обѣимъ боковымъ поверхностямъ матки такимъ образомъ, чтобы большіе пальцы акушера сходились по средней линіи живота беременной.

Изслѣдованіе боковыхъ поверхностей или сторонъ матки имѣетъ цѣлью опредѣлить — боковыя границы матки, напряженность, твердость или мягкость ея стѣнокъ; но самое главное, изслѣдуя осторожно и постепенно, стараются прощупать въ какомъ отдѣлѣ матки лежатъ крупныя и мелкія части внутриутробнаго плода, головка, ягодицы, наконецъ какая часть лежитъ болѣе къ тазовому входу, — что даетъ возможность констатировать съ какимъ положеніемъ плода имѣется дѣло въ настоящемъ случаѣ. Кромѣ того при посредствѣ ощупыванія можно убѣдиться въ движеніяхъ плода.

Въ благопріятныхъ условіяхъ для изслѣдованія можно прощупать круглыя маточныя связки, иногда фаллопіевы трубы и яичники; опредѣленіе мѣста прикрѣпленія у матки круглыхъ маточныхъ связокъ, благодаря изслѣдованіямъ Leopold'a имѣетъ очень большое значеніе въ дѣлѣ опредѣленія мѣстоположенія послѣда.

Слѣдовательно при ощупываніи живота беременной и роженицы нужно стараться прощупать круглыя маточныя связки. Правда эта возможность, какъ сказано, представляется далеко не во всѣхъ случаяхъ, но когда положеніе ихъ опредѣляется, то оно является очень существеннымъ признакомъ. Круглыя маточныя связки прощупываются въ видѣ болѣе или менѣе толстыхъ шнуровъ, идущихъ спереди отъ угловъ матки по направленію къ лоннымъ костямъ.

Placenta помѣщается обыкновенно на передней или задней стѣнкѣ полости матки и то мѣсто послѣдней, гдѣ началъ развиваться послѣдъ, также разростается болѣе въ поперечномъ направленіи; вслѣдствіе этого мѣста отхожденія круг-

лыхъ маточныхъ связокъ отъ матки естественно удаляются одно отъ другого.

Такое отношеніе между мѣстомъ прикрѣпленія послѣда и — отхожденія круглыхъ маточныхъ связокъ даетъ прочную точку опоры для распознаванія положенія послѣда въ маткѣ: если точки прикрѣпленія круглыхъ маточныхъ связокъ лежатъ близко одна отъ другой на маткѣ, то плацента помѣщается на задней стѣнкѣ матки, если замѣчаются обратныя отношенія, т. е., точки прикрѣпленія круглыхъ маточныхъ связокъ удалены одна отъ другой, то дѣтское мѣсто прикрѣпилось къ передней стѣнкѣ матки. Конечно, этимъ признакомъ представляется возможнымъ пользоваться только у беременныхъ въ послѣднее время беременности и во время родовъ.

Сдѣлавъ подробное ощупываніе дна и боковыхъ поверхностей матки, переходятъ къ болѣе точному опредѣленію предлежащей части плода. Передварительно акушеръ мѣняетъ свое положеніе. Онъ садится точно также съ того или другого бока беременной или роженицы, но съ лицомъ, обращеннымъ къ ногамъ изслѣдуемой, слѣдовательно спиной къ лицу ея.

Акушеръ кладетъ обѣ свои руки на низъ живота беременной такимъ образомъ, что руки его лежатъ другъ около друга, лучевыя стороны ихъ почти соприкасаются между собою и ладонныя поверхности обращены къ животу. Затѣмъ предполагая, какъ непремѣнное условіе уступчивость брюшныхъ покрововъ, изслѣдующій концами своихъ пальцевъ осторожно, но съ достаточной настойчивостью, старается вдавить брюшные покровы, насколько возможно, глубже по направленію въ полость малаго таза. Вмѣстѣ съ этимъ онъ старается отмѣтить различныя свойства — форму, консистенцію, очертанія, степень подвижности и т. д. тѣла, или прилежащаго къ входу въ малый тазъ, или только приблизившагося къ самому входу его.

Такъ напр. ощупываніе сферообразнаго, твердой, костной консистенціи, тѣла, которое хотя составляетъ одно цѣлое съ находящимся выше его тѣломъ, но вмѣстѣ съ этимъ соединено съ послѣднимъ очень подвижно, — уже съ достаточной убѣдительностью говоритъ за то, что въ данномъ случаѣ имѣется дѣло съ предлежащей головкой. Но этого мало при достаточной уступчивости и сравнительной тонкости брюшныхъ

покрововъ, какъ это часто встрѣчается у многорожавшихъ, можно опредѣлить и видъ головной позиціи, руководствуясь прощупываніемъ особенностей въ очертаніи поверхностей, характеризующихъ подбородокъ и затылокъ. Точно тоже хотя и въ меньшей степени относится и къ опредѣленію ягодицъ посредствомъ наружнаго акушерскаго изслѣдованія.

Къ наружному акушерскому изслѣдованію относится также и постукиваніе живота; но этотъ способъ изслѣдованія употребляется во время беременности и родовъ крайне рѣдко въ случаяхъ осложненной беременности — при различныхъ опухоляхъ, имѣющихъ мѣсто въ теченіи беременности, при брюшной водянкѣ, — внѣматочной беременности, при hydramnion'ѣ и т. п.

Гораздо большее значеніе имѣетъ въ акушерской практикѣ изслѣдованіе живота посредствомъ выслушиванія. Выслушиваніе производится или черезъ обыкновенный стетоскопъ или черезъ существующій, особый, спеціально для акушерскихъ цѣлей приспособленный, стетоскопъ съ нѣсколько большимъ раструбомъ конца назначеннаго для прикладыванія на животъ беременной; сверхъ того многіе акушеры выслушиваютъ животъ непосредственно прикладывая ухо къ животу, покрытому или тонкимъ полотенцемъ или сорочкой изслѣдуемой.

Какъ бы не производить выслушиваніе, во всякомъ случаѣ благодаря этому способу изслѣдованія мы имѣемъ возможность получить у беременной во второй половинѣ и — роженицы многія цѣнныя данныя.

Прежде всего мы выслушиваемъ сердцебіеніе внутриутробнаго плода. Серцебіеніе обнаруживается выслушиваніемъ во второй половинѣ беременности, слѣдовательно послѣ $4^1/_2$ мѣсяцевъ беременности, въ очень рѣдкихъ случаяхъ даже нѣсколько ранѣе, но болѣе ясно оно становятся слышнымъ къ концу беременности.

Сердечные тоны плода отчетливо слышатся тамъ гдѣ прилежитъ къ брюшной стѣнкѣ беременной спинка плода и именно лѣвая лопатка его. Характерная особенность плодовыхъ сердечныхъ тоновъ это будетъ ихъ дикротичность — систола и діастола и значительная частота ихъ по сравненію съ серцебіеніемъ матери: частота плодоваго серцебіенія достигаетъ до 140 біеній въ минуту.

Эта частота сердцебіенія плода даетъ при выслушиваніи твердую точку опоры для отличія его отъ пульсацій беременной. Лучше всего при выслушиваніи сердцебіенія плода, употреблять такой пріемъ, что въ тоже время держа въ одной рукѣ часы, а пальцемъ другой свободной руки слѣдить за лучевымъ пульсомъ беременной.

Кромѣ сердцебіенія плода при выслушиваніи живота беременной обращается вниманіе еще и на другія, наблюдаемыя при этомъ явленія. Такъ при этомъ прослушивается не особенно рѣдко особый шумъ, напоминающій шипеніе, такъ называемый шумъ пуповины. Этотъ шумъ прослушивается на томъ мѣстѣ, гдѣ всего отчетливѣе слышно сердцебіеніе плода. О причинахъ, вызывающихъ появленіе шума пуповины я здѣсь касаться не буду.

Затѣмъ при выслушиваніи живота беременной можетъ быть слышенъ еще другого характера — маточный шумъ. Этотъ послѣдній напоминаетъ жужжаніе или дуновеніе, появляется ритмически и совпадаетъ съ пульсомъ беременной. Онъ появляется обыкновенно по мѣрѣ приближенія беременности къ половинѣ, но яснѣе въ послѣдніе мѣсяцы беременности и бываетъ различной интенсивности: въ однихъ случаяхъ онъ очень слабъ, въ другихъ наоборотъ настолько силенъ, что можетъ заглушать даже сердцебіеніе плода. Нужно замѣтить, что маточный шумъ свойственъ не исключительно одной только беременности, но онъ можетъ быть находимъ и при большихъ опухоляхъ матки и въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ первые дни послѣ родовъ, словомъ тамъ, гдѣ имѣются условія для нахожденія увеличенныхъ въ объемѣ и извитыхъ артеріальныхъ сосудовъ.

Выслушиваніе нерѣдко, даже въ сравнительно раннее время беременности, до наступленія половины, даетъ возможность констатировать движенія внутриутробнаго плода, которыя прослушиваются, какъ глухіе толчки, которые повторяются съ неправильными промежутками. Сверхъ только что перечисленныхъ шумовъ, которые констатируются при выслушиваніи живота беременной и роженицы, нужно имѣть въ виду возможность появленія еще одного аускультативнаго явленія: нерѣдко при этомъ слышится особый различной силы звукъ, какъ-бы металлическій шумъ, зависящій отъ переливанія жидкости въ кишечномъ каналѣ.

Этимъ оканчивается наружное изслѣдованіе беременной и роженицы. Если результаты наружнаго изслѣдованія недостаточны или вообще требуется произвести внутреннее изслѣдованіе, то послѣднее производится слѣдующимъ образомъ.

При изложеніи пріемовъ наружнаго акушерскаго изслѣдованія, если Вы припомните, я оставилъ пока въ сторонѣ осмотръ области вокругъ половой щели до того времени пока дѣло не дойдетъ до внутренняго акушерскаго изслѣдованія; поэтому приступая къ послѣднему, акушеръ подвергаетъ осмотру наружныя половыя части.

Предварительно снова освѣживъ свои руки тщательнымъ обмываніемъ ихъ въ какомъ-либо дезинфецирующемъ растворѣ, акушеръ приступаетъ къ наружному осмотру территоріи, окружающей входъ влагалища и попутно отмѣчаетъ все встрѣчающееся. Внутреннее акушерское изслѣдованіе, точно также, какъ и гинекологическое — распадается на изслѣдованіе ручное и — инструментальное; но нужно замѣтить, что внутреннее инструментальное изслѣдованіе въ акушерствѣ употребляется несравненно рѣже, чѣмъ въ гинекологіи.

Беременная или роженица укладывается въ спинно-ягодичномъ положеніи на кушетку или на обыкновенную, не особенно мягкую, не пружинную кровать; ноги изслѣдуемой нѣсколько раздвигаются и сгибаются въ колѣнныхъ сочлененіяхъ, такъ что ступнями ногъ она упирается на ложе, при чемъ животъ и ноги ея покрываются простыней или какимъ либо легкимъ покрываломъ.

Акушеръ помѣщается съ какой либо стороны изслѣдуемой, съ лицомъ обращеннымъ къ ея лицу, осторожно проводитъ подъ покрываломъ между раздвинутыми ногами женщины, ту или другую свою руку, предварительно смоченную въ растворѣ лизола. Изслѣдованіе производится обыкновенно однимъ указательнымъ и рѣже двумя пальцами — указательнымъ и среднимъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что самая процедура внутренняго акушерскаго изслѣдованія крайне непріятна для женщины, поэтому слѣдуетъ стараться производить такое изслѣдованіе, на сколько возможно, быстрѣе.

Какъ-бы то ни было пальцы изслѣдующей руки размѣщаются такимъ образомъ, что 3 послѣдніе пальца сильно прижимаются къ ладони, указательный палецъ находится въ

вытянутомъ положеніи, а большой — въ сильно отведенномъ состояніи. Расположенная такимъ образомъ рука проводится подъ покрывало и направляется ко входу влагалища, при чемъ указательный палецъ своею ладонною поверхностью упирается въ промежность и отсюда скользитъ къ задней спайкѣ большихъ губъ во влагалище, въ то-же время большой палецъ помѣщается на лонное сращеніе. По мѣрѣ прохожденія изслѣдующаго пальца по влагалищу, локоть этой руки соотвѣтственно понижается.

Внутреннее акушерское изслѣдованіе имѣетъ цѣлью опредѣлить состояніе входа влагалища, — влагалищныхъ стѣнокъ, — влагалищной части матки, — маточнаго зѣва, предлежащей части плода, степени внѣдренія послѣдней во входъ малаго таза и т. д.

Что касается до инструментальнаго внутренняго акушерскаго изслѣдованія помощью различнаго рода зеркалъ, то нужно сказать, что таковое изслѣдованіе въ области акушерства и съ діагностическими цѣлями, имѣетъ довольно ограниченное примѣненіе и употребляется довольно рѣдко.

Чтобы покончить вообще съ акушерскимъ изслѣдованіемъ мнѣ остается сказать Вамъ еще два слова о комбинированномъ изслѣдованіи и объ изслѣдованіи per rectum.

Комбинированное изслѣдованіе особенно цѣнно для акушера въ началѣ беременности, когда матка еще не особенно значительно увеличена. Оно въ указанный періодъ беременности даетъ возможность опредѣлить — форму, величину, положеніе и консистенцію матки. Въ болѣе поздніе періоды беременности комбинированное изслѣдованіе существенно не обходимо бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе высокаго положенія предлежащей части плода распознаваніе затруднено и становится возможнымъ только тогда, когда дно матки фиксируется со стороны брюшныхъ покрововъ.

Что касается до ректальнаго изслѣдованія, то оно производится такъ: указательный или указательный и средній пальцы той или другой руки, обильно смазанные какимъ-либо стерилизованнымъ жиромъ осторожно вводятся per rectum, причемъ большой палецъ той-же руки рекомендуется вводить во влагалище и фиксировать имъ маточную шейку. Въ тоже время другая, свободная рука акушера помѣщается на брюшные покровы у дна матки и старается низдавливать послѣднюю.

Такое изслѣдованіе особенно цѣнно въ начальныхъ стадіяхъ беременности, такъ какъ особенное размягченіе маточной ткани, пастозность ея всего рѣзче и можетъ быть всего ранѣе опредѣляется въ области внутренняго маточнаго зѣва, области болѣе доступной для изслѣдователя со стороны прямой кишки, тогда какъ маточная шейка въ этотъ періодъ развитія беременности представляется еще недостаточно размягченною. Hegar былъ первый, который указалъ на особенную мягкость и податливость ткани надъ внутреннимъ маточнымъ зѣвомъ.

Этимъ я заканчиваю краткія замѣчанія относительно акушерско-гинекологическаго изслѣдованія и перехожу собственно къ клиническому разбору беременныхъ, роженицъ, родильницъ и женщинъ, страдающихъ женскими болѣзнями.

Распознаваніе беременности у первобеременной и повторнобеременной.

Гг.

Сегодня объектомъ для нашей клинической лекціи послужатъ двѣ женщины, которыя явились къ намъ, такъ сказать, съ готовымъ діагнозомъ; но прежде чѣмъ говорить о нихъ, мы выслушаемъ анамнестическія данныя изъ скорбныхъ листовъ.

Сначала займемся одной изъ этихъ женщинъ.

А. В. 26 лѣтъ отъ роду, крестьянка, эстонка, занимается домашнымъ хозяйствомъ, родилась и живетъ постоянно въ г. Юрьевѣ. В. происходитъ отъ здоровыхъ родителей и насколько припомнить, въ дѣтствѣ никакими особенными болѣзнями не страдала.

Первыя менструаціи появились у нея на 17 году, бывали правильно черезъ 4-недѣльные промежутки, продолжались по 3 дня безболѣзненно и слабо. Послѣднія менструаціи были у В. 24/XII 98, времени перваго движенія плода она не помнитъ. Изъ анамнестическихъ данныхъ еще выяснилось что В. постоянно пользовалась хорошимъ здоровьемъ.

Status praesens. В. шотенка росту выше средняго, хорошаго тѣлосложенія съ обильно-развитымъ подкожножирнымъ слоемъ, наполненіе артерій хорошее. t. 36,8.

Границы сердечнаго притупленія: сверхъ IV ребро; слѣва — заходитъ за lin. parasternalis sin., справа — lin. sternalis sin.; толчекъ въ 5-мъ межреберномъ промежуткѣ, тоны сердца чисты.

Въ органахъ дыханія, пищеваренія, — нервной системы, а равно и въ мочевыхъ органахъ ничего не нормальнаго не отмѣчается.

В. чувствуя себя беременной на сносяхъ явилась въ клинику, чтобы узнать когда у нея наступятъ роды.

И такъ, повторяю, мы имѣемъ передъ собой женщину, которая явилась къ намъ, какъ къ экспертамъ, съ готовымъ уже распознаваніемъ того состоянія здоровья, которое интересуетъ ее въ данный моментъ. Она сообщаетъ намъ, на основаніи своихъ соображеній, что она беременна. Но имѣетъ-ли право врачъ основываться только на показаніяхъ самой женщины при рѣшенія вопроса относительно беременности.

Конечно нѣтъ. Уже не говоря о томъ, что въ практикѣ могутъ встрѣтиться случаи симуляціи, говорю, помимо этого обстоятельства, бываетъ и такъ, что женщина совершенно безсознательно можетъ ввести врача въ заблужденіе, принявъ какое либо патологическое состояніе своего организма за беременность на основаніи кажущейся аналогіи этихъ состояній организма.

Поэтому-то нѣкоторые акушеры рекомендуютъ тамъ, гдѣ идетъ вопросъ относительно беременности предварительно производить объективное изслѣдованіе даннаго субъекта, а затѣмъ уже переходить къ болѣе подробному опросу и собиранію анамнестическихъ данныхъ.

Я лично при рѣшеніи вопроса о беременности, какъ Вамъ уже извѣстно изъ предъидущаго, придерживаюсь того-же самаго плана, какъ и при изслѣдованіи гинекологическихъ больныхъ, т. е., сначала собираніе анамнестическихъ данныхъ, а затѣмъ уже объективное изслѣдованіе, при чемъ анамнезъ принимается въ соображеніе, а діагнозъ, главнымъ образомъ, если не исключительно, основывается на объективномъ изслѣдованіи.

Если дѣло идетъ относительно беременности, то при этомъ требуется рѣшить слѣдующіе вопросы.

1) Прежде всего, беременна-ли вообще данная женщина или нѣтъ?

2) Если беременна, то первобеременная (primipara) или повторнобеременная (multipara)?

3) До какого мѣсяца достигла беременность въ моментъ производимаго изслѣдованія?

4) Въ какомъ положеніи находится внутриутробный плодъ при изслѣдованіи и притомъ живъ онъ или нѣтъ?

5) Желательно рѣшить при изслѣдованіи беременной, и, въ особенности первобеременной женщины, анатомическій

характеръ ея таза — нормаленъ-ли послѣдній или наоборотъ въ немъ имѣются какія нибудь патологическія измѣненія, которыя могутъ повліять въ будущемъ на теченіе имѣющихъ наступить родовъ.

Принимая въ соображеніе только что сказанное и обращаясь къ предмету нашей сегоднешней бесѣды, изъ анамнестическихъ данныхъ мы должны отмѣтить, что молодая 26-лѣтняя женщина, которая, по ея заявленію никогда не беременѣла и постоянно правильно менструировала, имѣла послѣдній разъ свои менструаціи 24/XII 98; кромѣ того, она сообшаетъ, что о времени перваго движенія плода она не помнитъ.

Отсутствіе менструацій въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени у молодой женщины, находящейся въ производительномъ возрастѣ ея жизни, говоритъ уже конечно за беременность. Признакъ этотъ на столько стойкій, что даже въ общежитіи, лица не посвященныя въ медицину, прекращеніе регулъ считаютъ совершенно достаточнымъ для того, чтобы считать беременною женщину, у которой менструаціи прекратились.

Да, господа, въ большинствѣ случаевъ, но далеко не всегда, это дѣйствительно бываетъ такъ.

Не только акушеру, но и всякому врачу-практику извѣстны случаи, когда у женщины, находящейся въ производительномъ возрастѣ жизни прекращаются менструаціи и отсутствуютъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени.

Указанное прекращеніе менструацій, кромѣ беременности можетъ зависѣть отъ очень разнообразныхъ причинъ — отъ общихъ острыхъ и хроническихъ болѣзней, появленія различныхъ опухолей въ области половой сферы и т. д.

Съ другой стороны, хотя гораздо рѣже, но тѣмъ не менѣе въ практической жизни можно встрѣтить и такихъ женщинъ, у которыхъ не смотря на происшедшую беременность все-таки появляется періодическое истеченіе крови изъ половыхъ органовъ; въ первые мѣсяцы беременности это явленіе наблюдается, сравнительно, не рѣдко, но наблюдаются изрѣдка и такіе случаи гдѣ періодическое кровавое истеченіе ex rimam pudendorum продолжается и въ болѣе позднее время беременности.

Одно это обстоятельство уже, полагаю, убѣдительно говоритъ за то, насколько одно прекращеніе менструацій не

можетъ говорить во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ за наличность беременности. Слѣдовательно если дѣло стоитъ такъ, то одно прекращеніе менструацій есть одинъ только изъ самыхъ частыхъ признаковъ беременности и играетъ очень важную роль въ совокупности съ другими симптомами, характеризующими появленіе беременности.

Болѣе существеннымъ заявленіемъ женщины, находящейся въ данную минуту передъ нами, это ощущеніе ею самой движеній врутриутробнаго плода и опять-таки для болѣе строгого констатированія факта требуется, чтобы изслѣдующій акушеръ могъ убѣдиться объективно въ этихъ плодовыхъ движеніяхъ.

Собравши анамнестическія данныя мы приступаемъ къ объективному изслѣдованію. Слѣдуя принятому плану, мы передъ укладываніемъ женщины на кушетку, въ то время когда она еще на ногахъ отмѣчаемъ, что она удовлетворительно сложена и хорошаго питанія. На лицѣ ея замѣтны пигментированныя, довольно большія пятна, которыя называются chloasmata uterina.

Затѣмъ осматривая грудныя железы данной женщины, замѣчаемъ, что эти железы представляются довольно выпуклыми, полусфероидальными, упруго-эластическими; околососковые кружки значительно пигментированы, надъ поверхностью территоріи ихъ рельефно выступаютъ увеличенныя монгомеровы железы, а въ срединѣ околососковыхъ кружковъ находятся хорошо развитые соски на верхушкахъ своихъ покрытые маленькими корочками; при сжиманіи сосковъ изъ нихъ легко выдѣляется молозиво. При ощупываніи самихъ грудныхъ железъ, въ толщѣ ихъ легко прощупываются хорошо развитыя, болѣе плотныя дольки железъ.

Осматривая животъ, намъ прежде всего бросается въ глаза — его значительное, куполообразное увеличеніе; средняя линія живота — linea alba — также значительно пигментирована на всемъ своемъ протяженіи и окрашена въ темнобурый цвѣтъ. На кожѣ живота и особенно на нижнебоковыхъ частяхъ его, равно и на переднихъ поверхностяхъ бедеръ очень ясно видны продолговатыя, ограниченныя, блѣдно краснаго или наоборотъ болѣе интензивнаго мѣднокраснаго цвѣта пятна, какъ результатъ чрезмѣрнаго растяженія брюшныхъ покрововъ вслѣдствіе какого-то большаго тѣла, находящагося въ брюшной полости.

Послѣ осмотра брюшныхъ покрововъ, когда Вы сѣли съ лѣваго бока положенной на кушетку женщины съ Вашимъ лицомъ обращеннымъ къ лицу изслѣдуемой, то Вы убѣдились въ слѣдующемъ: помѣстивъ пальцы между мечевиднымъ отросткомъ и верхней границей внутрибрюшной опухоли, ergo, дномъ матки, Вы замѣчаете, что послѣднее отстоитъ отъ иерваго на $4'/_2$ поперечныхъ пальца, т. е., нѣсколько выше средины разстоянія между мечевиднымъ отросткомъ и пупкомъ, при чемъ дно матки нѣсколько отклонено вправо. Разстояніе отъ лобка до пупка = 22 сантим., а разстояніе отъ лобка до мечевиднаго отростка = 42 сантиметрамъ.

Опредѣливши высоту стоянія дна матки, помѣщаемъ ладонныя поверхности нашихъ обѣихъ рукъ на боковыя поверхности матки; передвигая осторожно ладонныя поверхности 4 послѣднихъ пальцевъ обѣихъ рукъ, мы стараемся при этомъ черезъ брюшные покровы осязаніемъ опредѣлить характеръ поверхности частей лежащихъ за брюшными покровами. Вслѣдствіе напряженности, упругости брюшныхъ покрововъ ощупываніе удается трудно, но не смотря на это, мы все-таки замѣчаемъ, что съ лѣвой стороны изслѣдуемой прощупывается большая какъ бы сплошная, выпуклая кнаружи, довольно твердая поверхность, тогда какъ справа при ощупываніи подъ рукой попадаются какъ-бы какія-то твердыя, довольно тонкія, мелкія перекладины. Болѣе, при ощупываніи боковыхъ частей матки, констатировать ничего не удается.

Окончивши ощупываніе боковыхъ поверхностей, переходимъ къ изслѣдованію черезъ брюшные покровы области входа въ малый тазъ. Обернувшись лицомъ къ ногамъ объекта изслѣдованія, мы размѣщаемъ ладонныя поверхности 4 послѣднихъ пальцевъ обѣихъ рукъ на брюшные покровы, надъ входомъ въ малый тазъ; не производя болеваго ощущенія и надавливая постепенно черезъ брюшные покровы на части лежащія подъ этими послѣдними; мы отмѣчаемъ при этомъ: надъ входомъ въ малый тазъ довольно легко прощупывается твердое, сфероидальное тѣло съ гладкой поверхностью и нѣсколько подвижное, въ чемъ не трудно убѣдиться даже при той неуступчивости брюшныхъ покрововъ, которая обнаруживается въ данномъ случаѣ. За ощупываніемъ мы переходимъ къ выслушиванію живота изслѣдуемой.

Выслушиваніе убѣждаетъ насъ, что съ лѣвой стороны

ниже пупка и отступя, приблизительно, на 2—3 сантим. отъ бѣлой линіи живота, мы отчетливо слышимъ учащенное сердцебіеніе, достигающее до 130 ударовъ въ минуту; это сердцебіеніе не совпадаетъ съ пульсомъ изслѣдуемой. Кромѣ того въ мѣстѣ прослушиванія учащеннаго сердцебіенія, временами, слышится еще особый звукъ, шумъ, напоминающій шипеніе — шипящій шумъ. Продолжая выслушивать далѣе выпуклость увеличеннаго живота, съ правой стороны, на уровнѣ пупочнаго кольца, находимъ еще шумъ — рѣзко отличающійся отъ только что отмѣченнаго нами шипящаго шума своимъ особеннымъ качествомъ. Правосторонній шумъ приближается, по своему свойству, какъ-бы къ дуновенію или жужжанію.

Область распространенія этого послѣдняго шума заходитъ нѣсколько и на лѣвую сторону отъ бѣлой линіи живота. Наконецъ, выслушивая животъ и въ другихъ пунктахъ мы находимъ еще и другого свойства шумы, происходящіе какъ бы отъ переливанія и не ограничивающіеся извѣстной областью брюшныхъ покрововъ субъекта, служащаго намъ теперь предметомъ изслѣдованія.

Перейдемъ къ измѣренію. Собственно говоря изъ измѣреній живота намъ приходится сдѣлать еще только одно, именно узнать наибольшую окружность живота, которая въ нашемъ случаѣ = 104 сантим. Теперь приступаемъ къ самымъ важнымъ въ акушерскомъ смыслѣ измѣреніямъ женскаго таза.

Мы находимъ, что Diam. trochant = 33 —, D. cristar. = 28, D. spinar. = 26 и Conjug. extern. = 21 сантим. Чтобы покончить съ наружнымъ изслѣдованіемъ считающей себя беременною В., остается еще сдѣлать осмотръ области circa rimam pudendorum, что по принятому нами плану, мы оставили до того момента, когда перейдемъ къ внутреннему акушерскому изслѣдованію.

И такъ, общіе покровы вокругъ входа во влагалище, особенно внутренняя поверхность бедеръ усиленно пигментированы. Большія и малыя срамныя губы сочны, гиперемированы, насыщеннаго, сине-краснаго цвѣта. Раздвинувъ большія губы и осматривая входъ влагалища у изслѣдуемой, мы убѣждаемся, что промежность и задняя спайка губъ цѣлы, неповреждены. Затѣмъ во входѣ влагалища находится разорванная дѣвственная плева въ видѣ довольно мясистаго валика, на которомъ имѣются нѣсколько разрывовъ. Всѣ

названныя части, а равно и остальныя области влагалищнаго входа, клиторъ, наружное отверстіе уретры и т. д. носятъ тотъ-же характеръ, т. е., они сочны и венозно гиперемированы. По введеніи изслѣдующаго пальца во влагалище, стѣнки послѣдняго при осязаніи ихъ оказываются обильно увлажненными и особенно мягкими, уступчивыми на ощупь. Такое свойство влагалищныхъ стѣнокъ обнаруживается на всемъ протяженіи ихъ.

Влагалищная порція матки при ощупываніи представляется сочною, мягкою, очень уступчивою, какъ-бы тѣстообразною и очень укороченною; наружное маточное отверстіе, ограниченное правильными, ровными, незазубренными краями пріоткрыто настолько, что первая фаланга указательнаго пальца свободно проникаетъ въ укороченный цервикальный каналъ вплоть до внутренняго маточнаго отверстія, которое также немного пріоткрыто. Черезъ пріоткрытое внутреннее маточное отверстіе, а равно черезъ довольно тонкіе влагалищные своды легко прощупывается какое-то твердое, круглое тѣло съ гладкой поверхностью и стоящее нѣсколько подвижно во входѣ въ малый тазъ.

Перейдя къ комбинированному изслѣдованію, изслѣдующіе убѣждаются, что влагалищная порція матки и опухоль, выполняющая брюшную полость, составляютъ одно цѣлое и затѣмъ, что дѣйствуя при комбинированномъ изслѣдованіи, обѣими руками въ противоположныхъ направленіяхъ, получается ощущеніе толкательныхъ движеній, происходящихъ при этомъ внутри брюшной опухоли и кромѣ того вызывается такъ называемое ballotement, предлежащей во входѣ малаго таза части.

Для полноты изслѣдованія намъ остается еще произвести осмотръ влагалищныхъ стѣнокъ и влагалищной порціи матки. Введя для этого зеркало Куско, мы отмѣчаемъ здѣсь также чрезвычайно рѣзко выраженную венозную гиперемію стѣнокъ влагалища и маточной шейки, при чемъ эти части обильно покрыты во многихъ мѣстахъ бѣловатымъ, какъ-бы творожистымъ отдѣляемымъ. Благодаря осмотру влагалища черезъ зеркало мы еще болѣе убѣждаемся, что укороченная и набухшая маточная шейка имѣетъ вполнѣ правильную форму, на периферіи ея, а равно и на краяхъ правильно округлаго маточнаго зѣва — нигдѣ не замѣчается какихъ либо ненор-

мальныхъ возвышеній или углубленій, какъ слѣдовъ отъ совершившихся когда-то нарушеній цѣлости маточной шейки.

Этимъ мы заканчиваемъ акушерское изслѣдованіе данной женщины, считающей себя беременной и постараемся отвѣтить на предложенные намъ вопросы.

1) Беременна-ли вообще данная женщина?

Къ намъ явилась женщина, считающая себя беременною въ томъ періодѣ, когда всѣ вѣрные или какъ ихъ еще называютъ достовѣрные признаки должны быть на лицо. Дѣйствительно, изслѣдуя подробно ее, мы могли прощупать крупныя части плода — головку въ видѣ твердаго, шарообразнаго тѣла, баллотирующаго во входѣ малаго таза и мелкія части плода, находящіяся вправо отъ бѣлой линіи живота; затѣмъ при выслушиваніи констатировали частое сердцебіеніе плода, которое слышно слѣва отъ lineam albam и ниже пупочнаго кольца, наконецъ при комбинированномъ изслѣдованіи можно было убѣдиться въ присутствіи движеній внутриутробнаго плода. Сказаннаго совершенно достаточно для констатированія наличности беременности въ данномъ случаѣ, такъ что перечисленіе другихъ менѣе важныхъ признаковъ, которое также имѣются у насъ — является совершенно излишнимъ.

2) Наша беременная primipara или multipara? Принимая въ расчетъ только объективныя данныя, мы имѣемъ въ нашемъ случаѣ упругіе брюшные покровы, на которыхъ разсѣяны продолговатые неправильной формы, блѣдно-краснаго или болѣе интензивно-краснаго цвѣта рубцы, словомъ, по виду недавняго происхожденія, свидѣтельствующіе о томъ, что брюшные покровы подверглись растяженію только въ послѣднее время. Затѣмъ, при осмотрѣ наружныхъ половыхъ частей, мы убѣдились, что цѣлость промежности нигдѣ ненарушена, задняя спайка срамныхъ губъ также совершенно цѣла; далѣе hymen хотя и имѣетъ слѣды бывшихъ разрывовъ, но она не смотря на это представляется у своего основанія цѣлою, въ формѣ довольно мясистаго кольца и указанные надрывы существа дѣвственной плевы идутъ не до ея основанія, а оканчиваются выше. На стѣнкахъ влагалища нигдѣ не усматривается слѣдовъ какихъ либо нарушеній цѣлости этихъ стѣнокъ на всемъ протяженіи послѣднихъ. Наконецъ состояніе влагалищной порціи матки таково, что она представляется хотя укороченной, мягкой и набухшей, но совершенно правильной конфигураціи, сверхъ того нигдѣ на

ея периферіи, равно по краямъ маточнаго зѣва не замѣчается нарушеніе цѣлости ткани, рубцовъ, какъ слѣдовъ отъ бывшихъ когда-то разрывовъ маточной шейки вслѣдствіе родовъ.

Основываясь на только что приведенныхъ данныхъ, добытыхъ при объективномъ изслѣдованіи, мы категорически утверждаемъ что изслѣдованная нами женщина nullipara, беременна въ первый разъ.

Третій вопросъ подлежащій разрѣшенію касается времени, до котораго достигла беременность въ моментъ производимаго изслѣдованія. Для рѣшенія этого вопроса мы можемъ предварительно обратиться къ анамнестическимъ даннымъ. Беременная сообщила намъ, что послѣднія менструаціи у нея были 24/XII 98; къ сожалѣнію она не можетъ точно сообщить намъ былъ-ли это первый день менструаціи, но во всякомъ случаѣ она утверждаетъ, что это былъ одинъ изъ первыхъ дней послѣдней менструаціи, точно также она не помнитъ, когда у нея появилось первое движеніе плода. Словомъ, мы имѣемъ изъ анамнестики беременной только одно — это время послѣдней менструаціи, и, то не особенно точно опредѣляемое; но во всякомъ случаѣ возьмемъ его въ соображеніе и для удобства 24 декабря 1898 г. будемъ считать первымъ днемъ послѣдней менструаціи. Тогда руководствуясь только этимъ заявленіемъ беременной, мы по общепринятому правилу, опредѣляемъ время наступленія родовъ, приблизительно, 1/X 99.

Теперь посмотримъ насколько анамнестическія свѣдѣнія гармонируютъ съ данными, полученными нами, непосредственно, при объективномъ изслѣдованіи беременной.

Дно матки стоитъ нѣсколько выше средины разстоянія между мечевиднымъ отросткомъ и пупкомъ, при чемъ объемъ живота на самой большой выпуклости его = 104 сантим.; затѣмъ, предлежащая часть, головка — опустилась во входъ таза, и, если она нефиксировалась, а стоитъ нѣсколько подвижно, то это объясняется условіями пространственныхъ отношеній въ данномъ случаѣ: довольно объемистый тазъ (Conj. ext. 21 сантм.) и, повидимому, неособенно большая головка. Продолжая анализъ объективныхъ признаковъ далѣе мы должны отмѣтить — значительное укороченіе влагалищной порціи матки, открытіе наружнаго маточнаго зѣва, расширеніе укороченнаго цервикальнаго канала и начинающееся открытіе внутренняго маточнаго отверстія.

Всѣ перечисленные признаки, найденные при объективномъ изслѣдованіи нашей беременной вполнѣ соотвѣтствуютъ анамнестическимъ свѣдѣніямъ, которыя она сама сообщила и слѣдовательно говорятъ за то, что беременность достигла до 10 мѣсяца своего теченія и именно второй половины этого мѣсяца, такъ что срокъ окончанія беременности и наступленія родовъ нужно ожидать, какъ это выходитъ и по анамнестическимъ даннымъ, приблизительно, 1 октября 1899 года.

Слѣдующій вопросъ касательно положенія плода и живъ онъ или нѣтъ подлежитъ разрѣшенію, почти исключительно на основаніи объективныхъ данныхъ.

Прощупываніе гладкаго, твердаго, сфероидальнаго тѣла, до извѣстной степени подвижнаго во входѣ малаго таза, которое не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ головкою плода, а на противоположномъ полюсѣ, у дна, матки констатированіе крупнаго, также округлаго очертанія, но болѣе мягкой консистенціи тѣла — говоритъ за продольное положеніе плода съ предлежаніемъ головки.

Прощупываніе слѣва бѣлой линіи округлаго, сплошнаго тѣла, а справа — мелкихъ частей, указываетъ на лежащую слѣва спинку плода, а справа — его мелкія части.

Прослушиваніе съ лѣвой стороны ниже пупка сердцебіенія плода только подтверждаетъ результаты, полученные при ощупываніи живота и кромѣ того говоритъ еще за первое черепное положеніе плода.

Что касается до второй половины разсматриваемаго вопроса относительно того живъ плодъ или нѣтъ, нужно сказать что эта часть вопроса рѣшается въ данномъ случаѣ очень легко: мы имѣли возможность убѣдиться въ движеніяхъ плода и сердцебіеніи его, т. е., въ свойствахъ, присущихъ только живому внутриутробному плоду.

Наконецъ послѣдній вопросъ, который предстоитъ нашему рѣшенію — это объ анатомическомъ характерѣ таза. Наружное измѣреніе наиболѣе главныхъ діаметровъ таза выяснило размѣры его не только въ нормальныхъ предѣлахъ, но нѣкоторые, (conj. ext. 21 с.), даже болѣе нормы; кромѣ того, при внутреннемъ акушерскомъ изслѣдованіи не отмѣчено никакихъ уклоненій отъ нормы. А если прибавить къ этому, что тоже изслѣдованіе даетъ возможность заключить объ относительно небольшихъ размѣрахъ предлежащей головки, то съ полнымъ правомъ представляется возможнымъ сдѣлать

такой выводъ: у данной беременной тазъ представляется совершенно нормальнымъ и такъ какъ кромѣ того, на основаніи произведеннаго изслѣдованія, предлежащая головка оказывается относительно небольшихъ размѣровъ, то съ очень большою вѣроятностью нужно сказать, что предстоящіе роды должны быть вполнѣ нормальными и вслѣдствіе наличности благопріятныхъ пространственныхъ отношеній — легкими.

Вотъ тотъ ходъ мышленія, который привелъ насъ къ извѣстнымъ выводамъ относительно первой нашей беременной.

Теперь приступаемъ къ изслѣдованію другой женщины, считающей себя также беременной и явившейся къ намъ въ аудиторію для рѣшенія вопросовъ, которые ея интересуютъ въ данную минуту.

Но прежде чѣмъ говорить по поводу ея, предварительно, точно также отберемъ отъ нея нѣкоторыя анамнестическія свѣдѣнія.

Н. Г. сообщила намъ, что ей 34 года отъ роду, она крестьянка, православная, прачка, родилась и живетъ въ г. Валкѣ, Лифляндской губ. — Относительно здоровья своихъ родителей, а также ближайшихъ родственниковъ, она ничего опредѣленнаго сообщить не можетъ. Въ дѣтствѣ перенесла корь и скарлатину. Первыя менструаціи у нея появились довольно поздно, на 20 году, но приходили всегда аккуратно черезъ 3 недѣли и продолжались по 3 дня безъ особенной боли и въ умѣренномъ количествѣ. Послѣднія менструаціи у нея были 15/XII 98; Г. считаетъ себя беременною въ VI разъ, при чемъ первое движеніе плода она почувствовала 1—2 мая 1899 г.

Здоровье Г. до настоящей беременности всегда было удовлетворительное.

Г. явилась въ клинику для опредѣленія срока родовъ и для родоразрѣшенія.

Какъ при клиническомъ анализѣ перваго случая, мы точно также поступимъ и здѣсь. Хотя въ данномъ случаѣ дѣло значительно упрощается потому, что передъ нами уже женщина опытная, рожавшая нѣсколько разъ; но тѣмъ не менѣе на основаніи руководящаго принципа, мы все слышанное отъ считающей себя беременной женщины примемъ только ad hoc.

Status praeseus: Г. блондинка, средняго роста и тѣлосложенія съ умѣренно развитымъ подкожножирнымъ

слоемъ, на лицѣ рѣзко выраженная пигментація кожи — chloasmata uterina.

Границы сердечной тупости нормальны, тоны чисты, наполненіе артерій среднее, п. 84, t. — 37°.

Органы дыханія, — пищеваренія, — нервной системы и мочевые органы никакихъ видимыхъ уклоненій отъ нормы не представляютъ.

Грудныя железы хорошо развиты, довольно напряжены, но отвислы; околососковые кружки не особенно рѣзко пигментированы и на поверхности ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ находятся замѣтно увеличенныя монгомеровы железы, очень большіе грудные соски рѣзко выступаютъ надъ уровнемъ околососковыхъ кружковъ, при чемъ при надавливаніи на соски, изъ послѣднихъ обильно выступаютъ капли молозива.

Животъ очень значительно, куполообразно увеличенъ, бѣлая линія его не рѣзко пигментирована; на поверхности брюшныхъ покрововъ, а также на передней сторонѣ бедеръ имѣется масса старыхъ бѣлесоватыхъ рубцовъ (striae gravidarum).

Дно матки стоитъ, приблизительно, на 4 поперечныхъ пальца ниже мечевиднаго отростка при чемъ въ днѣ матки прощупывается какая-то округлая плотная и неподвижная крупная часть; разстояніе отъ лобка до пупка — 17 сантим., а — отъ лобка до мечевиднаго отростка 37 сантиметровъ.

Ощупывая боковыя части матки — слѣва прощупывается выпуклая кнаружи, крупная довольно плотная и неподвижная часть, а справа, благодаря большой уступчивости брюшныхъ покрововъ довольно хорошо прощупывается нѣсколько мелкихъ и отчасти подвижныхъ частей; кромѣ того, справа очень рѣзко прощупывается какой-то натянутый шнуръ, идущій отъ праваго угла дна матки по направленію къ соотвѣтствующей лобковой кости, — слѣва такого шнура не прощупывается.

Перемѣнивъ свое положеніе по отношенію къ изслѣдуемой и обернувшись лицомъ къ ногамъ ея, мы при помощи уже извѣстнаго намъ пріема легко черезъ уступчивые брюшные покровы прощупываемъ надъ входомъ въ малый тазъ — твердое, шарообразное, повидимому обладающее гладкой поверхностью и довольно подвижное тѣло, — по очертанію своему напоминающее головку плода.

Выслушивая животъ беременной, мы отмѣчаемъ, что слѣва отъ бѣлой линіи и ниже пупка отчетливо слышится

двойственное сердцебіеніе, не совпадающее съ пульсомъ изслѣдуемой и достигающее частоты — 136 ударовъ въ минуту. Съ противоположной стороны, т. е., справа отъ бѣлой линіи и на уровнѣ пупка не особенно рѣзко слышится шумъ дуновенія — маточный шумъ.

Полноты ради наружнаго изслѣдованія, дополнимъ его еще измѣреніемъ живота, именно опредѣлимъ объемъ живота, который въ нашемъ случаѣ = 99 сантим., и, послѣ этого переходимъ къ измѣренію таза, при чемъ оказывается, что Diam. trochant. = 32 —, D. crystar. = 26 —, D. spinar. 24 — и Conjug. extern. — 22 сантим.

Наконецъ согласно принятаго нами порядка, прежде чѣмъ перейти къ внутреннему акушерскому изслѣдованію, произведемъ осмотръ наружныхъ половыхъ частей, окружность входа влагалища.

Область эта представляется нѣсколько пигментированной; большія срамныя губы объемисты, малыя представляются въ видѣ большихъ лоскутовъ, далеко выходящихъ наружу изъ за большихъ губъ и окрашены въ бурокрасноватый цвѣтъ; изъ зіяющей половой щели выпячивается передняя и задняя стѣнки влагалища; послѣднія складчаты и синекраснаго цвѣта. Клиторъ и наружное отверстіе уретры, выдающіеся изъ зіяющаго входа влагалища окрашены въ такой-же цвѣтъ.

Зіяніе входа влагалища происходитъ вслѣдствіе стараго большаго разрыва промежности, разрушившаго послѣднюю, начиная съ задней спайки губъ и достигающаго до sphincter ani extern.. Передъ входомъ во влагалище по стѣнкамъ послѣдняго находится нѣсколько какъ-бы сосочковъ или лоскутковъ — carunculae myrtiformes — остатки дѣвственной плевы.

Затѣмъ, введя указательный палецъ во влагалище, послѣдній ощущаетъ увлажненныя, сглаженныя и вмѣстѣ съ тѣмъ очень мягкія, уступчивыя стѣнки влагалища на всемъ протяженіи вплоть до влагалищной порціи матки.

Маточная шейка при изслѣдованіи представляется въ видѣ двухъ большихъ лоскутовъ — передняго и задняго, при чемъ задній раздѣленъ еще на два меньшихъ лоскута; между переднимъ и заднимъ лоскутами находится отверстіе нижней части цервикальнаго канала. Лоскуты, составляющіе маточную шейку — очень сочны, мягки, пастозны, сама влагалищная порція хотя и укорочена, но все таки довольно

длинна; палецъ, введенный въ цервикальный каналъ свободно проходитъ по всему его протяженію до внутренняго маточнаго отверстія, которое также представляется открытымъ и свободно пропускаетъ первую фалангу изслѣдующаго пальца. Надъ внутреннимъ маточнымъ отверстіемъ и чрезъ влагалищные своды довольно отчетливо прощупывается какое-то сфероидальное твердое тѣло, довольно подвижное.

Комбинированное изслѣдованіе даетъ возможность убѣдиться въ слѣдующемъ: круглое, твердое тѣло, которое прощупывается черезъ своды и маточное отверстіе съ вышележащимъ въ брюшной полости тѣломъ составляютъ одно цѣлое; далѣе производя давленіе обѣими изслѣдующими руками въ противоположныхъ направленіяхъ, вызываются повторныя движенія и балотированіе предлежащей части.

Для заключенія предпринятаго изслѣдованія остается еще осмотрѣть при посредствѣ влагалищнаго зеркала, влагалищныя стѣнки и маточную шейку.

Это даетъ намъ возможность еще болѣе убѣдиться въ венозной гипереміи влагалищныхъ стѣнокъ, равно влагалищной порціи матки и наконецъ непосредственнымъ осмотромъ подтвердить наличность глубокихъ разрывовъ маточной шейки.

Покончивъ съ акушерскимъ изслѣдованіемъ, мы постараемся отвѣтить на интересующіе насъ вопросы.

Первый вопросъ относительно наличности беременности рѣшается въ данномъ случаѣ скоро и въ положительномъ смыслѣ: имѣется три кардинальныхъ признака — слышится сердцебіеніе плода, прощупываются движенія плода и наконецъ осязаются крупныя и мелкія части плода.

Второй очередный вопросъ — наша беременная представляетъ изъ себя особу — первобеременную или повторнородившую? Отвѣтъ не сложенъ.

Полагаясь только на результаты объективнаго изслѣдованія, мы имѣемъ — обширный застарѣлый разрывъ промежности, разрушенную дѣвственную плеву, остатки которой замѣчаются лишь въ видѣ отдѣльныхъ лоскутовъ, сосочковъ; обширные разрывы маточной шейки, которая вслѣдствіе этого потеряла свою нормальную фигуру, — т. е. признаки достаточно убѣдительно говорящіе за происходившіе въ прошломъ роды. Слѣдовательно Г. повторно-беременная.

Высота стоянія дна матки — ниже мечевиднаго отростка на 4 поперечныхъ пальца при значительномъ объемѣ живота,

наибольшая окружность котораго = 99 сантим., полная проходимость цервикальнаго канала за внутреннее маточное отверстіе при сравнительно длинной влагалищной порціи, — даетъ полную возможность сказать, что беременная на сносяхъ и беременность достигла до конца десятаго луннаго мѣсяца.

Прощупываніе плотной, крупной округлой части у дна матки, — слѣва еще болѣе крупной и выпуклой части, а — справа — мелкихъ частей плода, ощупываніе надъ входомъ въ малый тазъ твердой сфероидальной и нѣсколько подвижной части, при одновременномъ констатированіи сердцебіенія плода слѣва и ниже пупка, даетъ полную возможность сказать, что въ данномъ случаѣ на лицо продольное положеніе плода съ головкою, обращенною къ входу въ тазъ и спинкою, обращенною въ лѣвую сторону беременной, а мелкими частями плода въ правую; кромѣ того, слѣдуетъ прибавить, на основаніи даже только наружнаго изслѣдованія, что головка предлежитъ въ I темянномъ положеніи. Вопросъ относительно жизни плода рѣшается здѣсь, конечно въ положительномъ смыслѣ по наличности сердцебіенія и движенія плода.

Наконецъ послѣдній изъ главныхъ вопросовъ, которые интересуютъ акушера при изслѣдованіи беременной — это есть вопросъ объ анатомическомъ характерѣ таза.

Собственно говоря примѣнительно къ многорожавшимъ женщинамъ, какъ въ данномъ случаѣ, онъ устраняется самъ собою: нѣсколько благополучно, своевременно протекшихъ родовъ уже достаточно говоритъ за нормальный характеръ тазоваго кольца. И, если я, не смотря на сказанное только сейчасъ, останавливаю все-таки Ваше вниманіе на этомъ вопросѣ, то меня побуждаютъ къ этому совершенно иныя, чисто учебныя, такъ сказать, соображенія.

И такъ припоминая всѣ цифры, полученныя нами при измѣреніи таза, а также и теченіе предъидущихъ родовъ, мы дѣлаемъ самое лучшее предсказаніе относительно теченія ожидаемыхъ родовъ, на сколько оно будетъ зависѣть отъ пространственныхъ отношеній тазоваго канала.

Вотъ, г.г., въ главныхъ и краткихъ чертахъ тотъ порядокъ изслѣдованія, котораго я рекомендовалъ бы Вамъ держаться въ тѣхъ случаяхъ, когда будете имѣть дѣло съ беременными женщинами.

Веденіе послѣдоваго періода.

Гг.

Вы много разъ уже были нетолько свидѣтелями, но иногда и сами активно принимали дѣятельное участіе въ оказаніи роженицѣ акушерской помощи. Конечно, при этомъ не ускользнула отъ Вашего вниманія та разнообразная роль акушера, которую онъ играетъ въ веденіи послѣдоваго періода. То или иное отношеніе къ этому послѣднему періоду имѣетъ очень важное значеніе не только на теченіе ближайшаго послѣродоваго времени, но нерѣдко и на всю послѣдующую жизнь данной женщины. Имѣя въ виду только что сказанное, я позволяю себѣ, посвятить настоящую нашу бесѣду на разсмотрѣніе веденія послѣдоваго періода.

Я не буду утомлять Вашего вниманія перечисленіемъ исторій всѣхъ тѣхъ родовъ, которые прошли передъ нами въ текущій семестръ, я возьму изъ нихъ только нѣсколько, какъ представителей извѣстныхъ группъ.

Мы видѣли, что въ однихъ случаяхъ — послѣдовой періодъ проходилъ предоставленный самъ себѣ, безъ всякаго почти посторонняго вмѣшательства и наше участіе при этомъ было только выжидательное.

Въ другихъ — приходилось принимать намъ дѣятельное участіе; при томъ, иногда это участіе выражалось примѣненіемъ только однихъ наружныхъ пріемовъ и оказывалось вполнѣ успѣшнымъ. Съ другой стороны случалось и такъ, что начавши съ наружныхъ пріемовъ, вслѣдствіе безъуспѣшности послѣднихъ, приходилось мѣнять ихъ на внутренніе пріемы.

Наша задача опредѣляется такимъ образомъ, чтобы изъ разбора представителей извѣстныхъ группъ, выяснить себѣ

показанія къ выбору того или другого пути для веденія послѣдоваго періода. Итакъ остановимся сначала на первой группѣ случаевъ и какъ представителя этой группы возьмемъ исторію родовъ Д. П.. Д. П. 24 лѣтъ отъ роду, уроженка Петербурга, гдѣ провела и свое дѣтство, но съ 17 лѣтъ, времени своего замужества, она живетъ постоянно на одной изъ станцій Балтійской желѣзной дороги. П. начала менструировать уже по своемъ выходѣ замужъ съ $17^1/_2$ лѣтъ, постоянно правильно черезъ 3 недѣли по 4—5 дней, необильно и безболѣзненно. У нея были одни своевременные и легкіе роды 3 года назадъ, ребенка выкормила сама и никакими болѣзнями никогда не страдала. Настоящая, вторая беременность протекала также правильно, роды наступили, по ея разсчету, въ срокъ; о времени перваго движенія плода она не помнитъ.

Объективное изслѣдованіе: роженица низкаго роста, но хорошаго тѣлосложенія, окружность живота — 95 сантим., высота дна матки отстоитъ отъ мечевиднаго отростка на 5 сантим. Тазъ по измѣреніи оказался нормальнымъ.

Наружное изслѣдованіе указываетъ на 1 затылочное положеніе.

Внутренне изслѣдованіе: маточный зѣвъ почти совершенно открытъ, околоплодный пузырь цѣлъ: результаты наружнаго изслѣдованія подтверждаются и внутреннимъ. — Маточныя схватки продолжали быть правильными и черезъ 8 часовъ отъ начала схватокъ, родился вполнѣ доношенный плодъ мужскаго пола.

По рожденіи плода около 10 минутъ у роженицы не появлялось схватокъ, но матка оставалась довольно плотною и изъ половыхъ частей показывалось только незначительное кровяное выдѣленіе. Затѣмъ появилось нѣсколько маточныхъ схватокъ, дно матки поднялось и вмѣстѣ съ тѣмъ дно и тѣло матки сдѣлались менѣе объемистыми; въ тоже время изъ половой щели показался нижележащій сегментъ пляценты. Часть послѣда, выходящая изъ половыхъ частей роженицы, представлялась куполообразно вытягивающейся вмѣстѣ съ пуповиной, которая прикрѣплялась къ срединѣ выпуклости пляценты. Въ этотъ моментъ помогавшій при родахъ подвелъ ладонь одной изъ своихъ рукъ къ задней спайкѣ большихъ губъ и на эту ладонь сталъ опускаться выходящій изъ влагалища послѣдъ; въ то-же время пальцами другой руки

обращенными ладонными поверхностями къ послѣду, акушеръ началъ повертывать пляценту вокругъ ея оси. Благодаря этому послѣднему маневру вмѣстѣ съ повертываніемъ вышедшей пляценты начали скручиваться и плодныя оболочки, которыя такимъ образомъ легко вышли всѣ изъ половой щели.

Послѣ того, какъ послѣдъ и плодныя оболочки вышли, матка сократилась хорошо и продолжала оставаться въ такомъ состояніи; крови показывалось изъ половыхъ органовъ немного, родильница приведена въ порядокъ и оставлена въ покоѣ.

Вся забота о данной родильницѣ ограничивалась только наблюденіемъ за хорошимъ состояніемъ матки, отсутствіемъ кровотеченія, — удовлетворительнымъ общимъ состояніемъ и самочувствіемъ родильницы.

Наконецъ остальное время послѣродоваго періода у этой родильницы прошло безукоризненно.

Представителемъ слѣдующей второй группы случаевъ, намъ послужитъ исторія родовъ Л. Б.

Л. Б. 30 л., мѣщанка, занимается домашнимъ хозяйствомъ, родилась въ г. Витебскѣ, но съ 15 лѣтъ живетъ въ г. Юрьевѣ. О времени появленія первыхъ менструацій, а также о характерѣ ихъ не помнитъ. Б. начала жить половой жизнью съ $15^1/_2$ лѣтъ; она была 7 разъ беременна, при чемъ, кромѣ V беременности окончившейся раннимъ выкидышемъ, всѣ остальныя беременности протекали нормально.

Роды наступали въ срокъ, протекали легко безъ всякихъ осложненій, точно также, какъ и послѣродовые періоды. Дѣтей кормила сама. Послѣдніе роды были 1 годъ 2 мѣс. тому назадъ. Что касается до настоящей послѣдней беременности, то она также ничего особеннаго не представляла и роды наступили своевременно.

Объективное изслѣдованіе роженицы показало, что она представляетъ субъекта средняго роста и сложенія съ общимъ питаніемъ ниже средняго, размѣры таза въ предѣлахъ нормы.

Плодъ родился легко во II черепномъ положеніи; затѣмъ черезъ 10 минутъ послѣ рожденія плода при вялости матки появилось значительное наружное маточное кровотеченіе, вслѣдствіе чего пришлось примѣнить выдавливаніе послѣда по Credé. Пріемъ этотъ очень скоро увѣнчался полнымъ успѣхомъ, послѣдъ вышелъ изъ половыхъ частей

роженицы, матка вслѣдъ за этимъ хорошо сократилась и кровотеченіе прекратилось.

Puerperium въ своемъ теченіи не представлялъ ничего ненормальнаго и родильница, чувствуя себя удовлетворительно выписалась изъ клиники на 9 день послѣ своего разрѣшенія отъ бремени.

Для третьей группы мы возьмемъ исторію родовъ С. О.

С. О. 37 л. отъ роду, крестьянка, русская, родилась и живетъ на станціи Лехтсь близь Юрьева. О. начала менструировать съ 17 лѣтъ, постоянно правильно черезъ 4 недѣли, по 4—5 дней, необильно и безболѣзненно.

Роженица въ настоящее время разрѣшается въ 9 разъ, при чемъ послѣдніе роды были 2 года тому назадъ. О. сообщаетъ кромѣ того, что прежнія беременности протекали благополучно, но при предшествовавшихъ родахъ нѣсколько разъ случалось ручное отдѣленіе послѣда вслѣдствіе долгаго задержанія его въ полости матки и сопутствующаго сильнаго кровотеченія; послѣродовые періоды часто протекали съ лихорадочнымъ состояніемъ. Дѣтей кормила сама.

Послѣднія менструаціи окончились въ половинѣ декабря, но о появленіи первыхъ движеній плода роженица не помнитъ.

Объективное изслѣдованіе: роженица средняго роста и тѣлосложенія; окружность живота 100 сантм., высота дна матки на 6 с. ниже мечевиднаго отростка.

При измѣреніи таза: D. tr. 31; D. cr. 27; D. sp. 25; Conj. ext. 20.

По наружному изслѣдованію II затылочное положеніе. Родовыя схватки начались въ 9 час. вечера, маточный зѣвъ совершенно открылся въ 10 час. и околоплодный пузырь лопнулъ въ $10^{3}/_{4}$ час. того-же вечера 17/IX. Предлежащая часть головка начала врѣзываться въ 11 час. ночи, а младенецъ родился въ 11 ч. 30 м. ночи 17/IX. Роды происходили при положеніи роженицы на спинѣ и при II затылочномъ положеніи. Роды продолжались отъ 5 час. вечера до 12 час. ночи 17/IX.

Послѣ рожденія младенца и при удовлетворительномъ сокращеніи матки тотчасъ-же появилось очень значительное маточное кровотеченіе, которое побудило приступить, къ удаленію послѣда по способу Credé. Однако не смотря на примѣненіе этого послѣдняго пріема, кровотеченіе нисколько не останавливалось. Имѣя въ виду довольно малокровную ро-

женицу, у которой всякая лишняя потеря крови можетъ отозваться очень неблагопріятно на ея общемъ состояніи, послѣ безуспѣшности метода Credé пришлось перейти къ ручному выдѣленію пляценты изъ полости матки; послѣдній пріемъ тѣмъ болѣе находилъ оправданіе, что предъидущіе роды у этой роженицы, бывшіе въ нашей клиникѣ также оканчились съ ручнымъ отдѣленіемъ послѣда.

Задержаніе послѣда въ маткѣ было только частичное, непревышавшее $^1/_3$ существа пляценты; затѣмъ, задержаніе произошло вслѣдствіе частичнаго сокращенія въ нижнемъ сегментѣ матки, ущемившее толщу послѣда; поэтому роженица была захлороформирована. По достоженіи скоро достаточной степени наркоза, мускулатура матки разслабла и рука свободно введенная въ полость матки легко освободила ущемленную часть пляценты, которая вмѣстѣ съ оболочками яйца, свободно была выведена изъ половыхъ частей роженицы. Послѣ опорожненія матки, послѣдняя сократилась и кровотеченіе пріостановилось. Затѣмъ маточная полость осторожно проспринцовала 1 % растворомъ лизола t. 37 °/, назначено массированіе матки и secale cornutum, послѣ чего матка хорошо сократилась и кровотеченіе также, прекратилось.

Послѣродовой періодъ протекалъ нормально, матка сокращалась удовлетворительно, t. во все время послѣродового періода не превышала 37,3, такъ что родильница на 9 день встала съ постели и на 10-й день вышла изъ клиники, чувствуя себя относительно здоровою.

Наконецъ для характеристики четвертой группы случаевъ въ нашемъ распоряженіи имѣется исторія родовъ А. Н.

А. Н. 42 л. отъ роду, мѣщанка, родилась въ г. Ярославлѣ, но болѣе 20 лѣтъ живетъ въ деревнѣ близъ Юрьева. Н. начала менструировать съ 15 лѣтняго возраста, точно о характерѣ менструацій за то время она сообщить не можетъ, но насколько припомнитъ, регулы до замужества (21 годъ) всегда бывали правильно и ничего особеннаго не представляли. 21 года А. Н. вышла замужъ и съ этого времени она очень рѣдко имѣла менструаціи вслѣдствіе частыхъ беременностей. А. Н. 16 разъ рожала, всегда своевременно; всѣ роды бывали, хотя довольно легкіе, но почти послѣ каждыхъ родовъ она трудно поправлялась вслѣдствіе продолжительныхъ кровотеченій. Кромѣ того изъ общаго числа родовъ

въ 5 изъ нихъ дѣтское мѣсто искусственно выводили изъ матки внутренними пріемами.

Послѣдніе роды были 1 г. 11 мѣс. назадъ. Всѣхъ дѣтей кормила сама.

А. Н. сообщаетъ, что послѣ послѣднихъ родовъ у нея регулъ не было, о времени перваго движенія плода не помнитъ. Послѣднія 3 недѣли беременную безпокоили очень частыя, болѣзненныя движенія плода и точно также частыя, маточныя схватки. Больная всѣ эти 3 недѣли ожидала ежедневно наступленія родовъ; околоплодныя воды прошли за 4 часа до поступленія роженицы въ клинику.

Объективное изслѣдованіе: роженица высокаго роста, слабаго тѣлосложенія, очень малокровна, окружность живота 103 сант., высота дна матки на 5 сант. ниже мечевиднаго отростка. Тазъ никакихъ уклоненій отъ нормы не представляетъ.

По наружному изслѣдованію констатируется I затылочное положеніе.

Внутреннее изслѣдованіе: маточный зѣвъ открытъ на 3 сантиметра, края истончены, прощупывается фиксированная головка въ I затылочномъ положеніи.

Родовыя схватки шли очень вяло, такъ что ребенокъ родился черезъ $13^1/_2$ часовъ отъ начала родовъ. Послѣ рожденія ребенка въ первыя 10 минутъ состояніе роженицы не внушало никакихъ опасеній; но затѣмъ внезапно роженица поблѣднѣла, пульсъ сдѣлался почти нитевиднымъ, маточныхъ схватокъ не появлялось, матка увеличилась въ объемѣ, она представлялась мягкой консистенціи, но кровотеченіе изъ половой щели почти не показывалось.

Массажъ матки не вызывалъ никакой наклонности къ появленію маточныхъ сокращеній, попытка Credé также осталась безрезультатной.

Въ виду угрожающаго состоянія роженицы, пришлось немедленно приступить къ удаленію послѣда внутренними пріемами. По введеніи руки въ полость матки, пляцента оказалась прикрѣпленною у дна и на задней сторонѣ маточной полости; неотдѣлившаяся часть послѣда занимала очень большое протяженіе, приблизительно около половины всей поверхности послѣда. Вслѣдствіе прочнаго соединенія плаценты съ маткою отдѣленіе представляло значительныя затрудненія. По окончаніи извлеченія пляценты и послѣ осторожнаго горя-

чаго промыванія маточной полости, несмотря на примѣненный массажъ кровотеченіе, хотя и въ меньшей степени, но все-таки неостанавливалось, а вмѣстѣ съ этимъ матка мало проявляла наклонности къ стойкому сокращенію, что послѣдовало только послѣ подкожнаго впрыскиванія корнутина.

Послѣродовой періодъ протекалъ съ осложненіями: матка инволювировалась плохо, 2 раза проявлялась наклонность къ маточнымъ кровотеченіямъ. Родильница была очень слаба, t. первые два дня послѣродоваго періода держалась между 36,2 и 37,6, но съ третьяго дня установилась въ границахъ 35,8—36,6 Вслѣдствіе общей слабости родильница пролежала въ постелѣ до 14 дня.

И такъ изъ только что прочитанныхъ исторій родовъ, мы знаемъ, что въ первомъ случаѣ роль акушера ограничилась только наблюденіемъ за выхожденіемъ послѣда изъ матки, и, лишь при выхожденіи пляценты изъ половой щели, ему пришлось принять нѣкоторое участіе. Во второмъ случаѣ пришлось прибѣгнуть къ способу Credé и съ хорошимъ результатомъ; въ третьемъ, — аналогичномъ второму, способъ Credé оказался рѣшительно безсильнымъ по отношенію къ выведенію послѣда изъ полости матки; пришлось волей-неволей обратиться къ выдѣленію послѣда внутренними пріемами, а относительно четвертаго нашего случая, судя по описанію и говорить нечего о безрезультатности пріема Credé, здѣсь пришлось, не теряя дорогого времемни — перейти быстро къ извлеченію пляценты внутренними пріемами изъ полости матки.

Для объясненія различія образа дѣйствій акушера при обстоятельствахъ, аналогичныхъ только что изложеннымъ, намъ прежде всего приходится припомнить нѣкоторыя теоретическія свѣдѣнія.

Извѣстно, что въ послѣдовомъ періодѣ родовъ происходитъ отдѣленіе послѣда отъ внутренней поверхности матки. Наичаще это происходитъ посредствомъ, такъ называемаго, способа Schultze, который, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ. Обыкновенно, благодаря маточнымъ схваткамъ, материнская часть послѣда въ своей центральной части отдѣляется отъ внутренней поверхности матки; въ образовавшуюся такимъ образомъ полость скопляется извѣстное количество крови, вслѣдствіе чего выпятившаяся часть пляценты выпирается въ полость матки.

Послѣдующими маточными сокращеніями, послѣдъ отдѣ-

ляется все на большемъ и большемъ протяженіи, кровь скопляющаяся соотвѣтственно этому въ искусственно образовавшейся полости также въ постепенно увеличивающемся количествѣ производитъ то, что въ конечномъ результатѣ плодовая часть послѣда окончательно выворачивается куполообразно въ маточную полость и въ такомъ видѣ проталкивается въ маточный зѣвъ, — влагалище и въ концѣ концевъ извергается изъ половаго канала родильницы. Такимъ образомъ происходитъ при нормальномъ теченіи родоваго акта.

Другой способъ отторженія послѣда отъ внутренней поверхности матки, способъ Duncan'a, происходитъ нѣсколько иначе.

Въ этомъ случаѣ отдѣленіе послѣда отъ матки начинается не съ центральной части пляценты, а ближе къ периферіи ея, вслѣдствіе чего изверженіе послѣда изъ матки будетъ совершаться не такъ правильно какъ при способѣ Schultze и процессъ этотъ можетъ затянуться. Кромѣ того при Duncan'овскомъ способѣ во все время отдѣленія послѣда, наблюдается болѣе или менѣе значительное наружное кровотеченіе, зависящее отъ того, что кровь изливающаяся при отдѣленіи послѣда отъ матки не задерживается позади послѣда въ замкнутомъ пространствѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Schultze'вскомъ способѣ; наоборотъ, здѣсь по Duncan'у, при отдѣленіи послѣда съ переферіи его, кровь свободно извергается наружу. Матка также представляется различнаго очертанія при отдѣленіи послѣда по двумъ упомянутымъ способамъ, что даетъ возможность узнать по какому способу происходитъ отдѣленіе послѣда въ данномъ случаѣ.

Въ то время, какъ при отдѣленіи пляценты по Schultze, матка представляется болѣе округлой — по Duncan'у мы находимъ матку болѣе продолговатой формы.

Обыкновенно, если послѣдовой періодъ идетъ нормально, то непосредственно за рожденіемъ плода наступаетъ пауза, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ схватки не появляются, затѣмъ снова возникаетъ сократительная дѣятельность матки, благодаря которой и происходитъ произвольное и полное изверженіе пляценты изъ родовыхъ путей роженицы.

Таковъ путь, который избираетъ, такъ сказать, сама природа для удаленія послѣда съ оболочками изъ родоваго канала роженицы. Далѣе, руководясь тѣмъ принципомъ, что при родоразрѣшеніи всѣ наши пособія, по возможности должны

быть лишь подражаніями тѣхъ дѣйствій природы, которыя она употребляетъ при родовомъ актѣ, мы и здѣсь должны стремиться только слѣдовать ея указаніямъ.

Поэтому если послѣдовой періодъ проходитъ нормально, все дѣло акушера сводится лишь къ строгому наблюденію за теченіемъ его. Всякая поспѣшность, всякое лишнее вмѣшательство при этомъ не только не имѣетъ здѣсь мѣста, но оно прямо непозволительно, коротко, въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое не раціональное вмѣшательство можетъ стоить жизни родильницѣ.

Чтобы понять всю важность этого послѣдняго замѣчанія, я скажу только, что есть большое основаніе думать, что большинство такъ называемыхъ атоническихъ послѣродовыхъ кровотеченій, обязано своимъ происхожденіемъ — поспѣшному, неумѣлому веденію послѣдоваго періода. Въ этомъ наглядно убѣждаютъ ежедневныя клиническія наблюденія.

И такъ вотъ шема, которой мы должны слѣдовать въ веденіи нормальнаго послѣдоваго періода.

Совершенно иное дѣло, если послѣдовой періодъ представляетъ какія-либо уклоненія отъ нормы въ своемъ теченіи.

Теперь, возвращаясь къ приведеннымъ нами выше исторіямъ родовъ, мы отмѣчаемъ слѣдующее.

У роженицѣ П., представительницѣ I группы, принятыхъ нами категорій, рожденіе ребенка произошло вполнѣ нормально и затѣмъ послѣдовой періодъ также не представлялъ никакихъ уклоненій отъ нормы. Здѣсь помогающему при данномъ періодѣ родовъ акушеру ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ только наблюдать за теченіемъ послѣдоваго періода и запастись терпѣніемъ. Осторожно наложенною на дно матки рукою опредѣляется высота дна матки, консистенція ея, появленіе схватокъ; въ тоже время отъ вниманія присутствующаго при родахъ акушера не должно ускользать и общее состояніе здоровья роженицы.

Если общее состояніе роженицы удовлетворительно, нѣтъ признаковъ ни наружнаго, а тѣмъ болѣе внутренняго кровотеченія, словомъ ничто не внушаетъ никакихъ опасеній, то хотя послѣдъ и не рождается вскорѣ за выхожденіемъ плода, не смотря на это, повторяю, нѣтъ никакого основанія искусственно содѣйствовать скорѣйшему удаленію послѣда. Въ такихъ случаяхъ обязательно нужно ожидать появленія самостоятельныхъ сокращеній матки не только въ теченіи 10 ми-

нутъ, какъ было въ нашемъ случаѣ, но значительно большее время, $^1/_2$ часа, часъ и даже болѣе, какъ совѣтуютъ нѣкоторые акушеры.

Въ томъ только случаѣ, если не смотря на всѣ благопріятныя условія, маточныя схватки въ послѣдовомъ періодѣ не появляются, положимъ, по истеченіи часа послѣ рожденія плода, слѣдуетъ вызывать маточныя сокращенія умѣреннымъ растираніемъ дна матки. Въ нормальныхъ случаяхъ такого пріема бываетъ совершенно достаточно, чтобы побудить маточную мускулатуру къ сокращенію. Появляется нѣсколько хорошихъ маточныхъ схватокъ, дно матки поднимается, дѣлается тверже, а вмѣстѣ съ этимъ тѣло ея становится менѣе объемистымъ, также твердѣетъ и въ результатѣ указанныхъ измѣненій формы и консистенціи матки, начинаетъ рождаться изъ половой щели нижній сегментъ послѣда, какъ это мы видѣли въ нашемъ случаѣ.

Такимъ образомъ повышеніе дна матки съ одновременнымъ уменьшеніемъ тѣла ея во время наступившихъ схватокъ въ послѣдовомъ періодѣ, уже служитъ хорошимъ доказательствомъ того, что маточная полость освободилась отъ послѣда.

Слѣдующій затѣмъ моментъ начала прорѣзыванія нижняго сегмента послѣда изъ половой щели побуждаетъ насъ къ болѣе активному вмѣшательству.

Если мы предоставимъ дальнѣйшее рожденіе пляценты самой себѣ, то въ силу чисто механическихъ условій, благодаря собственной своей тяжести, послѣдъ быстро выпадетъ изъ родовыхъ частей и повлечетъ за собой конечно и оболочки, находящіяся еще въ это врема въ полости матки; а такъ какъ одновременно съ опорожненіемъ отъ послѣда матки, послѣдняя энергично сокрашается, то въ маточномъ зѣвѣ ущемляется часть плодныхъ оболочекъ еще не успѣвшихъ выйти изъ маточной полости; поэтому естественно, что тонкія плодныя оболочки, ущемленныя съ одной стороны въ маточномъ зѣвѣ, а съ другой — прикрѣпленныя къ массѣ послѣда, невыдерживаютъ натяженія и разрываются, причемъ часть ихъ задерживается въ полости матки.

И, хотя клиническія наблюденія показываютъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ одно задержаніе въ маточной полости не только части плодовыхъ оболочекъ, но доже большей или меньшей части послѣда, еще ничего особеннаго не

представляетъ, но во всякомъ случаѣ такую случайность никто не поставитъ въ заслугу акушеру, который руководилъ этими родами.

Тѣмъ болѣе, что нельзя отрѣшиться и отъ того обстоятельства, что на ряду съ невинно протекшими случаями задержанія въ маткѣ на нѣкоторое время остатковъ плоднаго яйца, встрѣчаются и такіе —, въ которыхъ послѣдовательные пуэрперальные процессы нельзя связать ни съ чѣмъ другимъ, какъ только происшедшимъ передъ тѣмъ задержаніемъ въ полости матки различныхъ частей плоднаго яйца.

Въ предупрежденіе подобныхъ и во всякомъ случаѣ непріятныхъ случайностей, при выхожденіи пляценты изъ половой щели рекомендуются извѣстные пріемы.

Вполнѣ цѣлесообразный, подобный пріемъ былъ примѣненъ при рожденіи послѣда у роженицы, которая въ данный моментъ и составляетъ объектъ нашихъ разсужденій.

Какъ мы видѣли онъ состоитъ въ томъ, что какъ только нижній сегментъ послѣда начинаетъ вытягиваться изъ половой щели, акушеръ подводитъ кисть одной изъ своихъ рукъ къ наружнымъ половымъ частямъ роженицы. Эта рука размѣщается ладонью вверхъ, чтобы большой палецъ приходился съ одного бока половой расщелины, а указательный съ другой; при такомъ расположеніи пальцевъ мѣсто взаимнаго соединенія ихъ, приблизительно средина ладони, придется какъ разъ у нижней спайки большихъ губъ, слѣдовательно пляцента, по мѣрѣ своего выхожденія изъ родовыхъ путей будетъ помѣщаться на подставленную ладонь. Въ то-же время другая свободная рука акушера обращается ладонью внизъ надъ выходящимъ послѣдомъ.

Роль этой второй руки состоитъ въ томъ, чтобы придерживая пальцами выходящую пляценту отчасти препятствовать быстрому рожденію послѣдней, а самое главное — по мѣрѣ выхожденія дѣтскаго мѣста, повертывать его вокругъ его продольной оси. Благодаря такому повертываніо послѣда и слѣдующія за нимъ плодныя оболочки также постепенно скручиваются и мало по малу, безъ малѣйшаго насилія, удаляются изъ полости матки.

Такъ обыкновенно дѣло оканчивается въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ, точно также оно произошло и у нашей родильницы. Съ удаленіемъ ex genitalia послѣда и

плодныхъ оболочекъ оканчиваются роды и родившая женщина вступаетъ въ послѣродовой періодъ.

Въ настоящую минуту я не буду останавливать Вашего вниманія на разсмотрѣніи puerperium'a, какъ составляющей самостоятельную и обширную главу акушерства.

Я ограничусь теперь только замѣчаніемъ и подтвержденіемъ чему можетъ служить только разобранная нами родильница: если только послѣдовой періодъ проведенъ правильно и протекъ нормально — это служитъ уже достаточнымъ залогомъ нормальнаго теченія и послѣродоваго періода.

Перехожу къ разсмотрѣнію представителя II группы.

Исторія этой роженицы очень несложна: она рано вышла замужъ, часто беременѣла, причемъ дѣтей кормила сама. Указанное обстоятельство, конечно, не могло не оказать вліянія на послѣдующее состояніе здоровья Б. — Общее питаніе ея пострадало, она, какъ показало объективное изслѣдованіе, предстала къ родоразрѣшенію уже субъектомъ въ достаточной степени истощеннымъ. Мускулатура матки справившись самостоятельно съ изгнаніемъ плода — оказалась несостоятельною для удаленія послѣда и оболочекъ.

Хотя времени прошло немного со времени рожденія плода всего, какихъ нибудь 10 минутъ, что при нормальныхъ условіяхъ ставило-бы въ обязанность акушеру — спокойно ожидать наступленія послѣдовыхъ схватокъ; но здѣсь мало того, что не наступали схватки, матка, что называется расползлась, появилось маточное кровотеченіе, прибавлю, у роженицы и безъ того уже истощенной.

При такихъ условіяхъ нельзя уже оставаться только наблюдателемъ теченія родоваго акта: передъ нами является роженица, которая не въ состояніи сама справиться съ послѣднимъ дѣйствіемъ родовъ; слѣдовательно отъ насъ требуется активное вмѣшательство, такъ какъ иначе, если мы пропустимъ извѣстный моментъ, мы рискуемъ изъ неособенно сильнаго кровотеченія довести нашу роженицу до такого состоянія, когда продолжающееся кровотеченіе дойдетъ до такой степени, что оно можетъ угрожать жизни роженицы.

Вынужденные обстоятельствами и рѣшившись болѣе или менѣе активно вмѣшаться въ теченіе родоваго акта, мы должны опредѣленно составить планъ нашихъ дѣйствій, при чемъ степень нашего вмѣшательства должна быть, такъ сказать, пропорціональною степени ненормальности, вызвавшей

акушерское вмѣшательство. При этомъ нужно принципіально держаться правила современнаго акушерства — безъ особенно настоятельной надобности не вводить руку въ родовые пути роженицы.

Разсуждая примѣнительно къ нашей роженицѣ, мы должны отмѣтить, что она хотя и представляетъ до извѣстной степени истощенную женщину, но во всякомъ случаѣ еще настолько сильною, что у нея хватило достаточно силы для самостоятельнаго рожденія плода. Это первое. Второе — появившееся послѣдовое кровотеченіе хотя и признано ненормальнымъ, до извѣстной степени значительнымъ, но все-таки не на столько, чтобы оно угрожало жизни роженицы. Руководясь только что сказаннымъ у нея былъ примѣненъ наружный пріемъ для искусственнаго удаленія послѣда изъ полости матки, выдавливаніе или выжиманіе послѣда по способу Credè.

Сособъ Credé, какъ мы знаемъ теперь, вполнѣ оправдалъ ожиданія у нашей больной.

Послѣдъ легко былъ удаленъ, матка непосредственно за этимъ хорошо сократилась, кровотеченіе прекратилось и puerperium прошелъ нормально.

Два слова о самомъ способѣ Credé. Этотъ способъ дѣйствительно составляетъ цѣнное пріобрѣтеніе современнаго акушерства. Но какъ и всякій оперативный пріемъ, точно также и удаленіе послѣда по Credé, только тогда будетъ приносить пользу дѣлу, когда онъ будетъ производиться тщательно и кромѣ того будетъ примѣняться въ подходящихъ случаяхъ.

Поэтому я считаю обязательнымъ для себя познакомить Васъ, господа, сегодня съ выполненіемъ самаго способа выдавливанія послѣда по Credé.

Разъ сознана надобность примѣнить для удаленія послѣда по Credé, то послѣдній производится слѣдующимъ образомъ:

Роженица помѣщается на родильной кровати въ спинно-ягодичномъ положеніи; акушеръ садится на постели съ того или другого бока роженицы и съ лицомъ обращеннымъ къ лицу послѣдней; затѣмъ акушеръ располагаетъ ладонь одной изъ своихъ рукъ, обыкновенно правой, на брюшные покровы роженицы надъ дномъ матки, при томъ такимъ образомъ, что, помѣщая ладонь надъ дномъ матки, большой палецъ этой руки располагаетъ такъ, что онъ долженъ смотрѣть вверхъ,

т. е. кпереди, въ тоже время остальные 4 пальца помѣщаются кзади по направленію къ позвоночнику, — слѣдовательно дно матки обхватывается полною ладонью.

Размѣстивши указаннымъ образомъ руку производится давленіе на дно матки ладонью, но не пальцами, такъ какъ иначе производится сдавливаніе матки въ направленіи спереди назадъ. Существенное значеніе при этомъ имѣетъ направленіе давленія; которое должно производиться сверху внизъ и немного спереди назадъ. Само давленіе производится въ теченіе нѣсколькихъ секундъ съ достаточной силой, а затѣмъ дѣлается пауза.

Обыкновенно приходится поизводить нѣсколько такихъ давленій съ послѣдовательными паузами, послѣ чего пляцента выходитъ изъ полости матки.

Но предварительно, ранѣе чѣмъ приступить къ выжиманію послѣда по Credé, слѣдуетъ 1) озаботиться чтобы положеніе матки совпадало съ средней линіей тѣла роженицы и 2) необходимо обратить вниманіе на очертаніе матки, именно, если послѣдняя представляется въ anteflexi'и, то прежде чѣмъ приступить къ выдавливанію послѣда, слѣдуетъ приподнять дно матки кверху, чѣмъ достигнется удаленіе его отъ лобка и получается выпрямленіе всей матки.

Переходя къ III группѣ разсматриваемыхъ нами сегодня случаевъ, я остановлю Ваше вниманіе на представительницѣ этой пруппы, роженицѣ У. О.

Даже поверхностный просмотръ исторіи родовъ О. показываетъ довольно большое отличіе этой роженицы отъ предъидущей.

Передъ нами малокровная многорожавшая женщина, разрѣшается въ 9-й разъ; при предъидущихъ родахъ у нея приходилось прибѣгать къ ручному отдѣленію послѣда вслѣдствіе задержанія его и сильнаго кровотеченія; въ послѣродовыхъ періодахъ О. лихорадила. Относительно настоящихъ родовъ, если можно говорить о какой либо неправильности, то развѣ только о томъ, что рожденіе плода произошло довольно быстро. Затѣмъ послѣ удовлетворительнаго сокращенія матки, у малокровной роженицы появилось очень значительное маточное кровотеченіе, которое заставило удалить послѣдъ по Credé, однако безъуспѣшно.

Принимая во вниманіе слабость роженицы и имѣя въ виду теченіе прежнихъ родовъ, пришлось не теряя времени

перейти къ удаленію послѣда изъ полости матки посредствомъ внутреннихъ пріемовъ.

Убѣдившись въ томъ, что пляцента задержалась въ полости, удовлетворительно сократившейся, матки, пришлось хлороформированіемъ разслабить маточную мускулатуру. Послѣ этого въ полость разслабленной матки помощью введенной руки задержанная часть послѣда, вмѣстѣ съ пуповиной и оболочками легко была извлечена изъ матки и изъ влагалища.

Кровотеченіе послѣ удаленія пляценты остановилось, матка проспринцована, назначенъ пріемъ secale cornutum и послѣдовательное массированіе матки, послѣ чего послѣдняя хорошо сократилась.

Puerperium прошелъ нормально, безлихорадочно.

Слѣдовательно у этой родильницы удалось удалить послѣдъ только непосредственнымъ введеніемъ руки въ полость матки.

Собственно въ чемъ состоитъ этотъ пріемъ, чтобы не повторяться, я скажу ниже, когда будетъ рѣчь о представителѣ послѣдней группы нашихъ случаевъ. Теперь я обращу Ваше вниманіе на одно возникающее при этомъ соображеніе.

Очевидно здѣсь произошло задержаніе послѣда въ маткѣ только вслѣдствіе ущемленія ткани его сократившейся маткою; поэтому по достиженіи разслабленія маточной мускулатуры, казалось, можно было-бы испробовать еще разъ выжиманіе по Credé.

Но спѣшу успокоить Васъ, гг., что послѣдній пріемъ дѣйствительно былъ-бы вполнѣ показанъ, если бы вопросъ шелъ о крѣпкой, немалокровной роженицѣ; при такихъ условіяхъ, естественно, прежде чѣмъ, рѣшиться на введеніе руки въ полость матки, повторяю, естественно, испытать еще разъ удаленіе пляценты по Credé, въ подобныхъ случаяхъ мы ни чѣмъ не рискуемъ.

Наша роженица, напротивъ малокровная, истощенная женщина, у которой слѣдовало дорожить, что называется каждой каплей крови; при такихъ условіяхъ терять время на испробованіе различныхъ, хотя и болѣе нѣжныхъ, но за то и менѣе вѣрныхъ при данныхъ обстоятельствахъ, способовъ,— рѣшительно непозволительно.

Поэтому-то, не теряя золотого времени, у интересующей насъ въ данный моментъ роженицы, прямо было приступлено къ немедленному опорожненію матки, внутренними пріемами,

и, какъ мы теперь знаемъ, полученный результатъ вполнѣ оправдалъ ожиданія.

Кровотеченіе остановилось, матка хорошо сократилась и наконецъ послѣродовой періодъ прошелъ удовлетворительно.

Перехожу къ разсмотрѣнію послѣдней группы нашихъ случаевъ, и, изъ ней какъ Вы знаете, въ качествѣ представителя я взялъ исторію родовъ А. И.

А. И. 42-лѣтняя многорожавшая, вышла замужъ 21 года, настоящіе роды у нея по счету 17-ые; о предыдущихъ родахъ она сообщаетъ, что роды хотя и бывали легкіе, но тѣмъ не менѣе она трудно поправлялась послѣ нихъ, страдая продолжительными кровотеченіями. Кромѣ того, при 5 родахъ плацента удалялась изъ матки при посредствѣ искусственныхъ внутреннихъ пріемовъ. Дѣтей кормила сама.

Объективно: роженица высокого роста, слабаго сложенія, очень малокровна, роды идутъ въ первомъ затылочномъ положеніи, воды прошли рано, схватки очень вялы, плодъ родился черезъ $13^1/_2$ часовъ. Черезъ 10 минутъ послѣ рожденія ребенка внезапно появились признаки внутренняго кровотеченія, дряблая матка увеличилась въ своемъ объемѣ. Массажъ и способъ Credé, быстро примѣненные, не оказали никакого дѣйствія, почему немедленно было примѣнено внутреннее ручное отдѣленіе послѣда. Изъ исторіи родовъ мы узнаемъ, что послѣдъ еще на значительномъ протяженіи находился въ прочномъ соединеніи съ маткою и только, благодаря примѣненію непосредственнаго ручнаго пріема, онъ былъ удаленъ изъ маточной полости. Puerperium протекалъ съ осложненіями.

Вотъ краткое извлеченіе изъ исторіи родовъ интересующей насъ въ данный моментъ родильницы.

Здѣсь достаточно бросить бѣглый взглядъ на теченіе послѣдоваго періода, чтобы убѣдиться, что быстрое ручное удаленіе послѣда въ данномъ случаѣ было необходимо въ виду интересовъ роженицы.

Попытка удалить послѣдъ по Credé, какъ мы знаемъ, была сдѣлана, но безуспѣшно и отъ этой попытки пришлось скоро отказаться; да иначе и быть не могло въ виду прочнаго соединенія послѣда съ маткою. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что если-бы предварительно было извѣстно о послѣднемъ обстоятельствѣ, то лучше было-бы не терять времени на

Credé, а приступить быстро къ непосредственному ручному удаленію пляценты изъ полости матки.

Пользуясь случаями примѣненія внутренняго ручного отдѣленія послѣда, я скажу Вамъ, г.г., два слова о самомъ способѣ, точнѣе о примѣненіи его.

Вы уже знаете, что идеалъ современнаго акушерства при веденіи родоваго акта — это, если возможно, совершенно не вводить руки въ родовые пути роженицы, а дѣйствовать только одними ручными пріемами. Но идеалъ остается таковымъ и все наши стремленія будутъ ограничиваться только возможнымъ приближеніемъ къ нему.

Никто изъ современно образованныхъ акушеровъ, само собою разумѣется, не позволитъ себѣ безъ крайней надобности вводить свою руку во влагалище, а тѣмъ болѣе въ матку рожающей женщины. Но разъ сознана необходимость въ этомъ — точно также будетъ не разумно колебаться, медлить съ введеніемъ руки въ матку изъ боязни этой рукой инфецировать роженицу.

Это будетъ тоже малоизвинительная крайность. Я-бы сказалъ, акушеръ, который не надѣется на безукоризненную чистоту своихъ рукъ, не имѣетъ права даже подходить къ роженицѣ. А разъ руки акушера приведены въ асептическое состояніе, могу Васъ увѣрить г.г., что при разумномъ манипулированіи рукою въ полости матки, онъ кромѣ пользы ничего не нринесетъ роженицѣ.

Вотъ мотивы, заставляющіе меня болѣе подробно поговорить съ Вами объ этомъ оперативномъ пріемѣ.

Прежде чѣмъ рѣшиться на внутреннее ручное удаленіе послѣда, требуется быстро оріентироваться — возможно-ли данную операцію произвести безъ наркоза или нѣтъ. Рѣшеніе этого вопроса почти исключительно зависитъ отъ того — на сколько сокращена матка, на сколько проходимъ маточный зѣвъ; кромѣ того принимается, конечно, въ соображеніе раздражительность и чувствительность роженицы. Если нѣтъ особенно настоятельныхъ показаній къ возможно быстрому опорожненію матки — въ этихъ случаяхъ возможно употреблять наркотическія средства, напр. t. opii simpl. — 20 кап. на маленькій клистиръ, подкожное впрыскиваніе морфія — 0,01—0,015 и т. д. — Но когда удаленіе послѣда требуется произвести какъ можно быстрѣе и когда требуется при этомъ

наркозъ, то въ этихъ случаяхъ нельзя медлить и поэтому прямо приступаютъ къ глубокому хлороформированію.

Затѣмъ роженицу, находящуюся уже въ полунаркозѣ помѣщаютъ на продольной или поперечной кровати съ ногами согнутыми въ колѣняхъ и раздвинутыми бедрами; въ это-же время наскоро очищаютъ и дезинфецируютъ наружныя половыя части.

Выборъ руки акушера для введенія въ матку, собственно говоря, безразличенъ; хорошо, когда акушеръ ambedexter, но если нѣтъ тогда предпочитается правая рука. И въ такомъ случаѣ, оперируя на продольной кровати акушеръ помѣщается съ правой стороны роженицы, а на поперечной располагается между бедрами ея.

По достиженіи полнаго наркоза рука по извѣстнымъ правиламъ вводится во влагалище и матку. Спѣшу замѣтить здѣсь-же, что ошибочно было-бы думать, что при этомъ всегда необходимо вводить всю кисть руки въ полость матки. Не рѣдко по наступленіи наркоза разслабляется кольцо сокращенія и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ только часть послѣда задержалась въ полости матки можно свободно извлечь плаценту при помощи двухъ и самое большое четырехъ пальцевъ.

Какъ-бы то ни было при манипулированіи рукой, введенной въ родовые пути роженицы, другая свободная рука акушера не должна оставаться праздною. Ладонь свободной руки, одновременно съ введеніемъ другой въ полость матки, помѣщается на брюшные покровы непосредственно надъ дномъ матки.

Задача снаружи находящейся руки очень серьезная вообще при всякомъ введеніи другой руки въ матку. Въ то время, когда внутренняя рука проводится черезъ маточный зѣвъ, она какъ-бы отталкиваетъ всю матку отъ влагалищныхъ сводовъ и не встрѣчая противодѣйствія, при извѣстномъ предрасположеніи, рыхлости тканей и стеченія различныхъ обстоятельствъ, можетъ послѣдовать большій или меньшій отрывъ матки отъ влагалищныхъ сводовъ. Вотъ здѣсь-то и является на помощь снаружи лежащая рука: во все это время она нажимаетъ на дно матки, стараясь какъ-бы надвинуть послѣднюю на другую руку, дѣйствующую со стороны влагалища. Затѣмъ наружная рука при ручномъ отдѣленіи дѣтскаго мѣста несетъ еще и другія службы; такъ напр., когда внутри дѣйствующая рука, производя отдѣленіе

пляценты отъ внутренней поверхности матки не можетъ оріентироваться относительно границы между маткою и послѣдомъ. Въ этотъ затруднительный моментъ выручаетъ только наружная рука: производя растираніе дна матки вызывается сокращеніе маточной мускулатуры, что въ свою очередь показываетъ рѣзкое различіе между твердой, сократившейся маточной стѣнкой и мягкой, губчатой тканью послѣда, что даетъ полную возможность снова выйти на вѣрный путь лежащій на границѣ между маткою и дѣтскимъ мѣстомъ и слѣдовательно отдѣлить послѣднее.

Помимо только что указаннаго есть еще много обстоятельствъ, заставляющихъ насъ слѣдить зорко за положеніемъ наружной руки при операціи ручнаго отдѣленія пляценты, подробный разборъ которыхъ меня завелъ-бы слишкомъ далеко, тѣмъ болѣе, думается мнѣ, что и сказаннаго достаточно для того чтобы судить о важности даннаго расположенія внѣшней руки.

И такъ по достиженіи наркоза приступаютъ къ самой операціи. Помѣстившись такъ или иначе у роженицы и расположивши указаннымъ образомъ свою внѣшнюю руку, акушеръ приступаетъ къ введенію другой руки въ родовые пути роженицы.

Сначала по обыкновеннымъ правиламъ вводятся во влагалище и проводятся въ матку 2 пальца — указательный и средній, въ то время какъ большой палецъ остается снаружи, помѣщаясь на лобковомъ соединеніи. При этомъ можетъ случиться, что только часть послѣда удерживается въ полости матки, а остальная спустилась уже во влагалище. Тогда акушеръ проникнувъ между маткою и материнской частью дѣтскаго мѣста, сгибаетъ крючко-образно свои пальцы, захватываетъ послѣдъ и извлекаетъ его изъ матки.

Обыкновенно, если дѣло идетъ только о задержаніи послѣда этотъ пріемъ удается легко. Иногда случается, что двухъ введенныхъ пальцевъ недостаточно для захватыванія и выведенія пляценты, тогда проводятся еще 2 пальца (4-й и 5-й) и дѣйствуя въ маткѣ $^1/_2$-рукою — удается легко захватить и вывести послѣдъ изъ родовыхъ путей роженицы.

Наконецъ, въ практической жизни могутъ встрѣтиться и такія условія, которыя заставятъ для удаленія только задержавшагося послѣда ввести въ полость матки и всю руку, которою захватываютъ дѣтское мѣсто и выводятъ его наружу.

Какъ бы то ни было другая рука оператора, находящаяся снаружи на днѣ матки, производя надавливаніе, много облегчаетъ выхожденіе послѣда. Кромѣ того, когда рука введена уже въ матку, дѣтское мѣсто захвачено, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно измѣнить дѣйствіе наружной руки: именно удалить ее съ дна матки, захватить ею и потягивать нижній конецъ пуповины, лежащій внѣ половой щели.

Болѣе затруднительнымъ положеніе дѣла является въ томъ случаѣ когда невыхожденіе дѣтскаго мѣста изъ матки обусловливается не простымъ только задержаніемъ его, а еще не совершившимся отдѣленіемъ материнской части послѣда отъ внутренней поверхности матки. Было время, когда такъ называемое приращеніе послѣда — сплошное или частичное — встрѣчалось довольно часто, особенно въ практикѣ малоопытныхъ акушеровъ. Мало того, когда задержанію большей или меньшей части пляценты или даже яйцевыхъ оболочекъ приписывалось огромное значеніе.

Послѣдующія клиническія наблюденія и паталого-анатомическія изслѣдованія заставили измѣнить циркулировавшія прежде воззрѣнія на этотъ предметъ.

Безъ сомнѣнія въ акушерской практикѣ встрѣчаются случаи прочнаго и на болѣе или менѣе обширной площади соединенія дѣтскаго мѣста съ внутренней поверхностью матки; но во всякомъ разѣ случаи эти крайне рѣдки. Нѣсколько чаще встрѣчаются, такъ называемыя, тяжевыя сращенія между маткою и пляцентой, когда послѣдняя удерживается въ связи съ маткою, благодаря нахожденію между ними нѣсколькихъ тканевыхъ пучковъ или тяжей. Вслѣдствіе чего образуются такія ненормальныя скрѣпленія — это вопросъ другой и на немъ я не могу остановиться въ настоящее время. Я ограничусь только замѣчаніемъ, что вопросъ этотъ еще не рѣшенъ окончательно. Мое убѣжденіе, которое я вынесъ, какъ изъ личныхъ клиническихъ наблюденій, такъ и изъ просмотра соотвѣтствующей литературы — будетъ таково: настоящія, такъ называемыя, сращенія послѣда съ маткою обусловливаются предшествовавшими, различными паталого-анатомическими измѣненіями въ существѣ матки и пляценты, воспалительные процессы, послѣдовательное образованіе соединительной ткани и т. д. Но здѣсь-же я долженъ сдѣлать снова оговорку.

Собственно подобное, да позволено будетъ мнѣ выра-

зиться, истинное сращеніе и въ особенности плоскостное составляетъ довольно рѣдкое явленіе. Вообще же случаи цитированные, какъ „приращеніе“ послѣда, суть результаты ошибокъ sub. operatione. Дѣло въ томъ, что производя отдѣленіе послѣда изъ полости матки, при поспѣшности, неопытный акушеръ не попадаетъ оперирующими пальцами, какъ слѣдуетъ, между маточной стѣнкой и материнской частью послѣда, а внѣдряется непосредственно въ губчатую ткань послѣда. При такомъ ошибочномъ пути получается впечатлѣніе какъ будто разрываются прочныя спайки, соединяющія матку съ послѣдомъ. Особенно непріятно бываетъ положеніе оперирующаго при подобныхъ обстоятельствахъ, если онъ во время не сознаетъ своей ошибки и продолжаетъ еще на нѣкоторомъ протяженіи внѣдряться въ самое существо пляценты.

Вотъ при такихъ-то затрудненіяхъ, какъ я уже упоминалъ выше, незамѣнимую услугу оказываетъ соотвѣтствующая помощь снаружи лежащей на днѣ матки руки.

Обычно, когда по введеніи руки въ полость матки констатируется не задержаніе только въ маткѣ пляценты, а болѣе или менѣе не совершившееся еще отдѣленіе послѣдней отъ внутренней поверхности матки, тогда первое, что старается опредѣлить оперирующій — это границу, лежащую между послѣдомъ и маткою.

Когда ткань послѣда значительно выдается надъ поверхностью матки, затѣмъ когда встрѣчается край пляценты уже начавшейся отдѣляться, тогда еще сравнительно легко оріентироваться. Значительныя затрудненія можетъ представить такое положеніе дѣла, если предлежащій край дѣтскаго мѣста еще не отдѣлился, краевая толща его незначительна, такъ что онъ почти незамѣтно переходитъ въ ткань матки, да если къ тому и маточная мускулатура разслаблена, тогда могутъ представиться очень большія затрудненія относительно выясненія истиннаго положенія дѣла.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ прежде чѣмъ приступить къ отдѣленію послѣда, снаружи лежащая рука акушера растираетъ матку, которая вслѣдствіе этого маневра сокращается. Это-то и даетъ возможность внутренней рукѣ опредѣлить границу между сократившеюся, твердой маткою и губчатою тканью пляценты, а слѣдовательно и начать правильное отдѣленіе послѣдней.

Какъ-бы то ни было если вопросъ идетъ не о задер-

жаніи только, а объ отдѣленіи пляценты, рука вводится по извѣстнымъ правиламъ въ полость матки. Выяснивъ топографію послѣда, акушеръ располагаетъ свою внутреннюю руку такъ, что локтевые края пальцевъ его помѣщаются между маткою и дѣтскимъ мѣстомъ; затѣмъ производя пальцами пилообразныя движенія, т. е., водя ими впередъ и взадъ и держась строго надлежащаго направленія, онъ постепенно отдѣляетъ послѣдъ отъ матки. Хорошо если во все время производства операціи внѣшняя рука акушера слѣдитъ, такъ сказать, за внутренней.

Ручное отдѣленіе пляценты въ большинствѣ случаевъ не представляетъ особыхъ затрудненій, но иногда такія затрудненія все-таки встрѣчаются. Кромѣ указаннаго выше затрудненія, послѣднее имѣетъ мѣсто въ такихъ случаяхъ, когда при отдѣленіи послѣда встрѣчаются, сравнительно, плотные тяжи, соединяющіе матку съ пляцентой и которые не разрываются пилообразными движеніями пальцевъ. Для уничтоженія такихъ тяжей приходится употреблять большія насилія, перетирая ихъ пальцами, ногтями и т. д.

Наше конечное стремленіе при веденіи послѣдоваго періода, конечно, будетъ то, чтобы послѣдъ со всѣми придатками плоднаго яйца вполнѣ вышелъ изъ полости матки. Къ сожалѣнію это совершается далеко не всегда. Относительно того, какъ поступать при подобныхъ обстоятельствахъ — мнѣнія акушеровъ не отличаются однообразіемъ и я не буду теперь останавливаться на критической оцѣнкѣ этихъ мнѣній, а ограничусь только замѣчаніемъ, какой способъ я считаю болѣе цѣлесообразнымъ Вамъ рекомендовать.

Не говоря уже о томъ, что настаивать на непремѣнномъ отдѣленіи всѣхъ частицъ послѣда потому не раціонально, что никогда нельзя ручаться при подобныхъ обстоятельствахъ за совершенное отсепаровываніе отъ маточныхъ стѣнокъ всѣхъ мелкихъ частей пляценты. Кромѣ того, для такой операціи потребуется повторное введеніе руки или инструментовъ въ полость матки со всѣми возможными неблагопріятными послѣдствіями, иногда возникающими вслѣдъ за такими оперативными воздѣйствіями. Это съ одной стороны. Съ другой — клиническія наблюденія учатъ, что одно оставленіе въ полости послѣродовой матки не только части яйцевыхъ оболочекъ или небольшихъ частицъ пляцентарной ткани, но даже большихъ кусковъ послѣда, при относительной нор-

мальности остальныхъ условій, — не ведетъ ни къ какимъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ въ дальнѣйшемъ теченіи послѣродоваго періода: все оставшееся въ маткѣ можетъ свободно выдѣлиться, безъ видимыхъ осложненій впослѣдствіи въ послѣродовомъ періодѣ.

Поэтому, имѣя въ виду только что сказанное, слѣдуетъ поступать такъ: если по извлеченіи послѣда изъ послѣродовой матки окажется, что въ полости послѣдней остались еще частицы пляценты или — яйцевыхъ оболочекъ и если встрѣчаются затрудненія для повторнаго введенія руки въ матку, а равно для отыскиванія и отдѣленія оставшагося, при этомъ не имѣется маточнаго кровотеченія, какъ настоятельнаго показанія къ опорожненію матки, — лучше не настаивать на послѣднемъ.

При подобномъ задержаніи части пляценты или оболочекъ въ маткѣ слѣдуетъ заботиться о самой щепетильной чистотѣ, дезинфекціи родоваго канала и о хорошемъ сокращеніи матки. Благодаря этимъ мѣрамъ, все задержанное, обыкновенно, скоро выходитъ изъ послѣродовой матки. Съ цѣлью дезинфекціи матки рекомендуются болѣе или менѣе частыя спринцеванія влагалища и смотря по обстоятельствамъ, полости матки. Два слова о спринцеваніяхъ или промываніяхъ послѣродовой матки.

При производствѣ промываній послѣродовой матки, я считаю крайне важнымъ обращать вниманіе на маточный наконечникъ. Необходимо при этомъ употреблять наконечникъ безъ центральнаго отверстія на его концѣ, а только съ нѣсколькими боковыми отверстіями и при томъ вводить его во влагалище родильницы только тогда когда изъ него пойдетъ уже жидкость. Въ этомъ отношеніи имѣются очень хорошіе наконечники Фритчъ-Хегара и Budin'a.

Вы поймете гг. всю важность этой предосторожности, если вспомните, что въ сравнительно большой послѣродовой маткѣ находится много расширенныхъ венозныхъ сосудовъ, еще не крѣпко тромбозированныхъ; поэтому при струѣ выходящей изъ одного центральнаго отверстія наконечника подъ болѣе или менѣе сильнымъ давленіемъ, эти рыхлые тромбы могутъ отторгнуться и въ зіяющія отверстія венъ можетъ войти воздухъ или жидкость со всѣми ихъ печальными послѣдствіями: примѣры такихъ неблагопріятныхъ случайностей описаны въ текущей литературѣ.

Слѣдовательно, въ случаѣ задержанія остатковъ плоднаго яйца назначаются промыванія послѣродовой матки; такія промыванія дѣлаются, смотря по обстоятельствамъ физіологическимъ растворомъ поваренной соли, стерилизованной водой или растворомъ какого либо дезинфецирующаго средства. При выборѣ дезинфецирующихъ средствъ для спринцеванія пуэрперальной матки, я желалъ-бы только предостеречь Васъ отъ употребленія, даже очень слабыхъ, растворовъ сулемы. Въ пуэрперальной маткѣ существуетъ какъ-бы какая-то особенная впечатлительность къ этому средству, вслѣдствіе чего можетъ появиться меркуріальная интоксикація.

Что касается до t. жидкости, употребляемой для маточныхъ спринцеваній при данныхъ условіяхъ, то здѣсь слѣдуетъ употреблять непремѣнно горячія спринцеванія — 37—38° R. Такого рода промыванія, кромѣ дезинфецирующаго средства, еще служатъ термическимъ агентомъ относительно мускулатуры матки, заставляя ее сокращаться.

Содѣйствуя лучшему сокращенію матки, рекомендуется назначать secale cornutum, cornutin, ледъ на низъ живота и наружный массажъ матки, производимый черезъ брюшные покровы. Если въ дальнѣйшемъ теченіи послѣродоваго періода присоединяется запахъ выдѣленій изъ родовыхъ путей женщины, то къ спринцеваніямъ матки можно присоединить еще введеніе въ полость матки іодоформной, или какъ мы въ послѣдніе годы употребляемъ ксероформной марли, служащей въ данномъ случаѣ дренажемъ для маточной полости. Введеніе марли здѣсь производится по тому-же типу, какъ Вы не разъ уже видѣли у насъ при лѣченіи запущенныхъ, затянувшихся выкидышей.

Иногда встрѣчаются такіе субъекты, у которыхъ по какимъ либо соображеніямъ нельзя примѣнить ни выполаскиваніе матки, ни дренированіе ея помощью марли; въ такихъ случаяхъ рекомендуется употреблять такъ называемое постоянное влагалищное орошеніе при помощи аппарата докт. Морозова. Аппаратъ этотъ состоитъ изъ довольно объемистаго стекляннаго съ дырчатыми стѣнками наконечника цилиндрической формы. Одинъ внутренній конецъ этого цилиндра совершенно открытъ, а другой — запаянъ; но въ послѣднемъ находятся 2 малокалиберныхъ полыхъ отростка для проводящей и отводящей трубки. Благодаря особымъ приспособленіямъ, аппаратъ этотъ дѣйствуетъ по образу

сифона, высасывающимъ образомъ, слѣдовательно, такъ сказать, высасываетъ задержанныя въ полости матки частицы. Довольно объемистый, твердый стеклянный цилиндръ, находясь болѣе или менѣе долго во влагалищѣ, очень роздражаетъ больныхъ, поэтому встрѣчаются больныя, которыя рѣшительно не переносятъ этого аппарата. Но это бѣда не велика. Постоянное влагалищное орошеніе можетъ быть успѣшно замѣнено употребленіемъ частыхъ влагалищныхъ спринцеваній. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что соединеніе съ маткою не отдѣлившихся во время родовъ частицъ послѣда очень скоро почти уничтожается и они легко выходятъ изъ матки не причиняя никакихъ вредныхъ послѣдствій.

Чтобы покончить съ интересующимъ насъ въ данный моментъ вопросомъ, слѣдуетъ упомянуть какъ нужно поступать въ тѣхъ случаяхъ когда во 1-хъ во время послѣдоваго періода появляется угрожающее кровотеченіе, непосродственно за рожденіемъ плода и во 2-хъ, когда при завѣдомо оставшейся большей или меньшей части пляценты въ связи съ маткою, появляется впослѣдствіи значительное кровотеченіе. Что касается до первой случайности я объ этомъ уже говорилъ, а въ случаѣ вторичныхъ кровотеченій, если всѣ наши предварительныя мѣропріятія оказались безуспѣшными, тогда волей — неволей приходится перейти къ болѣе активному вмѣшательству.

Въ такихъ случаяхъ, говоря коротко, въ данную минуту, приходится немедленно приступить къ опорожненію матки посредствомъ выскабливанія.

Послѣ извѣстныхъ приготовленій влагалище основательно дезинфецируется, больная помѣщается на обыкновенное гинекологическое кресло, влагалищная порція матки обнажается желобоватыми зеркалами и берется на крѣпкое мюзе. Затѣмъ если цервикальный каналъ достаточно проходимъ, то прямо вводятъ кюретку, если нѣтъ — предварительно расширяютъ его помощью фритчевскихъ или хегаровскихъ расширителей. Вслѣдствіе особой податливости, рыхлости ткани пуэрперальной матки удобнѣе употреблять тупую кюретку и этой послѣдней дѣйствовать съ большою осторожностью, тѣмъ болѣе, что при подобныхъ обстоятельствахъ куски пляценты отдѣляются легко; иначе въ этихъ случаяхъ возможно пораненіе самой матки со всѣми могущими возникнуть неблагопріятными послѣдствіями.

По окончаніи выскабливанія полость матки промывается 1 % растворомъ лизола t. 37—38° R.; затѣмъ въ полость матки я ввожу tinct. jodi per se — или при помощи туго навернутой ваты на плейферовскій зондъ, или при помощи маточнаго шприца Брауна [1]). Шприцъ набирается полный и затѣмъ жидкость медленно впрыскивается въ матку; если только обратный стокъ изъ матки обезпеченъ, такое впрыскиваніе кромѣ хорошаго ничего не принесетъ больной. Очень часто можно убѣдиться, какъ вслѣдъ за впрыскиваніемъ настойки іода въ полость матки наступаетъ очень энергичное сокращеніе послѣдней. Такое дѣйствіе впрыскиваній особенно убѣдительнымъ является въ томъ случаѣ если внутриматочныя іодистыя впрыскиванія производятся послѣ выскабливанія матки по поводу выкидышей. На такое благопріятное дѣйствіе внутриматочныхъ впрыскиваній іода указываетъ, между прочимъ, проф. Феноменовъ.

Я считаю показаннымъ употреблять для впрыскиваній въ послѣродовую матку исключительно t. iodi и никоимъ образомъ для этой цѣли и при подобныхъ обстоятельствахъ не могу посовѣтовать liq. ferri sesquichlorati, вслѣдствіе тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя влечетъ за собою примѣненіе послѣдняго средства. И такъ впрыснувъ въ полость матки t. jodi, не вынимая шприцъ изъ матки, я также медленно вытягиваю поршень шприца и такимъ образомъ удается нерѣдко высосать излишекъ t. jodi изъ полости матки; доведя поршень до верхняго конца цилиндра, я послѣ этого маневра удаляю и самый шприцъ.

Затѣмъ, удаливши шприцъ и очистивши тщательно влагалище и маточную шейку, вводится въ маточную полость небольшая узкая (1—2 вершка ширины) полоса стерилизованной марли, смоченной въ ксероформной эмульсіи. Я настаиваю на томъ, чтобы марлевая полоса не тампонировала туго матку, а только, такъ сказать, разстилалась по стѣнкамъ матокной полости.

Въ свое время я имѣлъ случай высказать мои соображенія по этому поводу почему я поступаю такъ, а не иначе; теперь я замѣчу только, что при указанномъ способѣ пре-

---

1) Впрыскиваніе tinct. jodi въ послѣродовую матку, при данныхъ условіяхъ, я употребляю уже болѣе 12 лѣтъ и только болѣе и болѣе убѣждаюсь въ его благотворномъ вліяніи.

слѣдуются 2 цѣли — марля, какъ инородное тѣло, раздражая матку побуждаетъ послѣднюю къ болѣе энергичному сокращенію, а затѣмъ таже марля служитъ дренажомъ и выводитъ изъ матки все подлежащее удаленію. Введя въ полость матки марлевую полосу, нижній конецъ послѣдней, сантиметровъ на 8—10, оставляютъ свѣсившимся изъ матки во влагалище; затѣмъ во влагалище вкладывается туго тампонъ изъ той-же стерилизованной марли, верхній конецъ которой также смачивается немного въ ксероформной эмульсіи.

Этимъ заканчивается операція искусственнаго отдѣленія остатковъ послѣда; оперированная убирается, укладывается въ постель, послѣ чего обыкновенно матка хорошо сокращается, кровотеченіе прекращается. Если-же при дальнѣйшемъ наблюденіи оперированной окажется, что несмотря на удаленіе остатковъ яйца изъ матки, маточное кровотеченіе все-таки продолжается, то оно лѣчится по общимъ правиламъ.

Мочевые свищи.

Гг.

Пользуясь случайной наличностью аналогичнаго матеріала, которымъ мы располагаемъ въ данное время, я намѣренъ занять Ваше вниманіе клиническимъ разборомъ трехъ больныхъ.

Всѣ эти больныя явились къ намъ въ послѣднее время съ одними и тѣми жалобами, ожидая отъ насъ устраненія однихъ и тѣхъ же болѣзненныхъ симптомовъ, которые являются вполнѣ аналогичными при поверхностномъ знакомствѣ съ нашими больными. Но при дальнѣйшемъ, детальномъ изслѣдованіи данныхъ больныхъ мы съ Вами убѣдимся какую громадную разницу они представляютъ между собою, хотя-бы только по вопросу относительно излѣчимости тѣхъ болѣзней, которыми они страдаютъ.

Прежде всего выслушаемъ исторіи болѣзни всѣхъ этихъ больныхъ.

I. Fistula vesico-vagino-cervicalis.

Б. Г. 30 лѣтъ отъ роду, крестьянка, латышка, по занятію скотница.

Больная родилась и живетъ постоянно въ деревнѣ Лифляндской губ.; она происходитъ отъ здоровыхъ родителей и вообще изъ разсказа ея не выясняется ничего о какихъ либо особенныхъ, наслѣдственныхъ болѣзняхъ. Она въ дѣтствѣ не болѣла никакими серьезными болѣзнями, свойственными этому возрасту.

Первыя менструаціи появились на 18 году и съ самого своего появленія стали приходить по извѣстному,

опредѣленному типу: черезъ три недѣли, по 3 дня, скудно и иногда съ болью. Такой характеръ менструаціи сохранили и въ послѣдующее время. Послѣднія регулы у нея были еще до беременности. Половая жизнь у больной началась съ 20 года ея жизни.

Г. была 6 разъ беременна, беременности протекали нормально и оканчивались срочными родами, изъ которыхъ первые роды произошли на 22 году жизни больной, а послѣдніе $4^1/_2$ мѣсяца тому назадъ. Всѣхъ дѣтей выкормила грудью сама. О теченіи родовъ больная говоритъ такъ: всѣ роды и послѣродовые періоды за исключеніемъ послѣднихъ совершались нормально; что же касается до послѣднихъ родовъ, то они были очень тяжелые, продолжались слишкомъ двое сутокъ, такъ что на 3-й день принуждены были обратиться къ врачу, который и окончилъ роды труднымъ наложеніемъ щипцовъ; положеніе плода, по словамъ больной, было лицевое. Плодъ, извлеченный при этомъ родился хотя и живымъ, но сейчасъ-же послѣ своего рожденія умеръ.

Г. считаетъ себя больною болѣе $3^1/_2$ мѣсяцевъ, но до своего поступленія въ клинику нигдѣ не лѣчилась.

Жалобы больной заключаются въ слѣдующемъ: она жалуется на недержаніе мочи; моча, по заявленію ея, выдѣляется изъ половой щели хотя небольшими количествами, но постоянно, и, къ тому-же не черезъ нормальные мочевые пути, такъ что окружность половой щели и внутренняя поверхность бедеръ у больной постоянно увлажнены; кромѣ того больную безпокоитъ зудящая мелкая сыпь вокругъ половой щели, равно и на бедрахъ, и, очень непріятный, мочевой запахъ, распространяющійся отъ нея.

Недержаніе мочи у больной появилось послѣ послѣднихъ родовъ, но не непосредственно по окончаніи ихъ, а только спустя 3 недѣли послѣ того, какъ она родила; при этомъ недержаніе мочи въ такой степени, какъ оно замѣчается теперь, у больной сдѣлалось не вдругъ, а постепенно, появившись по началу въ очень незначительной степени, такъ что больная сначала приписывала это явленіе какому нибудь случайному обстоятельству. Однако, съ теченіемъ времени, довольно скоро, недержаніе мочи увеличивалось все болѣе и болѣе въ своей силѣ, достигло наконецъ такой степени, какъ существуетъ въ настоящее время.

Объективное изслѣдованіе. Больная средняго роста и

тѣлосложенія, подкожно-жирный слой развитъ удовлетворительно, общіе покровы и видимыя слизистыя оболочки представляются блѣдноватыми. Т. тѣла 36,7.

Органы пищеваренія, дыханія и кровообращенія въ предѣлахъ нормы.

Нервная система: хотя сама больная ни на что въ области нервной системы не жалуется, но выраженіе лица ея подавленное, больная представляется слишкомъ удрученною своимъ болѣзненнымъ состояніемъ, на глазахъ у нея показываются слезы, она готова на все, все перенесетъ, лишь-бы избавиться отъ своего тяжелаго положенія, которое дѣлаетъ ее невыносимою не только для другихъ, но даже для себя самой.

Мочеполовые органы. Половая щель никакихъ уклоненій отъ типа построенія таковой у многорожавшей женщины не представляетъ, промежность цѣла; но общіе покровы окружности половой щели, промежности и внутренней поверхности бедеръ значительно гиперемированы, покрыты мокнущей экзематозной сыпью, по мѣстамъ образовались струпья и слѣды отъ расчесовъ. Осторожное прикосновеніе къ этой области, необходимое при объективномъ изслѣдованіи, крайне болѣзненно для больной, что замѣтно только по выраженію ея лица, такъ какъ она не заявляетъ никакого протеста и терпѣливо переноситъ все, надѣясь получить облегченіе въ ея очень тяжеломъ состояніи.

Продолжая изслѣдованіе далѣе, пальцемъ введеннымъ во влагалищѣ, обнаруживается болѣе обильное увлажненіе влагалища, на всей передней стѣнкѣ послѣдняго, начиная отъ входа влагалища и вплоть до передняго свода нигдѣ не осязается нарушенія цѣлости передней влагалищной стѣнки.

Затѣмъ обслѣдуя далѣе передній влагалищный сводъ въ области его ближе лежащей къ маточной шейкѣ, замѣчается какая то особенная складчатость свода; складки эти кажутся болѣе твердыми по сравненію съ тканями остальной части влагалища. Нѣкоторыя изъ этихъ складокъ непосредственно переходятъ въ довольно большія углубленія на передней маточной губѣ, происшедшія отъ разрывовъ, пріобрѣтенныхъ во время бывшихъ родовъ.

Задній влагалищный сводъ, а равно и соотвѣтствующая влагалищная стѣнка не представляютъ ничего особеннаго; на задней маточной губѣ находится также нѣсколько разрывовъ.

При комбинированномъ брюшно-влагающномъ изслѣдованіи найдено слѣдующее: матка нормальной величины и плотности находится въ положеніи значительной антефлексіи, подвижность матки ограничена по направленію кзади и въ боковыя стороны. Матка in toto фиксирована къ переднему своду; при двуручномъ изслѣдованіи передняго свода, въ мѣстѣ гдѣ обнаружена особенная складчатость послѣдняго, переходящая въ переднюю маточную губу прощупывается довольно плотное утолщеніе ткани. Боковые своды свободны, маточные придатки необнаруживаются изслѣдованіемъ.

Изслѣдованіе влагалища помощью ложкообразныхъ зеркалъ обнаружило: влагалищныя стѣнки гиперемированы и покрыты многочисленными ссадинами, влагалище увлажнено жидкостью съ специфическимъ амміачнымъ запахомъ. Передній влагалищный сводъ уплощенъ, складчатъ, при чемъ нѣкоторыя изъ складокъ представляются бѣлесоватаго цвѣта и входятъ въ довольно глубокіе разрывы передней губы маточной шейки. Углубленія этихъ складокъ, равнымъ образомъ и наружное отверстіе цервикальнаго канала болѣе всего представляются увлажненными; но опредѣлить точно изъ какого именно мѣста выдѣляется мочевая жидкость однимъ поверхностнымъ осмотромъ неудается.

Задній влагалищный сводъ и — стѣнка ничего особеннаго при осмотрѣ не обнаруживаютъ.

Въ виду значительной болѣзненности дальнѣйшее болѣе детальное изслѣдованіе больной отложено на 2—3 дня, а пока назначено ей, насколько возможно, опрятное содержаніе и лѣченіе распространенной экцемы.

Кромѣ того, при катетеризаціи мочеваго пузыря черезъ уретру выяснилось, что не все количество мочи, скопляющейся въ мочевомъ пузырѣ, сейчасъ-же изливается черезъ ненормальное сообщеніе мочеваго пузыря съ влагалищемъ, а часть ея задерживается въ послѣднемъ; поэтому съ цѣлью выясненія свойствъ мочи, возможное количество послѣдней предположено собрать при катетеризированіи и затѣмъ подвергнуть мочу химико-микроскопическому анализу.

Г. была оставлена въ покоѣ на 3 сутокъ, въ теченіе которыхъ соотвѣтствующій режимъ и — лѣченіе экцемы привело къ тому, что кожные покровы, окружающіе входъ влагалища и стѣнки самого влагалища приняли на столько

сносный видъ, что явилось возможнымъ произвести болѣе подробное изслѣдованіе урогенитальной системы.

Въ то же время было произведено химико-микроскопическое изслѣдованіе мочи, на основаніи котораго выведено, что у больной имѣется еще катарръ мочеваго пузыря; что касается до состоянія почекъ и другихъ мочевыдѣлительныхъ путей, то послѣдніе, на сколко позволительно судить по изслѣдованію мочи, — нормальны.

Затѣмъ было приступлено къ детальному изслѣдованію мочеполовыхъ органовъ, вѣрнѣе, мочеваго свища; это изслѣдованіе пришлось произвести повторно — 2 раза. Нѣкоторые изъ Васъ, гг., присутсвовали при этихъ изслѣдованіяхъ и они могли убѣдиться на дѣлѣ — на сколько затруднительно было производство изслѣдованій.

Изслѣдованіе одной задней ложкой Симоновскаго зеркала снова показало, что передняя влагалищная стѣнка цѣла на всемъ своемъ протяженіи вплоть до соотвѣтствующаго свода. По введеніи еще другой передней ложки зеркала, влагалище на сколько возможно было расширено и тогда оказалось слѣдующее:

Передній сводъ покрытъ многочисленными рубцами въ видѣ складокъ, входящихъ непосредственно въ существо передней маточной губы, которая несетъ на себѣ многочисленные довольно глубокіе рубцы отъ бывшихъ разрывовъ, происшедшихъ вслѣдствіе прежнихъ родовъ, такъ что передняя маточная губа утратила свойственный ей видъ и представляется въ формѣ какихъ-то обрывковъ ткани. Стягиваніе внизъ какъ свода, такъ и маточной губы при помощи острыхъ крючковъ не удается — они представляются не смѣщаемыми.

Растягиваніе острыми крючками складокъ свода и разрывовъ маточной губы съ одновременнымъ осторожнымъ изслѣдованіемъ углубленій помощью тонкаго зонда не даетъ возможнымъ констатировать ни свищевой ходъ, ни даже наружное отверстіе свища: неоспоримо только одно, что мочевой жидкостью смочены и складки передняго свода, разрывы передней маточной губы и остатокъ наружнаго отверстія цервикальнаго канала.

Приступлено къ вливанію окрашенной жидкости черезъ уретру въ мочевой пузырь при одновременномъ растягиваніи

складокъ свода и разрывовъ маточной шейки; получилось слѣдующее.

Влитая въ мочевой пузырь жидкость вытекаетъ тонкой струей на границѣ мѣста одного изъ разрывовъ маточной губы, лежащаго спереди и слѣва, и соотвѣтствующей складки передняго влагалищнаго свода. Тонкій зондъ, введенный въ это отверстіе, идетъ по внѣшней поверхности передней маточной губы, проникаетъ на 1 сантим. глубины и упирается въ какой-то карманъ. Осторожное обслѣдованіе зондомъ оставшейся не разрушенною отъ разрывовъ передней стѣнки цервикальнаго канала необнаруживаетъ на его протяженіи никакого другого отверстія или кармана.

Слѣдовательно объективныя данныя таковы: несомнѣнно существуетъ ненормальное сообщеніе мочеваго пузыря съ влагалищнымъ сводомъ, при чемъ этотъ мочевой свищъ имѣетъ нѣсколько отличное отъ обыкновенныхъ случаевъ направленіе.

Тщательное изслѣдованіе анатомо-топографическихъ отношеній убѣждаетъ, что стѣнки мочеваго свища образуются съ одной стороны передне-лѣвымъ влагалищнымъ сводомъ, а съ другой — внѣшней поверхностью передней маточной губы; такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ пузырно-влагалищно-цервикальный свищъ — fistula vesico — vagino-cervicalis, какъ выше отмѣчено нѣсколько необычнаго характера: мочевой свищъ открывается не въ самый цервикальный каналъ, а съ внѣшней поверхности остатка передней маточной губы.

II. Fistula urethro-vesico-vaginalis, ruptura perinei inveterata completa.

П. К. 43 лѣтъ отъ роду, крестьянка, занимается домашнимъ хозяйствомъ. Больная родилась и живетъ въ деревнѣ Носъ, Юрьевскаго уѣзда. Она происходитъ отъ здоровыхъ родителей и росла здоровымъ ребенкомъ.

1-я менструація появилась на 14 году и затѣмъ менструаціи продолжали бывать черезъ 4 недѣли по 6 дней слабо и безболѣзненно. Со времени настоящаго заболѣванія, т. е., съ окончанія послѣднихъ родовъ регулы не появлялись.

К. была 7 разъ беременна, при чемъ роды наступали въ срокъ, своевременно. Всѣ роды были очень трудные и продолжались не менѣе 3 сутокъ; послѣдніе роды, длившіеся

болѣе 3 сутокъ, были окончены наложеніемъ щипцовъ. При этомъ больная добавляетъ, что операція была трудная, продолжительная и совершена подъ хлороформнымъ наркозомъ.

Всѣ послѣродовые періоды были ненормальны — родильница болѣла и проводила въ постелѣ около 6 недѣль — послѣ каждыхъ родовъ. Первые роды больная имѣла на 32 году жизни, а послѣдніе 2 мѣсяца тому назадъ. Дѣтей всѣхъ кормила грудью сама за исключеніемъ послѣдняго, который родился мертвымъ.

Больная до поступленія въ акушерско-гинекологическую клинику не лѣчилась.

Больная при поступленіи въ клинику жаловалась на непроизвольное отдѣленіе мочи, что появилось у нея непосредственно послѣ послѣднихъ родовъ: моча стала отдѣляться постоянно и не чрезъ обычные мочевые пути.

Status praesens. Больная роста выше средняго, хорошаго сложенія, съ удовлетворительно развитымъ подкожножирнымъ слоемъ, но съ блѣдными общими покровами и имѣетъ испуганный страдальческій видъ. Въ органахъ пищеваренія, дыханія и кровообращенія ничего особенно ненормальнаго не замѣчается.

Со стороны нервной системы замѣтно подавленное, пугливое и плаксивое состояніе; больная при изслѣдованіи ея половыхъ органовъ, боится прикосновенія къ нимъ и во все время изслѣдованія молитъ только чтобы обращались съ ней осторожнѣе и не испортили-бы ее еще болѣе.

Мочеполовые органы. Большія срамныя губы, кожа вокругъ половой щели и на верхне-внутренней поверхности бедеръ сплошь покрыты экцематозной сыпью съ многочисленными, поверхностными экскоріаціями.

Половая щель зіяетъ вслѣдствіе большаго стараго разрыва промежности, который достигаетъ до anus'a и распространяется на существо самаго sphincterani. Изъ половой щели постоянно показывается моча съ рѣзкимъ аміачнымъ запахомъ. Стѣнки влагалища отчасти гиперемированы и покрыты распространенными ссадинами. Мѣстами влагалищныя стѣнки представляются рыхлыми, уступчивыми при надавливаніи; но по большей части стѣнки эти усѣяны твердыми, какъ-бы хрящевыми перекладинами, неправильно расположенными; вслѣдствіе этого происходитъ съуженіе просвѣта влагалища. Но особенно плотно расположены эти твердыя пе-

рекладины на мѣстѣ влагалищныхъ сводовъ, такъ что извѣстное расположеніе этихъ перекладинъ образуетъ какъ-бы другой, добавочный сводъ подъ нормальными влагалищными сводами.

Идя отъ наружнаго отверстія мочеиспускательнаго канала по передней влагалищной стѣнкѣ, по направленію къ маточной шейкѣ, на разстояніи около одного сантиметра отъ наружнаго отверстія уретры, изслѣдующій палецъ попадаетъ въ другое отверстіе, ведущее въ неглубокій желобокъ; затѣмъ продолжая изслѣдованіе направленія этого желобка, очень скоро можно убѣдиться, что желобъ простирается еще въ длину, приблизительно, на $2^1/_2$ сантим.; за симъ онъ оканчивается валикомъ, пройдя который палецъ изслѣдующаго какъ-бы проваливается въ, сравнительно, большое углубленіе съ мягкими, бархатистыми увлажненными стѣнками.

Углубленіе это открыто съ одной своей стороны именно, со стороны передней стѣнки влагалища большимъ, неправильно овоидной формы отверстіемъ, которое въ свою очередь обрамлено мѣстами болѣе острыми, мѣстами болѣе тупыми, округленными, твердыми, хрящеподобными краями.

Недостающая часть передней стѣнки влагалища занимаетъ довольно значительную площадь, такъ что описанное выше не нормальное отверстіе въ самомъ длинномъ своемъ размѣрѣ = $4^1/_2$ сантим., а въ наибольшемъ поперечномъ = болѣе 3 сантим.

Продолжая изслѣдованіе далѣе за мѣстомъ, гдѣ оканчивается верхній край отверстія и гдѣ начинаются упомянутыя выше, тѣсно сплоченныя перекладины, наблюдается слѣдующее.

Изслѣдующій палецъ не имѣетъ никакой возможности проникнуть черезъ этотъ искусственно-образованный сводъ къ вышележащимъ частямъ — маточной шейкѣ и влагалищнымъ сводамъ. Не говоря уже о томъ, чтобы найти какое-либо отверстіе, ведущее къ вышележащимъ частямъ, но даже не представлялось возможнымъ прощупать ихъ черезъ образовавшуюся искусственно перегородку — настолько послѣдняя представлялась утолщенною и неуступчивою.

Хотя моча совершенно не задерживалась въ мочевомъ пузырѣ, а опорожнялась черезъ свищевое отверстіе, но тѣмъ не менѣе часть мочи была собрана и произведено химико-микроскопическое изслѣдованіе. Оказалось, что въ мочѣ со-

держатся слѣды бѣлка, ничего не говорящіе при данныхъ условіяхъ, но почечныхъ цилиндровъ не найдено.

Изслѣдованіе матки и другихъ частей полового прибора, произведенное per rectum и комбинированнымъ, обыкновеннымъ брюшно-влагалищнымъ изслѣдованіемъ — также не привело къ болѣе удовлетворительнымъ результатамъ: при всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ рѣшительно не было никакой возможности прощупать матку, не говоря уже о болѣе детальномъ опредѣленіи положенія, величины и формы этого органа.

Объ изслѣдованіи маточныхъ придатковъ и говорить нечего.

И такъ на основаніи подробнаго объективнаго изслѣдованія, ставится очень легко у нашей больной точный діагнозъ: fistula urethro-vesico-vaginalis et ruptura perinei inveterata completa.

III. Fistula urethro-vaginalis.

С. С. 34 лѣтъ отъ роду, жена служащаго, занимается домашнимъ хозяйствомъ, родилась въ деревнѣ около Двинска, живетъ въ г. Валкѣ. О своихъ родителяхъ больная ничего не можетъ сказать, относительно дѣтства она сообщаетъ, что въ то время она перенесла корь и нѣсколько разъ болѣла какими-то простудными болѣзнями.

Первыя регулы у больной появились на 17 году и скоро установились правильно, появляясь черезъ 4 недѣли по 3—4 дня, то обильно, то нѣтъ, но всегда безболѣзненно. Такой типъ менструаціи сохраняютъ у больной и до послѣдняго времени. Больная начала жить половой жизнью съ 26-лѣтняго возраста, она имѣла 4 беременности, изъ которыхъ 3 окончились срочными родами, а одна, именно, 2-я беременность прекратилась самостоятельно 2 недѣлями ранѣе срока, вѣроятно вслѣдствіе воспаленія легкихъ, которое случилось у больной въ то время.

Первые роды произошли на 27 году, а послѣдніе 2 года тому назадъ. Больная сама выкормила грудью всѣхъ дѣтей, которые живы по настоящее время. Относительно теченія родовъ слѣдуетъ замѣтить, что первые были окончены наложеніемъ щипцовъ, а четвертые, судя по разсказу больной, окончены извлеченіемъ плода за тазовой конецъ. Считаетъ себя больною 3 года.

Въ 1897 г. у нея было діагносцировано — endometritis и salpingo-oophoritis duplex, по поводу чего 12/III 97, больной было произведено abrasio mucosae uteri. Послѣ этой операціи больная чувствовала себя удовлетворительно.

Затѣмъ въ 1898 г. было діагносцировано врачемъ — cystitis, tumor cysticum на передней стѣнкѣ влагалища, подъ уретрой et erosiones cervicis uteri. 16 іюня того-же года было сдѣлано — abrasio cervicis и удаленіе гнойной кисты, имѣвшей сообшеніе съ уретрой. Ненормальное отверстіе мочеиспускательнаго канала было зашито, и, какъ сообщаетъ больная, черезъ нѣсколько дней когда были удалены швы, тогда она замѣтила, что моча у нея идетъ не черезъ нормальное отверстіе мочеиспускательнаго канала, а гдѣ-то выше послѣдняго.

С. сначала не придавала особеннаго значенія выхожденію мочи не черезъ наружное отверстіе уретры, надѣясь что это со временемъ пройдетъ; но такъ какъ въ теченіе довольно продолжительнаго періода времени замѣченное явленіе оставалось in statu quo, хотя и не причиняло никакихъ особыхъ разстройствъ больной, но эта ненормальность все-таки заставила больную обратиться въ нашу клинику, гдѣ она оставлена какъ стаціонарная больная. Больная жалуется на общее недомоганіе, боли внизу живота съ отдачей въ обѣ ноги, на недержаніе мочи, что появилось послѣ произведенной ей операціи, — нервность, частыя сердцебіенія, общую раздражительность и запоры; больная кромѣ того добавила, что она не имѣетъ coitus болѣе 2 лѣтъ.

Status praesens: больная росту выше средняго, хорошо сложена, но блѣдна, худа, подкожно-жирный слой плохо развитъ. Наполненіе артеріи ниже средняго, пульсъ между 70—80 ударами въ минуту, t. 36,5°. Въ органахъ пищеваренія объективно никакихъ уклоненій отъ нормы не обнаруживается, а равно и въ органахъ кровообращенія, кромѣ отмѣченнаго выше.

Органы дыханія: въ нижней долѣ праваго легкаго слышны непостоянно мелкопузырчатые хрипы.

Въ области нервной системы при объективномъ изслѣдованіи никакихъ аномалій не отмѣчается.

Половая сфера: retroversio uteri, rupturae colli uteri mutipl., endocervitis et colpitis chron. idemque perimetritis adhaesiva chronica.

Мочевые органы: моча нормальна и при изслѣдованіи никакихъ ненормальныхъ составныхъ частей не содержитъ. При изслѣдованіи передней стѣнки влагалища по направленію мочеиспускательнаго канала и оттуда на 3—3½ сантиметра отъ наружнаго отверстія уретры ощущается небольшое углубленіе окруженное рубцовой тканью въ складчатой влагалищной стѣнкѣ, изъ котораго, по заявленію больной, и течетъ непроизвольно моча, причемъ мочеваго запаха при изслѣдованіи больной не замѣтно. Послѣдовательное изслѣдованіе влагалища помощью нижней ложки Симсовскаго зеркала подтвердило существованіе углубленія на передней влагалищной стѣнкѣ, но истеченія мочи изъ этого углубленія не обнаруживается.

Окрашенная жидкость, впрыснутая въ мочевой пузырь задерживается въ послѣднемъ и не истекаетъ изъ него ни черезъ замѣченное на передней стѣнкѣ влагалища углубленіе и не черезъ какое другое ненормальное отверстіе. Маточный зондъ, осторожно введенный черезъ наружное отверстіе уретры, на нижней сторонѣ послѣдней встрѣчаетъ какую-то ямку приблизительно 2 mm. въ діаметрѣ и соотвѣтствующую наружному влагалищному углубленію и легко выходитъ черезъ это послѣднее во влагалище.

Послѣдующее химико-микроскопическое изслѣдованіе мочи показало вполнѣ нормальный составъ послѣдней.

Слѣдовательно распознаваніе устанавливается очень легко — все дѣло выясняетъ зондъ, проходящій свободно изъ уретры черезъ ненормальное отверстіе во влагалище, коротко, больная страдаетъ со стороны мочевыхъ путей — уретро-влагалищнымъ свищемъ.

И такъ разсмотримъ поочередно только что выслушанныя исторіи болѣзни 3 извѣстныхъ намъ больныхъ.

Изъ первой исторіи болѣзни мы узнаемъ, что у молодой, 30-лѣтней, относительно здоровой женщины было 5 нормальныхъ беременностей, которыя оканчивались срочными, также нормальными родами и послѣродовыми періодами. Происходитъ 6 беременность, которая въ своемъ теченіи также не проявляетъ никакихъ уклоненій отъ нормы, наступаютъ своевременно роды; послѣдніе тянутся долго, болѣе двухъ сутокъ, для окончанія ихъ приглашается врачъ, который констати-

руетъ лицевое положеніе плода и находитъ нужнымъ окончить роды наложеніемъ щипцовъ. Изъ обстоятельнаго разсказа хотя не интеллегентной, но смышленной больной мы узнаемъ, что операція наложенія щипцовъ была трудная. Мы и должны повѣрить на этотъ разъ правдивому разсказу больной, принимая во вниманіе тѣ условія и то положеніе плода, при которыхъ приходилось производить операцію въ данномъ случаѣ. Сверхъ того, изъ разсказа больной видно, что послѣднія регулы у нея были еще до шестой беременности; это обстоятельство нельзя не отмѣтить. Дѣло въ томъ, что женщины, страдающія мочевыми свищами часто страдаютъ разстройствами менструацій; послѣднія, то совсѣмъ прекращаются во все время существованія свища, то онѣ появляются неправильно, въ уменьшенномъ количествѣ и т. д. Но встрѣчаются и такіе случаи, когда не смотря на присутствіе свища, больная все-таки продолжаетъ менструировать довольно правильно.

Въ какой взаимной связи находятся эти два явленія — пока мы не имѣемъ обоснованнаго разъясненія. Далѣе, несмотря на такое разстройство мочеполоваго прибора — больная негарантирована отъ возможности забеременѣть, слѣдовательно овуляція не нарушается.

Какъ бы то ни было въ результатѣ послѣ послѣднихъ родовъ у родильницы появилось недержаніе мочи. Чѣмъ-же обусловливается это недержаніе мочи и вслѣдствіе какихъ причинъ оно произошло? Извѣстно, что такое состояніе можетъ явиться послѣдствіемъ только двухъ причинъ, — или на лицо функціональное разстройство, при которомъ запирательная мышца шейки мочеваго пузыря не въ состояніи задерживать мочу, скопляющуюся въ полости послѣдняго, или существуетъ ненормальное сообщеніе между мочевымъ пузыремъ и родовыми путями на протяженіи везико-утеровагинальной перегородки.

Что сфинктеръ мочеваго пузыря функціонируетъ нормально за это говоритъ уже одно то обстоятельство, что черезъ уретру не вытекаетъ моча непроизвольно, постоянно, а она выводится только при помощи катетера. Остается слѣдовательно второе предположеніе, что моча опорожняется изъ мочеваго пузыря благодаря ненормально образовавшемуся отверстію. Это послѣднее предположеніе становится въ высшей степени вѣроятнымъ уже a priori при осматри-

ваніи передняго влагалищнаго свода, передней маточной губы и вообще маточной шейки.

Просачиваніе прозрачной, мочевой жидкости между складокъ, образовавшихся въ переднемъ влагалищномъ сводѣ, изъ разрывовъ маточной шейки, наконецъ изъ наружнаго отверстія цервикальнаго канала уже въ достаточной степени говоритъ о приблизительномъ мѣстѣ ненормально образовавшагося сообщенія, коротко, мочепузырнаго свища. Само собою понятно, что такія приблизительныя свѣдѣнія топографіи свища далеко недостаточны въ діагностическомъ отношеніи вообще и въ особенности въ смыслѣ врачебнаго пособія.

Самое точное изученіе анатомо-топографическихъ отношеній въ случаяхъ мочевыхъ свищей крайне важно, можетъ быть, оно здѣсь болѣе важно, чѣмъ гдѣ либо при другихъ пластическихъ операціяхъ: но при этомъ нельзя и не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мочевыхъ свищей — таковое изученіе является и наиболѣе труднымъ.

Прежде всего слѣдуетъ озаботиться о возможномъ уменьшеніи экцематознаго раздраженія общихъ покрововъ въ районѣ rimam pudendorum, а также успокоить раздраженіе стѣнокъ влагалища. Для этой цѣли служитъ — болѣе опрятное содержаніе больной, назначеніе ежедневныхъ теплыхъ полуваннъ и примѣненіе различныхъ успокаивающевяжущихъ мазей, содѣйствующихъ излѣченію болѣзненноизмѣненной кожи. Затѣмъ приступается къ наибольшему обнаженію района свища помощью ложкообразныхъ зеркалъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаженію свища оказываютъ большое противодѣйствіе прочные и обширные рубцы, образовавшіеся по протяженію влагалища, тогда приходится предварительно тратить очень много времени на устраненіе этихъ препятствій.

Для устраненія рубцовъ, вѣрнѣе рубцовыхъ съуженій влагалища, у насъ подъ руками имѣется нѣсколько способовъ: тѣ-же теплыя ванны, спринцеванія содѣйствуютъ размягченію рубцовой ткани. Кромѣ того съ цѣлью уничтоженія рубцовъ предлагается электротерапія и именно гальванизація, помѣщая отрицательный полюсъ во влагалище на мѣсто нахожденія рубцовой ткани, а положительный снаружи. Затѣмъ періодически производимыя насѣчки рубцовыхъ съуженій съ послѣдовательнымъ введеніемъ твердыхъ расширителей — даютъ

возможность устранять препятствія, которыя представляютъ собою различныя рубцовыя съуженія при наличности мочевыхъ фистулъ. Относительно производства самыхъ насѣчекъ нужно замѣтить, что предложившіе ихъ — Bozemann и Bandl рекомендовали дѣлать различно, или крестообразно по протяженію съуженія, или прямо дѣлая единичныя насѣчки по протяженію съуженій и перпендикулярно къ продольной оси рубца.

Разсуждая примѣнительно къ нашей больной, мы должны считать себя въ болѣе лучшихъ условіяхъ, такъ какъ у нея рубцы находятся только въ мѣстѣ образованія свища, тогда какъ остальные болѣе нижніе отдѣлы влагалища совершенно свободны отъ рубцовъ и слѣдовательно не представляютъ препятствія къ достиженію области свищеваго отверстія.

Первое изслѣдованіе данной больной, мы уже знаемъ не привело къ особо точнымъ результатамъ, выяснилось только одно, что свищевое отверстіе находится въ переднемъ влагалищномъ сводѣ — или гдѣ либо въ складчатыхъ рубцахъ этого свода, или въ области какого нибудь изъ разрывовъ, находящихся на передней маточной губѣ.

Болѣе точному опредѣленію анатомо-топографическихъ отношеній свищеваго отверстія и свищеваго хода мѣшала повышенная чувствительность болѣзненно-измѣненныхъ вслѣдствіе постоянной мацераціи тканей.

Вслѣдствіе этого пришлось отложить болѣе детальное изслѣдованіе на нѣсколько дней, которые употреблены на приведеніе данной области въ болѣе нормальное состояніе.

Затѣмъ мы знаемъ, что повторное, двукратное изслѣдованіе дало возможность болѣе или менѣе точно изучить территорію и наиравленіе свища, при чемъ установлено, что больная страдаетъ пузырно-влагалищно-цервикальнымъ свищемъ.

Какъ не трудно было выясненіе настоящаго положенія дѣла у нашей больной, но нужно замѣтить, что это далеко еще не изъ труднѣйшихъ случаевъ въ діагностическомъ отношеніи.

Вообще имѣя дѣло съ мочевыми свищами слѣдуетъ твердо помнить, что нужно запастись большимъ терпѣніемъ. При этихъ обстоятельствахъ не составляетъ особенной рѣдкости, что прежде чѣмъ удасться точно констатировать мѣстоположеніе свища — придется повторно, можетъ быть, много разъ

и продолжительно изслѣдовать больную; но во всякомъ случаѣ въ концѣ концевъ, тщательное изслѣдованіе все-таки увѣнчается успѣхомъ — искомое найдется; по крайней мѣрѣ дѣло стоитъ такъ для огромнаго большинства случаевъ. И у нашей больной пришлось 2 раза произвести повторное изслѣдованіе, прежде чѣмъ мы могли прочно установить фактъ, что у нея имѣется пузырно-цервикальный свищъ нѣсколько особеннаго характера, чѣмъ это обычно наблюдается.

Въ нашемъ случаѣ наружное, ergo, влагалищное отверстіе образовалась такимъ образомъ, что, приблизительно половину его края составляетъ стѣнка свода, тогда какъ другая половина образуется непосредственно наружной стѣнкой маточной шейки; на это указываетъ и непосредственный осмотръ свищевого отверстія и истеченіе отсюда окрашенной жидкости впрыснутой въ мочевой пузырь.

Наконецъ тѣмъ-же повторнымъ изслѣдованіемъ установлена неподвижность матки и несмѣщаемость тканей передняго свода, въ которыхъ залегаетъ свищъ.

Два слова о предсказаніи при пузырно влагалищныхъ и пузырно-цервикальныхъ свищахъ. Разсуждая вообще объ излѣчимости разсматриваемыхъ свищей, слѣдуетъ сказать, что въ подавляющемъ числѣ случаевъ здѣсь можно поставить самое благопріятное предсказаніе. Такое благопріятное положеніе дѣла вполнѣ объясняется той территоріей, въ которой локализируются разсматриваемые нами свищи.

Немного найдется областей въ человѣческомъ организмѣ, гдѣ бы пластическая способность была-бы такъ развита, какъ въ области влагалищныхъ стѣнокъ и вообще вокругъ входа во влагалище. Но при этомъ требуется добавить нѣкоторыя оговорки. Для достиженія хорошихъ результатовъ при зашиваніи фистулъ — фистулорафіи, требуется прежде всего самое тщательное отношеніе къ больной подлежащей операціи. Въ этомъ отношеніи, конечно, имѣетъ значеніе и общее состояніе организма, но особенно играетъ большую роль состояніе почекъ больной.

Полость мочеваго пузыря при нормальныхъ условіяхъ вполнѣ замкнутая — при образованіи фистулы дѣлается открытою и естественно становится доступною всѣмъ неблагопріятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Влагалищныя стѣнки, подвергаются при этомъ постоянному орошенію разлагающеюся мочею и являются хорошею почвою для размноженія различ-

ныхъ микроорганизмовъ, которыя проникаютъ въ мочевой пузырь, вызывая въ послѣднемъ циститъ.

Патологическія измѣненія въ слизистомъ покровѣ мочеваго пузыря не ограничиваясь полостью послѣдняго, но, per continuitatem, распространяются по мочевымъ путямъ далѣе. Патологическій процессъ можетъ распространяться на мочеточники, — почечныя лоханки и даже на самыя почки. Если не обращать вниманія на эти измѣненія, особенно на заболѣваніе почекъ и зашить влагалищно-пузырную или вообще мочевую фистулу, то послѣдствія такихъ воздѣйствій могутъ быть очень неблагопріятныя.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ: мочевой пузырь и вышележащіе мочевые пути, особенно почки, при постоянномъ оттокѣ мочи уже успѣли освоиться съ ослабленіемъ давленія. Если-же при этомъ появятся внезапно условія, повышающія давленіе, что явится непремѣннымъ слѣдствіемъ зашиванія свища, то это въ свою очередь неминуемо и неблагопріятно отразится на патологически измѣненной почкѣ. Эти слѣдствія могутъ быть крайне разнообразны до ануріи со всѣми ея послѣдствіями включительно.

Изъ только что сказаннаго вытекаетъ правило, что у всякой больной страдающей мочевымъ свищемъ обязательно должно производиться самое тщательное химико-микроскопическое изслѣдованіе мочи, не ограничиваясь только пробой на бѣлокъ, къ слову сказать, малодоказательной при мочевыхъ свищахъ, а непремѣнно изслѣдуя мочевые осадки на цилиндры.

И разъ присутствіе цилиндровъ въ мочѣ будетъ доказано, — необходимо прежде чѣмъ приступить къ зашиванію свища, предварительно заняться излѣченіемъ по общимъ правиламъ осложненій со стороны мочевыхъ путей и нефрита въ особенности.

Паралельно съ лѣченіемъ только что перечисленныхъ осложненій мочевыхъ свищей со стороны почекъ, слѣдуетъ заняться и подготовленіемъ фистулы къ зашиванію.

Предварительное подготовленіе области, окружающей свищъ, а также и непосредственно краевъ свищеваго отверстія, состоитъ въ возможно большемъ размягченіи рубцовъ, растяженіи ихъ и т. д.

Какъ достигается такое состояніе я сказалъ нѣсколько выше, посему на этихъ деталяхъ мы останавливаться теперь

не будемъ, а перейдемъ непосредственно къ предсказанію и производству самой операціи; но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я считаю не лишнимъ предварительно сказать 2 слова. Прежде всего нужно имѣть постоянно въ виду и здѣсь, что при операціи зашиванія фистулъ требуется запастись терпѣніемъ болѣе чѣмъ гдѣ либо. Требуется знать, что встрѣчаются случаи подобныхъ операцій надъ мочевыми свищами, гдѣ онѣ сдѣланы вполнѣ lege artis, и, тѣмъ не менѣе не получается желаемаго результата — фистула не заростаетъ. Болѣе того, не составляютъ особенной рѣдкости случаи повторныхъ фистуллорафій, послѣ которыхъ фистулы также повторно не заживаютъ.

Нужно быть готовымъ на такіе результаты послѣ фистуллорафій и смотрѣть на нихъ не какъ на нѣчто неожиданное, а на вполнѣ возможную случайность, зная, что въ конечномъ результатѣ все-таки должно получится закрытіе фистулы. Такой исходъ является правиломъ для громаднѣйшаго числа случаевъ. Понятно и здѣсь допускаются исключенія; какъ на таковыя можно указать на случаи мочевыхъ свищей, когда послѣдніе сопутствуются обширной потерей тканей, составляющихъ пузырновлагалищную перегородку, — присутсвіемъ многочисленныхъ или обширныхъ рубцовъ и невозможностью трансплантировать ткани изъ сосѣднихъ близко лежащихъ областей. Такіе случаи, по счастью, встрѣчаются рѣдко. Къ этой-же категоріи отчасти можно причислить и тѣ случаи свищей, когда не смотря на хорошее сшиваніе послѣднихъ — ихъ вскорѣ послѣ операціи приходится расшивать вслѣдствіе появившейся внезапно ануріи со всѣми тяжелыми явленіями, сопровождающими это послѣднее состояніе.

Но, повторяю, для большинства случаевъ пузырно-влагалищныхъ и пузырно-цервикальныхъ свищей можно ставить предсказаніе вполнѣ благопріятнымъ относительно полнаго выздоровленія. Мнѣ пришлось видѣть случай повторнаго одинадцатикратнаго сшиванія одной и той-же пузырно-влагалищной фистулы, когда послѣ всѣхъ 11 разъ фистула не заростала, но все-таки въ концѣ концовъ, послѣ двѣнадцатаго зашиванія она окончательно закрылась.

Точно также имѣя въ виду и нашу больную, несмотря на высокое положеніе фистулы, неподатливость окружающихъ ее тканей, имѣлась полная возможность высказать самое благопріятное предсказаніе относительно ея заживленія. Вмѣстѣ

съ этимъ мы должны предупреждать больныхъ, что, обѣщая имъ полное выздоровленіе отъ тяжкой болѣзни, мы не гарантируемъ имъ, такого выздоровленія послѣ первой операціи: очень можетъ быть таковую придется произвести повторно, прежде чѣмъ мы не достигнемъ полнаго выздоровленія.

Предупрежденіе такое о возможныхъ случайностяхъ, я лично, считаю крайне необходимымъ: оно важно и для спокойствія самихъ больныхъ, которыя напередъ зная возможность неудачъ послѣ фистуллорафіи, будутъ спокойнѣе переносить свое положеніе въ случаѣ встрѣчи неудачъ. Наконецъ, такимъ предупрежденіемъ больныхъ — сохраняется и престижъ самой операціи въ ихъ глазахъ: они будетъ знать по крайней мѣрѣ, что операція часто не удается съ перваго раза, но все-таки для нихъ останется полная надежда въ будущемъ на то, что не смотря, можетъ быть, на рядъ неудачъ получится наконецъ полное возстановленіе значительно расшатаннаго здоровья.

Перейдемъ къ вопросу о лѣченіи мочевыхъ фистулъ. Рѣшеніе этого вопроса, имѣя въ виду подавляющее большинство случаевъ, не скажу трудное, но я-бы выразился, часто очень утомительное, щепетильное, мелочное не относительно больной только, но и для самаго курирующаго врача. При этомъ, чтобы достигать благопріятныхъ результатовъ приходится обращать вниманіе рѣшительно на все, имѣющее какое-либо отношеніе къ больной.

Мы уже имѣли поводъ хотя вскользь остановиться на томъ обстоятельствѣ, какъ трудно нерѣдко бываетъ изученіе топографіи свища — для этого требуется рядъ подготовительныхъ мѣропріятій, потерять много времени, и, послѣ этого только является возможность постановить вѣрное распознаваніе.

Но это еще только часть дѣла, а остальная —, болѣе значительная остается еще впереди.

Желая набросать краткую шему лѣченія мочевыхъ свищей приходится высказаться такъ.

Вопросъ излѣченія болѣзни, вѣрнѣе пріобрѣтеннаго, тяжелаго уродства — вопросъ очень и очень старый, но онъ только, сравнительно, недавно вступилъ на вѣрный путь.

При современномъ положеніи интересующаго насъ дѣла излѣченіе фистулъ возможно только оперативнымъ путемъ — всякое другое лѣченіе прижиганіями и т. д. только безполезная

трата времени и мученье больныхъ. Изъ области хирургическаго лѣченія можно исключить единственно весьма и весьма рѣдкіе случаи очень маленькихъ, точечныхъ фистулъ и столь же рѣдкіе случаи фистулъ, малыхъ по величинѣ и лежащихъ въ особо благопріятныхъ для сращенія условіяхъ. Эти послѣдніе мочевые свищи поддаются иногда излѣченію различными прижигающими средствами.

Коснувшись лѣченія мочевыхъ фистулъ нельзя не отмѣтить, такъ сказать, особый типъ больныхъ, страдающихъ этимъ недугомъ. Въ силу пріобрѣтенія такого ужаснаго страданія и находясь постоянно подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ тяжести явленій, сопутствующихъ мочевые свищи, когда больныя становятся тяжелыми не только для окружающихъ, но и не сносными для самихъ себя, они естественно становятся крайне удрученными, готовыми на все, лишь-бы имѣть въ будущемъ надежду на избавленіе отъ своей болѣзни.

Повторяю, эта рѣшимость, граничащая съ героизмомъ, порою, бываетъ поразительна. Не говоря уже о томъ долгомъ времени, которое для большинства фистулезныхъ больныхъ приходится проводить въ періодѣ лѣченія, — приходится переносить рядъ мучительныхъ, невыносимыхъ болей, которыя часто и неминуемо вызываются мѣрами приготовленія къ лѣченію и наконецъ самимъ лѣченіемъ, операціей.

И, все это переносится подобными больными безропотно, съ чувствомъ благодарности и съ единственной просьбой, нѣтъ, скорѣе мольбой, посильно помочь ихъ тяжелому страданію.

Это не мое только впечатлѣніе. Я увѣренъ относительно сказаннаго со мною согласится всякій, кому приходилось имѣть дѣло съ фистулезными больными. Такого рода больныя внушаютъ къ себѣ со стороны врача особое состраданіе, особыя симпатіи, что усиливается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что мочевые свищи суть, почти исключительно, страданіе бѣднаго класса и безъ того обездоленнаго судьбой.

О подготовительномъ лѣченіи мочевыхъ свищей я уже сказалъ выше, теперь мнѣ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній о самомъ производствѣ операціи-фистулоррафіи.

Коротко говоря, успѣхъ операціи-фистулоррафіи много зависитъ отъ хорошаго подготовленія тканей, окружающихъ фистулу, тщательнаго освѣженія краевъ фистулы, удовлетворительнаго наложенія швовъ, ненапряженности, удобосмѣщае-

мости сшитыхъ краевъ фистулы и наконецъ соотвѣтствующаго содержанія оперированной.

Минуя, какъ уже извѣстное, подготовительное лѣченіе, перехожу къ операціи собственно сшиванія мочевыхъ свищей.

Больная укладывается на операціонный столъ различно, смотря по тому положенію при которомъ привыкъ оперировать гинекологъ. Слѣдовательно, при фистулоррафіи примѣняется — спинно-ягодичное положеніе, положеніе, какъ для камнесѣченія, Sims'овское положеніе на лѣвомъ боку и т. д.

Начну съ освѣженія фистулы. Объ освѣженіи краевъ фистулы нужно сказать слѣдующее. Относительно освѣженія слѣдуетъ приспособляться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ формѣ фистулы; затѣмъ освѣженіе производится различно смотря по толщинѣ пузырно-влагалищной перегородки: чѣмъ толще эта перегородка и чѣмъ менѣе рубцовой ткани, тѣмъ менѣе срѣзается этой ткани и тѣмъ перпендикулярнѣе къ влагалищной поверхности этой перегородки производится освѣженіе. При обратныхъ отношеніяхъ, т. е., когда перегородка эта тонка, тѣмъ освѣженіе свищеваго края производится подъ болѣе тупымъ угломъ къ влагалищной поверхности пузырно-влагалищной перегородки, слѣдовательно тѣмъ болѣе срѣзается ткани, стѣнка отлого скашивается, для того, чтобы при сшиваніи освѣженныхъ поверхностей образовать болѣе толстую пузырно-влагалищную перегородку. Швы должны накладываться не часто, не выводиться въ полость пузыря, а проходить въ подслизистомъ слоѣ, завязываться не туго — только до хорошаго соединенія окровавленныхъ поверхностей; затѣмъ если по зашиваніи фистулы окажется, что края зашитой фистулы напряжены, тогда слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько разрѣзовъ слизистаго влагалищнаго покрова для того, чтобы уменьшить напряженіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда напряженность ткани все-таки значительна или фистула очень обширна, потеря ткани очень велика, такъ что не представляется возможнымъ покрыть описаннымъ способомъ дефектъ ткани, въ такихъ случаяхъ для фистулоррафіи предложены другіе способы. Способы эти, говоря вообще, состоятъ въ трансплантаціи ткани изъ близь-лежащихъ областей.

Такое положеніе дѣла хотя и трудно, но все-же здѣсь представляется возможнымъ возстановленіе всѣхъ функцій, моче-половой сферы. Въ практической жизни врача, при

лѣченіи мочевыхъ свищей, можетъ представиться болѣе затруднительное положеніе.

Потеря ткани можетъ быть такъ велика, что нѣтъ возможности возмѣстить ее; тогда остается сдѣлать только одно — устроить, такъ сказать, общую клоаку, коротко, произвести операцію — colpocleisis.

При этомъ возникаетъ вопросъ — имѣетъ-ли на это право лѣчащій врачъ: замѣнить одно уродство другимъ? Конечно, да, если принять во вниманіе то ужасное состояніе больной, въ которомъ она находилась до colpocleisis'a и сравнить его съ тѣмъ, хотя и уродливымъ, но сноснымъ положеніемъ въ которое она ставится послѣ операціи. Но прежде чѣмъ производить colpocleisis, понятно, требуется согласіе на эту операцію самой больной, и, если она замужняя, то и ея мужа.

Что касается до послѣоперацiоннаго содержанія оперированныхъ послѣ фистуллоррафіи, то по моему убѣжденію, лучше всего рекомендовать слѣдующій режимъ. Нѣсколько дней, приблизительно, 5—6 оперированная содержится въ постелѣ, при чемъ первые 3 дня въ мочевомъ пузырѣ оставляется мягкій cathéter à demeure; съ 4 дня послѣдній извлекается изъ пузыря и оперированная катетеризируется черезъ каждые 2—3 часа, а съ 6 дня оперированной можно позволить самой мочиться.

Еще одно замѣчаніе: если послѣ операціи въ мочевой пузырь введенъ cathéter à demeure, то послѣдній требуется ежедневно извлекать изъ мочеваго пузыря, тщательно дезинфецировать его или еще лучше замѣнять другимъ, стерилизованнымъ.

Въ тоже время полость мочеваго пузыря необходимо также ежедневно промывать осторожно, не растягивая его, какимъ либо слабымъ дезинфецирующимъ растворомъ, напр. 2 % теплымъ растворомъ борной кислоты.

Въ случаяхъ благопріятныхъ послѣ фистулоррафіи больная скоро поправляется совершенно.

Если операція не удалась, свищъ не сросся на большемъ или меньшемъ протяженіи, то послѣ этого съ повторнымъ сшиваніемъ не слѣдуетъ спѣшить, нужно дать оперированной оправиться, отдохнуть, и, только послѣ этого приступить къ новой, повторной операціи.

Вотъ очень краткая шема для операціи сшиванія мочевыхъ свищей.

Обращаясь къ нашей больной мы должны отмѣтить слѣдующее. Послѣ обычныхъ приготовленій, въ виду крайней боязливости, нервности больной, она была глубоко захлороформирована и уложена въ положеніи для камнесѣченія. Затѣмъ приступлено въ первый разъ къ операціи: нижнимъ Simon'овскимъ зеркаломъ, задняя стѣнка влагалища, насколько возможно, оттянута сильно внизъ. Затѣмъ помощью мюзе была сдѣлана попытка стянуть маточную шейку внизъ, но это осталось безъуспѣшно, такъ какъ она вслѣдствіе фиксаціи нисколько не поддавалась внизъ, такъ что пришлось оперировать in situ, въ чемъ Ваши товарищи, присутствовавшіе на операціи, убѣдились лично.

Послѣ безъуспѣшной попытки стянуть влагалищную порцію матки внизъ, пришлось края фистулы взять на острые крючки и такимъ образомъ производить освѣженіе. Такъ какъ пузырно-влагалищная перегородка въ этомъ мѣстѣ оказалась довольно толстой, то освѣженіе пришлось сдѣлать отвѣсное, при чемъ производя освѣженіе по отдѣленіи края фистулы оказалось, что пространство, занимаемое свищемъ вовсе не такого малаго объема, а по окончаніи освѣженія оно представилось около $1^1/_2$ сантиметровъ въ своемъ наибольшемъ діаметрѣ, соотвѣтствовавшемъ наружной поверхности передней маточной губы. По достаточномъ освѣженіи края фистулы зашиты 5 шелковыми швами, послѣ чего влитая въ мочевой пузырь жидкость уже не просочивалась на мѣстѣ зашитой фистулы, а вся вытекала per urethram: Затѣмъ, какъ Вы знаете, операція закончилась введеніемъ cathéter à demeure и перенесеніемъ оперированной на постель.

Клиническое теченіе болѣзни въ послѣопераціонномъ періодѣ выразилось такъ: первые $2^1/_2$ сутокъ выдѣленіе мочи происходило только per urethram, самочувствіе оперированной прекрасное, она какъ бы возродилась — изъ скучной задумчивой повеселѣла и смотрѣла радужно на все окружающее. Но къ концу третьихъ сутокъ появилась знакомая больной по прежнему особая влажность у входа влагалища и части постели, соприкасающейся съ этой областью; вмѣстѣ съ этимъ сталъ чувствоваться мочевой запахъ.

Объективное изслѣдованіе зашитой фистулы показало, что приблизительно на половинѣ протяженія линіи сшиванія,

начиная съ правого угла закрытаго свища — появляется, правда — незначительное истеченіе жидкости. Тѣ изъ Васъ, которые присутствовали при этомъ, полагаю, хорошо помнятъ, какъ благодушное настроеніе оперированной снова смѣнилось отчаяніемъ.

Послѣ осмотра оперированная была спущена съ постели, швы пока оставлены in situ, ей представлено мочиться самой, при чемъ позывы на мочеиспусканіе все-таки были и моча, сравнительно, въ большомъ количествѣ выдѣлялась per urethram. Cura: чистое содержаніе, 4 раза въ день дезинфецирующее спринцеваніе влагалища, питательная пища и регулированіе кишечныхъ испражненій.

Черезъ 3 дня сняты швы, при чемъ оказалось, что половина свища срослась, а другая — около $^3/_4$ сантиметра представляетъ овоидное отверстіе, черезъ которое непрерывно просачивается моча, края фистулы довольно рыхлы, кровоточатъ. Черезъ 12 дней послѣ первой операціи, произведено вторичное зашиваніе фистулы.

Вслѣдствіе времени года и мѣстныхъ условій, дневное освѣщеніе оказалось недостаточнымъ, поэтому фистулоррафія произведена вечеромъ при искусственномъ освѣщеніи и при помощи рефлекторовъ, такъ какъ при нестяжимости частей, приходилось работать въ глубинѣ влагалища.

Многіе изъ Васъ, которые присутствовали при производствѣ операціи убѣдились на дѣлѣ, какія техническія затрудненія представляла въ данномъ случаѣ операція.

Коротко, операція и на этотъ разъ произведена по тому же типу, какъ и въ первый. Оперированная снова повеселѣла. 5 сутокъ послѣ операціи никакого ненормальнаго сообщенія мочеваго пузыря съ влагалищемъ не обнаруживалось, но на шестыя сутки снова появился, хотя незначительный мочевой запахъ.

Объективное изслѣдованіе показало хорошее спаяніе краевъ свищевого отверстія, за исключеніемъ опять-таки праваго угла, гдѣ собственно отверстія не обнаруживалось, но замѣтно было особо блестящее мѣсто, величиною съ булавочную головку, съ приставшей капелькой жидкости. Детальное изслѣдованіе этого мѣста послѣ снятія всѣхъ швовъ выяснило наличность едва-ли не точечнаго свищеваго отверстія.

Имѣя въ виду незначительность даннаго фистулезнаго отверстія, свѣжесть, неомозолѣлость его краевъ, мы прежде чѣмъ приступить къ новому зашиванію незначительнаго свища, примѣнили 3-кратное прижиганіе его cum argento nitrico in substantia. Результатъ получился удовлетворительный маленькая фистула повидимому закрылась, такъ какъ ни мочевого запаха, тѣмъ болѣе мочи не показывалось. Но чтобы окончательно убѣдиться въ заживленіи свища требовалось наблюденіе еще въ теченіе нѣкотораго времени; межъ тѣмъ оперированная, чувствуя себя вполнѣ удовлетворительно, выписалась изъ клиники. Такимъ образомъ мы были лишены возможности категорически утверждать о полномъ заживленіи мочеваго свища.

Такимъ образомъ оперированная черезъ 5 недѣль послѣ производства перваго сшиванія фистулы повидимому выздоровѣла и вышла изъ клиники.

Общее состояніе здоровья оперированной послѣ зашиванія мочеваго свища, какъ это обычно бываетъ, шло очень быстро впередъ. Она хорошо питалась, пополнѣла, пріобрѣла веселое настроеніе духа, словомъ, она не знала какъ и кого благодарить.

Переходимъ къ анализу другой больной, страдающей также постояннымъ непроизвольнымъ истеченіемъ мочи. Этотъ случай по своей простотѣ не представляетъ никакихъ затрудненій въ діагностическомъ отношеніи. Уже первый поверхностный осмотръ больной выяснилъ, что у больной имѣется очень большая fistula urethro-vesico-vaginalis et ruptura perinei inveterata usque ad anum.

Слѣдовательно въ этомъ случаѣ насъ интересуетъ не діагнозъ, а то, что мы можемъ обѣщать больной въ ея тяжеломъ положеніи и чѣмъ мы можемъ помочь ей. Эти вопросы представляются очень трудными для разрѣшенія. Изъ осмотра урогенитальной системы больной мы убѣдились — какія громадныя нарушенія нормальныхъ отношеній представляетъ у нея эта система. Обширный старый разрывъ промежности, очень распространенные твердые рубцы по протяженію влагалища и особенно большія рубцовыя наслоенія во влагалищныхъ сводахъ, совершенно отдѣлившія влагалищную порцію матки отъ остальнаго влагалища, я уже ничего не говорю объ обширности уретро — везико — вагинальнаго свища.

Принимая во вниманіе всѣ перечисленныя патологическія

измѣненія, мы уже a priori должны поставить вообще сомнительное предсказаніе. Далѣе, если-бы даже и представилось возможнымъ возстановить нарушенія цѣлости уретро-пузырно-влагалищныхъ стѣнокъ, то во всякомъ случаѣ на предуготовительное лѣченіе потребуется очень продолжительное время. Къ этому нельзя не прибавить еще одно соображеніе относящееся спеціально къ нашей клиникѣ: эта больная, вслѣдствіе свойствъ присущихъ ея страданію, не можетъ быть помѣщена въ общую палату, она непремѣнно должна быть изолирована, притомъ изолирована на очень продолжительное время; другими словами, извѣстная палата будетъ занята въ теченіе очень долгаго времени одной больной, неопрятной по существу болѣзни, съ которой нельзя помѣщать вмѣстѣ другихъ больныхъ; это условіе представляется крайне неудобнымъ въ виду нашей стѣсненности относительно помѣщенія.

Наконецъ послѣднее: вслѣдствіе топографіи свища у К., когда нарушена цѣлость мочевого пузыря, шейки его и — мочеиспускательнаго канала, можетъ явиться такое стеченіе обстоятельствъ, что не представится возможнымъ вслѣдствіе недостатка тканей — закрыть свищевое отверстіе пузыря, возстановить его шейку и — непрерывность мочеиспускательнаго канала. Тогда въ нашемъ распоряженіи останется только одно — это образовать общую клоаку изъ мочеваго пузыря и влагалища, которая открывалась-бы въ уретру. Но здѣсь является новое затрудненіе, устранить которое представляется очень и очень не легкимъ.

Отсутствіе пузырной шейки, которая при нормальныхъ условіяхъ задерживаетъ мочу въ пузырѣ, могло-бы еще компенсироваться въ случаѣ неповрежденія уретры; именно, уретра въ такомъ случаѣ извѣстнымъ образомъ смѣщенная по способу Pawlik'a, могла-бы до нѣкоторой степени задерживать непроизвольное мочеиспусканіе; но здѣсь опять бѣда, мочеиспускательный каналъ на значительномъ протяженіи разрушенъ. Еще большая бѣда при данныхъ условіяхъ представляется со стороны прочныхъ рубцовыхъ наслоеній, образовавшихся въ влагалищныхъ сводахъ, которыя совершенно изолировали влагалищную порцію матки отъ остальной части влагалища. А это имѣетъ капитальное значеніе.

Нашей больной 43 года, климактерическій періодъ у нея еще не наступилъ, въ будущемъ, и, если предположить са-

мый лучшій исходъ, она тѣмъ или другимъ способомъ избавится отъ мочеваго свища, менструаціи возвратятся и отдѣляющаяся при этомъ кровь должна, конечно, опорожняться изъ матки; межъ тѣмъ благодаря рубцовымъ наслоеніямъ влагалищная порція матки у нашей больной совершенно изолирована отъ влагалища такъ что менструальная кровь, которая будетъ вытекать изъ матки, не имѣя выхода, должна неминуемо скопляться надъ зарощеніемъ, что повлечетъ къ образованію haematometr'ы.

Поэтому прежде чѣмъ приступить къ образованію общей клоаки, коротко, къ операціи colpocleisis, необходимо предварительно озаботиться объ уничтоженіи рубцоваго зарощенія, образовавшагося подъ маточной шейкой, что представляется задачей далеко не легкой.

Но и это еще не все. Рѣшаясь, какъ на единственно возможную помощь въ данномъ случаѣ, colpocleisis, уничтоженіе влагалища мы этимъ самымъ обрекаемъ больную въ будущемъ, если можно выразиться, на безполое существованіе, — межъ тѣмъ передъ нами замужняя женщина. Слѣдовательно, требуется согласіе на операцію не только отъ самой больной, но и отъ ея мужа.

И, при всемъ томъ мы можемъ обѣщать этой больной относительное выздоровленіе отъ ея тяжелаго недуга только послѣ очень и очень долгаго времени, которое потребуется на все лѣченіе и которое не ограничивается устраненіемъ только сложнаго мочеваго свища — не нужно забывать еще и обширный, старый разрывъ промежности, который также подлежитъ оперативному пособію.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ соображеній ясно, какое сомнительное предсказаніе мы можемъ поставить у данной больной относительно излѣчимости ея болѣзни.

Перехожу къ лѣченію. Самое желательное, конечно, это непосредственно зашить свищъ. Но прежде чѣмъ приступить къ этому акту мы должны провести приготовительное лѣченіе: уничтожить рубцовыя съуженія влагалища вообще и въ особенности рубцовыя зарощенія подъ маточной шейкой. Какъ съ этимъ справиться мы съ Вами уже знаемъ — это хотя затруднительно, утомительно, но все-таки возможно.

Далѣе. Возможно-ли непосредственное зашиваніе свища? Въ виду очень значительной величины свища, которая еще болѣе должна увеличиться при послѣдующемъ освѣженіи

краевъ его, при обширности рубцовыхъ измѣненій влагалищныхъ стѣнокъ — надежда на простое зашиваніе свища представляется здѣсь очень небольшой.

Если даже предположить, что sub operatione представится возможнымъ сблизить края фистулы до соприкосновенія ихъ, то во всякомъ случаѣ получится очень большое натяженіе краевъ свища, что равносильно будетъ прорѣзыванію швовъ. Остается еще способъ трансплантированія сосѣднихъ тканей; но къ сожалѣнію и этотъ методъ не примѣнимъ въ данномъ случаѣ вслѣдствіе того-же глубокаго измѣненія прилежащихъ областей.

Рубцовое измѣненіе влагалищныхъ стѣнокъ будетъ служить также большимъ препятствіемъ для возстановленія стѣнокъ уретры и эксплоатаціи ихъ какъ средства замѣняющаго до извѣстной степени запирательный приборъ мочеваго пузыря.

Но во всякомъ случаѣ при лѣченіи фистулы у данной больной, мы должны имѣть въ виду только что упомянутый методъ возстановленія нарушенной цѣлости влагалищной стѣнки, принимая въ соображеніе то обстоятельство, что можетъ быть при благопріятныхъ условіяхъ удается растянуть рубцы, посодѣйствовать ихъ разсасыванію и слѣдовательно привести прилежащія ткани къ такому состоянію, въ которомъ они могутъ служить цѣлямъ предстоящей пластической операціи.

Относительно вопроса о возстановленіи промежности въ данномъ случаѣ, я ограничусь только упоминаніемъ о необходимости этой операціи и кстати замѣчу, что послѣдняя, сама по себѣ, при имѣющихся условіяхъ не представляетъ никакихъ затрудненій.

Упомянувъ о непосредственномъ зашиваніи свища у нашей больной, повторяю, я смотрю на это, какъ на обязательную попытку для насъ, но спѣшу прибавить, что попытка эта имѣетъ очень мало шансовъ на успѣхъ. Болѣе всего мы должны возлагать надежды на операцію — colpocleisis, производство которой Вамъ извѣстно, поэтому я не буду здѣсь останавливаться на этомъ. Замѣчу только, что во всякомъ случаѣ прежде чѣмъ рѣшаться на colpocleisis, слѣдуетъ озаботиться о предварительномъ возстановленіи достаточнаго и устойчиваго просвѣта въ рубцовомъ зарощеніи влагалища подъ маточной шейкой.

Что касается до вопроса относительно нарушенной цѣлости запирательнаго аппарата мочеваго пузыря, то онъ стоитъ здѣсь въ такомъ-же положеніи, какъ и при непосредственномъ закрытіи мочевой фистулы.

Теперь, Вы знаете, г.г., что истинное положеніе дѣла относительно болѣзни П. К. было подробно выяснено, какъ ей самой, такъ и ея мужу, при чемъ Вамъ также извѣстно, что сама больная соглашалась, какъ она выразилась „претерпѣть все", лишь бы избавиться отъ своей тяжкой болѣзни, но мужъ ея категорически отказался дать согласіе на производство операціи — colpocleisis у его жены, къ которой почти навѣрное въ недалекомъ будущемъ пришлось-бы приступить; поэтому онъ пожелалъ взять обратно свою больную жену изъ клиники.

Наконецъ послѣдняя, третья больная изъ разсматриваемой нами группы, какъ гласитъ исторія болѣзни, представляетъ слѣдующее:

С. С. кромѣ другихъ болѣзненныхъ явленій, безпокоящихъ ее, жалуется, между прочимъ, на недержаніе мочи, что появилось у нея послѣ операціи во влагалищѣ въ 1898 году. Объективнымъ изслѣдованіемъ констатировано существованіе fistulae urethro-vaginalis.

Этотъ случай представляетъ для насъ интересъ по отношенію того пособія какое нужно предпринять для возстановленія цѣлости нижней стѣнки мочеиспускательнаго канала.

Сшиваніе свищей уретры не представляетъ ничего особеннаго отъ фистулоррафіи при пузырно-влагалищныхъ свищахъ: операція производится по одному и тому же типу; при уретральныхъ свищахъ приходится производить освѣженіе краевъ фистулы болѣе косое, отлогое, захватывающее болѣе поверхности, потому что самая толща уретро-вагинальной перегородки, незначительна.

Операція легкая и въ большинствѣ случаевъ благодарная, получается очень хорошее спаяніе. Вы также знаете, что больной С. С. была предложена такая операція, но она изъ боязни, вѣроятно, отказалась отъ производства операціи, тѣмъ болѣе, что незначительный уретро-вагинальный свищъ не причинялъ ей никакихъ особенныхъ страданій, а доставлялъ только нѣкоторыя неудобства.

Поэтому больная пробывъ недѣлю въ клиникѣ, по желанію выписалась.

Мы анализировали трехъ клиническихъ больныхъ съ аналогичными субъективными ощущеніями — недержаніемъ мочи и со всѣми послѣдствіями, сопряженными съ этимъ состояніемъ; установили точное распознаваніе, мы были свидѣтелями клиническаго теченія болѣзни, вывели показаніе къ лѣченію данной болѣзненной формы, гдѣ возможно провели само лѣченіе и наконецъ убѣдились въ результатахъ примѣненнаго лѣченія.

Въ заключеніе нѣсколько словъ относительно этіологіи мочевыхъ свищей.

Вы знакомы уже изъ теоретическаго курса, что самою частою причиною происхожденія мочевыхъ свищей, это — роды. Не входя въ разсмотрѣніе мочевыхъ фистулъ, являющихся, какъ слѣдствіе прободенія везико-вагинальной перегородки вслѣдствіе разрушенія послѣдней различными злокачественными новообразованіями, нужно сказать, что хотя и рѣдко, въ процессѣ возникновенія мочевыхъ фистулъ играютъ роль, кромѣ родоваго процесса еще и другіе этіологическіе моменты: случайное прободеніе влагалищной стѣнки какимъ либо болѣе или менѣе острымъ орудіемъ, инструментомъ, нѣкоторыми, или нецѣлесообразно построенными, или твердыми влагалищными пессаріями, долго находившимися во влагалищѣ, различными доброкачественными опухолями или абсцессами въ толщѣ влагалищной перегородки и т. д.

Разсуждая примѣнительно къ нашимъ больнымъ, относительно этіологіи болѣзни, мы должны сказать слѣдующее.

Въ лицѣ первой разобранной нами больной, мы имѣемъ типическаго представителя свищей, являющихся вслѣдствіе ненормальнаго родоваго акта. Хотя больная намъ не сообщила о состояніи плоднаго пузыря, въ какомъ періодѣ родовъ прошли околоплодныя воды и т. д., но съ громаднымъ вѣроятіемъ, мы можемъ предположить, что дѣло шло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Обыкновенно при затягивающихся родахъ плодныя оболочки разрываются рано, воды истекаютъ и въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ родовой актъ принимаетъ особый характеръ, являются такъ называемые „сухіе роды“.

При несоотвѣтствіи пространственныхъ отношеній между предлежащей частью плода и тазовымъ кольцомъ съ одной стороны и отсутствіи околоплодной жидкости, ткани, нахо-

дящіяся между предлежащей частью плода и костями таза съ другой — подвергаются очень сильному давленію.

Маточная мускулатура при этомъ работаетъ очень энергично, предлежащая часть плода, головка прижимается къ костному тазовому кольцу, причемъ подвергаются очень сильному сдавливанію всѣ мягкія ткани, лежащія между этими частями въ числѣ коихъ мочевой пузырь и прямая кишка. Конечно, степень сдавливанія при этомъ бываетъ различна и находится въ зависимости отъ многихъ условій — силы маточныхъ схватокъ, продолжительности и т. д., отъ чего въ свою очередь и послѣдствія подобнаго сдавливанія будутъ также различны: здѣсь можетъ явиться, начиная отъ простаго прижатія тканей и кончая омертвѣніемъ, разможженіемъ, протираніемъ послѣднихъ.

Обращаясь къ нашей первой больной, въ видахъ разъясненія этіологическихъ моментовъ появленія свища, представляется очень интересный вопросъ — ближайшая причина свища въ данномъ случаѣ — роды, sic dictu, или наложеніе щипцовъ, которое пришлось произвести у роженицы.

Вполнѣ удовлетворительное разъясненіе этого вопроса мы находимъ въ исторіи появленія этого свища. Непроизвольное истеченіе мочи у родильницы показалось черезъ 3 недѣли послѣ родовъ. Такой именно ходъ дѣла обыкновенно наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда причины фистулъ кроются, такъ сказать, въ самомъ родовомъ актѣ. Прекращеніе питанія извѣстнаго района тканей съ послѣдовательнымъ омертвѣніемъ послѣднихъ и какъ слѣдствіе омертвѣнія постепенное отторженіе отжившаго тканеваго участка отъ живаго. Пока, эти уже разнородныя въ данное время области еще удерживаются въ соприкосновеніи, понятно до того времени жидкое содержимое не изливается изъ полостнаго органа, въ нашемъ случаѣ мочевого пузыря; затѣмъ, какъ скоро отпадетъ гангренесцировавшаяся часть опредѣлить невозможно — въ однихъ случаяхъ ранѣе, въ другихъ — позднѣе, какъ у интересующей насъ больной черезъ 3 недѣли послѣ родовъ.

Совершенно иное дѣло если мочевой свищъ обязанъ своимъ происхожденіемъ какому-либо акушерскому инструменту вслѣдствіе прободенія или протиранія послѣднимъ пузырно-влагалищной перегородки: здѣсь непосредственно за окончаніемъ родовъ появляется непроизвольное истеченіе мочи.

Кромѣ того, имѣются еще и другія обстоятельства, на разборѣ которыхъ, къ сожалѣнію, останавливаться я не имѣю возможности, но которыя позволяютъ опредѣлить, что совершено прободеніе мочеваго пузыря инструментомъ: я замѣчу только, что самое направленіе свища во многихъ случаяхъ можетъ служить разъясненіемъ отчего произошло ненормальное отверстіе.

Здѣсь возможно только одно возраженіе, что акушерскій инструментъ, напр. щипцы при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ лишь содѣйствовать ущемленію мягкихъ тканей, не производя прободенія ихъ, но содѣйствуя позднѣйшему омертвѣнію извѣстнаго участка.

Да, но не нужно забывать одного обстоятельства, что акушерскій инструментъ производитъ кратковременное сдавливаніе ткани, что не можетъ имѣть такого дѣйствія, чтобы отъ этого непремѣнно появилось омертвѣніе и послѣдующее продыравливаніе стѣнки: по прекращеніи кратковременнаго, хотя и значительнаго сдавливанія ткани, быстро возстановляется кровообращеніе въ послѣдней и она скоро приходитъ въ нормальное состояніе. Таково бываетъ обыкновенное теченіе, но здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ допускаются, конечно, и исключенія.

Нельзя отрицать напр., что при существующемъ уже болѣе или менѣе продолжительномъ ущемленіи тканей, введеніе акушерскихъ щипцовъ явится уже моментомъ, содѣйствующимъ еще бо́льшему ущемленію влагалищныхъ стѣнокъ и слѣдовательно — моментомъ облегчающимъ образованіе свища.

Такимъ образомъ на основаніи приведенныхъ соображеній, слѣдуетъ заключить, что у Г. образовался мочевой свищъ едва-ли не исключительно вслѣдствіе одного только чрезмѣрнаго и продолжительнаго ущемленія влагалищно-пузырной перегородки, явившагося слѣдствіемъ очень длительныхъ родовъ. Что-же касается до наложенія акушерскихъ щипцовъ въ данномъ случаѣ, то въ этіологическомъ отношеніи, если и позволительно этому оперативному вмѣшательству приписывать какое либо значеніе, то во всякомъ случаѣ очень незначительное.

Обращаясь относительно этіологіи ко второму разобранному нами случаю мочеваго свища у больной К., то снова принимая во вниманіе тѣ явленія при которыхъ обнаружился

свищъ, слѣдуетъ придти уже къ иному выводу относительно причинъ возникновенія его.

Непроизвольное истеченіе мочи обнаружилось непосредственно за окончаніемъ родовъ и затѣмъ самое направленіе свища у К. именно продольное, соотвѣтствующее длиннику влагалища, т. е. тому направленію въ которомъ должны были дѣйствовать щипцы, говоритъ болѣе всего за то, что появленіе мочевого свища у данной больной обязано своимъ происхожденіемъ наложенію акушерскихъ щипцовъ; но спѣшу прибавить при этомъ, что прободеніе или протираніе уретровезико-вагинальной перегородки у этой больной, вѣроятно, облегчилось вслѣдствіе того обстоятельства, что перегородка находилась уже въ значительно измѣненномъ состояніи передъ производствомъ наложенія акушерскихъ щипцовъ.

Наконецъ объ этіологіи нашего послѣдняго III случая у больной С. С. Этіологическій моментъ нарушенія цѣлости уретро-вагинальной перегородки у данной больной такъ очевиденъ, что анализъ его становится совершенно излишнимъ. Этотъ случай насъ интересуетъ только, какъ типическій представитель мочеваго свища, образовавшагося внѣ причинъ, лежащихъ въ родовомъ актѣ.

Выкидыши.

Мм. Гг.

Клиническимъ матеріаломъ для предстоящей намъ лекціи, мы располагаемъ двумя больными, изъ которыхъ первая явилась къ намъ, ища врачебной помощи отъ бывшаго у нея цѣлаго ряда выкидышей и — всѣхъ послѣдствій, связанныхъ съ этимъ патологическимъ состояніемъ; вторая больная, чувствуя себя беременной въ настоящее время и страстно желая доносить беременность до ея нормальнаго окончанія, проситъ врачебнаго совѣта, какъ она должна вести себя, чтобы предупредить повторенія выкидыша, который уже былъ у нея одинъ разъ.

Предварительно мы прослушаемъ исторіи ихъ болѣзни, произведемъ возможно-всестороннее изслѣдованіе этихъ больныхъ, затѣмъ на основаніи полученныхъ такимъ образомъ данныхъ, выяснится вопросъ съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло и послѣ этого постепенно подойдемъ къ рѣшенію предложенной намъ задачи, словомъ, какъ излѣчить данныя болѣзненныя состоянія. И такъ, исторія болѣзни первой больной гласитъ слѣдующее:

Е. Ш., 29 лѣтъ отъ роду, еврейка, занимается домашнимъ хозяйствомъ, родилась въ г. Двинскѣ, но съ дѣтства живетъ въ Ригѣ; о состояніи своего здоровья въ годы дѣтства, она ничего не помнитъ, точно также ничего опредѣленнаго не можетъ сообщить о томъ времени, когда она начала менструировать. Больная утверждаетъ въ этомъ отношеніи только одно, что съ 12-лѣтняго возраста регулы у нея стали появляться правильно, черезъ 19—20 дней, продолжались по 3 дня, необильно и безболѣзненно, вообще больная говоритъ, что до замужества она чувствовала себя всегда здоровою.

Она вышла замужъ 15½ лѣтъ за человѣка 31 года. Относительно своего мужа больная сообщаетъ, что онъ любилъ кутить до женитьбы, не оставлялъ этой привычки и послѣ женитьбы; хотя по ея словамъ онъ человѣкъ слабый, болѣзненный, долго лѣчился всякими внутренними и наружными лекарствами, изъ которыхъ больная особенно помнитъ какую-то мазь, которую онъ втиралъ во все тѣло. Что была за болѣзнь у ея мужа, больная не знаетъ, но она хорошо помнитъ, что у него одно время была распространенная по всему тѣлу какая-то сыпь.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ замужества больная забеременѣла, но беременность, повидимому, безъ всякой причины окончилась къ концу VII мѣсяца мертворожденнымъ гнилымъ плодомъ. Затѣмъ кромѣ этой, у больной послѣдовательно было 7 беременностей, но всѣ они очень рано прекращались, какъ будто безпричинно въ періодѣ II—IV мѣсяцевъ беременности, причемъ послѣдній разъ больная разрѣшилась 2-мѣсячнымъ выкидышемъ 1½ мѣсяца тому назадъ.

Ш. считаетъ себя больною съ времени выхода ея замужъ и въ особенности послѣ того, какъ она въ первый разъ выкинула, а потомъ съ каждымъ новомъ выкидышемъ сопровождавшимся всегда обильнымъ кровотеченіемъ, а иногда и продолжительной лихорадкой больная все болѣе и болѣе слабѣла и поэтому рѣшилась поступить къ намъ въ клинику.

При поступленіи больная жаловалась на общую слабость, отсутствіе аппетита, ознобы и маточное кровотеченіе, продолжающееся уже 1½ мѣсяца, со времени послѣдняго выкидыша.

Status praesens. Больная высокого роста, хорошаго сложенія, но худа, слаба, анемична, t. тѣла 37,8, п. 110. При общемъ наружномъ осмотрѣ тѣла больной и ощупываніи лимфатическихъ железъ найдено слѣдующее: припуханіе локтевыхъ железъ, при чемъ послѣднія при ощупываніи оказываются безболѣзненными. Кромѣ отмѣченныхъ явленій при тщательномъ осмотрѣ наружныхъ покрововъ и genitalia нигдѣ не удалось подмѣтить какихъ либо рубцовъ, какъ слѣдовъ бывшихъ изъязвленій.

Органы пищеваренія ничего особенного не представляютъ кромѣ наклонности къ запорамъ. Органы дыханія — явленія хроническаго бронхита со стороны органовъ кровеобращенія

отмѣчаются сердечные малокровные шумы, пульсъ частъ, наполненіе ниже средняго.

Нервная система: больная нервна, ряадражительна, плаксивое настроеніе, жалуется кромѣ того на головную боль и безсонницу.

Мочевые органы: суточное количество мочи не достигаетъ до 700 к. сантим., она концентрирована съ большимъ количествомъ мочекислыхъ солей. Изслѣдованіе мочи, выпущенной черезъ катетеръ показало отсутсвіе бѣлка.

Половые органы: соотвѣтственно общей худобѣ тѣла обѣ грудныя железы представляются атрофированными; черезъ тонкіе брюшные покровы легко прощупывается дно матки, которое стоитъ надъ лобковымъ соединеніемъ.

Комбинированное изслѣдованіе: матка увеличена до объема 2-мѣсячной беременности, мягка, дрябла, чувствительнѣе обыкновеннаго при дотрагиваніи, наружное отверстіе цервикальнаго канала открыто, цервикальный каналъ свободно пропускаетъ верхнюю фалангу изслѣдующаго пальца до внутренняго отверстія, причемъ послѣднее представляется пріоткрытымъ и изъ него выставляется кусочекъ какой-то мягкой, какъ-бы губчатой ткани.

Дальнѣйшее комбинированное изслѣдованіе показало — не равномѣрно увеличенную въ объемѣ до толщины указательнаго пальца лѣвую фаллопіеву трубы и также увеличенный до объема большаго грѣцкаго орѣха соотвѣтствующій яичникъ, при чемъ эти маточные придатки представляются неболѣзненными. Правый влагалищный сводъ нездавленъ и при двуручномъ изслѣдованіи надъ нимъ прощупывается довольно чувствительное съ неровной поверхностью припуханіе, идущее по направленію правой широкой маточной связки и находящееся въ очень тѣсной связи съ маткою.

Къ этому нужно прибавить, что ex genitalia выдѣляется грязновато-кровянистая дурно-пахучая жидкость.

Исторія второй больной будетъ такова: А. Ф. 22 лѣтъ, православная, родилась въ г. Рязани, но 4 года уже, со времени своего замужества, живетъ въ деревнѣ Лифляндск. губ., она занимается домашнимъ хозяйствомъ. Больная, интелегентная особа, даетъ довольно точныя показанія и сообщаетъ, что она росла слабымъ болѣзненнымъ ребенкомъ: въ дѣтствѣ перенесла — дизентерію, корь, вѣтрянную оспу и скарлатину. Сформировалась она поздно, такъ что первыя регулы полу-

чила черезъ 2 мѣсяца послѣ своего замужества. Первыя менструаціи появились почти безболѣзненно, она чувствовала только небольшую неловкость въ поясницѣ и внизу живота; но затѣмъ слѣдующія — появились уже съ порядочной болью и таковыми регулы остались и въ послѣдующее время. Что касается до количества, то регулы постоянно бывали скудны. Черезъ $^1/_2$ года послѣ замужества больная забеременѣла, родился хотя доношенный, но слабый мальчикъ, который умеръ черезъ 7 недѣль послѣ своего рожденія; затѣмъ г-жа Ф. снова забеременѣла, но беременность окончилась 2-мѣсячнымъ выкидышемъ безъ всякой повидимому причины.

Больная перенесла выкидышъ, сравнительно, легко, черезъ 10 дней встала съ постели, чувствуя себя здоровою; но регулы и послѣ выкидыша сохраняли свой прежній характеръ.

Въ настоящее время Ф. считаетъ себя беременною: регулы у нея прекратились болѣе 2 мѣсяцевъ, она чувствуетъ тошноту, иногда рвоту, отвращеніе отъ мясной пищи и табаку; въ послѣднее время ко всему этому присоединились еще бывающія иногда легкія схваткообразныя боли внизу живота; но самое главное почему больная обратилась теперь въ клинику, это слѣдующее: больная страстно желая имѣть дѣтей и боясь повторенія выкидыша, явилась для того, чтобы получить наставленіе, какъ она должна вести себя теперь, чтобы сохранить беременность до ея нормальнаго окончанія.

На вопросъ относительно состоянія здоровья ея мужа, больная отвѣтила, что мужъ ея 28 лѣтъ, совершенно здоровый, ведетъ всегда правильный образъ жизни и живутъ они между собою согласно.

Объективное изслѣдованіе: Больная средняго роста и питанія, нѣжнаго сложенія, малокровна.

Въ органахъ пищеваренія отмѣчается тошнота, рвота, запоры на низъ.

Въ органахъ дыханія ничего ненормальнаго не замѣчается.

Органы кровообращенія: пульсъ 76, слабаго наполненія, сердечные тоны нормальны.

Со стороны нервной системы и мочеотдѣлительныхъ органовъ ничего патологическаго не наблюдается.

Половая сфера: Грудныя железы сформированы нормально, околососковые кружки пигментированы, на нихъ

очень рельефно выступаютъ увеличенныя монгомеровы железы, грудные соски достаточно развиты. Бѣлая линія живота не особенно рѣзко пигментирована. Размѣры таза пормальные:

Осмотръ входа влагалища, стѣнокъ его и влагалищной порціи матки показалъ вишнево-красное окрашиваніе слизистой оболочки этихъ частей и усиленное выдѣленіе бѣлей изъ влагалища.

Комбинированное изслѣдованіе: влагалищная порція увеличена въ объемѣ она сочна, мягка, какъ бы тѣстообразна. При двуручномъ изслѣдованіи передній влагалищный сводъ оказывается свободнымъ, а задній — низдавленъ и выполненъ мягкимъ, круглымъ тѣломъ, которое при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось принадлежащимъ маткѣ и составляющимъ тѣло матки, искривленное назадъ. То же изслѣдованіе показало, что матка увеличена до объема 2—2$^1/_2$ мѣсячной беременности, при томъ матка подвижна.

Въ боковыхъ влагалищныхъ сводахъ ничего ненормальнаго не прощупывается и вообще все акушерское изслѣдованіе не болѣзненно для беременной.

Изслѣдованіе per rectum: Хегаровскій признакъ беременности въ надвлагалищной части маточной шейки рѣзко выраженъ; дно матки выпираетъ переднюю стѣнку прямой кишки, такъ что просвѣтъ послѣдней представляется очень значительно съуженнымъ вслѣдствіе того, что дно матки почти достигаетъ до крестцовой кости, отъ чего подвижность матки хотя и есть, но ограниченная: при осторожныхъ попыткахъ приподнять дно матки черезъ прямую кишку — таковое приподнятіе удается.

Г.г. сейчасъ Вы только что прослушали исторіи болѣзни больныхъ, которыхъ Вы видите теперь. Изслѣдованіе ихъ посредствомъ осмотра, можно считать, что мы произвели всѣ; но что касается до ручнаго изслѣдованія, то, по понятнымъ причинамъ, таковое изслѣдованіе по необходимости ограничилось только нѣсколькими изъ Васъ, г.г. очередными.

Въ данный моментъ присутствіе изслѣдованныхъ нами больныхъ становится уже излишнимъ, да кромѣ того мы какъ незнакомыя имъ лица также дѣйствуемъ на нихъ не особенно благопріятно, поэтому удалимъ ихъ изъ аудиторіи и затѣмъ займемся дальнѣйшимъ анализомъ интересующаго насъ болѣзненнаго состоянія.

Остановимся сначала на первой больной. По ея словамъ

до замужества она была здорова, но послѣ этого событія въ ея жизни произошла большая перемѣна, и, именно послѣ перваго выкидыша начинается ея болѣзнь, здоровье ея съ каждымъ послѣдующимъ выкидышемъ подтачивается все болѣе и болѣе и наконецъ принудило ея обратиться къ врачебной помощи.

Хотя, то, что больная именуетъ выкидышами, мы ни одного изъ нихъ не видали, но такое явленіе на столько обыкновенное, на столько въ большинствѣ случаевъ легко поддается распознаванію даже лицамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ нашей спеціальности; сверхъ того, какъ мы убѣдимся ниже, послѣдовательный ходъ дѣла на столько гармонируетъ съ тѣмъ, что намъ сообщаетъ больная, что мы не имѣемъ никакого права не вѣрить разсказу больной относительно ея предшествовавшаго состоянія. Такъ что вопросъ относительно прежде бывшихъ выкидышей рѣшается въ положительномъ смыслѣ и здѣсь насъ прежде всего интересуетъ этіологія этого патологическаго состоянія беременности; но предварительно мы остановимся еще на одномъ пунктѣ.

Ш. явилась къ намъ съ жалобами, кромѣ бывшихъ выкидышей еще на долго продолжающееся кровотеченіе изъ матки, общую слабость, безапетитицу, ознобы. Чтобы не задерживать долго Ваше вниманіе, я упомяну Вамъ вкратцѣ, что было найдено при объективномъ изслѣдованіи больной и въ чемъ убѣдились Ваши товарищи, которые изслѣдовали больную. Коротко, діагнозъ слѣдующій: subinvolutio uteri послѣ не вполнѣ совершившагося выкидыша, съ вѣроятнымъ задержаніемъ въ полости матки остатковъ плоднаго яйца salpingo-oophoritis sin. chronic. et parametritis dextra acuta.

Теперь намъ предстоитъ рѣшить взаимныя отношенія только что поименованныхъ патологическихъ состояній съ бывшими выкидышами у г-жи Ш. и вообще подойти къ рѣшенію вопроса о причинахъ выкидышей въ данномъ случаѣ.

Изъ теоретическаго курса Вы знаете какъ многочисленны и какъ разнообразны причины выкидышей, поэтому можно себѣ представить, какъ нерѣдко бываетъ трудно разобраться въ этіологіи этихъ послѣднихъ. Постараемся вкратцѣ припомнить этіологію выкидышей и въ этомъ отношеніи соотвѣтственно этіологическимъ моментамъ, всѣ выки-

дыши можно раздѣлить на 2 большія группы: 1) на выкидыши, причины которыхъ находятся въ плодномъ яйцѣ и 2) выкидыши, зависящія отъ различныхъ патологическихъ состояній самой беременной. Къ первой группѣ, какъ наиболѣе частую причину выкидышей нужно упомянуть сифилитическое пораженіе самаго плоднаго яйца, заразившагося при зачатіи отъ сифилитическаго сѣмени отца, въ то время, какъ мать остается здоровою.

Ближайшею причиною выкидыша при сифилитическомъ пораженіи плоднаго яйца сводится къ тому, что вслѣдствіе болѣзненныхъ измѣненій, разращенія плодныхъ оболочекъ, происходитъ нарушеніе кровообращенія въ яйцѣ, что неминуемо влечетъ за собою гибель плоднаго яйца отъ уменьшенія — и даже полнаго прекращенія къ нему притока питательнаго матеріала. Погибнувшее, мертвое яйцо является уже инороднымъ тѣломъ для маточной полости, которая стремится извергнуть его наружу т. е. выкинуть. Но промежутокъ времени, проходящій между смертью плода и наступленіемъ выкидыша далеко не одинаковъ. Въ то время какъ выкидыши въ однихъ случаяхъ наступаютъ очень скоро послѣ гибели плоднаго яйца, въ другихъ — наоборотъ, мертвое плодное яйцо задерживается въ маткѣ очень долго, такъ что проходятъ не только недѣли и мѣсяцы, но въ литературѣ цитируются случаи, когда погибшій плодъ задерживался въ маточной полости въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ, мумифицировался, получался такъ называемый missed labour.

Кромѣ сифилиса плоднаго яйца, къ ряду причинъ вызывающихъ выкидышъ и зависящихъ отъ патологическихъ состояній плоднаго яйца можно назвать и многія другія, затрудняющія притокъ вообще питательнаго матеріала къ зародышу, напр. endometritis decidualis, различныя кровоизліянія, которыя наступаютъ при извѣстномъ предрасположеніи со стороны яйцевыхъ оболочекъ (тонкости ихъ и т. д.), которыя могутъ вести къ прекращенію беременности и послѣдовательному выкидышу.

Такъ различныя состоянія и измѣненія положенія тѣла беременной, которыя при нормальности плодныхъ оболочекъ, могутъ пройти безслѣдно, тогда какъ при патологическомъ состояніи ихъ наоборотъ вызываютъ выкидышъ. Сюда относятся сильная рвота, сотрясенія тѣла, ушибы низа живота и т. д.

Всѣ эти моменты могутъ повести къ кровоизліяніямъ между яйцевыми оболочками, послѣдовательному вызыванію маточныхъ сокращеній, появленію болѣе или менѣе сильныхъ маточныхъ кровотеченій и наконецъ появленію выкидыша.

Обращаясь ко второй группѣ этіологическихъ моментовъ выкидыша, — причинамъ, зависящимъ отъ матери, слѣдуетъ замѣтить, что эта группа причинъ еще многочисленнѣе, чѣмъ предъидущая, при томъ она въ свою очередь подраздѣляется на 2 подвида въ этіологическомъ отношеніи: а) болѣзни матери общія и б) мѣстныя болѣзни.

Собственно говоря, описать всѣ общія заболѣванія беременныхъ, могущія вызвать выкидышъ, и дать имъ надлежащую оцѣнку невозможно въ теченіи нашей краткой бесѣды, поэтому я ограничусь только краткимъ перечисленіемъ ихъ. Коротко, сюда будутъ относиться всѣ общія заболѣванія беременныхъ, которыя сопровождаются очень значительнымъ повышеніемъ t. тѣла. Такое повышеніе t. не только вызываетъ смерть внутриутробнаго плода, но измѣненная t. крови является здѣсь кромѣ того термическимъ агентомъ, раздражающимъ маточную мускулатуру и этимъ путемъ вызывающимъ маточныя схватки.

Кромѣ различныхъ заболѣваній беременныхъ, вызывающихъ выкидышъ, благодаря вліянію своей высокой t., есть еще другія болѣзни, которыя также ведутъ къ прекращенію беременности, но другимъ путемъ. Именно есть цѣлая группа болѣзней беременныхъ, одними изъ главныхъ признаковъ которыхъ появляется общая, даже прогрессирующая слабость и болѣе или менѣе значительное малокровіе, которое также ведетъ къ преждевременному прекращенію беременности, къ выкидышу, подтвержденіе чему мы находимъ въ экспериментальныхъ данныхъ (C. Schröder).

О сифилисѣ, какъ этіологическомъ моментѣ въ вызываніи выкидыша я имѣлъ уже случай упоминать, поэтому я опускаю здѣсь этотъ вопросъ и этимъ ограничу свои краткія замѣчанія относительно общихъ болѣзней беременныхъ, вызывающихъ выкидышъ и перехожу ко 2 подвиду — мѣстныхъ болѣзней.

Сюда будутъ относиться самыя разнообразныя мѣстныя заболѣванія, и, здѣсь точно также перечислить ихъ является дѣломъ довольно затруднительнымъ.

Такъ матка находящаяся въ измѣненномъ положеніи и

представляющая различныя уклоненія отъ нормы относительно очертанія своей продольной оси, напр. descensus uteri, retroflexio, anteflexio и т. п., можетъ служить поводомъ къ раннему прекращенію беременности.

Различныя опухоли (фиброміомы), помѣщающіяся въ толщѣ маточныхъ стѣнокъ, различными путями могутъ вести къ вызыванію выкидыша.

Патологическія измѣненія въ структурѣ слизистой оболочки матки (эндометриты), также имѣютъ неблагопріятное вліяніе на нормальное теченіе беременности и при извѣстныхъ условіяхъ вызываютъ выкидышъ. Не только различныя патологическія измѣненія, имѣющія мѣсто въ стѣнкахъ маточной полости, но нѣкоторыя, на первый взглядъ не серьезныя измѣненія нижняго сегмента матки, ея влагалищной порціи, и, тѣ имѣютъ большое вліяніе на теченіе беременности. Между прочимъ, Olshausen, а за нимъ и другіе отмѣтили тотъ фактъ, что старые разрывы маточной шейки при извѣстныхъ условіяхъ, если не прямо, то посредственно могутъ вести къ вызыванію выкидышей.

Въ нѣкоторыхъ, правда, исключительныхъ случаяхъ, совмѣстное существованіе во время беременности различныхъ опухолей, лежащихъ по сосѣдству съ беременной маткой, также могутъ влечь раннее прекращеніе беременности; но при этомъ помѣченныя новообразованія должны, достигнуть извѣстнаго, болѣе значительнаго объема, стѣснить, такъ сказать, вмѣстимость брюшной полости настолько, чтобы внѣшняя поверхность опухоли соприкасалась съ беременной маткой и тѣмъ самымъ до извѣстной степени служила-бы стимуломъ раздражающимъ маточную мускулатуру, слѣдовательно вызывала-бы маточныя схватки. Но различныя, небольшія припуханія маточныхъ придатковъ, какъ показываютъ клиническія наблюденія, не мѣшаютъ теченію беременности до ея нормальнаго окончанія; но, конечно, нельзя не прибавить къ сказанному, что очень многое зависитъ при этомъ отъ индивидуальныхъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая.

Приведенный нами рядъ этіологическихъ моментовъ выкидыша, зависящихъ отъ мѣстныхъ болѣзней, можно бы было еще на многое продолжить, но полагая достаточнымъ и сказаннаго примѣнительно къ нашимъ случаямъ, я ограничусь этими замѣчаніями объ этіологіи выкидышей вообще и перехожу къ разбору нашей первой больной и задаюсь во-

просомъ: какая-же причина цѣлаго ряда выкидышей была у г-жи Ш.?

Какъ мы уже говорили, больная до своего замужества была вполнѣ здорова, но со времени первой беременности, точнѣе, со времени разрѣшенія ея отъ этой беременности „гнилымъ" выкидышемъ, она заболѣла; кромѣ того Ш. имѣла послѣдовательно 7 выкидышей, возрастъ которыхъ она опредѣляетъ отъ II—IV мѣсяцевъ утробной жизни и выкидыши эти сопровождались какими-то заболѣваніями. Затѣмъ намъ, какъ лѣчащимъ врачамъ, и, въ чемъ Вы убѣдитесь сами, очень важно еще одно мѣсто изъ — анамнестическихъ данныхъ нашей больной; именно, больная сообщаетъ, что мужъ ея имѣетъ abusus in baccho et in venere, хотя онъ человѣкъ слабый, болѣзненный, много лѣчился внутренними и наружными средствами и изъ послѣднихъ больная особенно помнитъ какую-то мазь, которую онъ втиралъ во все тѣло.

Припоминая объективное изслѣдованіе больной, мы можемъ отмѣтить слѣдующее: больная слаба, анемична, лихорадитъ; genitalia — subinvolutio uteri съ вѣроятнымъ задержаніемъ въ полости матки остатковъ плоднаго яйца, salpyngo-oophoritis sin. chronic. (незначительнаго объема) et parametritis dextra acuta. Со стороны другихъ системъ и органовъ, кромѣ сказанныхъ ненормальностей, для насъ въ данный моментъ имѣетъ особенное значеніе безболѣзненное припуханіе лимфатическихъ локтевыхъ железъ. И такъ, какая-же причина выкидышей у нашей больной? Въ виду практическихъ соображеній, мы здѣсь измѣнимъ нѣсколько порядокъ разбора причинъ выкидыша и вмѣсто причинъ выкидыша, коренящихся въ самомъ плодномъ яйцѣ, мы сначала остановимся на анализѣ причинъ со стороны беременной. И такъ, на основаніи произведеннаго нами разбора больной, подробнаго ея изслѣдованія, съ полнымъ правомъ мы имѣемъ возможность исключить, какъ этіологическій моментъ выкидышей, всѣ общія болѣзни, такъ какъ таковыхъ, которыя могли-бы повлечь къ выкидышамъ, мы не находимъ у г-жи Ш. Единственно, что останавливаетъ наше вниманіе въ данномъ направленіи — это припуханіе локтевыхъ железъ, что имѣетъ между прочимъ нѣкоторое значеніе при сифилитическомъ зараженіи, но къ этому мы еще возвратимся. Теперь-же обратимся къ изслѣдованію причинъ выкидышей со стороны мѣстныхъ болѣзней беременной.

Изъ тѣхъ мѣстныхъ заболѣваній половой сферы, которыя оказались при изслѣдованіи больной, необнаружилось ни одного таковаго, которое могло-бы вызвать выкидышъ. Пожалуй, еще одно обстоятельство въ этомъ отношеніи можетъ быть сомнительнымъ — это состояніе слизистой оболочки матки у нашей больной, хотя при разспросѣ относительно „бѣлей“ больная дала отрицательный отвѣтъ, но все-таки мы лично не можетъ утверждать — былъ-ли у больной прежде эндометритъ или нѣтъ; въ данный моментъ мы застаемъ матку въ состояніи subinvoluti'и: это послѣднее произошло отъ невполнѣ выдѣлившагося плоднаго яйца; въ этомъ мы убѣдились и объективнымъ осмотромъ и микроскопическимъ изслѣдованіемъ части куска ткани, выступающаго изъ внутренняго маточнаго отверстія.

Переходя къ состоянію маточныхъ придатковъ, мы остановимся на salpyngo-oophoritis sin. chron.; существуетъ дѣйствительно воспалительное припуханіе яичника и трубы съ лѣвой стороны, но оно находится въ тихомъ, хроническимъ состояніи, затѣмъ увеличеніе этихъ органовъ настолько незначительно, что трудно допустить что бы такія патологическія состоянія придатковъ могли-бы вести къ возбужденію выкидыша. Что касается до правосторонняго заболѣванія — parametritis exsudativa dextra acuta, то какъ на основаніи анализа предшествовавшаго состоянія, такъ равно и руководясь данными нашего объективнаго изслѣдованія больной, мы должны признать, что это послѣднее заболѣваніе, есть пріобрѣтеніе самаго послѣдняго времени. Вслѣдствіе пуэрперальной инфекціи, имѣвшей мѣсто послѣ послѣдняго выкидыша и произошло воспаленіе околоматочной клѣтчатки, такъ что оно явившись послѣ послѣдняго выкидыша, обязанное ему своимъ происхожденіемъ, слѣдовательно никоимъ образомъ не могло быть причиною выкидыша.

Слѣдовательно, руководясь приведенными выше соображеніями, мы до сихъ поръ при ироизводимомъ нами анализѣ, не могли отыскать ни одного заболѣванія у нашей больной, на которое можно-бы было указать, какъ на несомнѣнную причину бывшихъ у нея выкидышей. Виноватъ, въ сужденіи объ этіологическихъ моментахъ выкидышей у нашей больной, можетъ возникнуть еще одна мысль — не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ такъ называемымъ привычнымъ выкидышемъ, т. е. таковымъ, который бываетъ у субъекта съ

индивидуальнымъ предрасположеніямъ къ раннему прерыванію беременности при здоровомъ яйцѣ.

Здѣсь не мѣсто распространяться объ ученіи о привычномъ выкидышѣ, которое когда-то играло очень видную роль въ акушерствѣ; я скажу только, что въ современномъ акушерствѣ этотъ вопросъ стоитъ въ такомъ положеніи, что какое-то индивидуальное предрасположеніе къ выкидышу при здоровомъ яйцѣ едва-ли существуетъ.

Такимъ образомъ у г-жи Ш. слѣдуетъ исключить — этіологическіе моменты для выкидышей со стороны самой беременной по отсутствію у нея, какъ несомнѣнныхъ общихъ, такъ и мѣстныхъ заболѣваній, дающихъ импульсъ къ появленію выкидышей.

Слѣдовательно намъ остается искать причины выкидышей у больной въ самомъ плодномъ яйцѣ.

Обращаясь къ патологіи плоднаго яйца, мы найдемъ здѣсь, конечно, много такихъ патологическихъ процессовъ, которые могутъ служить къ преждевременному прекращенію беременности, но примѣнительно къ объекту нашей бесѣды, данной больной, наша задача значительно облегчается. Поэтому мы не будемъ пускаться въ различныя далекія предположенія относительно этіологіи даннаго случая, а обратимся ближе къ дѣлу.

Достаточно припомнить тѣ цѣнныя анамнестическія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ наша больная, чтобы найти путеводную нить относительно причины ея многолѣтнихъ страданій.

Прошу извинить меня за повторенія. Припомните, она вышла замужъ здоровой дѣвушкой за человѣка, на сколько позволительно судить по описанію, уже достаточно пожившаго, злоупотреблявшаго, какъ относительно алкоголя, такъ и относительно половыхъ отношеній, человѣка слабаго, болѣзненнаго и вообще много лѣчившагося. Изъ болѣзней, которыми страдалъ ея мужъ, больная особенно помнитъ какую-то сыпь на всемъ его тѣлѣ, а изъ лекарствъ которыми лѣчился онъ — это втираніе какой-то мази во все тѣло. Повторяю это одно изъ самыхъ важныхъ анамнестическихъ данныхъ, которыя сообщаетъ наша больная.

Не требуется, г. г., особой проницательности, чтобы на основаніи этихъ данныхъ предположить чѣмъ страдалъ мужъ нашей больной. Жизнь, проводимая въ теченіе ряда лѣтъ описаннымъ образомъ, общая слабость, болѣзнь, выражающаяся

главнымъ образомъ безлихорадочнымъ распространеннымъ высыпомъ по тѣлу больнаго, лѣченіе распространенными втираніями, все это съ достаточной увѣренностью говоритъ за то — какой болѣзненной формой страдалъ мужъ больной, т. е. за сифилисъ. Эта картина такъ характерна, что она не можетъ быть вставлена ни въ какую другую рамку. Установивши прочно такое предположеніе относительно болѣзни мужа больной, не трудно перейти къ другому также достаточно обоснованному предположенію относительно страданія самой больной, послужившаго этіологическимъ моментомъ къ появленію у нея выкидышей. Здоровая, молодая дѣвушка, вышедшая замужъ за сифилитика, могла, или сама заразиться сифилисомъ, или она сама осталась здоровою, но благодаря сифилитическому сѣмени мужа, оплодотворенное яйцо уже въ періодѣ зачатія инфецировалось сифилитическимъ ядомъ.

Какое изъ этихъ двухъ предположеній окажется наиболѣе достовѣрнымъ намъ покажетъ дальнѣйшій анализъ больной.

Очень тщательное изслѣдованіе больной, касающееся всего ея организма, по отсутствію положительныхъ признаковъ бывшаго сифилиса, за исключеніемъ только припуханія локтевыхъ железъ, позволяетъ намъ утверждать по крайней мѣрѣ на основаніи теперешнихъ данныхъ, что нельзя категорически отрицать того, что больная не страдаетъ сифилисомъ въ настоящее время. Справедливость требуетъ замѣтить, что указанное обстоятельство отнюдь не можетъ служить ручательствомъ, что у больной нѣтъ сифилитическаго заболѣванія можетъ быть въ такъ называемой латентной, скрытой формѣ.

Во всякомъ случаѣ, по отсутствію болѣе вѣскихъ объективныхъ данныхъ, мы пока допускаемъ, что больная свободна отъ сифилитической инфекціи, а главное дѣло заключается въ специфической инфекціи самаго плоднаго яйца. Въ этомъ мнѣніи насъ еще болѣе убѣждаютъ результаты дальнѣйшаго микроскопическаго изслѣдованія частицъ остатковъ плоднаго яйца, извлеченныхъ изъ матки, въ которыхъ найдено — усиленное разращеніе соединительной ткани, гипертрофированныя ворсинки chorii и т. д., словомъ довольно вѣскія данныя, свидѣтельствующія о сифилитическихъ измѣненіяхъ въ существѣ плоднаго яйца.

Такимъ образомъ относительно причинъ цѣлаго ряда

выкидышей у данной больной мы можемъ считать установленнымъ фактомъ, что этіологія ихъ заключается въ сифилитической инфекціи самаго плоднаго яйца.

Относительно этіологіи другихъ патологическихъ измѣненій половой сферы у г-жи Ш., то этіологическую связь всего этого также установить нетрудно.

Что касается до правосторонняго заболѣванія яйцевода и яичника, то это страданіе хроническое, которое появилось, вѣроятно, вслѣдствіе пуэрперальнаго заболѣванія послѣ одного изъ бывшихъ раньше выкидышей, оно скоро перешло въ хроническую форму и затѣмъ осталось in statu quo до настоящаго времени.

Совершенно въ иномъ видѣ представляется subinvolutio uteri et parametritis exsudativa sin. acuta. Это, конечно, произведеніе позднѣйшаго времени. Послѣдній выкидышъ, происшедшій 1½ мѣсяца назадъ, какъ мы знаемъ, прошелъ также не особенно благополучно: выдѣлилась только часть плоднаго яйца, а остальная — оставалась in utero до настоящаго времени. Вслѣдствіе задержанія въ маткѣ плоднаго яйца, доступа внѣшнихъ вліяній, несоотвѣтственной обстановки и т. п., понятно, матка и другіе отдѣлы половаго аппарата не могли оставаться индеферентными къ такому положенію дѣла.

Явилась реакція, которая выразилась въ появленіи пуэрперальнаго эндометрита, въ недостаточной инволюціи матки, и, какъ результатъ всего этого — дальнѣйшее распространеніе пуэрперальной инфекціи — воспаленіе околоматочной клѣтчатки въ острой эксудативной формѣ.

Переходимъ къ предсказанію при данной патологической формѣ беременности у нашей больной. Естественно, на обязанности акушера лежитъ забота не только о беременной, но и о развивающемся внутреутробномъ плодѣ.

Что касается до данной больной, то на основаніи того, что было найдено при подробномъ клиническомъ изслѣдованіи ея, уже à priori приходится сказать, что предсказаніе здѣсь слѣдуетъ поставить съ большою осторожностью и очень сомнительное. Въ данное время больная страдаетъ послѣродовой инфекціей съ различными локализаціями, такъ что является вопросъ — на сколько легко вообще устранимы у нея послѣродовыя заболѣванія, не получится-ли обостреніе хроническаго salpyngo-oophorit'a, въ какой формѣ это будетъ

и т. д.; а если прибавить къ этому еще крайне неудовлетворительное общее состояніе больной, то шансы на благопріятность предсказанія еще болѣе уменьшатся.

Но вѣдь это еще не все — это только часть нашей задачи по предсказанію относительно самой больной. Допустимъ, что эту половину задачи мы рѣшимъ удовлетворительно; допустимъ, что благодаря всѣмъ предпринимаемымъ мѣрамъ, она оправится отъ настоящаго своего тяжелаго остраго болѣзненнаго состоянія, но не говоря уже о томъ, что у больной есть еще хроническія болѣзни, слѣдуетъ подумать и еще объ одномъ обстоятельствѣ. Ш., еще молодая женщина, она можетъ снова беременѣть, беременности могутъ прекращаться выкидышами, которыя не могутъ быть, понятно, безразличны для состоянія ея и безъ того расшатаннаго здоровья. Наконецъ на нашей обязанности лежитъ забота и о сохраненіи вида, сохраненія могущихъ произойти новыхъ беременностей. Изъ предыдущаго видно такимъ образомъ — какое серьезное предсказаніе мы должны поставить у нашей больной.

Что касается до вопроса о лѣченіи въ нашемъ случаѣ, то оно является довольно сложнымъ. Прежде всего самымъ неотложнымъ вопросомъ выдвигается немедленная помощь Ш. Выкидышъ еще не вполнѣ совершился, въ полости матки задержались части плоднаго яйца, слѣдовательно нужно немедленно опорожнить матку тѣмъ или другимъ способомъ. Если-бы на лицо былъ свѣжій случай выкидыша безъ сопутствующихъ воспалительныхъ явленій со стороны частей, окружающихъ матку, то это былъ бы единственный и самый лучшій способъ. Но такъ какъ мы имѣемъ неполный выкидышъ и еще пуэрперальное заболѣваніе, то мы находимся въ очень стѣсненномъ положеніи относительно нашихъ дѣйствій.

Слѣдовательно, положеніе дѣла такое: съ одной стороны требуется немедленное опороженіе матки, соединенное можетъ быть съ насильственными дѣйствіями, а съ другой — нужно какъ можно болѣе остерегаться всякихъ раздраженій матки, чтобы не усилить острый воспалительный процессъ, находящійся слѣва матки и не обострить хроническое воспаленіе трубы и яичника съ правой стороны.

Изъ мѣропріятій, содѣйствующихъ быстрому и непосредственному опорожненію матки, извѣстны 3 категоріи:

1) осторожное выдавливаніе задержавшагося въ маткѣ цѣлаго — или части плоднаго яйца при помощи наружно-внутреннихъ ручныхъ пріемовъ; 2) удаленіе содержимаго — непосредственнымъ введеніемъ 1—2 пальцевъ въ матку, и, наконецъ 3) инструментальное удаленіе плоднаго яйца изъ матки различными кюретками и т. д.

Къ сожалѣнію ни одинъ изъ только что приведенныхъ пріемовъ какъ-бы умѣло и тщательно онъ не былъ проведенъ, не можетъ насъ гарантировать въ данномъ случаѣ отъ возможности вызвать болѣе или менѣе сильную реакцію со стороны патологически-измѣненной половой системы. Поэтому въ подобныхъ случаяхъ, по неволѣ приходится дѣйствовать иначе.

Задача наша опредѣляется здѣсь такимъ образомъ: 1) должно стремиться къ устраненію воспалительныхъ явленій; 2) возможно скорому и тщательному удаленію изъ полости матки, задержавшихся въ ней остатковъ плоднаго яйца, и, 3) болѣе совершенному сокращенію недостаточно инволвированной матки.

Средства, удовлетворяющія только что предъявленнымъ требованіямъ, вмѣстѣ съ этимъ неминуемо освободятъ организмъ отъ вступившей въ него инфекціи.

Принимая во вниманіе, что передъ нами является случай не съ мѣстной только, а съ болѣе распространенной инфекціей, слѣдовало-бы прежде всего подумать объ общемъ лѣченіи, и, именно о серотерапіи. Я не могу пускаться здѣсь въ детали сывороточнаго лѣченія, но скажу здѣсь-же, что не смотря на то, что вопросъ о значеніи серотерапіи въ пуэрперальныхъ заболѣваніяхъ — вопросъ еще далеко нерѣшенный, — серотерапія имѣетъ многихъ противниковъ въ этомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ есть вѣскія соображенія, которыя не позволяютъ относиться къ этому дѣлу съ легкимъ сердцемъ и рѣшать его просто въ отрицательномъ смыслѣ.

По моему крайнему убѣжденію, серотерапія заслуживаетъ нашего серьезнаго вниманія уже потому, что хотя немного, но существуютъ наблюденія, говорящія за дѣйствительность серотерапіи въ пуэрперальныхъ заболѣваніяхъ; далѣе эти послѣднія и до сего дня представляются намъ въ такомъ видѣ, что мы, говоря откровенно, во многихъ случаяхъ становимся почти совершенно безсильными въ борьбѣ съ этимъ врагомъ; и, наконецъ послѣднее соображеніе — это то, что

по сіе время сдѣлано, сравнительно, еще мало наблюденій относительно серотерапіи въ пуэрперальныхъ заболѣваніяхъ.

Слѣдовательно вопросъ сводится къ тому, что не имѣя до сегодня болѣе или менѣе надежныхъ средствъ для борьбы съ извѣстной болѣзненной формой, въ такихъ безотрадныхъ случаяхъ необходимо слѣдуетъ настойчиво и тщательно дѣлать наблюденія надъ средствомъ, которое и имѣетъ за собою раціональныя основанія, и, кромѣ того судя по нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ, клиническимъ наблюденіямъ, оказывается дѣйствительнымъ, словомъ, даетъ по крайней мѣрѣ надежду въ будущемъ сладить съ послѣродовыми заболѣваніями; и, я бы охотно примѣнилъ у нашей больной серотерапію, но къ сожалѣнію, мы находимся въ такихъ условіяхъ, что пріобрѣтеніе сыворотки у насъ сопряжено также съ большими затрудненіями. И такъ въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ намъ приходится искать спасенія въ другихъ способахъ лѣченія.

Что-же можно предложить въ этомъ отношеніи?

Мы можемъ остановиться на двухъ способахъ, близко стоящихъ одинъ къ другому. Сначала о первомъ. Это холодъ на низъ живота именно слѣва, гдѣ имѣется острый параметритъ и горячія влагалищныя спринцеванія. Какъ холодъ, такъ и спринцеванія будутъ дѣйствовать, прежде всего, какъ термическіе агенты; они будутъ улучшать кровообращеніе въ патологически-измѣненной территоріи ткани; затѣмъ благодаря тому-же термическому вліянію они будутъ дѣйствовать раздражающимъ образомъ на маточную мускулатуру, вызывая маточныя сокращенія, слѣдовательно будутъ содѣйствовать отдѣленію отъ внутренней поверхности матки остатковъ плоднаго яйца и выведенію ихъ наружу; наконецъ влагалищныя спринцеванія съ примѣсью различныхъ дезинфецирующихъ средствъ, кромѣ указаннаго дѣйствія, еще будутъ выводить все выдѣляющееся изъ маточной полости и — обеззараживать половой каналъ. Такія влагалищныя спринцеванія 35° R., смотря по случаю, дѣлаются или рѣже или чаще — отъ 3—6 разъ въ день и даже чаще.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда острыя воспалительныя явленія въ окружности матки стихаютъ и если при этомъ есть основаніе думать, что въ полости матки еще продолжается процессъ разложенія, тогда можно сдѣлать 1—2 раза непосредственно, крайне осторожное, промываніе маточной

полости при помощи особоприспособленнаго маточнаго наконечника.

Другой способъ, который предлагается при лѣченіи такихъ затяжныхъ, инфецированныхъ выкидышей — это такъ называемое постоянное влагалищное орошеніе. Какъ производится это влагалищное орошеніе, Вы уже достаточно знаете, поэтому я на немъ останавливаться не буду, а замѣчу только, что при всѣхъ его достоинствахъ, онъ имѣетъ большой недостатокъ — помѣщенный во влагалище на продолжительное время довольно объемистый влагалищный наконечникъ иногда такъ раздражаетъ стѣнки влагалища и вліяетъ на общее состояніе, что встрѣчаются больныя, которыя рѣшительно отказываются отъ примѣненія постояннаго влагалищнаго орошенія.

Какъ бы то ни было — будетъ-ли примѣнено простое, частое влагалищное спринцеваніе или — постоянное орошеніе, но несомнѣнно то, что встрѣчаются вообще очень серьезныя пуэрперальныя заболѣванія и въ частности затяжные выкидыши, которыя излѣчиваются благодаря только примѣненію одного изъ приведенныхъ сейчасъ методовъ. Само собою понятно, что паралельно съ мѣстнымъ лѣченіемъ должно быть проводимо и соотвѣтствующее общее лѣченіе, ибо чѣмъ крѣпче будетъ данный организмъ, тѣмъ лучше будетъ онъ противостоять патогеннымъ микроорганизмамъ и быстрѣе будетъ идти по пути къ выздоровленію. Если послѣ того, какъ острыя воспалительныя явленія стихнутъ, будетъ все таки подозрѣніе въ томъ, что въ полости матки задерживаются еще остатки плоднаго яйца и инволюція матки не улучшается, тогда уже явится вполнѣ показаннымъ болѣе активное вмѣшательство въ формѣ непосредственнаго выскабливанія внутренней поверхности матки.

Такъ мы и поступимъ у нашей больной. Допустимъ, что наши усилія увѣнчаются успѣхомъ — самое неотложное будетъ устранено, т. е., острыя воспалительныя явленія пройдутъ, остатки плоднаго яйца удалятся изъ полости матки, наконецъ инволюція послѣдней также улучшится.

Но этимъ наша миссія по отношенію къ данной больной, какъ замѣчено выше, далеко еще не завершится. Слѣдуя намѣченному плану намъ предстоитъ еще озаботиться — 1) объ устраненіи хроническаго воспаленія въ лѣвостороннихъ маточныхъ придаткахъ; 2) — дальнѣйшемъ поправленіи общаго

состоянія здоровья Ш. и наконецъ 3) о возможномъ предупрежденіи появленія выкидышей въ будущемъ.

Что касается до способовъ лѣченія salpyngo-oophoritis chronica, равно и объ общемъ лѣченіи я распространяться не буду, какъ объ извѣстныхъ уже Вамъ методахъ и ограничусь только упоминаніемъ.

Я остановлю Ваше вниманіе теперь исключительно на третьемъ пунктѣ. Для болѣе правильной постановки вопроса о предупрежденіи выкидышей у Ш. въ будущемъ, мы должны, конечно, обратиться къ этіологіи этихъ выкидышей.

Вы помните, что при анализѣ этіологическихъ моментовъ выкидышей у нашей больной, мы остановились на слѣдующемъ. Мужъ ея сифилитикъ, что касается до самой больной, то при тщательномъ изслѣдованіи ея, мы не нашли особенно вѣскихъ, видимыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ были-бы въ состояніи утверждать, что и она заражена сифилисомъ, хотя при этомъ была сдѣлана вполнѣ законная оговорка отсутствіе несомнѣнныхъ видимыхъ признаковъ сифилиса у даннаго субъекта еще не даетъ права категорически отрицать, такъ называемую, скрытую, латентную форму сифилиса; и, наконецъ послѣднее — плодное яйцо найдено зараженнымъ сифилисомъ.

Слѣдовательно вотъ канва, по которой мы должны слѣдовать при проведеніи дальнѣйшаго лѣченія болѣзни у г-жи Ш. На этомъ основаніи мы должны предписать прежде всего самой больной — на нѣкоторое время — полную сепарацію отъ мужа, при чемъ одновременно порекомендовать послѣднему обратиться къ соотвѣтствующему спеціалисту для болѣе детальнаго выясненія вопроса о его болѣзни и проведеніи специфическаго лѣченія.

Затѣмъ и больную Ш. мы также не имѣемъ основанія совершенно освободить отъ подозрѣнія относительно сифилитическаго зараженія. Поэтому, больная должна быть подъ наблюденіемъ и у нея на ряду съ общимъ — и мѣстнымъ лѣченіемъ половой системы, должно быть паралельно проведено осторожное противосифилитическое лѣченіе, которое можетъ быть должно будетъ продолжаться и въ томъ случаѣ, если Ш. когда нибудь забеременѣетъ.

Такъ мы должны держать себя по отношенію къ нашей первой больной.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію причинъ выкидышей и мѣръ

къ устраненію послѣднихъ у другой больной, которую мы съ Вами видѣли.

Передъ нами прошла больная, еще молодая 22-лѣтняя женщина, она и сама считаетъ себя беременною и наконецъ на основаніи объективныхъ данныхъ — ее слѣдуетъ признать беременною 2—2$^1/_2$ мѣсяцевъ. Больная хотя и малокровна, но ни на что особенное не жалуется. Единственно, что безпокоитъ ее, это слѣдующее: она разъ уже имѣла выкидышъ, но страстно желая имѣть дѣтей и чувствуя себя снова беременной, больная боится какъ бы у нея опять не послѣдовалъ выкидышъ; потому она обратилась къ намъ, какъ къ экспертамъ, чтобы получить наставленія для предупрежденія выкидыша. Мужъ ея здоровый, молодой человѣкъ.

Объективное изслѣдованіе всѣхъ системъ и органовъ за исключеніемъ genitalia у г-жи Ф. не показало ничего особенно ненормальнаго. Что касается до половой сферы, то здѣсь встрѣчается значительно искривленная назадъ беременная матка.

Такимъ образомъ желая отмѣтить этіологическій моментъ выкидыша и не встрѣчая со стороны анамнестическихъ свѣдѣній никакого обстоятельства, которое могло-бы пролить свѣтъ на происшедшій выкидышъ, нельзя ни на чемъ болѣе остановиться въ этомъ отношеніи, какъ на измѣненномъ положеніи матки.

Дѣйствительно, перебирая причины выкидышей со стороны различныхъ ненормальностей половыхъ органовъ, нужно сказать, что retroflexio uteri gravidi нерѣдко бываетъ причиною преждевременнаго прекращенія беременности — въ ранніе періоды развитія послѣдней. Правда, встрѣчается много женщинъ, у которыхъ имѣется значительное искривленіе матки назадъ, и, тѣмъ не менѣе эти женщины повторно беременѣютъ и благополучно донашиваютъ беременность до нормальнаго ея окончанія. Но нельзя забывать при этомъ, что раннее прекращеніе беременности при искривленіи матки назадъ, зависитъ не только отъ измѣненнаго положенія матки, но и отъ многихъ другихъ сопутствующихъ обстоятельствъ.

Степень искривленія органа, подвижность его, измѣненіе строенія существа матки, своевременное выскальзываніе дна и тѣла ретрофлектированной матки изъ крестцовой впадины въ большой тазъ и еще многіе другіе моменты — могутъ совершенно парализовать вліяніе ненормальнаго положенія

беременной матки и содѣйствовать благополучному окончанію беременности. Съ другой стороны обратныя отношенія, въ свою очередь, могутъ вести къ обратнымъ послѣдствіямъ.

Если мы обратимся къ нашей беременной и дадимъ себѣ трудъ прослѣдить всѣ только что переименованныя обстоятельства, то мы должны отмѣтить слѣдующее: матка значительно искривлена назадъ, при томъ она хотя и подвижна, но вслѣдствіе увеличенія своего объема и стѣсненности пространственныхъ отношеній, она начинаетъ какъ бы упираться въ мысъ крестцовой кости. Кромѣ того для діагностическихъ и терапевтическихъ цѣлей имѣется очень важное указаніе въ субъективныхъ ощущеніяхъ больной: она сообщаетъ, что въ послѣднее время у нея начали появляться легкія схваткообразныя боли внизу живота.

Это указаніе въ высокой степени важное при данныхъ обстоятельствахъ: оно до извѣстной степени указываетъ намъ на начинающуюся потужную дѣятельность въ маткѣ, стѣсняемой въ пространственныхъ отношеніяхъ вслѣдствіе начинающагося соприкосновенія дна матки со стѣнкой крестцовой впадины и происходящаго вслѣдствіе этого раздраженія матки. Эти боли служатъ такъ сказать предварительной повѣсткой, сообщающей о возможности опорожненія матки въ недалекомъ будущемъ.

Отсюда вытекаетъ и планъ нашихъ дѣйствій по отношенію къ сохраненію беременности у г-жи Ф. — Слѣдовательно предстоитъ 1) исправить искривленную назадъ матку, вѣрнѣе приподнять ее изъ полости малаго таза, гдѣ она уже не находитъ болѣе достаточно простора для своего помѣщенія; 2) удержать приподнятую матку нъ новомъ положеніи и наконецъ 3) успокоить начинующуюся уже схваткообразную дѣятельность матки.

Выправленіе ретрофлектированной беременной матки производится осторожно и различными способами, при томъ смотря по особенностямъ случая, по чувствительности больной, оно производится въ легкихъ случаяхъ безъ наркоза, въ болѣе трудныхъ подъ глубокимъ наркозомъ. Удобнѣе операцію производить на гинекологическомъ креслѣ, хотя возможно на поперечной — и даже на обыкновенной кровати.

Уложивъ больную надлежащимъ образомъ въ спинно-ягодичномъ положеніи, акушеръ вводитъ два пальца одной своей руки во влагалище и помѣщаетъ ихъ въ заднемъ сводѣ

подъ ретрофлектированной маткой; затѣмъ пальцами приподнимается матка вверхъ и при томъ наблюдаютъ, чтобы матку приподнимать не по средней линіи у крестцоваго мыса, а съ той или другой стороны послѣдняго. Какъ только матка выскользнула изъ полости малаго таза, миновала promontorium, она сейчасъ же захватывается пальцами другой свободной руки, находящейся на брюшныхъ покровахъ. Въ то время какъ эта послѣдняя рука стремится перегнуть тѣло матки впередъ, другая, внутренняя рука смѣщаетъ маточную шейку назадъ.

Иногда выправленіе искривленной матки назадъ не удается при помощи брюшно-влагалищнаго пріема, тогда два пальца одной руки вводятся in rectum и дѣйствуютъ точно такимъ же образомъ, какъ черезъ влагалище, а другая, свободная рука размѣщается на брюшныхъ покровахъ, какъ и въ первомъ случаѣ.

Для облегченія выправленія ретрофлектированной беременной матки, нѣкоторые акушеры совѣтуютъ производить эту операцію въ положеніи беременной a la vache.

Кромѣ этихъ обычныхъ пріемовъ въ затруднительныхъ случаяхъ рекомендуется выправлять матку такимъ образомъ, что предварительно влагалищная порція матки захватывается мюзе или пулевыми щипцами и оттягивается внизъ, а затѣмъ уже дно матки черезъ брюшные покровы поднимается вверхъ. Я опускаю здѣсь тѣ очень рѣдкіе случаи, когда описанные сейчасъ пріемы неудаются и обстоятельства заставляютъ прибѣгать къ опорожненію матки посредствомъ искусственнаго прерыванія беременности.

Но въ обыкновенныхъ, не особенно запущенныхъ случаяхъ, повторяю, исправленіе положенія ретрофлектированной беременной матки удается не очень трудно.

Однимъ выправленіемъ искривленной назадъ беременной матки дѣло еще не кончается; теперь выступаетъ новая забота объ удержаніи органа въ приданномъ ему новомъ положеніи. Для этой цѣли вводится во влагалище хорошо подобранный пессарій. Считается, что пессарій Hodge наиболѣе удобный для этой цѣли, хотя нужно замѣтить, что едва ли это вѣрно: всякій хорошо подобранный пессарій будетъ выполнять свое назначеніе; но какой-бы пессарій не былъ введенъ во влагалище для удержанія въ болѣе нормальномъ положеніи ретрофлектированной беременной матки, во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы беременная носила пессарій до конца IV или еще лучше до начала V мѣсяца беременности.

Наконецъ, несмотря на ношеніе влагалищнаго пессарія хорошо если беременная будетъ ежедневно и по нѣсколько разъ лежать на животѣ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

По отношенію къ нашей беременной акушерская помощь опредѣлится слѣдовательно такимъ образомъ. Такъ какъ беременная матка еще не особенно велика, подвижность ея еще сохранена, то мы произведемъ ручное, при помощи брюшно-влагалищныхъ пріемовъ, вправленіе матки; затѣмъ введемъ пессарій во влагалище и порекомендуемъ больной почаще и въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени лежать на животѣ.

Послѣднее о чемъ остается позаботиться у данной больной, это слѣдующее. Больная уже имѣла одинъ выкидышъ въ прошлую беременность, приблизительно, въ тотъ срокъ беременности, въ какой она явилась къ намъ въ текущую беременность. Затѣмъ у ней появились и теперь какъ-бы признаки готовящагося опять выкидыша; кромѣ того слѣдуетъ прибавить, что самыя манипуляціи выправленія беременной, ретрофлектированной матки, конечно, не могутъ быть безразличны, словомъ, онѣ могутъ быть также стимуломъ къ возбужденію или усиленію сократительной дѣятельности матки.

Все это нужно имѣть въ виду; поэтому послѣ операціи исправленія ретрофлектированной беременной матки мы назначимъ нашей больной въ теченіе извѣстнаго времени постельное содержаніе и употребленіе наркотическихъ средствъ.

Въ заключеніе отвѣчая на вопросъ, съ которымъ она къ намъ явилась — какъ сохранить беременность до нормальнаго окончанія послѣдней, слѣдуетъ посовѣтовать ей извѣстный режимъ. Беременная по крайней мѣрѣ до половины текущей беременности должна быть подъ наблюденіемъ акушера.

Она обязана носить влагалищный пессарій также до только что отмѣченнаго періода беременности и съ цѣлью успокоенія начинающейся сократительной дѣятельности матки, поставимъ беременной на видъ, что она должна пробыть въ постели, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ еще около мѣсяца, строго наблюдать за собой, слѣдить за правильностью отправленій организма и соблюдать строжайшій покой во всѣхъ отношеніяхъ.

Поздняя внѣматочная беременность.

Въ нашемъ распоряженіи, господа, въ настоящее время имѣются двѣ очень серьезныя и очень интересныя больныя; обѣ онѣ представляютъ большую аналогію между собою и поэтому мы ихъ разсмотримъ совмѣстно. Нѣкоторые изъ Вашихъ товарищей уже успѣли отчасти ознакомиться съ этими больными, участвуя въ составленіи исторій болѣзни, остальные сейчасъ узнаютъ болѣе подробно все изъ анамнестики и результаты совмѣстнаго объективнаго изслѣдованія интересующихъ насъ теперь больныхъ. Я замѣчу здѣсь предварительно, что одна изъ нихъ не только серьезна, но даже опасна и явилась къ намъ съ требованіемъ врачебной помощи при витальныхъ показаніяхъ: эта помощь уже и оказана ей. Сначала по общепринятому нами порядку, выслушаемъ послѣдовательно исторіи болѣзни, а затѣмъ перейдемъ къ дальнѣйшему анализу болѣзненныхъ явленій.

И такъ выслушаемъ предварительно исторіи болѣзни и начнемъ съ первой больной. Начнемъ именно съ нея не только потому, чтобы соблюсти порядокъ въ очереди, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что положеніе данной больной было и есть очень опасное и требуетъ, повторяю, немедленнаго врачебнаго вмѣшательства при жизненныхъ показаніяхъ. Изъ довольно подробно составленной исторіи болѣзни узнаемъ слѣдующее.

I случай. В. Т. 35 л., крестьянка, эстонка, родилась и живетъ въ деревнѣ Лифляндск. губ., поступила для лѣченія въ Юрьевскую акушерско-гинекологическую Клинику. По словамъ больной, въ дѣтствѣ она была здорова, мѣсячныя получила на 12 году, постоянно правильно черезъ 3 недѣли

по 7 дней и безъ боли; послѣднія менструаціи больная имѣла въ VI/98. Больная рожала 3 раза своевременно, послѣдніе роды были $9^1/_2$ лѣтъ тому назадъ. Всѣ беременности, послѣродовые періоды проходили правильно и вообще она всегда пользовалась хорошимъ здоровьемъ; дѣтей выкормила сама.

Больная считаетъ себя теперь беременною съ прошлаго іюня, при чемъ сообщаетъ, что первое движеніе плода почувствовала въ началѣ прошлаго декабря. Она припоминаетъ, что вмѣстѣ съ прекращеніемъ послѣднихъ регулъ стала чувствовать боль въ лѣвомъ боку и — замѣчать въ животѣ какой-то твердый кусокъ (опухоль). Кусокъ этотъ она прошупывала въ продолженіе 2 мѣсяцевъ (въ VII и VIII); затѣмъ этотъ кусокъ по ея словамъ исчезъ.

Въ настоящее время больная жалуется на сильныя боли во всемъ животѣ и — крестцѣ, по поводу чего она и обратилась въ клинику, гдѣ и была принята на койку 9/I 99.

Въ скорбномъ листѣ за это время отмѣчено слѣдующее. Больная средняго роста и тѣлосложенія, удовлетворительнаго питанія, хотя наружные покровы и видимыя слизистыя оболочки представляются блѣдными. Окружность живота 95 сантим., высота дна матки на 3 поперечныхъ пальца выше пупка; Conj. ext.—21,—D. tr.—31,—D. cr.—28,—D. spin.—26.— При наружномъ изслѣдованіи выслушиваніе живота на всемъ протяженіи опухоли не обнаруживаетъ сердечныхъ тоновъ плода, а всюду слышится очень рѣзкій маточный шумъ. Ощупываніе живота довольно болѣзненно, поэтому неудается болѣе точное изслѣдованіе его, а легкая поверхностная пальпація не даетъ возможности прощупать какія либо отдѣльныя части. При внутреннемъ изслѣдованіи представляется такая картина. Дойти изслѣдующимъ пальцемъ до маточной шейки крайне трудно, вслѣдствіе высокаго положенія ея, такъ что маточная шейка еле-достижима и лежитъ у симфиза. Задній сводъ низдавленъ куполообразно и выпуклостью обращенъ книзу. При болѣе подробномъ изслѣдованіи задняго свода, черезъ него прощупывается твердое, круглое тѣло, напоминающее дѣтскую головку, при чемъ тѣло это стоитъ неподвижно въ маломъ тазу.

T^0 тѣла больной колеблется въ нормальныхъ границахъ. Какъ мнѣ передалъ ассистентъ, больная послѣ принятія въ клинику была уложена въ постель; при соотвѣтствующей терапіи, боли, безпокоившія больную стали мало по малу стихать и,

наконецъ, состояніе здоровья ея настолько улучшилось, что она, чувствуя себя удовлетворительно, выписалась черезъ недѣлю изъ клиники.

Однако, вскорѣ она снова возвратилась въ клинику, жалуясь на возвращеніе прежнихъ болей. Когда я въ первый разъ увидалъ больную 3/II, то положеніе дѣла представлялось во такомъ видѣ.

Больная жалуется на сильныя боли во всемъ животѣ, но особенно внизу слѣва и въ поясницѣ; боли эти постоянны, но по временамъ обостряются. Относительно характера болей — были-ли это потугообразныя или иныя — отъ больной нельзя было добиться.

Объективно: наружные покровы блѣдны, нѣсколько отечны, особенно нижнія конечности, видимыя слизистыя оболочки блѣдны, t^0 тѣла нормальная. Со стороны органовъ пищеваренія замѣчается плохой аппетитъ, затрудненная дефекація.

Въ органахъ дыханія замѣтны явленія небольшаго бронхита.

Въ органахъ кровообращенія — пульсъ около 100, средняго наполненія, правильнаго ритма, тоны сердца слабоваты, но чисты, границы сердца нормальны.

Мочевые органы: суточное количество мочи колеблется въ значительныхъ предѣлахъ — отъ 600—1100 куб. сантим., моча темножелтаго цвѣта, мутна, безъ рѣзкаго запаха, уд. вѣсъ 1015. Химико-микроскопическое изслѣдованіе ея показало присутствіе бѣлка въ значительномъ, но не постоянно одинаковомъ количествѣ, 3—7 pro mille. Микроскопъ обнаруживаетъ небольшое количество гіалиновыхъ и зернистыхъ эпителіальныхъ цилиндровъ.

Въ области нервной системы можно отмѣтить только особенное безпокойство, раздражительность больной, вслѣдствіе безпокоящихъ ее болей.

Половые органы: грудныя железы немного увеличены въ объемѣ, нѣсколько нагрубли, околососковые кружки рѣзко пигментированы и на ихъ поверхности выступаютъ увеличенныя монгомеровы железы; изъ хорошо-развитыхъ сосковъ только изъ праваго выдѣляется молозиво.

Наружные покровы живота нѣсколько отечны, покрыты многочисленными рубцами отъ предшествовавшихъ беременностей. Linea alba пигментирована; животъ представляется

выпуклымъ. Увеличеніе живота идетъ на счетъ опухоли; брюшные покровы представляются почти неподвижными надъ этой опухолью, которая помѣщается въ брюшной полости; эта опухоль расположена такъ, что она простирается слѣва и сверху — вправо и внизъ и непосредственно спускается въ полость малаго таза. Окружность живота на уровнѣ пупка = 107 сантим. Пупочное кольцо сглажено. Вслѣдствіе значительной болѣзненности брюшныхъ покрововъ, нѣтъ возможности произвести болѣе подробное наружное изслѣдованіе, но осторожное ощупываніе живота не обнаруживаетъ никакихъ частей плода, ни движеній его.

При выслушиваніи всей области, занимаемой опухолью, нигдѣ не прослушиваются сердечные тоны плода; а по всей периферіи опухоли слышится маточной шумъ; послѣдній особенно рѣзко усиливается близь лобка и главнымъ образомъ, въ правой сторонѣ.

Наружные половые органы отечны: темнокраснаго цвѣта.

При изслѣдованіи per vaginam изслѣдующій палецъ по своемъ введеніи очень скоро натыкается на выпячивающуюся заднюю стѣнку влагалища; выпячиваніе это непосредственно продолжается къ заднему влагалищному своду, который представляется уплощеннымъ, низдавленнымъ. Это выпячиваніе задней влагалищной стѣнки происходитъ на счетъ какого-то шарообразнаго, твердаго тѣла, отдѣленнаго отъ влагалища довольно тонкимъ промежуточнымъ слоемъ, который заключаетъ въ себѣ какъ-бы истонченную маточную стѣнку. Черезъ этотъ истонченный слой промежуточной ткани не трудно убѣдиться, что за влагалищной стѣнкой находится дѣтская головка, такъ какъ здѣсь съ достаточной доказательностью прощупывается, какъ черепной костный сводъ, такъ и находящіеся на черепѣ швы, раздѣляющіе черепныя кости. Головка стоитъ неподвижно въ полости малаго таза. Проходя изслѣдующимъ пальцемъ, на сколько возможно глубже во влагалище за выдающуюся опухоль, съ большимъ трудомъ удается достигнуть до задней губы маточной шейки; при этомъ получается такое впечатлѣніе, что маточная щейка какъ-бы непосредственно переходитъ въ ткань слоя, покрывающаго головку плода, составляя одно цѣлое. Маточная шейка стоитъ на столько высоко за лобкомъ, что, даже при изслѣдованіи 2 пальцами, неудается обойти ея кругомъ, а при этомъ только возможно достигнуть до наружнаго от-

верстія маточнаго зѣва. На сколько возможно судить по достижимому нижнему сегменту маточной шейки, послѣдняя представляется увеличенной въ объемѣ, мягковатой.

Изслѣдованіе per rectum убѣждаетъ еще болѣе въ томъ, что опухоль, которая прощупывается черезъ влагалище, есть ни что иное, какъ головка плода глубоко спустившаяся въ полость малаго таза; хотя нужно замѣтить, что слой ткани раздѣляющій головку отъ просвѣта прямой кишки гораздо толще, чѣмъ соотвѣтствующій слой, прощупаемый со стороны влагалища. Головка настолько уменьшила проходимость recti, что указательный палецъ невозможно провести въ rectum въ мѣстѣ нахожденія головки.

При комбинированномъ изслѣдованіи, опухоль, находящаяся въ брюшной полости, представляется составляюшей одно цѣлое съ маточной шейкой и головкой; нигдѣ никакихъ перехватовъ и выемокъ, доказывающихъ раздѣленіе этихъ опухолей — констатировать не удается при тщательныхъ и повторныхъ изслѣдованіяхъ больной.

Сверхъ того, при ощупываніи черезъ брюшные покровы, вся поверхность внутребрюшной опухоли представляется довольно гладкой и консистенціи, соотвѣтствующей беременной маткѣ; но нигдѣ никакихъ выступовъ, болѣе твердыхъ или угловатыхъ частей прощупывать не удается, равно ни разу не удалось убѣдиться въ присутствіи движеній плода. Такъ какъ изслѣдованіе было очень болѣзненно для больной, а межъ тѣмъ по положенію дѣла требовалось возможно точное изслѣдованіе, то послѣднее было предпринято подъ смѣшаннымъ хлороформно-метилялевымъ наркозомъ, при чемъ для полученія удовлетворительныхъ результатовъ потребовалось небольшое количество этой смѣси. Однако, и, изслѣдованіе подъ наркозомъ не прибавило никакихъ новыхъ діагностичеекихъ данныхъ. Положеніе больной становилось все тяжелѣе и тяжелѣе.

Больная жаловались на все усиливающіяся боли въ животѣ и поясницѣ, боли почти постоянныя, но по временамъ обостряющіяся. Отеки ногъ и другихъ частей тѣла увеличивались, суточное количество мочи колебалось, но не превышало 1000 к. с., уд. в. 1008—1015, кислой реакціи; содержаніе бѣлка достигло до 12 pro mille.

Аппетитъ исчезъ, общее питаніе замѣтно падало; ко всему этому присоединилось еще усиленіе и безъ того упор-

ныхъ запоровъ, что въ послѣднее время достигло до полнаго задержанія испраженій на низъ. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что для опорожненія кишечника пришлось прибѣгнуть къ помощи высокихъ клистировъ посредствомъ не толстаго нелатоновскаго катетера; и, только благодаря этому пріему, удавалось нѣсколько опорожнять кишечный каналъ.

Въ виду жизненныхъ показаній, было предложено чревосѣчаніе и по полученіи согласія больной, на производство операціи, послѣдняя была произведена мною безъ промедленій; но вслѣдствіе присутствія въ мочѣ значительнаго количества бѣлка, желательно было обойтись въ данномъ случаѣ безъ хлороформнаго наркоза. Поэтому мы употребили здѣсь опять смѣшанный хлороформно-метилялевый наркозъ.

Операція произведена 12/II; послѣ обычныхъ приготовленій, больная была уложена въ Тренделенбурговскомъ положеніи. По бѣлой линіи проведенъ разрѣзъ, который начинался на 2 сантим. выше лобка и оканчивался на 6 сантим. выше пупочнаго кольца. По вскрытіи послойными сѣченіями брюшной полости, сейчасъ-же по разрѣзѣ брюшины, въ ранѣ показалась опухоль темно-краснаго цвѣта. Извлечь опухоль изъ брюшной полости представлялось невозможнымъ, вслѣдствіе сплошныхъ сращеній и ломкости тканей, составляющихъ стѣнки опухоли. Даже при очень осторожной попыткѣ обойти свободную отъ сращеній часть опухоли, ткань передней стѣнки послѣдней прорвалась въ одномъ мѣстѣ и изъ разрыва хлынула довольно объемистой струей кровь. Кровотеченіе быстро было остановлено прижатіемъ пальца съ послѣдовательнымъ наложеніемъ широкаго Кохеровскаго пинцета. Послѣ этого, идя шагъ за шагомъ, удалось выдѣлить часть опухоли отъ обширныхъ плоскостныхъ сращеній. Этотъ маневръ и положеніе круглой маточной связки далъ возможность оріентироваться и убѣдиться, что данная опухоль есть ничто иное, какъ увеличенная лѣвая фаллопіева труба — плодовмѣстилище. Но вслѣдствіе толщины стѣнокъ трубы, даже sub operatione, нельзя было прощупать частей плода. Затѣмъ въ томъ мѣстѣ передней стѣнки опухоли, гдѣ произошелъ частичный разрывъ, послѣдній быстро былъ расширенъ разрѣзомъ послѣ предварительнаго обкладыванія опухоли марлевыми салфетками. Изъ разрѣза, который пришелся на плацентѣ, появилось колоссальное кровотеченіе, немедленно остановленное 2 ассистентами, прижавшими пальцами губы раны.

Плодъ изъ мѣшка быстро извлеченъ за ягодицы; положеніе его въ плодовмѣстилищѣ было продольное съ головкою, лежащею внизу глубоко въ полости малаго таза и спинкою обращенною впередъ. Послѣ двумѣстной предварительной перевязки пуповины, плодъ былъ удаленъ и затѣмъ приступлено къ отдѣленію плодовмѣстилища. Не смотря на то, что все производилось возможно скоро, изнуренная и безъ того больная, еще болѣе ослабѣла во время операціи, поэтому приходилось спѣшить съ окончаніемъ послѣдней. Ассистенты простымъ прижатіемъ продолжали удерживать кровотеченіе въ то время какъ я занялся отдѣленіемъ плоднаго мѣшка.

Плодовмѣстилище начиналось непосредственно отъ лѣвой стороны матки, причемъ хорошо можно было убѣдиться въ томъ, что лѣвая круглая маточная связка лежитъ кпереди и немного ниже угла матки. Не смотря на то, что эктопическая беременность имѣла мѣсто въ данномъ случаѣ въ лѣвой фаллоніевой трубѣ, повторяю, не смотря на это обстоятельство, даже sub operatione, почти никакого перехвата, раздѣляющаго плодный мѣшокъ отъ матки не было замѣтно, такъ что матка и плодовмѣстилище составляли какъ бы одно цѣлое. Единственное различіе между этими частями, въ чемъ можно было убѣдиться только во время операціи, это было то, что консистенція матки казалась болѣе плотной и цвѣтъ ея болѣе блѣдный, свойственный обыкновенному серозному покрову; тогда какъ консистенція плоднаго мѣшка представлялась болѣе мягкой и цвѣтъ наружной поверхности его — темно-краснымъ. По извлеченіи плода, на часть опорожненнаго плодовмѣстилища, ближайшую къ маткѣ, наложенъ большой зажимъ Doyen'a, а затѣмъ между зажимомъ и маткой наложенъ рядъ крѣпкихъ шелковыхъ швовъ иглою де-Шампа. Кровотеченіе прекратилось и часть плоднаго мѣшка, прилегающая къ маткѣ, послѣ различныхъ затрудненій отдѣлена отъ нея. Вообще, при отдѣленіи плодовмѣстилища, приходилось нарушать многочисленныя тяжевыя, а по большей части плоскостныя ложныя спайки съ окружающими органами и тканями. Такъ рыхлыя спайки съ заднимъ Дугласовымъ пространствомъ и лѣвой стѣнкой таза легко поддавались раздѣленію; точно также и сращенія его съ переднебоковой брюшной стѣнкой; но за то сращенія плодовмѣстилища слѣва съ colon descendens были настолько обширны и прочны, что

пришлось оставить часть стѣнки плоднаго мѣшка у этой кишечной петли, чтобы не лишить послѣднюю на довольно обширномъ протяженіи серознаго покрова.

Освобожденная отъ плодовмѣстилища матка представлялась увеличенной до объема $2^1/_2$—3 мѣсячной беременности, причемъ увеличеніе особенно рѣзко казалось въ поперечномъ размѣрѣ, тогда какъ въ переднезаднемъ діаметрѣ она представлялась уплощенною. Отъ праваго угла дна матки шла соотвѣтственная фаллоніева труба, на видъ нормальная, причемъ діаметръ ея равнялся приблизительно $^3/_4$ сантим.; брюшинный конецъ этой трубы очень соченъ, ворсины его гипертрофированы; соотвѣтствующій яичникъ, кромѣ нѣсколько увеличеннаго объема, ничего особеннаго не представлялъ. Послѣ удаленія плодовмѣстилища и осмотра матки, послѣдняя осторожно опущена въ брюшную полость. Затѣмъ брюшная полость на сколько возможно быстро очищена помощью стерилизованныхъ теплыхъ марлевыхъ салфетокъ, кишечныя петли уложены, сальникъ расправленъ и въ нижній отдѣлъ брюшной полости введенъ дренажъ Микулича, верхній конецъ котораго выведенъ въ нижній отдѣлъ брюшной раны. Рана брюшныхъ покрововъ зашита этажнымъ швомъ, причемъ края брюшины и апоневроза соединены отдѣльно непрерывнымъ шелковымъ швомъ. Часть брюшной раны, чрезъ которую выведенъ дренажъ Микулича, осталась не зашитою на протяженіи 4 сантим. Операція закончилась наложеніемъ ксероформно-марлевой повязки. Операція, представлявшая не мало техническихъ затрудненій, продолжалась 45 мин., а отъ начала до окончанія наркоза 1 ч. 3 мин.

Въ виду слабости оперированной, ей было влито подъ кожу 150 к. с. физіологическаго раствора поваренной соли, послѣ чего при удовлетворительномъ состояніи пульса и дыханія, оперированная переведена въ палату. Дѣвочка, извлеченная въ асфиксіи, скоро была оживлена и вѣсила 1500 gram., хотя на видъ она казалась довольно развитой и представляла слѣдующіе размѣры: длина плода 43 сантим., размѣръ плечиковъ — 10, — ягодицъ — 8 сантим. Размѣры головки: прямой $9^1/_2$ с.; большой косой $10^1/_2$ с., малый косой 9; большой поперечный 8 с.; малый поперечный $6^1/_2$ с.; окружность черепа 29 с.. Въ общемъ, очертаніе головки представляется довольно правильнымъ, но при болѣе тщательномъ осмотрѣ плода черезъ 3 часа послѣ операціи, личико кажется

какъ бы скошеннымъ, именно: правая лобная кость представляется вышестоящей, чѣмъ лѣвая, соотвѣтственно чему и все лицо получаетъ нѣсколько неправильную форму. Губныя мышцы развиты достаточно. Глаза и носъ правильной формы и — размѣровъ. Туловище ничего особеннаго не представляетъ. Верхнія и нижнія конечности развиты удовлетворительно. Ногти на пальцахъ рукъ, хотя достаточно развиты, но не доходятъ до окончанія пальцевъ. На нижнихъ конечностяхъ, при правильномъ развитіи пальцевъ, ногти на нихъ находятся въ зачаточномъ состояніи.

Извлеченное плодовмѣстилище, кромѣ части его оставленной на кишкѣ, представляется въ такомъ видѣ: стѣнки его почти на всемъ протяженіи, за исключеніемъ одного небольшого участка, довольно толсты отъ $^1/_2$—2 сантим. толщины. Истонченный же участокъ, занимающій, приблизительно около 10 кв. сантим. состоитъ какъ бы изъ однихъ плодныхъ оболочекъ и составляетъ самый нижній отдѣлъ мѣшка, тамъ гдѣ послѣдній соприкасается съ заднимъ Дугласомъ. Внѣшняя поверхность плоднаго мѣшка, какъ замѣчено выше, была темно-краснаго цвѣта и покрыта почти на всемъ протяженіи обрывками ткани, какъ слѣды многочисленныхъ сращеній съ окружающими частями. Внутренняя поверхность плодовмѣстилища гладка и устлана amnion, чрезъ которую просвѣчиваютъ обильно развѣтвляющіеся кровеносные сосуды пляценты, собирающіеся въ пуповину правильно образованную, но прикрѣпляющуюся веляментозно; длина остатка пуповины = 23 сантим. Что касается до самаго послѣда, то ткань его выстилаетъ почти всю внутреннюю поверхность плоднаго мѣшка, образуя самый толстый слой въ томъ участкѣ, который прилегалъ къ передней брюшной стѣнкѣ; затѣмъ слой послѣда, составляющій стѣнку плодовмѣстилища, постепенно истончался и наконецъ переходилъ въ оболочки, въ упомянутомъ выше, нижнемъ отдѣлѣ плоднаго мѣшка. Достойно замѣчанія, что существо всей толщи стѣнки плоднаго мѣшка представлялось довольно ломкимъ, такъ что мѣстами рвалось даже при небольшомъ надавливаніи на нее, хотя при подробномъ макро- и микроскопическомъ изслѣдованіи ничего особеннаго не обнаружено кромѣ строенія, свойственнаго стѣнкѣ фаллопіевой трубы и пляцентарной ткани.

Оперированная перенесла удовлетворительно, какъ смѣшанный метиляло-хлороформный наркозъ, такъ и самую опе-

рацію. Она скоро пришла въ себя, замѣчалась только общая слабость, почему ей снова былъ впрыснутъ подъ кожу физіологическій растворъ поваренной соли; t° 38, п. 180.

Дальнѣйшее теченіе послѣопераціоннаго періода у этой больной, мы разсмотримъ послѣ, а теперь выслушаемъ исторію болѣзни нашей второй больной.

Н. Л., 40 лѣтъ, крестьянка, эстонка, родилась и постоянно живетъ въ г. Юрьевѣ. О состояніи здоровья своихъ ближайшихъ родственниковъ больная ничего опредѣленнаго не сообщаетъ, родители ея умерли давно, но отъ какой болѣзни она не знаетъ; сама больная въ дѣтствѣ перенесла корь и скарлатину, но послѣ этого всегда пользовалась хорошимъ здоровьемъ. Менструаціи появилась у нея на 16 году, бывали правильно черезъ 4-недѣльные промежутки, продолжались по 3 дня не обильно и безболѣзненно; послѣднія менструаціи больная имѣла за $8^1/_2$ мѣсяцевъ до ея поступленія въ нашу клинику.

Н. Л. начала жить половой жизнью съ 19-лѣтняго возраста, считаетъ себя беременною въ 3-й разъ, при чемъ прежнія 2 беременности протекли нормально, но первые роды были трудные и окончились щипцами, послѣродовые періоды оба прошли нормально; первые роды были на 20 году, а послѣдніе $3^1/_2$ года тому назадъ. Дѣтей кормила сама.

Какъ разсказываетъ больная, въ настоящую беременность на 3-мъ мѣсяцѣ послѣдней съ ней случилось какое-то острое заболѣваніе, заставившее ее слечь въ постель и обратиться въ клинику: тогда было діагносцировано haematocele retrouterina и больная, пролежавъ 3 недѣли въ клиникѣ, выписалась въ улучшенномъ состояніи и болѣе не являлась въ клинику. Отъ очень неразвитой больной трудно было добиться болѣе точныхъ показаній, но во всякомъ случаѣ выяснилось слѣдующее. Во все время послѣ выхода изъ клиники она чувствовала себя сносно, временами ощущала не особенно сильныя боли въ животѣ и поясницѣ; затѣмъ, приблизительно, черезъ 4 мѣсяца послѣ того, какъ больная почувствовала себя беременной, она стала ощущать первыя движенія плода, которыя продолжались все время; но не задолго до вторичнаго поступленія Л. въ клинику, послѣ того какъ случайно упалъ ей на животъ ребенокъ, больная почувствовала боли въ животѣ и вмѣстѣ съ этимъ движенія внутреутробнаго плода прекратились.

Когда больная поступила въ клинику во второй разъ, то объективное изслѣдованіе показало слѣдующее.

Больная средняго роста и тѣлосложенія, съ плохоразвитымъ подкожно-жирнымъ слоемъ, видимыя слизистыя оболочки и общіе покровы блѣдны, t. тѣла 36,8—37,1; пульсъ 90—96.

Больная жалуется на прекратившееся движеніе плода-распространенныя боли въ животѣ, запоры на низъ и време, нами затрудненное мочеиспусканіе.

Изслѣдованіе органовъ пищеваренія, дыханія, кровообращенія, мочевыхъ, а равно и нервной системы никакихъ отступленій отъ нормы не показало.

Изслѣдованіе половыхъ органовъ: грудныя железы, хотя дряблы, но развиты удовлетворительно, околососковые кружки пигментированы, на нихъ кое-гдѣ выступаютъ увеличенныя монгомеровы железки; изъ грудныхъ сосковъ, при сжиманіи ихъ, выдѣляется молозиво.

Животъ куполообразно увеличенъ, окружность его на самой высшей точкѣ равняется 88 сантим.; linea alba рѣзко пигментирована, по обѣимъ сторонамъ ея, на кожѣ живота замѣчаются въ большомъ количествѣ старые рубцы. При ощупываніи весь животъ вообще чувствителенъ, а нижніе отдѣлы его болѣзненны. Ощупываніе живота даетъ возможность отмѣтить, что въ брюшной полости прощупывается какъ-бы какая-то опухоль, выполняющая всю данную полость, но опухоль эта занимаетъ не точно срединное положеніе, а идетъ снизу и справа отъ входа таза по направленію вверхъ и влѣво, такъ что упирается въ лѣвое подреберье, — такимъ образомъ животъ представляется увеличеннымъ какъ-бы въ косопродольномъ направленіи. Брюшные покровы надъ опухолью неподвижны. Ощупываніе живота вслѣдствіе чувствительности и болѣзненности брюшныхъ покрововъ не привело ни къ чему опредѣленному.

Постукиваніе: соотвѣтственно положенію брюшной опухоли по поверхности живота, начиная отъ входа въ малый тазъ и до лѣваго подреберья, всюду отмѣчается тупой звукъ, тогда какъ внѣ мѣста, нахожденія опухоли — звукъ тимпаническій.

Выслушиваніе: на всемъ протяженіи опухоли слышится распространенный рѣзкій маточный шумъ, но нигдѣ нельзя констатировать присутствіе сердечныхъ тоновъ плода.

Внутреннее гинекологическое изслѣдованіе. Стѣнки входа влагалища и самаго влагалища интензивнаго сине-краснаго цвѣта, мягкой консистенціи; задній влагалищный сводъ нездавленъ куполообразно и выпуклостью обращенъ къ влагалищному входу; черезъ нездавленный сводъ прощупывается какое-то округлое, твердоватое тѣло, болѣе детальное изслѣдованіе послѣдняго представляется невозможнымъ вслѣдствіе сильной болѣзненности, которую ощущаетъ при этомъ больная. Ощупываніе изслѣдующимъ пальцемъ влагалищной порціи матки не удается вслѣдстіе высокаго положенія послѣдней, а равно вслѣдствіе той-же болѣзненности не представляется возможнымъ произвести комбинированное изслѣдованіе для опредѣленія самой матки.

Это затрудненіе заставило прибѣгнуть къ изслѣдованію больной подъ хлороформнымъ наркозомъ, которое и дало возможность выяснить слѣдующее.

Наружное изслѣдованіе дало тѣже результаты, т. е., опухоль, лежащая внутри брюшной полости, представляется довольно плотной консистенціи, черезъ толщу ея ничего не удается прощупать. При внутреннемъ изслѣдованіи не только однимъ —, но даже и двумя — указательнымъ и среднимъ пальцами достигнуть до маточной шейки очень трудно: она представляется приподнятою вверхъ и придвинутою къ лонному соединенію. Болѣе или менѣе точное обслѣдованіе влагалищной порціи представилось только тогда возможнымъ, когда она при посредствѣ введеннаго зеркала была захвачена на мюзе и осторожно фиксирована; при этомъ оказалось, что она удлинена и цервикальный каналъ, именно нижній отдѣлъ его, пропускаетъ конецъ изслѣдующаго пальца.

Комбинированное изслѣдованіе матки даже подъ наркозомъ очень затруднительно: удалось выяснить, что матка смѣщена къ лонному соединенію, но составляетъ-ли отдѣльное — или одно цѣлое съ опухолью, которая находится въ брюшной полости, сказать очень трудно. Одно, что говоритъ при изслѣдованіи за изолированность матки — это прощупывается при комбинированномъ изслѣдованіи подъ наркозомъ — небольшая выемка между маткой и опухолью; изслѣдованіе маточной полости зондомъ показало, что послѣдній проходитъ въ матку на 14 сантим.; кромѣ того при осторожныхъ попыткахъ къ смѣщенію матки, послѣдняя оказывается неподвижною, несмѣщаемою.

При комбинированномъ изслѣдованіи получается впечатлѣніе, что большая опухоль, занимающая брюшную полость и опухоль, прощупываемая въ маломъ тазу — составляютъ одно цѣлое.

Внутреннее изслѣдованіе подъ хлороформомъ задняго влагалищнаго свода и соотвѣтствующей стѣнки влагалища дало одинаковые съ прежнимъ изслѣдованіемъ результаты.

При изслѣдованіи per rectum выяснилось, что изслѣдующій палецъ скоро по введеніи упирается въ какое-то препятствіе; продолжая изслѣдованіе далѣе оказывается, что палецъ наталкивается на округлое довольно плотное тѣло, но, такъ какъ послѣднее покрыто очень толстымъ слоемъ промежуточной ткани, поэтому неудается оріентироваться болѣе точно относительно свойствъ прощупываемаго тѣла.

И вотъ на основаніи полученныхъ нами недостаточныхъ свѣдѣній — предстояло рѣшить вопросъ съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло у нашей первой больной. Уже съ первыхъ словъ я долженъ замѣтить Вамъ, что въ отношеніи діагностики этотъ случай представлялся запутаннымъ и довольно затруднительнымъ; но, конечно, постараемся разобраться въ немъ на сколько это явится возможнымъ.

Хотя однимъ только анамнестическимъ даннымъ не принято придавать особенно важнаго значенія, но во всякомъ случаѣ мы не можемъ ихъ игнорировать и особенно при сопоставленіи ихъ съ результатами объективнаго изслѣдованія.

По отношенію къ нашей больной мы должны отмѣтить, что мы имѣемъ дѣло съ повторно рожавшей уже женщиной, слѣдовательно болѣе или менѣе опытной въ субъективномъ, такъ сказать, распознаваніи беременности; больная намъ заявляетъ, что регулы, которыя постоянно носила она правильно, прекратились съ Іюня 1898 года. Затѣмъ опредѣленно она говоритъ, что первое движеніе плода почувствовала въ началѣ Декабря того-же года.

Кромѣ того Т. упоминаетъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, имѣетъ очень большое значеніе — она утверждаетъ, что съ прекращеніемъ регулъ у нея появились боли въ лѣвомъ боку и вмѣстѣ съ этимъ больная стала замѣчать въ животѣ твердый кусокъ — опухоль; эту послѣднюю Т. замѣчала у себя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ — въ Іюлѣ и Августѣ, а затѣмъ кусокъ исчезъ. Что

касается до движеній плода, то они ощущались больной до послѣдняго времени, хотя она замѣчаетъ, что въ послѣдніе дни эти движенія становились все слабѣе и слабѣе.

Сопоставляя перечисленныя анамнестическія свѣдѣнія съ результатами произведеннаго объективнаго изслѣдованія какъ-то — состояніемъ грудныхъ железъ, изслѣдованіемъ остальной половой системы и особенно — прощупываніемъ въ маломъ тазу головки плода, съ характерными для нея черепными швами, категорически устанавливался фактъ наличности беременности у Т.

Рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ вопроса относительно существованія беременности eo ipso освобождало насъ отъ труда установки диференціальнаго распознаванія между беременностью и другими опухолями, которыя встрѣчаются въ брюшной полости. Въ этомъ отношеніи можетъ еще остановить одно обстоятельство — это упоминаніе больной объ опухоли, которую она прощупывала у себя въ полости живота въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и которая потомъ исчезла; но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь пойдемъ далѣе. Установивъ существованіе беременности у Т., — этимъ еще не исчерпывалось распознаваніе въ виду особенностей теченія данной беременности, а также и — объективныхъ данныхъ. Предстояло рѣшить еще — имѣется здѣсь маточная или внѣматочная беременность, и, если маточная, то какое именно отступленіе отъ нормы предполагается въ этомъ случаѣ.

Акушерское изслѣдованіе не только обыкновенное, но даже предпринятое подъ наркозомъ показало слѣдующее: Опухоль, которая прощупывается въ брюшной полости, хотя не сокращается подъ рукой, но составляетъ какъ-бы одно цѣлое съ маточной шейкой и головкой плода, спустившейся въ малый тазъ, прочное фиксированіе въ тазу дѣтской головки, — говоритъ за то, что плодъ находится въ полости матки, мускулатурой, которой головка и фиксируется въ маломъ тазу. Необычное положеніе не непосредственно надъ цервикальнымъ каналомъ, а смѣщеніе головки кзади отъ внутренняго маточнаго отверстія и фиксированіе ее въ полости малого таза съ большой долею вѣроятія можетъ говорить за то, что существуетъ ущемленіе беременной матки въ крестцовой впадинѣ и именно не всей матки, а произошло, такъ называемое retroflexio uteri gravidi partialis, вслѣдствіе

какихъ либо обстоятельствъ, задержавшихъ выскальзываніе изъ малаго таза части задней стѣнки беременной матки.

Частичное ущемленіе беременной матки въ крестцовой впадинѣ, правда, крайне рѣдкое патологическое состояніе, но тѣмъ не менѣе вполнѣ возможное, какъ показываютъ непосредственныя клиническія наблюденія; я не буду касаться здѣсь этіологіи этого страданія и ограничиваюсь лишь констатированіемъ факта. Суммируя приведенныя объективныя данныя, имѣющіяся у нашей больной, слѣдуетъ признать у нея полную возможность существованія — retroflexio uteri gravidi partialis. Но имѣли-ли мы достаточно фактическихъ данныхъ, чтобы исключительно признать только эту болѣзненную форму и отрицать возможность другой — въ данномъ случаѣ?

Конечно нѣтъ, и, вотъ почему: Припоминая анамнестическія данныя и принимая во вниманіе, что мы имѣемъ дѣло съ опытной, многорожавшей женщиной, дающей довольно опредѣленныя толковыя показанія, узнаемъ слѣдующее: Наша больная не беременѣла довольно продолжительное время въ теченіе $9^{1}/_{2}$ лѣтъ; затѣмъ, когда послѣдовала беременность, послѣдняя текла не какъ обыкновенно, она сопровождалась болями въ животѣ въ лѣвомъ боку и присутствіемъ какой-то опухоли или куска, какъ опредѣляетъ это больная. Опухоль существовала два мѣсяца затѣмъ исчезла и болѣе не появлялась во всю беременность. Сверхъ того, кромѣ болей, которыя безпокоили больную во всю эту беременность, появились какія-то острыя боли, повидимому очень безпокоившія больную и которыя принудили ее лечь въ клинику. Боли эти черезъ недѣлю успокоились настолько, что больная могла выписаться изъ клиники, однако съ тѣмъ, что вскорѣ она снова принуждена была возвратиться къ намъ вслѣдствіе тѣхъ-же болей. Объективное изслѣдованіе больной на этотъ разъ, дѣйствительно, не давало никакихъ стойкихъ опорныхъ пунктовъ которые говорили-бы неопровержимо за наличность внѣматочной беременности. Единственно, что изъ объективныхъ данныхъ говорило за внѣматочную беременность — это неправильное положеніе несокращающейся подъ рукой внутребрюшной опухоли, въ которой предполагался плодъ. Но если мы сопоставимъ анамнестическія данныя съ результатами объективнаго изслѣдованія, то мы получимъ симптомокомплексъ, говорящій съ достаточной долею вѣроятія и за возможность внѣматочной беременности у этой больной.

Что касается до распространеннаго и рѣзко прослушиваемаго, такъ называемаго, маточнаго шума въ брюшной опухоли, то мы знаемъ, что ему нельзя приписывать никакого значенія не только въ отношеніи диференціальнаго распознаванія маточной отъ внѣматочной беременности, но даже и въ отношеніи отличительнаго распознаванія беременности отъ другихъ маточныхъ опухолей. Еще единственное значеніе этому шуму можно приписать только въ томъ случаѣ если имѣется несомнѣнно беременность; тогда по степени распространенія маточнаго шума — возможно до извѣстной степени судить о величинѣ послѣда: чѣмъ распространеннѣе будетъ слышаться этотъ шумъ, тѣмъ большую площадь послѣда можно ожидать въ данномъ случаѣ. Кстати два слова о непрослушиваніи сердцебіенія плода въ то время, какъ сама больная до послѣдняго времени чувствовала, хотя слабыя движенія плода. Это объясняется такъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ ощущаться самой беременной только кажущееся движеніе плода, въ то время, какъ послѣдній уже мертвъ; но помимо даже этого обстоятельства, прослушиваніе или отсутствіе сердцебіенія плода при объективномъ изслѣдованіи можетъ зависѣть отъ многихъ сопутствующихъ условій: слабость самаго сердцебіенія плода, вполнѣ заглушаемаго, какъ въ нашемъ случаѣ, рѣзкимъ маточнымъ шумомъ, извѣстное положеніе плода, толстый слой промежуточныхъ тканей, лежащихъ между извѣстной частью плода и ухомъ изслѣдующаго и т. д., все это будетъ неминуемо отражаться на лучшемъ прослушиваніи или на полномъ изчезаніи плоднаго сердцебіенія. Такимъ образомъ на основаніи только одного отсутствія сердцебіенія плода при выслушиваніи живота беременной нельзя категорически утверждать о послѣдовавшей смерти плода. Равнымъ образомъ и одинъ отчетливо констатируемый маточный шумъ у беременной точно также не можетъ говорить за продолжающуюся жизнь внутреутробнаго плода, такъ какъ извѣстно, что при послѣдующей смерти внутреутробнаго плода, пляцента нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное, время еще можетъ продолжать рости, кровообращеніе въ этомъ органѣ еще будетъ совершаться и слѣдовательно будутъ существовать на лицо всѣ условія для образованія маточнаго шума.

Послѣ приведенныхъ соображеній, слѣдовательно, признавая существованіе у нашей больной беременности, мы къ

сожалѣнію, находились въ такомъ положеніи, что не въ состояніи были выдѣлить категорически — какая изъ двухъ беременностей — маточная или внѣматочная имѣлась въ нашемъ случаѣ, мы могли утверждать только одно, что если и маточная беременность, то во всякомъ случаѣ патологическая, именно retroflexio uteri gravidi partialis.

Остановившись на только что высказанномъ распознаваніи, переходимъ къ вопросу о предсказаніи при данныхъ страданіяхъ. Какое-бы изъ двухъ поименованныхъ страданій ни существовало у нашей больной, во всякомъ случаѣ эти патологическія состоянія беременныхъ крайне опасны, и, поэтому предсказаніе не только quo ad valetudinem completam, но и quo ad vitam — крайне сомнительное. На самомъ дѣлѣ больная значительно истощена болѣзненнымъ процессомъ, моча содержитъ много бѣлка, присутствіе въ ней гіалиновыхъ и зернистыхъ эпителіальныхъ цилиндровъ — это съ одной стороны; затѣмъ, при такого рода эктопической беременности, на основаніи сопутствующихъ явленій почти навѣрное можно ожидать различныхъ неблагопріятныхъ осложненій вслѣдствіе сращеній плодовмѣстилища съ окружающими его частями и органами, вліяніе содержимаго плодовмѣстилища и т. д. Не лучше обстояло-бы дѣло если оказалось у больной retroflexio uteri gravidi partialis: измѣненіе структуры ущемленной части матки, вліяніе ущемленнаго органа на прилежащія части, возможныя при этомъ состояніи сращенія соприкасающихся частей и — обострѣніе воспалительныхъ процессовъ, и т. д., все это конечно не можетъ быть индиферентнымъ для организма больной.

Наконецъ, чтобы то нибыло — внѣматочная беременность или ущемленная часть беременной матки, безразлично, при послѣдующемъ врачебномъ пособіи, которое потреблялось бы для устраненія этихъ страданій, пособіи, связанномъ съ хлороформированіемъ больной и насильственнымъ вмѣшательствомъ, все это, естественно, должно отразиться неблагопріятнымъ, ослабляющимъ образомъ на организмъ, и, безъ того значительно изнуренной, больной.

Но такъ или иначе при данныхъ обстоятельствахъ выбора нѣтъ, приходилось дѣйствовать энергично при витальныхъ показаніяхъ, принимая въ соображеніе крайне опасное состояніе, въ которомъ находилась больная.

Какое-же врачебное пособіе показано было въ данномъ случаѣ?

Основываясь на всемъ приведенномъ выше и, самое главное, имѣя въ виду установленное нами распознаваніе, здѣсь можно говорить, конечно, только объ оперативномъ вмѣшательствѣ. Затѣмъ низкое положеніе въ маломъ тазу предлежащей части плода — головки, отдѣленной отъ влагалища, сравнительно, тонкой прослойкой ткани очень побуждало къ избранію влагалищнаго пути, такъ называемой вагинальной ляпаротоміи. На самомъ дѣлѣ очень низкое положеніе въ маломъ тазу самой объемистой части плода — головки, широкій тазъ, сравнительное истонченіе промежуточнаго слоя, раздѣляющаго головку отъ влагалища и т. п., — все это такія условія, которыя только побуждали въ пользу примѣненія влагалищнаго пути для операціи въ нашемъ случаѣ. При томъ положеніе дѣла нисколько не измѣнилось бы встрѣтится-ли у данной больной внѣматочная беременность или внутриматочно лежащій плодъ. Различіе представлялось только въ томъ отношеніи, что въ послѣднемъ случаѣ, конечно, имѣлось въ виду вслѣдъ за опорожненіемъ матки наложить швы на разрѣзъ маточной стѣнки.

Однако при болѣе детальномъ анализѣ положенія дѣла, какъ мы знаемъ, уже пришлось отказаться отъ такого оперативнаго вмѣшательства. Во время операціи, въ случаѣ внѣматочной беременности, могли-бы встрѣтиться обширныя сращенія плоднаго мѣшка съ окружающими частями и органами, могли возникнуть значительныя затрудненія для остановки кровотеченія. Затѣмъ, по очень значительной площади распространенія маточнаго шума — можно было предполагать также очень большое распространеніе пляценты, которая при далеко зашедшихъ случаяхъ эктопической беременности, можетъ иногда принимать весьма разнообразную форму и разрастаться какъ по поверхности, такъ и въ толщину до громадныхъ размѣровъ. Словомъ, могли-бы встрѣтиться такія разнообразныя условія при производствѣ самой операціи, которыя должны заставить, начавши операцію per colpotomiam — перейти къ проложенію пути черезъ брюшные покровы. Какъ мы знаемъ, во избѣжаніе такой неблагопріятной случайности, мы приступили къ операціи прямо per laparotomiam.

Передъ операціей возникло еще новое затрудненіе. Значительное присутствіе бѣлка въ мочѣ, дошедшее до 12 pro

mille, составляло, конечно, очень нежелательное осложненіе для предстоявшаго болѣе или менѣе продолжительнаго хлороформированія больной, поэтому желательно было избѣжать вредное вліяніе хлороформа въ данномъ случаѣ; поэтому мы примѣнили во время операціи метиляло-хлороформный наркозъ. Отъ примѣненія для наркоза метиляло-хлороформной смѣси въ данномъ случаѣ, равно какъ и въ предшествовавшихъ ему наркозахъ, я вынесъ такое впечатлѣніе: наркозъ наступалъ довольно скоро, безъ періода возбужденія, сонъ покойный, пробужденіе отъ наркоза скорое и безъ осложненій, отсутствіе тошнотныхъ и рвотныхъ движеній; почти отсутствіе измѣненій пульса, развѣ временное уменьшеніе сердечнаго ритма, но гораздо менѣе значительное, чѣмъ при хлороформѣ. Что касается до дыханія, то оно не только не замедлялось, а наоборотъ по временамъ ускорялось. Для наркоза употреблялась смѣсь метиляла и хлороформа пополамъ.

Продолжая анализъ интересующаго насъ случая далѣе, я долженъ отмѣтить слѣдующее. Какъ видно изъ исторіи болѣзни, только sub operatione можно было поставить дифференціальный діагнозъ между предполагавшимися до операціи страданіями.

Матка и расширенная лѣвая Фаллопіева труба были настолько интимно соединены между собою, при отсутствіи какихъ либо перехватовъ, какъ одно непрерывно цѣлое, округлоовоидное тѣло, составляющее какъ бы матку, — что выдѣлить въ данномъ случаѣ при изслѣдованіи плодный мѣшокъ не представлялось никакой возможности до вскрытія брюшной полости. Даже во время операціи, не вдругъ можно было уяснить себѣ истинное положеніе дѣла; это послѣднее выяснилось только впослѣдствіи, особенно послѣ мѣстонахожденія соотвѣтсвующей круглой маточной связки, виду, различію консистенціи плодовмѣстилища и матки и т. д.

Разрѣзъ плодовмѣстилища, какъ видно изъ описанія операціи, пришелся на мѣстѣ прикрѣпленія послѣда, обойти которое при всемъ желаніи не представлялось никакой возможности. Распространенность и плотность сращеній плодовмѣстилища съ окружающими частями и органами, ломкость ткани стѣнокъ плоднаго мѣшка, необходимость поскорѣе выиграть болѣе простора на операціонномъ полѣ, наконецъ, выстиланіе почти всей внутренней поверхности плодовмѣстилища, какъ оказалось впослѣдствіи, тканью послѣда — все это пред-

ставлялось такими моментами, которые дѣлали неизбѣжнымъ проложеніе пути въ полость плодовмѣстилища только черезъ ткань послѣда.

Колоссальное кровотеченіе, появившееся при разрѣзѣ ткани послѣда было скоро остановлено лишь благодаря быстрому, энергичному ручному прижатію ассистентами самыхъ губъ раны.

Послѣ быстраго извлеченія плода и уменьшенія ненормальнаго плодовмѣстилища, представилась только возможность оріентироваться въ отношеніяхъ плоднаго мѣшка къ прилежащимъ органамъ. Какъ сказано, сращенія эти представлялись особенно прочными съ colon descendens, такъ что безъ особеннаго риска нельзя было рѣшиться на разрушеніе ихъ; поэтому я счелъ за лучшее обойти эти сращенія, удалить часть плоднаго мѣшка, а остальную — оставить въ брюшной полости и вложить въ послѣднюю дренажъ Mikulicz'a.

Попутно, скажу Вамъ два слова относительно дренажа Mikulicz'a. При операціяхъ, подобныхъ интересующей насъ въ настоящее время, этотъ дренажъ почти незамѣнимъ. Я не буду описывать способъ его примѣненія, Вы съ этимъ успѣли достаточно въ теченіе курса познакомиться на дѣлѣ, я сдѣлаю только короткое замѣчаніе о свойствахъ этого дренажа. Произведенная нами операція по самому существу дѣла, какъ видно изъ описанія ея, не могла быть проведена вполнѣ асептично, — Mikulicz — abdominal очень содѣйствовалъ къ выведенію всего того, что подлежало удаленію.

Кромѣ того, оперируя въ такой богатой кровеносными сосудами, рыхлой области, гдѣ нельзя быть достаточно увѣреннымъ, что не появится послѣдовательное кровотеченіе, цѣлесообразно положенный дренажъ Mikulicz'a, служитъ достаточной гарантіей противъ возможности появленія вторичпаго кровотеченія. Такимъ образомъ дренажъ Mikulicz'a служа въ первые дни послѣ операціи выводнымъ каналомъ для удаленія изъ брюшной полости всѣхъ постороннихъ веществъ, оставшихся въ ней во время производства операціи, вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ отъ возможности возникновенія послѣдовательнаго кровотеченія; затѣмъ онъ довольно быстро совершенно обособляется отъ остальной части полости брюшины. Послѣднее свойство дренажа представляется въ высокой степени важнымъ; имѣя его въ виду, мы можемъ

широко эксплоатировать этотъ видъ дренажа при всѣхъ операціяхъ въ брюшной полости. Само собою разумѣется, что свойство инкапсулироваться присуще вообще всѣмъ дренажамъ, но важное преимущество Mikulicz-abdominal передъ другими дренажами заключается въ томъ, что благодаря своей относительной нѣжности, онъ не можетъ производить болѣе или менѣе сильнаго давленія на прилегающія къ нему части и органы, не можетъ протирать ихъ, словомъ, не можетъ вести къ образованію свищей, что наблюдалось не разъ при дренажахъ другого рода.

Относительно послѣоперацiоннаго перiода въ данномъ случаѣ, изъ скорбнаго листа мы узнаемъ, что первые сутки прошли благополучно; на 2-й день въ области раненія также удовлетворительное состояніе, не внушавшее никакихъ опасеній касательно будущаго, — ни со стороны субъективныхъ ощущеній оперированной, ни со стороны объективныхъ данныхъ; но дыханіе сдѣлалось поверхностно, учащено, свыше 30 въ минуту, t° 39,6.

Объективное изслѣдованіе груди констатируетъ небольшое притупленіе въ нижнихъ доляхъ легкихъ, присутствіе хриповъ, зависящихъ отъ предполагаемаго гипостаза. Небольшое нагрубаніе грудей.

3-й день. Усиленіе отмѣченныхъ вчера явленій. Больная жалуется на очень трудное дыханіе и откашливаніе. Боли въ животѣ умѣренныя и усиливаются только при кашлѣ. Черезъ дренажъ выдѣляется небольшое количество сукровичной жидкости. T° держится между 38,6—39,6; п. 100—130. Моча концентрирована, количество бѣлка достигаетъ до 4 pro mille. Послабленіе на низъ.

4-й д. Объективныя явленія со стороны брюшной полости удовлетворительны; изъ полости дренажнаго мѣшка извлечены всѣ марлевыя полосы, причемъ послѣднія оказались только немного окрашенными сукровичной жидкостью, совершенно безъ запаху; въ мѣшокъ введена свободно одна новая узкая полоса. Что касается до грудныхъ явленій, то они значительно ухудшились сравнительно со вчерашнимъ днемъ. Кашель усилился, дыханіе также ухудшилось, сдѣлалось болѣе поверхностнымъ, хриплымъ, 25 въ мин., мокроты выдѣляется мало; t° 38,8—39,7; п. около 120. Полное отсутствіе аппетита, общее питаніе замѣтно падаетъ.

5-й д. Явленія со стороны груди еще болѣе ухудшились; дыханіе очень поверхностное, достигаетъ до 40 въ мин., t° 39,2; п. 120—140, слабый. Общее состояніе также ухудшается. Мочи выдѣляется мало, содержаніе бѣлка въ ней увеличивается. Что касается до явленій со стороны брюшной полости, то въ этомъ отношеніи ничего особеннаго не замѣчается. Оперированная на особенныя боли въ области раненія не жалуется; такъ какъ изъ раны почти нѣтъ выдѣленій, то мѣшокъ отъ дренажа Miculicz'a и полоса вложенная въ него извлечены, причемъ они оказались незначительно смоченными желтовато-сукровичной жидкостью. Въ брюшную полость введена узкая и небольшая полоса стерилизованной марли.

6-й д. Больная слабѣетъ, страдаетъ отъ явленій со стороны грудныхъ органовъ; очень трудное, хриплое и поверхностное дыханіе, 40 въ мин.; t° 38,8—39; пульсъ очень слабый до 140 въ мин.; мочи мало, количество бѣлка доходитъ до 6 pro mille. Безсонница, отсутствіе аппетита, поносъ.

Положеніе дѣла въ области раненія удовлетворительное.

7-й д. Утромъ больная жалуется на боли въ верхней части спины и вообще въ груди, на крайне затрудненное дыханіе, кашель; t° 38,4; п. 120, нитевидный, едва ощутимый. Со стороны брюшной полости, за исключеніемъ небольшаго тимпанита, ничего особеннаго не замѣчается. Марлевая полоса, немного присохшая къ губамъ раны, извлеченная изъ брюшной полости, оказалась немного смоченною въ кровянистой жидкости — болѣе чѣмъ въ предшествовавшіе дни. По наличности объективныхъ данныхъ, констатирована agonia. Больная скончалась въ 11 ч. 35 м. утра.

Аутопсія произведена въ патолого-анатомическомъ театрѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета, причемъ оказалось слѣдующее:

Трупъ женщины средняго роста и тѣлосложенія, удовлетворительнаго питанія. По lin. alba замѣчается рана, сшитая 12 шелковыми швами. Края раны срослись на всемъ протяженіи, за исключеніемъ одного мѣста въ нижнемъ отдѣлѣ раны, гдѣ послѣдняя оказывается не зашитою на протяженіи, приблизительно, 1½ с. Черезъ это отверстіе изъ брюшной раны выходитъ полоса марли. Животъ вздутъ. Въ полости сердечной сумки находится около 100 к. с. чистой желтоватой

серозной жидкости; сердце нѣсколько увеличено въ объемѣ, стѣнки лѣваго желудочка гипертрофированы; гипертрофія эта идетъ съ верхушки къ основанію. Мышечная ткань сердца нормальной консистенціи и цвѣта; на сердечныхъ клапанахъ никакихъ измѣненій не замѣчается. Верхняя доля праваго легкаго по виду проходима для воздуха, но въ значительной степени отечна; нижняя доля совершенно непроходима для воздуха, плотна, на поверхности разрѣза блѣдно-сѣроватаго цвѣта. Одна часть этой нижней доли представляется еще проходимой для воздуха, но уже плотнѣе нормальнаго состоянія и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ на поверхности разрѣза піогенную картину измѣненной части легкаго. Нижняя доля лѣваго легкаго совершенно плотна непроходима для воздуха; поверхность разрѣза нѣжно-зерниста, желто-сѣраго цвѣта, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ красноватаго цвѣта.

Плевра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыта фибринозными наложеніями, легко соскабливающимися. Верхняя доля отечна. Слизистая бронховъ инъецирована, покрыта пѣнистой, кровянистой жидкостью.

Кишки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соединены между собою старыми спайками.

Весь малый тазъ представляетъ изъ себя мѣшокъ; стѣнки мѣшка различной толщины отъ 1 с. до нѣсколькихъ миллиметровъ. Въ нижней части мѣшка находится очень немного свернувшейся крови. Стѣнки мѣшка состоятъ изъ наслоившихся ложныхъ оболочекъ, мѣстами довольно рыхлыхъ, мѣстами болѣе плотной консистенціи; форма и расположеніе этого мѣшка соотвѣтствуетъ лежавшему въ этомъ мѣстѣ дренажу Miculicz'a, словомъ, послѣдній былъ изолированъ отъ остальной части брюшной полости, инкапсулировался отъ нея, благодаря образовавшимся ложнымъ оболочкамъ. Матка увеличена въ своихъ размѣрахъ до объема $1^1/_2$—2 мѣсячной беременности, ткань ея немного дрябла, внутренняя поверхность ея покрыта очень сочной, рыхлой слизистой оболочкой. Передняя поверхность серознаго покрова матки не представляетъ ничего особеннаго, у лѣваго угла дна матки видна культя лѣвой Фаллопіевой трубы, причемъ, начиная отъ послѣдней внизъ, виднѣются швы, отдѣлившіе матку отъ удаленнаго плоднаго мѣшка. Здѣсь видны остатки бывшихъ сплошныхъ сращеній плодовмѣстилища съ маткою. Точно такіе-же

слѣды имѣются на всей задней наружной поверхности матки. Такимъ образомъ матка и плодовмѣстилище составляли какъ-бы одно цѣлое. Соотвѣтствующій яичникъ и при осмотрѣ анатомическаго препарата не былъ найденъ, точно также какъ онъ не былъ найденъ при осмотрѣ плодовмѣстилища, извлеченнаго sub operatione. Далѣе, отъ праваго угла дна матки шла не извитая правая Фаллопіева труба, діаметра около $^3/_4$ сант. и длиною около 9 с. — Правый яичникъ найденъ нормальнымъ по величинѣ, но нѣсколько мягковатымъ на ощупь.

Селезенка мала, довольно плотной консистенціи, въ разрѣзѣ вишнево-фіолетоваго цвѣта.

Печень нѣсколько увеличена въ объемѣ; центральныя вены расширены, периферія желтоватаго цвѣта.

Желудокъ растянутъ, слизистая его блѣдна.

Почки немного увеличены въ объемѣ; капсула ихъ снимается безъ труда. Наружная поверхность почекъ немного зерниста. Корковый слой истонченъ. Поверхность и срѣзы почекъ представляются рѣзко желтаго цвѣта; съ сосочковъ выдавливается мутная, желтоватая жидкость. Слизистая кишекъ блѣдна, безъ измѣненій. Брюшина мѣстами темно-аспиднаго цвѣта, отложеній фибрина на ней не замѣчается.

Анатомическій діагнозъ: pneumonia cruposa duplex lobul. inferior.; oedema pulmonum; hypertrophia ventriculi sin. c.; hypertrophia venosa hepatis lev. grad.: degeneratio adiposa renum et nephritis interstitial. chron.; peritonitis chronica.

Что касается до суьбы извлеченнаго при чревосѣченіи плода, то въ этомъ отношеніи можно сказать слѣдующее. Несомнѣнно недоношенный плодъ; по осмотру его черезъ 3 часа, послѣ извлеченія онъ представлялъ нѣкоторыя аномаліи, о чемъ было сказано выше; но эти какъ-бы аномаліи черезъ нѣсколько дней совершенно сгладились и ребенокъ представлялъ видъ обыкновеннаго новорожденнаго.

Вопросъ относительно изсѣченнаго плода въ нашемъ случаѣ, заслуживаетъ особеннаго интереса. Именно, вопросъ о правожизненности внѣматочно-удаленныхъ плодовъ по сіе время представляется еще далеко нерѣшеннымъ. Есть гинекологи, которые до сихъ поръ еще склонны прямо игнорировать жизнью внѣматочно-развивающагося плода потому якобы, что такіе плоды часто родятся нежизнеспособными,

нерѣдко съ различными уродствами, напр. R. Harris[1]). Я не имѣю возможности останавливаться здѣсь болѣе или менѣе подробно на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось уже затрогивать этотъ вопросъ[2]). Я замѣчу только при этомъ, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время, въ виду наличности фактовъ, едва-ли возможно такъ категорически рѣшать это дѣло.

Нашъ случай вноситъ свою малую долю доказательствъ противъ такого жестокаго приговора относительно внѣматочно развивающагося плода.

Подробное изслѣдованіе ребенка только показываетъ, что онъ по признакамъ недоношенъ, въ остальномъ-же онъ сформированъ совершенно также, какъ и всякій внутриматочно-развивавшійся плодъ. Даже намека на какое либо уродство въ немъ не замѣчается. Все только что приведенное заставляетъ насъ признать этотъ плодъ вполнѣ правожизненнымъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе относительно исхода болѣзни у этой оперированной.

Случайно присоединившееся крупозное воспаленіе легкихъ, при наличности глубокихъ измѣненій въ другихъ паренхиматозныхъ органахъ, безъ другихъ вліяній, было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы довести до летальнаго исхода даже крѣпкій организмъ. Можно съ достаточной увѣренностью сказать, что не будь этихъ побочныхъ заболѣваній по всей вѣроятности, оперированная оправилась-бы послѣ произведенной операціи.

Приступая къ клиническому разбору второго случая, мы отмѣчаемъ слѣдующее: больная повторнобеременная и въ настоящее время она считаетъ себя беременною въ третій разъ. На 3-мъ мѣсяцѣ послѣдней беременности у нея было діагносцировано haematocele retrouterina. Это послѣднее обстоятельство для насъ представляется очень важнымъ, принимая во вниманіе извѣстныя намъ господствующія воззрѣнія на этіологію haematocele retrouterina. Уже одно это даетъ намъ поводъ подозрѣвать у больной внѣматочную беременность.

---

1) R. Harris. — Weitere Fortschritte der Entbindung ectopischer lebensfähiger Früchte durch Koeliotomie (Monatschrift für Geburtsh. und Gynäk. 1897, VIII).

2) А. А. Муратовъ. — Очерки клинич. наблюденій и т. д.

Какъ оказывается беременность послѣ этого заболѣванія продолжала свое развитіе, боли, хотя сносныя, продолжали безпокоить беременную и она черезъ 4 мѣсяца послѣ начала беременности — стала ощущать первыя движенія плода, и, мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить такому заявленію больной; но затѣмъ не задолго до вторичнаго поступленія беременной въ клинику, послѣ случайнаго ушиба живота, она почувствовала боли, точнѣе нужно предполагать — обострѣніе болей, такъ какъ собственно боли въ умѣренной степени у беременной не прекращались вовсе, а вмѣстѣ съ этимъ движенія внутреутробнаго плода исчезли.

Объективное изслѣдованіе, произведенное при вторичномъ поступленіи больной въ клинику, къ сожалѣнію, не дало особенно вѣскихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, — приходилось въ этомъ отношеніи давать большое значеніе анамнестическимъ свѣдѣніямъ. Правда, мы констатировали измѣненія въ грудныхъ железахъ, которыя соотвѣтствуютъ беременному состоянію, пигментація lineam albam, куполообразное увеличеніе живота вслѣдствіе внутрибрюшинной опухоли, имѣющей не срединное положеніе, затѣмъ опухоль какъ-бы исходитъ изъ входа въ малый тазъ и повидимому составляетъ одно цѣлое съ другою опухолью, находящеюся въ полости малаго таза.

Далѣе, особая болѣзненность брюшныхъ покрововъ въ области распространенія опухоли, смѣщеніе матки in toto къ лонному соединенію, увеличеніе этого органа, измѣненіе консистенціи, особая мягкость влагалищной порціи матки въ связи съ венозной гипереміей влагалищныхъ стѣнокъ и маточной шейки, — всѣ перечисленныя объективныя данныя, до извѣстной степени говорили за наличность беременности у нашей большой, и именно за эктопическую беременность. Въ связи съ результатами повторнаго объективнаго изслѣдованія этой больной — для насъ имѣютъ очень большое значеніе тѣ анамнестическія свѣдѣнія, которыя сообщила намъ сама больная.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ признать, какъ фактъ, беременность. Категорическое заявленіе больной о томъ, что до извѣстнаго момента она хорошо чувствовала движенія плода, а затѣмъ эти движенія вмѣстѣ съ появившимися болями прекратились, — мы не можемъ также игнорировать. Слѣдуетъ признать, какъ очень вѣро-

ятное предположеніе, что наступила смерть внутреутробнаго плода.

Я прежде еще высказалъ, какъ только предположеніе о внѣматочной беременности у этой больной. Высказанное предположеніе получаетъ еще болѣе вѣроятности если принять въ соображеніе нѣкоторыя данныя, полученныя при объективномъ изслѣдованіи больной. У женщины, считавшей себя беременной имѣлись несомнѣнные признаки беременности — движенія плода; эти послѣднія, т. е., движенія исчезаютъ, и послѣ этого черезъ нѣкоторое время объективно убѣждаются, какъ въ нашемъ случаѣ, что одновременно съ присутствіемъ вѣроятныхъ признаковъ беременности и большой опухоли, находящейся въ брюшной полости и исходящей изъ малаго таза — обнаруживается еще увеличенная до объема $2^1/_2$-мѣсячной беременности матка, интимно соединенная съ только-что упомянутой опухолью.

Такое совмѣстное существованіе описанныхъ явленій наблюдается именно въ случаѣ наличности внѣматочной беременности. Эта совокупность отмѣченнаго настолько считается убѣдительной, что и въ этомъ случаѣ освобождаетъ насъ отъ труда дальнѣйшей установки дифференціальнаго распознаванія найденной опухоли отъ другихъ опухолей, которыя попадаются въ брюшной полости. Хотя самъ по себѣ маточный шумъ, какъ Вы знаете, еще ничего не говоритъ относительно беременности, но при установкѣ наличности беременности, онъ намъ можетъ также прибавить нѣчто. Онъ при этихъ условіяхъ говоритъ за продолжающееся еще пляцентарное кровообращеніе, несмотря на послѣдовавшую гибель плода — это первое. И, второе — распространенность большая или меньшая этого шума будетъ свидѣтельствовать въ свою очередь о большей или меньшей площади распространенія послѣда.

Слѣдовательно съ очень большимъ вѣроятіемъ устанавливается здѣсь распознаваніе эктопической беременности. Гораздо труднѣе на основаніи объективныхъ явленій рѣшить вопросъ относительно того стадія развитія, въ которомъ находится въ данный моментъ наблюдаемый нами случай внѣматочной беременности, другими словами, въ періодѣ дальнѣйшаго развитія беременности — прогрессивномъ стадіи или беременность уже закончила свое развитіе и передъ нами регрессивный стадій? Одинъ рѣзко слышный и распростра-

ненный маточный шумъ, какъ мы сказали еще ничего не говоритъ: можетъ быть онъ настолько рѣзокъ, что заглушаетъ ослабленное сердцебіеніе плода, а съ другой стороны, можетъ быть, плодъ уже погибъ; повторяю, на основаніи объективныхъ явленій, невозможно рѣшить — какое изъ высказанныхъ предположеній вѣрно. Такимъ образомъ для сужденія у насъ остается одно — анамнестическія свѣдѣнія, которыя, какъ Вамъ извѣстно, говорятъ за смерть плода.

Впрочемъ положеніе дѣла въ нашемъ случаѣ нисколько не измѣняется отъ того — будетъ-ли плодъ живъ или мертвъ. Развитіе внѣматочно развивающагося плода въ данномъ случаѣ приняло такой оборотъ, что самая нижняя часть плодовмѣстилища съ соотвѣтствующей частью плода спустилась въ полость малаго таза, измѣнила пространственныя отношенія въ послѣднемъ настолько, что значительно стѣснила всѣ органы, лежащіе въ маломъ тазу. Это-то послѣднее обстоятельство, помимо другихъ, обязываетъ насъ, во всякомъ случаѣ, возстановить тѣмъ или другимъ путемъ нарушенныя отношенія тазовыхъ органовъ. И такъ мы дошли до вопроса о томъ врачебномъ вмѣшательствѣ, которое предстоитъ намъ произвести у нашей больной. Но предварительно два слова о томъ, что мы можемъ обѣщать внѣматочно-беременной, словомъ о предсказаніи.

Констатированіе факта эктопической беременности, ео ipso, за рѣдкими исключеніями, предполагаетъ врачебное вмѣшательство. Въ самомъ дѣлѣ, далеко зашедшая въ своемъ развитіи внѣматочная беременность, если мы будемъ разсуждать какъ правило, предоставленная самой себѣ, ведетъ къ различному изуродованію, — а затѣмъ къ болѣе или менѣе быстрой гибели самой беременной. Если-же при этомъ патологическомъ состояніи организма подоспѣваетъ не особенно поздно разумная врачебная помощь, то громадное большинство внѣматочно-забеременѣвшихъ женщинъ не только выздоровливаютъ, но становятся способными къ новымъ нормальнымъ забеременѣваніямъ, онѣ рожаютъ и выкармливаютъ сами дѣтей. Разсуждая примѣнительно къ больной, которая останавливаетъ теперь наше вниманіе, нужно сказать слѣдующее относительно предсказанія. Наша больная, хотя представляетъ изъ себя субъекта значительно истощеннаго, изнуреннаго болѣзнью, но тѣмъ не менѣе эта послѣдняя, вообще говоря, еще не успѣла произвести въ данномъ орга-

низмѣ настолько деструктивные процессы, которые повергли бы этотъ организмъ въ опасное, почти безнадежное состояніе, какъ это мы видѣли въ предыдущемъ случаѣ эктопической беременности; слѣдовательно въ этомъ отношеніи можно поставить предсказаніе относительно благопріятное.

Многое будетъ зависѣть отъ другихъ обстоятельствъ — напр. отъ тѣхъ способовъ, которые примѣнимы къ лѣченію данной болѣзненной формы, какъ будетъ реагировать организмъ больной на это лѣченіе и т. д.. Касательно лѣченія далеко зашедшей внѣматочной беременности, какъ это имѣется въ разобранныхъ нами случаяхъ, здѣсь можетъ быть рѣчь только объ одномъ способѣ лѣченія, именно, оперативномъ вмѣшательствѣ. Вотъ отъ этого-то послѣдняго и будетъ много зависѣть предсказаніе у нашей больной. Уже одно то обстоятельство, которое выяснилось при объективномъ изслѣдованіи, что съ большою вѣроятностью можно предполагать обширныя, плоскостныя сращенія плодовмѣстилища съ окружающими частями и органами, заставляетъ быть осторожнымъ относительно предсказанія: съ какими органами имѣются сращенія, насколько послѣднія прочны и удалимы, какъ отзовется нарушеніе сращеній на общую экономію организма и т. д. и т. д. Но вѣдь не однѣ только сращенія вліяютъ на послѣдующее теченіе послѣоперацiоннаго періода — существуетъ масса условій, предвидѣть которыя до самаго производства операціи почти невозможно, а которыя межъ тѣмъ вліяютъ такъ или иначе на предсказаніе. Но разсуждая, такъ сказать, въ области теоріи вѣроятностей по отношенію къ нашей больной и принимая въ соображеніе ея относительно удовлетворительное общее состояніе и совершенство оперативной техники, которою мы владѣемъ въ настоящее время, можно надѣяться, конечно, вообще говоря, на благополучный исходъ нашего оперативнаго воздѣйствія.

Что касается до способа оперативнаго пособія у данной больной, то здѣсь даже не можетъ быть никакого колебанія относительно выбора оперативнаго пути, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ предыдущей операціи по поводу внѣматочной беременности.

Планъ предполагаемой операціи у занимающей насъ въ данный моментъ больной будетъ слѣдующій. Такъ какъ на основаніи объективнаго изслѣдованія установлено, что плодовмѣстилище спаяно съ передней брюшной стѣнкой, то раз-

рѣзавъ эту послѣднюю въ мѣстѣ діагносцированнаго спаянія мы непосредственно попадемъ въ полость плоднаго мѣшка, не вскрывъ полости брюшины, слѣдовательно оперируя экстраперитонеально, — этимъ самымъ гарантируемъ брюшину отъ какой-либо инфекціи. Поэтому не можетъ быть ни какой рѣчи объ избраніи другаго оперативнаго пути черезъ влагалище — наша забота должна быть едва-ли не исключительно направлена на то, чтобы, по возможности, избѣгать вскрытія свободной отъ опухоли полости брюшины. Это, конечно, общій планъ операціи, детали ея выяснятся при самомъ производствѣ.

И такъ приступаемъ слѣдовательно къ чревосѣченію.

Описаніе операціи. Послѣ обычныхъ приготовленій больная была захлороформирована и уложена въ тренделенбурговскомъ положеніи; затѣмъ по общимъ правиламъ была вскрыта брюшная полость, при чемъ тотчасъ-же вставилась въ рану внутрибрюшинная опухоль, соединенная массой плотныхъ спаекъ съ передней брюшной стѣнкой и окололежащими частями и органами, хотя опухоль не была сплошь спаяна съ передней брюшной стѣнкой, но отдѣленіе опухоли изъ этихъ спаекъ уже по первому взгляду представлялось крайне затруднительнымъ. Кромѣ того вслѣдствіе тѣхъ-же многочисленныхъ спаекъ представлялось крайне затруднительнымъ оріентироваться относительно анатомо-топографическихъ отношеній опухоли съ прилежащими частями. Послѣ того какъ часть ложныхъ оболочекъ была разрушена можно было судить о маткѣ по нахожденію у передне-нижняго сегмента опухоли болѣе плотнаго тѣла, напоминающаго по консистенціи и формѣ этотъ органъ. Затѣмъ опухоль за исключеніемъ передней поверхности, совершенно какъ-бы окутала матку и плотно спаялась съ нею; черезъ довольно толстыя стѣнки опухоли, внутри послѣдней не прощупывались никакія уплотненія или затверденія, такъ что опухоль in toto представлялась упруго-эластической консистенціи.

Когда болѣе или менѣе выяснились отношенія опухоли, а равно и установлено, что невозможно извлечь опухоль цѣликомъ изъ брюшной полости, тогда приступили къ вскрытію самой опухоли, послѣ предварительнаго закладыванія стери-

лизованныхъ марлевыхъ салфетокъ между опухолью и стѣнками брюшной полости. Разрѣзъ довольно толстой стѣнки опухоли сопровождался значительнымъ кровотеченіемъ, которое особенно усилилось по вскрытіи полости опухоли: кровотеченіе при этомъ остановливалось отчасти наложеніемъ зажимныхъ пинцетовъ, а болѣе всего непосредственнымъ прижатіемъ кровоточащихъ мѣстъ руками ассистентовъ.

По вскрытіи полости опухоли когда я рукою могъ проникнуть въ послѣднюю, то оказалось слѣдующее: въ полости находился плодъ, головкой обращенный къ крестцовой впадинѣ, при чемъ головка была какъ-бы ущемлена въ этой впадинѣ, такъ что извлеченіе головки было довольно затруднительно; членорасположеніе плода ничего особеннаго при этомъ не представляло; извлеченіе плода произведено за ягодицы, лежавшія непосредственно у разрѣза. Плодъ оказался значительно мацерированнымъ.

По извлеченіи плода приступлено къ удаленію пляценты, но послѣднее вслѣдствіе распространеннаго и прочнаго прикрѣпленія послѣда къ внутренней поверхности довольно ломкой стѣнки плодовмѣстилища представлялось очень труднымъ, такъ что пришлось ограничиться только возможнымъ удаленіемъ пляцентарной массы, вѣсъ которой по произведенному послѣ взвѣшиванію достигалъ до 3 фунтовъ.

Произведенное изслѣдованіе по опорожненіи плодовмѣстилища показало, что эктопическая беременность развилась въ правой фаллопіевой трубѣ. Вслѣдствіе обширности и плотности ложныхъ спаекъ съ сосѣдними частями и особенно съ прилежащими петлями кишечнаго канала, полное удаленіе плодовмѣстилища представлялось рискованнымъ вслѣдствіе того обстоятельства, что при этомъ, т. е., при отсепаровываніи плодовмѣстилища, при его спаяніи съ кишечными петлями и другими сосѣдними частями, послѣднія оставались-бы обнаженными отъ эндотеліальнаго покрова и подверглись-бы всѣмъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ подобнымъ обнаженіемъ.

Поэтому планъ дальнѣйшаго хода операціи расположился такимъ образомъ: освобожденная отъ сращеній верхняя часть плоднаго мѣшка была удалена, а остальная часть его пришита къ нижнему углу брюшной раны, при чемъ это пришиваніе, какъ нѣкоторые изъ Васъ убѣдились, было сопряжено также

съ извѣстными трудностями вслѣдствіе особой ломкости ткани стѣнки плодовмѣстилища.

Какъ бы то ни было брюшная полость была возможно очищена послѣ вшиванія плоднаго мѣшка, брюшная рана зашита, за исключеніемъ того отдѣла послѣдней, гдѣ было вшито плодовмѣстилище, такимъ образомъ незашитый нижній отдѣлъ брюшной раны лежалъ совершенно экстраперитонеально, такъ какъ онъ открывался непосредственно въ плодовмѣстилище, совершенно изолированное отъ полости брюшины.

Послѣ этого въ плодый мѣшокъ былъ введенъ дренажъ Mikulicz'a, точно также какъ это сдѣлано и въ первомъ разобранномъ нами случаѣ эктопической беременности и операція закончилась наложеніемъ соотвѣтствующей брюшной повязки.

Извлеченный per laparotomiam внѣматочнолежавшій трупъ дѣвочки представлялся приблизительно около 8-ми мѣсячной утробной жизни, длина его = 37 сантим. На видъ онъ представлялся значительно измѣненнымъ, мацерированнымъ. При изслѣдованіи трупа, послѣдній ничего особеннаго не представляетъ за исключеніемъ слѣдующаго: на лѣвой ягодицѣ его замѣчается опухоль величиною съ куриное яйцо; приблизительно на срединѣ этой опухоли усматривается незначительный перехватъ. При разрѣзѣ ткань опухоли имѣетъ темнокрасный, малиновый цвѣтъ; на поверхности разрѣза, кромѣ того замѣчаются точечные, желтоватые участки. Сама опухоль сидитъ, очевидно, только въ кожѣ и подкожной клѣтчаткѣ, подъ которой находятся мышицы, рѣзко отдѣляющіяся отъ опухоли и съ ней никакой связи не имѣющія. Для болѣе подробнаго изслѣдованія трупикъ переданъ въ анатомопатологическій институтъ.

Теченіе послѣопераціоннаго періода.

Теперь мы разсмотримъ, господа, дальнѣйшее теченіе послѣопераціоннаго періода у второй оперированной.

1-й день послѣ операціи: состояніе оперированной удовлетворительное, дыханіе и пульсъ хороши.

2-й д. Въ ночь появились небольшія боли въ животѣ; замѣчаются небольшія кровянистыя выдѣленія ex genitalia; t. 36,2—36,5, п. 100. — Повязка промокла и замѣнена новой.

3-й д. Состояніе оперированной удовлетворительное; t. 37—37,1, п. 100. Кровянистыя выдѣленія изъ влагалища въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ вчера; вызвано послабленіе на низъ. Смѣна брюшной повязки.

4-й д. Состояніе оперированной in statu quo, влагалищныя выдѣленія въ меньшемъ количествѣ; t. та же, пульсъ 96. Всѣ марлевыя салфетки удалены изъ дренажа Микулича, оставленъ только мѣшокъ, въ который введена одна полоса марли.

5-й д. Самочувствіе оперированной, а также объективныя явленія удовлетворительны, незначительныя влагалищныя отдѣленія продолжаются, t. не превышаетъ 37. — п. 86.

Дальнѣйшее теченіе послѣоперацiоннаго періода выразилось такъ: оперированная во все время чувствовала себя удовлетворительно, не жаловалась ни на какія самостоятельныя боли, влагалищныя выдѣленія прекратились съ одинадцатаго дня послѣ операціи; мѣшокъ отъ дренажа Микулича удаленъ на 6 день послѣ операціи и въ полость введена марлевая полоса; t. держалась въ нормальныхъ границахъ, пульсъ удовлетворительнаго наполненія колебался между 76—90. На 8-й день t. поднялось до 38, при чемъ при смѣнѣ брюшной повязки и извлеченіи изъ плодовмѣстилища марлевой салфетки послѣдняя издавала очень непріятный запахъ. Полость плоднаго мѣшка промыта слабымъ растворомъ сулемы и при этомъ изъ него вышло много кусочковъ пляцентарной ткани, затѣмъ полость по возможности осушена и въ нее введена полоса марли смоченная ксероформной эмульсіей, послѣ этого t. пала. Далѣе, каждый день смѣнялась брюшная повязка, промывалась полость плодовмѣстилища, причемъ продолжали выдѣляться кусочки пляцентарной ткани, вмѣстѣ съ хорошимъ гноемъ, дурной запахъ отдѣляемого исчезъ и полость плоднаго мѣшка замѣтно уменьшалась, въ чемъ легко было убѣдиться и непосредственнымъ изслѣдованіемъ этой полости помощью зонда, количествомъ жидкости входящей при промываніи и наконецъ непосредственнымъ, комбинированнымъ гинекологическимъ изслѣдованіемъ.

Послѣдніе брюшные швы сняты на 12-й день послѣ операціи, при чемъ почти вездѣ получилось удовлетворительное соединеніе раны per primam, конечно, за исключеніемъ нижняго угла раны, гдѣ было вшито плодовмѣстилище.

Кромѣ удовлетворительнаго самочувствія оперированной

нужно прибавить, что послѣ операціи съ каждымъ послѣдующимъ днемъ она видимо поправляется, становится крѣпче, появляется хорошій аппетитъ, всѣ отправленія совершаются правильно.

Черезъ 3 недѣли послѣ операціи оперированная и сама чувствовала и при объективномъ изслѣдованіи найдена настолько въ удовлетворительномъ состояніи, что ей позволено было встать съ постели. Единственно, что ее безпокоитъ — это искусственный свищъ въ брюшныхъ покровахъ, ведущій въ плодовмѣстилище; послѣднее продолжаетъ уменьшаться, но оно все-таки, сравнительно, значительно и изъ полости ея выдѣляется хорошій гной.

И такъ краткое извлеченіе изъ послѣоперацiоннаго періода этой оперированной, Васъ убѣжаетъ уже, гг., что она находится внѣ опасности. Все въ чемъ можно упрекнуть, такъ сказать, въ настоящее время послѣоперацiонный періодъ — это длительное теченіе его, еще открытый свищъ и присутствіе, хотя и малой величины плодовмѣстилища. Относительно только что поименованныхъ, какъ-бы неблагопріятныхъ, обстоятельствъ слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько словъ.

При операціяхъ по поводу эктопической беременности, подобныхъ разбираемой нами, гдѣ приходится оставлять большую или меньшую часть плодовмѣстилища въ брюшной полости — длительное теченіе послѣоперацiоннаго періода нужно считать правиломъ.

Само собою понятно, что идеальная операція при внѣматочной беременности, это будетъ та, при которой весь плодный мѣшокъ удаляется вполнѣ, какъ всякая другая внутрибрюшинная опухоль, сидящая на ножкѣ, напр. киста безъ сращеній: гдѣ являются подходящія условія, тамъ такъ и поступаютъ. Но въ случаяхъ, подобныхъ только что нами разобраннымъ, гдѣ плодовмѣстилище соединено многими, плоскостными, прочными, относительно старыми сращеніями съ окружающими частями и органами, тамъ такой способъ не примѣнимъ.

Я уже замѣтилъ Вамъ ранѣе, что при раздѣленіи старыхъ сращеній плоднаго мѣшка, съ окружающими частями и органами, особенно кишечными петлями, приходится лишать послѣдніе нерѣдко на значительномъ протяженіи эндотеліальнаго покрова и слѣдовательно подвергать ихъ всѣмъ послѣд-

ствіямъ связаннымъ съ этими дѣйствіями. Руководясь приведенными соображеніями выгоднѣе для больной оставлять большую или меньшую часть плоднаго мѣшка въ брюшной полости съ тѣмъ однако, чтобы полость этого мѣшка имѣла сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ черезъ отверстіе — или въ брюшныхъ покровахъ или въ одномъ изъ сводовъ влагалища. Могу Васъ увѣрить, какъ мнѣ не разъ приходилось убѣждаться при повторныхъ чревосѣченіяхъ и при аутопсіяхъ, что какъ-бы не было велико оставленное sub operatione въ брюшной полости плодовмѣстилище, послѣднее черезъ нѣкоторое время почти совершенно исчезаетъ.

Мнѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что при операціи въ случаѣ доношенной внѣматочной беременности, когда было оставлено все плодовмѣстилище въ брюшной полости, — черезъ 2 мѣсяца послѣ операціи остатокъ этого плодовмѣстилища едва равнялся грецкому орѣху средней величины.

Я лично смотрю на процессъ исчезанія плодовмѣстилища въ данномъ случаѣ, какъ на аналогичный процессъ, происходящій въ послѣродовой маткѣ, словомъ, какъ на involюцію.

Весь центръ тяжести при этомъ оперативномъ пріемѣ заключается только въ томъ, чтобы при тщательномъ вшиваніи плодовмѣстилища въ рану брюшныхъ покрововъ или въ влагалищный сводъ, непремѣнно стараться оставить достаточно-большое отверстіе, черезъ которое все отдѣляющееся изъ полости плоднаго мѣшка могло-бы свободно выходить наружу. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ теченіи послѣоперацiоннаго періода необходимо заботиться о томъ, чтобы оставленное отверстіе преждевременно не закрылось и тѣмъ не образовало-бы замкнутую полость, въ которой, понятно, будетъ скопляться все отдѣляющееся съ внутреннихъ стѣнокъ плодовмѣстилища.

Поступая только что намѣченнымъ образомъ — мы получимъ лежащую экстраперитонеально, болѣе или менѣе обширную, гноящуюся, открытую полость и при заживленіи послѣдней поступаемъ по общепринятымъ правиламъ: слѣдовательно поведемъ дѣло такъ, чтобы заживленіе, запустѣваніе этой полости шло со дна ея, а болѣе верхніе отдѣлы и выводное отверстіе допустимъ къ заживленію только тогда, когда все нижележащее пустое пространство уничтожится. Какъ это достигается, я на этомъ останавливаться теперь не буду, потому что, Вы въ нашей клиникѣ не разъ могли

видѣть у постели оперированныхъ, какъ достигается подобное уничтоженіе экстраперитонеально-лежащихъ полостей. Я сдѣлаю здѣсь только маленькое добавленіе: описанное веденіе послѣопераціоннаго періода оказывается вполнѣ цѣлесообразнымъ не только въ ближайшемъ будущемъ послѣ произведенной операціи, но и въ болѣе отдаленное время.

Часть брюшной раны, которая осталась не зашитою, по уничтоженіи полости плоднаго мѣшка выполняется обыкновенно хорошими грануляціями и прочно заживаетъ per suppurationem, послѣ чего получается хорошій прочный рубецъ, неоставляющій обыкновенно за собою расхожденій брюшныхъ стѣнокъ или выпячиваній даже при послѣдущемъ растяженіи брюшныхъ покрововъ, напр., беременною маткою; въ этомъ мнѣ приходилось убѣждаться въ случаяхъ нормальнаго забеременѣванія женщинъ, которыя предварительно перенесли чревосѣченіе вслѣдствіе эктопической беременности. Да, наконецъ, если-бы и послѣдовало частичное грыжевое выпячиваніе брюшныхъ покрововъ послѣ операціи, то во всякомъ случаѣ это осложненіе легко и скоро устраняется.

Въ заключеніе нашихъ бесѣдъ по поводу двухъ внѣматочно-беременныхъ женщинъ, мнѣ хотѣлось-бы сказать Вамъ еще два слова относительно исходовъ нашихъ оперативныхъ воздѣйствій надъ этими больными. Что касается до первой больной, Вы, конечно, хорошо помните при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ приходилось оперировать. При этомъ у нѣкоторыхъ изъ Васъ можетъ быть зародилось сомнѣніе: да слѣдовало-ли вообще предпринимать операцію при такихъ малыхъ шансахъ на успѣхъ?

Въ этомъ отношеніи должно отвѣчать утвердительно уже потому, что если оставить больную при такихъ грозныхъ явленіяхъ безъ операціи — она неминуемо обречена на мучительный летальный исходъ; межъ тѣмъ производя операцію, представляется хотя и малая, но тѣмъ не менѣе вполнѣ обоснованная, надежда на успѣхъ. Затѣмъ, если Вы припомните, констатировавъ беременность у первой больной, и не убѣдившись объективно ни въ сердцебіеніи —, ни въ движеніяхъ плода, тѣмъ не менѣе мы не могли категорически отрицать жизнь внутре-утробнаго плода. А разъ у врача зародилось даже малое сомнѣніе относительно смерти внутреутробнаго плода — этимъ самымъ онъ становится нравственно обязаннымъ заботиться о сохраненіи хотя только этой жизни

— плода, когда уже не возможно спасти, если и болѣе дорогую, но уже обреченную на вѣрную гибель жизнь самой беременной. Повторяю, уже это одно обстоятельство выставляетъ для насъ операцію нравственно-настоятельнымъ долгомъ.

Операція, какъ Вы убѣдились на дѣлѣ, вполнѣ оправдала наши подозрѣнія — плодъ извлеченъ живымъ и жизне-способнымъ, и, который, есть большое основаніе думать, при цѣлесообразномъ уходѣ могъ-бы жить и развиваться далѣе внѣутробно.

Теперь о самой оперированной. Она погибла. Мы имѣемъ точный протоколъ вскрытія и, относясь вполнѣ объективно, слѣдуетъ высказать слѣдующее: септическое заболѣваніе покойной отрицается паталого-анатомомъ, затѣмъ сравнительно давнія измѣненія, найденныя въ важныхъ для жизни органахъ и не находящіяся ни въ какой связи съ произведенной операціей настолько значительны, что они одни должны были свести больную въ могилу до операціи. Одно, что остается еще подъ знакомъ вопроса — это послѣоперацiонное воспаленіе легкихъ. Нужно сознаться, что въ этомъ отношеніи представляется обширное поле для различныхъ предположеній. Можетъ быть какъ, этіологическій моментъ, здѣсь игралъ роль, хотя и смѣшанный, но все-таки хлороформный наркозъ, оставленіе въ брюшной полости обширнаго плоднаго мѣшка съ остатками пляценты и т. д., или, какъ высказалъ свое мнѣніе патолого-анатомъ, производившій аутопсію и затѣмъ изслѣдовавшій бактеріологически легочную ткань, что воспаленіе легкихъ въ данномъ случаѣ не находится въ связи съ произведенной операціей, — все это такіе вопросы, на которые въ данное время нельзя отвѣчать категорически. Но одно, что можно высказать съ положительностью и что служитъ большимъ нравственнымъ утѣшеніемъ оперировавшему относительно правоты его поступка, это то, что отъ чего бы не зависѣла смерть данной оперированной, онъ рѣшительно не могъ уклониться отъ производства чревосѣченія у покойной.

Относительно исхода у второй оперированной нами по поводу эктопической беременности больной особенно распространяться нечего — исходъ намъ извѣстенъ и по справедливости, разсуждая относительно только оперированной, онъ долженъ считаться вполнѣ благопріятнымъ; по этотъ исходъ

для насъ интересенъ и важенъ въ другомъ отношеніи, о чемъ я скажу сейчасъ.

Что касается до внѣматочно-развивавшагося плода въ этомъ случаѣ, то правда, плодъ этотъ извлеченъ не только мертвымъ, но и мацерированнымъ; но понятно, въ этомъ никто не рѣшится обвинять насъ — уже самый фактъ мацераціи плода ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что смерть плода произошла за долго до того времени, когда больная явилась къ намъ, когда мы были въ состояніи приступить къ операціи. Я только что сказалъ, что благопріятный исходъ операціи интересенъ въ другомъ отношеніи.

Дѣйствительно, если мы будемъ сравнивать двухъ разсматриваемыхъ нами больныхъ, то слѣдуетъ признать, конечно, что онѣ страдали одной и той-же болѣзнью, оперированы по одному и тому-же способу и, если хотите, послѣдняя при худшихъ условіяхъ по отношенію къ внѣматочно развивавшемуся плоду; нельзя забывать, что мертвый плодъ находился долго въ организмѣ беременной, слѣдовательно были на лицо всѣ условія для вступленія птомаиновъ въ организмъ матери и — всѣхъ послѣдствій птомаиновъ. Межъ тѣмъ исходъ операціи для оперированной все-таки оказался благопріятнымъ. Этотъ фактъ отчасти можетъ говорить за то, что сама по себѣ операція, произведенная нами по извѣстному способу не только не могла вести къ роковому исходу, по скорѣе содѣйствовала устраненію послѣдняго.

Anteflexio uteri gravidi, graviditas mens II, hyperemesis gravidarum.

Господа!

Сегодня намъ предстоитъ разобрать одинъ изъ очень серьезныхъ случаевъ въ области нашей спеціальности; болѣе того, мало назвать нашъ сегоднешній клиническій объектъ — серьезной больной. Всякая болѣзнь въ глазахъ врача серьезна, но нашъ случай представляется прямо опаснымъ и вотъ почему. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать только серьезною такую больную, которая въ теченіе 2 мѣсяцевъ почти ничего не ѣстъ, быстро слабѣетъ и наконецъ дѣло доходитъ до того, что она уже не можетъ вставать съ постели; и, если болѣзнь пойдетъ такимъ порядкомъ далѣе вѣдь больная можетъ погибнуть голодной смертью. Но прежде чѣмъ пускаться въ детали, мы прослушаемъ предварительно клиническую исторію болѣзни, составленную однимъ изъ Вашихъ товарищей.

И такъ исторія болѣзни нашей больной гласитъ слѣдующее:

Э. С. 36 лѣтъ отъ роду, крестьянка, уроженка деревни Торша, Юрьевскаго уѣзда, занимается домашнимъ хозяйствомъ. Насколько припомнитъ больная, въ дѣтствѣ она болѣла оспой, скарлатиной и кромѣ того еще какой-то неопредѣленной лихорадкой.

1-я менструація появилась на 15-мъ году, регулы установились съ перваго разу черезъ 4 нед., по 5 дней, скудно и съ болью; такой типъ менструаціи имѣли до послѣдняго заболѣванія. Послѣднія менструаціи у больной были 10/VIII 99.

Начало половой жизни больная считаетъ съ 25 лѣтъ; она имѣла три беременности и 3 срочныхъ родовъ — первые роды на 28 году, а послѣдніе роды 4 г. назадъ. Въ первые

мѣсяцы предыдущихъ беременностей, больная страдала умѣренными тошнотами и рвотами, но послѣднія никогда особенно не безпокоили беременную: она могла ѣсть и чувствовала себя довольно крѣпкой. Въ теченіе первыхъ родовъ у больной были какіе-то припадки, въ чемъ они заключались больная не знаетъ, но помнитъ, что она въ это время теряла сознаніе. Вторые и третьи роды ничего особеннаго въ своемъ теченіи не представляли. Послѣ первыхъ родовъ родильница пролежала въ постели 6 недѣль и все это время болѣла лихорадкой. Послѣ 2 послѣднихъ родовъ родильница чувствовала себя удовлетворительно и вставала на 7 день.

Дѣтей всѣхъ кормила сама.

С. считаетъ себя больною съ 10/VIII 99. Болѣзнь началась сразу тошнотой и рвотой, явленія, которыя сначала усиливались особенно по утрамъ, натощакъ; въ началѣ болѣзни, кромѣ тошноты и рвоты, у больной былъ поносъ, но онъ продолжался только 2 дня; затѣмъ 3 нед. тому назадъ, по словамъ больной у нея вышла съ испражненіями какая-то глиста, но объяснить общій видъ послѣдней, больная не можетъ. Вскорѣ тошнота и рвота стали появляться въ неопредѣленное время, больная стала ощущать боли въ различныхъ мѣстахъ тѣла, не могла ѣсть, начала слабѣть, вслѣдствіе слабости скоро слегла въ постель и принуждена была обратиться въ клинику. Въ настоящее время больная жалуется на то, что она почти ничего не ѣстъ отъ сильной тошноты и рвоты, сопровождающейся сильной головной болью; кромѣ того больная жалуется на сильную болѣзненность подъ ложечкой, боли внизу живота и крестцѣ.

Объективное изслѣдованіе.

Общее питаніе тѣла значительно ниже средняго уровня, видимыя слизистыя оболочки блѣдны, t. тѣла 36,8, пульсъ 80, дыханіе 17.

Животъ ладьеобразно втянутъ, покровы живота недостаточно развиты, при пальпаціи живота повсюду отмѣчается болѣзненность, въ особенности въ области epigastri'и.

Органы пищеваренія: кромѣ тошноты и рвоты объективно ничего не замѣчается.

Органы дыханія: границы легкихъ нормальны, но везикулярное дыханіе вездѣ ослабленное.

Органы кровообращенія: при перкуссіи границы сердца опредѣляются въ предѣлахъ нормы, кромѣ лѣвой, которая

доходитъ до lin. mamillaris sin.; сердечные тоны чисты, но первый нѣсколько удлиненъ.

Мочевые органы: суточное количество мочи уменьшено и достигаетъ до 800 сс., она концентрирована, при химическомъ изслѣдованіи оказываются слѣды бѣлка.

Нервная система: при объективномъ изслѣдованіи замѣчается у больной вообще повышенная чувствительность, но особенно въ области лицевыхъ и шейныхъ нервовъ.

Половая система: грудныя железы отвислы, околососковые кружки значительно пигментированы, на нихъ рельефно выступаютъ увеличенныя монгомеровы железы.

Брюшные покровы, какъ замѣчено выше, очень дряблы, на кожѣ замѣчаются поверхностные, старые, бѣлые рубцы, оставшіеся отъ предшествовавшихъ беременностей.

Влагалище: стѣнки синевато-краснаго цвѣта, болѣе мягкой, чѣмъ въ нормѣ консистенціи и обильно покрыты бѣловатымъ отдѣляемымъ.

Влагалищная часть матки по формѣ представляется уже подвергавшейся родовому акту маточной шейки, на ней имѣются многочисленные мелкіе разрывы; консистенція вообще маточной шейки не особенно мягкая, но близь наружнаго маточнаго отверстія маточная шейка представляется размягченною. По объему влагалищная порція имѣетъ среднюю величину; изъ поперечной щели зѣва выдѣляется въ небольшомъ количествѣ бѣловатая, вязкая слизь. Передній влагалищный сводъ представляется низдавленнымъ и черезъ него прощупывается болѣе плотное тѣло, которое при комбинированномъ изслѣдованіи оказывается составляющимъ одно цѣлое съ маточной шейкой, т. е. тѣло матки и стоящимъ подъ прямымъ угломъ къ маточной шейкѣ. Слѣдовательно матка представляется значительно искривленной впередъ. Матка увеличена до объема 2-мѣсячной беременности, она округлой формы и сплющена спереди назадъ; по консистенціи тѣло матки — мягковато, матка не особенно чувствительна и нормально подвижна. Со стороны яичниковъ, трубъ и связочнаго аппарата ничего не нормальнаго не отмѣчается.

Клиническое наблюденіе больной, произведенное у насъ въ клиникѣ, въ теченіе 4 дней показало, что она почти постоянно страдаетъ тошнотой и рвотой, что появляется у нея безъ всякого повода. Больная вслѣдствіе постоянныхъ по-

зывовъ на рвоту ничего не можетъ ѣсть и пить: единственно, что у нея удерживается это чай съ лимономъ.

Слѣдовательно, резюмируя исторію болѣзни нашей больной, мы получимъ такія данныя. Судя по анамнестическимъ свѣдѣніямъ, нашу больную нужно причислить къ субъектамъ относительно здоровымъ до послѣдняго времени. Правда, въ ея прошломъ значатся нѣкоторыя болѣзни: такъ въ дѣтствѣ она перенесла оспу, скарлатину и какую-то лихорадку, но все это, повидимому, прошло почти безслѣдно. Хотя больная довольно поздно начала жить половой жизнью, но она все-таки имѣла 3 срочныхъ родовъ. Изъ всѣхъ родовъ, только во время первыхъ изъ нихъ были припадки, судя по описанію эклямптическіе, и, затѣмъ послѣ этихъ родовъ родильница, болѣя лихорадкой пролежала въ постели 6 недѣль. Кромѣ этого больная въ состояніи, предшествовавшемъ появленію ея настоящей болѣзни не отмѣчаетъ никакихъ патологическихъ состояній и считаетъ начало своей болѣзни только съ 10/VIII текущаго года.

Я не буду сегодня останавливать Ваше вниманіе на подробномъ ходѣ діагноза всего того, что имѣется у нашей больной. Исторія болѣзни составлена довольно обстоятельно и изъ имѣющихся въ ней данныхъ, Вы уже, конечно, сами почти поставили распознаваніе болѣзни. Коротко, у больной рѣзче всего выступаетъ graviditas mens. II, anteflexio uteri gravidi, vomitus et anaemia. Первое т. е. anteflexio uteri, можно съ большою увѣренностью сказать, что оно существовало у больной давно и это никоимъ образомъ нельзя считать за пріобрѣтеніе послѣдняго времени; межъ тѣмъ такое патологическое состояніе матки, непосредственно не причиняло больной никакихъ неудобствъ и она считала себя здоровою. Но 2 мѣсяца тому назадъ у нея появилась тошнота и рвота, симптомы, которые мало по малу усиливаясь наконецъ скоро довели больную до такого безпомощнаго состоянія, въ которомъ мы видимъ ее теперь.

Вы видите это исхудалое блѣдное лицо со впалыми, боязливыми глазами, выражающими какой-то непонятный страхъ, вытянутый носъ, тонкія, блѣдныя, покрытыя экскоріаціями губы, нервно подергивающіеся мускулы лица, сухой фулигинозный языкъ. Нервное дыханіе, больная какъ будто страшится вздохнуть, пошевелиться изъ боязни, какъ бы этимъ не вызвать тошноту или рвоту. Больная настолько подавлена

припадками тошноты и рвоты, что она совершенно забыла по двухъ-мѣсячному отсутствію регулъ считать себя беременною. И, только при разспросахъ она сообщила о томъ, что у нея 2 мѣсяца нѣтъ регулъ.

Въ самомъ дѣлѣ естественно нашей больной эту ужасную тошноту и рвоту не считать однимъ изъ проявленій беременности; вѣдь она въ этомъ отношеніи считаетъ себя опытной женщиной, она бывала нѣсколько разъ беременной, бывали тошноты, иногда рвоты, но все это проходило легко и не мѣшало ей заниматься ея привычнымъ дѣломъ. Дѣйствительно, кто же не знаетъ, что тошнота и рвота во время беременности, чаще въ первое время ея теченія, явленіе очень обыкновенное и считается однимъ изъ сомнительныхъ признаковъ беременности. Но въ тѣхъ случаяхъ тошнота и рвота происходитъ, сравнительно, легко. Беременную хотя тошнитъ и рветъ, кое что изъ обыкновенныхъ пищевыхъ средствъ она не можетъ ѣсть, нѣкоторая пища дѣлается настолько противна, что одно воспоминаніе объ этомъ пищевомъ средствѣ — уже вызываетъ тошнотныя движенія; но тѣмъ не менѣе многое изъ потребленныхъ пищевыхъ продуктовъ остается въ желудкѣ, беременная слѣдовательно питается, силы ея по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ не падаютъ; затѣмъ тошнота и рвота, просуществовавъ нѣкоторое время, прекращаются, беременная поправляется и въ дальнѣйшемъ беременность течетъ нормально.

Совершенно иной характеръ имѣетъ тошнота и рвота у интересующей насъ больной. Но здѣсь-же я долженъ оговориться, что этотъ случай еще не изъ самыхъ типичныхъ представителей своего рода. Онъ еще не дошелъ до своего acme.

Чтобы Вамъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о типической необычной, усиленной тошнотѣ и рвотѣ беременныхъ, я позволю себѣ представить 2 исторіи болѣзни беременныхъ. Въ 1894 году въ Іюнѣ мѣсяцѣ я былъ приглашенъ въ Москвѣ на консультацію товарищемъ къ одной беременной. In extenso исторія болѣзни такова.

Гжа. Ф. 21 г. отъ роду 4 мѣсяца тому назадъ вышла замужъ, будучи совершенно здоровой дѣвушкой. Первые 2 мѣсяца послѣ замужества она чувствовала себя хорошо, на 3-мъ мѣсяцѣ ожидаемыя регулы не пришли, а вмѣстѣ съ этимъ появилась тошнота, сначала умѣренная; однако черезъ

недѣлю тошнота, сопрождавшаяся рвотой настолько усилилась, что больная не только ничего не могла ѣсть, но даже одна мысль или напоминаніе о пищѣ вызывало тошноту и рвоту.

Больная единственно, что могла переносить это въ очень небольшихъ количествахъ сырую, гречневую крупу. Г-жа Ф. перепринимала за это время всевозможныя средства, но ни что ей не приносило никакого облегченія. Силы больной быстро падали и наконецъ она дошла до такого состоянія, что не могла вставать съ постели. Когда я увидалъ больную, то я нашелъ слѣдующее.

Больная средняго роста, хорошаго сложенія, общіе покровы и видимыя слизистыя оболочки очень блѣдны, подкожно-жирный слой скудно развитъ — больная крайне худа. Лицо блѣдное, вытянутое, глаза впалы, губы морщинисты, покрыты экскоріаціями. Лицо больной выражаетъ безпокойство, страхъ, она лежитъ въ постели; при разспросахъ она трудно соображаетъ, не вдругъ и нехотя отвѣчаетъ на предлагаемые ей вопросы, говоритъ очень тихо съ трудомъ, такъ что временами трудно бываетъ понять то, что она желаетъ высказать. Вообще больная представляется крайне истощенною.

Въ органахъ дыханія отмѣчается: ослабленное везикулярное дыханіе, въ нижней долѣ праваго легкаго влажные хрипы.

Органы кровообращенія: пульсъ 68—70, наполненіе артерій малое, въ сердцѣ — малокровные шумы. Т. тѣла 36,4.

Органы пищеваренія: языкъ сухъ, обложенъ фулигинознымъ налетомъ, изо рта слышится отвратительный запахъ, на что жалуется сама больная. Подложечная область очень болѣзненна при осторожномъ ощупываніи, животъ ладьеобразно втянутъ, брюшные покровы очень истончены вслѣдствіе уничтоженія подкожно-жирнаго слоя.

Нервная система: больная крайне раздражительна, замѣчаются частыя подергиванія въ области распространенія лицеваго нерва.

Мочевые органы: моча кирпично-краснаго цвѣта, концентрирована, содержитъ бѣлокъ 5 pro mille, суточное количество мочи едва достигаетъ до 600 к. с.

Половая система: грудныя железы плохо развиты, околососковые кружки слабо пигментированы, равно монгомеровы железы едва выступаютъ надъ уровнемъ кружковъ. Linea

alba незначительно пигментирована. Стѣнки влагалища и маточная шейка представляются размягченными, матка увеличена до объема 2—2$^1/_2$ мѣсячной беременности, находится въ положеніи значительной антефлексіи, тѣло матки мягковато. Матка при изслѣдованіи довольно болѣзненна, при чемъ даже при осторожномъ изслѣдованіи, кромѣ того вызываются тошнотныя движенія.

У больной, какъ сказано, было примѣнено самое разнообразное фармацевтическое лѣченіе безъ всякаго результата.

Имѣя въ виду очень рѣзкій случай рефлекса со стороны матки, самое естественное казалось-бы направить свои дѣйствія на матку и именно на исправленіе положенія матки. Но здѣсь, какъ мы видѣли, не только исправленіе неправильнаго положенія матки, сопряженное съ большимъ или меньшимъ насиліемъ и вкладываніе какого-бы то ни было пессарія, но даже осторожное изслѣдованіе уже вызывало тошноту; поэтому такой планъ лѣченія не подходилъ къ данному случаю. Оставалось только одно какъ можно скорѣе опорожнить полость матки. Но въ виду крайняго истощенія беременной и послѣ опорожненія матки путемъ производства искусственнаго законнаго выкидыша, также нельзя было питать особенно радужныхъ надеждъ. Да кромѣ того на производство выкидыша не соглашался и мужъ больной.

Истощеніе больной увеличивалось очень быстро, такъ что, когда черезъ 5 дней послѣ консультаціи, мужъ беременной согласился на искусственное прекращеніе беременности, и я былъ приглашенъ на вторичную консультацію, я нашелъ беременную въ состояніи агоніи, почему на этотъ разъ высказался противъ операціи и дѣйствительно больная черезъ 12 часовъ послѣ этого скончалась.

II случай. Больная С. 29 лѣтъ, начала менструировать съ 14-лѣтняго возраста, постоянно черезъ 3-недѣльные промежутки по 3—4 дня безболѣзненно, но мало. Она имѣла 3 срочныхъ родовъ, послѣдніе роды 2 г. назадъ. Дѣтей выкормила сама. Прежнія беременности протекали нормально, обыкновенно на 2 или на 3 мѣсяцѣ беременности появлялась небольшая тошнота, которая черезъ 1—1$^1/_2$ мѣсяца проходила и беременная чувствовала себя хорошо, роды и послѣродовые періоды за исключеніемъ третьихъ родовъ ничего особеннаго не представляли; но при третьихъ родахъ было произведено акушеркой ручное отдѣленіе послѣда и на этотъ

разъ родильница оставалась въ постели въ теченіе 2 мѣсяцевъ, страдая какою-то послѣродовою лихородочною болѣзнью. Кромѣ того послѣ этихъ родовъ и до настоящаго времени беременная чувствуетъ себя не здоровою и регулы стали бывать не такъ правильно, какъ прежде. Послѣднія регулы у нея были около 3 мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ я былъ приглашенъ къ ней. Больная разсказываетъ такъ: приблизительно, черезъ недѣлю послѣ того, какъ прошелъ обычный срокъ регулъ, у нея появилась тошнота со рвотой въ умѣренной степени, а вмѣстѣ съ этимъ появилось отвращеніе къ мясу и яйцамъ, продукты, которые прежде она очень любила. Но всѣ эти симптомы очень быстро усиливались и черезъ 3 недѣли послѣ своего появленія достигли до такой степени, что больная ничего не могла ѣсть, исключая (одного — двухъ кислыхъ яблокъ, которые еще отчасти удерживались въ желудкѣ; кромѣ того больная не могла переносить табачнаго и керосиннаго запаху.

Продолжительная, мучительная рвота наступала у больной не только при видѣ поименованныхъ веществъ, но ей достаточно было лишь напомнить о нихъ, или если она сама случайно только вспоминала объ этихъ веществахъ. — Рвота не оставляетъ больную и ночью: она не рѣдко ночью просыпается отъ рвоты и послѣ этого уже не можетъ заснуть. Больная чувствуетъ сильную жажду, но утолять ее не можетъ вслѣдствіе появленія той-же рвоты; кромѣ того со времени возникновенія рвоты больную безпокоятъ сильные запоры.

Въ послѣднее время ко всему этому присоединилась еще какая-то особенная озлобленность къ своему мужу, одинъ видъ котораго возбуждалъ въ больной непреодолимое желаніе нанести ему оскорбленіе словомъ или даже дѣйствіемъ.

Такое продолжительное голоданіе довело больную въ теченіе мѣсяца до такого состоянія, что она вслѣдствіе крайняго безсилія должна была проводить все время въ постели.

Больная очень много принимала различныхъ лѣкарствъ, но никакого облегченія отъ этого не чувствовала. Въ числѣ другихъ врачей, между прочимъ, былъ приглашенъ и я. При объективномъ изслѣдованіи, я нашелъ слѣдующее. Больная высокаго роста, средняго тѣлосложенія, общіе покровы и видимыя слизистыя оболочки очень блѣдны, подкожно-жирный слой развитъ крайне скудно; послѣднее обстоятельство рѣзко бросается въ глаза даже при одномъ поверхностномъ

взглядѣ на больную. Лицо ея представляется очень худымъ съ рѣзко выдающимися изъ подъ кожи костными выступами. Лицо больной выражаетъ страданіе, безпокойство и страхъ ожиданія наступленія рвоты. Дѣйствительно, черезъ каждыя 5—10 минутъ больную рветъ, при чемъ она чувствуетъ сильную боль подъ ложечкой и во всемъ животѣ. Больная отъ слабости тихо говоритъ, останавливается по срединѣ фразы, заговаривается, забываетъ, что сказала и при этомъ замѣтно сердится. Губы тонки, сухи, языкъ интензивно краснаго цвѣта, сухъ и покрытъ вмѣстѣ съ деснами фулигинознымъ налетомъ; при разговорѣ больной изъ ея рта слышится рѣзко зловонный запахъ.

При дальнѣйшемъ осмотрѣ больной, туловище и конечности представляются очень исхудалыми. Т. 36,5—37,3.

Въ органахъ дыханія ничего ненормальнаго обективно не отмѣчается.

Органы кровообращенія: анемичные сердечные шумы, пульсъ частъ (86—90), наполненіе артерій малое.

Нервная система: больная очень безпокойна, раздражительна, и сердита.

Мочевые органы: моча концентрирована, непріятнаго запаха, содержитъ бѣлокъ 1 pro mille, количество мочи, собранное за послѣдніе сутки = 575 k. c.

Половая система: грудныя железы недостаточно развиты, околососковые кружки хорошо пигментированы, монгомеровы железы мало замѣтны.

Животъ больной представляется ладьеобразно вытянутымъ, значительно болѣзненнымъ даже при осторожномъ ощупываніи; брюшные покровы очень истончены, на поверхности ихъ замѣтны многочисленные бѣлые рубцы послѣ бывшихъ беременностей. Далѣе, на промежности имѣется разрывъ 1-ой степени; на стѣнкахъ влагалища и маточной шейки не наблюдается особеннаго интензивнаго окрашиванія свойственнаго беременному состоянію. На маточной шейкѣ находится лѣвосторонній разрывъ ея, занимающій, приблизительно нижнюю треть ея.

При комбинированномъ изслѣдованіи тѣло матки оказывается увеличеннымъ до объема $2^1/_2$—3 мѣсячной беременности, при чемъ матка находится въ значительной антефлексіи, такъ что передній сводъ нездавленъ, матка кромѣ того довольно чувствительна при изслѣдованіи. Осмотръ зеркаломъ

показалъ распространенныя эрозіи маточной шейки и эндоцервитъ.

Diagnosis: graviditas mens. II—III, hyperemesis gravidarum, anteflexio uteri.

Назначенъ пессарій Годжа и повторное смазываніе ссадинъ tint. jodi per se. Первые 1½ сутокъ никакого замѣтнаго облегченія не послѣдовало, затѣмъ рвота по ночамъ прекращалась, — на 3-ій день рвота стала значительно рѣже; къ вечеру этого дня больная попросила холоднаго молока, выпила ¼ чайнаго стакана; молоко удержалось и такимъ образомъ въ теченіе этого вечера больная выпила цѣлый стаканъ, при чемъ только послѣ послѣднихъ глотковъ у нея появилась непродолжительная тошнота, однако рвоты не послѣдовало.

Въ ближайшіе, послѣдующіе дни у больной появлялись по временамъ легкія тошнотныя движенія, но за которыми ни разу не послѣдовала рвота. У больной появился очень сильный аппетитъ, она замѣтно поправлялась, черезъ недѣлю могла сидѣть въ постели, а черезъ 2 недѣли была въ такомъ удовлетворительномъ состояніи, что безъ посторонней помощи могла встать съ постели. Слѣдуетъ замѣтить, что больная очень тяготилась сознаніемъ, что она носитъ въ себѣ постороннее тѣло (пессарій) и чувствуя себя здоровой попросила акушерку вынуть изъ влагалища пессарій; вслѣдъ за этимъ черезъ нѣсколько часовъ у больной появилась тошнота и рвота послѣ того, какъ больная выпила ½ чашки кофе. Пессарій былъ снова вложенъ и дѣло ограничилось однократной рвотой.

Такимъ образомъ больная проносила пессарій до 4½ мѣсяцевъ беременности, затѣмъ онъ былъ удаленъ — ни тошноты, ни рвоты уже не появлялось, беременная удовлетворительно поправилась, хорошо питалась и нормально въ срокъ разрѣшилась отъ бремени живымъ мальчикомъ.

Что касается до смазываній маточной шейки, то ихъ пришлось сдѣлать 8 разъ, пока эрозіи не прошли.

Только что сообщенныя мною Вамъ 2 исторіи болѣзни могутъ служить довольно типическими представителями занимающаго насъ въ данное время страданія.

Я въ началѣ лекціи уже замѣтилъ, что появленіе тошноты и рвоты въ теченіи беременности явленіе довольно обыкновенное, которое мало даже вызываетъ протеста со

стороны многихъ беременныхъ женщинъ; они смотрятъ на это, какъ на явленіе свойственное, такъ сказать, данному ихъ состоянію, явленію проходящему и поэтому терпѣливо его переносятъ.

Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, къ великому счастью беременныхъ женщинъ, въ практической жизни встрѣчаются случаи въ родѣ того, который служитъ предметомъ нашей настоящей бесѣды. Слѣдовательно прежде всего, какъ мы увидимъ ниже, намъ важно условиться, гдѣ-же граница между обыкновенной и необыкновенной рвотой беременныхъ?

Здѣсь дѣло рѣшается не трудно: та тошнота и рвота во время беременности, которая существуетъ хотя довольно продолжительное время, причиняетъ безпокойство больнымъ, но во всякомъ случаѣ эти болѣзненные симптомы очень немного вліяютъ на общее состояніе беременныхъ; подобныя больныя все-таки питаются и наконецъ болѣе или менѣе скоро, съ теченіемъ беременности проходитъ тошнота и рвота.

Обыкновенно, эти порою крайне непріятные симптомы, появившись въ первые мѣсяцы беременности, просуществавъ нѣкоторое время исчезаютъ безслѣдно; рѣже, тошнота и рвота, такъ сказать, въ предѣлахъ нормы появляется во вторую половину беременности, а иногда даже въ концѣ послѣдней, но во всякомъ случаѣ не проявляетъ ничего ужасающаго и скоро точно также проходитъ.

Тошнота и рвота, появляющіяся въ только что описанной формѣ съ полнымъ правомъ считается явленіемъ обычнымъ въ теченіе беременности и не внушаетъ никакихъ опасеній за будущее данныхъ беременныхъ женщинъ.

Совершенно иное дѣло если тошнота и рвота разъ появившись во время беременности не проявляетъ никакой наклонности къ уменьшенію; наоборотъ, какъ мы видѣли даже въ приведенныхъ исторіяхъ болѣзни, здѣсь эти болѣзненные симптомы начавшись въ умѣренной степени постоянно прогрессируютъ въ своемъ ухудшеніи. Разница будетъ заключаться только въ томъ, что въ однихъ случаяхъ это ухудшеніе будетъ идти болѣе быстро, въ другихъ — болѣе медленно. До чего можетъ идти дѣло въ крайнихъ степеняхъ, мы могли въ достаточной мѣрѣ убѣдиться изъ только что цитированныхъ скорбныхъ листовъ; поэтому я не буду останавливаться на описаніи картины, которая представляется

при наличности чрезмѣрно развитой тошноты и рвоты беременныхъ.

Словомъ, та рвота, которая появляется послѣ принятія всякой пищи, такъ что никакая пища не остается въ желудкѣ больной, рвота появляющаяся при совершенно пустомъ желудкѣ, при одной мысли только о пищѣ, иногда даже ночью, при чемъ общее состояніе беременной доходитъ до крайняго истощенія — называется неукротимою, гибельною, злокачественною рвотою беременныхъ (hyperemesis gravidarum). Разсуждая о данной аномаліи беременности очень естественнымъ выступаетъ вопросъ относительно этіологіи неукротимой рвоты беременныхъ. Къ сожалѣнію на первыхъ же порахъ приходится сказать, что этіологія гибельной рвоты беременныхъ, до сихъ поръ еще довольно темна. Стѣсненный временемъ въ клиническихъ лекціяхъ я не могу останавливаться подробно на этомъ интересномъ вопросѣ — это завелобы меня слишкомъ далеко. Замѣчу, что въ этомъ отношеніи было высказано и продолжаетъ вновь появляться много болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ; но до сихъ поръ еще ни одна изъ нихъ прочно не установилась.

Можно только одно сказать, что hyperemesis gravidarum, есть извѣстный болѣзненнный симптомъ, который, какъ учатъ насъ клиническія наблюденія, зависитъ въ различныхъ случаяхъ отъ весьма разнообразныхъ причинъ. Относительно рвоты вообще и рвоты беременныхъ въ частности, въ русской литературѣ мы имѣемъ очень интересное изслѣдованіе проф. Ю. Т. Чудновскаго, которое хотя обнародовано еще въ 1871 году, но оно до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе. По этіологическимъ моментамъ Чудновскій различаетъ 3 рода рвоты — центральную, периферическую и смѣшанную. Другіе авторы, напр. Горвицъ, происхожденіе неукротимой рвоты беременныхъ сводятъ къ болѣзнямъ половыхъ органовъ — воспаленіе матки, значительно выраженные катарры ея, ссадины, измѣненія въ положеніи матки, периметриты.

Кромѣ того относительно Горвица слѣдуетъ упомянуть, что онъ на неукротимую рвоту беременныхъ смотритъ какъ на привелегію извѣстнаго класса общества, что hyperemesis gravidarum свойственна зажиточному классу, при чемъ онъ отмѣчаетъ, что во Франціи она наблюдается чаще чѣмъ въ Германіи.

Далѣе, какъ моментъ, могущій иногда вызвать неукро-

тимую рвоту беременныхъ, указываютъ на многоплодную беременность, именно на беременность двойнями, на рефлексы, исходящіе со стороны яичниковъ и т. д.

Въ числѣ причинъ hyperemesis gravidarum цитируются болѣзни желудка, брюшины (Ahlfeld). Нѣкоторые (Fridreich) смотрятъ на неукротимую рвоту беременныхъ, какъ на послѣдствіе функціональнаго невроза. Kaltenbach и др. признаютъ истерію, какъ причину неукротимой рвоты беременныхъ и т. д.

Я не буду утомлять Ваше вниманіе дальнѣйшимъ перечисленіемъ различныхъ мнѣній объ этіологіи неукротимой рвоты беременныхъ и ограничусь только сказаннымъ.

Что касается до меня лично, то на основаніи тѣхъ случаевъ, которые мнѣ пришлось наблюдать самому, у меня составилось такое убѣжденіе о причинахъ hyperemesis gravidarum.

Мнѣ кажется, что наиболѣе вѣроятно, хотя строгихъ, безупречныхъ доказательствъ въ настоящее время представить еще нельзя, hyperemesis gravidarum наичаще периферическаго происхожденія, затѣмъ мнѣ пришлось видѣть 2 раза этотъ болѣзненный еимптомъ во-время беременности, развившійся на почвѣ истеріи.

Неукротимую рвоту беременныхъ, появленіе которой слѣдовало-бы объяснить центральнымъ происхожденіемъ мнѣ не доводилось ни разу наблюдать, вслѣдствіе чего о такомъ происхожденіи я ничего не могу сказать.

Вслѣдствіе такой, далеко еще не ясной этіологіи hyperemesis gravidarum нельзя высказываться вполнѣ категорически и о способахъ лѣченія ея. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Два слова о распознаваніи hyperemesis gravidarum. Тѣ явленія, которыя сопутствуютъ неукротимую рвоту беременныхъ въ рѣзко-выраженныхъ случаяхъ настолько опредѣленны, что они позволяютъ сразу сдѣлать заключеніе съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло. Но отъ начальныхъ стадій до рѣзко выраженныхъ формъ существуетъ много промежуточныхъ градацій; эти-то послѣднія могутъ поставить иногда въ затрудненіе относительно распознаванія и замедлить на нѣкоторое время рѣшеніе вопроса. Правда вопросъ здѣсь рѣшается все-таки скоро, въ теченіе нѣсколькихъ дней, при непосредственномъ наблюденіи врача беременной, у которой подозрѣвается hyperemesis gravidarum.

Въ практикѣ могутъ встрѣтиться случаи, которые могутъ держать въ заблужденіи лѣчащаго врача относительно натуры заболѣванія въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Случаи эти касаются нервныхъ, истеричныхъ беременныхъ, которыя въ силу тѣхъ или другихъ соображеній боятся беременности. И, если такія особы сочли себя беременными, то онѣ во что-бы то ни стало стараются избавиться отъ своего беременнаго состоянія.

Въ числѣ другихъ мотивовъ, дающихъ поводъ къ прекращенію беременности, подобныя беременныя останавливаются на томъ, что онѣ начинаютъ усиленно жаловаться на неукротимую, постоянную рвоту, лишающую ихъ возможности питаться. Симулируя такимъ образомъ, эти больныя являются къ врачу съ жалобами на свое безпомощное состояніе, что онѣ не могутъ ничего ѣсть, слабѣютъ и настоятельно требуютъ избавленія отъ своего тягостнаго положенія.

Такая симуляція, къ слову сказать, нѣкоторыми нервными беременными продѣлывается довольно искусно.

Онѣ преднамѣренно, дѣйствительно почти ничего не ѣдятъ, голодаютъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, вслѣдствіе чего худѣютъ, истощаются, такъ что на врача производятъ иногда легко впечатлѣніе беременныхъ, страдающихъ неукротимой рвотой! Впечатлѣніе еще болѣе усиливается если приходится имѣть дѣло съ болѣе или менѣе опытной симулянткой. Для выясненія истиннаго положенія дѣла требуется опытность, относительно продолжительное наблюденіе и извѣстный тактъ со стороны лѣчащаго врача.

Демонстративности ради, я укажу Вамъ, какъ на примѣръ, на одну крайне нервную беременную симулянтку, встрѣтившуюся въ моей практикѣ и которая во чтобы то ни стало желала отдѣлаться отъ беременности.

Коротко, исторія этой беременной такова. Г-жи П. 24 л. отъ роду 3 раза беременѣла и разрѣшалась въ срокъ, послѣдніе роды 7 мѣсяцевъ назадъ. Считаетъ себя беременною 2 мѣсяца; страшась беременности и въ особенности предстоящихъ родовъ, она изо всѣхъ силъ стремилась избавиться отъ настоящей беременности. Довольно интелегентная особа, роясь въ учебникахъ акушерства, она остановилась на мысли законнымъ образомъ прервать беременность вслѣдствіе неукротимой рвоты.

Экспериментируя въ этомъ направленіи она довела свое питаніе ad minimum, вслѣдствіе чего очень значительно истощилась. Вмѣстѣ съ этимъ она довела симуляцію до того, что цѣлыми часами въ присутствіи постороннихъ лицъ могла производить искусственно тошнотныя движенія.

Все это до извѣстной степени симулировало неукротимую рвоту беременныхъ и кромѣ того беременная настойчиво просила прекратить беременность, приводила при этомъ сама законную причину для такого вмѣшательства.

Пользуя эту больную, я долженъ повиниться, что былъ моментъ, когда я колебался и готовъ былъ признать данную беременную — qua casus hyperemesis gravidarum.

Одно, что меня останавливало въ окончательномъ рѣшеніи вопроса, это то обстоятельство, что не смотря на довольно продолжительное голоданіе, тошноту и рвоту, общій видъ больной, ея силы, какъ то негармонировали съ послѣдними событіями.

Кромѣ того было установлено осторожнымъ наблюденіемъ, что безпокойство, тошнота и рвота у беременной происходятъ какъ разъ въ то время, когда она находится въ обществѣ другихъ; если-же больная остается одна или ночью — она дѣлается покойною и хорошо спитъ. Тоже самое и относительно принятія пищи: въ обществѣ другихъ за столомъ она не могла ничего ѣсть, самый видъ различной пищи — уже вызывалъ у нея рядъ тошнотныхъ движеній. Совершенно нное дѣло происходило если беременная оставалась одна въ своемъ помѣщеніи — мало, но она все-таки ѣла и пила.

Такого наблюденія для меня, какъ для врача было совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ симуляціи беременной и отвергнуть предположеніе о наличности у нея hyperemesis gravidarum.

Такіе случаи встрѣчаются въ практической жизни врача, ихъ конечно нужно имѣть въ виду, но по счастію они все-таки рѣдки. Оставляя ихъ въ сторонѣ, остальные случаи hyperemesis gravidarum, повторяю, не представляютъ особеннаго затрудненія въ діагностическомъ отношеніи.

Но констатировавъ наличность неукротимой рвоты беременныхъ нельзя считать, что этимъ мы ставимъ окончательный діагнозъ — это, такъ сказать, первая половина распознаванія, а впереди предстоитъ вторая и наиболѣе трудная половина, именно рѣшить этіологическій моментъ происхожденія

неукротимой рвоты беременныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Для того чтобы выйти изъ всѣхъ встрѣчающихся затрудненій на этомъ пути требуется крайне тщательное изслѣдованіе больной во всѣхъ направленіяхъ. Здѣсь, можетъ быть болѣе чѣмъ гдѣ либо нельзя ограничиваться изслѣдованіемъ только половой сферы.

Наоборотъ всѣ системы и органы должны быть подвергнуты самому детальному изслѣдованію.

Точно также анамнестическія данныя относительно наслѣдственности, болѣзней дѣтства, предшествовавшихъ беременностей, родовъ, послѣродовыхъ періодовъ и т. д., словомъ все должно быть подвергнуто самому тщательному клиническому разбору, который единственно только можетъ привести къ желательному выясненію каждаго отдѣльнаго случая.

Переходя къ постановкѣ предсказанія занимающаго насъ патологическаго состоянія беременности, прежде всего нужно замѣтить, что само предсказаніе здѣсь расчленяется на 2 отдѣла относительно выздоровленія самой больной-беременной и относительно судьбы продукта беременности, другими словами относительно сохраненія самой беременности, — внутреутробнаго плода.

Что касается до вопроса относительно возможности выздоровленія беременной при наличности неукротимой рвоты, то этотъ вопросъ рѣшается для большинства случаевъ, по крайней мѣрѣ, въ утвердительномъ смыслѣ. Здѣсь все дѣло сводится къ тому — въ какой періодъ развитія hyperemesis gravidarum обращается больная къ разумной врачебной помощи. Если больная обращается къ врачу въ началѣ развитія даннаго болѣзненнаго симптома или при умѣренной степени развитія его, когда истощеніе организма и другія неблагопріятныя явленія еще не достигли высокой степени, то при надлежащемъ врачебномъ пособіи — неукротимая рвота беременныхъ можетъ безслѣдно исчезнуть.

Спѣшу добавить къ только что сказаному, что такое благопріятное предсказаніе должно относиться только къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ причина, источникъ hyperemesis gravidarum болѣе или менѣе извѣстенъ и кромѣ того если этотъ источникъ подлежитъ устраненію. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи прежде всего нужно имѣть въ виду всѣ патологическія измѣненія половой сферы, какъ бы таковыя ни ка-

зались незначительными, на первый взглядъ. Затѣмъ слѣдуютъ болѣзненныя состоянія другихъ системъ и органовъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Самое неблагопріятное предсказаніе относительно излѣченія неукротимой рвоты беременныхъ даютъ тѣ случаи, когда этіологическіе моменты этого болѣзненнаго симптома не могутъ быть выяснены или когда этіологическій моментъ хотя и выясненъ, но его нельзя удалить нашими мѣропріятіями.

Что касается до второго отдѣла предсказанія при hyperemesis gravidarum относительно возможности сохраненія внутреутробнаго плода, то здѣсь относительно прогноза приходится быть очень осмотрительнымъ. И здѣсь очень многое зависитъ отъ того обстоятельства въ какой періодъ развитія болѣзненнаго симптома беременная представляется врачебному вмѣшательству.

Если исключить тѣ случаи, когда вслѣдствіе интензивности рефлекса со стороны содержимаго матки, hyperemesis gravidarum ничѣмъ инымъ нельзя уничтожить, какъ единственно только опорожненіемъ маточной полости, и еще случаи когда вслѣдствіе продолжительности существованія неукротимой рвоты беременныхъ, вмѣстѣ съ значительнымъ истощеніемъ самой беременной, погибаетъ плодное яицо, то остается еще другая довольно большая группа случаевъ. Къ этой послѣдней группѣ принадлежитъ не мало случаевъ hyperemesis gravidarum, случаевъ не такъ далеко зашедшихъ въ своемъ развитіи. Больныя при этомъ представляются не особенно значительно истощенными, и, какъ показываютъ клиническія наблюденія, при соотвѣтствующемъ лѣченіи, тогда представляется возможнымъ и излѣченіе тяжолого болѣзненнаго симптома и вмѣстѣ съ этимъ сохраненіе развивающейся беременности.

Я сдѣлалъ-бы большое упущеніе если-бы миновалъ предсказаніе при hyperemesis gravidarum, появляющейся у истерическихъ и неврастеническихъ особъ. Изъ наблюденія надъ больными я вынесъ такое убѣжденіе, что часто у такихъ особъ именно, нужно быть очень осмотрительнымъ относительно предсказанія.

Вотъ все, что я считаю возможнымъ сказать вообще относительно предсказанія при неукротимой рвотѣ беременныхъ. Вопросъ относительно лѣченія hyperemesis gravi-

darum принадлежитъ къ числу очень трудныхъ вопросовъ современнаго акушерства. Неговоря уже о томъ, что нерѣдко и этіологическіе моменты этого тяжелаго болѣзненнаго симптома не поддаются выясненію, повторяю и помимо этого, при кажущейся ясности этой стороны дѣла, тѣмъ не менѣе при соотвѣтствующей терапіи, тягостное явленіе не поддается нашимъ мѣропріятіямъ. Отсюда и проистекаетъ такая масса средствъ, предложенныхъ различными акушерами для устраненія даннаго болѣзненнаго симптома.

Во всякомъ случаѣ при выборѣ соотвѣтствующихъ лѣчащихъ средствъ, я рекомендую Вамъ, держаться такого правила.

Прежде всего, произведя самое тщательное изслѣдованіе genitalia, слѣдуетъ точно отмѣтить всѣ встрѣчающіяся уклоненія отъ нормы, какъ-бы они ни казались незначительными на первый взглядъ. Затѣмъ, соотвѣтственно найденнымъ измѣненіямъ, принять соотвѣтствующія мѣры, словомъ стараться установить причинное показаніе къ примѣненію того или другого средства.

Такія, сравнительно, незначительныя измѣненія маточной шейки во время беременности, какъ поверхностныя ссадины ея способны нерѣдко вызывать тошноту и рвоту въ умѣренной степени, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ по рефлексу вести къ появленію настоящей hyperemesis gravidarum. Поэтому является обязательнымъ лѣченіе erosiones portionis vaginalis uteri.

Эти эрозіи лѣчатся повторными прижиганіями концентрированными растворами различныхъ прижигающихъ средствъ. Въ подходящихъ случаяхъ мнѣ приходилось примѣнять одинаково успѣшно разныя средства изъ этой группы; при этомъ я подтверждаю наблюденіе сдѣланное предшествующими авторами, что въ случаѣ эрозій на маточной шейкѣ во время беременности и при наличности рвоты, необходимо дѣлать болѣе энергичное прижиганіе и тогда только можно добиться благопріятнаго результата. Обыкновенно, послѣ такого прижиганія появляется не обильное, болѣе или менѣе кровянистое выдѣленіе ex genitalia. Это не причиняетъ никакого вреда больной, наоборотъ послѣ кровянистыхъ выдѣленій беременныя начннаютъ чувствовать себя лучше; вмѣстѣ съ кровянистыми выдѣленіями иногда появляются легкія схваткообразныя боли внизу живота, требующія у раздражительныхъ

особъ для своего успокоенія, примѣненія наркотическихъ средствъ. Повторяю, хотя кровянистыя выдѣленія и боли не ведутъ ни къ чему дурному, но во всякомъ разѣ о возможности подобнаго явленія слѣдуетъ предупредить больную: это въ особенности относится до нервныхъ, раздражительныхъ особъ.

Только что описанный способъ лѣченія ссадинъ маточной шейки рекомендовался уже давно. Еще въ 1872 г. Manny предложилъ для этой цѣли solutio argenti nitrici aquosi (10%) и сообщилъ, что онъ получалъ отъ этого способа очень удовлетворительные результаты.

Затѣмъ, различныя уклоненія отъ нормы какъ въ положеніи матки, такъ въ очертаніи самого органа также вызываютъ нерѣдко путемъ рефлекса появленіе hyperemesis gravidarum.

Поэтому нужно заботиться на сколько возможно скорѣе и деликатнѣе устранить данное патологическое состояніе матки. Для этой цѣли употребляется вправленіе органа въ нормальное положеніе и удержаніе его въ приданномъ ему нормальномъ положеніи при помощи различныхъ пессаріевъ.

Понятно, что здѣсь можно примѣнить самые различные пессаріи, лишь бы они соотвѣтствовали своему назначенію, удерживали-бы матку въ приданномъ ей новомъ положеніи. Но я съ своей стороны рекомендую при подобныхъ обстоятельствахъ предпочтительно 2 вида пессаріевъ: пессарій Годжа и мягкое, гутаперчевое влагалищное кольцо Майера.

Мотивы, заставившіе меня остановиться именно на этихъ пессаріяхъ суть слѣдующіе; они удобно держиваются во влагалищѣ, хорошо поддерживаютъ матку и легко переносятся больными.

Далѣе, какъ моменты, вызывающіе рефлекторнымъ путемъ появленіе hyperemesis gravidarum слѣдуетъ упомянуть о частичномъ, болѣе или менѣе распространенномъ хроническомъ воспаленіи существа матки.

Характеризуясь набуханіемъ, венозной гипереміей, производя сдавленіе нервовъ, залегающихъ въ маточной стѣнкѣ — этимъ самымъ происходитъ усиленный рефлексъ съ матки.

Изъ приведеннаго довольно ясно вытекаетъ и самый способъ нашего врачебнаго пособія: уменьшая кровенакопленіе въ данномъ органѣ, ослабляя отъ сдавленія залегающія въ немъ нервныя нити, мы этимъ самымъ будемъ способство-

вать и пониженію рефлекса. Поэтому повторныя скарификаціи влагалищной порціи матки, при данныхъ обстоятельствахъ, являются вполнѣ обоснованнымъ вмѣшательствомъ съ нашей стороны, какъ это рекомендовали Горвицъ, C. Schroeder, Сутугинъ и др.

Строгая индивидуализація случая, понятно, здѣсь, какъ и вездѣ — для насъ обязательна. На ряду съ блестящими по отношенію къ полученнымъ результатамъ случаямъ, встрѣчаются и такіе, когда вслѣдъ за быстрымъ улучшеніемъ, появившимся послѣ производства скарификацій, — наступаетъ прежнее ухудшеніе.

Наконецъ наблюдается еще третья группа случаевъ, когда несмотря на законное показаніе къ производству скарификацій маточной шейки не получается никакого видимаго улучшенія.

Естественно во второй группѣ случаевъ слѣдуетъ произвести рядъ новыхъ повторныхъ насѣчекъ маточной шейки, тогда какъ въ третьей группѣ — приходится совершенно отказаться отъ скарификацій и перейти къ другому способу лѣченія.

Я не могу вдаваться въ дальнѣйшій разборъ случаевъ hyperemesis gravidarum происходящихъ путемъ рефлекса, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко, поэтому въ силу необходимости, я ограничусь только краткимъ практическимъ замѣчаніемъ.

Какъ извѣстно, hyperemesis gravidarum, происходящая путемъ рефлекса, можетъ появиться вслѣдствіе заболѣванія не только какого либо отдѣла половой системы, но и вслѣдствіе патологическаго измѣненія всевозможныхъ органовъ и отдѣловъ человѣческаго организма.

Принимая въ соображеніе только что сказанное, этимъ самымъ много облегчается и задача при лѣченіи неукротимой рвоты беременныхъ, если таковая третируется, какъ рефлекторно происшедшая. По сему при наличности hyperemesis gravidarum мы обязаны лѣчить болѣзненныя измѣненія во всѣхъ системахъ и органахъ женскаго организма, памятуя, что всякое патологическое измѣненіе способно вызвать рефлекторно неукротимую рвоту беременныхъ.

И только при безъуспѣшности такого образа дѣйствій съ нашей стороны, мы имѣемъ нравственное право предпринять лѣченіе въ другомъ направленіи.

Что-же дѣлать тогда, если послѣ тщательнаго изслѣдованія больной рвоту приходится признать рефлекторнымъ явленіемъ, предпринять соотвѣтствующее лѣченіе и тѣмъ не менѣе не получить желаемаго результата?

Для рѣшенія этого вопроса приходится обратиться къ наблюденіямъ клиницистовъ надъ беременными, страдающими неукротимой рвотой.

Давно уже установлено наблюденіе, что неукротимая рвота у беременныхъ существуетъ только до того времени, пока беременность прогрессируетъ, плодное яйцо продолжаетъ свое поступательное развитіе. Какъ только плодное яйцо погибаетъ, безразлично отъ какихъ-бы причинъ то не наступило, такъ и тягостная рвота прекращается.

Правда, при этомъ нужно замѣтить, что послѣ гибели яйца рвота прекращается неодинаково скоро: въ однихъ случаяхъ быстрѣе, въ другихъ медленнѣе, но во всякомъ разѣ рвота прекращается.

Тоже самое явленіе приходилось наблюдать по наступленіи произвольнаго выкидыша при наличности неукротимой рвоты беременныхъ.

Обсуждая приведенныя наблюденія, въ которыхъ демонстративно выступала общая зависимость между продолжающей развиваться беременностью и тяжелою рвотою, естественно не трудно было придти къ такому предположенію, что можетъ быть, производство законнаго, искусственнаго выкидыша, въ подходящихъ случаяхъ, приведетъ къ тѣмъ-же благопріятнымъ результатамъ относительно избавленія беременной отъ ея тяжелаго болѣзненнаго симптома.

Прямыя наблюденія у постели больныхъ, страдающихъ hyperemesis gravidarum блестяще подтвердили сдѣланное предположеніе. Оказалось, что и здѣсь повторяется тоже самое, что и при естественномъ прекращеніи беременности: за опорожненіемъ матки рвота прекращается всегда съ тѣми же варіаціями, что въ однихъ случаяхъ скорѣе, въ другихъ — медленнѣе.

Небольшое замѣчаніе. Нужно имѣть въ виду, что неукротимая рвота беременныхъ такъ эффектно исчезаетъ послѣ искусственнаго прерыванія беременности только въ такихъ случаяхъ, когда причина этой рвоты не лежитъ въ какихъ-либо органическихъ неподдающихся нашимъ воздѣй-

ствіямъ измѣненіяхъ другихъ болѣе отдаленныхъ органовъ, напр. болѣзни желудка.

Затронувъ вопросъ о вліяніи искусственнаго прекращенія беременности при hyperemesis gravidarum нельзя въ свою очередь не отмѣтить и еще одного обстоятельства.

Благотворное вліяніе искусственнаго выкидыша на теченіе неукротимой рвоты беременныхъ замѣчается не только въ опредѣленныхъ въ этіологическомъ отношеніи случаяхъ рефлекторнаго происхожденія, но порою и тогда, когда этіологическіе моменты рвоты остаются не выясненными.

Лѣченіе hyperemesis gravidarum центральнаго происхожденія, имѣющее своей подкладкой истерію и неврастенію — самое трудное во всѣхъ отношеніяхъ. Приходится назначать подобнымъ больнымъ всевозможныя средства и, къ сожалѣнію, очень часто безъ всякаго успѣха. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ назначаются различныя нервныя средства, дѣйствующія на основную болѣзнь; кромѣ того прибавляются лекарства, содѣйствующія уменьшенію раздраженія желудка.

Слѣдовательно въ подобныхъ случаяхъ будутъ умѣстны комбинированные препараты брома, серебра, amygdalin и т. д. Для непосредственнаго дѣйствія на желудокъ издавна пользуется хорошею репутаціей — cereum oxalicum, magisterium bismuthi въ соединеніи съ кокаиномъ, кодеиномъ и т. п.; кромѣ того въ послѣднее время, если не ошибаюсь, Frommel старается выдвинуть orexinum, какъ хорошее средство при лѣченіи неукротимой рвоты беременныхъ.

Словомъ, нѣтъ возможности перечислить всѣ фармацевтическія средства, которыя предлагались и продолжаютъ предлагаться различными авторами примѣнявшими ихъ для излѣченія чрезмѣрной рвоты беременныхъ. Да, это и совершенно лишнее, такъ какъ очень и очень многія изъ средствъ послѣдней категоріи восхвалялись на основаніи единичныхъ наблюденій, быстро появлялись въ практикѣ, но при повѣрочныхъ наблюденіяхъ также быстро и сходили со сцены.

Чтобы покончить съ изложеніемъ замѣчаній относительно лѣченія неукротимой рвоты беременныхъ, развившейся на центральной почвѣ или неизвѣстнаго происхожденія, я считаю нужнымъ упомянуть еще о двухъ способахъ лѣченія — объ электротерапіи и гипнозѣ.

Электротерапія при лѣченіи hyperemesis gravidarum предлагалась въ формѣ гальваническаго тока, дѣйствуя на nerv. pneumogastricus. Лично мнѣ приходилось примѣнять электротерапію при разсматриваемыхъ обстоятельствахъ, но говоря откровенно, я никогда не получалъ осязательнаго, благопріятнаго эффекта отъ этого способа лѣченія неукротимой рвоты беременныхъ.

Что сказать относительно гипноза?

Есть врачи, которыя возлагаютъ очень большія надежды на гипнозъ для устраненія интересующаго насъ тяжелаго болѣзненнаго симптома въ теченіе беременностн. Мое мнѣніе, основанное на клиническомъ наблюденіи, таково: нельзя отрицать извѣстнаго, благопріятнаго вліянія гипноза на неукротимую рвоту беременныхъ, если таковая не имѣетъ подъ собой патолого-анатомическаго субстрата, если данный субъектъ вообще подходитъ для гипнотизированія, рвота существуетъ недавно и не успѣла произвести значительное истощеніе беременной.

Но если имѣются условія, противоположныя только что приведеннымъ, тогда лѣчить внушеніемъ hyperemesis gravidarum, по моему убѣжденію сводится только къ пустой и не только безполезной, но прямо вредной потери времени, — грозящей возможностью совершенно погубить больную.

Наконецъ послѣдній вопросъ, касающійся терапіи неукротимой рвоты беременныхъ: что-же дѣлать въ тѣхъ безотрадныхъ случаяхъ, когда и этіологія этого тяжелаго болѣзненнаго симптома не выяснена и не помогаютъ примѣняемыя средства?

Вопросъ, къ сожалѣнію, крайне трудный для своего разрѣшенія. Говоря вообще, при такихъ обстоятельствахъ приходится дѣйствовать симптоматически, перебровать массу различныхъ средствъ, имѣя очень малую надежду радикально дѣйствовать на рвоту, а заботясь единственно о возможномъ хотя временномъ уменьшеніи тяжести страданія.

Кромѣ того, такъ какъ при подобныхъ обстоятельствахъ силы беременной быстро и прогрессивно падаютъ, поэтому нужно обращать очень большое вниманіе на общее питаніе беременной. И въ этомъ отношеніи задача представляется очень затруднительной. Питаніе естественнымъ путемъ вслѣдствіе понятныхъ причинъ невозможно, остается

единственный способъ питанія при посредствѣ питательныхъ клистировъ.

Заканчивая сужденіе о лѣченіи такихъ безотрадныхъ случаевъ hyperemesis gravidarum, въ видѣ нѣкотораго утѣшенія можно прибавить, что не смотря на выясненность въ этіологическомъ отношеніи случаевъ послѣдней категоріи, и здѣсь получаются иногда благопріятные результаты только послѣ того, какъ произойдетъ искуственный абортъ.

Я представилъ Вамъ, М. м. Г. г., вообще картину одного изъ самыхъ тяжелыхъ симптомовъ патологическаго теченія беременности, теперь естественно мы должны обратиться къ нашему объекту, подавшему поводъ къ приведеннымъ соображеніямъ, — къ нашей больной.

Какія мѣры мы должны предпринять для избавленія ее отъ того тяжелаго симптома, который заставилъ больную обратиться въ нашу клинику?

Само собою разумѣетея лѣчить отдѣльный болѣзненный симптомъ — не задача современно-образовавшаго врача вообще. Нужно стремиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отыскать анатомическій субстратъ, если возможно, вообще разобраться въ этіологическихъ моментахъ. Такъ поступимъ мы и относительно нашей больной. Прежде всего намъ предстоитъ для рѣшенія вопросъ — не имѣемъ-ли мы дѣло съ симуляціей.

Тщательное изслѣдованіе больной, наблюденіе надъ ней у насъ въ клиникѣ, позволяетъ намъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Подобная симуляція наблюдается у особъ интелегентныхъ, имѣющихъ возможность изучить признаки, могущіе ввести въ заблужденіе врача.

Нашей больной нѣтъ никакой надобности симулировать; она простая, рабочая женщина, ей некогда обращать особенное вниманіе на себя, за своими занятіями она даже не сочла себя беременной.

Единственно, что заставило ее вспомнить о себя — это частая, тяжелая тошнота и рвота, невозможность принимать пищу, прогрессирующая общая слабость, а вслѣдствіе этого и невозможность исполнять ея привычныя работы. Да, наконецъ, наше непосредственное клиническое наблюденіе рѣшительно говоритъ противъ симуляціи.

Установивши фактъ существованія чрезмѣрной тошноты и рвоты у нашей беременной, намъ предстоитъ выяснить

слѣдующій вопросъ о патогенезѣ, этіологическомъ моментѣ вызывающемъ данный тяжелый симптомъ. Разбирая исторію болѣзни мы находимъ поносъ, который былъ у больной вначалѣ болѣзни, продолжался только 2 дня и затѣмъ безслѣдно прошелъ. Затѣмъ 3 недѣли тому назадъ у беременной безъ затрудненій вмѣстѣ съ испражненіями вышла какая-то глиста. И то и другое не можетъ обусловить такую продолжительную тошноту и рвоту уже по одному тому обстоятельству, что они, сравнительно, давно миновали безъ всякихъ послѣдствій.

При объективномъ изслѣдованіи беременной отмѣчается довольно распространенная болѣзненность брюшныхъ покрововъ и въ особенности въ области epigastri'и. При нормальной t. тѣла и другихъ сопутствующихъ явленіяхъ, такую болѣзненность мы не можемъ приписать какому-либо воспалительному процессу въ серозномъ покровѣ. Гораздо естественнѣе видѣть появленіе болѣзненности брюшныхъ покрововъ вслѣдствіе почти постоянныхъ, въ теченіе довольно долгаго времени происходившихъ экскурсіяхъ брюшныхъ покрововъ при тошнотныхъ и рвотныхъ движеніяхъ.

Продолжая отмѣчать различныя патологическія измѣненія у занимающей насъ въ данное время беременной, найденныя при объективномъ изслѣдованіи ея и могущія имѣть какое либо отношеніе къ появленію чрезмѣрной рвоты беременныхъ, наше вниманіе останавливается на слѣдующемъ въ области половой сферы.

У больной распознана graviditas mens. II, anteflexio uteri gravidi.

Анализируя этіологическіе моменты, могущіе вести къ появленію hyperemesis gravidarum рефлекторнымъ путемъ, мы можемъ быть совершенно удовлетворены въ этомъ отношеніи данными, найденными въ сферѣ половыхъ органовъ. Дѣйствительно, искривленная впередъ матка не можетъ свободно слѣдовать за непрерывно, прогрессивно растущимъ плоднымъ яйцомъ, находящемся въ маточной полости. Маточная мускулатура подвергается усиленному раздраженію, послѣднее путемъ рефлекса передается на желудокъ, который въ свою очередь также реагируетъ — въ результатѣ появляется тошнота и рвота. А такъ какъ желудокъ подвергается этому раздраженію непрерывно, то и происходящая чрезъ это рвота является также непрерывной. Разъ механизмъ происхожденія въ нашемъ случаѣ рвоты намъ извѣстенъ,

извѣстенъ источникъ, причина рвоты, то дѣло уже значительно упрощается относительно тѣхъ мѣръ, которыя надлежитъ предпринять для устраненія причины.

И такъ мы имѣемъ причинное показаніе — исправить неправильное положеніе матки въ болѣе нормальное: перевести anteflexio uteri въ situs normalis даннаго органа.

Наши дѣйствія будутъ аналогичны тѣмъ, которыя примѣняются при смѣщеніяхъ другихъ органовъ, напр. почки печени и т. д. Какъ при послѣднихъ патологическихъ измѣненіяхъ употребляются различные поддерживающіе аппараты, бандажи, точно также и при anteflexi'и, акушеръ и гинекологъ переводятъ матку, находящуюся въ патологическомъ положеніи — въ нормальное при помощи особаго аппарата, хорошо Вамъ знакомаго, именно при помощи влагалищныхъ пессаріевъ, колецъ.

Слѣдовательно мы вложимъ нашей страдающей беременной пессарій во влагалищѣ. Но и здѣсь можетъ встрѣтиться неожиданное препятствіе къ выполненію этой невинной мѣры.

Занимаясь въ теченіе многихъ лѣтъ спеціальной акушерско-гинекологической практикой и имѣя много случаевъ примѣненія различныхъ влагалищныхъ пессаріевъ или колецъ, мнѣ приходилось иногда встрѣчаться съ такимъ явленіемъ.

Бываютъ женщины, которыя рѣшительно не могутъ переносить во влагалищѣ никакихъ инородныхъ тѣлъ не только во время беременности, но даже и въ небеременномъ состояніи. Не говоря уже о пессаріяхъ, какъ тѣлахъ болѣе или менѣе упругоплотныхъ, но даже болѣе нѣжные, — мягкіе ватные тампоны и тѣ становятся невыносимыми для больныхъ послѣдней категоріи. Такое явленіе всего чаще наблюдалось у нервныхъ, раздражительныхъ и истощенныхъ суѣктовъ.

Болѣе того въ подобныхъ случаяхъ приходилось наблюдать совершенно обратное явленіе: больныя дѣлались еще болѣе раздражительными, появлялись новыя боли въ районѣ тазовой полости, тошнотныя и рвотныя движенія при hyperemesis gravidarum становились болѣе учащенными и болѣе интензивными.

Имѣя въ виду только что высказанныя соображенія, и находя нашу больную, подходящею къ отмѣченному мною типу, я не могу рекомендовать ей немедленно носить пессарій.

Въ качествѣ подготовительной мѣры, я назначу ей носить въ продолженіи 1—2 сутокъ влагалищный тампонъ, который и подготовитъ влагалище къ перенесенію пессарія, и, наконецъ покажетъ намъ, какъ реагируетъ больная на присутствіе посторонняго тѣла во влагалищѣ. Затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, или введемъ соотвѣтствующій пессарій, или въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ — придется совершенно отказаться отъ поддерживающаго аппарата.

Если получится неблагопріятный результатъ отъ предпринятой терапіи, тогда въ резервѣ у насъ остается еще одно средство, именно опорожненіе матки при посредствѣ искусственнаго законнаго выкидыша.

И такъ вотъ нашъ планъ лѣченія hyperemesis gravidarum у данной больной, какіе получатся результаты — покажетъ будущее.

Г.г. Я демонстрирую Вамъ сегодня бывшую больную, нашу старую знакомую. Вы припомните ту блѣдную, истощенную, на столько слабую больную, что она едва могла сидѣть въ постели и которую Вы видѣли въ аудиторіи.

Теперь я Вамъ представляю того самаго субъекта въ періодѣ выздоровленія. Она, конечно, не производитъ еще впечатлѣнія вполнѣ здороваго человѣка. Но во всякомъ случаѣ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что за этотъ періодъ времени, она во многомъ измѣнилась къ лучшему. Она не производитъ уже удручающаго впечатлѣнія, наоборотъ, она радужнѣе смотритъ на жизнь, весела, довольно бодро отвѣчаетъ на вопросы; чувствуетъ себя относительно здоровою, хорошо ѣстъ, покойно спитъ и не жалуется ни на тошноту, ни на рвоту.

Теперь я представлю Вамъ краткій отчетъ относительно лѣченія, которому она подвергалась за тотъ промежутокъ временн, который истекъ между первымъ и вторымъ появленіемъ больной передъ аудиторіей.

По намѣченному и извѣстному Вамъ плану лѣченія, — съ цѣлью исправленія ненормально лежащей матки, беременной былъ вложенъ во влагалище тампонъ. Въ теченіе двухъ дней, пока тампонъ лежалъ беременная не чувствовала никакихъ особыхъ перемѣнъ въ состояніи своего здоровья, един-

ственно, что отмѣчала она за это время — это непріятное чувство чего-то посторонняго во влагалищѣ.

На третьи сутки тампонъ замѣненъ удовлетворительно подобраннымъ пессаріемъ Годжа.

Не смотря на то, что Годжевскій пессарій, какъ Вы знаете, сравнительно мягокъ, уступчивъ, а слѣдовательно не можетъ производить особеннаго давленія на влагалищныя стѣнки, тѣмъ не менѣе очень скоро, приблизительно черезъ 3 часа, послѣ того какъ онъ былъ вложенъ, картина болѣзни рѣзко измѣнилась къ худшему. У больной появились довольно интензивныя боли въ тазовой области, сама больная сдѣлалась очень нервной, раздражительной, рвота участилась и самые приступы ея сдѣлались интензивнѣе, такъ что пессарій пришлось удалить.

По удаленіи пессарія черезъ нѣсколько часовъ, больная поуспокоилась и на другой день пришла въ то состояніе, въ какомъ она находилась до вкладыванія влагалищнаго кольца. Рвота продолжалась попрежнему, т. е., какъ это была до пессарія.

Я склоненъ былъ сначала приписать внезапное ухудшеніе болѣзни особой мнительности больной и поэтому желая выяснить случай съ одной стороны, а съ другой желая помочь страданію беременной болѣе деликатными, такъ сказать консервативными мѣрами — излѣчить чрезмѣрную рвоту беременной и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить самую беременность, я рѣшился повторить введеніе влагалищнаго пессарія.

Однако новое и скорое повтореніе симптомовъ, появившихся при первомъ введеніи пессарія — заставило меня отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Оставалось слѣдовательно въ нашемъ распоряженіи одно и послѣднее средство — это искусственный законный выкидышъ.

Понятно, по самому существу своему, артифиціальный абортъ несимпатичное врачебное вмѣшательство. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ одна возникающая жизнь, преднамѣренно, приносится въ жертву другой, хотя-бы уже и существующей. Поэтому, руководясь принципами гуманности ни одинъ современно образованный акушеръ не рѣшается съ легкимъ сердцемъ на производство искусственнаго, хотя-бы и законнаго выкидыша.

Какъ не казались безотрадными результаты лѣченія рвоты

у нашей беременной, мнѣ все-таки хотѣлось прежде чѣмъ приступить къ искусственному прерыванію беременности, переждать еще нѣкоторое время, пока это, конечно, представлялось возможнымъ, испробовать еще и нѣкоторыя другія средства, имѣя надежду, хотя и слабую, подѣйствовать на тяжелый болѣзненный симптомъ.

Г.г. Изъ сказаннаго Вамъ конечно понятны мотивы моей медлительности въ данномъ случаѣ. Я считаю излишнимъ перечислять тѣ средства, которыя я находилъ еще возможнымъ предложить нашей страдалицѣ за это короткое время; тѣ изъ Васъ, которые пожелали-бы узнать объ этомъ болѣе подробно, найдутъ всѣ детали въ скорбномъ листѣ.

Я же ограничусь только упоминаніемъ, что послѣ безплодной попытки излѣчить hyperemesis gravidarum помощью влагалищнаго пессарія, я нашелъ возможнымъ ждать еще 6 дней. Дальнѣйшее экспектативное лѣченіе мнѣ представлялось уже непозволительнымъ клиническимъ экспериментомъ и вотъ почему.

Несмотря на проводимое лѣченіе рвота нисколько не только не уступала въ своей интензивности, но скорѣе становилась еще болѣе тяжелой, силы больной замѣтно и прогрессивно падали: она ничего не могла ни ѣсть ни пить, искусственный способъ питанія также не шелъ въ прокъ; она уже почти не могла приподниматься съ постели, количество выдѣляемой мочи еще болѣе уменьшилось, психическая сфера ея за послѣдніе дни также измѣнилась къ худшему.

Волей неволей я долженъ былъ приступить къ производству искусственнаго законнаго выкидыша, что и было выполнено нами.

О самомъ производствѣ аборта я много говорить не буду, замѣчу только, что онъ былъ произведенъ по обыкновенному практикуемому въ моей клиникѣ экстемпоральному методу. Прибавлю къ этому, что въ виду особой боязни, безпокойства больной, операція выскабливанія плоднаго яйца произведена подъ неполнымъ хлороформнымъ наркозомъ.

Сама операція не представляла никакихъ особенныхъ техническихъ затрудненій и продолжалсь вмѣстѣ съ предварительнымъ расширеніемъ цервикальнаго канала 18 мин. Въ послѣоперацiонномъ періодѣ наблюдалось слѣдующее:

Въ теченіе перваго дня никакого улучшенія въ состояніи оперированной нельзя было отмѣтить: она нервничала, без-

покоилась, жаловалась на блуждающія боли въ различныхъ частяхъ тѣла, рвота продолжалась по прежнему и казалась съ той-же интензивностью. Больная не могла ничего ни ѣсть ни пить. Единственно, что можно было отмѣтить въ первыя сутки послѣ операціи — это ночь была проведена удовлетворительно — больная хорошо спала и не просыпалась.

2-ой день: больная нѣсколько успокоилась, но жалуется на появленіе непостоянныхъ болей въ области epigastrii и живота. Рвота замѣтно сдѣлалась рѣже и менѣе интензивна, но больная упорно отказывается отъ пищи, изъ страха появленія рвоты. Къ вечеру она попросила немного холоднаго, слабаго чаю, который удержался; t. тѣла 36,8.

На 3-й день оперированная сдѣлалась замѣтно покойнѣе, хотя боли отмѣченныя вчера еще безпокоятъ ее по временамъ; припадки рвоты сдѣлались еще менѣе частыми и менѣе тягостными, но все еще появляются. Оперированная среди дня выпила столовую ложку портвейна и немного молока, но большая часть принятаго вскорѣ была извергнута рвотой.

Вечеромъ небольшое количество молока и чаю удержалось, хотя все-таки появлялись позывы на рвоту.

На 4-й день — улучшеніе въ состояніи оперированной продолжается, рвота появляется изрѣдка; появился аппетитъ клюквенный кисель удержался, но затѣмъ черезъ нѣсколько часовъ новая попытка питанія больной мяснымъ бульономъ вызвала очень быстро рвоту.

Въ послѣдующіе дни состояніе здоровья оперированной, хотя медленно, но замѣтно возстановлялось. Рвота совершенно прекратилась къ седьмому дню послѣ операціи, но блуждающія боли въ области брюшной полости продолжались нѣсколько далѣе. Оперированная начала усиленно питаться и на 10-й день послѣ выкидыша начала вставать съ постели, конечно, чувствуя себя еще довольно слабою.

Теперь, когда она предстала снова передъ Вами, прошло уже около 3 недѣль послѣ искусственнаго выкидыша, не нужно особенной наблюдательности, чтобы убѣдиться въ громадной разницѣ бывшаго и теперешняго состоянія ея здоровья — вмѣсто прежняго едва не умирающаго субъекта Вы видите человѣка, хотя еще слабаго, но во всякомъ случаѣ подающаго уже надежды къ полному возстановленію здоровья.

Понятно не увлекаясь полученными результатами слѣдуетъ отмѣтить, что дальнѣйшее прогрессированіе по пути

къ полному возвращенію потеряннаго зависитъ отъ массы различныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ будетъ находиться наша больная. У насъ, въ клиникѣ, она поставлена въ очень хорошія условія питанія и вообще режима по сравненію съ ея обыденной жизнью. Для полученія стойкаго, благопріятнаго результата ей слѣдовало-бы пробыть въ такой обстановкѣ еще довольно продолжительное время. Къ сожалѣнію дальнѣйшее пребываніе больной въ клиникѣ не зависитъ отъ насъ, и, это въ свою очередь можетъ имѣть очень важное значеніе для ея послѣдующей жизни. Но это уже область вѣроятностей и предположеній.

Что касается до даннаго момента, то мы съ спокойной совѣстью можемъ сказать, что мы сдѣлали все отъ насъ зависящее относительно данной больной.

На основаніи подробнаго разбора больной мы пришли къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло съ чрезмѣрной рвотой беременныхъ рефлекторнаго происхожденія; примѣнили причинное лѣченіе, желали дѣйствовать консервативно относительно утробнаго плода. Но это, какъ показали послѣдствія не могло быть выполнено. И тогда только, volens — nolens, мы рѣшились на послѣднее средство, рискуя иначе потерять и беременную: произведенъ искусственный законный выкидышъ и больная выздоровѣла, которая въ противномъ случаѣ была-бы обречена на вѣрную погибель.

Три случая выпаденія матки.

Господа!

Въ предстоящей намъ сегодня бесѣдѣ я намѣренъ демонстрировать Вамъ трехъ больныхъ, которыя приняты въ нашу клинику по поводу безпокоившихъ ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ страданій. Эти страданія, какъ мы увидимъ ниже, появились не вдругъ, но постепенно, сначала причиняя только небольшое неудобство больнымъ, но затѣмъ, увеличиваясь въ своей силѣ, болевыя ощущенія достигли наконецъ очень большой степени.

Они заставили даже неприхотливыхъ больныхъ, которыя не привыкли вообще наблюдать за собою, искать врачебную помощь для того, чтобы имѣть возможность снова возвратиться къ своимъ обыденнымъ работамъ.

Но прежде чѣмъ демонстрировать Вамъ данныхъ больныхъ, мы выслушаемъ исторіи болѣзни, составленныя Вашими товарищами, и, именно, тѣ отдѣлы исторій болѣзни, которые касаются анамнестическихъ свѣдѣній, субъективныхъ ощущеній больныхъ и объективнаго изслѣдованія всѣхъ органовъ за исключеніемъ половой сферы. Послѣ прослушанія исторій болѣзни я постараюсь Вамъ отмѣтить главныя особенности въ скорбныхъ листахъ, а затѣмъ уже приступимъ къ самому изслѣдованію нашихъ больныхъ, главнымъ образомъ къ изслѣдованію половыхъ органовъ.

И такъ первая исторія болѣзни касается больной П. А.

1) П. А. 35 лѣтъ отъ роду, эстонка, крестьянка деревни Ребинъ Лифляндск. губ., занимается крестьянскими работами; въ дѣтствѣ больная не страдала никакими болѣзнями. 1-я менструація появилась на 15 году; постоянный типъ менструаціи черезъ 4 недѣли, по 6 дней, не обильно, не болѣз-

ненно и постоянно правильно. Характеръ регулъ не измѣнялся до первой и единственной ея беременности.

Начало половой жизни на 22 году и срочные роды 8 лѣтъ тому назадъ. Роды, какъ передаетъ больная, были правильны и она встала послѣ родовъ на 3-й день, чувствуя себя на столько удовлетворительно, что вставши принялась за свои обычныя работы. Ребенка выкормила сама.

Менструаціи возобновились черезъ 5—6 мѣсяцевъ послѣ родовъ и сохраняли такой же типъ, какъ и прежде; вообще за это время больная чувствовала себя здоровою. Начало своей болѣзни она считаетъ уже 5 лѣтъ, хотя нигдѣ и никогда не лѣчилась. Болѣзнь началась такъ: приблизительно, 5 лѣтъ назадъ послѣ какой-то очень тяжелой домашней работы больная замѣтила, что какъ будто, что-то стало выходить у нея изъ половой щели. Вмѣстѣ съ этимъ больная почувствовала сильныя боли внизу живота, которыя съ теченіемъ времени усиливались. Къ этимъ болямъ постепенно присоединялись чувство тяжести и чувство напиранія внизу живота.

Это послѣднее явленіе съ каждымъ годомъ все увеличалось и особеннно давало себя чувствовать при всякой усиленной ходьбѣ или вообще движеніи. Выхожденіе какого то посторонняго тѣла въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе увеличивалось, что увеличивало въ свою очередь и затрудненіе при ходьбѣ. Больная долго терпѣла, пока все прогрессирующія боли не заставили ее обратиться въ нашу клинику, куда она и поступила.

Объективное изслѣдованіе.

Больная хорошаго сложенія, но очень изнурена, истощена, съ блѣдными общими покровами и — видимыми слизистыми оболочками.

Въ органахъ пищеваренія, дыханія, кровообращенія и мочеотдѣленія ничего ненормальнаго не отмѣчается.

Что касается нервной системы, то въ этомъ отношеніи можно отмѣтить только, что чувствительность кожи на всемъ протяженіи обѣихъ верхнихъ конечностей нѣсколько понижена.

Вторая больная. К. П. 50 лѣтъ, латышка изъ деревни Скультесъ Лифляндск. губ., всю свою жизнь до настоящаго времени провела въ деревнѣ; болѣзней дѣтства не помнитъ. Первая менструація появилась у больной на 18 году и съ

перваго разу установилась правильно: регулы появлялись черезъ 4 недѣли, продолжались по 5 дней, бывали не обильны и безболѣзненны. Со времени заболѣванія, на 33 году жизни больной, типъ менструацій измѣнился: они стали приходить черезъ 3 недѣли, продолжались по 7 дней, но не обильно. Съ 39-лѣтняго возраста у больной совершенно прекратились менструаціи.

О началѣ половой жизни больная даетъ сбивчивыя показанія, но хорошо помнитъ, что первый разъ родила своевременно на 27 году; какъ эта беременность, такъ и остальныя 2 послѣдующія беременности, а равно роды и послѣродовые періоды протекали правильно, родильница вставала рано послѣ родовъ съ постели здоровой. Дѣтей выкормила сама. Послѣдніе роды были когда больной исполнилось 32 года. Больная ничѣмъ не лѣчилась до настоящаго времени. На сколько припомнитъ больная, первые признаки болѣзни появились приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ послѣднихъ родовъ: больная начала испытывать непріятное ощущеніе въ области наружныхъ половыхъ органовъ и кромѣ того въ это-же время появилась какая-то опухоль изъ половой щели и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивала непріятное ощущеніе и даже вызывала боль при ходьбѣ. Больная долго терпѣла, но наконецъ страданія ея достигли до такой степени, что она не могла ихъ болѣе переносить и обратилась за помощью въ Юрьевскую акушерско-гинекологическую клинику.

При поступленіи въ клинику больная жаловалась на боли внизу живота и поясницѣ, на большое затрудненіе при передвиженіяхъ отъ присутствія опухоли, исходящей изъ половой щели, небольшія сукровичныя бѣли и — затрудненное мочеиспусканіе. При объективномъ изслѣдованіи больная представляется малаго роста, средняго сложенія и плохого питанія. Въ органахъ пищеваренія и дыханія ничего ненормальнаго не отмѣчается.

Со стороны органовъ кровообращенія констатируется небольшая гипертрофія сердца.

Мочевые органы — затрудненное мочеиспусканіе.

Въ области нервной системы замѣчается, что психическая сфера больной ненормальна: больная забывчива, разсѣяна, отвѣчаетъ невпопадъ на вопросы и тутъ же забываетъ что только-что сказала.

Исторія третьей больной заключается въ слѣдующемъ.

Б. С. 45 лѣтъ отъ роду, латышка, крестьянка деревни Руэнъ, Лифляндской губ., занимается крестьянскими работами. Въ дѣтствѣ больная никогда не болѣла.

Первая менструація появилась на 15 году и сразу приняла такой типъ, что крови появлялись правильно черезъ 3-недѣльные промежутки, продолжались по 3 дня, безболѣзненно и необильно. Со времени заболѣванія характеръ менструаціи измѣнился въ правильности, а въ послѣднее время болѣе полгода уже больная страдаетъ постоянными, изнуряющими ее кровотеченіями.

Начало половой жизни больная относитъ къ 33 году своего возраста, родила 1 разъ и во время, черезъ годъ послѣ своего замужества. Роды были очень тяжелые и окончились щипцами, при чемъ младенецъ родился мертвымъ; послѣ родовъ больная лежала въ постели 6 недѣль и по ея словамъ сильно лихорадила. Со времени родовъ С. чувствуетъ себя больной, но до поступленія въ клинику не лѣчилась.

Первые признаки болѣзни обнаружились чувствомъ давленія внизу живота и, какъ больная называетъ, въ опущеніи матки. Чувство это однако въ первое время ей не причиняло особыхъ неудобствъ; но съ теченіемъ времени болѣзнь развивалась все далѣе и далѣе и наконецъ достигла до настоящаго положенія, такъ что значительно затрудняла больную при ходьбѣ.

Наконецъ къ этому присоединились еще болѣе полгода продолжающіяся, изнуряющія больную, маточныя кровотеченія. Въ самое первое время своего появленія эти кровотеченія прерывались иногда дня на три и замѣнялись обильными бѣлями; но послѣднія 6 недѣль обильное кровотеченіе продолжается безпрерывно.

Кромѣ только что сказаннаго, больная жалуется на общую слабость, упорные запоры, затрудненное мочеиспусканіе, такъ что больная съ трудомъ мочится 3—4 раза въ день. Все это и заставило больную поступить въ нашу клинику.

Объективное изслѣдованіе: больная средняго роста и сложенія, умѣреннаго питанія, t. 37,1; дыханіе — 22.

Органы пищеваренія и дыханія нормальны.

Органы кровообращенія: пульсъ 88, средняго наполненія, сердечные тоны правильны и чисты, границы сердечной тупости нормальны.

Брюшныя стѣнки очень вялы и на нихъ замѣчаются въ большомъ количествѣ striae gravidarum.

Мочевые органы: въ мочѣ при химическомъ и микроскопическомъ изслѣдованіи ничего патологическаго не найдено. При объективномъ изслѣдованіи уретры катетеромъ отмѣчается, что направленіе ея совершенно измѣнилось: вмѣсто почти прямаго направленія женскаго мочеиспускательнаго канала, какъ это бываетъ въ нормѣ, уретра у нашей больной представляется искривленною подъ угломъ, какъ-бы надломленною, при чемъ уголъ открытъ по направленію кпереди.

Нервная система въ относительномъ порядкѣ.

Чтобы возможно лучше орьентироваться въ предлагаемыхъ мною Вашему вниманію случаяхъ, я попрошу Васъ, г.г., обратить особенное вниманіе на слѣдующія обстоятельства: изъ исторіи болѣзни первой больной, мы узнали, что ей 35 лѣтъ отъ роду, что у нея была единственная срочная и правильно окончившаяся беременность 8 лѣтъ назадъ, больная чувствовала себя послѣ этого здоровой; но 5 лѣтъ назадъ послѣ тяжелой работы у больной стало что-то выходить изъ влагалища, появились боли, тяжесть и напираніе внизу живота, что продолжается до сего времени.

Относительно второй больной я отмѣчу: больной 50 л., у нея было 3 срочныхъ родовъ, по ея словамъ все было благополучно; послѣдніе роды, приблизительно, были 18 л. назадъ; къ этому-же времени она относитъ и начало своего заболѣванія. Сначала у нея были только непріятныя ощущенія и показалась опухоль изъ половой щели, но все это болѣе и болѣе увеличивалось и наконецъ черезъ много лѣтъ у неприхотливой и терпѣливой больной дѣло дошло до того, что она не могла болѣе переносить страданія и обратилась въ клинику.

Наконецъ относительно третьей и послѣдней больной, я прошу Васъ попомнить изъ скорбнаго листа, что больной 45 л., она родила только одинъ разъ, на 33 году своей жизни, роды были хотя срочные, но тяжелые и окончились щипцами; непосредственно послѣ родовъ больная въ теченіе 6 недѣль лихорадила и съ этого-же времени она считаетъ начало своего заболѣванія, хотя ничѣмъ не лѣчилась. Больная жалуется на давленіе внизу живота, „опущеніе матки“, затрудненіе при ходьбѣ, обильныя бѣли, болѣе $^1/_2$ года продолжающіяся ма-

точныя кровотеченія, общую слабость, упорные запоры и наконецъ затрудненное мочеиспусканіе.

Сдѣлавши, такъ сказать, экстрактъ изъ исторій болѣзни и имѣя его въ виду для своихъ соображеній, мы приступимъ къ изслѣдованію больныхъ. Чтобы выиграть время, изслѣдованіе всѣхъ системъ и органовъ мы не будемъ производить сами, а воспользуемся въ этомъ отношеніи тѣми данными, которыя намъ даютъ только что прочитанные скорбные листы. Мы сами произведемъ только болѣе подробное изслѣдованіе половыхъ органовъ у нашихъ больныхъ; при томъ послѣдовательно подвергнемъ изслѣдованію всѣхъ 3 больныхъ, а затѣмъ сдѣлаемъ, какъ сравнительную оцѣнку всего относящагося до предстоящихъ нашему вниманію болѣзненныхъ формъ, такъ и тѣхъ врачебныхъ пособій, которыя требуются для устраненія ихъ.

И такъ слѣдуя принятому нами плану относительно первой нашей больной, мы находимъ при наружномъ осмотрѣ половыхъ частей слѣдующее: половая щель широко зіяетъ, хотя нарушенія цѣлости промежности не замѣчается. Изъ половой щели выступаетъ грушеобразная опухоль, покрытая почти на всемъ своемъ протяженіи, за исключеніемъ нижняго ея сегмента, ороговѣвшимъ эпителіемъ, принявшемъ характеръ обыкновенной кожи. Что касается до нижняго сегмента, то на немъ находится поперечно щелевидное отверстіе, изъ котораго выступаетъ немного желтоватой, слизисто-гнойной, тягучей жидкости; края этого отверстія представляютъ изъ себя неровное, какъ бы бугристое очертаніе. Кромѣ того, какъ края, такъ равно и весь нижній сегментъ выступающаго изъ влагалища тѣла лишенъ эпителіальнаго покрова и являетъ изъ себя какъ бы сплошную поверхностную язву, покрытую гнойнымъ отдѣляемымъ и съ краями неправильнаго, картообразнаго очертанія.

Далѣе, изслѣдуя пальцемъ вышедшее изъ влагалища тѣло, оказывается, что въ мѣстѣ соприкосновенія его со стѣнками влагалища, словомъ, на границѣ ихъ не имѣется никакого болѣе или менѣе выдающагося желобка, какъ доказательство бывшаго мѣстонахожденія влагалищныхъ сводовъ, словомъ, таковыхъ здѣсь не имѣется; влагалище представляется вывернутымъ на подобіе перчатки и стѣнки вывернутаго влагалища также покрыты ороговѣвшимъ эпителіемъ.

Послѣдующее комбинированное гинекологическое изслѣдованіе выяснило такое положеніе дѣла: вслѣдствіе вялости, истонченности и уступчивости брюшныхъ покрововъ, соединенныхъ съ относительнымъ спокойствіемъ больной, можно далеко чрезъ брюшные покровы проникнуть въ полость малаго таза концами изслѣдующихъ пальцевъ и ощупать все такъ ясно, какъ бы это было на анатомическомъ препаратѣ.

Оказалось, что выпавшее изъ влагалища тѣло составляетъ непосредственное продолженіе тѣла матки словомъ, это есть увеличенная во всѣхъ размѣрахъ маточная шейка; затѣмъ несмотря на то обстоятельство, что нижній сегментъ матки выстоитъ далеко изъ влагалища, дно матки стоитъ довольно высоко, полость матки по измѣренію зондомъ оказывается увеличенною и достигаетъ до 16½ сантим. длины, при чемъ изъ этого количества на долю длины влагалищной части маточной шейки слѣдуетъ отнести 5 сантим.. Консистенція матки кромѣ нижняго сегмента ея — сочна, мягка, матка при ощупываніи чувствительнѣе обыкновеннаго. Изъ наружнаго отверстія цервикальнаго канала выдѣляется въ обильномъ количествѣ слизисто-гнойная, тягучая жидкость, напоминающая по своей консистенціи яичный бѣлокъ.

Комбинированное изслѣдованіе съ достаточной убѣдительностью даетъ возможность прощупать маточные придатки: яичники и фаллопіевы трубы, насколько это позволительно судить по изслѣдованію, нормальны; правая круглая маточная связка прощупывается въ видѣ очень тонкаго шнура, въ присутствіи лѣвой — невозможно убѣдиться.

Переходимъ къ гинекологическому изслѣдованію второй больной: rima pudendorum зіяетъ, изъ нея выступаетъ округлоовальное тѣло, величиною съ среднее куриное яицо; нижній сегментъ этого тѣла представляется немного съуженнымъ и на немъ находится щель въ 1½ сантим. длиною и расположенная паралельно поперечному діаметру таза. Это отверстіе обрамлено краемъ съ неровною поверхностью — мѣстами замѣчаются возвышенія, мѣстами углубленія; сверхъ того, какъ Вы видите, изъ отверстія выступаетъ слизисто-гноевидная жидкость. Самъ край, а равно и нижній сегментъ опухоли представляетъ изъ себя сплошную язву съ неправильными границами и съ дномъ покрытымъ гнойнымъ отдѣляемымъ и корками. Остальная часть опухоли и часть вывернутаго влагалища покрыта ороговѣвшимъ эпителіемъ.

Комбинированное изслѣдованіе, какъ убѣждаются непосредственнымъ изслѣдованіемъ очередные изъ Васъ, показываетъ, что влагалище все вывернуто въ видѣ перчатки, затѣмъ — выстоящая изъ половой щели опухоль есть ничто иное, какъ совершенно выпавшая матка, твердая на ощупь и не только не увеличена, но скорѣе уменьшена въ своихъ размѣрахъ, такъ что дно матки прощупывается лежащею снаружи внѣ половой щели и покрытою только вывернутыми и гипертрофированными стѣнками влагалища.

Въ вывернутомъ, выпавшемъ влагалищѣ очень рѣзко прощупывается неправильное очертаніе матки, которая опредѣляется искривленною назадъ, retroflexio uteri. Зондъ, обращенный своею выпуклою стороною къ лобковому соединенію проводится въ матку, при чемъ онъ проникаетъ въ полость послѣдней на протяженіи 5 сантим..

Несмотря на очень удобныя условія для двуручнаго изслѣдованія нельзя прощупать ни яйцеводовъ, ни круглыхъ маточныхъ связокъ; что касается до яичниковъ, то Вы можете убѣдиться только въ присутствіи лѣваго яичника, который прощупывается въ видѣ твердаго, безболѣзненнаго и величиною съ малую миндалину тѣла. Правый яичникъ не констатируется комбинированнымъ изслѣдованіемъ.

Наконецъ мы приступаемъ къ гинекологическому изслѣдованію нашей послѣдней больной изъ назначенныхъ на сегоднешнюю лекцію.

Вы видите, гг., прежде всего, что у больной, находящейся въ настоящую минуту передъ нами на гинекологическомъ креслѣ, — половая щель широко зіяетъ вслѣдствіе стараго разрыва промежности, распространившагося даже на анальное кольцо. Стѣнки влагалища представляются совершенно вывернутыми и покрывающими выпавшую изъ половой щели опухоль, которая представляетъ изъ себя ничто иное какъ матку. Края наружнаго маточнаго отверстія покрыты многочисленными и неправильными рубцами; кромѣ того вывернутая стѣнка влагалища на всемъ своемъ протяженіи покрыта ороговѣвшимъ эпителіемъ и представляетъ изъ себя видъ обыкновенной кожи, за исключеніемъ нижняго сегмента, который на большомъ протяженіи покрытъ поверхностной язвой, влагалищные своды совершенно уничтожены, низдавлены, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда.

При двуручномъ изслѣдованіи матка оказывается до-

вольно чувствительною и изъ полости ея при надавливаніи на дно выдѣляется также, какъ Вы убѣдились грязновато-кровянистая жидкость. Матка увеличена въ продольномъ размѣрѣ; зондъ осторожно введенный въ матку, проникаетъ свободно въ полость послѣдней на протяженіи $9^1/_2$ сантим.; кромѣ того пуговка зонда даже для неопытнаго наблюдателя, всюду въ полости матки встрѣчаетъ мягкую, какъ-бы бархатистую, сильно кровоточащую поверхность.

Изслѣдованіе направленія уретры помощью катетера, какъ очень непріятное для больной, мы производить не будемъ, а примемъ во вниманіе данныя при предшествовавшемъ изслѣдованіи относительно этого вопроса.

Для полноты изслѣдованія и еще вслѣдствіе того обстоятельства, что данная больная жалуется на упорные запоры, мы подвергаемъ изслѣдованію и прямую кишку. Указательный палецъ, введенный въ rectum, на передней стѣнкѣ послѣдней и на разстояніи 2 сантим. отъ sphyncter ani встрѣчаетъ какъ-бы отверстіе; введя конецъ изслѣдующаго пальца въ это отверстіе и загнувъ палецъ крючкомъ, мы легко убѣждаемся, что попадаемъ въ какое-то мѣшкообразное углубленіе, находящееся позади выпавшей изъ половой щели опухоли. Съ другой стороны, не вынимая палецъ изъ прямой кишки и ощупывая его снаружи указательнымъ пальцемъ другой свободной руки черезъ утолщенную и вывернутую влагалищную стѣнку, мы его свободно прощупываемъ. Убѣждаемся, что найденное нами углубленіе есть мѣшковидное выпячиваніе передней стѣнки recti, лежащее довольно поверхностно подъ выпавшей задней стѣнкой влагалища.

Заканчивая гинекологическое комбинированное изслѣдованіе, слѣдуетъ отмѣтить еще, что паховыя железы съ правой стороны нѣсколько увеличены и болѣзненны.

На основаніи только что произведеннаго изслѣдованія трехъ нашихъ больныхъ, можно вывести такія заключенія: всѣ эти больныя явились къ намъ въ клинику, жалуясь въ общемъ на одни и тѣ-же болѣзненные симптомы съ нѣкоторыми видоизмѣненіями; всѣхъ ихъ безпокоятъ боли внизу живота, чувство напиранія, соединенное съ выхожденіемъ какъ-бы опухоли изъ половой щели и выворотомъ самаго влагалища. Изъ различій относительно субъективныхъ ощущеній можно указать, что у больной, кромѣ помѣченныхъ субъективныхъ ощущеній — имѣются сукровичныя бѣли и

затрудненное мочеиспусканіе, а третья больная прибавляетъ еще третій симптомокомплексъ болѣзненныхъ явленій, именно обильныя бѣли, постоянныя маточныя кровотеченія, общая слабость, упорные запоры и затрудненное мочеиспусканіе.

Теперь, принимая во вниманіе всѣ данныя относительно нашихъ больныхъ, добытыя при изслѣдованіи послѣднихъ, переходимъ къ рѣшенію вопроса съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, другими словами, какія болѣзненныя формы предстоятъ нашему вниманію. Въ этомъ отношеніи съ первыхъ-же словъ слѣдуетъ сказать, что макроскопическій, такъ сказать, діагнозъ такъ простъ и очевиденъ, что больныя явились къ намъ съ готовымъ уже распознаваніемъ — они сами установили, въ общемъ, діагнозъ своей болѣзни.

Да оно и понятно. Измѣненіе вида, положенія и т. п. наружныхъ половыхъ органовъ на столько рѣзки, что достаточно было только самой примитивной, поверхностной наблюдательности даже не интелегентной больной, чтобы подмѣтить появившееся измѣненіе въ области половой сферы и окрестить это измѣненіе именемъ вполнѣ соотвѣтствующимъ наружнымъ признакамъ болѣзненнаго измѣненія.

Но на такомъ распознаваніи, само собою понятно, врачъ не можетъ успокоиваться. Что въ данномъ случаѣ имѣется выпаденіе матки въ этомъ не трудно убѣдиться per visum даже неопытному врачу; но этого мало, врачъ долженъ разрѣшить еще цѣлый рядъ другихъ діагностическихъ вопросовъ: чѣмъ обусловилось данное выпаденіе матки, какая форма выпаденія, имѣется-ли здѣсь просто выпаденіе матки, sic dictu, или таковое кромѣ того сопряжено съ гипертрофіей влагалищной, средней или надвлагалищной порціи маточной шейки и т. д.

Поэтому для болѣе удовлетворительной постановки распознаванія, мы послѣдовательно разберемъ симптомокомплексъ у нашихъ больныхъ, у каждой порознь.

И такъ у первой нашей больной при изслѣдованіи genitalia мы отмѣтили выхожденіе наружу ex rimam pudendorum матки, увеличеніе длины маточной полости до $16^1/_2$ сантим., причемъ на длину влагалищной части маточной шейки приходится 5 сантим., дно матки при этомъ стоитъ высоко, влагалищные своды совершенно уничтожены; наконецъ правая круглая маточная связка, насколько позволительно судить

по изслѣдованію, плохо развита, а присутствіе лѣвой неудалось даже констатировать.

Вотъ тѣ главныя данныя на основаніи которыхъ намъ предстоитъ установить распознаваніе болѣзненной формы и здѣсь-же нельзя не замѣтить, что эти данныя очень цѣнны въ діагностическомъ отношеніи. Если-бы у нашей больной имѣлось лишь выпаденіе матки, sic dictu, то при изслѣдованіи мы нашли-бы при измѣреніи зондомъ маточной полости, послѣднюю не увеличенною и дно матки при такомъ большомъ выпаденіи этого органа стояло-бы въ такомъ случаѣ внѣ полости малаго таза, коротко, дно матки прощупывалось-бы снаружи, внѣ половыхъ частей, въ мѣшкѣ, образуемомъ вывернутымъ влагалищемъ. При подобныхъ обстоятельствахъ можно предположить еще одно патологическое состояніе матки, которое можетъ иногда сопутствовать выпаденію матки и при которомъ маточное дно можетъ стоять также очень высоко. Это присутствіе какихъ-либо новообразованій въ существѣ дна матки или въ болѣе или менѣе интимной связи съ внѣшнимъ серознымъ покровомъ дна матки, напр. интерстиціальныя или субсерозныя фибромы. Но не говоря уже о томъ, что при подобныхъ условіяхъ получается совершенно иная картина, я укажу Вамъ только на одно обстоятельство, которое рѣшительно исключаетъ возможность только-что высказаннаго предположенія: при увеличеніи толщи дна матки вслѣдствіе присутствія какихъ либо новообразованій, самое главное, длина маточной полости не увеличивается противъ нормы.

Но на счетъ чего-же или вѣрнѣе на счетъ какой-же части занимающаго насъ органа нужно отнести увеличеніе, удлиненіе матки in toto?

Исключая новообразованія гнѣздящіяся въ маткѣ и вліяющія на измѣненіе величины этого органа, хотя здѣсь-же нужно подчеркнуть, что измѣненіе величины матки, происходящее при этихъ послѣднихъ заболѣваніяхъ бываетъ совершенно особенное, остается очень немного страданій матки, которыя своимъ присутствіемъ увеличиваютъ объемъ этого органа.

Я укажу здѣсь на различные виды хроническаго воспаленія матки и на гипертрофію маточной шейки. Жалѣю, что въ настоящее время я не могу пуститься въ діагностическія подробности. Поэтому я ограничусь здѣсь только напоминаніемъ, что при хроническомъ воспаленіи матки, если бываетъ

увеличеніе органа, то оно происходитъ на счетъ толщины его, слѣдовательно при зондированіи маточной полости, послѣдняя окажется не увеличенною. Такимъ образомъ причину удлиненія маточной полости, а слѣдовательно и увеличенія матки in toto, нужно искать у нашей больной въ маточной шейкѣ.

Перебирая всѣ патологическія состоянія маточной шейки, соединенныя съ увеличеніемъ объема ея и исключивъ всѣ, какъ доброкачественныя, такъ въ особенности злокачественныя новообразованія нижняго сегмента матки, приходится остановиться на различнаго вида гипертрофіяхъ маточной шейки. Снова обращаясь къ патологіи шейки матки, припомнимъ, что различаются 3 вида ея гипертрофіи: влагалищной, — средней и — надвлагалищной части маточной шейки. Діагностическіе признаки, на основаніи которыхъ можно выдѣлить тотъ или иной видъ гипертрофіи будутъ слѣдующіе.

1) При гипертрофіи только влагалищной порціи, не смотря на то, что таковая можетъ достигать до очень высокой степени, такъ что длина влагалищной порціи = 10 и, даже въ исключительныхъ случаяхъ, болѣе сантим., такъ что нижній сегментъ маточной шейки лежитъ снаружи, внѣ половыхъ частей; несмотря на это изслѣдующій убѣждается и въ присутствіи влагалищныхъ сводовъ и въ томъ, что послѣдніе находятся, приблизительно, на нормальной высотѣ.

2) Гипертрофія средней части маточной шейки распознается по пониженію, нездавливанію передняго влагалищнаго свода; такое пониженіе можетъ дойти въ высшихъ степеняхъ болѣзни до полнаго выворачиванія передней влагалищной стѣнки и соотвѣтствующаго свода, но важно помнить, что при гипертрофіи средней части маточной шейки, задній сводъ остается или нормальнымъ въ отношеніи высоты своего стоянія или только незначительно понижается вслѣдствіе влеченія его опускающеюся маткою.

Наконецъ 3) Гипертрофія надвлагалищной части маточной шейки діагносцируется въ большинствѣ случаевъ не трудно. Уничтоженіе обоихъ сводовъ, полный выворотъ влагалища въ видѣ перчатки, такъ что внутренняя стѣнка влагалища дѣлается наружною и при всемъ этомъ дно матки стоитъ высоко. Явленія на столько характерны, что одинъ простой, поверхностный осмотръ матки уже рѣшаетъ дѣло. Единственно съ чѣмъ можетъ смѣшать врачъ по первому осмотру

гипертрофію надвлагалищной части маточной шейки — это съ обыкновеннымъ полнымъ выпаденіемъ матки. Но если припомнить, что въ то время, какъ при гипертрофіи надвлагалищной части маточной щейки дно матки стоитъ обыкновенно высоко, а при простомъ полномъ выпаденіи матки, дно послѣдней стоитъ очень низко, нерѣдко даже внѣ родовыхъ путей — то дифференціальный діагнозъ между поименованными сейчасъ страданіями ставится быстро и безошибочно.

Я напомнилъ Вамъ, гг., діагностическую картину, такъ сказать, самую типичную; само собою разумѣется, что здѣсь могутъ встрѣтиться уклоненія въ ту или другую сторону, но во всякомъ случаѣ припоминая только что сказанное, думается мнѣ, легко выйдти изъ затруднительнаго положенія.

Обращаясь снова къ нашей больной и условившись, что причина увеличенія матки in toto кроется въ гипертрофіи маточной шейки, намъ предстоитъ теперь рѣшить еще вопросъ — какая часть шейки поражена гипертрофіей. Припомнимъ, что у больной при опущеніи матки, дно послѣдней стоитъ очень высоко, длина маточной полости увеличена, влагалищная порція удлинена, влагалищные своды совершенно уничтожены. Слѣдовательно, руководясь признаками, характеризующими различные виды гипертрофіи маточной шейки, мы неминуемымъ образомъ должны признать въ нашемъ случаѣ — гипертрофію надвлагалищной части, а также влагалищной части маточной шейки; кромѣ того у больной имѣется — полное выпаденіе матки и влагалища, разрывы маточной шейки вслѣдствіе бывшихъ родовъ, endocervitis chronica, обширныя, поверхностныя ссадины нижняго сегмента матки, видимое недоразвитіе правой и вѣроятное отсутствіе лѣвой круглой маточной связки.

Перейдемъ къ второй больной. Чтобы не терять времени на повтореніе, я напомню Вамъ только на тѣ отличія, которыя представляетъ эта больная сравнительно съ предыдущей. У второй больной, коротко говоря, имѣется также выпаденіе матки, но послѣдняя значительно уменьшена въ величинѣ противъ нормы, тверда на ощупь, искривлена назадъ; изъ маточныхъ придатковъ прощупывается только лѣвый яичникъ, уменьшенный также въ своихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ на основаніи высказанныхъ соображеній легко устанавливается слѣдующій діагнозъ: prolapsus

uteri et vaginae compl., retroflexio uteri, atrophia uteri et adnex. senilis, endocervitis chronica et exulceratio colli uteri.

Наконецъ относительно распознаванія болѣзни у третьей больной: я отмѣчу также отличія выдѣляющія ея страданіе отъ патологическаго состоянія у двухъ предыдущихъ больныхъ. Кромѣ выпаденія матки изслѣдованіе genitalia обнаруживаетъ — нарушеніе цѣлости промежности, выдѣленіе грязноватокровянистой жидкости изъ матки и существованіе мѣшковиднаго выпячиванія на передней стѣнкѣ recti. Къ этому можно присоединить еще особенности со стороны субъективныхъ явленій у этой больной. Больная кромѣ обычныхъ жалобъ, зависящихъ отъ измѣненія положенія матки, еще жалуется на бѣли, обильныя маточныя кровотеченія, общую слабость, упорные запоры и затрудненное мочеиспусканіе.

И такъ на основаніи только что сказаннаго ставится такой діагнозъ: ruptura perinei inveterata usque ad anum, prolapsus uteri et vaginae compl., hypertrophia colli uteri supravaginalis, erosiones colli uteri, cancer (?) corporis uteri et rectocele.

Это клинический діагнозъ, обоснованный, не нуждающійся такъ сказать въ подтвержденіи микроскопическаго изслѣдованія за исключеніемъ одной своей части. Именно больная страдаетъ обильными маточными кровотеченіями, носящими особый характеръ, дающій возможность клиницисту на основаніи даже только одного макроскопическаго изслѣдованія, заключить о злокачественной натурѣ заболѣванія въ данномъ случаѣ. Но этого мало для современно-образованнаго клинициста.

Клиницистъ обязанъ для подтвержденія вѣрности своихъ умозаключеній, для постановки вѣрнаго діагноза подвергнуть точному и повторному микроскопическому изслѣдованію частицы слизистой оболочки матки и, только тогда онъ можетъ съ спокойной совѣстью высказать свое окончательное мнѣніе относительно діагноза даннаго заболѣванія.

Гг., не трудно понять почему требуется такое щепетильное отношеніе въ подобныхъ случаяхъ. Не забудьте, что Ваше распознаваніе имѣетъ рѣшающее значеніе для больной и сообразно ему Вы обязаны предпринять тотъ или другой образъ дѣйствій для излѣченія страданій больной.

Слѣдовательно, у нашей послѣдней больной мы не мо-

жемъ приступить ни къ какому рѣшительному врачебному пособію прежде чѣмъ не выяснится вопросъ относительно натуры болѣзненнаго процесса, гнѣздящагося въ полости матки. Для этого мы должны были произвести такъ называемое пробное выскабливаніе внутренней поверхности матки и послѣдовательно изслѣдовать микроскопически полученный соскобъ; при томъ при малодоказательности или вѣрнѣе во всякомъ случаѣ будетъ надежнѣе произвести повторное микроскопическое изслѣдованіе. И, повторяю, только на основаніи полученныхъ результатовъ можно высказаться категорически относительно того или другого образа дѣйствій у больной.

Чтобы не задерживать Васъ и не терять, такъ сказать, руководящую нить настоящей лекціи, я представляю Вамъ микроскопическіе препараты изъ частицъ ткани соскобленной съ внутренней поверхности матки.

Вы видите въ этихъ препаратахъ ясно выраженную картину, характеризующую раковое перерожденіе тѣла матки.

Мы установили распознаваніе болѣзни у больныхъ только что бывшихъ передъ нашими глазами. Теперь естественно является на очередь вопросъ — какое же предсказаніе мы имѣемъ возможность поставить у нашихъ больныхъ относительно теченія ихъ болѣзни? Я не буду останавливаться на томъ, что за весьма рѣдкими исключеніями, теперь, по счастью для больныхъ, миновало уже то время, когда одержимыя выпаденіемъ матки считались неизлѣчимыми больными. Не говоря уже о томъ, что при соотвѣтствующемъ лѣченіи, само по себѣ выпаденіе матки должно быть излѣчимо, — предсказаніе относительно этого патологическаго состоянія quo ad vitam — вполнѣ благопріятно, a quo ad valetudinem completam, хотя также благопріятно, но конечно въ послѣднемъ случаѣ встрѣчаются нѣкоторыя исключенія; эти исключенія, къ слову сказать, въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ зависятъ отъ несоотвѣтствія примѣненной терапіи.

Примѣняясь къ положенію нашихъ больныхъ, слѣдуетъ установить такой прогнозъ относительно ихъ. Первая наша больная, представляя изъ себя еще молодую женщину съ патологическими измѣненіями въ области половой сферы, позволительно думать, вполнѣ устранимыми, даетъ возможность сдѣлать благопріятное предсказаніе относительно выздоровленія.

Чго касается второй больной, то несмотря на то обстоятельство, что она находится въ климактерическомъ періодѣ, но безпокоящее ее выпаденіе матки со всѣми сопутствующими болѣзненными явленіями со стороны genitalia также должно быть признано подлежащимъ полному излѣченію, — посему и здѣсь устанавливается благопріятное по отношенію излѣчимости предсказаніе.

Къ сожалѣнію нѣчто иное приходится высказать касательно нашей третьей больной. По ея возрасту она также близка къ наступленію климактерія; но это не важно. Изслѣдованіемъ установлено, кромѣ выпаденія матки и влагалища, и, многихъ другихъ сопутствующихъ страданій, доступныхъ для излѣченія, еше вполнѣ установленный точнымъ микроскопическимъ изслѣдованіемъ, діагнозъ — cancer corporis uteri и помимо этого еще одностороннее припуханіе паховыхъ железъ, дающее поводъ думать о раковой инфильтраціи.

Вотъ это послѣднее обстоятельство и заставляетъ сдѣлать предсказаніе очень сомнительнымъ относительно выздоровленія этой больной.

Теперь мы переходимъ къ конечной цѣли, такъ сказать, всѣхъ нашихъ врачебныхъ стремленій, къ тому зачѣмъ къ намъ явились и что справедливо отъ насъ требуютъ наши больныя, коротко, къ излѣченію страданій, которыя мучаютъ ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Я нарочно разсматриваю совмѣстно этихъ аналогичныхъ больныхъ, въ общемъ представляющихъ очень много схожаго, но при болѣе детальномъ разсмотрѣніи ихъ болѣзни, послѣднія представляютъ и капитальныя различія, соотвѣтственно чему требуютъ и различныхъ мѣръ для своего устраненія.

Предварительно я сдѣлаю маленькое замѣчаніе. Болѣе или менѣе подробное разсмотрѣніе всѣхъ способовъ лѣченія при выпаденіяхъ матки не входитъ въ предѣлы моей настоящей задачи, я остановлю Ваше вниманіе на лѣченіи постолько на сколько это требуется примѣнительно къ интересующимъ насъ больнымъ.

Я замѣчу еще только попутно, что при выпаденіяхъ матки до сихъ поръ еще существуютъ 2 способа лѣченія: неоперативный и оперативный. Кромѣ того, операціи назначенныя для устраненія выпаденія матки предслѣдуютъ 3 задачи: уменьшить величину выпавшей матки, уменьшить

каналъ влагалища и наконецъ устроить болѣе устойчивое тазовое дно.

Обращаясь къ вопросу о лѣченіи выпаденія матки у нашихъ больныхъ, прежде всего приходится замѣтить, что такъ какъ у всѣхъ этихъ больныхъ выпаденіе матки существуетъ уже многіе годы, случаи не свѣжіе, то поэтому, какъ таковые они не уступятъ неоперативнымъ методамъ лѣченія, — требуютъ болѣе радикальныхъ оперативныхъ пріемовъ для своего излѣченія.

Современная гинекологія располагаетъ многими оперативными способами, которые служатъ для уничтоженія выпаденій матки; на какомъ-же изъ этихъ способовъ мы остановимся и потомъ употребимъ-ли мы одинъ и тотъ-же оперативный методъ для всѣхъ трехъ больныхъ или нѣтъ?

Начнемъ съ первой больной. Въ разсужденіи ея мы должны имѣть въ виду, что она представляетъ еще молодую женщину, которая по устраненіи выпаденія матки, еще можетъ считаться способною для продолженія вида. Такое соображеніе должно въ особенности руководить нами при выборѣ операціи въ данномъ случаѣ; хотя вообще одно изъ самыхъ главныхъ пріобрѣтеній послѣдняго времени современной хирургіи — это ея консервативное направленіе, но послѣднее тѣмъ болѣе мы должны преслѣдовать въ оперативной гинекологіи при рѣшеніи хирургическихъ вопросовъ у субъектовъ, находящихся въ періодѣ производительного возраста въ половомъ отношеіи.

Принимая во вниманіе всѣ высказанныя положенія, я посовѣтую слѣдующій образъ дѣйствій относительно оперативнаго пособія въ нашемъ случаѣ. О профилактическомъ лѣченіи я здѣсь говорить не буду, какъ о предметѣ не входящемъ въ тему сегодняшней лекціи, а перехожу прямо къ оперативному лѣченію, которое можетъ быть выполнено различными способами, и, изъ нихъ я предложу слѣдующій: 1) для уменьшенія объема увеличенной матки, что произошло на счетъ увеличенія надвлагалищной части маточной шейки, слѣдуетъ произвести ампутацію надвлагалищной части маточной шейки; но при этомъ необходимо помнить то обстоятельство, что мы имѣемъ дѣло съ относительно молодой женщиной, которая въ будущемъ можетъ забеременѣть. Въ виду этого, а также и возможности послѣдовательной инво-

люціи органа — не слѣдуетъ вырѣзать очень большой кусокъ изъ существа маточной шейки. По окончаніи операціи надвлагалишной ампутаціи маточной шейки и наложенія швовъ, переходимъ къ 2) оперативному пособію, служащему для уменьшенія діаметра влагалища и — образованію болѣе устойчиваго тазоваго дна; для удовлетворенія какъ перваго такъ и второго требованія мы примѣнимъ у данной больной два оперативныхъ пособія — colporrhaphia anterior et colpoperineorrhaphia. При производствѣ послѣднихъ операцій не слѣдуетъ особенно жалѣть пространство слизистой и подслизистой ткани; клиническія наблюденія насъ учатъ тому, что какъ бы не былъ уменьшенъ просвѣтъ влагалища противъ нормы, во всякомъ случаѣ при послѣдующемъ послѣ операціи забеременѣваніи ткани въ тазовой полости дѣлаются настолько сочными, мягкими и уступчивыми, что во время родового акта стѣнки влагалища дѣлаются такъ растяжимыми, что не представляютъ особаго препятствія для прохожденія рождающагося плода.

Что касается до второй больной, то здѣсь въ смыслѣ предпринимаемаго лѣченія дѣло нѣсколько упрощается, такъ какъ вслѣдствіе наступленія климактерическаго періода у больной, выпадаетъ забота о послѣоперацiонномъ состояніи матки, какъ производительнаго половаго органа. Такимъ образомъ здѣсь дѣло сводится только къ уничтоженію выпаденія матки. Изъ ряда предложенныхъ оперативныхъ методовъ, служащихъ къ устраненію выпаденія матки и вслѣдствіе того, что здѣсь не только не существуетъ какой-либо формы гипертрофіи маточной шейки, но наоборотъ въ данномъ случаѣ имѣется на лицо старческая атрофія матки, повторяю, вслѣдствіе указанныхъ причинъ можно было-бы поступить такъ: произвести только colparrhaphi'ю anterior et colpoperineorrhaphiam. Но такъ какъ больная кромѣ выпаденія матки страдаетъ еще искривленіемъ этого органа назадъ, что послѣ вправленія матки можетъ съ своей стороны оказать также неблагопріятное вліяніе, которое не устранится ни colparrhaphi'ей ни colpoperineorrhaphi'ей. Поэтому является новая забота для курирующаго врача — о предупрежденіи дурного вліянія ретрофлектированной матки. Изъ способовъ, которые могутъ пользоваться большимъ кредитомъ въ смыслѣ устраненія представленнаго нашему вниманію болѣзненнаго симптомокомплекса, по моему разумѣнію, можно назвать два,

именно, abbrevatio ligamentorum rotundorum uteri et hysteropexia abdominalis anterior.

Касательно перваго оперативнаго метода примѣнительно къ этой больной можно сдѣлать нѣкоторыя вѣскія возраженія. Круглыя маточныя связки, безспорно, могутъ служить удовлетворительнымъ укрѣпляющимъ аппаратомъ для удержанія выпавшей матки и особенно такой, коковою она представляется у данной больной, т. е., малой, въ состояніи старческой атрофіи. Но дѣло въ томъ, какъ показываютъ клиническія наблюденія, недоразвитіе круглыхъ маточныхъ связокъ или даже полное отсутствіе ихъ съ той или другой стороны, вообще говоря, не составляютъ особенной рѣдкости; а если прибавить къ этому особенности нашего случая — старческую атрофію матки, а вмѣстѣ съ нею атрофію и другихъ частей половой сферы, невозможность при изслѣдованіи прощупать круглыя маточныя связки, то для насъ становится болѣе чѣмъ вѣроятною ненадежность предполагаемаго укрѣпленія выпавшей матки при помощи укороченія круглыхъ маточныхъ связокъ.

И такъ, руководясь приведенными разсужденіями, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи для устраненія страданій данной больной — это такъ называемую hysteropexia abdominalis anterior.

Хотя hysteropexia abdominalis anterior, операція сопряженная со вскрытіемъ брюшной полости, но вскрытіе брюшной полости производится лишь на протяженіи 4—5 сантим., сама операція вслѣдствіе своей несложности продолжается очень короткое время, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, при томъ операція дѣлается почти безъ введенія рукъ оператора въ полость брюшины, вслѣдствіе чего hysteropexia abdominalis anterior можетъ считаться операціей вполнѣ безопасной относительно ея производства. Что-же касается до результатовъ получаемыхъ отъ этой операціи, то какъ показываютъ и нѣкоторыя литературныя данныя и мои личныя клиническія наблюденія, эти результаты должны считаться удовлетворительными. Послѣ hysteropexi'и abdominalis anterior получается прочное спаяніе между тѣломъ матки и внутренней поверхностью брюшной стѣнки, — спаяніе способное удовлетворительно удерживать матку in situ и — препятствовать рецедиву выпаденія матки.

Да наконецъ къ этому можно прибавить еще, что при

современномъ состояніи техники брюшной хирургіи, когда весьма трудныя въ техническомъ отношеніи, соединенныя съ различными осложненіями и порою долго длящіяся брюшныя операціи, напр. міоматоміи и тѣ протекаютъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно благополучно, то объ операціяхъ въ родѣ hysterorexia abdominalis anterior и говорить нечего.

Изъ всѣхъ разобранныхъ нами сегодня больныхъ наибольшаго вниманія въ вопросѣ о лѣченіи заслуживаетъ послѣдняя больная. Я Вамъ напомню, что у этой больной выпаденіе матки осложнено еще другими страданіями, между которыми самое важное — это твердо установленное какъ макро —, такъ и микроскопическимъ изслѣдованіемъ распознаваніе рака тѣла матки. Къ этому можно прибавить еще 45-лѣтній возрастъ больной, хотя здѣсь-же замѣчу, что у раковыхъ больныхъ съ твердо-установленнымъ діагнозомъ, возрастъ больныхъ относительно выбора оперативнаго метода не долженъ играть никакой роли.

Слѣдовательно, стараясь избавить больную отъ выпаденія матки, еще болѣе того нужно стараться излѣчить больную отъ такого роковаго страданія, каковымъ является въ данномъ случаѣ ракъ матки. Нечего говорить о томъ, что если является обоснованнымъ только что высказанный діагнозъ этимъ самымъ, такъ сказать, подписывается и приговоръ относительно того или другого метода лѣченія. И, конечно здѣсь возможно разсуждать только объ единственномъ методѣ лѣченія, именно, объ оперативномъ. Вамъ предстоитъ, слѣдовательно, изсѣчь раковоперерожденную матку, уничтожить выпаденіе влагалища, rectocele и старый обширный разрывъ промежности, наконецъ къ этому прибавлю еще удаленіе увеличенной паховой железы.

Всѣ эти оперативные пріемы, если не встрѣтится какихъ либо особыхъ препятствій, нужно произвести въ одинъ сеансъ. Такимъ образомъ является такой планъ предстоящаго намъ оперативнаго воздѣйствія.

Начнемъ съ влагалищной экстирпаціи раково-перерожденной матки, при производствѣ ея обратимъ вниманіе не имѣется-ли гдѣ по сосѣдству съ маткою инфильтрированной ткани и въ случаѣ наличности послѣдней, по возможности, будемъ стараться объ удаленіи послѣдней; экстирпацію матки я рекомендую производить по лигатурному способу съ укрѣ-

пленіемъ по Hofmeier'у культей широкихъ связокъ въ возстановленномъ влагалищномъ сводѣ, который закроется помощью нѣсколькихъ лигатуръ. Покончивши съ вылущеніемъ матки и съ возстановленіемъ влагалищнаго канала, мы произведемъ colpoperinearrhaphi'ю по Hegar'у и наконецъ закончимъ всѣ наши оперативныя воздѣйствія — удаленіемъ увеличенной паховой железы.

И такъ передъ Вами, М.м. Г.г., прошли три больныя, въ общемъ страдающія одною аналогичною болѣзнью; но при детальномъ клиническомъ разборѣ ихъ оказались и довольно капитальныя у нихъ различія. Детальный разборъ этихъ больныхъ привелъ насъ къ убѣжденію, что данныя патологическія измѣненія требуютъ для своего устраненія и различнаго оперативнаго пособія, которое нами мотивировано и назначено для каждой больной въ отдѣльности.

Этимъ я заканчиваю сегодня лекцію, но этимъ, конечно, не заканчиваются нами клиническія наблюденія надъ только что разобранными больными. Въ ближайшемъ будущемъ я предполагаю произвести въ Вашемъ присутствіи назначенныя операціи у нашихъ больныхъ и наконецъ въ одну изъ будущихъ нашихъ бесѣдъ буду реферировать Вамъ о послѣопераціонномъ періодѣ, о результатахъ, добытыхъ оперативными пособіями и наконецъ для полноты картины, продемонстрирую Вамъ и самихъ оперированныхъ.

О послѣродовыхъ кровотеченіяхъ.

Мм. гг.! Въ предстоящей бесѣдѣ я намѣренъ коснуться вопроса о послѣродовыхъ кровотеченіяхъ, вѣрнѣе — о кровотеченіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ первое время послѣродового періода. Я тѣмъ охотнѣе приступаю къ выполненію этой задачи теперь, потому что мы имѣли въ этомъ отношеніи за послѣднее время очень достаточный матеріалъ. Передъ вами прошло много случаевъ послѣродовыхъ кровотеченій; вы могли лично убѣдиться и въ разнообразіи причинъ, отъ которыхъ зависятъ таковыя кровотеченія, въ силѣ и вліяніи ихъ на общую экономію организма родильницъ, и, наконецъ, вы видѣли результаты разнообразнаго лѣченія, которое требуется для устраненія этого грознаго патологическаго состоянія только-что родившей женщины.

Нормально послѣ окончанія родовъ выдѣляется небольшое количество отчасти жидкой, отчасти сгустившейся крови; но такое кровотеченіе скоро останавливается, благодаря хорошимъ сокращеніямъ матки, образованію тромбовъ въ зіяющихъ сосудахъ и т. д. При патологическихъ условіяхъ дѣло идетъ иначе, и чтобы яснѣе представить себѣ появленіе послѣродовыхъ кровотеченій, мы должны предварительно обратиться къ этіологіи ихъ.

Итакъ, повторяю, этіологія послѣродовыхъ кровотеченій крайне разнообразна. Прежде всего я остановлю ваше вниманіе, на томъ, что, хотя очень рѣдко, но тѣмъ не менѣе и въ послѣродовомъ періодѣ встрѣчаются субъекты, страдающіе особенной кровоточивостью, гэмофиліей. Но, прежде чѣмъ признать, какъ этіологическій моментъ кровотеченія in puerperio — гэмофилію, слѣдуетъ совершенно исключить возможность другихъ этіологическихъ моментовъ. Слѣдовательно,

если, несмотря на полное выхожденіе яйцевыхъ придатковъ, очень хорошее сокращеніе матки, полное отсутствіе нарушенія цѣлости по тракту родовыхъ путей и т. д., если, несмотря на все это, кровотеченіе изъ половой щели все-таки продолжается, — тогда имѣется достаточное основаніе признать въ данномъ случаѣ гэмофилію. Насколько рѣдко приходится имѣть дѣло съ гэмофиліей in puerperio, я могу, между прочимъ, замѣтить, что за мою болѣе чѣмъ 20-лѣтнюю акушерско-гинэкологическую дѣятельность мнѣ пришлось встрѣтиться съ гэмофиліей только 2 раза.

Затѣмъ, разсматривая этіологію кровотеченій послѣ родовъ, зависящую отъ нарушенія цѣлости родовыхъ путей, нужно сказать слѣдующее.

Разрывы промежности, даже очень значительные, не влекутъ за собою болѣе или менѣе обильныхъ кровотеченій. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло, когда во время родового акта получаются разрывы по протяженію влагалища. Такіе разрывы могутъ дѣйствительно подать поводъ иногда къ довольно обильнымъ кровотеченіямъ. Особенно большое кровотеченіе получается, если въ разрывъ вовлекается область мочеиспускательнаго канала и клитора, что находится въ зависимости отъ богатства сосудистой сѣти, залегающей въ этой области.

Далѣе, разрывы маточной шейки, особенно глубокіе, также иногда могутъ подать поводъ къ кровотеченію по окончаніи родовъ. Здѣсь же замѣчу мимоходомъ, что разрывы тѣла матки могутъ вести къ колоссальнымъ кровотеченіямъ.

Гораздо чаще послѣродовыя кровотеченія появляются какъ слѣдствіе особой слабости маточныхъ сокращеній — атоніи матки. Въ виду особой важности атоніи матки, какъ одного изъ частыхъ агентовъ, производящихъ послѣродовое кровотеченіе, я считаю обязательнымъ для себя посвятить болѣе времени на разсмотрѣніе этіологіи послѣродовой атоніи матки. Атонія матки происходитъ отъ самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ причинъ. Женщины многорожавшія, слабыя и анэмичныя преимущественно очень расположены къ появленію послѣродовой атоніи матки. Это происходитъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, если роды шли вяло, затянулись, утомленная маточная мускулатура, которая мало работала въ началѣ родовъ, ослабѣла къ концу ихъ. Обиліе околоплодныхъ водъ содѣйствуетъ съ своей стороны растяженію матки въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго

времени. Къ такому же результату приводятъ двойничные и вообще множественные роды. Коротко — отъ чего бы ни зависѣло увеличеніе вмѣстимости маточной полости во время родового акта, — оно въ конечномъ результатѣ можетъ привести къ появленію атоніи матки послѣ окончанія родовъ. Оставляя въ сторонѣ, какъ этіологическій моментъ, тѣ случаи, когда послѣродовая атонія матки возникаетъ уже въ то время, когда послѣдъ еще не вышелъ изъ родовыхъ путей родильницы, я упомяну только о тѣхъ, въ которыхъ по выхожденіи почти всего послѣда изъ маточной полости незначительная часть плаценты, или въ формѣ небольшого обрывка, или въ формѣ, такъ называемаго, прибавочнаго послѣда, — все-таки задерживается въ маткѣ. Въ этихъ случаяхъ вслѣдствіе патологическихъ отношеній, существующихъ между маткою и задержавшейся въ ней частью дѣтскаго мѣста вслѣдствіе ненормально-прочнаго ихъ взаимнаго соединенія, — происходятъ ненормальныя сокращенія послѣродовой матки; такія ненормальности сокращеній могутъ перейти также въ атонію матки.

Разсуждая далѣе о причинахъ послѣродовой атоніи матки, нужно указать еще на слѣдующія: преждевременное появленіе родового акта; какъ слишкомъ медленные затяжные роды, точно также и слишкомъ быстрые; когда матка очень скоро опорожняется; при такихъ обстоятельствахъ, можетъ наступить послѣдовательная слабость маточныхъ сокращеній. Нужно прибавить къ этому, что безразлично, отчего бы быстро не опорожнялась матка: будутъ ли это сами по себѣ очень быстрые роды, или матка опорожняется быстро искусственно, вслѣдствіе какихъ-либо показаній, напр., извлекается поспѣшно плодъ, не цѣлесообразно или слишкомъ поспѣшно удаляется по Crédé послѣдъ и т. д. Результатъ можетъ быть одинаковъ — можетъ наступить атонія матки, которая повлечетъ за собою болѣе или менѣе сильное послѣродовое маточное кровотеченіе.

Пояснивъ, насколько возможно, въ краткой бесѣдѣ этіологію маточныхъ послѣродовыхъ кровотеченій, имѣющихъ мѣсто уже послѣ окончаніи родовъ, я перехожу къ симптоматологіи этихъ кровотеченій.

Признаки и теченіе послѣродовыхъ кровотеченій весьма различны, съ чѣмъ вы могли уже не разъ познакомиться клинически у самой постели родильницъ. Вы воочію убѣждались, какъ различно реагируютъ на одно и то же, прибли-

зительно, количество кровопотери различныя больныя. Но въ общемъ картина болѣзни при этомъ будетъ такова. Какъ только кровопотеря достигнетъ извѣстной высоты, у родильницъ, даже крѣпкихъ, появляется блѣдность лица и общихъ покрововъ, синева губъ, ощущаются ускореніе и слабость пульса (онъ становится менѣе напряженнымъ); больныя дѣлаются безпокойными, у нихъ появляются усиленная жажда, страхъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи, если маточное кровотеченіе не только не проявляетъ наклонности къ уменьшенію, но оно даже прогрессируетъ въ своемъ развитіи, — тогда выдвигаются на первый планъ и болѣе рѣзкіе симптомы остраго малокровія: блѣдность лица еще болѣе увеличивается, больныя жалуется на головокруженіе, потемнѣніе въ глазахъ, звонъ въ ушахъ, черты лица рѣзче обрисовываются, на поверхности кожи выступаетъ холодный потъ, верхнія и нижнія конечности холодѣютъ. Къ этимъ явленіямъ присоединяются затрудненное, прерывистое дыханіе, тошнота, переходящая нерѣдко въ рвоту, безпокойство больныхъ увеличивается, пульсъ въ лучевыхъ артеріяхъ становится едва ощутимымъ, а въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ и совсѣмъ исчезаетъ. Такое состояніе больныхъ быстро можетъ перейти въ обморокъ съ потерей сознанія, иногда конвульсіями и, какъ неминуемый результатъ чрезвычайно обильной кровопотери, — дѣло кончается летальнымъ исходомъ. Правда, приведенная картина болѣзни, по счастію для больныхъ, встрѣчается очень рѣдко, но, спѣшу замѣтить, что этимъ утѣшаться нельзя; нужно помнить и различныя индивидуальности больныхъ, и еще то обстоятельство, что всякое маточное кровотеченіе въ послѣродовомъ періодѣ, какъ бы таковое ни казалось умѣреннымъ по началу, всегда можетъ перейти въ угрожающее при отсутствіи должнаго наблюденія и своевременной помощи. Съ другой стороны, нужно помнить и то, что какъ бы ни была значительна кровопотеря во время и по окончаніи родовъ, нужно всегда энергично бороться съ этимъ осложненіемъ, работать, не покладая рукъ, принимать различныя мѣры къ прекращенію кровотеченія и, слѣдовательно, спасенію больной, имѣя въ виду, что встрѣчаются случаи, когда послѣ обильныхъ кровопотерь in puerperio, чрезвычайно ослабленныя больныя все-таки возвращаются къ жизни.

Признаки, которыми характизируются послѣродовыя

кровотеченія, происходящія отъ различныхъ причинъ, можно подвести подъ извѣстныя категоріи. Относительно крайне рѣдко встрѣчающейся въ акушерской практикѣ гэмофиліи я распространяться здѣсь не буду, — симптоматологія ея достаточно выяснена мною прежде, при обзорѣ этіологіи маточныхъ кровотеченій.

Разрывы клитора и окружающей его области часто даютъ очень значительное кровотеченіе, благодаря обилію залегающихъ въ этой области кровеносныхъ сосудовъ.

Разрывы собственно промежности не влекутъ за собою болѣе или менѣе значительныхъ кровотеченій, да, наконецъ, простой осмотръ снаружи лежащихъ частей сразу выясняетъ дѣло. Разрывы промежности, проникающіе во влагалище, или самостоятельные разрывы влагалища могутъ подать поводъ къ кровотеченіямъ у родильницъ. Въ такихъ случаяхъ при осмотрѣ половой щели выясняется источникъ кровотеченія, при чемъ одновременно съ этимъ наблюдается хорошее сокращеніе матки. Если во время родовъ образовались болѣе или менѣе глубокіе разрывы маточной шейки и эти разрывы даютъ значительное кровотеченіе, то признаки такого кровотеченія опять будутъ заключаться въ видимомъ кровотеченіи изъ мѣста разрыва при одновременномъ нахожденіи почти не кровоточащей, хорошо сократившейся матки.

Совершенно другая картина представляется въ томъ случаѣ, если причиною маточнаго кровотеченія служитъ въ большей или меньшей степени атонія матки. Слабость сократительной способности матки, или полное отсутствіе ея, дѣлаетъ этотъ органъ расплывчатымъ, растянутымъ до такой степени, что контуры матки еле прощупываются черезъ разслабленные брюшные покровы; даже болѣе того — въ нѣкоторыхъ случаяхъ слабость и растянутость матки бываетъ до того значительна, что рѣшительно представляется невозможнымъ черезъ брюшныя стѣнки прощупать границы этого органа. Благодаря такому состоянію матки, вмѣстимость ея, конечно, увеличивается и въ увеличенной полости ея скопляется большое количество крови жидкой съ большимъ количествомъ кровяныхъ сгустковъ; словомъ, можетъ появиться при этомъ, главнымъ образомъ, кровотеченіе внутреннее; въ такомъ состояніи матки у родильницы наружное кровотеченіе изъ половыхъ органовъ можетъ или отсутствовать, или проявиться только въ умѣренной степени. Но стоитъ

лишь сдавить немного такую атоническую матку, какъ извергается наружу изъ половой щели обильное количество жидкой крови и много кровяныхъ сгустковъ. Послѣ удаленія изъ матки скопившейся крови, въ однихъ случаяхъ матка подъ рукою хорошо сокращается и кровотеченіе останавливается, въ другихъ, несмотря на удаленіе изъ матки скопившейся крови, органъ все-таки остается разслабленнымъ и кровотеченіе продолжается въ большей или меньшей степени. Въ благопріятныхъ случаяхъ, когда кровотеченіе вслѣдствіе атоніи проходитъ, то вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ и всѣ угрожающія явленія, которыя появились, какъ результатъ обильной кровопотери. Слѣдовательно, постепенно проходитъ обморокъ, повышается пульсъ, головокруженіе, тошнота и другіе болѣзненные припадки исчезаютъ и т. д. Но послѣ прекращенія кровотеченія въ такихъ случаяхъ приходится считаться съ послѣдствіями такихъ обильныхъ кровопотерь sub partu. Роженицы, перенесшія обильное кровотеченіе въ первое время послѣродового періода, обыкновенно долго послѣ этого страдаютъ общею слабостью, головокруженіями и различными нервными и другими явленіями, развившимися на почвѣ ослабленнаго, обезкровленнаго организма. Параллельно съ только-что описанными общими явленіями у такихъ больныхъ страдаетъ и обратное послѣродовое развитіе матки: обыкновенно инволюція матки задерживается и въ свою очередь влечетъ за собою рядъ другихъ разстройствъ.

Болѣе или менѣе точное распознаваніе причинъ, производящихъ послѣродовое кровотеченіе, обыкновенно не представляетъ особенныхъ затрудненій при тщательномъ изслѣдованіи роженицъ. Гэмофилія, какъ этіологическій моментъ, можетъ быть признана, какъ сказано, при полномъ отсутствіи другихъ производящихъ причинъ для возникновенія маточнаго кровотеченія.

Разрывы клитора и окружающей его области, а равно разрывы промежности и влагалищныхъ стѣнокъ не представляютъ особыхъ затрудненій касательмо распознаванія: простой тщательный осмотръ данныхъ областей рѣшаетъ дѣло и скоро выводитъ акушера изъ затрудненія. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло, если причиною послѣродового кровотеченія служатъ болѣе или менѣе значительные разрывы маточной шейки. Если по изслѣдованіи наружныхъ половыхъ

частей не отыскивается источникъ кровотеченія, при томъ тѣло матки представляется хорошо сократившимся, тогда является подозрѣніе, что источникомъ кровотеченія служить маточная шейка. Для окончательнаго убѣжденія и точнаго распознаванія разрывовъ маточной шейки стоитъ только уложить родильницу на поперечную кровать или, еще лучше, на обыкновенный гинекологическій столъ, обнажить маточную шейку при помощи желобоватыхъ зеркалъ и немного оттянуть переднюю маточную губу вверхъ, а заднюю по направленію внизъ маточными крючками или Мюзё: такой осмотръ сразу рѣшаетъ дѣло и устанавливаетъ распознаваніе.

Далѣе, какъ извѣстно, разрывы существа матки, происходящіе sub partu, могутъ не ограничиваться только областью маточной шейки, но они могутъ распространяться выше по маточной стѣнкѣ и давать поводъ къ послѣродовымъ кровотеченіямъ. Эти послѣдніе разрывы также діагносцируются не трудно при осмотрѣ маточной шейки. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда при видимой цѣлости маточной шейки, тѣмъ не менѣе имѣется разрывъ маточной стѣнки въ томъ или другомъ мѣстѣ маточной полости, — эти разрывы, я говорю, могутъ представить большія затрудненія для распознаванія источника кровотеченія. Здѣсь выручаютъ анамнестическія данныя, характерныя для появленія разрывовъ матки.

Атонія послѣродовой матки діагносцируется также легко, если припомнить изъ симптоматологіи тѣ признаки, которыми заявляетъ себя послѣродовая атонія матки. Слѣдовательно, наличность признаковъ вообще значительнаго маточнаго кровотеченія вскорѣ послѣ выхожденія послѣда, расплывчатость матки, трудность или даже невозможность опредѣлить черезъ разслабленные брюшные покровы контуры матки, если только оно поддается опредѣленію, уже при поверхностномъ осмотрѣ указываютъ на источникъ послѣродового кровотеченія. При этомъ иногда можно распознавать въ толщѣ маточной стѣнки или подъ брюшинымъ покровомъ ея фиброзныя опухоли, которыя также могутъ служить толчкомъ къ неправильному сокращенію матки — появленію атоніи этого органа, а слѣдовательно и къ происхожденію болѣе или менѣе значительнаго маточнаго кровотеченія.

Труднѣе распознаются кровотеченія вслѣдствіе задержанія въ маткѣ остатковъ плоднаго яйца и преимущественно

остатковъ послѣда. Задержаніе яйцевыхъ оболочекъ въ маткѣ не представляетъ особыхъ затрудненій въ діагностическомъ отношеніи, да онѣ, наконецъ, и сравнительно рѣдко подаютъ поводъ къ послѣродовымъ кровотеченіямъ.

Совершенно другое дѣло задержаніе части послѣда. Еще оторвавшіеся болѣе или менѣе значительные куски плаценты, задержавшіеся въ маткѣ, не трудно распознаются по простому, тщательному осмотру вышедшей наружу главной массы послѣда. Рѣзко замѣтные недостатки частей плаценты краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о задержаніи ихъ въ маточной полости, и, не такіе случаи представляютъ затрудненіе въ смыслѣ распознаванія. Но въ практикѣ встрѣчаются обстоятельства, при которыхъ, одновременно и совмѣстно съ главной массой послѣда, въ маткѣ находится какъ бы еще другой послѣдъ, такъ называемый прибавочный послѣдъ — placenta succenturiata. И вотъ эти-то прибавочные послѣды, задерживаясь на нѣкоторое время въ маткѣ, нерѣдко подаютъ поводъ къ затрудненію въ діагностическомъ отношеніи. Дѣйствительно, по выхожденіи послѣда и по удостовѣреніи въ видимой цѣлости всѣхъ составныхъ частей плодоваго яйца, акушеръ съ полнымъ правомъ успокоивается. Между тѣмъ матка сокращается вяло и кровоточитъ значительно, при чемъ причина такого явленія не отыскивается, и только выхожденіе наружу прибавочнаго послѣда и слѣдующая затѣмъ остановка кровотеченія выясняютъ причину даннаго явленія.

Наконецъ, могутъ встрѣтиться послѣродовыя кровотеченія въ зависимости отъ существованія двухъ или вообще нѣсколькихъ причинъ, имѣющихъ мѣсто въ теченіе родового акта. Такъ, напр., причиною кровотеченія можетъ служить одновременное существованіе у одной и той же родильницы атоніи матки и разрывовъ маточной шейки. Какъ ни трудны для распознаванія бываютъ послѣдняго рода случаи, но, при тщательномъ изслѣдованіи больныхъ, они все-таки даютъ возможность оріентироваться.

О предсказаніи при послѣродовыхъ кровотеченіяхъ я особенно распространяться не буду — оно ясно изъ симптоматологіи. Громадное большинство послѣродовыхъ кровотеченій не представляетъ угрожающихъ для жизни явленій; но совершенно другое приходится сказать объ этомъ, если мы будемъ разсуждать о пуэрперальныхъ кровотеченіяхъ по отношенію къ полному возстановленію здоровья. Наблюденіе

учитъ насъ, что у женщинъ, перенесшихъ болѣе или менѣе значительное кровотеченіе, надолго остаются послѣдствія отъ этихъ кровотеченій. Такимъ образомъ, нерѣдко у подобныхъ пуэрперальныхъ больныхъ наблюдаются различныя послѣродовыя заболѣванія, влекущія за собою плохую инволюцію матки, эндометриты и т. д.; а на ряду съ этимъ сильно страдаетъ и общее состояніе здоровья больныхъ, что выражается въ различныхъ разстройствахъ питанія этихъ послѣднихъ.

Переходя къ лѣченію послѣродовыхъ кровотеченій, нужно отмѣтить на первомъ планѣ профилактическое лѣченіе; слѣдовательно, правильное веденіе родовъ, спокойное выжиданіе физіологическаго теченія ихъ, тщательное наблюденіе за сокращеніемъ матки, особенно въ послѣдовомъ періодѣ, строгое показаніе къ примѣненію способа Credé и т. д., — все это будутъ такія условія, одно строгое соблюденіе которыхъ уже можетъ служить достаточнымъ залогомъ въ смыслѣ предупрежденія вредныхъ кровопотерь въ значительномъ числѣ родовъ.

Но при наличности кровотеченія изъ родовыхъ путей in puerperio, конечно наступаетъ пора самаго дѣятельнаго вмѣшательства акушера для прекращенія такого кровотеченія. Понятно, наши мѣропріятія будутъ различны, смотря по тому источнику, который даетъ въ данномъ случаѣ кровотеченіе. Начну по порядку: и здѣсь мы встрѣчаемся, во 1-хъ, съ гэмофиліей. Къ сожалѣнію, этотъ видъ кровотеченія въ послѣродовомъ періодѣ представляется самымъ труднымъ для прекращенія его. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо еще, можно надѣяться на внутреннее примѣненіе различныхъ haemostatica.

Кровотеченіе вслѣдствіе разрывовъ клитора и окружающей его области останавливается успѣшно простымъ обкалываніемъ, наложеніемъ кроваваго шва. Попутно замѣчу при этомъ, что при наложеніи швовъ въ этой рыхлой, легко кровоточивой области лучше употреблять не ланцетовидныя, а колющія иглы и, кромѣ того, во избѣжаніе прорѣзыванія швовъ брать кетгутъ, а не шелкъ или какой-либо другой лигатурный матеріалъ.

Разрывы промежности, какъ я отмѣтилъ выше, хотя и не даютъ значительныхъ кровотеченій, но тѣмъ не менѣе требуютъ, конечно, скораго зашиванія ихъ послѣ опорожненія матки.

Кровотеченія, происходящія вслѣдствіе разрыва варикозно-расширенныхъ венозныхъ стволовъ входа влагалища, останавливаются также обкалываніемъ поврежденныхъ и кровоточащихъ сосудовъ.

Послѣродовыя кровотеченія, зависящія отъ разрывовъ маточной шейки, заслуживаютъ особеннаго вниманія съ нашей стороны, такъ какъ они могутъ быть очень обильны. Въ этомъ отношеніи особенно важны глубокіе разрывы этой области, проникающіе на нижній сегментъ матки. Для остановки кровотеченія здѣсь требуется наложеніе кроваваго шва. Въ тѣхъ случаяхъ, когда разрывы не особенно велики, сшиваніе ихъ не представляетъ особеннаго затрудненія, разорванныя губы маточной шейки осторожно стягиваются внизъ при посредствѣ Мюзё, разорванная рана очищается и затѣмъ послѣдовательно накладываются швы, начиная съ самыхъ глубокихъ, (вышележащихъ) и кончая самымъ нижнимъ, лежащимъ у наружнаго маточнаго зѣва. Удобнѣе поступать такъ, чтобы сначала провести всѣ швы и затѣмъ только приступать къ ихъ завязыванію, начиная съ самаго глубокаго. Въ случаѣ двустороннихъ разрывовъ шейки прежде сшивается разрывъ съ одной стороны и потомъ уже продѣлываютъ то же самое съ другой. Не такъ просто стоитъ дѣло въ томъ случаѣ, если разрывъ маточной шейки распространяется далеко за предѣлы самой шейки. Тогда хорошо, если удается обколоть кровоточащее мѣсто и тѣмъ прекратить кровотеченіе. Но если это представляется невозможнымъ, тогда приходится ограничиться прижатіемъ кровоточащихъ сосудовъ посредствомъ цѣлесообразно положеннаго тампона изъ такъ или иначе приготовленной марли. Говоря о лѣченіи разрывовъ маточной шейки, какъ источниковъ послѣродовыхъ кровотеченій, считаю необходимымъ хотя вскользь упомянуть о лѣченіи кровотеченій, происходящихъ вслѣдствіе разрывовъ собственно тѣла матки, разрывовъ, которые составляютъ или только продолженіе цервикальныхъ разрывовъ, или такихъ, которые происходятъ, такъ сказать, самостоятельно, безъ нарушенія цѣлости маточной шейки. Въ краткой бесѣдѣ я лишенъ возможности долго останавливаться на анализѣ различныхъ методовъ, предложенныхъ для лѣченія разрывовъ матки sub partu. Поэтому, въ силу необходимости, я ограничусь только замѣчаніемъ, что разрывы собственно матки, могущіе подать поводъ къ колоссальному кровотеченію послѣ

окончанія родовъ, требуютъ производства немедленнаго чревосѣченія. Чревосѣченіе въ такихъ случаяхъ даетъ возможность оріентироваться, какъ слѣдуетъ поступить при этомъ: возможно ли сшиваніе разрыва матки, или дѣло зашло такъ далеко, что органъ подлежитъ совершенному удаленію изъ организма.

Перехожу къ лѣченію атоническихъ послѣродовыхъ кровотеченій. Для успѣшной борьбы съ этого рода кровотеченіями слѣдуетъ предварительно оріентироваться — отчего происходитъ атонія матки въ данномъ случаѣ. Минуя тѣ случаи, когда въ маткѣ задерживается placenta in toto, какъ такіе, которые не входятъ въ задачи моей настоящей бесѣды, я скажу, что прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что даже одно переполненіе мочевого пузыря можетъ препятствовать правильному сокращенію послѣродовой матки настолько, что появится слабость, неправильность маточныхъ сокращеній, что дастъ возможность скопиться крови въ маткѣ и произвести послѣдовательно атонію этого органа. Отсюда вытекаетъ прямое показаніе — сначала позаботиться объ удовлетворительномъ опорожненіи мочевого пузыря. Затѣмъ слѣдуетъ забота объ опорожненіи матки отъ случайнаго задержанія въ ней куска послѣда, прибавочнаго послѣда или просто кровяныхъ сгустковъ и жидкой крови. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно только одного тщательнаго опорожненія матки для того, чтобы вызвать энергичное сокращеніе этого органа и тѣмъ прекратить угрожающее кровотеченіе. Если только что указанная терапія оказывается безуспѣшной то присоединяютъ къ этимъ мѣрамъ назначеніе спорыньи по 0,5—1,0 pro dosi, ergotin'a и — въ послѣднее время — cornutin'a подъ кожу. Послѣднее средство въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствуетъ особенно эффектно, вызывая очень быстрое и энергичное сокращеніе органа. Но встрѣчаются случаи, когда ни спорынья ни cornutin не приводятъ къ желаннымъ результатамъ, и тогда приходится перейти къ горячимъ душамъ. Но, чтобы хотя временно прекратить, или, по крайней мѣрѣ, ограничить маточное кровотеченіе, пока до приготовленія горячаго душа, рекомендуются различные пріемы: напр., совѣтуютъ 2 пальца одной руки ввести во влагалище и фиксировать ихъ на передней стѣнкѣ влагалища у тѣла матки; въ то же время пальцы свободной руки черезъ брюшные покровы помѣщаются на дно и заднюю стѣнку матки. Такимъ

образомъ, взявъ матку между обѣими руками и надавливая ими въ противоположномъ направленіи, акушеръ сдавливаетъ временно этотъ органъ, чѣмъ и останавливаетъ кровотеченіе. Затѣмъ, для этой же цѣли нѣкоторыми рекомендовалось производить прижатіе брюшной аорты черезъ брюшные покровы и т. д.

Горячіе души изъ слабыхъ растворовъ какихъ-либо обеззараживающихъ средствъ, за исключеніемъ, впрочемъ, сулемы, — при атоническихъ послѣродовыхъ маточныхъ кровотеченіяхъ, производятся различно. Одни акушеры совѣтуютъ при этомъ дѣлать горячіе (t° 38—40° R.), собственно маточные души, въ разсчетѣ тѣмъ вызвать непосредственно сокращеніе маточной мускулатуры. Другіе, наоборотъ, рекомендуютъ при интересующихъ насъ кровотеченіяхъ производить исключительно влагалищные души, дѣйствуя струей горячей жидкости на маточную шейку и нижній сегментъ матки. Акушеры послѣдней категоріи исходятъ изъ того убѣжденія, что термическое раздраженіе маточной шейки и вообще нижняго сегмента матки, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, оказывается вполнѣ достаточнымъ въ подходящихъ обстоятельствахъ для того, чтобы вызвать удовлетворительное сокращеніе матки. Между тѣмъ, употреблять собственно маточные души, дѣйствуя непосредственно на обнаженную внутреннюю поверхность матки, не говоря уже о случайной возможности инфецированія этого органа, не цѣлесообразно еще потому, что струя жидкости, попадая въ матку, легко отторгаетъ тромбы зіяющихъ сосудовъ на внутренней поверхности матки и тѣмъ, слѣдовательно, уничтожаетъ то, къ чему мы должны стремиться для полученія стойкой остановки кровотеченія. Что касается до меня лично, то, исходя изъ только-что приведенныхъ соображеній, я стою за примѣненіе лишь влагалищныхъ горячихъ іпринцеваній при остановкѣ послѣродовыхъ кровотеченій.

Въ противоположность примѣненію горячихъ душъ, рекомендовалось употребленіе ледяныхъ душъ или даже введеніе кусочковъ льда въ полость матки для остановки послѣродовыхъ атоническихъ кровотеченій. Что касается до послѣдняго средства, то не говоря уже о томъ, что чистый, асептическій ледъ добыть крайне трудно, есть еще одно важное обстоятельство, говорящее за нераціональность употребленія льда въ этихъ случаяхъ: у организма, ослабленнаго, дове-

деннаго до большого упадка силъ, отнимать теплоту льдомъ нераціонально; такое мѣропріятіе при обильныхъ кровопотеряхъ можетъ только вызвать или увеличить уже существующій колляпсъ.

Итакъ, вообще говоря, при всякомъ, а тѣмъ болѣе атоническомъ кровотеченіи, имѣющемъ мѣсто вскорѣ послѣ родовъ, прежде всего нужно позаботиться объ опорожненіи матки тѣмъ или другимъ способомъ. Слѣдовательно, предварительно примѣняется уже упомянутое выдавливаніе содержимаго изъ полости матки; но если выдавливаніе остается безуспѣшнымъ маневромъ, тогда переходятъ къ непосредственному введенію руки въ полость матки съ цѣлью извлеченія изъ нея кровяныхъ сгустковъ. Понятно, безъ крайней необходимости, по существующимъ теперь воззрѣніямъ, нужно стараться избѣгать введенія руки въ послѣродовую матку. Но разъ сознана неотложная нужда для такихъ манипуляцій, — нельзя терять времени на промедленіе. Нужно помнить при этомъ два обстоятельства: 1) излишнее промедленіе въ этомъ отношеніи можетъ стоить жизни больной и 2) осторожное введеніе тщательно дезинфецированной руки въ полость матки нисколько не можетъ повредить дѣлу. Болѣе того, опираясь на многолѣтнія наблюденія, могу увѣрить васъ, что рука, введенная въ матку, какъ всякое инородное тѣло, раздражая матку, тѣмъ самымъ можетъ даже служить однимъ изъ толчковъ, побуждающихъ къ болѣе энергичному сокращенію этого полаго мускула.

Но въ акушерской практикѣ могутъ встрѣтиться иногда и такіе случаи атоническихъ послѣродовыхъ кровотеченій, когда, несмотря на примѣненіе только-что упомянутыхъ способовъ дѣло все-таки не подвигается къ желанному окончанію. Для дальнѣйшей борьбы мы имѣемъ въ распоряженіи еще другіе способы.

Въ послѣдніе 10—12 лѣтъ вошелъ въ употребленіе такъ называемый способъ тампонаціи матки по Dührsen'у.

Коротко, и какъ само названіе показываетъ, способъ этотъ состоитъ въ выполненіи маточной полости марлей. Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности остановиться на подробномъ разборѣ достоинствъ и недостатковъ этого метода и поэтому я ограничусь только замѣчаніемъ, что на ряду со сторонниками даннаго метода есть и противники его. Я принадлежу къ числу послѣднихъ, полагая, что затампони-

ровать такой полостной органъ, какъ матка въ состояніи атоніи, дѣло нелегкое. Въ свое время объ этомъ способѣ я имѣлъ уже случай высказаться печатно. Въ трудно поддающихся лѣченію случаяхъ атоническихъ послѣродовыхъ кровотеченій я рекомендую держаться нѣсколько видоизмѣненнаго способа покойнаго проф. Зейферта. Видоизмѣненіе это состоитъ въ слѣдующемъ: маточная полость освобождается отъ скопившихся въ ней кровяныхъ сгустковъ; затѣмъ одна изъ маточныхъ губъ, обыкновенно передняя, фиксируется пулевыми щипцами или Мюзё. Фиксируя такимъ образомъ матку, въ полость ея постепенно и при помощи корнцанга или толстаго маточнаго зонда проводится полоса (1—2 вершк. ширины и 3—4 арщ. длинны) какой-либо дезинфецированной марли; вводя марлю, стараются ее какъ бы разстилать по внутренней поверхности матки, при чемъ лишній конецъ марли оставляется немного выстоящимъ изъ матки, что дѣлается для болѣе удобнаго послѣдующаго выведенія марли изъ маточной полости. Такою же марлей тампонируется и влагалище. Покончивши съ введеніемъ марли въ маточную полость и вложивъ влагалищный тампонъ, я перехожу къ наложенію повязки, удерживающей дно матки: обыкновенная большая простыня складывается много разъ, такъ что получается какъ бы матрасикъ, который посединѣ перегибается. Въ перегибъ матрасика помѣщается средина длиннаго полетенца и въ такомъ видѣ этотъ снарядъ помѣщается на животъ родильницы, при чемъ выпуклость матрасика упирается въ дно матки. Такой бинтъ туго перетягиваетъ животъ родильницы. Для болѣе прочнаго удержанія влагалищнаго тампона еще проводится марлевый бинтъ спереди подъ простыню и идетъ между ногами больной къ поясницѣ ея и тамъ привязывается къ полотенцу; словомъ, наложенная такимъ образомъ повязка представляетъ не что иное, какъ Т-образную повязку.

Анализируя дѣйствіе послѣднаго способа остановки атоническаго маточнаго кровотеченія, нужно признать въ немъ слѣдующія свойства: марля, находящаяся внутри маточной полости, раздражаетъ матку и тѣмъ вызываетъ маточныя сокращенія; но введеніе марли въ полость матки и тампонація влагалища не гарантируютъ возможности появленія внутренняго маточнаго кровотеченія. Чтобы предупредить творичное разслабленіе маточной мускулатуры и не полу-

чить при влагалищномъ тампонѣ вмѣсто наружнаго — внутреннее маточное кровотеченіе, рекомендуется брюшная повязка; такая повязка до извѣстной степени раздражаетъ дно матки и вызываетъ также сокращеніе ея. Если, несмотря на раздраженіе дна матки, маточная мускулатура все-таки приходитъ въ разслабленное состояніе, вслѣдствіе чего можетъ появиться снова маточное кровотеченіе, то, благодаря наложенной повязкѣ (брюшной), маточное дно не можетъ подниматься вверхъ, ergo — родильница гарантируется отъ внутренняго маточнаго кровотеченія. Обыкновенно весь наложенный такимъ образомъ снарядъ удаляется на второй день послѣ наложенія.

Чтобы покончить мои замѣчанія относительно послѣродовыхъ маточныхъ кровотеченій, ради полноты, мнѣ слѣдовало бы сказать еще кое-что объ устраненіи явленій, которыя наблюдаются послѣ обильныхъ послѣродовыхъ кровопотерь. Но, въ виду того, что это завлекло бы меня слишкомъ далеко теперь, я ограничусь въ заключеніе только напоминаніемъ, такъ сказать, отчасти того, что считаю нужнымъ рекомендовать въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственно послѣ того, какъ послѣродовое маточное кровотеченіе уже остановилось, остались послѣдствія его въ видѣ острой анэміи и т. д., угрожающія жизни родильницы, если на нихъ не будетъ обращено должное вниманіе. Въ этихъ случаяхъ, по остановкѣ кровотеченія, въ числѣ другихъ средствъ можно рекомендовать аутотрансфузію, накладывая Эсмарховскіе бинты на нижнія конечности при одновременномъ пониженіи головы съ прикладываніемъ къ ней различныхъ грѣлокъ. Наконецъ, для той же цѣли служитъ вливаніе per rectum нормальнаго раствора поваренной соли, или вливаніе того же раствора подъ кожу.

Вотъ тѣ нѣкоторыя замѣчанія, которыя я желалъ сдѣлать вамъ по поводу послѣродовыхъ кровотеченій.

Случай порока сердца, осложненнаго беременностью.

Господа!

Предметомъ предстоящей намъ бесѣды послужитъ та беременная, которая была у насъ на амбуляторномъ пріемѣ. Двое изъ Вашихъ товарищей уже успѣли нѣсколько ознакомиться съ ней и слышали, что она явилась въ акушерскую клинику по поводу довольно многообразнаго симптомокомплекса, изъ котораго болѣе всего выдѣляются жалобы беременной на одышку, сердцебіеніе и опуханіе ногъ.

Теперь беременная принята въ клинику, какъ стаціонарная больная и слѣдовательно мы имѣемъ возможность остановиться на состояніи ея здоровья во всѣхъ нужныхъ подробностяхъ. Но прежде чѣмъ приступить къ анализу, прослушаемъ ея исторію болѣзни.

Н. Л. 37 л., крестьянка, православная, занимается домашнимъ хозяйствомъ, родилась въ дер. Ранка, живетъ въ г. Юрьевѣ. Больная росла здоровымъ ребенкомъ и въ дѣтствѣ ничѣмъ не болѣла. Она начала менструировать на 13 году, черезъ 3-недѣльные промежутки, всегда безболѣзненно, но мало; послѣднія менструаціи были 8/V 99.

Л. чувствовала себя всегда здоровой до 35$^1/_2$ лѣтъ жизни, но въ это время, т. е. 1$^1/_2$ г. до наступленія настоящей беременности у нея появилось сердцебіеніе и съ этого времени, она считаетъ начало своей болѣзни.

Больная теперь беременна VII разъ; изъ прежнихъ беременностей — 4 были нормальны, но 2, именно II и IV окончились выкидышами — первая изъ нихъ на 4-мъ, а вторая на 3-мъ мѣсяцѣ. Разрѣшеніе отъ бремени и послѣродовые періоды при прежнихъ беременностяхъ ничего особеннаго

не представляли; послѣдніе шестые роды были 11 лѣтъ тому назадъ. На этотъ разъ Л. считаетъ себя беременною съ 8/V 99, т. е. со времени прекращенія менструацій; первое движеніе плода замѣтила 2 недѣли назадъ.

Больная сообщаетъ, что до наступленія настоящей седьмой беременности, хотя ее безпокоили сердцебіенія, но послѣднія были не на столько сильны, чтобы мѣшали ей заниматься ея домашними дѣлами. Но какъ только она почувствовала себя беременной, состояніе здоровья рѣзко измѣнилось къ худшему. Вскорѣ усилилось сердцебіеніе, присоединилась одышка, боль въ лѣвой сторонѣ грудной клѣтки, появилось значительное опуханіе ногъ и низа живота. Съ дальнѣйшимъ теченіемъ беременности всѣ эти явленія усиливались и кромѣ того прибавились еще другія: отсутствіе аппетита, изрѣдка поносъ, увеличивалась постепенно общая слабость; при томъ присоединились еще: — частый, сухой кашель, частыя сильныя головокруженія, головныя боли, учащенное мочеиспусканіе, сильно безпокоящее беременную. Наконецъ всѣ описанные припадки достигли до такой степени, что больная должна была обратиться за помощью въ Юрьевскую акушерскую клинику.

Производя объективное изслѣдованіе мы находимъ:

Больная средняго роста и тѣлосложенія, общее питаніе значительно понижено, подкожно-жирный слой слабо развитъ, общіе покровы и видимыя слизистыя оболочки блѣдны.

Органы дыханія: при аускультаціи съ лѣвой стороны въ верхушкѣ лѣваго легкаго слышится неопредѣленное дыханіе; съ правой стороны вверху до 3-го ребра удлиненный выдохъ. Органы кровообращенія. Границы сердца: верхняя по нижнему краю 3-го ребра, правая по lin. sternalis sin., — лѣвая вблизи lin. axillaris ant.; толчекъ сердца прощупывается между 6 и 7 ребрами вблизи lin. axillaris ant.; толчекъ сердца разлитой. При аускультаціи у верхушки сердца вмѣсто 1-го тона слышенъ шумъ, 2-й тонъ надъ art. pulmonalis акцентуированъ; пульсъ ритмиченъ, 74 въ минуту, малаго напряженія, шейныя артеріи пульсируютъ.

При изслѣдованіи печени оказывается, что верхняя граница ея стоитъ на нормальной высотѣ, нижній край ея легко прощупывается выступающимъ изъ подреберья и болѣзненъ при дотрогиваніи. Органы пищеваренія объективно ничего особеннаго не представляютъ, точно также и нервная система.

Мочевые органы: суточное количество мочи достигаетъ до 1400 к. с., нормальнаго удѣльнаго вѣса, бѣлка, сахара и вообще никакихъ ненормальныхъ составныхъ частей не содержитъ.

Половые органы. Грудныя железы дряблы, отвислы; животъ выпуклый, на брюшныхъ покровахъ имѣются многочисленные бѣлые рубцы отъ предшествовавшихъ беременностей; окружность живота на уровнѣ пупка — 87 сантим., ниже пупка на 4 пальца — 90 сантим.; нижняя часть живота представляется отечною. Высота стоянія дна матки на уровнѣ пупка; при наружномъ изслѣдованіи сердцебіеніе утробнаго плода не прослушивается.

Со стороны наружныхъ половыхъ частей слѣдуетъ отмѣтить старый разрывъ промежности; цвѣтъ влагалищныхъ стѣнокъ, а равно и влагалищной части маточной шейки синевато-красный, консистенція влагалищной порціи матки мягковатая; кромѣ того, какъ на стѣнкахъ влагалища, такъ изъ наружнаго отверстія маточной шейки замѣчается обильное бѣловато-слизистое отдѣляемое. На маточной шейкѣ находятся двусторонніе, довольно глубокіе, боковые разрывы отъ бывшихъ родовъ.

При осмотрѣ нижнихъ конечностей замѣчаются значительные отеки ихъ, особенно рѣзко выраженные на нижнихъ частяхъ голеней обѣихъ ногъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни у беременной въ первые дни послѣ ея поступленія въ клинику и назначенія digitalis — болѣзненныя ощущенія улучшились — уменьшились отеки, появился аппетитъ.

Затѣмъ digitalis отмѣненъ; беременной назначена легкая діэта, правильный режимъ и t. valerianae aeth. Такъ дѣло продолжалось до 20/X; затѣмъ скоро наступило новое ухудщеніе въ состояніи здоровья больной.

Новое назначеніе наперстянки опять повлекло за собою улучшеніе болѣзненнаго симптомокомплекса. И такъ состояніе здоровья беременной повторно, то ухудшалось, то улучшалось послѣ назначенія фармацевтическихъ средствъ.

Слѣдовательно передъ нами беременная, приблизительно, 6-ти мѣсячнаго срока, которая жалуется на сердцебіеніе, одышку, боль въ груди съ лѣвой стороны, — опуханіе ногъ и живота; при этомъ больная добавляетъ, что весь этотъ болѣзненный симптомокомплексъ усиливается соотвѣтственно дальнѣйшему росту беременности. Собственно говоря всѣ

перечисленныя болѣзненныя явленія въ умѣренной степени не составляютъ особенно рѣдкаго явленія въ теченіе обыкновенной беременности; онѣ тяготятъ беременныхъ, омрачаютъ теченіе обычной жизни, но — во всякомъ случаѣ не доводятъ беременныхъ до того состоянія, что-бы беременныя для излѣченія или по крайней мѣрѣ, — улучшенія такихъ ощущеній должны были ложиться въ больницу.

Почему-же наша больная не привыкшая нѣжиться, въ силу жизненныхъ условій поставленная въ необходимость собственнымъ трудомъ зарабатывать для себя пропитаніе, тѣмъ не менѣе ложится въ клинику, заявляя, что она не можетъ болѣе работать. Для выясненія истиннаго положенія дѣла мы должны обратиться къ тѣмъ даннымъ, которыя содержатся въ скорбномъ листѣ.

Больная до настоящей беременности была беременна 6 разъ, изъ которыхъ — II и IV окончились выкидышами — отчего происходили послѣдніе для насъ остается не разрѣшимой задачей. Сверхъ того слѣдуетъ замѣтить, что $1^1/_2$ года до настоящей, послѣдней VII беременности у больной появилось серцебіеніе которымъ она до этого времени не страдала. Къ сожалѣнію простая, малосообразительная больная не могла намъ представить болѣе или менѣе обстоятельныхъ свѣдѣній. Она даже не можетъ намъ точно отвѣчать не бывали-ли у нея временами сердцебіенія и въ предыдущія ея беременности; не можетъ сообщить намъ не страдала-ли она въ дѣтствѣ какими-либо острыми, лихорадочными болѣзнями.

Больная не можетъ дать себѣ отчетъ о болѣе позднемъ періодѣ ея жизни, что именно предшествовало появленію сердцебіеній.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ значительный пробѣлъ въ анамнезѣ нашей больной. На сколько представляется возможнымъ судить по разсказу больной, состояніе здоровья ея до наступленія настоящей, послѣдней беременности, повидимому, ничего особеннаго не представляло относительно субъективныхъ ощущеній. На основаніи объективныхъ данныхъ, добытыхъ при изслѣдованіи, постановленъ слѣдующій діагнозъ: graviditas mens VI, anaemia, gastro-enteritis chron., insufficientia valvulae mitralis et hypertrophia cordis.

Нельзя думать, что констатированное нами сердечное

заболѣваніе у данной больной образовалось за послѣднее время въ теченіе послѣдней, настоящей беременности. Противъ такого предположенія говоритъ и сама натура болѣзни, да наконецъ если мы примемъ во вниманіе анамнезъ, то и здѣсь мы найдемъ данныя, подтверждающія наше предположеніе о вѣроятной давности сердечнаго заболѣванія у этой беременной: вѣдь она все-таки отмѣчаетъ, что еще за $1^1/_2$ года до настоящей беременности, она начала страдать сердцебіеніями, которыхъ до сего у нея не было. Повторяю, но одно важное обстоятельство представляется для насъ нисколько не разъясненнымъ: благодаря чему или послѣ чего возникли эти сердцебіенія.

Какъ-бы то ни было, насколько позволяютъ судить анамнестическія свѣдѣнія, эти сердцебіенія въ небеременномъ состояніи не мѣшали больной продолжать ея обычныя занятія; но стоило ей только забеременѣть, какъ картина болѣзни рѣзко измѣняется: появляется на сцену уже извѣстный намъ симптомокомплексъ.

Отчего-же это зависитъ?

Посмотримъ какія измѣненія въ сердечной дѣятельности здоровой беременной женщины происходятъ въ теченіе беременности. Въ обычный кругъ кровообращенія еще вводиться, такъ сказать, новый кругъ кровообращенія — плацентарно-плодовой, вслѣдствіе чего естественно на сердце беременной возлагается еще новая работа, обусловленная препятствіемъ, которое представляется необходимостью проталкивать кровь черезъ пляценту и плодъ. Кромѣ того вслѣдствіе измѣненія положенія легкихъ и діафрагмы, сердце также измѣняетъ отчасти свое положеніе въ извѣстномъ стадіи теченія беременности.

Указанныя измѣненныя условія сердечной дѣятельности, конечно, не остаются безъ вліянія на структуру самой сердечной мышицы. Сердце вслѣдствіе усиленной работы гипертрофируется и, именно, гипертрофія въ теченіе беременности развивается въ лѣвомъ желудочкѣ сердца. Такъ дѣло происходитъ, когда сердце нормально, благодаря чему послѣднее справляется съ новой налагаемой на него работой.

Иначе идетъ дѣло, если беременность появляется у женщины, страдающей уже хроническимъ недугомъ сердца, коротко, органическимъ порокомъ сердца. При такихъ условіяхъ сердце беременной не всегда будетъ въ состояніи спра-

виться съ возлагаемой на него новой работой. Нельзя всѣ случаи сердечныхъ пороковъ, которые встрѣчаются у беременныхъ женщинъ вводить въ одни и тѣ-же рамки. Понятно здѣсь встрѣчаются различныя градаціи: съ одной стороны встрѣчаются беременныя съ несомнѣннымъ порокомъ сердца, у которыхъ не только одна, но и нѣсколько беременностей и родовъ протекаютъ относительно благополучно.

Съ другой приходится наблюдать беременныхъ, страдающихъ порокомъ сердца которыя имѣли несчастіе забеременѣть одинъ разъ и у этихъ послѣднихъ беременность протекаетъ съ чрезвычайно бурными явленіями.

Все дѣло при надобныхъ обстоятельствахъ, конечно, сводится къ тому насколько порочное сердце будетъ въ состояніи справляться съ предъявляемой ему новой работой; приходится, какъ и вездѣ въ нашей практической жизни строго индивидуализировать случаи, которые представляются нашему наблюденію.

Подобныя соображенія при компликаціи беременности съ пороками сердца, можетъ быть нужно имѣть въ виду болѣе чѣмъ гдѣ либо.

Я не могу вдаваться здѣсь, по попятнымъ причинамъ, въ болѣе подробный анализъ всѣхъ неблагопріятныхъ явленій, которыя могутъ возникнуть при подобныхъ обстоятельствахъ: это завело-бы меня слишкомъ далеко. Я сдѣлаю только нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній имѣющихъ практическій интересъ.

Сравнительно недавно обращено вниманіе на взаимныя отношенія одновременно существующихъ — беременности и различныхъ сердечныхъ заболѣваній.

Первыя указанія на это, насколько я припомню, не восходятъ далѣе конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія. Но особенно выдвинутъ занимающій насъ вопросъ трудами болѣе современныхъ намъ акушеровъ, отчасти сошедшихъ уже съ арены, какъ покойные Schröder, Spiegelberg и друг., такъ и еще дѣйствующіе понынѣ — Fritsch, Löhlein, Zweifel, И. Н. Лазаревичъ и многіе другіе. То большое разнообразіе болѣзненныхъ явленій, которое наблюдается при осложненіи болѣзней сердца беременностью, — повлекло естественно къ возникновенію многихъ, порою діаметрально противоположныхъ воззрѣній на данное патологическое состояніе. Въ свою очередь разнообразіе воззрѣній не оста-

лось безъ вліянія на тѣ мѣропріятія, которыя предлагались различными авторитетами по нашей спеціальности въ случаяхъ компликаціи болѣзней сердца, преимущественно пороковъ его, съ беременностью.

Одни клиницисты не видятъ ничего особеннаго въ совмѣстномъ существованіи пороковъ сердца и беременности, напр. Winckel, Wessner; въ доказательство высказанныхъ мнѣній они приводятъ собственныя клиническія наблюденія, изъ которыхъ можно видѣть, что беременныя имѣвшія пороки сердца чувствовали себя удовлетворительно въ теченіе беременности и донашивали послѣднюю благополучно до конца, не жалуясь на какія либо неблагопріятныя осложненія. Поэтому клиницисты этой категоріи всякое вмѣшательство въ теченіе беременности при указанныхъ условіяхъ считаютъ не только не показаннымъ, а даже прямо вреднымъ.

Съ другой стороны имѣется другая категорія клиницистовъ, которая держится діаметрально противоположнаго взгляда по занимающему насъ теперь вопросу.

Schröder, Leyden, Лазаревичъ и многіе другіе клиницисты, и, опять-таки на основаніи наблюдаемыхъ ими фактовъ, въ осложненіи пороковъ сердца беременностью, при извѣстныхъ условіяхъ, видятъ очень опасное болѣзненное явленіе, которое можетъ потребовать активнаго вмѣшательства со стороны курирующаго врача.

Не входя въ критическій разборъ приведенныхъ мнѣній, все-таки нельзя не замѣтить, что въ сущности и тѣ и другіе наблюдатели могутъ быть правы. Дѣло объясняется случайностью.

Прежде всего по счастью больныхъ, случаи компликацій пороковъ сердца и беременности, все-таки нужно признать, сравнительно, рѣдкимъ явленіемъ вообще.

Затѣмъ не всякій случай подобнаго осложненія влечетъ за собою опасныя послѣдствія. Наконецъ вслѣдствіе сравнительной рѣдкости случаевъ можетъ быть на долю одного врача попадаются, какъ-разъ болѣе легкія формы, тогда какъ на долю другого совершенно обратно. Вѣдь, главнымъ образомъ, на основаніи видѣннаго, такъ сказать, прочувствованнаго, пережитаго и составляются извѣстныя убѣжденія.

Безпристрастное отношеніе къ дѣлу однако, выводы которые покоятся не на однихъ только личныхъ наблюденіяхъ различныхъ клиницистовъ, но основанные также и на изученіи

фактовъ подмѣченныхъ и другими, заставляютъ, кажется, въ послѣднее время примирить эти крайнія воззрѣнія на данное патологическое состояніе. Правда, затронутый нами вопросъ еще далекъ отъ окончательнаго рѣшенія, но покрайней мѣрѣ, въ сей моментъ онъ представляется въ такомъ видѣ.

Если порокъ сердца осложненный беременностью въ своемъ теченіи не представляетъ ничего особеннаго, мускулатура сердца справляется съ предъявляемой къ нему работой, правильность кровообращенія не страдаетъ, словомъ разстройство сердечной компенсаціи не наблюдается или если и появляется, то въ очень умѣренной степени, тогда беременность представляется своему естественному теченію.

Наоборотъ, когда при существованіи порока сердца наступаетъ беременность и когда по мѣрѣ роста послѣдней появляется на сцену рядъ болѣе или менѣе тяжелыхъ симптомовъ, указывающихъ на возникающее разстройство сердечной компенсаціи — тогда приходится предпринимать то или другое активное врачебное вмѣшательство.

Лѣченіе пороковъ сердца во время беременности аналогично тому, каковое предпринимается при подобныхъ условіяхъ и въ небеременномъ состояніи женщины. Слѣдовательно кромѣ соотвѣтствующаго режима, назначаются различные фармацевтическіе препараты дѣйствующіе въ томъ или другомъ направленіи на сердечную мышицу. Если послѣ примѣненія медикаментовъ въ теченіе извѣстнаго времени, сердце снова начинаетъ справляться съ предъявляемой къ нему работой, то всѣ явленія, зависящія отъ разстройства сердечной компенсаціи, постепенно исчезаютъ. Какъ только достигается болѣе или менѣе удовлетворительная компенсація сердечной дѣятельности — лекарство отмѣняется до новаго разстройства и т. д.

Словомъ, такъ можно рекомендовать дѣйствовать попеременно до того момента, пока разстройства компенсаціи поддаются различнымъ фармацевтическимъ средствамъ: что идетъ за предѣлы этой возможности, то подлежитъ уже другимъ, болѣе энергичнымъ вмѣшательствамъ со стороны врача.

Казалось-бы, что такимъ положеніемъ — дѣло разрѣшается довольно просто — наблюденіемъ за теченіемъ пороковъ сердца во время беременности. Дѣйствительно это и было-

бы такъ если бы вліяніе беременности на сердечные пороки ограничилось только временемъ беременнаго состоянія женщины.

Тщательныя наблюденія, однако произведенныя особенно въ послѣдніе годы, у постели роженицъ и родильницъ убѣдительно говорятъ за то, что границы этого вліянія нужно далеко расширить за предѣлы беременности. Женщины съ порочнымъ сердцемъ съ момента окончанія нормальной беременности, къ сожалѣнію, не могутъ считаться совершенно гарантированными отъ всевозможныхъ неблагопріятныхъ случайностей, которыя могутъ возникнуть съ момента окончанія беременности, благодаря существованію послѣдней при порочномъ сердцѣ. Въ соотвѣтствующей литературѣ накопилось много доказательныхъ фактовъ, говорящихъ за то, что разъ у даннаго субъекта съ порочнымъ сердцемъ произошла беременность и хотя послѣдняя протекла относительно благополучно, но во всякомъ случаѣ трудно предвидѣть, какъ при данныхъ условіяхъ протечетъ родовой актъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ — puerperium.

Это одно соображеніе. Другое слѣдующее — которое для меня лично имѣетъ очень большое значеніе.

Работая много лѣтъ по акушерству и гинекологіи, мнѣ приходилось не разъ встрѣчаться со случаями повторнаго забеременѣниванія у женщинъ съ различными пороками сердца, при этомъ мнѣ приходилось подмѣчать такія явленія. Какъ-бы благопріятно не протекали беременности при указанныхъ условіяхъ, во всякомъ случаѣ каждая послѣдующая беременность протекаетъ, сравнительно, тяжелѣе предшествующей.

Соотвѣтственно этому и поправленіе родильницъ по окончаніи беременностей точно также какъ-бы слѣдуетъ высказанному только сейчасъ положенію: т. е. родильница съ порочнымъ сердцемъ послѣ каждыхъ послѣдующихъ родовъ, говоря вообще, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, оправляется какъ то медленнѣе, труднѣе, чѣмъ послѣ предшествовавшихъ.

Повторяю, это общее заключеніе. Но если мы сдѣлаемъ попытку расчленить его, то тогда мы будемъ въ состояніи высказаться опредѣленнѣе по интересующему насъ вопросу.

На основаніи теоретическихъ соображеній и принимая во вниманіе кругъ дѣятельности различныхъ отдѣловъ сердца, въ случаѣ осложненія беременностью недостаточности двустворчатаго клапана будутъ наблюдаться такія явленія.

Кромѣ могущихъ въ теченіе беременности постепенно наростать разстройствъ компенсаціи сердечной дѣятельности, разстройствъ которыя въ большинствѣ случаевъ поддаются тѣмъ или другимъ средствамъ, очень серьезная опасность можетъ явиться во время самаго акта родовъ.

Кровяное давленіе въ маломъ кругѣ кровообращенія очень быстро повышается во время родоваго процесса и какъ слѣдствіе такого быстраго повышенія кровянаго давленія можетъ развиться параличъ сердца sub partu и именно во второмъ періодѣ родовъ. Изъ этихъ соображеній непосредственно вытекаетъ и то, въ какія условія должны быть поставлены роженицы, которыя страдаютъ даннымъ порокомъ сердца.

При родоразрѣшеніи подобныхъ роженицъ присутствіе врача существенно необходимо. На обязанности послѣдняго лежитъ забота о веденіи родовъ. Слѣдовательно является первымъ показаніемъ — стараться возможно ранѣе облегчить сердечную дѣятельность. Съ этою цѣлью кромѣ предварительнаго назначенія соотвѣтствующихъ средствъ, во время самыхъ родовъ производится пониженіе внутребрюшнаго давленія, насколько представляется возможнымъ, раннимъ разрывомъ околоплоднаго пузыря. Болѣе или менѣе значительное излитіе околоплодныхъ водъ сразу облегчаетъ дѣятельность сердца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устраняетъ возможность развитія паралича сердца отъ непосильной работы.

Затѣмъ акушеру предстоитъ дальнѣйшая забота по пути облегченія родоваго акта. Работа брюшнаго пресса при этомъ также неблагопріятно отражается на состояніи порочнаго сердца. Поэтому при невозможности изгнанія плода только маточными сокращеніями послѣ 5—6 мѣсяца беременности, акушеръ долженъ устранять дѣятельность брюшнаго пресса и замѣнять ее искуственной акушерской помощью.

Акушерская помощь при данныхъ обстоятельствахъ можетъ быть довольно различна.

При хорошихъ пространственныхъ отношеніяхъ относительно плода и родовыхъ путей, какъ это наблюдается напр. у многородящихъ — вполнѣ примѣнимо выжиманіе плода по способу Kristeller'a. Если Kristeller'овскій методъ по чему либо не примѣнимъ, у присутствующаго при родахъ акушера въ резервѣ остаются еще надежные родоразрѣшающіе способы, какъ извлеченіе плода при посредствѣ

наложенія акушерскихъ щипцовъ или производство поворота плода на ножку съ послѣдующимъ извлеченіемъ его. Словомъ, тѣмъ или другимъ способомъ роды должны быть при этомъ искусственно окончены.

Послѣ благополучнаго окончанія родовъ при insufficientia valvulae mitralis, опасность относительно родильницы, можетъ считаться миновавшею, по крайней мѣрѣ для большинства случаевъ, хотя, конечно и здѣсь необходится безъ исключеній.

Посмотримъ, что происходитъ въ тѣхъ случаяхъ когда имѣются на лицо пороки клапановъ аорты. Мы знаемъ, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ главныя разстройства сосредоточиваются въ лѣвомъ отдѣлѣ сердца и въ большомъ кругѣ кровообращенія, тогда какъ намъ извѣстно, что во время родоваго акта заинтересованъ малый кругъ кровообращенія, въ которомъ и происходятъ въ это время очень значительныя измѣненія.

Но какъ бы то нибыло, тѣ пертурбаціи, которымъ подвергается во время родовъ организмъ вообще и въ частности сердце, понятно производятъ свое дѣйствіе.

Болѣе или менѣе сильное возбужденіе нервной системы, обыкновенно бывающее во время родовъ, естественно затрогивая нервные приборы сердца, eo ipso, вліяетъ на сердце, уже до того момента патологически измѣненное. Поэтому то и при порокахъ аортальныхъ клапановъ сердце не остается индифернтнымъ во время родовъ: дѣятельность его все-таки разстраивается, само оно слабѣетъ — въ однихъ случаяхъ болѣе, въ другихъ — менѣе.

Сказанное, понятно, нужно имѣть въ виду и поэтому слѣдуетъ поддерживать сердечную дѣятельность во время родовъ назначеніемъ различныхъ тоническихъ и сердечныхъ средствъ. Но самая главная дѣятельность врача, присутствующаго при родахъ у роженицы съ подобнымъ порочнымъ сердцемъ, наступаетъ съ окончаніемъ родоваго акта.

На основаніи тѣхъ-же теоретическихъ соображеній извѣстно, что съ измѣненіемъ условій внутребрюшнаго давленія, которое существуетъ у беременной женщины до наступленія родовъ сравнительно съ тѣмъ, что происходитъ по окончаніи родоваго процесса, мы можемъ себѣ представить уже a priori, какъ внезапно измѣняется кровообращеніе въ большомъ кругѣ. Естественно, что патологически измѣненное сердце не въ

состояніи само по себѣ сладить съ такими внезапными измѣненіями.

Появляется недостаточная сердечная дѣятельность, слабость сердца, и, вотъ въ это-то критическое время если не оказать должной помощи — дѣло можетъ окончиться весьма печально, можетъ и здѣсь наступить параличъ сердца.

Въ этотъ критическій періодъ слѣдуетъ очень тщательно и продолжительно наблюдать за сердечной дѣятельностью, быть насторожѣ, чтобы въ критическій моментъ оказать нужную и быструю помощь, иначе можно безвозвратно потерять родильницу.

Само собою разумѣется представляя Вамъ картину рѣзко выраженныхъ извѣстныхъ патологическихъ состояній организма, въ свою очередь влекущихъ за собою извѣстныя, грозныя послѣдствія, я отнюдь не имѣю въ виду этимъ самымъ выразить одинъ и тотъ-же приговоръ для всѣхъ случаевъ компликаціи пороковъ сердца и беременности.

Мнѣ приходилось уже не разъ останавливать Ваше вниманіе на строгой индивидуализаціи клиническихъ случаевъ. Имѣть въ виду возможность опасныхъ послѣдствій при извѣстныхъ патологическихъ состояніяхъ организма — далеко еще не говоритъ за то, что всякій случай подобнаго патологическаго состоянія неминуемо влечетъ за собою опасное послѣдствіе.

Въ моей памятной книжкѣ имѣются записи, гдѣ на ряду съ ужасно бурными по теченію случаями компликаціи пороковъ сердца и беременности, случаями, гдѣ дѣло оканчивалось роковымъ образомъ для больной, имѣются таковые и съ совершенно противоположнымъ теченіемъ. Для иллюстраціи я привожу одинъ — изъ послѣдней категоріи, который мнѣ довелось наблюдать.

Г-жа Д. 78 л. отъ роду, родилась и живетъ постоянно въ Москвѣ. Въ дѣтствѣ перенесла тяжелую форму скарлатины, послѣ которой оставалась въ постели въ теченіе 3 мѣсяцевъ, начала менструировать съ 14 лѣтъ, постоянно правильно черезъ 3-недѣльные промежутки, по 3—4 дня безболѣзненно и необильно. Климактерій наступилъ въ 49 лѣтъ безъ особо бурныхъ явленій.

Д. съ 13 лѣтняго возраста начала жаловаться на сердцебіеніе, при чемъ врачи, лѣчившіе въ то время больную опре-

дѣлили у нея органическій порокъ сердца, но какой именно, больной неизвѣстно.

Больная по 17 году вышла замужъ и 13 разъ была беременна; беременности переносила сносно, роды наступали во время и оканчивались всегда силами природы. Послѣродовые періоды, насколько припомнитъ больная, всегда протекали нормально.

Первыхъ шестерыхъ дѣтей больная выкормила сама, послѣднихъ не кормила потому, что врачи находили ее малокровною.

Я сталъ знать больную съ 53-лѣтняго возраста и объективное изслѣдованіе дало мнѣ слѣдующее. Больная очень малаго роста, слабаго, субтильнаго сложенія, худа, малокровна. Изслѣдованіе грудныхъ органовъ показываетъ — insufficientia valvulae mitralis въ рѣзко выраженной степени.

Коротко, не смотря на такое порочное сердце, Д. однако могла 13 разъ доносить беременность до нормальнаго срока, — разрѣшаться отъ бремени всегда произвольно, безъ помощи искусства, выкормить 6 дѣтей собственной грудью и дожить сносно до такого преклоннаго возраста.

Такой случай конечно можетъ привести въ смущеніе врача и заставить задуматься надъ циркулирующимъ мнѣніемъ относительно опасности въ случаѣ компликацій сердечныхъ пороковъ съ беременностью. Отнюдь нѣтъ. Подобные случаи только подтверждаютъ положеніе, какъ строго приходится клиницисту индивидуализировать больныхъ и сообразно этому направлять тѣ или иныя дѣйствія.

Послѣ только что приведенныхъ разсужденій о вліяніи вообще беременности, родовъ и послѣродоваго періода на теченіе пороковъ сердца, возвратимся къ нашей больной.

На основаніи субъективныхъ ощущеній самой беременной и въ особенности объективныхъ данныхъ, полученныхъ при повторныхъ изслѣдованіяхъ беременной, слѣдуетъ такой выводъ: порокъ сердца у нея не особенно значительно развитъ, появляющееся часто разстройство компенсаціи сердечной дѣятельности также незначительное и оно легко поддается устраненію при назначеніи фармацевтическихъ средствъ.

Слѣдовательно, имѣя въ виду только что сказанное, а также озабочиваясь о судьбѣ внутреутробнаго плода, мы считаемъ себя обязанными держаться экспектативной, выжидательной терапіи. Больная будетъ поставлена подъ строгое

наблюденіе, теченіе беременности будетъ предоставлено самой себѣ до того времени пока не появятся первые признаки разстройства сердечной компенсаціи, по наступленіи которыхъ будетъ снова примѣнено фармацевтическое лѣченіе.

Затѣмъ, если фармацевтическое лѣченіе будетъ оказываться успѣшнымъ, то слѣдуетъ держаться прежняго плана лѣченія, въ противномъ случаѣ придется прибѣгнуть къ другимъ, болѣе активнымъ, энергичнымъ пріемамъ.

Какъ Вы знаете веденіе лѣченія у данной беременной велось согласно принятому нами плану; не останавливаясь на излишнихъ подробностяхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что беременность, въ общемъ, шла все-таки сносно, больная чувствовала себя въ общемъ недурно. Правда, въ теченіе беременности нерѣдко появлялись нѣкоторыя разстройства сердечной дѣятельности, но такъ какъ эти разстройства не были значительны и скоро уступали примѣненію фармацевтическихъ средствъ, то беременность была предоставлена своему собственному теченію. Но въ концѣ IX мѣсяца беременности, при относительно хорошемъ общемъ состояніи беременной, она вдругъ безъ всякой видимой причины, почувствовала довольно сильныя схваткообразныя боли въ животѣ, при чемъ немедленно произведенное акушерское изслѣдованіе констатировало: влагалищная порція матки сдѣлалась короче и маточный зѣвъ замѣтно началъ раскрываться.

Послѣ предварительныхъ приготовленій роженица была переведена въ родильню и уложена въ кровать. Частыя и энергичныя схватки все болѣе и болѣе усиливались, такъ что черезъ часъ маточный зѣвъ уже раскрылся болѣе чѣмъ на 1$^1/_2$ сантим. и влагалищная порція сгладилась. При этомъ надъ теченіемъ родовъ было установлено строгое наблюденіе и особенно тщательно контролировалась сердечная дѣятельность роженицы. Роды шли безъ особенныхъ осложненій легко и подвигались быстро впередъ, такъ что отъ начала схватокъ до рожденія младенца роды продолжались едва 5 часовъ и безъ всякой помощи искусства. Послѣдовой періодъ прошелъ также нормально и placenta вышла черезъ 20 мин. послѣ рожденія плода.

Послѣ окончанія родовъ появилось паденіе пульса, но послѣдній скоро поднялся и общее состояніе родильницы не внушало никакихъ опасеній, кровотеченія не появлялось, матка сократилась недурно. Новорожденный мальчикъ родился слабоватымъ не доношеннымъ.

Что касается до дальнѣйшаго теченія послѣродового періода, то коротко — оно выразилось такъ. Самочувствіе родильниицы удовлетворительное, матка мала, тверда, хорошо сокращена, кровотеченія нѣтъ, послѣродовыя очищенія нормальны, точно также въ остальныхъ органахъ ничего ненормальнаго не замѣчается. Такъ прошло 5 дней послѣродоваго періода; но на 6-й день родильница стала жаловаться на сердцебіеніе и удушье. При объективномъ изслѣдованіи найдено: учащенный пульсъ до 115—120 въ минуту, наполненія ниже средняго, небольшой отекъ нижнихъ конечностей ниже колѣнъ, родильница представляется на видъ слабою, испуганною. Въ остальномъ никакихъ отступленій отъ нормы не обнаруживается. Послѣ назначенія digitalis сердечные припадки успокоились и родильница кромѣ слабости ни на что особенное не жаловалась. На 12-й день послѣ родовъ родильница по собственному желанію, въ сносномъ состояніи, выписалась изъ клиники, хотя ей предлагали еще нѣкоторое время остаться.

Я Вамъ указалъ раньше, г. г., что вліяніе беременности на теченіе пороковъ сердца не ограничивается только беременнымъ состояніемъ женщины, но оно сказывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ въ родовомъ актѣ, такъ и въ послѣродовомъ періодѣ. Поэтому, несмотря на то, что беременность и роды въ нашемъ случаѣ прошли относительно сносно, точно также и теченіе 10 дней пуэрпер альнаго состоянія не внушало никакихъ опасеній, тѣмъ не менѣе въ интересахъ самой больной, а также и раціональнаго клиническаго наблюденія мы не упускали изъ виду больную даже послѣ ея выхода изъ клиники.

И вотъ, что мы знаемъ о родильницѣ послѣ ея выхода изъ клиники: на второй день, какъ она возвратилась домой, безъ всякой видимой причины у больной развилось сильное сердцебіеніе, вслѣдъ за тѣмъ боли и судороги сначала въ лѣвой рукѣ, а потомъ въ лѣвой ногѣ. При попыткѣ встать больная упала. Когда больную перенесли въ постель, она сейчасъ-же замѣтила, что не владѣетъ всей лѣвой половиной

тѣла. При этомъ она все время оставалась въ полной памяти и помнитъ, что въ теченіе цѣлыхъ сутокъ испытывала головныя боли и головокруженіе. Аппетитъ въ это время былъ очень слабъ и при ѣдѣ часть жидкой пищи выливалась изъ лѣваго угла рта. При разспросахъ больная отмѣчаетъ, что жеваніе лѣвыми жевательными мышцами было затруднено, равно и глотаніе было также нѣсколько затруднено, но ясность рѣчи во все время не нарушалась.

Въ такомъ состояніи больная была перевезена въ терапевтическую госпитальную клинику; объективное изслѣдованіе больной, произведенное въ госпитальной клиникѣ, выяснило слѣдующее: больная лежитъ на кровати на спинѣ въ пассивномъ положеніи съ руками сложенными на груди, въ полномъ сознаніи. Она средняго роста, нѣжнаго тѣлосложенія, мускулатура плохо развита и дрябла. Жировой слой слабо выраженъ, кожа блѣдна, бѣлаго цвѣта, нигдѣ нѣтъ ціаноза, ни отековъ; она чиста, эластична. Больная жалуется на полную невозможность двигать лѣвой рукой и лѣвой ногой и кромѣ того на вытеканіе жидкой пищи изъ лѣваго угла рта; пульсъ 72 въ мин., посредственнаго наполненія. Органы дыханія — нормальны. — Органы пищеваренія: при принятіи пищи замѣчается, что нѣкоторая часть ея выливается назадъ изъ лѣваго угла рта; языкъ слегка обложенъ; глотаніе безпрепятственно.

Органы кровообращенія: артеріи, доступныя изслѣдованію мягки. Сердечный толчекъ въ 5 межреберномъ промежуткѣ, немного кнаружи отъ lin. mamillaris; правая граница сердца, равно и верхняя при перкуссіи оказываются неизмѣненными. При аускультаціи прослушивается шумъ въ систолической фазѣ сердца, рѣзче всего у его верхушки. Второй тонъ аорты и легочной артеріи акцентуированы.

Нервная система: жалуется на головную боль локализирующуюся въ области висковъ; боль эта теперь, впрочемъ, непостоянна и не особенно безпокоитъ больную. Сознаніе и рѣчь въ порядкѣ, зрѣніе неизмѣнено. Лицо ассиметрично: кожа лѣвой щеки и носогубная складка сглажена, — лѣвый уголъ рта опущенъ. Языкъ при высовываніи рѣзко отклоняется въ лѣвую сторону. Активныя движенія лѣвой руки очень ограничены: кисть и плечевой суставъ совершенно неподвижны. Лѣвая нижняя конечность способна къ бо́льшимъ движеніямъ: возможно сгибаніе и разгибаніе въ тазо-

бедренномъ и колѣнномъ сочлененіяхъ; отведеніе и приведеніе лѣвой ноги совершаются безъ труда. Подвижность голеностопнаго сустава ограничена.

Пассивныя движенія во всѣхъ суставахъ руки и ноги совершаются безпрепятственно. Судорогъ, дрожанія, атрофіи на лѣвой сторонѣ не замѣчается; чувствительность, и болевая, и температурная сохранены. Пателлярный рефлексъ лѣвой ноги повышенъ, а также костный и мышечный рефлексъ на той-же сторонѣ.

Сонъ спокойный около 8 часовъ въ сутки.

Относительно послѣдующаго теченія болѣзни у данной больной намъ извѣстно, что движенія въ конечностяхъ, особенно въ ногѣ, медленно, но дѣлались свободнѣе. Больная опираясь можетъ ходить, хотя во время ходьбы волочитъ ногу по полу. Больная жалуется на неопредѣленныя, тянущія боли и неопредѣленной локализаціи въ конечностяхъ. Языкъ все еще отклоненъ влѣво, носогубныя складки сглажены и мимика лѣвой половины лица ограничена. Въ такомъ положеніи больная находится и по сіе время.

Итакъ вслѣдствіе сложившихся благопріятныхъ обстоятельствъ относительно наблюденія за данной больной, мы имѣли возможность знать о состояніи ея здоровья и послѣ того, какъ она въ сносномъ положеніи оставила акушерскую клинику.

Мы знаемъ, что по выходѣ родильницы изъ нашей клиники, на 2-й день, повидимому, безъ всякой причины, съ ней сдѣлался припадокъ сильнаго сердцебіенія, вслѣдъ за тѣмъ она сначала почувствовала невозможность движеній лѣвой рукой и лѣвой нижней конечностью, а затѣмъ появились и другіе сопутствующіе припадки, словомъ, у больной внезапно появилась гемиплегія. Этіологическая связь между гемиплегіей и болѣзнями еердца извѣстна — происходитъ обыкновенно эмболія мозговыхъ артерій, вслѣдствіе чего появляются апоплектическіе припадки, которые и ведутъ въ большинствѣ случаевъ къ гемиплегіи. Такъ дѣло идетъ въ обыкновенныхъ случаяхъ и у женщинъ не находящихся въ беременномъ состояніи. Но когда пороки сердца осложняются беременностью, то работа этого и безъ того болѣзненно измѣненнаго органа увеличивается. При благопріятныхъ условіяхъ, сердце въ теченіе беременности, еще справляется съ новой работой, хотя въ это время и поя-

вляются нѣкоторыя разстройства сердечной компенсаціи, но послѣднія скоро уступаютъ различнымъ фармацевтическимъ средствамъ. Такимъ образомъ проходитъ беременность, наступаютъ роды, требующіе въ свою очередь новой усиленной затраты сердечной работы; проходятъ и роды относительно благопріятно, женщина вступаетъ въ послѣродовой періодъ съ значительно уже переутомленнымъ сердцемъ.

Наконецъ сердце не выдерживаетъ новыхъ предъявляемыхъ къ нему требованій, и, въ результатѣ — достаточно какого нибудь незначительнаго импульса, чтобы вызвать эмболію мозговыхъ артерій съ послѣдовательномъ апоплектическимъ припадкомъ и гемиплегическими явленіями.

Больная, подавшая поводъ къ настоящей нашей бесѣдѣ можетъ служить довольно убѣдительнымъ подтвержденіемъ только что сказаннаго. Дѣйствительно она чувствовала себя хорошо до беременности, но стоило ей только забеременѣть, какъ состояніе ея здоровья скоро измѣнилось къ худшему.

Появились разстройства сердечной компенсаціи, правда, не особенно большія и скоро уступавшія фармацевтическимъ средствамъ; но тѣмъ не менѣе самый фактъ появленія этихъ разстройствъ уже говоритъ за то, что на сердце возлагается непосильная работа. Далѣе, сама природа какъ бы стремилась облегчить работу сердца — произошли самопроизвольно преждевременные роды и родильница начала себя чувствовать лучше, но къ сожалѣнію не надолго.

Утомленное вслѣдствіе чрезмѣрной и продолжительной во время беременности и родовъ работы — сердце обезсилѣло и въ результатѣ появилась — эмболія, апоплектическій припадокъ съ послѣдовательной гемиплагіей.

Въ заключеніе разсужденій по поводу данной больной приходится сказать слѣдующее. Если пороки сердца осложняются беременностью и если въ теченіе послѣдней появляются признаки разстройства сердечной компенсаціи, какъ я указалъ выше, — нужно зорко слѣдить за происходящимъ.

Какъ бы ни были незначительны эти разстройства сердечной компенсаціи и какъ-бы скоро они ни уступали примѣненію фармацевтическихъ средствъ, но во всякомъ случаѣ самое появленіе этихъ разстройствъ уже убѣдительно говоритъ за то, что сердце трудно справляется съ предъявляемой къ нему работой; при томъ чѣмъ ранѣе наступаютъ признаки этихъ разстройствъ тѣмъ неотложнѣе

требуется энергическая акушерская помощь. Что касается до рода помощи, какая требуется въ подобныхъ случаяхъ, то въ этомъ отношеніи сама природа иногда указываетъ намъ тотъ путь, по которому слѣдуетъ идти въ такихъ случаяхъ. Преждевременное прерываніе беременности у страдающихъ пороками сердца единственно, что можетъ предотвратить грозящую опасность.

Что касается до времени, когда нужно прерывать беременность, то относительно этого вопроса нельзя высказаться категорически, приходится строго индивидуализировать. Одно можно сказать — чѣмъ ранѣе обнаруживаются у беременныхъ разстройства компенсаціи со стороны порочнаго сердца, тѣмъ ранѣе должна быть прекращена беременность.

Повидимому дѣло стоитъ такъ: нельзя утѣшаться даже тѣмъ обстоятельствомъ, что появляющіяся во время беременности небольшія разсройства въ дѣятельности порочнаго сердца, скоро уступаютъ примѣненію различныхъ фармацевтическихъ средствъ. Если такія разстройства слѣдуютъ часто одно за другимъ, то уже это одно обстоятельство говоритъ за то, что на данное сердце возлагается непосильная работа, и, это должно служить показаніемъ къ искусственному прерыванію беременности.

Совершенно иначе стоитъ дѣло, если при порокѣ сердца, осложненномъ беременностью, хотя и появляются незначительныя разстройства сердечной дѣятельности, но они и скоро уступаютъ примѣненію фармацевтическихъ средствъ и самыя разстройства компенсаціи, кромѣ своей незначительности, и появляются очень рѣдко. Въ такихъ случаяхъ, конечно, беременность должна быть предоставлена своему естественному теченію. Наконецъ еще благопріятнѣе будутъ тѣ случаи, когда не смотря на осложненіе беременностью пороковъ сердца — не появляется никакихъ разстройствъ сердечной компенсаціи; это служитъ доказательствомъ, что сердце хорошо справляется съ возложенной на него новой работой, вслѣдствіе чего, естественно, нѣтъ никакого показанія вмѣшиваться въ теченіе беременности.

Переводя только что высказанныя соображенія къ нашей больной, невольно получается слѣдующее. Больная, повидимому, имѣла порокъ сердца сравнительно давно, и пока она не была беременна, она чувствовала себя удовлетворительно. Но стоило только больной забеременѣть, какъ по-

рочное сердце стало проявлять довольно скоро свою несостоятельность относительно новой возлагаемой на него работы. Появились разстройства сердечной компенсаціи, правда довольно скоро проходившія при употребленіи различныхъ внутреннихъ средствъ, беременность протекала сносно, но все-таки до нормальнаго срока окончанія она не дошла и прекратилась, какъ мы знаемъ, произвольно на 9 мѣсяцѣ безъ всякихъ искусственныхъ поводовъ. Повторяю, мнѣ думается, въ такомъ преждевременномъ прекращеніи беременности слѣдуетъ признать стремленіе природы указать тотъ путь по которому мы должны слѣдовать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ случаяхъ комбинаціи пороковъ сердца и беременности.

Наша больная сносно справлялась съ беременностью, хотя сердце ея проявляло много разъ въ теченіе беременности свою несостоятельность; правда, эта несостоятельность всякій разъ скоро устранялась, наступили преждевременные роды, которые также прошли безъ особенныхъ осложненій, равно и первое время послѣродового періода, но въ этомъ послѣднемъ скоро проявилось вліяніе порочности сердца на организмъ родильницы — появилась эмболія мозговыхъ сосудовъ со всѣми послѣдствіями, присущими этому патологическому состоянію.

Конечно, эмболія мозговыхъ артерій съ послѣдовательной апоплексіей, гемиплегіей и т. д., явленіе не рѣдкое при порокахъ сердца безъ одновременнаго существованія беременности; но нельзя не признать, что беременность, роды и послѣродовой періодъ при этихъ обстоятельствахъ вносятъ извѣстный плюсъ, который содѣйствуетъ появленію эмболій. Чѣмъ нормальнѣе работаетъ сердце, чѣмъ менѣе оно утомлено, тѣмъ менѣе шансовъ къ появленію различныхъ осложненій — отсюда естественно вытекаетъ заключеніе по возможности облегчить работу больному сердцу. Поэтому, невольно навязывается замѣчаніе, если-бы у нашей беременной-больной искусственно ранѣе прекратить беременность въ то время, какъ стали появляться у нея довольно часто разстройства сердечной дѣятельности, несмотря на то, что послѣднія довольно легко устранялись, говорю, очень можетъ быть, наша больная была-бы избавлена отъ появленія новаго опаснаго страданія — эмболіи со всѣми тяжелыми послѣдствіями.

Итакъ, заканчивая нашу настоящую бесѣду объ ослож-неніи пороковъ сердца беременностью приходится высказать слѣдующее: Имѣя въ виду, что эта комбинація составляетъ очень серьезное, опасное осложненіе сердечной болѣзни, нужно строго индивидуализировать случаи, считаясь съ различными пороками сердца, съ вліяніями послѣднихъ на беременность, роды, или послѣродовой періодъ.

Кромѣ того, въ рѣшеніи вопроса, какъ о вліяніи беременности на данный порокъ сердца, такъ и въ особенности относительно тѣхъ мѣръ, которыя нужно предпринимать при этомъ, необходимо, такъ сказать, для болѣе легальной постановки вопроса обратиться къ компетенціи врача-терапевта.

Въ тѣхъ случаяхъ пороковъ сердца, когда беременность повидимому не оказываетъ никакого неблагопріятнаго вліянія на болѣзнь сердца — предоставить беременность естественному теченію до ея нормальнаго окончанія.

Если появляются при этомъ незначительныя разстройства сердечной компенсаціи, которыя появляются рѣдко и скоро уступаютъ примѣненію различныхъ фармацевтическихъ, средствъ, безъ всякихъ послѣдствій, то беременность также можетъ быть предоставлена ея естественному теченію при условіи тщательнаго наблюденія за больной.

Наконецъ послѣднее: если появляются, хотя и незначительныя разстройства сердечной компенсаціи, скоро поддающіяся терапевтическому вмѣшательству, но эти разстройства слѣдуютъ часто одно за другимъ — это уже должно служить поводомъ къ болѣе дѣятельному акушерскому вмѣшательству. Такія частыя, хотя и незначительныя разстройства сердечной компенсаціи — уже служатъ, да позволено будетъ выразиться, предварительной повѣсткой о грозящей — опасности данной беременной: здѣсь требуется возможно скорое прекращеніе беременности, не принимая въ расчетъ того срока до котораго достигла беременность въ данный моментъ.

Оглавленіе.

Предисловіе . . . . . 1.

I Вступительныя лекціи по пропедевтической клиникѣ . . . . . 7—43.

Значеніе клиническихъ занятій; особенности акушерско-гинекологической спеціальности, — Значеніе опроса больныхъ, планъ изслѣдованія. — Опросъ больныхъ; объективное изслѣдованіе всѣхъ органовъ, за исключеніемъ genitalia. — Наружное гинекологическое изслѣдованіе: осмотръ, ощупываніе, постукиваніе, выслушиваніе. — Гинекологическое изслѣдованіе: внутреннее и комбинированное. — Изслѣдованіе: per rectum, черезъ мочевой пузырь. — Инструментальное гинекологическое изслѣдованіе: зеркала, крючекъ Симса, маточный зондъ, зондированіе; искусственное расширеніе канала маточной шейки. — Микроскопическое изслѣдованіе. Акушерское изслѣдованіе наружное: осмотръ, измѣреніе живота и таза, измѣреніе внутреутробнаго плода, ощупываніе живота, постукиваніе — и выслушиваніе. — Внутреннее акушерское изслѣдованіе ручное, комбинированное, ректальное и инструментальное.

II Распознаваніе беременности у первобеременной и повторнобеременной. 44—58.

Рѣшеніе вопроса о беременности вообще; анамнезъ; данныя, рѣшающія вопросъ о первой беременности; опредѣленіе срока беременности; опредѣленіе положенія и жизни плода. Анатомическій характеръ таза. Разпознаваніе повторной беременности — анамнестическія и объективныя данныя. Выводы.

III Веденіе послѣдоваго періода . . . . . 59—85.

Исторіи родовъ; отдѣленіе послѣда по Schultze и по Duncan'у; анализъ дѣйствій акушера въ различныхъ случаяхъ послѣдоваго періода. — Дѣйствія акушера въ случаяхъ задержанія въ маткѣ остатковъ плоднаго яйца.

IV Мочевые свищи . . . . . 86—117.

Исторіи болѣзни: I) fistula vesico-vagino-cervicalis; II) fistula urethro-vesico-vaginalis, ruptura perinei inveterat. compl.; III) fistula urethro-

vaginalis. — Анализъ объективнаго изслѣдованія. — Приготовительное лѣченіе свищей. — Распознаваніе мочевыхъ свищей. — Предсказаніе. — Лѣченіе. — Этіологія и механизмъ происхожденія мочевыхъ свищей.

V Выкидыши . . . . . 118—140.

Исторіи болѣзни; — анализъ; этіологія; — распознаваніе; — предсказаніе; — лѣченіе. — Значеніе схваткообразныхъ болей во второмъ случаѣ выкидыша.

VI Поздняя внѣматочная беременность . . . . . 141—178.

Исторіи болѣзни; — изслѣдованіе первой больной; — операція; — изслѣдованіе плода и плодовмѣстилища. — Анализъ полученныхъ данныхъ при изслѣдованіи; — предсказаніе; — лѣченіе; послѣопераціонный періодъ; — аутопсія; — извлеченный живой плодъ; — резюме относителлно исхода болѣзни. Анализъ клиническихъ явленій у второй больной; — Распознаваніе; — лѣченіе; послѣопераціонный періодъ. — Замѣчанія объ исходахъ операцій, произведенныхъ у данныхъ больныхъ.

VII Anteflexio uteri gravidi, graviditas mens II, hyperemesis gravidarum . 179—209.

Исторія болѣзни; — клиническое наблюденіе; — опредѣленіе hyperemesis gravidarum; — этіологія; — распознаваніе; — предсказанія; — лѣченіе; — окончательные выводы относптельно разобранной больной. — Демонстрація и изслѣдованіе больной по ея выздоровленіи.

VIII Три случая выпаденія матки . . . . . 210—230.

Исторіи болѣзни; — анализъ полученныхъ при изслѣдованіи данныхъ; — распознаваніе; — предсказаніе; — лѣченіе.

IX О послѣродовыхъ кровотеченіяхъ . . . . . 231—245.

Этіологія; — симптоматологія; — распознаваніе; — предсказаніе; лѣченіе.

X Случай порока сердца, осложненнаго беременностью . . . . . 246—266.

Исторія болѣзни; — клиническое теченіе; — анализъ найденныхъ явленій; — роль акушера при данныхъ осложненіяхъ; — общія правила лѣченія а также примѣнительно къ разобранному случаю.

Труды того же автора:

Случай послѣродового абсцесса, вскрывшагося чрезъ брюшныя стѣнки. (Москов. Мед. Газ. 1877 г. № 13).

Механизмъ родовъ при гидроцефаліи изъ Акушерской клиники Москов. Университета. (Прот. Моск. Физико-Медиц. Общ. 1878 г.)

Роды при парезѣ одной половины тѣла изъ Акушер. клиники Моск. Университета. (Id.)

Перевязка внутренныхъ сѣмянныхъ артерій у собакъ, (id. 1879 г.)

Матеріалы для акушерской статистики г. Москвы. 1879 г.

Объ эпилепсіи беременныхъ. (Протоколы Моск. Медиц. Общ. 1880.)

О лѣченіи запущенныхъ, осложненныхъ выкидышей. (Международн. Клиника. 1883 г., № 5.)

Случай чрезмѣрнаго кровотеченія вслѣдствіе скарификацій влагалищной порціи матки. (Медиц. Обозр. 1884 г. № 2.)

Случай чревосѣченія при внѣматочной беременности съ удаленіемъ околоплоднаго мѣшка и погруженіемъ ножки въ брюшную полость. (Мед. Обозр. 1885 г. № 1 и Труды Моск. Физ.-Мед. Общ. 1885 г.)

Ein Fall von Laparatomie bei extra-uterin-Schwangerschaft mit Entfernung des Fruchtsackes und Einleitung des Fusses in die Unterleibshöhle. (Centrb. f. Gynaek. 1886 г. № 7.)

Замѣтки объ акушерско-гинекологическихъ клиникахъ въ Вѣнѣ. 1884 г.

Редакціи русск. перевода книги Dr. Landau — „Блуждающая печень и отвислый животъ у женщинъ“. 1886 г.

Къ симптоматологіи уретральныхъ камней у женщинъ. (Медиц. Обозр. 1887 г.)

Salpingotomia et ovariotomia sin., выздоровленіе, образованіе свища въ брюшныхъ покровахъ чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ операціи и выхожденіе проглотидъ чрезъ свищевое отверстіе. (Мед. Обозр. 1888 г. № 7 и Труды Моск. Акуш.-Гинекол. Общ. 1888 г.)

Къ вопросу о примѣненіи креолина въ гинекологіи и акушерствѣ. (Мед. Обозр. 1888 г. № 20).

Эхинококкъ тазовой клѣтчатки. (Мед. Обозр. 1889 г., № 9.)

Къ ученію о внѣматочной яичниковой беременности. (Журн. Акуш. и женск. болѣзней 1889 г., № 6.)

Etude sur la grossesse ovarienne.

Послѣродовыя кровотеченія.

Случай внѣматочной яичниковой беременности. (Труды Моск. Акуш. Гинекол. Общ. 1889 г. и Прот. Физ.-Мед. Общ. въ Москвѣ 1889 г.)

Къ вопросу о лѣченіи послѣродовыхъ заболѣваній. (Труды Москов. Акушер.-Гинекол. Общ. 1899 г.)

Медицинскій отчетъ женской лѣчебницы и родовспомогательнаго заведенія съ безплатными койками за 1886—87—88 гг. М. 1890 г.

Къ назуистикѣ выхожденія всей культи послѣ овріотоміи черезъ брюшно-пузырный свищъ. М. 1890 г.

Hernia abdominalis interrectalis sub partu. М. 1890 г.

Къ вопросу о коренномъ лѣченіи значительныхъ расхожденій прямыхъ брюшныхъ мышцъ вслѣдствіе родовъ. (Врачъ 1891 г.)

Нѣсколько словъ объ интраперитонеальномъ вливаніи нормальнаго раствора поваренной соли при чревосѣченіяхъ. (Мед. обозр. 1802 г.)

Fibromioma intraparietale polyposum submucosum. (Хир. Лѣтопись 1892 г.)

О пришиваніи матки къ передней брюшной стѣнкѣ при полныхъ выпаденіяхъ матки. (Мед. Обозр. 1893 г.

Къ лѣченію подслизистыхъ и межуточныхъ фиброзныхъ опухолей матки въ послѣродовомъ періодѣ. Жур. Ак. и Ж. болѣз. 1893 г.

О способахъ лѣченія внѣматочной беременности. (Труды IV пир. съѣзда.)

Къ ученію о распознаваніи и лѣченіи злокачественныхъ новообразованій тѣла матки. (Мед. обозр. 1893 г.)

Къ лѣченію внѣматочной беременности въ начальныхъ стадіяхъ ея развитія. М. 1893 г.

Къ вопросу о различныхъ измѣненіяхъ въ организмѣ женщинъ послѣ удаленія маточныхъ придатковъ. М. 1894 г.

Случай скручиванія ножки овріальной опухоли. (Мед. обозр. 1895 г.)

Къ вопросу о пересадкѣ саркомы (sarcoma globocellulare cum cellulis magnis) на здоровыя части тѣла у той-же самой больной. (Еженедѣльникъ 1895 г.)

Къ вопросу о кровотеченіи въ полость дермоида яичника при маточной беременности, симулирующемъ разрывъ плодовмѣстилища при внѣматочной беременности. (Ж. Акуш. и жен. болѣз. 1895 г.)

О выскабливаніи, какъ способѣ для производства искусственнаго законнаго выкидыша. (Ж. Акуш. и Женск. болѣз. 1896 г.)

Очерки клиническихъ наблюденій надъ внѣматочной беременностью. (Отдѣльн. книга съ 64 рисунками 375 стр. СПБ. 1886 г.)

Введеніе въ курсъ акушерства и гинекологіи въ связи съ клиническими методами преподаванія. Юрьевъ 1898.

Къ вопросу о наружномъ поворотѣ плода на головку при косыхъ положеніяхъ его. М. 1898 г.

Замѣчанія о послѣродовыхъ кровотеченіяхъ. М. 1899.

О нѣкоторыхъ осложненіяхъ послѣ операціи укороченія круглыхъ маточныхъ связокъ во время беременности, родовъ и въ небеременномъ состояніи женщинъ. СПБ. 1899 г.

De quelques complications après l'opération du raccourcissement de ligaments ronds de la matrice pendant la grossesse, pendant l'accouchement et après la grossesse. 1899.

Къ ученію о внѣматочной беременности въ позднемъ періодѣ ея развитія и при живомъ плодѣ. (Ж. Акуш. и жен. болѣз. 1899 г.)

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: оффиціальный и научный.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ помѣщается годовой отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертаціяхъ, обозрѣніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Е. Шмурло.**